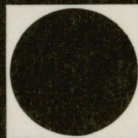

Зарубежная

фантастика

Артур Кларк
Джентри Ли
РАМА ЯВЛЕННЫЙ

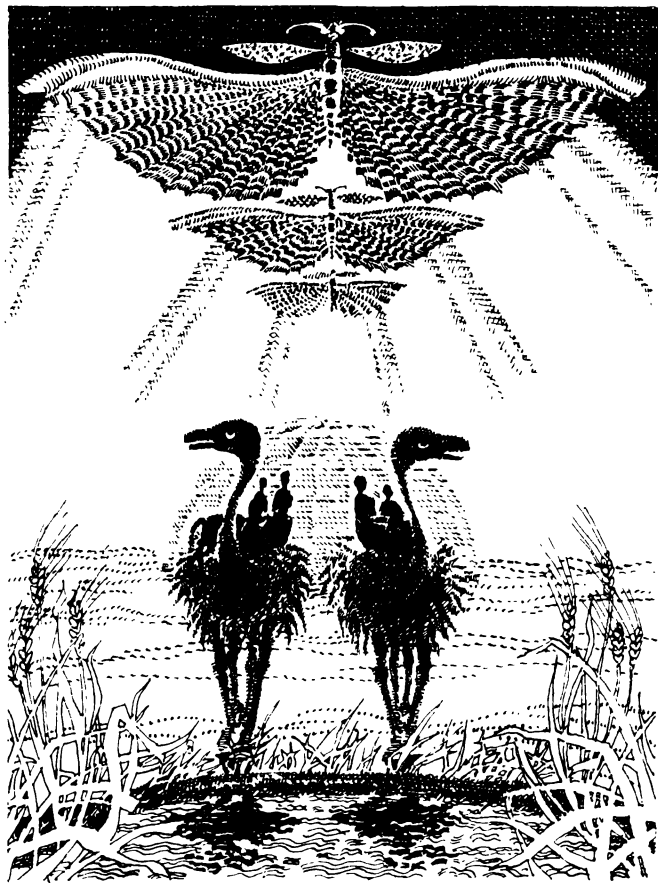
Артур Кларк
Джентри Ли
РАМА ЯВЛЕННЫЙ
Научно-фантастический
роман

Издательство «Мир»

Зарубежная фантастика

RAMA REVEALED

Arthur C. Clarke
and
Gentry Lee

VICTOR GOLLANCZ
London 1993

Зарубежная

фантастика

Артур Кларк,
Джентри Ли
РАМА ЯВЛЕННЫЙ
Научно-фантастический
роман

Перевод с английского
Ю. Р. Соколова

Москва «Мир» 1996

**ББК 84.7 Вл.
К47**

Кларк А., Ли Дж.

**К47 Рама явленный: Научно-фантаст. роман:
Пер. с англ. — М.: Мир, 1996. — 768 с. —
(Зарубеж. фантаст.)**

ISBN 5-03-003130-8

Заключительный роман из цикла произведений о Раме классика мировой научно-фантастической литературы и известного специалиста по космическим исследованиям.

Для любителей фантастики и широкого круга читателей.

ББК 84.7 Вл.

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

**ISBN 5-03-003130-8 (рус.)
ISBN 0-575-05577-4 (англ.)**

© Arthur C. Clarke
and Gentry Lee 1993
© перевод на русский
язык, художественное
оформление, «Мир»,
1996

Пролог

Одинокая, ничем не примечательная желтая звездочка медленно обращается в одном из внешних спиральных рукавов галактики Млечный Путь вокруг его центра, отделенная от него тридцатью тысячами световых лет. Эта стационарная звезда — Солнце — завершает свой полный оборот по галактической орбите за двести двадцать пять миллионов лет. Когда Солнце в последний раз находилось в нынешнем положении относительно центра Галактики, огромные рептилии только что начали устанавливать свою власть на Земле — небольшой голубой планете, одном из спутников Солнца.

Среди планет и небесных тел, составляющих семейство Солнца, лишь на Земле возникла сложная жизнь и просуществовала долгие эры. Только в этом мире химические соединения путем эволюции достигли разума, а потом, познав чудеса и размеры Вселенной, начали задавать себе вопрос: может ли где-нибудь еще повториться чудо, подобное тому, которое породило их самих?

В конце концов, рассуждали разумные земляне, лишь в нашей Галактике насчитывается сто миллиардов звезд. И мы достаточно обоснованно полагаем, что по меньшей мере 20% этих звезд имеют планеты, а малая, но все же значительная доля таких планет хотя бы какое-то время своей истории обладала атмосферными и температурными условиями, допускающими образование аминокислот и прочих органических соединений, *без которых* мы не в состоянии представить себе

биологию. По крайней мере однажды в истории Земли эти аминокислоты обрели способность к самовоспроизведению — тогда и началось чудо эволюции, породившей в итоге человеческие существа. Разве можно предполагать, что подобные обстоятельства возникли лишь однажды во всей истории Вселенной? Тяжелые атомы, без которых нельзя создать живой организм, образовались в звездных катаклизмах, миллиарды лет прокатывавшихся по Вселенной. Возможно ли, что только здесь — на одной-единственной планете — эти атомы объединились в особые молекулы, из которых сложены тела разумных существ, способных задать вопрос: одиноки ли мы во Вселенной?

Люди Земли начали искать своих космических братьев сперва с помощью телескопов, которые позволили им разглядеть лишь ближайшие окрестности. Техника сделала следующий шаг, и автоматические космические аппараты полетели к другим планетам, чтобы отыскать признаки биологической жизни на их поверхности. Однако эти исследования показали, что ни на одном небесном теле, входящем в нашу Солнечную систему, никогда не существовало разумной жизни. Так что, если кто-нибудь там все-таки есть, заключили земные ученые, если существуют разумные существа, с которыми мы могли бы, наконец, установить связь, они обитают по ту сторону бездны, что отделяет нашу Солнечную систему от других звезд.

К концу XX века по земному летоисчислению мощные антенны Земли начали обшаривать небо, стараясь уловить в нем когерентные сигналы,

несущие радиопослания чужого разума. Поиск продолжался более столетия; достигнув апогея в первой декаде ХХІ века — звездного часа международной науки, — к концу века он пошел на спад, когда четвертый комплекс сложных прослушивающих приборов не сумел обнаружить сигналов инопланетян.

И к 2130 году, когда в нашей Солнечной системе обнаружился странный цилиндрический объект, подавляющая часть людей полагала, что жизнь, должно быть, редка во Вселенной, а разум, если он и впрямь существует где-нибудь вне Земли, встречается еще реже. Иначе как объяснить, говорили ученые, отсутствие положительного результата после всех усилий, потраченных в последнем столетии на поиски внеземного разума.

Тогда Землю ожидало потрясение. После тщательного исследования объект, вошедший в Солнечную систему в 2130 году, признали искусственным, созданным инопланетянами. Наконец-то земляне получили несомненное доказательство существования разума во Вселенной, хотя бы в прошлом. Земной космический корабль, находившийся в рейсе, изменил курс и направился навстречу серому цилиндрическому бегемоту; этот космический корабль мог бы вместить любой крупный город Земли. Космонавты-исследователи обнаруживали на небесном госте тайну за тайной, но так и не сумели ответить на основные вопросы о природе загадочного инопланетного корабля. Пришелец со звезд ничем не намекнул на свое происхождение и предназначение.

Первая группа исследователей просто катало-

гизировала чудеса Рамы — так был назван гигантский цилиндр, еще до того, как стало известно, что он имеет искусственное происхождение, — побывала внутри его и составила карту. Когда исследователи оставили Раму, а инопланетный корабль, обогнув Солнце, покинул нашу систему с гиперболической скоростью, ученые смогли подробно проанализировать всю информацию, собранную экспедицией. Все согласились в одном: люди, посетившие Раму, так и не встретились с истинными создателями таинственного космического аппарата. Однако тщательный анализ позволил обнаружить принцип, заложенный в основу конструкции Рамы: принцип двойного дублирования. Все основные системы и подсистемы космического корабля были продублированы дважды. Рамане все проектировали тройками. И ученые предположили, что в ближайшее время могут появиться еще два подобных гостя из далекого космоса.

Годы, следовавшие за визитом Рамы I, были полны ожидания. Ученые и политики объявили о начале Новой эры в истории человечества. Международное космическое агентство (МКА) совместно с Советом Объединенных Правительств (СОП) разработало подробные процедуры, которыми предлагалось руководствоваться во время нового посещения Рамы. Все телескопы были обращены к небесам, астрономы и обсерватории оспаривали друг у друга право первым обнаружить еще одного Раму. Но очередного зрелища не последовало.

Во второй половине 2130-х годов экономический бум, отчасти усиленный общемировой реакцией на

Раму, внезапно закончился. Мир погрузился в глубочайшую депрессию, которой еще не знала история, названную Великим хаосом. Ее сопровождал разгул анархии и беззакония. В эти скорбные годы все научные исследования были заброшены, и спустя несколько десятилетий внимание человечества было обращено лишь к мирским проблемам. Люди уже почти забыли так и оставшуюся нерешенной загадку.

Но в 2200 году в Солнечную систему прибыл второй цилиндрический гость. Люди Земли стряхнули пыль со старых методик, разработанных после прощания с первым Рамой, и приготовились встречать Раму II. В экспедицию отправилось двенадцать человек. Вскоре после стыковки дюжина землян обнаружила, что второй космический аппарат почти во всем идентичен своему предшественнику. Люди встретились в нем с новыми тайнами и чудесами, даже с инопланетянами, но все же не сумели понять, куда и зачем направляется Рама.

Три странные смерти унесли трех членов экипажа и вызвали на Земле великую тревогу; за ходом исторического полета вся планета следила по телевизорам. И когда огромный цилиндр совершил маневр, который вывел его на траекторию соударения с Землей, тревога перешла в страх. Главы государств без колебаний решили, что отсутствие информации не дает им возможности выбора, и им оставалось только предположить, что Рама II проявил враждебность. Они не могли допустить, чтобы космический корабль чужаков столкнулся с Землей или даже просто подошел к

ней на расстояние, позволяющее воспользоваться оружием, которым он мог располагать.

Было принято решение уничтожить Раму II в безопасном удалении от Земли.

Исследователям приказали отправляться домой, но трое из них — двое мужчин и одна женщина — оставались на борту Рамы II, когда инопланетный космический аппарат уклонился от соударения с ядерной армадой, высланной, чтобы преградить ему путь к Земле. Рама повернул от враждебной Земли и, набрав скорость, оставил Солнечную систему, унося в себе неразгаданные тайны и трех пассажиров.

Тринадцать лет путешествия на релятивистских скоростях потребовались Раме II, чтобы добраться из окрестностей Земли к месту назначения: огромному инженерному комплексу, именуемому Узлом и находящемуся на далекой орбите вокруг Сириуса.

К трем людям, отправившимся в путь на борту корабля, добавилось еще пятеро — дети сделали их семьей. Удивляясь чудесам, обнаруженным в космосе, человеческая семья вновь встретилась с уже знакомыми инопланетянами. Однако, достигнув Узла, люди уже успели убедиться в том, что вместе с этими инопланетянами они являются единственными пассажирами Рамы.

Люди провели в Узле чуть более года.

За это время космический аппарат Рама был реконструирован и переоснащен для третьего, последнего путешествия в Солнечную систему. Семья узнала от Орла, небιологического существа, созданного разумом Узла, что подобные Раме

аппараты предназначены, чтобы собирать и каталогизировать всю разнообразную информацию о расах космоплавателей, населяющих нашу Галактику. Орел, существо с головой, клювом и глазами земного орла и человеческим телом, сообщил им, что внутри последнего, третьего Рамы устроят поселение, пригодное для землян, где смогут удобно разместиться две тысячи человек.

Из Узла на Землю была послана видеопередача, предупреждающая людей о грядущем возвращении третьего Рамы. В ней сообщалось, что опередившие в своем развитии человечество инопланетяне собираются провести длительные наблюдения и исследования человеческого общества; они потребовали, чтобы две тысячи людей отправились на орбиту Марса встречать Раму III.

Путешествие от Сириуса к Солнечной системе Рама III совершил со скоростью, превышающей половину световой. Внутри огромного космического аппарата в специальных камерах спали люди — почти все члены семьи, побывавшей в Узле. На орбите Марса их ждала радость — встреча с землянами, посланцами родной планеты. Поселение внутри Рамы они заселили быстро. Земную колонию, названную Новым Эдемом, от внутренней части космического корабля отделяла непроницаемая оболочка.

Почти немедленно после этого Рама III разогнался до релятивистских скоростей; путь его из нашей Солнечной системы лежал к желтой звезде Тау Кита. Три года миновали без существенных событий в жизни людей. Жители Нового Эдема

углубились в повседневную жизнь и забыли о Вселенной, окружающей их колонию.

Но шаткую демократию, сложившуюся в раю, созданном раманами для людей, потрясла серия кризисов; власть захватил своевольный заправила-тайкун, немедленно начавший притеснять несогласных. Один из исследователей — пассажир Рамы II — бежал из Нового Эдема, случайно вступив в контакт с симбиотической парой инопланетных существ, обитавших на корабле во втором поселении — возле землян. Его жена оставалась среди людей, безуспешно пытаясь пробудить в них совесть. Через несколько месяцев ее заключили в тюрьму, обвинили в предательстве и вынесли смертный приговор.

Условия и уровень жизни внутри Нового Эдема продолжали ухудшаться, поэтому люди захватили ближайший к ним район в Северном полуцилиндре Рамы и объявили войну на уничтожение соседям: симбиотической паре разумных инопланетян. Тем временем загадочные рамане, о существовании которых свидетельствовала только гениальная техника, продолжали дистанционные наблюдения, понимая, что люди обязательно вступят в контакт с весьма развитым видом, населявшим область к югу от Цилиндрического моря...

Побег

1

— Николь. — Поначалу ей показалось, что негромкий механический голос она слышит во сне. Вновь услышав свое имя — на этот раз чуть громче, — Николь вздрогнула и пробудилась.

Волна жуткого страха окатила ее. *За мной пришли*, подумала Николь. *Настало утро. И я умру через несколько часов.*

Она глубоко вздохнула и попыталась взять себя в руки. Помедлив несколько секунд, Николь открыла глаза. В камере было совершенно темно. Озадаченная Николь оглянулась, стараясь взглядом найти окликавшую ее личность.

— Мы здесь... на твоём топчане возле правого уха, — проговорил очень тихий голос. — Ричард послал нас, чтобы устроить твой побег... но действовать мы должны быстро.

На мгновение Николь показалось, что она все еще спит. А потом она услышала другой голос, очень похожий на первый, но тем не менее слова были различимы. — Перевернись на правый бок и мы осветим себя.

Николь повернулась. На топчане возле ее головы стояли две крошечные фигурки, восьми или десяти сантиметров высотой, по-видимому, женские. И вдруг они словно засветились изнутри. Одна из них, коротко стриженная, была облачена в европейские рыцарские доспехи XV столетия. Голову второй венчала корона над пышным платьем средневековой королевы.

— Я Жанна д'Арк, — провозгласила первая.

— А я Алиенора Аквитанская.

Нервно расхохотавшись, Николь удивленно поглядела на обе фигурки.

Чуть позже, когда внутреннее освещение роботов погасло, Николь, наконец, собралась и заговорила.

— Итак, Ричард послал вас, чтобы вы помогли мне бежать? — сказала она шепотом. — И как же мы это сделаем?

— Мы уже заблокировали всю систему слежения, — с гордостью произнесла крошечная Жанна, — и перепрограммировали Гарсиа... Она придет сюда через несколько минут и выпустит тебя на свободу.

— У нас есть базовый план побега и несколько вариантов, — добавила Алиенора. — Ричард продумывал их несколько месяцев — после того как закончил изготавливать нас.

Николь расхохоталась. Она была ошеломлена.

— В самом деле? А можно ли поинтересоваться, где сейчас находится мой гениальный муж?

— Ричард живет в вашем старом доме под Нью-Йорком, — ответила Жанна. — Он велел передать, что там ничего не изменилось. Он следит за нами по навигационному радиомаяку... Кстати, Ричард просил передать, что любит тебя и не забыл...

— Не двигайся, — перебила ее Алиенора, когда Николь автоматически поскребла за правым ухом. — Я устанавливаю на тебе индивидуальный навигационный маяк, мне тяжело это делать.

Мгновение спустя Николь прикоснулась к

крошечному приборчику, оказавшемуся за ее ухом, и покачала головой.

— А он может сейчас *слышать* нас? — спросила она.

— Ричард решил, что переговоры — вещь рискованная, — ответила Алиенора.

— Их легко могут перехватить люди Накамуры... а так он будет хотя бы, знать где мы находимся.

— А теперь вставай, — сказала Жанна, — и одевайся. Мы должны быть готовы к приходу Гарсиа.

Неужели чудеса никогда не прекратятся? — думала Николь, в темноте омывая лицо в голубой раковине. Николь вдруг пришло в голову, что оба робота могут участвовать в каком-нибудь хитроумном замысле Накамуры, а ее ждет смерть при попытке к бегству. Невероятно, немыслимо, сказала она себе несколько мгновений спустя. Даже если среди подручных Накамуры найдется человек, способный создать подобных роботов, лишь Ричард знает меня настолько, чтобы придать им обличье Жанны д'Арк и Алиеноры Аквитанской... Кстати, зачем им убивать меня при попытке к бегству? Все равно утром меня ждет электрический стул.

К решетке снаружи подошла Гарсиа. Николь напряглась, еще не веря, что крошечные подруги действительно сказали ей правду.

— Садись на топчан, — услышала она голос Жанны, — чтобы мы с Алиенорой могли забраться к тебе в карман.

Николь ощутила, как оба робота карабкаются

по подолу ее платья. Она улыбнулась. *Ты у меня удивительный, Ричард*, подумала она. *И как чудно знать, что ты жив.*

Посвечивая фонариком, в камеру Николь с важным видом вошла Гарсиа.

— Пойдемте со мной, миссис Уэйкфилд, — объявила она громким голосом. — Я получила приказ перевести вас в подготовительное помещение.

Николь вновь испугалась, биот явно не обнаруживал дружелюбных намерений. *Что, если...* впрочем, времени на размышления уже не оставалось. Гарсиа торопливо вела Николь по коридору. Через двадцать метров они миновали караул биотов, которым командовал молодой офицер; Николь еще не приходилось встречать его.

— Подождите, — окликнул их офицер, когда Николь с Гарсиа уже собиралась подняться на лестницу. Николь застыла.

— Ты забыла расписаться, — проговорил человек, протягивая документы Гарсиа.

— Безусловно, — ответила та, с шиком проставляя на бумаге свой идентификационный номер.

И менее чем через минуту Николь оказалась за пределами дома, где провела в заточении несколько месяцев. Она глубоко вдохнула свежий воздух и направилась следом за Гарсиа по тропе к Сентрал-Сити.

— Нет, — услышала Николь голос Алиеноры, донесшийся из кармана. — Не за биотом. Поворачивай на запад, к той ветряной мельнице с фонарем на крыше. Придется бежать со всех ног, мы должны оказаться у Макса Паккетта до рассвета.

Тюрьма ее оказалась почти в пяти километрах от фермы Макса. Николь ровно трусила по небольшой дорожке, время от времени ее подгонял то один, то другой робот — они старательно следили за временем. До рассвета оставалось немного. На Земле переход от ночи ко дню происходит постепенно, но в Новом Эдеме рассвет наступал внезапно. Только что было темно, а в следующий момент загоралось искусственное солнце, начинавшее выписывать небольшую дугу по куполу над поселением.

— Осталось двенадцать минут до света, — проговорила Жанна, когда Николь добралась до велосипедной дорожки, которую от фермы Макса Паккетта отделяли две сотни метров. Николь уже почти теряла силы, но продолжала бежать. Два раза во время бега она ощутила тупую боль в груди. *Нечему радоваться, надо же было настолько потерять форму*, подумала она, ругая себя за то, что забывала упражняться в камере. *Впрочем, мне уже почти шестьдесят.*

В домике огней не было. Николь поднялась на крыльцо, пару раз вздохнула, переводя дыхание. Дверь отворилась.

— Я ждал тебя, — проговорил Макс с озабоченным выражением на открытом лице, только подчеркивавшим серьезность ситуации. Он торопливо обнял Николь и, увлекая ее в сторону амбара, бросил: — Следуй за мной.

— Пока полицейских машин на дороге не видно, — произнес Макс, когда они оказались внутри амбара. — Возможно, они еще не обнаружили, что ты сбежала. Но это произойдет через какие-нибудь минуты.

Цыплят он держал на дальней стороне амбара. У кур было свое помещение — отдельно от петушков. Когда Макс и Николь вошли в курятник, там поднялся шум. Птицы бросились во все стороны, кудахта, вскрикивая и шумно ударяя крыльями. В курятнике стояла жуткая вонь.

Макс улыбнулся.

— А я уже и позабыл, что это мне одному куриное дерьмо духами кажется. Еще бы — я давно уже принюхался к нему. — Он легко похлопал Николь по спине. — Кто знает, быть может и вонь тоже защитит тебя. А внизу особо пахнуть не будет.

Отогнав с пути нескольких кур, Макс подошел к уголку курятника и встал на колени.

— Когда ко мне явились эти забавные крохи-роботы, посланные Ричардом, — сказал он, отодвигая в сторону сено и куриный корм, — я все не мог решить, где мне тебя укрыть, а потом подумал об этом месте. — Макс поднял пару досок, под ними в полу обнаружилось прямоугольное отверстие. — И, по-моему, не ошибся.

Он пригласил Николь последовать за ним и первым заполз в дыру. Став на четвереньки, они направились по грунтовому ходу сперва параллельно полу, но через несколько метров он круто повернул вниз. Было очень тесно. Николь то и дело натывалась на Макса, ползшего впереди нее, на земляные стены и потолок.

Путь освещал лишь небольшой фонарик, который Макс сжимал в правой руке. Через пятнадцать метров узкий тоннель привел их в темное помещение. Макс осторожно спустился вниз по

веревочной лестнице, затем повернулся, чтобы помочь Николь. А когда они оба оказались в середине подземной каморки, Макс протянул руку вверх и включил единственную электрическую лампу.

— Конечно, не дворец, — проговорил он, пока Николь оглядывалась, — но я бы сказал, что здесь просто здорово, если сравнить с твоей камерой.

В комнате оказались постель, кресло, две полки с едой, еще одна с электронными книжными дисками; в открытом шкафчике висела кое-какая одежда. Были туалетные принадлежности: большой таз с водой, который едва удалось протащить через проход, и глубокое квадратное отхожее место, устроенное в дальнем углу.

— И ты сделал все это один? — спросила Николь.

— Угу, — ответил Макс. — По ночам... за несколько последних недель. Я не рискнул попросить у кого-нибудь помощи.

Николь была глубоко тронута.

— Как же мне отблагодарить тебя?

— Не попадись, — ухмыльнулся Макс, — помереть я хочу не больше, чем ты... Да, кстати, — добавил он, вручая Николь электронное читающее устройство, с помощью которого она могла читать книжные диски, — надеюсь, что чтиво тебе подойдет. Справочники по свиноводству и цыплячьим болезням, конечно, не столь занимательны, как романы твоего отца, но я не хотел привлекать к себе внимание, забирая из книжного магазина непривычный груз.

Николь пересекла комнату и поцеловала его в щеку.

— Макс, — проговорила она с пылом, — ты такой хороший друг, я просто не могу представить как...

— Наверху настал рассвет, — вмешалась Жанна д'Арк из кармана Николь. — В соответствии с нашим графиком мы запаздываем. Мистер Паккетт, мы должны внимательно осмотреть наш маршрут, прежде чем вы нас оставите.

— Ну, дерьмо, — проговорил Макс. — Вот она, моя судьба: выслушивать приказы от робота ростом не выше коробки сигарет. — Он вынул Жанну и Алиенору из карманов Николь и поместил их на верхнюю полку — за банку с фасолью. — Вы видите эту маленькую дверь? С другой стороны есть труба, она проходит как раз за свинарником... Можете проверить и выйти наружу.

Через одну-две минуты после того, как роботы отправились наружу, Макс принялся объяснять ситуацию Николь.

— Полиция будет искать тебя повсюду, — сказал он. — Особенно здесь, поскольку все знают, что я друг вашей семьи. Поэтому я намереваюсь завалить вход в твое убежище. Припасов тебе должно хватить на несколько недель. — И прокомментировал со смешком: — К тому же роботы могут свободно входить и выходить, если только их свиньи не слопают. Они будут единственной твоей связью с внешним миром и дадут тебе знать, когда настанет время приступать к исполнению второго этапа плана побега.

— Значит, я не скоро снова увижу тебя? — спросила Николь.

— Во всяком случае, не раньше, чем через несколько недель, — ответил Макс. — Это слишком опасно... Кстати, когда сюда нагрянет полиция, я отключу электричество в твоём подполье — будешь сидеть тихо, как мышь.

Алиенора Аквитанская уже стояла на полке возле банки с фасолью.

— Удобный маршрут, — заявила она. — Жанна оставила нас на несколько дней. Она намеревается покинуть поселение и связаться с Ричардом.

— Ну, теперь и мне пора уходить, — обратился Макс к Николь. Он помолчал несколько секунд. — Но сперва я должен сказать тебе одну вещь, моя милая дама... Как ты, наверное, догадываешься, всю свою жизнь я был клепанным циником. Не так уж много людей произвели на меня впечатление. Но *ты* сумела убедить меня в том, что хоть кое-кто из нас, людей, стоит выше свиней и цыплят. — Макс улыбнулся. — Таких не много, — добавил он торопливо, — хорошо уже то, что попадают.

— Спасибо тебе, Макс, — проговорила Николь.

Макс подошел к лестнице, обернулся и помахал ей, прежде чем начать подъем.

Николь опустилась в кресло и глубоко вздохнула. Судя по звукам, доносившимся из тоннеля, она заключила, что Макс заваливает вход в укрытие огромными мешками с кормом для цыплят.

Итак, что же теперь будет? — спросила себя

Николь. Она поняла, что в эти пять дней, следовавших за вынесением приговора, слишком мало думала о чем-либо еще, кроме приближающейся смерти. И более не страшась внутренней цензуры, Николь позволила мыслям течь своим путем.

Сперва она подумала о Ричарде, муже и друге, которого не видела уже более двух лет. Николь ярко помнила последний вечер, проведенный с ним вместе, эту жуткую вальпургиеву ночь убийств и разрушений; вечер, начинавшийся с радости и надежды — со свадьбы ее дочери Элли и доктора Роберта Тернера. *Ричард не сомневался, что нас тоже ждала смерть, вспоминала она. Скорее всего он был прав... Но побег отвлек гнев новых властей на него, и меня на какое-то время оставили в покое.*

Я уже решила, что ты умер, думала Николь. Ричард, мне следовало бы иметь больше веры... но каким же образом тебе удалось вновь очутиться в Нью-Йорке?

Она сидела в единственном кресле в своей подземной комнате, и сердце ее ныло от тоски по мужу. Николь улыбнулась нескольким слезинкам, прокатившимися по ее лицу следом за воспоминаниями. Она снова увидела себя в птичьем подземелье на Раме II, годы и годы назад, в недолгом плену у странных птицеподобных существ, осмысленно бормотавших и вскрикивавших, обращаясь к ней. Рискуя жизнью, Ричард нашел ее там. Он вернулся в Нью-Йорк, чтобы найти Николь, рассчитывая обнаружить ее живой.

Если бы Ричард не вернулся к ней, Николь навсегда бы осталась на этом острове.

Чтобы возвратиться к друзьям-космонавтам из экспедиции «Ньютон», они отыскиали способ перебраться через Цилиндрическое море. Ричард и Николь стали любовниками. Она была удивлена и обрадована ощущениями, которые пробудили в ней воспоминания о начале их любви. *Мы вместе перенесли атаку армады ракет. Мы сумели пережить даже мое дурацкое стремление обеспечить генетическое разнообразие среди своих отпрысков.*

Николь дернулась, вспомнив о своей давнишней наивности. *Ты простил меня, Ричард, хотя тебе так сложно было это сделать. А потом мы сошлись даже еще ближе — в Узле, во время долгих переговоров с Орлом.*

Так что же на самом деле представляет собой Орел? — вновь удивилась Николь, переменив направление мыслей. Кто или что создало его? Ей ярко представилось странное существо, бывшее их единственным гостем во время пребывания в Узле, пока там реконструировали космического левиафана. Инопланетное существо с телом человека и лицом орла сообщило людям, что оно создано искусственным разумом специально для общения с людьми. Но в глазах его виделось нечто невероятное, в них была тайна, граничащая с мистикой, вспоминала Николь. Они пронзали меня подобно глазам Омэ.

В зеленом облачении колдуна племени сенуфо ее прапрапрадед Омэ явился Николь в Риме за две недели до старта экспедиции «Ньютон». Дважды до этого Николь встречалась со стариком в

родной деревне ее матери в Республике Берег Слоновой Кости. Первая встреча произошла во время обряда поро, когда Николь было семь, вторая — три года спустя на похоронах матери. Во время этих недолгих встреч Омэ подготавливал Николь к будущей жизни и сулил ей необычайную судьбу. Именно Омэ поведал Николь, что она окажется той самой женщиной, которая, по преданиям сенуфо, должна нести семя их племени «даже до звезд».

Омэ, Орел... Ричард, думала Николь. Странная компания, если не сказать большего.

Лицо Генри, принца Уэльского, возникло рядом с лицами троих мужчин, и Николь на миг вспомнилась всепоглощающая страсть их короткой любви... Эти три дня после олимпийской победы. Она невольно поежилась, припоминая боль разлуки. *Но без Генри,* напомнила она себе, *не родилась бы Женестьева.* Вспоминая любовь, которую делила со своей дочерью на Земле, Николь бросила быстрый взгляд через комнату на полку с электронными книжными дисками. Отвлечшись, она подошла к полке и начала читать заголовки. Конечно же, Макс снабдил ее кое-какими руководствами по выращиванию свиней и цыплят. Но ими дело не ограничилось. Похоже, он предоставил Николь всю свою библиотеку.

Вытащив книжку сказок, Николь улыбнулась и вставила диск в читающее устройство. Она перелистала страницы и остановилась на сказке о Спящей Красавице. Вслух прочитав слова «а потом они жили долго и счастливо», Николь необычайно остро ощутила себя маленькой девочкой, лет шести

или семи, сидящей на коленях отца в их доме в парижском пригороде Шилли-Мазарин.

В детстве я хотела стать принцессой, а потом жить долго и счастливо. Откуда было знать, что рядом с моей судьбой даже сказка покажется пресной.

Николь вернула книжный диск на полку и возвратилась в кресло. И вот, подумала она, праздно оглядывая комнату, когда я наконец решила, что моя немыслимая жизнь, наконец, завершилась, судьба даровала мне по крайней мере еще несколько дней.

Она вновь вспомнила о Ричарде и тоска возвратилась. Мы так много с тобой разделили, мой Ричард. Я надеюсь, снова сумею ощутить твое прикосновение услышать твой смех, увидеть твое лицо, но если этого не случится, постараюсь не жаловаться. В моей жизни и без того было столько чудес.

2

Элеонора Уэйкфилд-Тернер появилась в большой аудитории Сентрал-Сити в 7.30 утра. Хотя казнь была назначена на 8.00, на передних сидениях уже расположилось человек тридцать; некоторые переговаривались, но в основном все сидели молча. По сцене вокруг электрического стула бродила бригада телевизионщиков. Казнь должны были показывать в прямом эфире, однако полицейские, собравшиеся в аудитории, тем не менее ожидали полного зала — правительство хотело, чтобы жи-

тели Нового Эдема своими глазами увидели смерть бывшего губернатора.

Вечером Элли слегка повздорила со своим мужем.

— Избавь себя от этой муки, Элли, — говорил Роберт, узнав, что она намеревается присутствовать на казни. — Да, ты увидишь свою мать в последний раз, но эта радость не стоит жутких переживаний, когда она умрет прямо на твоих глазах.

Но Элли знала нечто такое, о чем Роберту не было известно.

Усаживаясь, Элли попыталась совладать с наполнявшими ее сильными чувствами. *На моем лице ничто не должно проявиться, сказала она себе. И тело не может позволить даже крохотного намека. Никто не должен заподозрить, что я знаю о побеге матери.*

К ней разом обернулись несколько человек. Элли ощутила, как сразу затрепетало сердце, и только потом поняла, что ее узнали. Подобное любопытство вполне естественно.

С маленькими роботами отца, Жанной д'Арк и Алиенорой Аквитанской, Элли впервые встретилась шесть месяцев назад, когда находилась за пределами отведенного землянам обиталища — в карантинном поселке Авалон, где она помогала своему мужу-врачу заботиться о пациентах, обреченных на смерть от ретровируса RV-41. Был поздний вечер, и Элли только что приятно побеседовала со своей бывшей учительницей и нынешней подругой Эпониной. Элли оставила ее комнату и шла по пыльной дороге, ожидая Роберта,

который вот-вот должен был выйти ей навстречу. И вдруг она услышала, как два странных голоса дружно окликают ее по имени. Элли огляделась и с трудом обнаружил две крохотные фигурки на крыше ближайшего дома.

Перейдя на другую сторону, чтобы лучше видеть и слышать роботов, ошеломленная Элли узнала от Жанны и Алиеноры, что ее отец жив. Мгновение спустя, оправившись от потрясения, Элли начала задавать вопросы. Она быстро убедилась, что Жанна и Алиенора говорят правду; однако, не успев узнать, почему отец послал к ней роботов, Элли услышала приближавшиеся шаги мужа. Фигурки на крыше поспешили сообщить ей, что скоро вернутся. Роботы просили, чтобы Элли никому не сообщала о них, даже Роберту, по крайней мере в ближайшее время.

Узнав, что ее отец жив, Элли пришла в восторг. Ей было трудно, почти невозможно, держать эту новость в тайне; впрочем, она прекрасно знала о политическом значении такой информации. Когда примерно две недели спустя крошечные роботы вновь встретили ее в Авалоне, Элли засыпала их целым потоком вопросов. Однако введенная в роботов программа требовала, чтобы Жанна и Алиенора обсудили с ней другой вопрос — речь шла о попытке освобождения Николь из тюрьмы. Роботы сообщили Элли время следующей встречи, а также что Ричард понимает, насколько опасно подобное предприятие.

— Мы никогда бы не рискнули на это, — сказала робот Жанна, — но в том, что твою мать осудят на казнь, нельзя сомневаться. И если не

подготовить побег заранее, в последний момент спасти ее не удастся.

— Чем я могу помочь? — поинтересовалась Элли.

Жанна и Алиенора вручили ей лист бумаги с перечнем разных предметов, включая воду, еду и одежду. Элли с трепетом узнала почерк своего отца.

— Ты оставишь эти вещи в указанном здесь месте, — робот Алиенора вручила Элли карту, — не позднее, чем через десять дней. — В этот момент вдалеке на дороге показался кто-то из колонистов, и оба робота исчезли.

В карту была вложена небольшая записка от отца, которая гласила:

«Дорогая моя Элли, прошу прощения за краткость. Я жив и здоров, но глубоко озабочен судьбой твоей матери. Прошу тебя собрать все эти вещи и отнести в то место, которое помечено точкой на карте Центральной равнины. Если ты сама не сможешь этого сделать, то, пожалуйста, ограничься одним помощником. И удостоверься, чтобы избранный тобой человек был столь же верен и предан Николь, как мы с тобой. Я люблю тебя.»

Элли быстро поняла, что ей потребуется помощь. Но кого же избрать в помощники? Муж ее, Роберт, не годился по двум причинам. Во-первых, он уже доказал, что пациенты и госпиталь Нового Эдема значат для него больше, чем любые политические симпатии. Во-вторых, всякий, решившийся помогать Николь, будет казнен в случае поимки. И если Элли вовлечет Роберта в это дело,

их дочь Николь может остаться без обоих родителей.

А как насчет Наи Ватанабэ? В ее преданности можно было не сомневаться, но на плечах одинокой Наи лежала ответственность за двоих четырехлетних сыновей-близнецов. Не следовало даже просить ее идти на подобный риск. Оставалась единственная кандидатура — Эпониная. Хворая подруга быстро рассеяла все тревоги, которые испытывала Элли.

— Конечно, я помогу тебе, — сразу же ответила Эпониная. — Мне терять нечего. Как утверждает твой муж, ретровирус RV-41 в любом случае угробит меня через год-другой.

Эпониная и Элли тщательно подобрали все необходимое, целую неделю понемногу собирая вещи. Все собранное они аккуратно завернули в маленькую простыню и припрятали в углу вечно захламленной комнаты Эпонины. В назначенный день Элли отправилась из Нового Эдема в Авалон, якобы за тем, чтобы провести тщательное — в течение двенадцати часов — обследование состояния организма Эпонины по биометрическим данным. Впрочем, объяснить Роберту, почему она решила провести ночь у Эпонины, оказалось куда труднее, чем уговорить одинокого охранника и биота Гарсиа, вдвоем стороживших выход из поселения, выпустить ее из Нового Эдема.

После полуночи Элли с Эпониной взяли свой тяжелый груз и украдкой выбрались на улицы Авалона. Они были весьма осторожны и избегали биотов-патрулей, с помощью которых полиция Накамуры приглядывала по ночам за расположен-

ным снаружи стены поселком. Женщины выбрались на окраину, потом на просторы Центральной равнины. Пройдя несколько километров, они оставили мешок в назначенном месте. На обратном пути как раз перед домом Эпонины, едва в поселок хлынул искусственный свет, они столкнулись с Тиассо, поинтересовавшейся, что это они делают снаружи в столь неподходящее время.

— Эта женщина больна RV-41, — торопливо проговорила Элли, ощутив панику, охватившую ее подругу. — Она лечится у моего мужа... У нее начались сильные боли, она не могла заснуть, и мы решили попробовать — не поможет ли ранняя прогулка... Прости нас за нарушение.

Тиассо пропустила их. Элли и Эпонины настолько перепугались, что промолчали целых десять минут.

Больше Элли не видела крохотных роботов, ей не было известно, на какое время назначен побег. Но время казни матери приближалось, и когда места в аудитории начали заполняться, Элли ощутила, как отчаянно заколотилось ее сердце. *Что, если они потерпели неудачу?* — подумала она. *Что, если мать и в самом деле умрет через двадцать минут?*

Элли поглядела на сцену. Возле одинокого кресла стоял двухметровый шкаф с электронной аппаратурой, отливавший серым металлом. Кроме него на сцене располагались часы, на которых значилось текущее время: 07.42. Элли поглядела на кресло. К его спинке был прикреплен колпак, который опустится на голову жертвы. Элли поежилась и попыталась сдержать тошноту. *Какое*

варварство. Как могут существа, считающие себя разумными, устраивать столь мерзкое зрелище?

Она едва сумела прогнать из головы сцены будущей казни, когда к ее плечу прикоснулись. Элли обернулась. Рослый хмурый полицейский наклонялся к ней из прохода.

— Вы Элеонора Уэйкфилд-Тернер? — спросил он.

Элли была настолько испугана, что едва сумелаотреагировать.

— Прошу вас пройти со мной, — проговорил он. — Мне нужно задать вам пару вопросов.

На дрожащих ногах Элли протиснулась мимо троих людей, сидевших в ее ряду, и вышла в проход. *Значит, что-то не сложилось, подумала она. Побег сорвался. Они обнаружили мешок и поняли, что я была соучастницей.*

Полицейский отвел ее в небольшой конференц-зал на противоположной стороне аудитории.

— Миссис Тернер, я — капитан Франц Бауэр, — сказал он. — Я обязан позаботиться о теле вашей матери после казни. Конечно, мы договорились о кремации. Однако, — тут капитан Бауэр умолк, тщательно подбирая слова, — учитывая былые заслуги вашей матери перед колонией, я подумал, что вы (или, быть может, другие члены вашей семьи) сами захотите позаботиться о ее последнем покое.

— Да, конечно, капитан Бауэр, — с облегчением ответила Элли. — Безусловно. Я очень благодарна вам, — быстро добавила она.

— Это все, — проговорил полицейский. — Вы можете вернуться в зал.

Элли встала и обнаружила, что ее ноги дрожат. Она оперлась ладонями о стул перед капитаном Бауэром.

— Сэр! — быстро произнесла она.

— Да? — отозвался он.

— А нельзя ли мне увидеть мать с глазу на глаз хотя бы на мгновение перед...?

Полицейский внимательно посмотрел на Элли.

— Едва ли, — усомнился он. — Но я попрошу за вас.

— Весьма благодарна...

Элли прервал телефонный звонок. Она постаралась задержаться и увидела потрясение на лице капитана Бауэра.

— А ты абсолютно уверен? — эти слова она услышала выходя из комнаты.

Толпа начала беспокоиться. Большие часы на сцене показывали 08.36.

— Ну же, ну же, — бормотал мужчина, сидевший позади Элли, — скорей бы покончили с этим.

Итак, мать бежала, все понятно, радостно проговорила про себя Элли. Она старалась казаться спокойной. Так вот почему все здесь в таком смятении.

Без пяти минут девять капитан Бауэр проинформировал собравшихся, что мероприятие отложено на несколько минут, однако в последующие полчаса никаких дополнительных объявлений не поступило. По рядам уже ходил дикий слушок, утверждавший, что инопланетяне выкрали Николь прямо из камеры.

Некоторые уже собирались уходить, когда на

сцене появился губернатор Макмиллан. Он был озабочен и расстроен, но обратился к толпе с официальной открытой улыбкой:

— Дамы и господа. Казнь Николь де Жарден-Уэйкфилд отложена. Правительство обнаружило некоторые ошибки в бумагах по ее делу. Безусловно, ничего существенного, тем не менее сперва следует все исправить, чтобы избежать возможных недоразумений. Казнь будет произведена в ближайшее время. Всех граждан Нового Эдема известят о подробностях.

Элли оставалась на своем месте, пока аудитория почти опустела. Она ожидала, что полиция задержит ее при выходе, однако никто не подумал остановить ее. Но оказавшись снаружи, она едва сдерживала восторг. *Мама, мама, думала Элли и слезы наполняли ее глаза. Я так рада за тебя.*

Элли заметила обращенные к себе взгляды. *Ах, неужели я выдаю себя? С вежливой улыбкой она огляделась. Ну а теперь, Элли, грядет величайшее испытание. Никто и ни при каких обстоятельствах не должен заметить, что тебя это не удивляет.*

Как обычно, во время еженедельных обходов Роберт, Элли и кроха Николь остановились у Наи Ватанабэ и ее близнецов в Авалоне, где еще оставались в живых семьдесят семь больных RV-41. Дело было перед обедом. Галилей и Кеплер играли на пыльной улочке перед утлым домиком. Когда появились Тернеры, мальчики оживленно спорили.

— И она тоже! — с пылом говорил четырехлетний Галилей.

— Нет, — возражал Кеплер куда более спокойным тоном.

Элли склонилась к близнецам.

— Мальчики, мальчики, — проговорила она негромко. — О чем такой шум?

— Ой, привет, миссис Тернер, — ответил Кеплер со смущенной улыбкой. — Ничего особенного, просто мы с Галилеем...

— А я говорю, что губернатор Уэйкфилд уже умерла, — энергично прервал его Галилей. — Так сказал один из мальчиков в Центре, а он знает: его папа — полицейский.

На миг Элли удивилась. А потом поняла, что близнецы не связывают ее с Николь.

— А ты помнишь, что губернатор Уэйкфилд — моя мать и бабушка маленькой Николь? — спросила Элли. — Вы с Кеплером несколько раз встречались с ней — до того как ее отправили в тюрьму.

Галилей наморщил лоб и покачал головой.

— Я помню ее... кажется, — торжественно произнес Кеплер. — Она умерла, миссис Тернер? — подумав, добавил пытливый молодой человек.

— Я пока не знаю, но надеюсь, что нет, — ответила Элли. Она едва не проговорила. Так легко сказать все этим детям... но хватит одной ошибки. Что, если где-то неподалеку ее подслушивает биот.

Элли обняла Кеплера и вспомнила свою случайную короткую встречу с Максом Паккеттом в электронном супермаркете три дня назад. Посреди разговора Макс вдруг заметил:

— Да, кстати, Жанна и Алиенора чувствуют себя хорошо, они просили передать тебе привет.

Элли взволновалась и что-то спросила. Но Макс полностью игнорировал вопрос. А через несколько секунд, когда Элли собиралась продолжить беседу, возле них вдруг оказалась Гарсиа, заведовавшая супермаркетом.

— Привет, Элли. Привет, Роберт, — проговорила Наи, показавшись в дверях своего дома. Она протянула вперед руки и забрала Николь у отца. — Ну и как ты поживаешь, моя маленькая красавица. Я не видела тебя с прошлой недели — со дня рождения.

Взрослые вошли в дом. Убедившись, что поблизости нет никаких биотов-шпионов, Наи подошла к Роберту и Элли.

— Прошлой ночью меня снова допрашивала полиция, — шепнула она своим друзьям. — Похоже, что в слухах есть доля правды.

— В *каких* слухах? — поинтересовалась Элли. — Их так много.

— У одной женщины с нашей фабрики брат служит в специальной полиции Накамуры. Однажды вечером под хмельком он сказал ей, что, когда в утро казни полиция пришла за Николь, в камере никого не оказалось. Ее выпустила Гарсиа. Говорят, это была та самая, которую уничтожил взрыв возле завода боеприпасов.

Элли улыбнулась, но ее глаза ничем не ответили на внимательный и вопросительный взгляд подруги. *Ей нельзя говорить ничего — и даже в большей степени, чем всем остальным.*

— Полиция несколько раз допрашивала и

меня, — деловым тоном сказала Элли. — Говорили, что хотят уладить некоторые «неясности», возникшие в деле матери. Следователи были даже у Кэти. Она вдруг забежала ко мне на прошлой неделе и сообщила, что казнь матери отложили. Дело темное.

— Брат моей подруги, — произнесла Наи после недолгого молчания, — утверждает, что Накамура опасается заговора.

— Смешно, — фыркнул Роберт. — В колонии нет никакой активной оппозиции правительству.

Наи подобралась к Элли поближе.

— Тогда что же, по-твоему, произошло на самом деле? — прошептала она. — Ты считаешь, что твоя мать действительно бежала? Или же Накамура изменил свои намерения и казнил Николь тайно, чтобы не делать из нее мученицу?

Элли поглядела сперва на мужа, потом на подругу.

Скажи им, скажи, настаивал внутренний голос. Но она воспротивилась.

— Не имею ни малейшего представления, Наи, — ответила Элли. — Я, конечно, обдумала все возможности, которые ты упомянула, и еще кое-какие варианты. Но мы ничего не знаем... И хотя я, безусловно, не принадлежу к числу религиозных людей, но молюсь каждый день о том, чтобы с матерью все закончилось хорошо.

3

Николь доела сушеные абрикосы и пересекла комнату, чтобы бросить упаковку в мусорную

корзину. Она была почти полна. Николь попыталась утрамбовать отбросы ногой, но они уже не проминались.

Время мое подходит к концу, подумала она, механически оглядывая еду, оставшуюся на полке. *Быть может, я сумею протянуть еще дней пять. А потом придется запастись заново.*

Жанна и Алиенора отсутствовали уже сорок восемь часов. Последние две недели пребывания Николь в камерке, вырытой под сараем Макса Паккетта, один из двух роботов постоянно разделял ее компанию. Говорить с ними было все равно, что с самим Ричардом, — во всяком случае, поначалу, пока Николь еще не успела истощить запас тем, хранившихся в памяти этих маленьких роботов.

Пожалуй, эти дамы — самые великие творения Ричарда, сказала себе Николь, опускаясь в кресло. *Должно быть, он потратил не один месяц, чтобы изготовить их.* Она вспомнила шекспировских роботов Ричарда, памятных ей по проведенным на «Ньютоне» дням. *Жанна и Алиенора были куда сложнее, чем принц Хэл и Фальстаф. Наверное, Ричард сумел получить в Новом Эдеме много сведений об устройстве человекоподобных биотов.*

Жанна и Алиенора сообщали Николь обо всех основных событиях, происходивших в поселении. Это им было нетрудно сделать, поскольку заложенные в них программы предусматривали сбор информации. Во время коротких вылазок за пределы Нового Эдема роботы должны были отчитываться по радио, передавая Ричарду сведения. Ту же информацию они передавали и Николь.

Например, она знала, что специальная полиция Накамуры обыскала в поселении каждое здание, стараясь выискать собиравших излишнее количество продуктов в последние две недели после ее бегства. Конечно, полиция посетила и ферму Паккетта, и Николь целых четыре часа провела в полной тьме и абсолютной неподвижности. Она слышала над головой разные шумы, но посланцы Накамуры не потратили много времени на обыск амбара.

В последнее время Жанне и Алиеноре зачастую приходилось одновременно находиться вне убежища. Николь они говорили, что занимаются координированием следующего этапа ее побега. Когда та поинтересовалась у роботов, каким образом они умудряются настолько легко проходить контрольный пункт у входа в Новый Эдем, Жанна ответила:

— На самом деле все очень просто. Через ворота приходит не меньше дюжины грузовиков с грузами для войск или строителей во втором поселении. Иногда, случается, подвозят до Авалона: заметить нас в большом кузове практически невозможно.

Жанна и Алиенора также сообщили Николь обо всех важных событиях в истории колонии, произошедших со времени ее тюремного заключения. Николь узнала, что люди захватили поселение, где прежде обитали птицы и сети, и в основном истребили их. Ричард не стал загромождать память роботов подробностями собственного пребывания в захваченном поселении; однако Николь поняла, что Ричард прибыл в Нью-Йорк с двумя птичьими яйцами, четырьмя манно-ды-

нями, содержащими зародыши порождаемых сетями странных созданий, и долькой, вырезанной из взрослой сети. Как оказалось, две птицы проклюнулись из яиц несколько месяцев назад, и Ричард был поглощен уходом за малышами.

Николь просто не могла представить своего мужа в роли матери и отца пары внеземлян, поскольку Ричард не обнаруживал заметного интереса к собственным детям в младенчестве и нередко бывал к ним крайне невнимателен. Конечно, он творил чудеса, обучая их фактам, особенно абстрактным концепциям из математики и всяких наук. И во время долгого путешествия на Раме II Николь и Майкл О'Тул несколько раз сходились на том, что Ричард никак не может снизойти до общения с детьми на их уровне.

Его детство было таким болезненным, подумала Николь, припоминая прошлые разговоры с Ричардом о грубости его отца. Наверное, он вырос, не умея любить людей и доверять им... он дружил только со своими фантазиями или роботами — произведениями собственных рук... Она на минутку остановила поток своих мыслей. Но пока мы оставались в Новом Эдеме, он явно переменился... А я ни разу не нашла случай сказать ему, насколько горда им. Вот почему мне хотелось оставить ему прощальное письмо...

Одинокая лампочка в камерке внезапно погасла, и Николь погрузилась в тьму. Она неподвижно замерла в своем кресле, внимательно прислушиваясь к звукам. Николь понимала, что полиция вновь оказалась на ферме, но ничего не могла слышать. И отдаваясь тревоге, она осознала, насколько нужны ей Жанна и Алиенора. Во время

первого посещения спецполицией фермы Паккетта крошечные роботы сидели рядом и успокаивали ее одним своим присутствием.

Время тянулось очень медленно. Николь слышала, как бьется ее сердце. Когда миновала, казалось, целая вечность, она услышала шум над головой. В амбаре, похоже, толпилась куча народа. Николь глубоко вздохнула и попыталась успокоиться. И через секунду сердце ее буквально проваливалось в пятки, когда негромкий голос где-то возле нее начал читать стихотворение:

Явись же ныне, беззаконный друг,
И пусть меня, трусливую, поглотит мрак.
Напомни мне, напомни: ты — одна,
И на чело поставь свой вещий знак.
Так как же ты заполонишь меня,
Когда всем разумом я против сил твоих?
Иль ящер, что гнездится в памяти моей,
Откроет тебе путь — и в ум, и в стих?

Страх нелепый губит нас всех,
Какова б ни была наша цель.
Будь я как Галахад, что мне смерть или ад,
Да вот страх на пути — словно мель.
И молчишь ты, даже любя,
Ты боишься все потерять.
Ну а коль ждет успех на дороге, на грех
Страх мешает тот путь отыскать.

Наконец Николь сообразила, что голос принадлежал роботу Жанне, читавшей знаменитые стансы Бениты Гарсиа о страхе, написанные во времена, когда та прониклась интересом к политике, потеряв

работу в отчаянную пору Великого хаоса. Знакомый голос робота и памятные строчки на время пригасили панику в сердце Николь. На какое-то время она успокоилась, хотя шум над головой становился сильнее. Но когда над входом в ее укрытие принялись двигать огромные мешки с цыплячьим кормом, страх вернулся. *Вот оно,* сказала себе Николь. *Сейчас меня вновь арестуют.*

Николь подумала, не убьют ли ее полицейские сразу как только обнаружат. Услыхав громкий металлический стук у входа в ее подземелье, она не смогла усидеть на месте. Приподнявшись, Николь ощутила, как в груди два раза болезненно кольнуло, ей стало трудно дышать. *Что это?* — подумала она, услышав голос Жанны.

— После первого обыска, — проговорил робот, — Макс решил, что недостаточно надежно замаскировал вход в твою комнату. И однажды ночью, пока ты спала, устроил над входом сток из курятника, а над тобой развел повсюду отводные трубы. Этот шум означает, что кто-то стучит по трубам.

Николь на мгновение задержала дыхание, когда над головой неясно загудели голоса. Через минуту она вновь услышала шорох мешков с кормом. *Старый, добрый Макс,* подумала Николь, несколько расслабившись. Боль в груди отступила. Спустя несколько минут шум над головой стих. Николь тяжело вздохнула и опустилась в кресло, однако смогла уснуть лишь тогда, когда в комнате вновь зажегся свет.

Робот Алиенора возвратилась в подземелье к тому времени, когда Николь пробудилась. Она

объяснила Николь, что в ближайшие несколько часов Макс собирается разобрать сток и ей надлежит оставить убежище.

Выбравшись наружу, Николь с удивлением обнаружила возле Макса Эпониину.

Обе женщины обнялись.

— Ça va bien? Je ne t'ai pas vue depuis si longtemps*, — сказала Эпониина Николь.

— Mais mon amie, pourquoi es-tu ici? J'ai pensé que**...

— Вот что, девушки, — перебил их Макс. — Вам еще хватит времени, чтобы возобновить знакомство. А сейчас нам следует поторопиться. Мы уже запаздываем относительно графика, потому что я слишком долго провозился с этим поганым желобом... Эп, отведи Николь в дом и переодень ее. Там и расскажешь ей все за делом... мне тоже нужно еще побриться и переодеться.

Женщины в темноте направились из амбара к дому Макса, и Эпониина рассказала Николь о том, каким образом будет устроен ее побег из поселения.

— За последние четыре дня Макс припрятал возле озера Шекспир подводное снаряжение. Второй полный комплект он припас на складе в Бовуа на случай, если кто-нибудь заметит твою маску или баллоны со сжатым воздухом. А пока мы с тобой будем на празднике, Макс проверит, все ли в порядке.

---

* Как ты? Я так давно тебя не видела (франц.).

** Ничего, мой друг, но как получилось, что ты здесь? Я думала... (франц.). — Здесь и далее прим. перев.

— На каком празднике? — в смятении спросила Николь.

Они уже вошли в дом, и Эпониная расхохоталась.

— Конечно, — сказала она. — Я забыла, что у тебя не было календаря. Сегодня — последний день карнавала перед постом. В Бовуа устроили большой бал, другой состоится в Позитано. Почти все сегодня вечером будут там. Правительство велело всем веселиться. Наверное, для того, чтобы люди отвлеклись от неурядиц.

Николь очень странно поглядела на свою приятельницу, и Эпониная вновь рассмеялась.

— Ты не понимаешь? Сложнее всего нам переправить тебя через всю колонию до озера Шекспир — так, чтобы нас не заметили. В Новом Эдеме тебя все знают в лицо. Ричард тоже согласился, что другой разумной возможности у нас не представится. Ты будешь в костюме и в маске...

— Итак, вы разговаривали с Ричардом? — спросила Николь, начиная осознавать контуры плана.

— Косвенно, — ответила Эпониная. — Макс связался с ним через маленьких роботов. Кстати, он-то и предложил устроить над тобой сток и тем сбил с толку полицию во время последнего обыска. Он все боялся, что тебя обнаружат...

И еще раз спасибо тебе, Ричард, подумала Николь, пока Эпониная продолжала говорить. *Теперь я обязана тебе собственной жизнью по крайней мере трижды.*

Женщины вошли в спальню, где на кровати было разложено великолепное белое платье.

— На празднике ты будешь наряжена английской королевой. Я целую неделю шила это платье. В маске, в длинных белых перчатках и чулках ни волосы твои, ни кожа не будут заметны. Но мы не станем задерживаться на балу более часа, поэтому ты не успеешь ни с кем поговорить. Если будут интересоваться, кто ты, назовешься Элли. Она будет сидеть дома вместе с твоей внучкой.

— А Элли знает, что я бежала? — спросила Николь несколько секунд спустя. Ей так хотелось увидеть дочь и маленькую Николь, которую она еще ни разу не видела.

— Возможно, — проговорила Эпониная. — Во всяком случае, ей известно, что подобная попытка предпринималась... Мы с Элли помогали устраивать твой побег и отнесли на Центральную равнину все необходимое для тебя:

— Выходит, ты не видела ее с тех пор, как я оказалась за стенами тюрьмы?

— Нет же. Но мы не говорили о тебе: Элли должна сейчас вести себя чрезвычайно осторожно. Накамура следит за ней, словно коршун.

— А кто-нибудь еще занимался этим делом? — спросила Николь, приподнимая платье, чтобы посмотреть, подойдет ли оно.

— Нет, — ответила Эпониная. — Только Макс, Элли и я... и, конечно, Ричард с его маленькими роботами.

Николь несколько секунд простояла перед зеркалом. *Итак, я все-таки стала английской королевой, по крайней мере на час или два.* Она не сомневалась, что идею костюма предложил

Ричард. *Никто, кроме него, не мог бы придумать чего-либо более подходящего.* Николь поправила корону на голове. *Будь у меня белая кожа,* подумала она, *Генри, безусловно, сделал бы меня своей королевой.*

Николь погрузилась в воспоминания... Когда Макс и Эпониная появились из спальни, она расхохоталась: Макс был облачен в зеленые сети, а в руках держал трезубец Нептуна, морского царя. Эпониная изображала соблазнительную русалку.

— Оба вы просто великолепны! — объявила королева Николь, подмигнув Эпонине. Через секунду-другую она добавила с легким ехидством:

— Вот это да, Макс. А я и не знала, что ты у нас такой мохнатый.

— Тебе смешно, — пробормотал Макс. — А я зарос шерстью повсюду: на груди, на спине... даже на ушах, даже на...

— Только вот здесь жидковато, — вставила Эпониная, снимая с него корону и поглаживая по темечку.

— Вот чертовка! Теперь ты понимаешь, почему я не стал брать к себе в дом женщину... ну что же, пошли. Кстати, сегодня вечер опять прохладный. Прихватите себе шаль или жакет, пока мы будем ехать в багги*.

— Что за багги? — спросила Николь, поглядев на Эпониину.

Ее приятельница улыбнулась.

— Увидишь через несколько минут.

---

* Легкая двухместная коляска, иногда с откидным верхом.

Когда правительство Нового Эдема реквизирировало все поезда, чтобы использовать легкие внеземные сплавы для создания военных самолетов и прочего оружия, колония в Новом Эдеме осталась без средств передвижения. К счастью, основная масса ее граждан обзавелась велосипедами; за три года в колонии устроили велосипедные дорожки. Иначе людям пришлось бы передвигаться пешком. Ко времени бегства Николь ненужные железнодорожные колен разобрали, а на их месте провели дороги. По новым путям ездили электрокары — привилегия пользоваться ими принадлежала правительственным лидерам и ключевому военному персоналу, — грузовики, использовавшие накопленную электроэнергию, и всякие транспортные устройства, созданные изобретательными гражданами Нового Эдема. Примером подобного транспорта был и Максов багги. Если поглядеть с боку, это был двухколесный велосипед. Впрочем, в задней части располагалась пара мягких сидений — целая лежанка на двух колесах и прочной оси: нечто вроде конного экипажа, которым три столетия назад пользовались на Земле.

Царь Нептун навалился на педали, и костюмированное трио направились по дороге, ведущей в Сентрал-Сити.

— Ну я-то дурак, — проговорил Макс, старательно нажимая на педали, — и чего я полез в эту авантюру?

Расположившиеся на заднем сидении Николь и Эпонины расхохотались.

— Потому что ты — просто золото, — объявила Эпонины, — и хочешь, чтобы нам было

удобно... К тому же, неужели можно позволить королеве ехать на велосипеде почти десять километров?

Действительно стало прохладнее. Эпонина несколько минут объясняла Николь, что погода становится все более и более неустойчивой.

— По телевидению недавно сообщили, — сказала она, — что правительство намеревается переселить многих колонистов во второе поселение. Там-то нет здешних загрязнений... Никто не знает, сумеем ли мы справиться с проблемами, так усложняющими жизнь в Новом Эдеме.

Возле Централ-Сити Николь встревожило, что Макс может замерзнуть в столь легкой одежде. Она набросила ему на плечи шаль, полученную от Эпонины. Фермер не стал противиться.

— Надо бы тебе выбрать костюм потеплее, — заметила Николь.

— Макс у нас стал морским царем по воле Ричарда, — ответила Эпонина. — Так он будет выглядеть совершенно натурально с твоим аква-лангом в руках.

Николь на удивление разволновалась, когда багги, очутившись среди многих повозок и замедлив ход, направился по главной улице Централ-Сити. Она вспомнила ту давнишнюю ночь, когда только одна бодрствовала в Новом Эдеме. Тогда, бросив последний взгляд на свою семью, Николь опустила в свое ложе, чтобы, уснув на много лет, вернуться в Солнечную систему.

Облик Орла, странного существа, порожденного инопланетным разумом, их загадочного проводника по Узлу, возник перед ее умственным взором.

Мог ли ты предвидеть все это? — гадала Николь, поспешно припоминая историю колонии от первой встречи с жителями Земли, прибывшими на борту «Пинты». *Что ты теперь думаешь о нас?* — Николь мрачно покачала головой, испытывая стыд за людей.

— А они так и не починили его, — произнесла Эпониная, сидевшая возле Николь. Они въехали на главную площадь.

— Извини, — сказала Николь, — боюсь, что я отвлеклась.

— Я говорила о том удивительным монументе, который придумал твой муж; он показывал местоположение Рамы в Галактике... Помнишь, его разбили в ту ночь, когда толпа хотела линчевать Мартинеса... но так и не починили.

Николь вновь углубилась в воспоминания. *Наверное, такова старость*, подумала она. *Слишком много воспоминаний. Они всегда мешают воспринимать настоящее.* Она вспомнила взбунтовавшуюся толпу и рыжеволосого парня, отчаянно вопившего: «Бей черномазую шлюху...»

— А что случилось с Мартинесом? — тихо спросила Николь, заранее опасаясь услышать ответ.

— Его казнили на электрическом стуле вскоре после того, как Накамура и Макмиллан взяли власть в свои руки. Этот суд несколько дней был главной сенсацией в новостях.

Они миновали Сентрал-Сити и направились на юг в сторону Бовуа, к поселку, где Николь и Ричард жили со своей семьей до переворота Накамуры. *Все могло сложиться совершенно иначе*, думала Николь, глядя на гору Олимп, возвышав-

шуюся слева от нее. *Мы могли создать здесь рай. Если бы только захотели...*

К этой мысли Николь возвращалась, пожалуй, не одну сотню раз, после той ужасной ночи, когда Ричард поспешно бежал из Нового Эдема. И всегда она пробуждала в сердце глубокую печаль, наполняя глаза жгучими слезами.

Мы, люди, способны на двойственное поведение, вспомнила она свой разговор с Орлом в Узле. Когда нами правят любовь и забота, мы почти ангелы. Но жадность и эгоизм в нас чаще сильнее добродетели, и мы делаемся неотличимы от тех грубых тварей, которые нас породили.

4

Макс оставил их на празднике уже почти на два часа. Встревоженные Эпонина и Николь как раз пытались вместе пересечь запруженную народом танцплощадку, когда их остановила пара мужчин, ряженных Робин Гудом и братом Туком.

— Если нет девы Мариан, — сказал Робин Гуд Эпонине, — сойдет и морская девица. — И от души расхохотавшись собственной шутке, протянул руку и увлек Эпонину на танец.

— А не уделит ли ее величество один танец смиренному инокку? — поинтересовался другой. Николь улыбнулась. *От одного-единственного танца беды не случится*, подумала она и скользнула вперед в руки брата Тука. Они неторопливо двинулись с места.

Брат Тук оказался разговорчивым человеком, буквально через каждые несколько тактов он

отодвигался от Николь и начинал задавать вопросы. В соответствии с планом Николь отвечала ему движением головы либо жестом. Наконец ряженный монах захохотал.

— Неужели, — проговорил он, — я танцую с немой. Или вы, красавица, язык проглотили?

— Я простудилась, — негромко ответила Николь, пытаясь изменить свой голос.

Тут Николь заметила определенные изменения в поведении брата Тука и встревожилась. Танец кончился, но мужчина держал ее за руки и разглядывал.

— А я слышал где-то ваш голос, — проговорил он серьезным тоном. — Запоминающийся такой... Интересно, где мы с вами встречались? Я — Уоллес Майклсон, сенатор от западного района Бовуа.

Еще бы, запаниковала Николь. Еще бы — помню: ты одним из первых американцев в Новом Эдеме поддержал Накамуру и Макмиллана.

Более Николь не посмела что-либо сказать. Хорошо, что Эпониная вместе с Робин Гудом вернулась к Николь и брату Туку, прежде чем молчание успело опасно затянуться. Догадавшись о том, что произошло, Эпониная действовала быстро и уверенно.

— Мы с королевой, — объявила она, взяв Николь за руку, — направлялись в дамскую комнату, когда на нас напали Шервудские разбойники. А теперь — простите. Спасибо за танец, и разрешите нам продолжить свой путь.

Мужчины в зеленом провожали женщин взглядом. В дамской комнате Эпониная сначала прове-

рила все кабинки и убедилась в том, что они с Николь остались в одиночестве.

— Что-то случилось, — проговорила Эпони-на. — Наверное, Максу пришлось возвращаться за снаряжением на склад.

— Брат Тук — сенатор из Бовуа, — сказала Николь. — Он едва не узнал мой голос... По-мо-ему, оставаться здесь небезопасно.

— Что ж, — нервно произнесла Эпонина и, помедлив, добавила. — Тогда переходим к запас-ному варианту... Выходим навстречу и будем ждать его под большим деревом.

Обе женщины почти одновременно заметили маленькую камеру на потолке. Тоненько зажужжав, она переменила свое положение, обращая к ним свой глазок. Николь попыталась вспомнить каждое свое слово, сказанное Эпонине. *Неужели, я чем-то намекнула на то, кем мы являемся?* — подумала она. Николь в первую очередь тревожилась за Эпонину: ее приятельнице придется остаться в колонии после того, как она сама либо вырвется на свободу, либо попадетсЯ.

Как только Николь и Эпонина появились в бальном зале, Робин Гуд и его любимый монах призывно замахали руками. В ответ Эпонина указала им на входную дверь, приложив пальцы к губам, чтобы показать, что собирается покурить, и вместе с Николь направилась к выходу. Открывая входную дверь, Эпонина оглянулась через плечо.

— Эти в зеленом увязались за нами, — шеп-нула она Николь.

Метрах в двадцати от входа в бальный зал, под который переоборудовали гимнастический зал сред-

ней школы Бовуа, рос большой вяз; его среди немногих взрослых деревьев доставили на Раму прямо с Земли. Оказавшись под деревом вместе с королевой Николь, Эпониная покопалась в сумочке, извлекла из нее сигарету и торопливо зажгла. Она старалась выпускать дым в сторону от Николь.

— Извини, — шепнула Эпониная своей приятельнице.

— Понимаю, — Николь едва договорила это слово, когда Робин Гуд и брат Тук подошли к ним.

— Что ж, хорошо! — объявил Робин Гуд. — Итак, наша русалка курит. А знаете ли вы, что курение на многие годы сократит вашу жизнь?

Обратившись к привычной теме, Эпониная уже хотела сказать мужчине, что RV-41 убьет ее задолго до того, как скажется пагубное влияние курения, однако решила не говорить ничего такого, что могло бы поощрить мужчин к продолжению разговора. Только улыбнулась, глубоко затянувшись дымом, и выпустила его вверх — в ветви дерева.

— А мы с братом Туком рассчитываем, что дамы выпьют с нами, — проговорил Робин Гуд, словно бы не замечая, что Эпониная и Николь никак не отреагировали на его предыдущее замечание.

— Кстати, — добавил брат Тук, — нам хотелось бы выяснить, кто вы... — он поглядел на Николь. — Не сомневаюсь, мы с вами уже встречались: ваш голос кажется настолько знакомым.

Николь изобразила кашель и огляделась. В

радиусе пятидесяти метров маячили сразу трое полицейских. *Не здесь, подумала она. И не сейчас. Пока я так близко.*

— Королеве стало нехорошо, — сказала Эпони́на. — Наверное, мы уйдем пораньше. А если нет — отыщем вас, когда вернемся.

— Я врач, — отозвался Робин Гуд, пододвигаясь поближе к Николь. — Может быть, сумею помочь.

Николь ощущала, как напряглось ее сердце. Часто задышав, она отвернулась от обоих мужчин, закашлялась снова.

— Ужасный кашель, ваше величество, — услышала она знакомый голос, — пора и домой.

Николь поглядела вверх и увидела облаченного в зеленую сеть Макса... расплывшегося в улыбке морского царя Нептуна. Невдалеке — не более чем в десяти метрах — оказался и багги. Николь обрадовалась и почувствовала облегчение. Обняв Макса, она почти забыла обо всех опасностях.

— Макс, — проговорила она, прежде чем он успел приложить палец к ее губам.

— Итак, дамы, радуйтесь: морской царь завершил все сегодняшние дела. И теперь увезет вас в свой замок, подальше от разбойников и прочих сомнительных персонажей. — Макс посмотрел на обоих мужчин, развлекавших его внешностью, несмотря на то что он испортил им планы на вечер. — Благодарю вас, Робин, благодарю вас, брат Тук, — Макс помог дамам подняться в багги, — за ваше внимание к моим подругам.

Брат Тук приблизился к багги, явно намереваясь задать очередной вопрос, но Макс нажал на педали.

— Сегодня ночь костюмов и тайн, — произнес он, отмахиваясь от мужчины. — Мы не можем ждать — море зовет.

— Ты был просто сказочно хорош, — сказала Эпониная, отпуская Максу еще один поцелуй.

Николь кивнула головой.

— Наверное, ты не нашел своего призвания, — проговорила она. — Может быть, из тебя бы вышел актер, много лучший, чем фермер.

— В нашем колледже в Арканзасе я играл Марка Антония, — объявил Макс, передавая Николь подводную маску. — А что — свиньям нравилось слушать меня... «Римляне, сограждане, внимайте... не восхвалять я Цезаря пришел, а хоронить...»*

Все трое расхохотались. Они стояли на небольшой поляне в пяти метрах от озера Шекспир. Высокие деревья и разросшиеся кусты скрывали их от ближайшей дороги и велосипедной тропы. Макс приподнял воздушный баллон и помог Николь приспособить его на спине.

— Итак, все готово? — спросил он. Николь кивнула. — Роботы встретят тебя снаружи. Они просили напомнить тебе, чтобы ты не погружалась слишком быстро... ты ведь столько не плавала.

Николь помолчала несколько секунд.

— Просто не знаю, как благодарить вас обо-

---

* *Шекспир* У. Юлий Цезарь. Пер. М. Зенкевича.

их, — сказала она смущенно. — Не могу найти подходящих слов.

Эпониная подошла к Николь и обняла ее.

— Ну, чтобы все было хорошо, моя дорогая. Мы очень любим тебя.

— Я тоже, — проговорил Макс чуть сдавленным голосом немного спустя. Они помахали Николь, спиной уходившей в озеро. Слезы из ее глаз стекали на дно маски. Николь махнула друзьям последний раз, когда вода достигла ее груди.

Вода оказалась холодней, чем ожидала Николь. Она знала, что перепады температуры в Новом Эдеме стали больше, когда колонисты начали сами управлять погодой, но не предполагала, что изменения погоды повлияли даже на температуру озера. Чтобы замедлить погружение, Николь подпустила воздух в надувной жилет. *Не надо торопиться*, посоветовала она себе. *Держись спокойно. Теперь тебе предстоит долгий заплыв.*

Роботы Жанна и Алиенора подолгу и неоднократно наставляли Николь, где искать вход в длинный тоннель, уходивший под стену поселения. Она включила фонарик, посветила влево — на подводную ферму. *Три сотни метров к центру озера, прямо от задней стены откормочного участка для лососей*, вспомнила она. *Держаться следует на глубине двадцать метров — до самой платформы.*

Николь плыла непринужденно, но тем не менее ощущала, что быстро выдыхается. Она припомнила тот давний разговор с Ричардом, когда они

обдумывали — не переплыть ли через Цилиндрическое море и таким образом вырваться из Нью-Йорка. «Но я не такая хорошая пловчиха, как ты, — сказала тогда Николь. — Могу и не доплыть до другого берега».

Но Ричард заверил ее, что такой великолепный атлет, как она, без всякого труда одолеет Цилиндрическое море. *И вот теперь я плыву, спасая свою жизнь, тем же путем, которым воспользовался Ричард два года назад*, подумала Николь. *Только сейчас мне почти шестьдесят лет, и я совсем не в форме.*

Николь заметила бетонную плиту, погрузилась еще на пятнадцать метров, поглядывая на циферблат глубиномера, и тут же наткнулась на одну из восьми больших насосных станций, разбросанных по дну озера для поддержания циркуляции воды. *Вход в тоннель скрыт под одним из больших моторов.* Николь не сразу нашла его. Она все время проплывала мимо, потому что вокруг выросли водоросли.

Тоннель представлял собой четырехметровую круглую трубу, заполненную водой. В первоначальную конструкцию поселения он был включен по настоянию Ричарда, полагавшего, что про запасной выход никогда не следует забывать. От озера Шекспир до выхода из тоннеля на Центральной равнине за стеной поселения нужно было проплыть больше километра. Николь разыскивала подводный вход на десять минут дольше, чем планировалось, и начинала финальный заплыв уже очень усталой.

Два года, проведенные в тюрьме, Николь

приходилось ограничиваться лишь ходьбой, приседаниями и отжиманиями — и то не каждый день. Уже стареющие мышцы едва справлялись с крайней усталостью, так что три раза во время этого заплыва Николь ощущала судорогу. И каждый раз ей приходилось опускаться вниз и ждать, пока судорога отпустит ноги. Николь продвигалась вперед достаточно медленно и под конец начала опасаться, что воздух в баллоне кончится прежде, чем она сумеет достичь выхода из тоннеля.

На последней сотне метров болело уже все тело. Ее руки и ноги не могли более отталкивать воду: не хватало сил. Вновь заболела грудь: тупая ноющая боль не отпустила ее даже тогда, когда датчик глубины показал, что тоннель чуть повернул вверх.

Выбравшись из воды и встав на ноги, Николь едва не потеряла сознание, а потом несколько минут безуспешно пыталась восстановить дыхание и успокоить сердцебиение. У нее даже не осталось сил, чтобы приподнять металлическую крышку над головой. Чтобы частично восстановить свои силы, Николь решила остаться в тоннеле и вздремнуть. Она пробудилась через два часа, услышав странный шепоток над головой. Застыв под крышкой люка, Николь внимательно слушала голоса, но не различала слов. *Кто там?* — спросила она себя с внезапно заторопившемся сердцем. *Если меня обнаружили полицейские, почему они не открывают крышку?*

Николь осторожно приблизилась во тьме к аквалангу, который оставила возле стены на проти-

воположной стороне тоннеля. Посветив крохотным фонарем, она посмотрела на датчик, чтобы определить, сколько же воздуха осталось в баллоне. *Его хватило бы только на несколько минут.* Мало, подумала она.

Неожиданно в крышку постучали.

— Ты здесь, Николь? — послышался голос робота Жанны. — Если ты внизу, немедленно отзовись. Мы принесли тебе теплую одежду, но у нас не хватает сил сдвинуть крышку.

— Да, я здесь, — воскликнула Николь. — Вылезаю сию же секунду.

Мокрый гидрокостюм не мог защитить Николь от холодного воздуха Рамы, температура которого лишь на несколько градусов была выше нуля. Она отчаянно стучала зубами, одолевая восемьдесят метров, отделявшие ее от еды и сухой одежды.

Когда все трое добрались до припасов, Жанна и Алиенора велели Николь надеть армейскую форму, которую принесли Элли и Эпонины. На вопрос Николь о предназначении этого одеяния роботы ответили, что в Нью-Йорк она попадет из второго поселения.

— И если нас остановят, — проговорила Алиенора, залезая в карман куртки Николь, — будет проще отговориться, когда на тебе мундир.

Николь одела длинное белье и форму, а как только согрелась, поняла, что весьма голодна. Утолив голод, Николь переложила все предметы из куртки в рюкзак, который носила с собой под гидрокостюмом.

Пройти во второе поселение удалось не сразу. На Центральной равнине Николь и оба робота,

ехавшие в ее кармане, не встретили никого, но вход в поселение, некогда бывшее обиталищем птиц и сетей, охранял часовой. Алиенора отправилась вперед — на разведку — и вернулась с известием о возникшем препятствии. Все трое остановились в трех-четыре сотнях метров от дороги, соединявшей оба поселения.

— Должно быть, новая мера предосторожности, принятая после твоего бегства, — сказала Жанна. — У нас не было никаких сложностей с входом и выходом.

— А каким-нибудь другим путем внутрь можно попасть? — спросила Николь.

— Нет, — ответила Алиенора. — Первоначально стену пробурили здесь. Конечно, скважину очень расширили, устроили мост через ров, чтобы войска могли двигаться быстро. Но других входов нет.

— Неужели до Ричарда и Нью-Йорка придется добираться через это поселение?

— Да, — отозвалась Жанна. — Огромная серая стена на юге, замыкающая второе поселение, ограничивает Северный полуцилиндр Рамы. Конечно, ее можно перелететь, будь у нас самолет, способный подняться в этих условиях на два километра, и очень искусный пилот, но у нас нет ни того, ни другого... Кстати, по замыслу Ричарда наш путь протекает через второе поселение.

Они все ждали и ждали — в холодной тьме. Время от времени один из двух роботов отправлялся ко входу, но часовой всегда был на месте. Николь устала и вознегодовала.

— Ну, знаете, — сказала она наконец, — нельзя

же вечно торчать здесь. Следует придумать какой-то другой план.

— В нас не заложено альтернатив действиям в данной ситуации, — ответила Алиенора, еще раз напомнив Николь, что они с Жанной всего лишь роботы.

Недолго вздремнув, утомленная Николь увидела во сне, что спит раздетой на верхушке очень большого и плоского ледяного куба. С неба на нее пикировали птицы; сотни маленьких роботов, подобных Жанне и Алиеноре, дружно распевая, окружали ее на ледяной поверхности.

Проснувшись, Николь почувствовала себя отдохнувшей. Она поговорила с роботами, и вместе они придумали новый план. Следовало дожидаться перерыва в движении машин, потом роботы должны были отвлечь часового. Николь оставалось только проскользнуть внутрь. Жанна и Алиенора сказали, что Николь должна осторожно перейти через мост и повернуть направо вдоль берега рва.

— Там и жди нас, — проговорила Алиенора, — отыщешь небольшую пещерку в трех сотнях метров от моста.

И через двадцать минут Жанна и Алиенора подняли ужасный шум у дальней стены метрах в пятидесяти от входа. Когда часовой оставил свой пост, чтобы выяснить причины шума, Николь без всяких помех вошла внутрь поселения. Длинный подвесной мост спускался на несколько сотен метров к широкому рву, окружавшему все поселение. Кое-где на лестнице попадались редкие фонари, освещавшие мост; впрочем, освещение было неярким. Заметив двоих строителей, направ-

лявшихся навстречу, Николь напряглась. Но они разошлись, ограничившись коротким приветствием. Николь поблагодарила судьбу за то, что одета в форму.

Остановившись у рва, Николь разглядывала поселение инопланетян, пытаясь заметить удивительные сооружения, о которых ей рассказывали маленькие роботы: вздымающийся на полторы тысячи метров огромный бурый цилиндр, где некогда обитали птицы и сети; над ним прикрепленный к потолку поселения громадный занавешенный шар, прежде создававший тепло; кольцо таинственных белых сооружений, охватившее неширокий канал вокруг цилиндра. Занавешенный шар не светился уже несколько месяцев, с той поры, как люди вторглись в обиталище птиц и сетей. Редкие огни, которые Николь замечала впереди, явно были размещены в поселении оккупантами. Она едва смогла различить неясный силуэт огромного цилиндра — тень с расплывчатыми краями. *Какое же великолепие увидел Ричард, впервые попав сюда,* Николь с трепетом подумала, что находится сейчас в обиталище, недавно населенном другим видом разумных существ. *Снова мы, люди,* продолжила она свою мысль, *добиваемся гегемонии, растаптываем слабейших.*

Алиенора и Жанна присоединились к Николь много позже, чем она ожидала. Потом все трое медленно направились вдоль берега рва. Один из роботов всегда находился впереди — на разведке, — чтобы избежать встречи с другими людьми. Обстановка вокруг напоминала земные джунгли. Николь пришлось целых два раза притаиться,

пропуская по дороге отряд солдат или рабочих. Время ожидания она потратила, изучая неведомые растения вокруг себя. Николь даже увидела существо, похожее на помесь мокрицы и земляного червя, пытавшееся жевать ее правый ботинок. Она подобрала его и положила в карман.

Почти через семьдесят два часа после того, как Николь спиной вперед опустилась в воды озера Шекспир, вместе с обоими роботами она наконец, вышла на место встречи. Теперь они находились на противоположной от входа стороне второго поселения, где присутствие людей почти не ощущалось.

Подводная лодка вынырнула на поверхность буквально через минуту после их появления. Люк субмарины открылся, в нем показался Ричард Уэйкфилд. С широкой улыбкой — во всю бородатую физиономию — он метнулся к своей ненаглядной. Все тело Николь содрогнулось от счастья, когда она почувствовала себя в его объятиях.

5

Все вокруг казалось невероятно знакомым, если не считать хлама, накопленного Ричардом за проведенные в одиночестве месяцы, и того, что ему пришлось переоборудовать детскую под спальню для двух проклюнувшихся птенцов. Словом, их убежище под Нью-Йорком осталось точно таким, каким было многие годы назад, когда все они — Ричард, Николь, Майкл О'Тул и дети — покинули его.

Субмарина причалила к берегу в естественной

гавани на южной оконечности острова; это место Ричард называл Портом.

— А где ты взял лодку? — спросила его Николь, когда они вместе направились к убежищу.

— Мне ее подарили, — ответил Ричард. — По крайней мере я так думаю. Самая главная птица — не знаю, он или она — показала мне, как управлять судном, а потом исчезла, оставив мне субмарину.

Идти по Нью-Йорку было так странно, хотя в темноте небоскребы весьма напоминали Николь годы, прожитые ею на этом таинственном острове посреди Цилиндрического моря.

Сколько же лет прошло с тех пор, как мы оставили остров? — думала Николь, пока они с Ричардом, взявшись за руки, стояли перед амбаром, где Франческа Сабатини оставила Николь погибать на дне ямы. Но Николь знала, что точного ответа на ее вопрос не будет. Прихотливо менявшееся время ее жизни нельзя было измерить, ведь они совершили два долгих межзвездных перелета при релятивистских скоростях, причем все время второго она провела во сне, покоясь в специальном ложе, созданном вездеходами, чтобы замедлить процессы старения путем тщательного регулирования метаболизма человеческого организма.

— При посещении Рамами Узла, — проговорил Ричард, когда они уже приближались к своему прежнему дому, — изменения в их конструкции ограничиваются лишь необходимыми для следующего полета. Так что в нашем доме ничего не переменялось. В Белой комнате остались черный экран и моя старая клавиатура. Необходимое у

Рамы, или наших хозяев, — называй их как хочешь, — запрашивается по прежним методикам.

— А как насчет остальных подземелий? — поинтересовалась Николь, спускаясь по пандусу на их жилой уровень. — Ты не посещал их?

— В птичьем подземелье нет никаких признаков жизни, — ответил Ричард. — Я прошел его несколько раз сверху донизу. Однажды — с великой осторожностью — я побывал и в логове октопауков, но там дошел лишь до центрального зала с четырьмя разбегающимися тоннелями.

Николь перебила его с хохотом:

— Это там, где ты вспомнил считалку «ини, мини, мени, мо»?

— Да, — продолжил Ричард. — Только мне не было спокойно в этом логове. Мне казалось — не знаю почему, — что оно по-прежнему обитаемо. И октопауки или новые обитатели следили за каждым моим шагом. — На этот раз расхохотался он. — Поверь, но в основном меня волновало, что будет с Тамми и Тимми, если я не вернусь по какой-то причине.

Первая встреча с Тамми и Тимми, парой нынешних воспитанников Ричарда, оказалась бесподобной. Ричард построил в детскую невысокую дверь — на полпроема — и старательно закрыл ее, отправляясь во второе поселение встречать Николь. Юные птицеподобные создания еще не умели летать и не могли выбраться из комнаты в отсутствие Ричарда. Только услышав его голос, они начали вскрикивать и щебетать. Писк продолжался, пока Ричард не открыл дверь и не взял обоих на руки.

— Они укоряют меня, — Ричард старался перекрычать поднятый гам, — за то, что я оставил их одних на такой долгий срок.

Николь хохотала, да так, что слезы текли из глаз. Птенцы тянулись длинными шеями к лицу Ричарда. Умолкали только на мгновение, чтобы потереть нижней частью клюва бородатую щеку Ричарда. Они были еще невелики — не более семидесяти сантиметров высотой, когда стояли на обеих ногах, — но длинные шеи делали их выше.

Николь с восхищением наблюдала за тем, как ее муж ухаживал за своими инопланетными подопечными. Он убирал за птенцами, следил, чтобы у них всегда были свежая пища и вода, и даже проверял, мягки ли тюфяки, на которых те спали в уголке детской. *Сколько же тебе пришлось пережить, Ричард Уэйкфилд?* — подумала Николь, вспоминая прежнее его нежелание исполнять мирские обязанности, связанные с воспитанием детей. Она была глубоко тронута его привязанностью к болтливым птичьим отпрыскам. *Должно быть, решила Николь, в каждом из нас гнездится подобная самоотверженная любовь. Просто нужно найти к ней ход через все завалы, нагроможденные наследственностью и внешними условиями.*

Четыре манно-дыни и кусочек ватной сети Ричард хранил в уголке Белой комнаты. Он пояснил что, после того как оказался в Нью-Йорке, не обнаружил в них никаких перемен. «Быть может, подобно семенам, дыни могут дремать долгое время», — предположила Николь, выслушав объяснения Ричарда, рассказавшего ей все, что было

известно ему о сложном жизненном цикле сетчатых организмов.

— Я тоже так думаю, — проговорил Ричард. — Конечно, я не имею представления о том, в каких условиях надо содержать манно-дыни... биология этого вида настолько специфична и загадочна, что я не удивлюсь, если этот процесс каким-то образом управляется малым куском сети.

В первый совместно проведенный вечер Ричард с трудом уложил птенцов спать.

— Они опасаются, что я опять оставлю их в одиночестве, — объяснил Ричард, в третий раз вернувшись к Николь из детской, после того как дружный вопль Тамми и Тимми прервал их обед. Пришлось ввести в Жанну и Алиенору соответствующую программу и отправить их развлекать птенцов. Только тогда ему удалось навести кое-какой порядок среди своих подопечных, в покое и тишине посидеть с Николь.

Прежде чем уснуть, они занялись любовью — медленно и нежно. Раздеваясь, Ричард сообщил, что не уверен в своих возможностях... однако Николь сразу утешила его, заявив, что подобные перспективы или их отсутствие для нее абсолютно не существенны. Она утверждала, что испытывает наслаждение уже от того, что он рядом, что она может обнять его тело, а сексуальные удовольствия послужат лишь наградой. Конечно, все вышло вполне удачно, как было с ними всегда — с первой проведенной вместе ночи. Потом Ричард и Николь лежали рядом, держась за руки. Они молчали. Несколько слезинок, скопившихся в глазах Николь, медленно скатилось по лицу и ушам. Она

улыбнулась во тьме. В этот миг Николь ощущала просто невозможное счастье.

Впервые в их жизни не было никакой спешки, каждую ночь они разговаривали, особенно после любви. Ричард рассказывал Николь о своем детстве и юном возрасте — прежде он о многом умолчал. В частности, рассказал о самых болезненных для него выходках отца и затруднительных обстоятельствах своей неудачной первой женитьбы на Саре Тайдингс.

— Теперь я понимаю, что в характере Сары и отца было нечто общее, — как-то поздно вечером сказал ей Ричард. — Они были просто неспособны выразить одобрение моим действиям, чего я так отчаянно добивался, и притом безусловно понимали, что я буду пытаться получить его даже наперекор собственным интересам.

Со своей стороны Николь впервые поделилась с Ричардом подробностями своего драматического сорокавосемичасового романа с принцем Уэльским, состоявшегося сразу после того, как она завоевала золотую олимпийскую медаль. Она призналась Ричарду, что мечтала выйти замуж за Генри, и была ужасно унижена, осознав, что принц не собирается даже рассматривать ее в качестве претендентки на роль английской королевы в основном из-за цвета кожи. Ричард с крайней заинтересованностью следил за повествованием Николь и ни разу не проявил даже капельки ревности.

За это время он сделался более зрелым, думала Николь несколько ночей спустя, когда муж завер-

шал ежевечерние труды, отправляя своих птичек спать.

— Дорогой, — проговорила Николь, когда Ричард вернулся в спальню. — Я хотела тебе рассказать еще кое о чем... просто ждала подходящего момента.

— Жаль, — Ричард изобразил серьезную озабоченность. — Увы, мне... только прошу — говори побыстрее, у меня есть сегодня кое-какие планы на тебя.

Он пересек комнату и пристал к ней с поцелуями.

— Пожалуйста, Ричард, подожди... — Николь мягко отвела его руки. — Это очень важно для меня.

Ричард отступил на пару шагов.

— Когда я поняла, что меня вот-вот казнят, — медленно проговорила Николь, — я осознала, что уладила все свои личные дела, за исключением двух. Я должна была еще кое-что сказать тебе и Кэти. Я даже попросила полицейского, который объяснил мне, как будет производиться казнь, принести мне перо и бумагу, чтобы написать два предсмертных письма.

Николь остановилась на мгновение, словно бы подыскивая точные слова.

— В те жуткие дни я так и не смогла вспомнить, Ричард, — продолжила она, — что когда-либо говорила тебе, как рада тому, что ты был моим мужем и... Я не хотела умирать, не признавшись в этом...

Она остановилась во второй раз, коротко огля-

дела комнату и снова посмотрела прямо в глаза Ричарду.

— Была и еще одна вещь, которую я собиралась выяснить между нами в этом последнем письме. Я полагала, что иначе не могу завершить свою жизнь и должна оставить этот мир, уладив все свои дела.... Ричард, я хотела извиниться перед тобой за свою настойчивость в отношении Майкла, когда мы... Я ошиблась в том, что затеяла это дело... — Николь глубоко вздохнула. — Нужно было иметь больше веры. Нет, я не хочу сказать, что жалею о том, что Патрик и Бенджи появились на свет, но я понимаю теперь, что слишком быстро сдалась перед лицом одиночества. Мне хотелось бы...

Ричард приложил палец к ее губам.

— Извинений не требуется, Николь, — сказал он тихо. — Я знаю, что ты все время любила меня.

Они легко приспособились к ритму их простого существования. По утрам рука в руке обходили Нью-Йорк, заново обследуя каждый уголок острова, который некогда считали своим домом. Теперь вокруг было темно, и город казался другим. Лишь огни их фонарей освещали загадочные небоскребы, очертания которых были навсегда запечатлены в памяти Уэйкфилдов.

Часто они ходили по набережным города, оглядывая воды Цилиндрического моря. Однажды утром они провели несколько часов на том самом месте, где многие-многие годы назад доверили свои жизни трем птицам. Вместе они вспоминали страх и возбуждение в тот момент, когда огромные

птицеподобные существа оторвали их от земли и понесли за море.

Каждый день после обеда Николь, всегда более нуждавшаяся во сне, чем ее муж, укладывалась вздремнуть. Тем временем Ричард с помощью клавиатуры заказывал у Рамы пищу и все необходимые припасы, или забирал птенцов наверх, чтобы потренировать и поучить их, или же воплощал какую-нибудь из своих многочисленных идей где-нибудь в убежище. Вечером, пообедав в покое, они ложились бок о бок и часами разговаривали, прежде чем заняться любовью или наконец уснуть. Они переговаривали обо всем: о Боге, Орле, раманах, политической ситуации в Новом Эдеме и в первую очередь, безусловно, о детях.

Они охотно беседовали об Элли, Патрике, Бенджи, даже о Симоне, которую не видели уже многие годы. Но Ричард старался не вспоминать о Кэти. Он все время упрекал себя за то, что не был строже со своей любимой дочерью в детские годы, и полагал, что ее безответственное поведение в зрелом возрасте вызвано его попустительством. Николь пыталась утешить и ободрить его, напоминая Ричарду, что обстоятельства их жизни в Раме были весьма необычными, и уж, в конце концов, собственное прошлое никак не могло подготовить его должным образом к той дисциплине, которая требуется от родителей.

Однажды после полудня, когда Николь пробудилась от дремоты, она услышала, как Ричард бормочет себе под нос в коридоре. Полюбопытствовав, она отправилась в комнату, служившую

прежде спальней О'Тулу. Замерев у двери, Николь принялась разглядывать занимавшую бо́льшую часть комнаты объемистую модель, с которой возился Ричард.

— Voilà!* — воскликнул он, давая понять Николь, что слышал шорох ее шагов. — Конечно, не следует ждать наград за художественное мастерство, — ухмыльнулся Ричард, кивая в сторону своего произведения, — однако эта модель удовлетворительно воспроизводит ближайшие к Земле окрестности Вселенной и уже дала мне много пищи для размышлений.

Бо́льшую часть пола покрывал плоский прямоугольный помост, на котором было расположено около двадцати тонких вертикальных стержней различной высоты. На каждом из них находился по крайней мере один раскрашенный шарик, изображавший звезду.

Вертикальный стержень в самом центре модели, с желтой сферой на верхушке, поднимался над платформой примерно на полтора метра.

— Это, конечно, — пояснил Ричард, — наше Солнце... Вот здесь сейчас находимся мы, а точнее, Рама — в этом квадранте, на одной четверти пути, разделяющего Солнце и нашу ближнюю соседку — желтую звезду Тау Кита... Вот Сириус, возле которого мы побывали, когда гостили в Узле.

Николь ходила по модели, разглядывая звездных соседей Солнца.

— В радиусе двенадцати с половиной световых лет от нашего дома умещается двадцать звездных

---

* Вот так! (франц.).

систем, — объяснил Ричард, — в том числе шесть двойных и одна тройная, наша самая близкая соседка Альфа Центавра. Заметь, что лишь Альфа Центавра попадает в сферу радиусом пять световых лет.

Ричард указал на три отдельных шарика, представлявших систему Центавра. Все были разных размеров и цвета. Это трио, присоединенное друг к другу тоненькими проволочками, располагалось на верхнем конце одного вертикального стержня, как раз внутри дуги, окружавшей Солнце и помеченной большой цифрой 5.

— Коротая здесь многие дни в одиночестве, — продолжал Ричард, — я часто задумывался, почему Рама направляется именно в эту сторону. Неужели у нас есть конкретный пункт назначения? Наверное, это так, поскольку траектория полета не изменилась после начала ускорения... А если мы отправляемся к Тау Кита, что мы там обнаружим? Другой комплекс, подобный Узлу? Или *тот же* Узел, только переместившийся туда за это время?..

Ричард остановился. Николь подошла к краю модели и протянула руки вверх к паре красных звезд, расположенных на трехметровом стержне.

— Итак, ты использовал стержни разной длины, чтобы проиллюстрировать пространственное расположение этих звезд, — заключила она.

— Да, вот эта двойная система, к которой ты прикасаешься, называется Струве 2398. У нее очень большое склонение, и она находится на расстоянии чуть более десяти световых лет от Солнца.

Обнаружив легкое недовольство на лице Ни-

коль, Ричард улыбнулся самому себе и пересек комнату, чтобы взять ее за руку.

— Тогда подойди сюда, — проговорил он, — я покажу тебе нечто воистину удивительное.

Они обошли модель с другой стороны и стали лицом к Солнцу, на полпути между Сириусом и Тау Кита.

— Как фантастично, если наш Узел действительно *переместился*, — взволнованно сказал Ричард, — и мы увидим его вновь там, по другую сторону от нашей Солнечной системы?

Николь усмехнулась.

— Конечно, — согласилась она, — но у нас нет никаких свидетельств...

— Нет свидетельств, зато есть мозги и воображение, — перебил ее Ричард. — Кстати, и Орел *утверждал*, что Узел целиком способен к передвижению. И мне кажется... — Ричард замер на полуслове и потом слегка переменил тему. — Тебя никогда не интересовало, куда летал Рама, пока мы спали, оставив Узел? Предположим, например, что птиц и сети подобрали где-нибудь здесь, в районе двойной системы Проциона, а может быть, и здесь, возле Эпсилон Эридана, что нетрудно сделать по пути. Мы ведь знаем, что у этой звезды есть планетная система. А потом Рама мог повернуть к Солнцу и, набрав значительную долю скорости света,...

— Потихе, Ричард. Я не могу за тобой угнаться. Что, если ты начнешь сначала... — она опустилась на помост возле красного шарика, приподнятого над полом лишь на несколько сантиметров, и скрестила ноги. — Если я пра-

вильно понимаю тебя, наше нынешнее путешествие завершится у Тау Кита?

Ричард кивнул.

— Траектория полета чересчур идеальна, чтобы совпадение оказалось случайным. Мы достигнем Тау Кита лет через пятнадцать, и там, я полагаю, наш эксперимент будет завершен.

Николь застонала.

— Я уже стара, — проговорила она. — А к тому времени, если еще буду жива, сморщусь, как сушеная груша... Интересно, как ты полагаешь, что произойдет с нами после «завершения эксперимента»?

— Тут уж требуется воображение... Я считаю, что нас высадят с Рамы, но о дальнейшей судьбе ничего определенно сказать нельзя... Должно быть, она во многом будет зависеть от того, что произойдет за все это время...

— Итак, ты утверждаешь, что Орел и его приятели по-прежнему наблюдают за нами из Узла? Я тоже согласна с этим.

— Совершенно верно. Они столько потратили на этот проект... и, не сомневаюсь, контролируют все, что происходит на Раме... Правда, откровенно говоря, удивлен, почему нас полностью предоставили самим себе... почему они ни разу не вмешались в наши дела. Таков, должно быть, их метод.

Николь молчала несколько секунд, рассеянно оцупывая красный шарик возле себя (Ричард сказал, что он изображает звезду Эпсилон Индейца).

— Судья во мне, — скорбным тоном произнесла она, — опасается того приговора, который

любой разумный инопланетянин вынесет человеку, зная все, что произошло в Новом Эдеме.

Ричард пожал плечами.

— На Раме мы вели себя ничуть не хуже, чем многие столетия на Земле... Кстати, едва ли далеко опередившие нас инопланетные существа способны делать столь субъективные суждения. Если они наблюдают за космоплавателями десятки тысячелетий, как утверждал Орел, значит, у раман давно выработана количественная методика... Безусловно, их скорее интересует наша суть — все, что можно подразумевать под этим словом, — чем хороши мы или плохи.

— Наверное, ты прав, — задумчиво проговорила Николь. — Но меня угнетает, что как вид мы ведем себя столь варварским образом, даже когда можно не сомневаться, что за нами следят. — Помолчав, она продолжила: — Итак, по-твоему, долгое взаимодействие человечества с раманами, начавшееся с прилета первого корабля более сотни лет назад, наконец завершается?

— Полагаю, что так, — ответил Ричард. — Возможно, когда мы достигнем Тау Кита, наша роль в их эксперименте будет окончена. Наверное, когда все сведения о существах, ныне находящихся внутри Рамы, поступят в Великую Галактическую базу данных, Рама будет разгружена. Кто знает, быть может, вскоре этот огромный цилиндр появится в иной планетной системе, где обитает другая раса космопавателей, и начнет новый цикл исследований.

— Это возвращает нас к моему прежнему

вопросу, на который ты не ответил... Что же будет с нами тогда?

— Быть может, нас или наших отпрысков отошлют малой скоростью к Земле... или же утратившие ценность образцы будут уничтожены, дав всю необходимую информацию.

— Ни один из этих вариантов не привлекает меня, — проговорила Николь. — Признаюсь, что, хотя я согласна с тобой в том, что мы направляемся к Тау Кита, все прочие твои гипотезы кажутся мне притянутыми за уши.

Ричард ухмыльнулся.

— Я многому научился у тебя, Николь... Моя гипотеза основывается на интуиции. Просто я исхожу из тех сведений о раманах, которыми располагаю.

— Разве не проще предположить, что у раман имеются путевые станции, разбросанные по всей Галактике, а две самые близкие к нам находятся возле Сириуса и Тау Кита?

— Возможно, — ответил Ричард, — но я нутром чувствую, что это маловероятно. Узел представляет собой потрясающее инженерное сооружение. И если такие гиганты разбросаны по Галактике через каждые двадцать световых лет, тогда их в ней *миллиарды*... А ведь Орел вполне определенно упомянул, что Узел способен передвигаться.

Николь подумала, что подобная перспектива действительно маловероятна. Учитывая невероятную сложность Узла, трудно представить, что его можно миллиарды раз продублировать в каком-то огромном космическом сборочном цехе. Гипотеза Ричарда имела определенный смысл. *Как, однако,*

печально, промелькнула недолгая мысль, что в Галактической базе данных нас запомнят по столь негативной информации.

— А как же птицы, сети и наши старые приятели октопауки укладываются в твою схему? — спросила Николь минуту спустя. — Или они наряду с нами часть того же самого эксперимента?... Тогда выходит, что на борту Рамы находится и колония октопауков, с представителями которой мы еще не встретились?

Ричард кивнул снова.

— Этот вывод неизбежен. Если каждый эксперимент завершается наблюдением за репрезентативным образцом расы космических путешественников, находящимся в управляемой ситуации, то и октопауки, конечно, должны оказаться здесь... — Он нервно расхохотался. — Быть может, кто-то из наших старинных приятелей с Рамы II и сейчас разделяет наше общество на этом корабле.

— Какая очаровательная идея, особенно перед сном, — сказала Николь с улыбкой. — Если ты прав, у нас с тобой впереди еще пятнадцать лет, которые придется провести на корабле, населенном не только людьми, стремящимися поймать нас с тобой и убить, но также огромными и скорее всего разумными пауками, природы которых мы не знаем.

— Конечно, — проговорил Ричард с ухмылкой, — я могу и ошибаться.

Николь встала и направилась к двери.

— Куда ты идешь? — спросил Ричард.

— В постель, — объявила Николь со смехом. — По-моему, у меня началась головная боль. Обра-

щаться в мыслях к бесконечному я могу лишь конечный отрезок времени.

6

На следующее утро, когда Николь открыла глаза, Ричард уже склонялся над ней с двумя полными рюкзаками.

— Давай сходим и поищем октопауков, — взволнованно проговорил он, — за черный экран... я оставил Тамми и Тимми еды и питья на два дня и запрограммировал Жанну и Алиенору, чтобы они отыскиали нас в случае необходимости.

За завтраком Николь внимательно разглядывала своего мужа. В его глазах светились энергия и жизнь. *Таким Ричарда я помню лучше всего*, сказала себе она. *Приключения всегда составляли самую важную часть его жизни.*

— Я был там два раза, — сказал Ричард, как только они нырнули под приподнятый экран, — но никогда не доходил до конца прохода.

Экран закрылся позади них, оставив Ричарда и Николь в темноте.

— А мы не застрянем по эту сторону навсегда? — спросила Николь, пока они проверяли фонарики.

— Ни в коем случае, — ответил Ричард. — Экран не может подниматься и опускаться чаще чем раз в минуту. И если кто-нибудь или что-нибудь приблизится к нему, он поднимется сам собой. — Через несколько секунд он продолжил: — А теперь я должен предупредить тебя, прежде чем мы стронемся с места. Этот ход очень

долог. Я углублялся в него не менее чем на километр, но ни разу ничего не видел... Даже поворота. В коридоре нет абсолютно никакого освещения. Поэтому начало пути окажется очень скучным... однако мы непременно куда-нибудь придем, поскольку биоты, приносящие нам припасы, безусловно, ходят этим путем.

Николь взяла его руку.

— Только не торопись, Ричард, — непринужденно проговорила она. — Мы с тобой не так молоды, как прежде.

Ричард посветил фонариком на волосы Николь, теперь уже совершенно седые, потом на собственную седую бороду.

— Вот старые дураки, не так ли? — весело произнес он.

— Только ко мне твое прилагательное не относится, — Николь стиснула его руку.

Коридор оказался куда длиннее километра. На ходу Ричард и Николь разговаривали о его удивительных приключениях во втором поселении.

— Я был совершенно потрясен, когда дверь лифта раздвинулась и мирмикоты впервые оказались передо мной, — сказал Ричард.

Он уже во всех подробностях описал Николь свое пребывание среди птиц и добрался в хронологии до того момента, когда спустился на дно цилиндра.

— Я просто застыл от страха. Они были лишь в трех или четырех метрах от меня и оба глядели на меня. Жидкость молочного цвета в их огромных овальных нижних глазах перетекала из стороны в сторону, а пара глаз на стебельках склонялась,

чтобы лучше видеть меня. — Ричард поежился. — Никогда не забуду этого мгновения.

— Давай проверим, правильно ли я представляю их биологию, — проговорила Николь несколько мгновений спустя, когда они как будто бы обнаружили развилку в конце коридора. — Мирмикоты развиваются в манно-дыне, их ждет недолгая, но активная жизнь, потом они умирают внутри сети и отдают ей весь накопленный в жизни опыт. Их жизненный цикл завершается, когда внутри сети вырастает новая манно-дыня. Количество созревающих существ в какой-то мере ограничивается числом активных мирмикотов.

Ричард кивнул.

— Быть может, это не совсем правильно, но достаточно правдоподобно.

— Однако мы, наверное, упускаем из виду единственное условие, без которого манно-дыня остается бесплодной.

— Я надеялся, что ты поможешь мне решить эту загадку. В конце концов, доктор, у меня нет твоих познаний в биологии.

Коридор впереди разделился надвое. Обе ветви направлялись под углом в 45° к длинному прямому проходу, идущему из убежища.

— Ну, мадам де Жарден, куда пойдём? — улыбаясь, Ричард посветил фонарем в обе стороны. Тоннели казались совершенно одинаковыми.

— Давай сперва налево, — проговорила Николь, как только Ричард набросал контуры карты в своем переносном компьютере. Лишь через несколько сотен метров левый проход начал меняться: коридор расширился, превратился в

наклонный пандус, огибавший чрезвычайно толстую сердцевину, и опустился по крайней мере еще на сотню метров в глубь оболочки Рамы. Спускаясь вниз, Ричард и Николь заметили впереди свет. Наконец перед ними оказался длинный широкий канал с отлогими берегами. Слева на противоположном берегу канала обнаружилась пара крабовидных биотов, немедленно заторопившихся прочь от людей; за биотами маячил мост. Справа по каналу двигалась баржа, нагруженная разнообразными предметами неизвестного назначения; она увозила в подземный мир черные, белые и серые вещи.

Обозрев окрестности, Ричард с Николь переглянулись.

— Ну что ж, Алиса, мы вернулись с тобой в Страну чудес, — коротко рассмеялся Ричард. — Давай-ка перекусим, пока я введу всю информацию в мой верный компьютер!

Пока они ели, вдоль берега канала пробежал биот-многоножка. Он ненадолго остановился, чтобы поглядеть на людей, потом проследовал мимо, направляясь к пандусу, по которому только что спустились Ричард с Николь.

— А во втором поселении ты видел крабов или многоножек? — спросила Николь.

— Нет, — ответил Ричард.

— Помнишь, а ведь мы с тобой специально исключили их из планов для Нового Эдема, разве не так?

Ричард ухмыльнулся.

— Действительно, так оно и было. Ты тогда убедила нас с Орлом в том, что обычным людям

довольно неприятно иметь дело с такими созданиями.

— Поэтому не свидетельствует ли их присутствие здесь о существовании третьего поселения? — поинтересовалась Николь.

— Возможно. В конце концов мы совершенно не представляем, что происходит сейчас в Южном полуцилиндре. Мы не были там со времени перестройки Рамы. Однако есть и другое объяснение. Предположим, что крабы, многоножки и прочие раманские биоты здесь вездесущи... ты ведь понимаешь, что я хочу сказать. Быть может, они населяют все части Рамы и используются во всех путешествиях, если только какой-нибудь конкретный космоплаватель не потребует убрать их.

Когда Николь с Ричардом позавтракали, слева появилась новая баржа. Подобно своей предшественнице, она была нагружена черными, белыми и серыми предметами.

— Смотри, а эти другие, не такие, как на первой барже, — заметила Николь. — Ну, прямо как те запасные части к биоту-многоножке, оказавшиеся в моей яме.

— Возможно, ты права, — проговорил Ричард, вставая. — Давай, пойдем вдоль канала и посмотрим, куда он нас приведет. — Он поглядел сперва на сводчатый потолок в десяти метрах над их головами, потом на пандус, оставшийся за спиной. — Если я не ошибся в вычислениях и Цилиндрическое море не глубже, чем я думаю, этот канал проходит с юга на север под самим морем.

— Итак, следуя за баржей, мы вернемся под Северный полуцилиндр? — спросила Николь.

— Полагаю, что так, — заключил Ричард.

Они шли вдоль канала более двух часов. За исключением трех биотов-пауков, дружной бригадой шедших по противоположному берегу, Ричард и Николь не увидели ничего нового. Мимо них вниз по течению проплыли еще две баржи, перевозившие примерно тот же самый груз; время от времени им встречались биоты-многоножки и крабы, никак не реагируя на присутствие людей. Наконец, они подошли к новому мосту, перекинутому через канал.

Ричард и Николь дважды передохнули, попили воды и закусили, неторопливо беседуя. Во время второго привала Николь предложила повернуть назад. Ричард проверил часы.

— Давай-ка еще часок, — проговорил он. — Если чувство ориентации не отказывает мне, мы с тобой должны уже оказаться под Северным полуцилиндром. Рано или поздно мы дойдем до того места, где эти баржи принимают свой груз.

Он оказался прав. Пройдя вдоль канала еще около километра, Ричард с Николь завидели вдали большое пятиугольное сооружение. Когда они подошли ближе, стало заметно, что канал уходит внутрь его, уводя к центру пятиугольника. Само перегораживающее канал сооружение поднималось над водой метров на шесть. В молочно-белых стенах под плоской крышей не было окон. Каждая из пяти секций-крыльев простиралась на двадцать-тридцать метров от центра этого здания.

Пешеходная дорожка вдоль канала заканчивалась лестницей, поднимавшейся к округлой дорожке, огибавшей весь пятиугольник. Подняться к ней можно было и с другой стороны канала. Биот-многоножка как раз использовал обходную дорожку, чтобы перебраться с одного берега на противоположный.

— И куда же, по-твоему, он направляется? — поинтересовалась Николь, пока оба они отошли в сторону, чтобы пропустить биота.

— Возможно, в Нью-Йорк, — ответил Ричард. — Когда птенцы еще не проклюнулись, во время моих долгих прогулок я иногда видел их вдали.

Они остановились перед единственной дверью в стене сооружения, выходявшей в сторону канала.

— Итак, входим? — спросила Николь.

Ричард кивнул и распахнул дверь. Николь пригнулась и вступила внутрь. Они оказались в огромной светлой комнате, занимавшей около тысячи квадратных метров; высота потолка составляла метров пять. Пешеходная дорожка пролегла в двух-трех метрах над полом, поэтому Ричард и Николь видели все, что происходило внизу. Автоматы-рабочие, рассчитанные на выполнение определенной операции, — с такими биотами они еще не встречались, — разгружали две баржи, распределяя груз в соответствии с заранее намеченным планом. Многие предметы они прямо перегружали на грузовые биоты; наполнившись, те исчезали в одной из задних дверей.

Понаблюдав несколько минут, Ричард и Николь продолжили путь по мосткам, к месту их пересе-

чения, — как раз над самым центром комнаты. Ричард остановился и сделал некоторые пометки в компьютере.

— По-моему, все очень просто, — сказал он Николь. — Можно повернуть налево или направо, в любом случае мы попадем в другое крыло.

Николь предпочла повернуть направо, поскольку биоты-грузовики, по ее мнению, развозившие запасные части для биотов-многоножек, отправлялись именно в эту сторону. Ее наблюдения оказались правильными. Попав во вторую комнату — в точности такую же, как и первая, — Ричард и Николь заметили, что под ними как раз и собирают оба типа биотов: и многоножек, и крабов. Ричард с Николь остановились, чтобы проследить за процессом.

— Интереснейшая вещь, — произнес Ричард, закончив заносить схему фабрики биотов в компьютер. — Ты готова идти?

Когда Ричард обернулся к Николь, она увидела, как его глаза расширились.

— Не оборачивайся, — спокойно проговорил он секундой позже, — мы не одни.

Николь все-таки поглядела назад. На противоположной стороне зала, метрах в сорока от людей, на мостках появилась пара октопауков; они медленно приближались к людям. Из-за шума, производимого фабрикой, ни Ричард, ни Николь не слышали знакомого шелеста металлических щеток.

Октопауки остановились, заметив, что люди обнаружили их. Сердце Николь отчаянно колотилось. Она ясно вспоминала ту самую встречу с октопауком, когда ей пришлось извлекать Кэти

из логова этих созданий на Раме II. Как и тогда, она ощущала только потребность бежать.

Она стиснула руку Ричарда, пока оба они глядели на инопланетян.

— Пошли, — проговорила Николь едва слышно.

— Я испуган не меньше тебя, — ответил он, — но давай немного подождем. Ведь они не шевелятся.

Сконцентрировавшись на ведущем октопауке, Ричард тщательно набрасывал в уме картинку. Почти сферическое тело диаметром около метра оказалось пепельно-серым; на нем не было видно ничего, кроме вертикальной щели длиной в двадцать-двадцать пять сантиметров, опускавшейся с тмени к окружности тела, внизу разделявшегося на восемь распластавшихся по полу черно-золотых щупалец, каждое около двух метров длиной. Изнутри вертикальной щели выступали бугорки и морщины неизвестного назначения (*какие-то сенсоры*, подумал Ричард), причем самой крупной оказалась четырехугольная структура, как будто наполненная какой-то жидкостью.

Обе пары существ смотрели друг на друга с противоположных сторон комнаты, и по «голове» первого паука побежала яркая пурпурная волна. Начинаясь она от одного из параллельных краев вертикальной щели. Волна обежала вокруг головы и исчезла на противоположном краю щели, совершив полный оборот в 360°. Через несколько секунд за ней последовала сложная цветовая волна, состоявшая из красных, зеленых и бесцветных полос.

— Так было и когда мы с Кэти видели того октопаука, — нервно бросила Николь, обращаясь к Ричарду. — Она объяснила мне, что таким манером он разговаривал с нами.

— Увы, мы никак не можем узнать, о чем он сейчас говорит, — ответил Ричард, — но, если октопауки обладают речью, это отнюдь не означает, что нам ничего не грозит... — И пока ведущий октопаук продолжал свою цветовую речь, Ричард вдруг вспомнил эпизод, имевший место много лет назад во время его одиссеи на Раме II. Он тогда лежал на столе, окруженный пятью или шестью октопауками, у всех по головам бежали цветковые волны. Ричард четко помнил тот ужас, который испытал, когда по указке восьмируких врачей непонятные небольшие существа полезли в его нос.

Ричард сразу же почувствовал головную боль.

— Со мной они обходились совсем не так благородно. Когда...

В этот момент в зале открылась дальняя дверь, из нее появилось еще четыре октопаука.

— Достаточно, — проговорил Ричард, ощутив, как напряглась Николь возле него. — Кажется, нам пора уходить.

Ричард и Николь выбежали на середину зала — туда, где дорожка пересекалась с другой, уводившей из здания. Они повернули к выходу и остановились, сделав буквально несколько шагов. Еще четыре октопаука появились и в этой двери. Теперь разговаривать было не о чем. Повернувшись, Ричард и Николь бросились на главную внутреннюю дорожку и молнией метнулись в третье крыло пятиугольного сооружения. На

этот раз они бежали не сворачивая, пока не оказались внутри крыла. Тут уже было совершенно темно. Люди замедлили бег, и Ричард вынул фонарик, чтобы обозреть окрестности. На полу под ними было расставлено разнообразное сложное оборудование, однако никаких признаков деятельности не наблюдалось.

— А не попробовать ли нам выйти? — спросил Ричард, опуская фонарик обратно в карман куртки. Николь кивнула, Ричард увлек ее за руку к пересечению дорожек, и они повернули направо — вон из пятиугольного здания.

Через несколько минут люди оказались в темном коридоре на совершенно неизвестной им территории. Оба устали, Николь дышала с трудом.

— Ричард, мне надо передохнуть. Я теперь не могу носиться как прежде.

Ричард и Николь торопливо прошли по пустому и темному коридору около пятидесяти метров. Слева оказалась дверь. Ричард осторожно заглянул в нее, осветил фонариком.

— Должно быть, какой-то склад, — проговорил он. — Но сейчас тут никого нет.

Ричард вошел в комнату, окинул взглядом через дверь в противоположной стене какое-то пустовавшее помещение и повернулся к Николь. Они сели, припав спиной к стене.

— Когда мы вернемся в наше убежище, дорогой, — сказала Николь через несколько секунд, — я хочу, чтобы ты помог мне обследовать сердце. Последнее время я ощущаю непонятные боли.

— А теперь с тобой все в порядке? — спросил Ричард с тревогой в голосе.

— Да, — ответила Николь. Улыбнувшись в темноте, она поцеловала мужа. — Насколько такое возможно после бегства от шайки октопауков.

7

Николь тревожно спала, прислонившись к стене; голова ее покоилась на плече Ричарда. Один кошмар сменялся другим. Вздрыгнув, она просыпалась, потом задремывала снова. В последнем кошмаре Николь шла на какой-то остров вместе со своими детьми. К берегу приближалась огромная приливная волна. Николь была в отчаянии — ведь дети разбрелись по острову. Как спасти всех? И вздрогнув, она пробудилась.

Она обняла спавшего мужа.

— Ричард, просыпайся. Что-то не так.

Сперва Ричард не пошевелился. Но, когда Николь прикоснулась к нему во второй раз, он медленно открыл глаза.

— В чем дело? — спросил он наконец.

— Мне кажется, здесь небезопасно, — ответила она. — По-моему, пора идти.

Включив фонарик, Ричард медленно повел лучом вокруг комнаты.

— Но здесь никого нет, — негромко проговорил он. — И я не слышу... Быть может, нам следует отдохнуть подольше?

Пока они сидели в тишине, страхи Николь только усилились.

— У меня сильное предчувствие опасности. Я знаю, что ты не веришь в подобные вещи, однако

за всю жизнь я ни разу не ошиблась в своих предчувствиях.

— Хорошо, — наконец проговорил Ричард. Он встал и перешел комнату, чтобы открыть дверь, выходящую в аналогичное помещение. Он заглянул в него. — Здесь тоже ничего, — сказал он через несколько секунд. Вернувшись, Ричард открыл дверь в коридор, по которому они бежали из пятиугольного сооружения. И едва дверь распахнулась, они с Николь услышали отчетливый шум, издаваемый металлическими щетками.

Николь вскочила на ноги. Ричард закрыл дверь и, не издавая ни звука, поспешил к ней.

— Живо, — шепотом сказал он. — Придется искать другой выход.

Они прошли следующую комнату, затем вторую, третью; все оказались темными и пустыми. Передвигаясь по незнакомой территории, люди потеряли чувство направления. Наконец, в одной из многих неотличимых друг от друга комнат они обнаружили большую двойную дверь на противоположной от входа стене. Ричард велел Николь шагнуть в сторону, а сам осторожно отодвинул левую створку двери.

— Вот черт! — воскликнул он, как только заглянул в комнату. — Что это может быть?

Николь подошла к Ричарду и, следуя за лучом фонарика, оглядела странное помещение. В нем было полно разных предметов. Возле двери располагалась огромная амеба на скейтборде, за ней находился громадный шар из витой проволоки, сверху из него торчали две антенны. В комнате не слышно было ни звука, ни движения. Ричард

поднял фонарик повыше и быстро осветил им загроможденную комнату.

— Посвети назад, — взволнованно проговорила Николь, заметив нечто знакомое. — Туда, в нескольких метрах влево от двери.

И через долю секунды луч осветил четыре человекоподобные фигуры; в шлемах и космических костюмах они сидели у дальней стены.

— Это человекоподобные биоты, — объявила Николь, — те самые, которых мы с тобой видели перед встречей с Майклом О'Тулом у подножия кресельного лифта.

— Нортон и компания? — с недоверием спросил Ричард, холодок страха пробежал по его спине.

— Боюсь, что так, — отозвалась Николь.

Они медленно вошли в комнату и, на цыпочках обходя выставленные в ней объекты, пробрались к заинтересовавшим их фигурам. Ричард и Николь остановились возле четырех людей.

— Тут у них, должно быть, свалка непужных биотов, — сказала Николь, убедившись в том, что лицо за прозрачным шлемом действительно принадлежит капитану Нортону, возглавлявшему первую экспедицию на Раму.

Ричард встал и качнул головой.

— Поверить не могу. Зачем они здесь? — Ричард повел фонариком по комнате.

Секунду спустя Николь взвизгнула: не более чем в четырех метрах от нее обнаружился медленно шевелившийся октопаук. Во всяком случае, так ей показалось в неровном свете. Ричард бросился к жене. Они быстро убедились в том, что перед

ними всего лишь биот, и несколько минут хохотали.

— Ричард Уэйкфилд, — проговорила Николь, наконец одолев истерический хохот. — Я хочу домой. С меня хватит.

— С меня тоже, — улыбаясь, ответил Ричард, — если только мы сумеем найти дорогу к дому.

Они все глубже и глубже проникали в лабиринт комнат и тоннелей, окружавших пятиугольное сооружение. Николь уже решила, что обратного пути им не найти. Наконец, Ричард замедлил шаг и начал заносить информацию в свой портативный компьютер. Так он сумел добиться, чтобы они перестали ходить по кругу. Впрочем, он так и не смог привести свою карту в соответствие с теми ориентирами, на которые они полагались, прежде чем удариться в бегство от октопауков.

Словом, и Ричард, и Николь уже начали впадать в отчаяние, когда навстречу им попался биот-грузовичок, перевозивший по узкому коридору какой-то странный набор небольших непонятных предметов. Ричард немедленно ощутил облегчение.

— Судя по виду этих штуквин, похоже, они сделаны по чьему-то заказу, — сказал он Николь, — как те предметы, которые приносят нам в Белую комнату. Если мы направимся в том направлении, откуда приехал биот, то, возможно, сумеем обнаружить место, где изготавливают предметы по нашим запросам. Дорогу к нашему убежищу оттуда найти несложно.

Путь оказался долгим. И через несколько часов, когда коридор, расширившись, привел их в ог-

ромный фабричный цех с очень высоким потолком, они были в полном изнеможении. В центре цеха располагалось двенадцать приплюснутых цилиндров, напоминавших старинные паровые котлы; высота их не превышала четырех-пяти метров, а поперечник составлял около полутора метров. Котлы были поставлены в четыре ряда — по три штуки.

Конвейеры — конечно, в раманском понимании этого устройства — входили в котлы и выходили из них. Когда Ричард с Николь появились в цехе, все котлы действовали. Ричард был просто заморожен.

— Погляди-ка, — проговорил он, показывая на просторный склад, уставленный штабелями предметов всех видов и размеров. — Должно быть, это — сырье. Запросы принимает центральный компьютер, который надо думать, располагается в том сооружении за котлами; обработав информацию, он передает ее одной из машин. Выходят биоты, берут необходимое и кладут на конвейеры. Внутри котлов сырье обрабатывается, итоговой продукцией является объект, который заказало разумное создание с помощью такой же, как у нас, клавиатуры или ее эквивалента.

Ричард приблизился к ближайшему действующему котлу.

— Но главное в том, — продолжал он, кипя возбуждением, — какие процессы происходят внутри котла? Химические? Или, быть может, ядерные... например, превращение элементов? Или технология производства на Раме выходит за пределы нашего понимания?

Он несколько раз постучал по корпусу действующего котла.

— Крепкие, — объявил Ричард, пригибаясь к конвейеру, и протянул руку, явно собираясь засунуть ее внутрь.

— Ричард, — вскричала Николь, — а ты не думаешь, что это глупо?

Поглядев на жену, Ричард пожал плечами. Но, когда он вновь склонился, чтобы разглядеть, как взаимодействуют конвейер и котел, откуда-то из глубины большого помещения выскочил забавный биот, похожий на кинокамеру с ножками. Он быстро внедрился между Ричардом и конвейером, а потом раздулся, отодвигая Ричарда от не прекращавшего работу устройства.

— Интересный способ, — тоном знатока проговорил Ричард. Он повернулся к Николь. — У этой установки великолепная система защиты от отказов.

— Ричард, если ты не возражаешь, давай возвратимся к нашему основному занятию. Или ты забыл, что мы не знаем, как вернуться к себе домой?

— Подожди чуточку, — ответил Ричард. — Я хочу посмотреть, что выйдет из этого котла. Быть может, по виду изделия я смогу понять происходящие внутри процессы, раз мы с тобой уже знаем, что за сырье использовалось.

Николь покачала головой.

— Прости, я уже успела забыть, какой ты крохобор в своей науке, как любишь покопаться в любой свалке в поисках новых знаний. Из всех известных мне людей лишь ты один, заблудив-

шись в лесу, остановишься, чтобы как следует разглядеть неизвестное растение или животное.

На противоположной стороне огромного помещения Николь обнаружила другой длинный коридор. Через час ей, наконец, удалось убедить Ричарда и увести его от загадок инопланетной фабрики. Куда ведет новый коридор, люди не знали, но это было их единственной надеждой. И снова они шли, шли и шли. И едва Николь в очередной раз начинала уставать и отчаиваться, Ричард принимался ее ободрять, напоминая о чудесах, которые они видели в этом походе.

— Удивительнейшее место, просто голова кругом, — проговорил он, едва справляясь с возбуждением. — Нечего и думать, чтобы осознать весь его смысл... мы не только что не одни во Вселенной... мы даже не находимся у вершины ее пирамиды, если учитывать наши способности...

Энтузиазм Ричарда сумел поддержать в них силы, и, когда, наконец, они вышли к развилке в коридоре, оба были уже близки к истощению. Увидев углы коридора, Ричард понял, что они вернулись к началу пути — той развилке, что располагалась не далее чем в двух километрах от их убежища.

— Ура! — завопил Ричард, ускоряя шаг. — Гляди-ка, — крикнул он Николь, посвечивая вперед фонариком, — мы почти дома.

Но звук, который в ту же секунду услышала Николь, заставил ее замереть на месте.

— Ричард, — закричала она, — выключи свет. Он быстро обернулся, едва не упав, и выключил

фонарик. Через несколько секунд сомнения исчезли. Шум приближался.

— Побежали вперед, — завопила Николь, проскакивая мимо мужа, как и подобает хорошему спринтеру. Ричард достиг экрана, секунд на пятнадцать опередив первого из октопауков. Инопланетяне двигались со стороны канала. Убегая от них, Ричард обернулся и посветил назад фонариком. В этот короткий миг он сумел заметить по крайней мере четыре помеченные цветными полосами головы, приближающиеся из тьмы.

Они стащили в Белую комнату всю мебель, которую сумели отыскать, и завалили черный экран. Несколько часов Ричард и Николь просто ждали, готовые в любой момент увидеть, как экран ползет вверх и в их подземелье врываются октопауки. Но ничего не случилось. Наконец они оставили Жанну и Алиенору в Белой комнате сторожить и провели всю ночь в детской с Тамми и Тимми.

— Почему октопауки не последовали за нами? — удивился Ричард на следующее утро. — Не сомневаюсь, они знают, что экран поднимается автоматически. И если бы они дошли до конца коридора...

— Возможно, они не захотели пугать нас, — перебила его Николь. Чело Ричарда нахмурилось, и он вопросительно поглядел на Николь. — У нас нет бесспорных доказательств враждебности к нам октопауков, — продолжала Николь, — за исключением твоей реакции на их действия, когда ты был у них в плену во время своей давнишней

одиссеи... учти они не причинили вреда ни Кэти, ни мне, а вполне могли это сделать. К тому же, они все-таки возвратили нам тебя.

— Но тогда я находился в глубокой коме, — ответил Ричард, — и уже не представлял никакого интереса, как подопытный объект... Кстати, а как насчет судьбы Такагиси? И нападения на принца Хэла и Фальстафа?

— Каждый из этих случаев, может, и не связан с враждебностью октопауков. Но вот что смущает меня. Предположим, Такагиси умер от сердечного приступа. Предположим также, что октопауки сохранили его тело, сделав из него чучело для какой-нибудь выставки, скажем для обучения своих отпрысков... Мы и сами могли бы поступить подобным образом...

Николь помедлила, прежде чем продолжить.

— Что касается нападения, как ты назвал его, на принца Хэла и Фальстафа, возможно, причиной его было непонимание... Что, если твои крохотные роботы забрели в очень важное место, в гнездо или храм октопауков... вполне естественно, они стали защищать свою ценность.

— Я озадачен, — проговорил Ричард, помедлив. — Вот ты сейчас защищаешь передо мной октопауков... но вчера удирала от них куда быстрее меня.

— Да, — задумчиво ответила Николь. — Признаюсь, я была в ужасе. И мои животные инстинкты повелевали бежать, но сегодня я разочарована собой. Мы, люди, считаем, что разум способен одолеть инстинкты... тем более при нашем с тобой опыте. После всего, что мы

видели на Раме и в Узле, следовало бы приобрести иммунитет к ксенофобии.

Ричард улыбнулся и кивнул.

— Итак, ты предполагаешь, что, возможно, октопауки просто пытаются вступить с нами в некую разновидность мирных контактов?

— Не исключено, — ответила Николь. — Я не знаю, чего они хотят. Но могу вполне определенно заявить, что никогда на моих глазах они не совершали никаких явно враждебных действий.

Ричард несколько секунд рассеянно разглядывал стены, потом потер лоб.

— Хотелось бы мне припомнить подробности моего пребывания у них. Всякий раз, когда я пытаюсь сконцентрироваться на том периоде своей жизни, у меня немедленно начинается жуткий приступ головной боли... воспоминания об октопауках не сопровождались неприятными ощущениями лишь тогда, когда я находился внутри сети.

— Твоя одиссея завершилась давным-давно. Быть может, октопауки также способны учиться и с тех пор изменили свое отношение к нам.

Ричард встал.

— Хорошо, — проговорил он. — Ты убедила меня. И в следующий раз, увидев октопаука, мы не побежим, — он расхохотался. — Во всяком случае, не сразу.

Прошел еще месяц. Ричард и Николь более не ходили за черный экран и не встречались с октопауками. Дни свои они проводили ухаживая за птенцами, которые учились летать, и наслаж-

даясь обществом друг друга. Они разговаривали о детях и вспоминали прошлое.

— Выходит, мы с тобой теперь старые, — сказала Николь однажды утром, когда они с Ричардом гуляли по одной из трех центральных площадей Нью-Йорка.

— С чего ты это решила? — ответил Ричард с ухмылкой. — Только потому, что мы проводим время в разговорах, вспоминая былые события, или потому, что ежедневное пребывание в отхожем месте требует теперь больше времени и энергии, чем секс? Но это еще не значит, что мы старики.

Николь усмехнулась.

— Неужели дошло и до этого? — проговорила она.

— Не совсем, — ответил Ричард, поддразнивая ее. — Я по-прежнему люблю тебя, как мальчишка... но время от времени любовь отодвигается в сторону: тут болит, там болит... раньше со мной этого не бывало. Кстати, ты просила меня напомнить, чтобы я помог тебе обследовать сердце?

— Да, — Николь кивнула. — Но вообще-то ты ничего особенного не можешь сделать. Я прихватила с собой лишь стетоскоп и сфигмометр и несколько раз уже обследовала себя... но не смогла обнаружить ничего необычного, кроме случайных перебоев в сердце и одышки. — Она улыбнулась. — Возможно, причиной всему волнения... и, конечно, возраст.

— Будь здесь наш зять-кардиолог, — сказал Ричард, — он мог бы тщательно обследовать тебя.

Они молча шли несколько минут.

— А ты не скучаешь по детям, а? — спросил Ричард.

— Скучаю, — Николь вздохнула. — Но стараюсь пореже вспоминать о них. Так хорошо жить, тем более вместе с тобой. Несомненно, здесь гораздо лучше, чем в тюрьме, особенно в те последние месяцы... к тому же у меня столько чудесных воспоминаний о своих детях...

— Господь даровал мне мудрость, чтобы смириться с вещами, которые я не могу переменить, — вспомнил чужую мысль Ричард. — Это одно из лучших твоих качеств, Николь... я всегда слегка завидовал твоему хладнокровию.

Николь неторопливо шла.

Чьему хладнокровию? — повторила она про себя, вспоминая тревоги, одолевавшие ее после смерти Валерия Борзова, как раз когда произошла стыковка «Ньютона» с Рамой. *Тогда я не смогла уснуть до тех пор, пока не сумела, наконец, убедить себя в том, что погиб он не по моей вине.* Она коротко обежала умственным взором последующие года. *Хладнокровие, если таковое мне присуще, я приобрела недавно: материнство и возраст позволяют по-иному взглянуть на себя и на мир.*

Несколько мгновений спустя Ричард остановился и повернулся к Николь.

— А знаешь, я очень тебя люблю, — вдруг проговорил он, с пылом обнимая жену.

— Чего это ты? — спросила Николь несколько секунд спустя, удивленная неожиданным взрывом эмоций.

Ричард задумался.

— Последнюю неделю, — взволнованно произ-

нес он, — я разрабатывал совершенно безумный, но великолепный план. Я знаю, как он опасен и, пожалуй, даже глуп, но, подобно всем прежним, новая идея не отпускает меня... Дважды я вставал с постели посреди ночи, чтобы обдумать детали... Я уже хотел рассказать тебе обо всем, но решил сперва убедиться в том, что это возможно...

— Абсолютно не представляю, о чем ты говоришь, — нетерпеливо проговорила Николь.

— О детях. Я придумал, как устроить им побег сюда, в Нью-Йорк. Я даже начал перепрограммировать Жанну и Алиенору.

Николь глядела на мужа. Ее эмоции боролись с рассудком. Он принялся рассказывать ей план бегства.

— Подожди минуточку, Ричард, — перебила его Николь через несколько секунд. — Мы должны ответить сперва на главный вопрос... почему это ты решил, что дети обязательно *захотят* бежать? В Новом Эдеме их никто не преследует — они не в тюрьме. Конечно, Накамура — тиран. Жизнь в колонии трудна и безрадостна, но, насколько я знаю, наши дети свободны, как и все остальные граждане. Но если они попытаются добраться до нас и не сумеют этого сделать, их жизнь окажется в опасности... Кстати, здешнее существование — для нас вполне сносное — едва ли покажется им раем.

— Я знаю... знаю... — ответил Ричард. — Быть может, меня чересчур увлекло желание увидеть их снова... но чем мы рискуем, если пошлем Жанну и Алиенору переговорить с ними? Патрик и

Элли — взрослые люди, они сами способны принимать решения...

— А как насчет Бенджи и Кэти? — спросила Николь.

Ричард нахмурился.

— Конечно, Бенджи самому сюда не добраться, поэтому о нем речь может идти только в том случае, если кто-то из остальных решит помочь ему. Что же касается Кэти, то у нее неустойчивый характер и она непредсказуема... возможно, она даже выложит все Накамуре... Я думаю, иного выхода нет: нам придется обойтись без нее...

— Родители никогда не должны оставлять надежду, — негромко произнесла Николь, обращаясь столько же к себе, сколько и к Ричарду. — Кстати, — добавила она, — как насчет Макса и Эпонины? Учитывая, что они практически стали членами семьи...

— Действительно, Макс самым идеальным образом может организовать новый побег из колонии, — проговорил Ричард, вновь воспламеняясь. — Он проделал фантастическую и безошибочную работу, чтобы спрятать тебя, а потом доставить к озеру Шекспир. Патрику и Элли потребуется зрелый и уравновешенный человек, способный проконтролировать все детали операции... В моем плане Жанна и Алиенора должны сначала встретиться с Максом. Не только потому, что он уже знаком с моими роботами — просто Макс способен объективно оценить реальность этого плана. Если через роботов он даст нам знать, что считает идею неудачной, мы откажемся от нее.

Николь позволила себе представить то блаженство, которое почувствует, когда сумеет вновь обнять кого-нибудь из своих детей. Невозможное чувство.

— Ну, хорошо, Ричард, — наконец сказала она с улыбкой. — Сознаюсь, ты заинтересовал меня... Давай обговорим все подробнее... но сперва мы должны обещать себе, что не станем *ничего* делать, пока не убедимся в том, что детям никакая опасность не угрожает.

8

Сразу после обеда, извинившись, Макс Паккетт и Элли Тернер, оставив Эпониноу, Роберта и маленькую Николь, вышли из дома Макса. Убедившись, что никто не может их подслушать, фермер начал рассказывать Элли о недавнем визите маленьких роботов. Элли не могла поверить своим ушам.

— Ты, конечно, ошибся, — проговорила она. — С чего они вдруг решили, что мы собираемся оставить...

Приближаясь к амбару, Макс приложил палец к губам.

— Можешь сама переговорить с ними, — шепотом сказал он. — Но, если верить этим крохотным персонам, в этом подzemелье хватит места для всех нас; кстати, ты сама провела там первые годы своей жизни.

Внутри амбара было темно. Но пока Макс включал свет, Элли уже успела заметить крохотные светящиеся фигурки роботов на одном из подоконников.

— Здравствуй, Элли, — проговорила маленькая Жанна, все еще облаченная в панцирь. — Твои отец и мать хорошо себя чувствуют и посылают тебе свой привет.

— Мы явились к тебе, — высказалась Алиенора, — поскольку Макс решил, что ты сама должна выслушать наше сообщение. Ричард и Николь приглашают вас и ваших друзей в старое подземелье в Нью-Йорке. Ваши родители ведут сейчас там спартанское, но мирное существование.

— Все в вашем убежище, — продолжала Жанна, — осталось таким же, каким было в твоём детстве. Пищу, одежду и все прочее можно получить от раман, сделав запрос с помощью клавиатуры. Цистерна возле входной лестницы содержит неограниченный запас пресной воды.

Элли слушала с интересом; рассказ Жанны напоминал о прежней жизни под островным городом — к югу от второго поселения. Элли попыталась припомнить, как ей там жилось, но возникавшая в памяти картинка оказалась на удивление расплывчатой. Из всего этого периода своей жизни она отчетливо помнила лишь последние дни, проведенные ими на Раме, великолепный спектакль в небе, цветные кольца, медленно плывущие к северу от Большого рога. Но картина пребывания в подземелье исчезала в дымке тумана. *Почему я не могу вспомнить отчетливо хотя бы детскую? — удивилась она. Быть может, потому что так много произошло со мной потом, оставив более глубокий след в моей памяти?*

Последовательность сценок из раннего детства пробежала перед внутренним взором Элли. Кое-что

действительно. запомнилось с раманских времен, но куда больше воспоминаний у нее сохранилось от семейных апартаментов в Узле. Невозмутимое, почти богоподобное обличье Орла оказало глубокое впечатление на маленькую Элли.

Алиенора Аквитанская что-то спросила у Элли, но молодая женщина не слушала.

— Извини, Алиенора, — проговорила Элли, — пожалуйста, повтори свой вопрос. Боюсь, я на миг углубилась в детские воспоминания.

— Твоя мать интересовалась Бенджи. Он по-прежнему находится в приюте?

— Да, — ответила Элли. — У него все хорошо, как следовало ожидать. Сейчас у него лучший друг — Наи Ватанабэ. После окончания войны она вызвалась работать с теми, кто по той или иной причине попал в Авалон. Она посещает Бенджи почти каждый день и во многом помогает ему. Ее сыновья-близнецы, Кеплер и Галилей, любят с ним играть... в общем-то Бенджи — просто большой ребенок; впрочем, Галилей иногда бывает жесток с ним и этим расстраивает Наи.

— Как я тебе уже говорил, — Макс возвратился к прежней теме, — Николь и Ричард предложили нам решать — стоит ли совершать массовый исход или нет? Только можно ли надеяться, что Бенджи выполнит указания?

— Думаю, да, — сказала Элли, — если он будет доверять человеку, который отдаст их. Но, безусловно, не стоит заранее предупреждать его о готовящемся побеге. Трудно рассчитывать, что он не проговорится. Секретность и подозрительность чужды Бенджи. Он будет безмерно счастлив, но...

— Мистер Макс Паккетт, — перебила ее Жанна д'Арк, — так что мне передать Ричарду и Николь?

— На черта эта спешка, Жанни, — ответил Макс, — потерпи немного... Лучше зайди через неделю, а мы с Элли и Эпониной все обговорим, обдумаем и тогда дадим тебе ответ... Скажи Ричарду: идея кажется мне бесспорно привлекательной, но безумной.

Макс опустил обоих роботов на пол амбара, и они отправились прочь. Когда Макс и Элли снова оказались на свежем воздухе, Макс извлек сигарету из кармана.

— Надеюсь, я не задену тебя тем, что покурю здесь? — ухмыльнулся он.

Элли улыбнулась.

— Не хочешь, чтобы я говорила Роберту... Так? — спросила она чуть погодя, когда Макс принялся выдувать дымные кольца в ночной воздух.

Макс качнул головой.

— Не надо, — ответил он. — Быть может, придется молчать до последнего мгновения. — Он обнял Элли за плечи. — Юная леди, мне нравится твой врач, на самом деле нравится, но его мнения и идеалы иногда откровенно смущают меня. Не знаю, сумеет ли он промолчать...

— А тебе не кажется, Макс, что Роберт мог дать себе зарок никогда не выступать против властей? Что он боится...

— Элли, все это дерьмо, я не психолог, но уверен — едва ли кто-нибудь из нас способен осознать, что сделало с ним это двойное убийство. Могу только отметить: допускаю — и достаточно

обоснованно, — что он не сохранит нашу тайну, просто чтобы уклониться от трудного решения. — Макс глубоко затаился и поглядел на свою молодую приятельницу.

— Ты сомневаешься в том, что он пойдет с нами? Даже если я захочу этого?

Макс вновь покачал головой.

— Не знаю, Элли. Все зависит от того, насколько он нуждается в тебе и крохе Николь. Роберт нашел вам обоим место в своей жизни, однако по-прежнему прячет свои чувства за непрерывной работой.

— А как ты сам, Макс? — спросила Элли. — Как ты относишься к предложению отца?

— А что, мы с Эпониной согласны рискнуть, — усмехнулся Макс. — Иначе я рано или поздно влопаюсь в какую-нибудь серьезную свару с Накамурой.

— А как Патрик?

— Ему идея понравится. Но боюсь, что он может проговориться Кэти. У них свои взаимоотношения.

Макс замер на полуслове, увидев Роберта, появившегося у двери с усталой дочерью на руках.

— Вот ты где, Элли. А я уже решил, что вы с Максом заплутали в амбаре... Николь очень устала, а мне завтра рано вставать...

— Конечно, дорогой, — ответила Элли. — Извини. Макс столько порассказал мне о матери и отце...

Всем должно казаться, что этот день для меня абсолютно обычный, думала Элли, показывая

свою идентификационную карточку Гарсиа при входе в супермаркет Бовуа. *Я должна поступать как в самый обыкновенный вторник своей жизни.*

— Миссис Тернер, — проговорила Гарсиа несколько минут спустя, вручая ей листок, распечатанный компьютером, стоявшим возле стены позади биота. — Вот ваш рацион на неделю. У нас сегодня опять нет брокколи* и помидоров, однако мы заменили овощи рисом, а все прочее из бакалеи вы можете подобрать сами.

Кроха Николь прошагала возле Элли по всему супермаркету. На другой стороне за проволочной сеткой, там, где прежде граждане Нового Эдема самостоятельно совершали свои покупки, пять или шесть Тиассо и Линкольнов — все 300-й серии, полностью перепрограммированные правительством Накамуры — расхаживали в проходах, выполняя заказы. Большинство полок пустовало. Хотя война уже давно закончилась, неустойчивая погода в Новом Эдеме и недовольство фермеров жадностью Накамуры сдерживали производство продуктов питания. Поэтому правительство сочло необходимым ввести распределение продуктов. Лишь привилегированные люди, любимцы Накамуры, получали больше минимально необходимого рациона.

Перед Элли и ее двухлетней дочерью в очереди находилось около дюжины людей. Элли совершала свои покупки по вторникам в компании одних и

---

* Разновидность цветной капусты с мясистыми побегами (*итал.*).

тех же людей. Так что все обернулись, когда Элли и Николь прошли между рядами.

— Ну, вот и наша кроха, — проговорила приятная седоволосая дама. — Как ты сегодня у нас, Николь? — спросила она.

Девочка не ответила, только отступила на пару шажков и прижалась к ногам матери.

— Николь у меня по-прежнему такая застенчивая, — сказала Элли. — Она разговаривает только с теми, кого хорошо знает.

Биот Линкольн принес два небольших пакета с продуктами и вручил их мужчине, вместе с сыном-подростком стоявшему первым в очереди.

— Сегодня тележка нам не потребуется, — обратился отец к Линкольну. — Пожалуйста, не забудь отметить это в вашем регистрационном журнале... Две недели назад в бакалее никто не заметил, что мы не взяли тележку, а потом посреди ночи нас вдруг разбудила Гарсиа, потребовавшая вернуть ее в магазин.

Не следует допускать простейших ошибок, напомнила себе Элли. *Никаких забытых тележек... никто не должен чего-либо заподозрить до завтрашнего дня.* Дожидаясь своей очереди, Элли вновь продумывала подробности побега, которые вчера обсуждала с Патриком, Максом и Эпониной. Вторник выбрали потому, что в этот день недели Роберт посещал в Авалоне больных RV-41. Макс и Эпонина заказали пропуск, чтобы отобедать у Наи Ватанабэ, и получили его. Они присмотрят за Кеплером и Галилеем, пока Наи сходит в приют за Бенджи. Все было в порядке — кроме одной немаловажной неопределенности.

Элли сотню раз обдумывала, что скажет Роберту. *Безусловно, сперва он отнесется ко всему негативно, решила она. Скажет, что все это слишком опасно, в первую очередь для Николь, а потом рассердится, почему я ничего не сказала ему раньше.*

В уме она уже ответила на все возражения и постаралась описать в положительном свете жизнь, которую они будут вести в Нью-Йорке. И все же Элли очень нервничала: она не верила, что Роберт согласится бежать. Элли даже не представляла себе, что будет делать, если придется сказать, что она готова взять кроху Николь, а его оставить в Новом Эдеме.

Уложив свои покупки в небольшую тележку, которую, освободив от продуктов дома, следовало вернуть в супермаркет, Элли взяла дочь за руку. *Ну что же, время настало, подумала она. Надо набраться смелости и верить.*

— И как, по-твоему, должен я реагировать на эту чушь? — проговорил Роберт Тернер. — Я возвращаюсь домой после крайне тяжелого дня, в сотый раз повторяю в уме все, что мне следует сделать завтра. И тут ты заявляешь, что решила навсегда оставить Новый Эдем, и к тому же прямо *сегодня...* Элли, дорогая моя, разве ты не видишь, какой это абсурд. Даже если нас ждет удача, мне необходимо время на размышления... все-таки у меня есть кое-какие планы...

— Я знаю, что все так внезапно, Роберт, — Элли начинала понимать, что недооценила сложность своего предприятия. — Но я не могла

рассказать тебе раньше. Это было опасно... Что, если бы ты проговорился — сказал Эду Стаффорду или кому-нибудь из своих помощников, или же тебя подслушал бы один из биотов?

— Но я просто не могу оставить госпиталь, никого не предупредив... — Роберт энергично затряс головой. — Неужели ты не представляешь, сколько лет труда будет потрачено впустую?

— Разве ты не можешь записать все, что следует сделать по каждому проекту? — предложила Элли. — Обобщить все, что уже достигнуто...

— Во всяком случае, не за одну ночь, — упорствовал Роберт. — Нет, Элли, не о чем говорить: мы не можем уйти. Здоровье всей колонии зависит от результатов моих исследований... К тому же, даже если твои родители ведут вполне комфортабельную жизнь в том странном месте, которое ты описала, воспитывать там ребенка, на мой взгляд, сложно... Кстати, ты не подумала о том, что может грозить всем нам? Наше бегство сочтут изменой. И если поймают, то обоих казнят. Что тогда будет с Николь?

Элли выслушивала возражения Роберта еще минуту, а затем поняла, что настало время объявить о своих намерениях. Собравшись с духом, она обошла вокруг стола и взяла мужа за руки.

— Я обдумывала свое решение почти три недели, Роберт... ты должен понять, насколько сложно и трудно мне было решиться на это... Я люблю тебя всем сердцем, но, если придется, мы с Николь отправимся туда без тебя... Я знаю, что все выглядит настолько неопределенно, но жизнь

в Новом Эдеме стала опасной для любого его обитателя...

— Нет, нет и *нет*, — немедленно ответил Ричард и, высвободившись из рук Элли, стремительно зашагал по комнате. — Я не верю *ничему* этому. Какой-то кошмар... — Он остановился и поглядел через комнату на Элли. — И ты не посмеешь взять с собой Николь, — сказал он с пылом. — Ты слышала меня? Я запрещаю тебе брать с собой нашу дочь...

— *Роберт!* — вскрикнула Элли, слезы текли по ее щекам. — Погляди на меня... я твоя жена, мать твоей дочери... я люблю тебя. Молю тебя, *выслушай*, что я хочу сказать.

Николь прибежала в комнату и заревела возле матери. Собравшись, Элли продолжила:

— Почему ты считаешь, что в нашей семье лишь ты один можешь принимать решения? У меня тоже есть право на это. Я понимаю твое желание оставаться здесь, но я — мать. И если нам с тобой придется расстаться, по-моему, ей лучше быть со мной...

Элли умолкла. Лицо Роберта в гневе исказилось. Он шагнул к ней, и впервые в своей жизни Элли подумала, что Роберт может ударить ее.

— *А мне будет лучше*, — вскричал Роберт, грозя ей кулаком, — если ты забудешь всю эту глупость.

Элли попятилась. Николь продолжала плакать. Роберт попытался взять себя в руки.

— Э, нет, — сказал он дрогнувшим голосом, — никто и ничто не заставит меня вновь испытать подобную боль.

Слезы хлынули из его глаз.

— *Черт тебя поberi!* — он бухнул кулаком по ближайшему столу и, не говоря более ни слова, рухнул в кресло, прикрыв лицо ладонями.

Утешив Николь, Элли помолчала несколько секунд.

— Я знаю, какую боль ты пережил, потеряв свою первую семью, — проговорила она наконец. — Но сейчас, Роберт, ситуация совершенно иная. Там Николь ничто не грозит.

Она подошла к нему и обняла.

— Роберт, пойми, я тоже не рада, но, по-моему нам с Николь следует по тупить именно так.

Роберт обнял Элли, но без особого энтузиазма.

— Что ж, не буду мешать вам с Николь, — обреченно сказал он несколько секунд спустя. Просто не представляю, что делать. Надо обдумать все незамедлительно, пока мы еще в Авалоне.

— Хорошо, дорогой, — ответила Элли, — только прошу тебя -- не забудь, что нам с Николь ты необходим куда больше, чем твоим пациентам. Ты наш единственный муж и отец.

9

Николь не могла справиться с волнением. Поправляя украшения в детской, она старалась представить, какой вид примет комната, когда к двум птенцам в ней добавятся дети. Тимми ростом уже почти сравнялся с Николь; он подошел к ней, чтобы осмотреть рукоделие, и оценивая, коротко пробормотал.

— Только подумай, Тимми, — проговорила Николь, осознавая, что птенец не способен понять

точный смысл ее слов, однако может интерпретировать тембр ее голоса, — когда мы с Ричардом вернемся, то привезем тебе соседей.

— Ты готова, Николь? — она услышала голос Ричарда. — Уже пора уходить.

— Да, дорогой, — ответила она. — Я в детской. Не хочешь зайти и поглядеть?

Ричард просунул голову в дверь и окинул взглядом новые украшения.

— Великолепно, просто великолепно, — проговорил он. — А теперь нужно идти: операция требует точного взаимодействия.

Рука об руку они направлялись к Порту. Ричард пояснил Николь, что известий из Северного полуцилиндра более не поступало. Отсутствие новостей, по его мнению, могло свидетельствовать, что Жанна и Алиенора либо углубились в дела, либо оказались слишком близко от неприятеля... нельзя было исключить и того, что сам план находится под угрозой. Николь не могла припомнить, чтобы Ричард при ней так нервничал. Она попыталась успокоить его.

— Ты по-прежнему не знаешь, решился ли Роберт бежать? — спросила Николь через несколько минут, когда они подошли к субмарине.

— Нет, мы не знаем ничего даже о том, как он отреагировал на предложение Элли. В Авалон они прибыли вдвоем, как и предполагалось, но потом занялись пациентами, а Жанна с Алиенорой не сумели переговорить с Элли... им пришлось помочь Наи взять Бенджи из приюта.

Ричард проверил субмарину еще вчера по крайней мере дважды, но тем не менее облегченно

вздохнул, когда двигатель включился и суденышко отошло от берега. Ричард и Николь успокоились только тогда, когда погрузились в воды Цилиндрического моря. Каждый из них на свой собственный манер предвкушал ожидающую их радостную встречу, которая должна произойти менее чем через час.

Существует ли большее счастье, думала Николь, чем встреча со своими детьми, когда у тебя были более чем веские основания никогда их не увидеть? Перед ее умственным взором по одному медленно проходили лица всех шестерых детей. Первой Николь увидела Женевьеву, оставшуюся на Земле, плод короткого романа с принцем Генри. Следующей показалась невозмутимая Симона, которую Николь пришлось оставить в Узле с мужем (он был почти на шестьдесят лет старше ее). Обеих старших дочерей сменили четверо детей, живущих ныне на Раме: отбившаяся от рук непутевая Кэти, ее драгоценная Элли и оба сына от Майкла О'Тула — Патрик и умственно отсталый Бенджи. *Все они такие различные,* подумала Николь. *Но каждый из них по-своему чудо.*

Я не верю в универсальные истины, размышляла Николь, пока субмарина приближалась ко входу в тоннель под стеной поселения, прежде отведенного птицам и сетям, но какой взрослый человек, воспитавший своих детей, не был преобразен этим процессом. Все мы невольно удивляемся тому, как взрослеют дети, делу наших собственных рук; гадаем, что мы успели дать им, а что не успели...

что смогли сделать ради счастья порожденных нами существ и чего их лишили.

Николь одолевало волнение. Глянув на часы, Ричард повел подводную лодку к поверхности. Самые последние воспоминания об Элли, Патрике и Бенджи заволокли слезами глаза Николь. Когда кораблик вынырнул на поверхность воды, она стиснула руку Ричарда. За иллюминатором они увидели восемь фигур, оказавшихся в назначенном месте на берегу. Когда вода струйками стекла вниз, Николь узнала Элли, ее мужа, Эпониу и Наи, державших за руки Бенджи и троих малышей, в том числе ее внучку и тезку, которую Николь никогда не видела. Она застучала в иллюминатор, понимая, что это бессмысленно и что никто из стоявших на берегу не мог видеть или слышать ее.

Выстрелы Ричард и Николь слышали, как только открыли дверь. Встревоженный Роберт Тернер оглянулся и быстро оторвал кроху Николь от земли. Элли и Эпонины подхватили по одному из близнецов Ватанабэ. Галилей попытался вырваться из рук Эпонины и получил резкий выговор от матери, которая пыталась переправить Бенджи в подводную лодку. Новая стрельба разразилась, когда все погрузились на корабль. Времени для объятий не было.

— Макс сказал, чтобы мы немедленно отплыли, как только окажемся на борту, — торопливо выпалила Элли родителям. — Они с Патриком отстреливаются от взвода, посланного, чтобы захватить нас.

Ричард уже собирался закрыть дверь, когда из

ближайших кустов вынырнули две вооруженные фигуры; один из мужчин держался за бок.

— Вы готовы?! — завопил Патрик, прикладывая к плечу винтовку и дважды выстрелив. — Они совсем рядом.

Макс пошатнулся, но Патрик поддерживал своего раненого друга на последних пятидесяти метрах, остававшихся им до подводной лодки. Пока она погружалась, появившиеся на берегу три солдата из армии колонии открыли пальбу. Все, оказавшиеся на борту субмарины, примолкли. Но потом крохотное помещение взорвалось какофонией звуков. Все кричали и плакали. Николь с Робертом склонились над Максом, прислонившись спиной к стене.

— Рана серьезная? — спросила Николь.

— Черт побери, нет, — с пылом ответил Макс. — Ну, застряла пулька где-то в моих ребрах. Убить такого сукина сына, как я, можно только штуковиной покрупнее.

Когда Николь встала и обернулась, прямо перед ней оказался Бенджи.

— Ма-ма, — проговорил он, протянув к ней руки и трепеща от счастья всем своим большим телом. Николь прижала к себе сына. Бенджи блаженно всхлипывал, и звуки эти отражали чувства, испытываемые всеми на корабле.

На борту субмарины, на грани между двумя чуждыми мирами, шел личный разговор. Николь обошла всех своих детей, впервые подержала на руках внучку. Кроха Николь не знала, как ей вести

себя с этой седой женщиной, захотевшей обнять и поцеловать ее.

— Это твоя бабушка, — объясняла Элли, пытаясь убедить ребенка ответить на чувства старшей Николь. — Она моя мама, и зовут ее так же, как и тебя.

Николь прекрасно знала детей, а потому понимала — необходимо время, чтобы девочка освоилась и признала ее. Поначалу одинаковые имена бабушки и внучки вызвали известную сумятицу: когда звучало имя Николь, оборачивались и бабушка, и внучка. Но Элли и Роберт сразу стали звать девочку Никки, и все прочие быстро последовали их примеру.

Не успела подводная лодка добраться до Нью-Йорка, как Бенджи доказал матери, что стал читать значительно лучше. Наи оказалась превосходной учительницей. Бенджи прихватил с собой в рюкзаке две книжки — сказки Ганса Христиана Андерсена, написанные три века назад. Больше всего Бенджи любил «Гадкого утенка» и целиком прочел эту сказку восхищенным матери и учительнице, сидевшей неподалеку. Когда несчастный утенок превратился в прекрасного лебедя, в голосе молодого человека послышалось искреннее и неподдельное волнение.

— Я очень горда тобой, мой дорогой, — проговорила Николь, когда Бенджи закончил читать, и утерла слезы с уголков глаз. — Спасибо тебе, Наи, — сказала она подруге. — От всего сердца.

— Учить Бенджи мне было крайне интересно, — ответила тайская женщина. — Я уже успела

забыть, какое это чудо — иметь дело с заинтересованным и восприимчивым учеником.

Роберт Тернер обработал рану Макса Паккетта и извлек из нее пулю. За процедурой следили оба пятилетних близнеца Ватанабэ, весьма заинтригованные происходящим. Драчливый Галилей все проталкивался на лучшее место, и Наи пришлось разрешить два конфликта между братьями в пользу Кеплера.

Доктор Тернер подтвердил мнение Макса — рана действительно была не слишком серьезной — и предписал ему короткий отдых для выздоровления.

— А чего, буду выполнять, — ответил Макс, подмигнув Эпонине. — За этим я сюда и отправился. Откуда в этом городе среди инопланетных небоскребов мне взять свиней или там цыплят, а о здешних *биотах* я не знаю вообще ни хрена.

Николь коротко переговорила с Эпониной, как раз перед тем, как лодка вынырнула на поверхность в Порту. Она поблагодарила учительницу Элли за все, что они с Максом сделали для ее семьи. Эпонина изящно приняла благодарность и рассказала Николь, что Патрик оказал просто фантастическую помощь в организации побега.

— Из него вырос превосходный молодой человек, — объявила Эпонина.

— А как ты себя чувствуешь? — деликатно поинтересовалась Николь несколько мгновений спустя.

Француженка пожала плечами.

— Наш добрый доктор утверждает, что ретровирус RV-41 нигде не делся... сидит себе и только

дожидается первой возможности расправиться с моим иммунитетом. Ну а после того жить мне останется полгода, самое большее год.

Патрик рассказал Ричарду, что Жанна и Алиенора пытались отвлечь на себя взвод Накамуры, произведя много шума, как и было предусмотрено программой, и почти наверняка, попали в плен и погибли.

— Мне жаль их обеих, — заметила Николь, когда они с Ричардом ненадолго оказались рядом в субмарине. — Я знаю, как много значат для тебя эти крохи-роботы.

— Они выполнили свое предназначение, — ответил Ричард с натянутой улыбкой. — В конце концов, разве это не ты объяснила мне когда-то, что они не люди?

Николь встала на цыпочки и поцеловала мужа.

Никто из прибывших не помнил Нью-Йорка. Трое детей Николь родились на острове и провели на нем раннее детство, но ребенок все воспринимает иначе, чем взрослый. Впервые вступив на берег, даже Элли, Патрик и Бенджи были ошеломлены, увидев тонкие высокие силуэты, протянувшиеся к сумрачному небу Рамы.

Макс Паккетт был на удивление молчалив. Он стоял возле Эпонины и, держа ее за руку, разглядывал тонкие высокие шпили, поднимающиеся метров на сто над островом.

— Пожалуй, для арканзасской деревенщины это уж слишком, — сказал он наконец, качая головой. Макс и Эпонина замыкали процессию, спускающуюся по лестнице в подземелье, которое

Ричард и Николь заранее перестроили в коммунальную квартиру.

— Кто же построил все это? — спросил Роберт Тернер у Ричарда, когда группа ненадолго остановилась перед огромным многогранником. Роберт ощущал беспокойство. Он с самого начала не хотел идти с Элли и Никки и теперь уже успел убедить себя в том, что сделал большую ошибку.

— Должно быть, инженеры Узла, — ответил Ричард. — Впрочем, откуда нам знать. Мы, люди, только добавили новые черты к нашему поселению. Возможно, кто-то из тех, что обитали здесь прежде нас, и построили некоторые из этих великолепных сооружений, а может быть, и все.

— Но где же они теперь? — поинтересовался Роберт, не на шутку испуганный перспективой встречи с существами, технологические возможности которых позволяли им возводить столь впечатляющие сооружения.

— Мы не можем этого знать. Согласно утверждению Орла, Рама уже многие тысячелетия разыскивает космоплавателей. Значит, где-нибудь в ближайших районах Галактики обитают космопроходцы, которые чувствуют себя уютно в подобных условиях. А какими были эти существа, какими стали сейчас и зачем им нужны подобные немыслимые небоскребы — это загадка, на которую мы наверняка никогда не получим ответа.

— А как насчет птиц и октопауков, дядя Ричард? — спросил Патрик. — Они по-прежнему обитают в Нью-Йорке?

— После своего появления здесь я не видел никаких птиц, кроме птенцов, которых мы вос-

питываем. Но октопауки попадают. Мы с твоей матерью встретили целую дюжину этих созданий, когда отправились исследовать ход за черным экраном.

В этот миг из бокового переулочка вынырнул биот-многоножка, направившийся к процессии. Ричард посветил фонариком в его направлении. Роберт Тернер мгновенно замер от страха, но, следуя наставлениям Ричарда, уступил дорогу биоту.

— Небоскребы, населенные призраками, октопауками и многоножками, — пробурчал Роберт. — Какое очаровательное местечко!

— А на мой взгляд, лучше жить так, чем маяться под рукой деспота Накамуры, — проговорил Ричард. — Во всяком случае, здесь мы свободны и все можем решать сами.

— Уэйкфилд! — закричал Макс Паккетт, шедший в конце цепочки. — А что будет, если кто-то из нас не уступит дорогу какой-нибудь из этих многоножек?

— Не знаю, Макс, — ответил Ричард. — Но скорее всего она пройдет по тебе или вокруг тебя, словно ты нечто неодушевленное.

В подземелье настала очередь Николь быть гидом. Она сама показала каждому его помещение. Макс и Эпонине была выделена одна комната на двоих, еще одну отвели для Элли и Роберта, для Патрика и Наи комнату разделили пополам, а в большой детской выгородили комнатухи для троих детей, Бенджи и двух птиц. Оставшуюся

небольшую комнатку они с Ричардом решили использовать в качестве общей столовой.

Пока взрослые разгружали свои скромные пожитки, которые сумели принести в рюкзаках, дети познакомились с Тамми и Тимми. Птенцы не знали, как обращаться с маленькими людьми, в особенности с Галилеем, который немедленно начинал дергать или крутить все, что попадало ему под руку. После часа подобного знакомства Тимми легко царапнул Галилея когтем в качестве предупреждения, и мальчишка поднял невероятный шум.

— Не понимаю, — проговорил Ричард, обращаясь к Наи. — Птенцы настолько вежливые создания...

— Зато я *понимаю*, — ответила Наи. — Галилей сам напрашивается. — Она вздохнула. — Удивительно... Воспитываешь детей совершенно одинаковым образом, а они вырастают такими разными. Кеплер тихий, чуть ли не ангел, и я едва научила его хоть как-нибудь защищать себя самого. А Галилей моих уговоров не слышит.

Когда все закончили распаковываться, а Николь завершила осмотр, показав ванные комнаты, коридоры... емкость, в которой семейство пребывало на пути между Узлом и Землей, когда ускорения становились чрезмерно высокими для людей, и, наконец, Белую комнату с черным экраном и клавиатурой перед ним, служившую теперь спальней Ричарду и Николь. Ричард продемонстрировал, как черный экран выполняет запросы, заказав какие-то несложные игрушки для детей, доставленные через час. Роберту и Максу он выдал по

небольшому своду команд, позволявшему им самостоятельно пользоваться клавиатурой.

Дети уснули сразу после обеда. Взрослые собрались в Белой комнате. Макс начал расспрашивать об октопауках. Описывая свои приключения за черным экраном, Николь упомянула о неожиданно случившемся с ней сердечном приступе. Роберт немедленно оживился и вскоре отправил Николь в спальню для обследования.

Элли помогала мужу, Роберт прихватил с собой столько медицинского оборудования, сколько смог уложить в рюкзак, в том числе все миниатюрные инструменты и мониторы, необходимые для получения полной электрокардиограммы. Результаты оказались отнюдь не блестящими, но и не такими скверными, как опасалась Николь. И вечером перед сном Роберт проинформировал семью о том, что годы, безусловно, берут свое, однако никакие операции на сердце в ближайшем будущем ей не потребуются. Роберт посоветовал Николь смириться со слабостью, несомненно зная, что его теща скорее всего забудет про предписания.

Когда все уснули, Ричард и Николь отодвинули мебель, чтобы расстелить коврики. Они легли бок о бок, взявшись за руки.

— Ну как, ты счастлива? — спросил Ричард.

— Да, — ответила Николь, — очень. Так здорово, что мы сумели собрать здесь всех детей. — Она перегнулась к Ричарду и поцеловала его. — Правда, я безмерно устала, однако не осмелюсь уснуть, пока не поблагодарю тебя за то, что ты устроил все это.

— Они ведь и мои дети, разве не так?

— Да, дорогой, — сказала Николь, вновь опускаясь на спину. — Но я знаю, ты сделал это только ради меня. Тебе самому вполне хватило бы твоих птенцов, электроники и внеземных тайн.

— Возможно. Но я рад, что все собрались в нашем подzemелье... Кстати, ты успела поговорить с Патриком о Кэти?

— Очень коротко, — ответила Николь вздыхая. — Но по его глазам было видно, что он волнуется за нее.

— И не только он, — негромко проговорил Ричард. Пару минут они лежали молча, потом Ричард приподнялся, опершись на локоть. — А знаешь, — объявил он, — наша внучка — просто чудо.

— Я тоже так считаю, — усмехнулась Николь. — Увы, мы с тобой оба не можем судить объективно.

— Вот что получается: раз у нас теперь появилась Никки, *тебя* уже нельзя звать этим именем, даже в особых случаях...

Николь повернула голову и поглядела на Ричарда. Он ухмылялся. Подобное выражение она видела на его лице уже столько раз.

— Давай спать, — сказала Николь и вновь усмехнулась. — Для всего прочего я сегодня крайне устала.

Поначалу время проходило очень быстро: так много нужного было сделать, столько всего осмотреть. Несмотря на то что в таинственном городе вокруг них царилa постоянная темнота, семейство регулярно совершало вылазки в Нью-Йорк. Прак-

тически с каждым местом на острове у Ричарда и Николь была связана своя история.

— Это случилось здесь, — проговорила Николь однажды днем, посветив фонариком на огромную сеть, подобно паутине, висевшую между двумя небоскребами. Именно в этом месте я спасла запутавшуюся птицу, потом пригласившую меня в свое подземелье.

— А здесь, — вспомнила она в другой раз, когда они оказались в большом амбаре со странными ямами и сферами возле них, — я провела в ловушке множество дней и уже решила, что меня ждет смерть.

Образовавшееся смешанное семейство выработало набор правил, чтобы предостеречь детей от возможных бед. Маленькая Никки могла обойтись без них: она не отходила далеко от матери и заботливого отца. Однако мальчишек — Кеплера и Галилея — было трудно сдержать. Близнецы Ватанабэ казались наделенными безграничной энергией. Однажды их обнаружили в компенсационном баке прыгающими на гамаках, словно бы на батутах. Другой раз Кеплер и Галилей, позаимствовав семейные фонари, направились вдвоем исследовать Нью-Йорк. Только через десять часов, перенервничав, взрослые обнаружили мальчишек в лабиринте аллей и улиц на дальней стороне острова.

Но птицы учились летать почти каждый день. Дети с восторгом провожали своих птицеподобных друзей до площадей, где Тамми и Тимми хватало места, чтобы продемонстрировать свою растущую ловкость. Ричард всегда брал с собой

Никки посмотреть на эти полеты; вообще внучка сопровождала его повсюду. Время от времени Никки ходила, но чаще всего Ричард носил ее за спиной в специальном удобном мешке. Эта парочка сделалась неразлучной. Ричард стал главным наставником Никки. И весьма скоро он объявил всем, что его внучка — математический гений.

Первой обо всех новых достижениях Никки он извещал Николь.

— А ты знаешь, что она сегодня сказала? — начинал он, когда они с Николь оказывались в постели.

— Нет, дорогой, — обычно отвечала Николь, понимая, что Ричард не даст ей уснуть, пока не выговорится.

— Я спросил ее — сколько черных шариков у нее будет, если она уже имеет три и я дам ей еще два. — Следовала драматическая пауза. — И что же, по-твоему, она ответила? — Еще одна драматическая пауза. — *Пять!* Она сказала пять, а ведь только на той неделе наша кроха отпраздновала свой второй день рождения...

Интерес Ричарда к Никки восхищал Николь. Кроха-девочка и мужчина в преддверии старости — самая превосходная пара. Исполняя родительские обязанности, Ричард так и не сумел подняться над эмоциональными проблемами и острым чувством ответственности, а потому впервые в жизни наслаждался истинно невинной любовью. К тому же отец Никки, Роберт, был бесспорно великим врачом, но не слишком-то нежным отцом. Он не умел ценить бесцельные, по его мнению, затраты времени на детей.

Патрик и Николь несколько раз долго говорили о Кэти, но все эти разговоры повергали Николь в глубокую печаль. Патрик не стал скрывать от матери, что Кэти полностью увязла во всех махинациях Накамуры, что она часто и слишком много пьет и неразборчива в сексуальных отношениях. Однако он умолчал о том, что Кэти распоряжается проститутками у Накамуры и что она — это он подозревал — успела привыкнуть к наркотикам.

10

Спокойное, ничем не омраченное существование их в Нью-Йорке продолжалось, пока, наконец, однажды утром Ричард и Никки, выйдя к северной оконечности острова, не заметили лодки. Первой увидела их силуэты девочка. Она указала на темную воду.

— Погляди, Буба. Никки что-то видит.

Ослабевшее зрение Ричарда в темноте было бессильно, а луч фонарика не проникал настолько далеко, чтобы осветить то, что заметила Никки. Ричард извлек сильный бинокль, который всегда носил с собой, и сумел убедиться, что посреди Цилиндрического моря действительно находятся два судна. Усадив Никки в рюкзачок за спиной, Ричард поспешил обратно в убежище.

Остальные члены семейства едва проснулись и поначалу не поняли причины тревоги.

— Кто, по-вашему, может плыть в лодке? — проговорил Ричард. — Тем более с севера...

Безусловно, только разведывательный отряд, высланный Накамурой.

За завтраком состоялся семейный совет. Никто не спорил, все понимали, что их ожидают серьезные неприятности. Патрик признался, что в день побега встречался с Кэти, так как захотел попрощаться с сестрой, и несколько раз проговорился, когда Кэти начала задавать вопросы. Николь и прочие примолкли.

— Я же не сообщил ей ничего конкретного, — извиняющимся тоном сказал Патрик. — Конечно, с моей стороны это была такая глупость... Кэти очень умна, и когда все мы исчезли, вполне могла самостоятельно собрать воедино все части головоломки.

— Так что же теперь делать? — выразил всеобщую тревогу Роберт Тернер. — Кэти отлично знает Нью-Йорк, она оставила его подростком, а потому способна привести людей Накамуры непосредственно в наше убежище. И мы будем ожидать их словно в мышеловке.

— А куда же еще можно деваться? — спросил Макс.

— В общем-то некуда, — ответил Ричард. — Прежнее птичье подземелье опустело, и я не уверен, что мы сумеем найти в нем пропитание. Несколько месяцев назад в логове октопауков также было пусто, но после появления Николь в Нью-Йорке я не бывал там. Учитывая все случившееся с Николь, можно не сомневаться, что наши приятели с черно-золотыми шупальцами по-прежнему прячутся неподалеку. Но даже если они забросили свое старое логово, если нам все

же придется перебираться туда, у нас возникнут те же проблемы с добыванием пищи.

— А как насчет того, чтобы сходить за экран, дядя Ричард? — поинтересовался Патрик. — Ты сказал, что там изготавливают нашу еду. Быть может, мы сможем отыскать там и пару свободных комнат...

— Не следует чересчур надеяться на это, — сказал Ричард, недолго помедлив. — Но твое предложение, пожалуй, действительно разумно в данной ситуации.

Семейство решило, что Ричарду, Максу и Патрику следует отправиться на разведку за черный экран, чтобы найти место, где производят пищу для людей, а вблизи него — приемлемый кров. Роберт, Бенджи, женщины и дети должны были остаться в убежище и приступить к сборам — на случай, если придется бежать.

Прежде чем уйти, Ричард опробовал новую рацию, которую смастерил в свободное время. Она была достаточно мощной, так что разведчики и те, кто остался в подземелье, могли поддерживать между собой радиокontakt в ходе всей экспедиции. Наличие радиосвязи позволило Ричарду и Николь убедить Макса Паккетта не брать с собой винтовку.

Следуя карте, запечатленной в компьютере Ричарда, трое мужчин без всяких трудностей добрались до комнаты с котлами, которую Ричард и Николь обнаружили во время своей первой вылазки. Макс и Патрик с удивлением разглядывали двенадцать огромных котлов и огромную площадку, аккуратно заставленную разнообразным

сырьем. Повсюду сновали биоты, работа на фабрике просто кипела. И каждый из котлов, похоже, был занят конкретным делом.

— Итак, — обратился по радио Ричард к Николь, остававшейся в подземелье. — Мы прибыли на место и готовы. Закажите обед, а мы посмотрим, что произойдет.

Менее чем через минуту один из котлов — ближайший к троице мужчинам — прекратил свою деятельность. Тем временем из какой-то хижины, спрятанной за котлами, вынырнули три биота, напоминавшие тележки с руками. Они въехали на склад сырья и принялись поспешно собирать понемногу отовсюду. Потом три биота подъехали к бездействовавшему котлу возле Ричарда, Макса и Патрика и выгрузили все собранное на конвейер, входивший в загадочное устройство. Котел немедленно заурчал. Длинный и тощий биот, похожий на трех связанных рядком сверчков, стал над конвейером. На изготовление пищи много времени не потребовалось. Мгновение спустя котел остановился, и обработанный материал появился на конвейерной ленте. Сегментированный биот-сверчок поместил изготовленную для людей пищу себе на спину и отправился восвояси.

— Черт побери! — воскликнул Макс, глядя в спину исчезающему в коридоре за хижинкой сверчку. — Но прежде чем его спутники сумели еще что-то добавить к этой мысли, новая группа снабженных руками тележек выгрузила на конвейер толстые длинные стрелы, и буквально через

минуту котел, только что занятый приготовлением пищи, уже приступил к другому делу.

— Фантастическое устройство, — проговорил Ричард. — Сложный процесс прерывания, пищевые заказы занимают первое место в очередности приоритетов. Не могу поверить...

— Подожди-ка минуточку, — перебил его Макс, — и повтори все, что ты сказал, но уже по-английски.

— В нашем убежище есть автоматические подпрограммы перевода команд, я сам создал их много лет назад, когда мы жили здесь, — взволнованно пояснял Ричард. — Николь заказала картошку с куриным мясом и шпинатом, и ее компьютер получил с клавиатуры перечень команд, определяющих сложные органические соединения, которые характеризуют конкретный вид пищевых продуктов. Когда мы пришли сюда и я сообщил Николь о нашей готовности, она передала всю эту цепочку команд. Их немедленно приняли к исполнению, и мы видели реакцию. Хотя здесь работали все обрабатывающие устройства, тем не менее раманский компьютер, управляющий этой фабрикой, установил, что мы запросили еду, и предоставил нашему заказу высший приоритет.

— По-твоему, дядя Ричард, — проговорил Патрик, — выходит, что управляющий компьютер выключил один из котлов, чтобы он мог изготовить нам пищу?

— Вот именно, — ответил Ричард.

Макс отошел в сторонку и принялся рассматривать другие котлы, расположенные в просторном зале фабрики. Ричард и Патрик подошли к нему.

— Когда я был маленьким мальчиком, лет так

восьми или девяти, — начал Макс, — мы с отцом впервые отправились в поход на Озаркское плато, находящееся в нескольких часах ходьбы от нашей фермы. Ночь выдалась великолепной; на небе было полно звезд. Помню, лежал я на спине в своем спальном мешке и глядел на небо, на эти крошечные мерцающие огоньки... Той ночью мне пришла в голову неожиданная мысль, просто колоссальная для арканзасского деревенского мальчишки. Я попробовал представить себе, сколько же детей на всех планетах, разбросанных по Вселенной, глядят в этот самый момент на звезды, впервые понимая, как мал их крошечный родной уголок рядом с великим космосом.

Макс обернулся и улыбнулся своим друзьям.

— Вот почему я сделался фермером, — хохотнул он. — Среди цыплят и свиней я всегда — самый главный. Я дарю им хлеб насущный. Для них это *такое* событие, когда старина Макс является в хлев...

Макс умолк. Ричард и Патрик не проронили ни слова.

— Наверное, в душе я всегда хотел стать астрономом, — продолжил Макс. — Мне хотелось понять тайны Вселенной. Но каждый раз, когда речь заходила о миллиардах лет и триллионах километров, я впадал в уныние. Я не мог смириться с полной и абсолютной ничтожностью человека перед величием Вселенной. Внутренний голос все твердил и твердил: «Паккетт, ты — не дерьмо, ты — абсолютный ноль».

— Но человечество *знает меру* собственного

ничтожества. Стало быть, мы, люди, — существа особенные, — негромко возразил Ричард.

— Ну, пошла философия, — ответил Макс, — это не моя епархия. Мое дело — скотина, текила, частые на среднем западе грозы. А вот это, — проговорил Макс, махнув рукой в сторону котлов и фабрики, — чистая жуть. Знай я заранее, что придется увидеть машины, которые умнее людей, не стал бы записываться в колонию...

— Ричард, Ричард! — донесся из радиии встревоженный голос Николь. — Беда... Элли только что вернулась с северного побережья. Возле берега появились четыре большие лодки... Элли сказала, что на одном из мужчин была полицейская форма... Кстати, она утверждает, что на юге замечена огромная радуга... Можете вы вернуться через несколько минут?

— Нет, — ответил Ричард. — Мы все еще находимся в зале, где расположены котлы. Он, должно быть, в трех с половиной километрах от вас. А Элли не сказала, сколько человек на каждой лодке?

— По-моему, десять — двенадцать, папа, — вступила в разговор Элли. — Я не стала задерживаться, чтобы всех пересчитать... Но лодки — не единственная неожиданность, с которой я столкнулась наверху. Когда я бежала назад в подземелье, небо на юге вспыхнуло, превратившись в огромную радугу... Примерно там, где по твоим рассказам должен находиться Большой рог.

Секунд через десять Ричард закричал в передатчик:

— Слушайте меня, Николь, Элли и все осталь-

ные. Немедленно уходите из подземелья. Заберите детей, птенцов, дыни, кусочек сетчатого существа, обе винтовки, всю еду и столько пожитков, сколько сумеете унести. Все *наше* оставьте, у нас в рюкзаках достаточно продуктов и всего прочего на крайний случай. Отправляйтесь прямо в логово октопауков и ожидайте нас в большой комнате, где многие годы назад располагалась фотогалерея... Солдаты Накамуры в первую очередь явятся в наше подземелье. Но когда они не обнаружат нас там, то могут полезть и в логово октопауков, в случае если их сопровождает Кэти. Впрочем, едва ли они пройдут дальше тоннеля...

— А как насчет тебя, Макса и Патрика? — спросила Николь.

— Мы вернемся, как только сумеем. Если никого не окажется... кстати, Николь, оставь в Белой комнате передатчик и включи побольше громкость, а другой положи в детской. Тогда мы сможем узнать, что нас подкарауливают... Как я уже говорил, если они не полезут к нам, мы успеем догнать вас; если же люди Накамуры займут нашу квартиру, мы попробуем пробраться в логово октопауков прямо отсюда. Ход непременно должен найтись...

— Ну, хорошо, дорогой, — перебила его Николь. — Пора паковать... Я оставляю передатчик на случай, если мы потребуемся тебе.

— Итак, ты полагаешь, что в логове октопауков нам будет безопаснее всего? — проговорил Макс, когда Ричард выключил передатчик.

— Возможно, — ответил тот, улыбаясь с отсутствующим видом. — Здесь за экраном слишком

много неясностей. Но встреча с Накамурой нам ничего хорошего не сулит... А октопауков в логове может и не оказаться. Кстати, как неоднократно говорила Николь, у нас нет никаких явных свидетельств их враждебности к людям.

Мужчины торопились изо всех сил. Они только раз недолго передохнули, пока Патрик перегружал часть вещей из рюкзака Ричарда в своей собственный. Но до развилки в коридоре Ричард и Макс добрались уже изрядно взмысленными.

— Давайте отдохнем минутку, — Макс обращался к Патрику, опередившему обоих старших спутников. — Твоему дяде Ричарду необходим отдых.

Патрик извлек из рюкзака бутылку с водой и пустил ее по кругу. Ричард энергично припал к бутылке, отер лоб платком, и через минуту все направились к логову.

За пять сотен метров до небольшого помоста за черным экраном приемник Ричарда начал принимать неразборчивый шум, доносящийся изнутри подземелья.

— Быть может, кто-нибудь из наших забыл что-то важное, — сказал Ричард останавливаясь, чтобы послушать, — и вернулся.

Однако немного погодя трое мужчин услышали совсем незнакомый голос. Они прислушались.

— А здесь они содержали какое-то животное, — произнес голос. — Не хочешь взглянуть?

— Черт побери, — проговорил второй голос. — Они находились здесь совсем недавно... Интересно, давно ли они оставили это подземелье?

— Капитан Бауэр! — завопил кто-то. — А что делать с этой электроникой?

— Оставь ее, — ответил второй голос. — Через несколько минут спустятся вниз остальные... тогда и решим, что делать.

Ричард, Макс и Патрик тихо уселись в темном тоннеле. Примерно с минуту приемник молчал. Очевидно, незваные гости оставили Белую комнату и детскую. А потом все трое вновь услышали голос Франца Бауэра:

— Что там, Морган? Я едва слышу тебя... тут что-то непонятное... Что? Фейерверк? Цветной?.. Какую чушь ты несешь! Ну, хорошо, хорошо. Немедленно поднимаемся вверх.

Через пятнадцать секунд приемник умолк.

— Ах, вот ты где, Пфейфер, — услышали они ровный голос капитана Бауэра. — Собери всех остальных и подымайтесь вверх. Морган утверждает, что видит на юге удивительный фейерверк. Люди и без того встревожены небоскребами и темнотой. Я собираюсь всех успокоить.

— Вот наш шанс, — прошептал Ричард, поднимаясь на ноги. — Безусловно, они на несколько минут уйдут из подземелья. — Он бросился бежать, а потом остановился. — Наверное, придется разделиться... Вы помните, как найти логово октопауков?

Макс покачал головой.

— Я никогда не бывал...

— Вот, — проговорил Ричард, передавая Максу свой карманный компьютер. — Введешь «К» и «Р», получишь карту Нью-Йорка. Логово октопауков помечено красным кружком. Если ты дважды

притронешься к «Л», появится схема их подземелья... А теперь пошли, пока у нас есть немного времени.

В подземелье Ричард, Макс и Патрик не встретили никого. Однако в нескольких метрах от выхода наверху маячила парочка часовых. К счастью, их внимание было настолько поглощено фейерверком в раманском небе, что они не слышали, как трое мужчин выскользнули наружу по лестнице. Потом в целях безопасности троица разделилась: каждый из них направился в логово октопауков собственным путем.

Ричард и Патрик появились в месте назначения с разницей буквально в минуту... Макс задержался. Ему «повезло»: он выбрал маршрут, который проходил через одну из площадей... где собрались пять или шесть вооруженных колонистов, чтобы лучше разглядеть фейерверк. Макс нырнул в переулок и припал к стене одного из строений; потом извлек компьютер и принялся разглядывать карту на мониторе, пытаясь понять, как добраться до логова октопауков.

Тем временем над ним разворачивался пышный фейерверк. Макс поглядел вверх: над его головой взорвался огромный синий шар, разметавший во все стороны сотни голубых лучей. Минуту, должно быть, Макс не мог отвести глаз от завораживающего зрелища. На Земле он не видел ничего, достойного сравнения с этим великолепием.

Наконец, Макс добрался до логова октопауков и поспешно спустился по пандусу, оказавшись в зале, от которого в подземелье разбегались четыре

тоннеля. Макс ввел в компьютер два «Л», и на крошечном мониторе появилась схема подземелья октопауков. Макс был настолько поглощен ее изучением, что сперва не расслышал за спиной шелеста механических щеток, сопровождаемого тонким писком.

Он не отрывал взгляда от компьютера, пока звук не сделался громким. Когда Макс поднял голову, оказалось, что метрах в пяти от него застыл большой октопаук. Уже сама внешность этого создания заставила Макса содрогнуться. Он замер на месте, преодолевая желание бежать. Молочного цвета жидкость перетекала в линзе октопаука, однако инопланетянин не делал попыток приблизиться к Макссу. От одной из параллельных вмятин, ограничивавших линзу, отделялась полоса пурпурного цвета, обоглавшая сферическую голову октопаука; за ней последовало целое сочетание разноцветных полос — все они буквально в доли секунды исчезли в противоположной вмятине. Увидев повтор той же цветовой картины, Макс, сердце которого колотилось настолько отчаянно, что он ощущал пульс даже челюстью, качнул головой и сказал: «Не понимаю». Октопаук чуть помедлил, а потом оторвал от пола два щупальца и указал ими в сторону одного из четырех тоннелей. Словно подчеркивая смысл жеста, октопаук сдвинулся в эту сторону и вновь повторил жест.

Макс встал и медленно направился к указанному тоннелю, стараясь излишне не приближаться к октопауку. Когда он оказался у входа, вокруг головы инопланетянина побежала очередная волна цветowych пятен.

— Премного вам благодарен, — вежливо ответил Макс, вступая в проход.

В трех-четырех сотнях метров от входа в тоннель он остановился, чтобы свериться с картой. Макс шел, и перед ним автоматически зажигались лампы, гаснувшие за его спиной. Но когда он, наконец, внимательно пригляделся, то обнаружил, что находится не так уж далеко от назначенного места встречи.

Через несколько минут Макс вступил в комнату, где уже собралась вся семья. Он ухмылялся во все лицо.

— Вы даже не догадываетесь, с кем я только что повстречался, — сказал Макс, буквально через мгновение после того, как Эпониная припала к нему.

Вскоре после того как Макс закончил развлекать общество повествованием о своей встрече с октопауком, Ричард и Патрик осторожно вернулись в большой зал, останавливаясь через каждые сто метров и тщательно прислушиваясь, чтобы не пропустить звуки, выдающие присутствие инопланетян. Ничего не было слышно. Ничто не указывало на то, что войско Нового Эдема собирается опуститься сюда; словом, через час Ричард и Патрик вернулись в тоннель, чтобы присоединиться к обсуждению планов на будущее.

Еды должно было хватить на пять дней или даже на шесть, если экономить. Воду можно было брать из цистерны возле большого зала. Все быстро согласились на том, что поисковый отряд из Нового Эдема — во всяком случае, первый —

надолго не задержится в Нью-Йорке. Коротко поговорили о том, рассказала ли Кэти капитану Бауэру и его людям о расположении логова октопауков. Все дружно решили, что пришельцы задержатся на острове до завтра или послезавтра. В итоге в течение ближайших 36 часов ни один из членов семьи не оставлял большую комнату, разве что по физиологической необходимости. К концу этого времени всех — в особенности птенцов и близнецов — буквально лихорадило. Ричард и Наи взяли Тамми, Тимми, Бенджи и младших в коридор, безуспешно пытаясь утихомирить их, и повели от большого зала к вертикальному коридору с острыми выступами, опускавшемуся глубже в логово октопауков. Ричард, на спине которого, как и всегда, путешествовала Никки, заранее предостерег Наи и близнецов — они приближались к опасному месту. Но едва тоннель расширился и они оказались возле вертикальной шахты, предприимчивый Галилей скользнул вниз по выступам, прежде чем мать успела остановить его. Там он застыл в испуге. Ричарду пришлось извлекать мальчишку, уцепившегося за пару выступов почти под самым полом, кольцом окружавшим огромную пропасть. Радуюсь возможности полетать, молодые птицы то взмывали, то ныряли на несколько метров в темную пропасть, однако ни одна из них не опустилась настолько, чтобы включить свет в нижнем ярусе.

Прежде чем вернуться к семье, Ричард повел Бенджи в зал, который они с Николь прежде именовали музеем октопауков. Большая комната, расположенная в нескольких сотнях метров от

вертикального коридора, оказалась совершенно пустой. Через несколько часов, по предложению Ричарда, половина семейства переселилась в музей, чтобы увеличить жилплощадь.

На третий день пребывания землян в логове октопауков Ричард и Макс решили, что пора проверить, не оставило ли Нью-Йорк войско колонии. Логика подсказывала послать разведчиком Патрика. Ричард с Максом снабдили его исчерпывающими инструкциями: ему надлежало отправиться в зал, подняться по пандусу в Нью-Йорк; затем, пользуясь фонариком и переносным компьютером, он должен был добраться к северному берегу острова и проверить, находятся ли возле него лодки. Какими бы ни оказались результаты исследования, ему следовало возвратиться прямо в убежище и дать им полный отчет.

— Запомни одно, — проговорил Ричард. — Это крайне важно: если ты слышишь октопаука или солдата, немедленно поворачивай и возвращайся к нам. И еще: ни при каких обстоятельствах ни один человек не должен увидеть, как ты спускаешься в это подземелье. Ты не вправе сделать ничего такого, что может поставить под угрозу жизнь всех остальных.

Макс настоял, чтобы Патрик взял с собой одну из двух винтовок. Ричард и Николь не возражали. После того как все попрощались с ним и пожелали успеха, Патрик отправился на разведку. Но, отойдя всего лишь на пять сотен метров по тоннелю, он услышал перед собой шум. Патрик остановился, чтобы прислушаться, однако не мог понять, что это за звук. Он прошел еще сотню метров и тут

стал кое-что различать. Патрик прислушался: впереди можно было различить шуршание металлических щеток, сопровождаемое характерным свистом. Послушав несколько минут и вспомнив про наставления, Патрик вернулся к семье и друзьям.

После долгих разговоров его вновь отправили на разведку. На этот раз ему велели по возможности приблизиться к октопаукам и посмотреть, чем они заняты. Возле зала он опять услышал шелест щеток. Но когда, наконец, Патрик вышел к подножию пандуса, октопауков там не оказалось. *Куда же они подевались?* — удивился он. Первым его желанием было повернуть назад — вернуться туда, откуда пришел. Но, поскольку Патрик еще не встречал октопауков, он решил, что можно подняться наверх, выйти в Нью-Йорк и выполнить задание. Однако буквально через минуту Патрик с удивлением обнаружил, что выход из логова октопауков наглухо перекрыт металлическими стержнями, обмазанными похожим на цемент материалом. Безусловно, новая крышка была чересчур тяжела, чтобы люди могли сдвинуть ее. *Октопауки потрудились*, подумал он, *но зачем им закупоривать нас?*

Прежде чем вернуться с отчетом, Патрик обозрел зал и обнаружил, что один из четырех исходящих из него тоннелей также перекрыт прочной дверью или воротами. *Похоже, что именно этот тоннель вел к каналу*, подумал он. Патрик провел в зале около десяти минут, стараясь услышать звуки, выдающие приближение октопауков, но ничего подозрительного не услышал.

— Итак, ваши октопауки никогда не предпринимали никаких враждебных действий? — раздраженно бросил Макс. — Так какого черта они делают сейчас? Мы попали в клепаную ловушку. — Он энергично затряс головой. — Вот что — глупо было даже лезть сюда.

— Пожалуйста, Макс, — проговорила Эпони-на. — Давай не будем спорить. Ссоры между собой не помогут.

Все взрослые, за исключением Наи и Бенджи, сходили за километр к залу, чтобы собственными глазами увидеть, что сделали пауки. Люди действительно оказались закупоренными внутри логова. Два из трех открытых тоннелей, выходявших в зал, привели их к вертикальной шахте, третий же, как они быстро обнаружили, оканчивался в пустом хранилище, из которого не было выхода.

— Нужно срочно что-то придумать, — сказал Макс. — У нас осталось еды только на четыре дня, и я не имею представления, где здесь можно добыть ее.

— Извини, Макс, — возразила Николь, — но я все-таки полагаю, что Ричард решил правильно. Если бы мы остались в своем подземелье, нас захватили бы в плен и отвели в Новый Эдем, а там наверняка казнили бы...

— Может быть, и казнили, — перебил ее Макс. — А может быть, и нет... Детей пощадили бы, и Бенджи с доктором.

— Подобные предположения имеют чисто те-

оретический интерес, — проговорил Ричард, — и никак не связаны с нашей главной проблемой, а именно: как нам теперь жить?

— Ну, хорошо, гений, — съехидничал Макс. — Все это твоя затея. И что же ты предлагаешь нам делать?

На этот раз вновь вмешалась Эпониная.

— Макс, ты несправедлив. Мы попали сюда не по вине Ричарда... и как я только что говорила тебе, незачем...

— Ну, ладно, ладно, — ответил Макс, направляясь к проходу, уводившему вглубь. — Пройдусь-ка по этому тоннелю и выкурю сигаретку, чтобы успокоиться. — Он поглядел на Эпониину. — А ты не хочешь погулять? После того как мы выкурим эту, у нас останется еще двадцать девять.

Эпониная вяло улыбнулась Николь и Элли.

— Он все еще цепляется ко мне за то, что я не взяла все наши сигареты, когда мы покинули подземелье, — негромко проговорила она. — Не волнуйтесь... конечно, характер у Макса еще тот, но он быстро справляется со своими вспышками... Мы вернемся через несколько минут.

— Так что же ты задумал, дорогой? — обратилась Николь к Ричарду, как только Макс и Эпониная отправились на прогулку.

— Выбирать нам не из чего, — мрачно ответил Ричард. — Выделите нескольких взрослых охранять Бенджи, детей и птиц, а остальные пусть немедленно отправятся обследовать подземелье... ей-богу, могу поверить, что октопауки на этот раз действительно захотели, чтобы мы умерли с голоду.

— Извините меня, Ричард, — Роберт Тернер впервые вступил в разговор после того, как Патрик обнаружил, что выход в Нью-Йорк закрыт. — Неужели вы до сих пор предполагаете, что науки ведут себя дружелюбно? Что, если это не так?.. Скорее всего наша судьба им безразлична, и они попросту забаррикадировали свое логово от нежеланных гостей...

Роберт умолк, явно потеряв мысль.

— Я хочу только сказать, — продолжил он через несколько секунд, — что дети, кстати, и ваша внучка, находятся в условиях психологического и физического напряжения. И я буду возражать против любого плана, который оставит их без защиты...

— Конечно, вы правы, Роберт, — перебил его Ричард. — Несколько взрослых, уж по крайней мере один из нас, непременно должны остаться с Бенджи и детьми. У Наи и так хлопот по горло... Так что вы с Патриком и Элли можете вернуться к детям. Мы с Николь подождем Макса и Эпонины и немедленно последуем за вами.

Остальные ушли, и Ричард с Николь остались вдвоем.

— Элли утверждает, что Роберт теперь все время раздражен, — негромко произнесла Николь, — но не знает, как выразить свой гнев конструктивно... Он сказал ей, что считает все предприятие с самого начала ошибкой, и часами раздумывает об этом... Элли даже опасается за его психическое состояние.

Ричард покачал головой.

— Возможно, он *прав*. Не исключено, что нам

с тобой следовало одним провести здесь остаток жизни. Я только что подумал...

В этот самый миг Макс и Эпониная вынырнули из прохода.

— Хочу принести извинения, — проговорил Макс, протянув руку, — я позволил страху и разочарованию овладеть мной.

— Благодарю вас, Макс, — ответила Николь. — Однако извинения излишни. Смешно и думать, что в подобной ситуации при таком множестве народа можно обойтись без разногласий.

Все собрались в музее.

— Давайте еще раз проверим наш план, — проговорил Ричард. — Пятеро полезут вверх по выступам и начнут обследовать область, прилегающую к платформам. Следует тщательно обследовать все тоннели. Если иных средств спасения не обнаружится и вагон окажется на остановке, Макс, Эпониная, Николь и я садятся в него. Патрик же спускается вниз — к группе, оставшейся в музее.

— А вам не кажется, что незачем всем четверым садиться в вагон... это безрассудно, — спросил Роберт. — Почему бы не послать сначала двоих?.. Что, если вагон не вернется назад?

— Роберт, время — наш враг, — ответил Ричард. — Будь у нас больше еды, мы могли бы избрать менее рискованный план. В этом случае в вагоне можно было бы послать двоих. Но как быть, если вагон сделает не одну остановку, а несколько? Тогда безопасности ради придется проводить исследования парами; словом, если

только одна пара будет искать выход, потребуется чересчур много времени, чтобы найти путь к спасению.

Молчание в комнате затянулось. Наконец, Тимми забормотал что-то сестре. Никки подошла к нему и принялась гладить бархатное брюшко птицы.

— Я вовсе не претендую на то, что мне заранее известны ответы, — проговорил Ричард. — Я вполне осознаю серьезность нашего положения. Но, если отсюда можно выйти, мы с Николь считаем, что чем скорее нам удастся обнаружить выход, тем лучше.

— Ну хорошо, предположим, что вы вчетвером уже уехали в вагоне. Как долго нам придется ожидать вас в музее? — спросил Патрик.

— Трудный вопрос, — ответил Ричард. — Еды у вас хватит на четыре дня, а воды в цистерне достаточно, чтобы поддержать жизнь и после этого... Не знаю, Патрик, но полагаю, что вам придется оставаться здесь по крайней мере два-три дня... Ну а потом принимайте решение самостоятельно... Но, если представится возможность, хотя бы один из нас вернется.

Бенджи следил за разговором с неослабным вниманием. Очевидно, он в какой-то степени понимал, что происходит, поскольку по его лицу потекли слезы. Николь подошла, чтобы утешить сына.

— Не беспокойся. Все будет хорошо.

Взрослое дитя поглядело на мать.

— Ма-ма, я надеюсь, но я боюсь.

Галилей Ватанабэ вдруг вскочил с места и,

перебежав через комнату, направился к двум винтовкам, прислоненным к стене.

— Ну, если хоть один из этих октопауков заявится сюда, — начал он, хватая ближайшую к нему винтовку. Макс тут же забрал оружие из рук мальчишки, — тогда я застрелю его... вот так: *бах-бах!*

От его криков птенцы заверещали, а маленькая Николь заплакала. Когда Элли утерла дочери слезы, Макс и Патрик взяли на плечи винтовки, и все пятеро исследователей распрощались. Элли вышла в тоннель вместе с ними.

— Я не хотела говорить это в присутствии детей, но что нам *делать*, если сюда явятся октопауки, пока вас не будет?

— Не паникуйте, — ответил Ричард.

— Держитесь с ними дружелюбно, — заметила Николь.

— Хватай Никки и удирай со всех ног, — подмигнул Макс.

Пока они слезали вниз по шипам, ничего особенного не случилось. Как было годы назад, по мере спуска впереди загорались огни, и пятеро исследователей оказались на платформе менее чем через час.

— Ну, теперь проверим, действуют ли еще эти таинственные вагоны, — проговорил Ричард.

Платформа окружала шахту, из стенок, уходящих еще глубже во тьму, торчали металлические шипы. Напротив — по правую и левую руку от места, где стояли пятеро людей, — в

стены уходили два темных тоннеля. Один из тоннелей был высок — пять или шесть метров в диаметре, второй оказался едва ли не в десять раз меньше. Ричард направился к большому тоннелю, и когда до него оставалось примерно двадцать угловых градусов, длинный ход осветился. Тоннель напоминал огромный канализационный коллектор, словно где-нибудь на Земле.

Как только вдали послышались первые звуки, оставшаяся часть исследовательского отряда торопливо приблизилась к Ричарду. И менее чем через минуту вагон, невольно напомнивший всем метро, выскочил из-за поворота и остановился примерно в метре от шахты с шипами.

Салон вагона также был освещен. Сидений не было, от пола к потолку тянулись вертикальные шесты, разбросанные по вагону в кажущемся беспорядке. Примерно через пятнадцать секунд после прибытия вагона дверь его скользнула в сторону, а через пять секунд на противоположной оконечности платформы появился идентичный аппарат, почти в десять раз меньший.

Макс, Патрик и Эпони́на не раз слышали историю о двух загадочных вагонах подземки, но одно дело слышать, а другое — видеть своими глазами.

— Так что, друг, ты действительно решился на это? — обратился Макс к Ричарду, когда мужчины неспешно оглядели вагон. — Ты по-прежнему намереваешься *сесть* в эту поганую тележку, если мы не обнаружим другого выхода?

Ричард кивнул.

— Но этот вагон может завезти нас невесть куда, — сказал Макс. — Мы даже на грош не представляем, как он устроен, кто его построил и какого черта он здесь торчит. А как только мы войдем внутрь, то немедленно станем совершенно беспомощными.

— Правильно, — отозвался Ричард, улыбаясь с отсутствующим видом. — Макс, ты абсолютно точно оцениваешь ситуацию.

Макс потряс головой.

— Знаешь что, давай сперва все-таки спустимся в эту проклятую дыру и поищем там. Сомневаюсь, чтобы мы с Эпониной...

— Итак, — проговорил Патрик, приближаясь к мужчинам. — Пора переходить к следующему этапу... Ну, пошли, Макс, ты готов вновь полазить по шипам?

На этот раз у Ричарда не было маленьких роботов, которых можно было посадить в небольшой вагончик. Впрочем, он прихватил миниатюрную дистанционно управляемую мобильную камеру, надеясь, что ее веса хватит, чтобы привести в действие меньший вагончик.

— Во всяком случае, — сказал он остальным, — через маленький тоннель нам не выйти. Я просто хочу посмотреть, что там переменялось за эти годы. Кстати, по ряду причин вниз следует спускаться не более чем двоим.

Макс и Патрик медленно спускались по шипам, Ричард занялся проверкой мобильной камеры, а Николь с Эпониной расхаживали по платформе.

— Ну, как там, фермер? — спросила Эпониная Макса по радио.

— Пока ничего, — ответил он. — Но мы всего лишь в десяти метрах под вами. Тут шипы расположены не так часто, как наверху, поэтому приходится соблюдать осторожность.

— Итак, между вами установилась близость, пока я находилась в тюрьме, — прокомментировала Николь несколько мгновений спустя.

— Да, так оно и произошло, — непринужденно ответила Эпониная. — Откровенно говоря, я сама была удивлена. Я подумать не могла, что этот человек способен на серьезное отношение к женщине, у которой... сама понимаешь... Однако я недооценивала Макса. Он действительно необычный человек. Под этой грубой внешностью...

Эпониная умолкла. Николь широко улыбалась.

— Едва ли Макс способен одурачить кого-нибудь... по крайней мере тех, кто знает его. Грубиян и ругатель — просто маска, зачем-то придуманная (быть может, для самозащиты) на той же ферме в Арканзасе.

Обе женщины помолчали несколько секунд.

— Нетрудно понять его, — добавила Николь. — Но он просто обожает тебя, даже если вы никогда не могли по-настоящему...

— О Николь, — взволновалась Эпониная. — Не думай, что я не хотела, я так мечтала об этом. Конечно, доктор Тернер все время говорил нам, что у Макса весьма мало шансов подцепить от меня RV-41, если мы будем предохраняться... Но подобная неопределенность не для меня. Вдруг я все-таки каким-то образом передам Максусу эту

жуткую хворь, которая убивает меня? Как тогда простить себе, что обрекла любимого человека на смерть?

Слезы наполнили глаза Эпонины.

— Конечно же, мы близки, стараемся соблюдать все меры безопасности... Макс никогда не жаловался, но я по глазам вижу, как ему не хватает...

— Эй, там, — услышали они голос Макса по радио. — Мы видим дно... обычный пол, метрах в пяти под нами. От него расходятся два тоннеля: один, как тот маленький, что на вашем уровне, а другой абсолютно крошечный. Мы спустимся, чтобы поглядеть поближе.

Словом, настало время входить в вагон. Мобильная камера Ричарда не обнаружила ничего нового, а на единственном нижнем уровне выхода не было. Ричард и Патрик закончили свой разговор, подробно обсудив то, что будет делать молодой человек, когда вернется к остальным. Наконец они присоединились к Макс, Николь и Эпонине, и все пятеро медленно обошли платформу, направляясь к ожидавшему их вагону.

Сердце Эпонины ушло в пятки. Она вспомнила, что так чувствовала себя лет в шестнадцать; это было в Лиможе, перед открытием ее первой выставки в детском доме. Она глубоко вздохнула.

— Откровенно признаюсь, — проговорила Эпонина, — я очень боюсь.

— Черт, — произнес Макс, — ты еще мягко сказала... Ричард, почему ты так уверен, что эта

штуковина не может свалиться с того утеса над морем?

Ричард улыбнулся, но не ответил. Они подошли к вагону.

— Итак, — проговорил он, — раз мы не знаем, как вагон приводится в движение, следует проявлять предельную осторожность. Всем нам желательно войти одновременно, чтобы исключить возможность того, что двери закроются и вагон тронется с места, раньше чем мы окажемся внутри.

Наверное, с минуту все молчали, выстроившись вчетвером возле вагона: Макс с Эпониной заняли место со стороны тоннеля.

— Ну, начинаю отсчет, — произнес Ричард. — И как только скажу три, все разом делают шаг.

— Можно я закрою глаза? — спросил Макс с ухмылкой. — Помню, в детстве помогало, когда катался на горках.

— Как хочешь, — ответила Николь.

Люди дружно шагнули в вагон, и каждый из них сразу же ухватился за вертикальный стержень. Ничего не случилось. Патрик глядел на них снаружи.

— Быть может, он ожидает Патрика, — негромко проговорил Ричард.

— Не знаю, — пробормотал Макс, — но если этот клепаный поезд сию секунду не тронется, я соскочу.

Дверь неторопливо закрылась буквально через мгновение после слов Макса, и они даже не успели два раза вздохнуть, когда вагон тронулся с места, быстро ускоряясь в освещенном тоннеле.

Патрик замахал им и проводил глазами вагон

до первого поворота. А потом, забросив винтовку на плечо, полез вверх по шипам. *Пожалуйста, возвращайтесь скорее, думал он, прежде чем сомнения станут нестерпимыми для всех нас.*

На жилой уровень он вернулся менее чем через пятнадцать минут. Чуть отпив из фляги, Патрик поспешил по тоннелю к музею, размышляя по пути о том, что скажет своим.

Переступив порог, Патрик даже не заметил, что в комнате темно. Но когда он вошел, свет зажегся, и молодой человек на мгновение потерял ориентацию. *Неужели я попал не туда? Должно быть, ошибся тоннелем. Нет, разум отверг эту мысль, пока он торопливо оглядывал комнату, это именно та комната... в углу пара перышек и одна из забавных пеленок Никки...*

С каждой секундой сердце его колотилось быстрее. *Где же они?* — спрашивал себя Патрик, глаза его отчаянно метались по комнате. *Что случилось с ними?* И чем дольше глядел он на пустые стены, стараясь припомнить уговор во всех подробностях, тем больше понимал, что сестра и его друзья, безусловно, не по собственной воле оставили эту комнату. Если бы только нашла хоть записка! Две минуты Патрик осматривал каждый уголок в комнате, но никаких посланий не обнаружил. *Итак, кто-то или что-то заставило их бежать отсюда,* подумал он.

Патрик попытался рассуждать рационально, но не смог: мысли перепрыгивали с предмета на предмет, ему представлялись жуткие картины того, что могло произойти с остальными. Наконец, он заподозрил, что они скорее всего перебрались в

ту комнату, где остановились сначала... мать и Ричард еще называли ее фотогалереей. Должно быть, потому, что в музее погас свет, или по какой-то другой столь же тривиальной причине. И Патрик с надеждой рванулся в тоннель.

До фотогалереи он добрался через три минуты. Она также оказалась пустой. Патрик привалился к стене. Его спутники могли отправиться отсюда лишь в двух направлениях. Раз во время подъема Патрик никого из них не увидел, оставался зал и недоступный теперь выход наружу. Он поднимался, сжимая винтовку и стараясь убедить себя в том, что посланный Накамурой отряд так и не покинул остров и каким-то образом прорвался в подземелье, перехватывая всех, кто подвернулся под руку.

Но еще около зала Патрик услышал плач Никки.

— *Мама, мама,* — горестно повизгивала она, и Патрик рванулся вперед на голос своей племянницы вверх по пандусу. На площадке под закупоренным выходом оказался сущий хаос. Никки плакала, ошеломленный Роберт Тернер метался из стороны в сторону; воздевая вверх руки, он вновь и вновь возглашал: «Нет, о Боже, нет». Бенджи негромко рыдал в уголке, а Наи безуспешно пыталась успокоить своих сыновей. Увидев Патрика, Наи вскочила и бросилась к нему.

— О Патрик, — проговорила она, по ее щекам бежали слезы, — октопауки похитили Элли.

12

Лишь через несколько часов Патрик смог составить разумное представление о том, что произошло

после того как исследовательский отряд оставил музейную комнату. Наи еще была в шоке от пережитого, Роберт не мог говорить более минуты, не разразившись слезами, а дети и Бенджи постоянно прерывали рассказ, часто без всякого смысла. Поначалу Патрик уяснил только главное: к людям пришли октопауки и похитили Элли, прихватив птиц, манно-дыни и кусок ватной сети. Неоднократно повторив вопросы, Патрик сумел понять, как все случилось.

Примерно через час после того, как пятеро исследователей отправились в путь, — должно быть, когда Ричард, Патрик и другие спустились на платформу, — все оставшиеся в комнате слышали за дверью шорох металлических щеток. Элли вышла, чтобы оценить ситуацию, и увидела октопауков, подступавших с обеих сторон. Она немедленно возвратилась в комнату с этим известием и попыталась успокоить Бенджи и детей.

Когда в дверях появился первый октопаук, все люди бросились врассыпную, освободив место для девяти-десяти октопауков, которые тут же вошли внутрь. Поначалу они стояли плотной группой, по головам бежали цветковые фразы — пауки о чем-то переговаривались. Через несколько минут один из них выступил вперед и указал прямо на Элли своим черно-золотым щупальцем, а потом разразился длинной цветовой речью, после чего несколько раз повторил ее. По мнению Наи, Элли догадалась, что он сказал. Роберт же полагал, — просто поняла непонятным образом, что инопланетяне требуют манно-дыни и образец ватной сети. Элли достала их из уголка и вручила первому

октопауку. Тот взял предметы тремя щупальцами и передал своим подчиненным. «Вот это был видок! — воскликнул Роберт. — Они так непринужденно орудуют этими хоботами».

Тут все решили, что теперь октопауки отправятся восвояси, но, увы, прискорбно ошиблись. Главный октопаук продолжал смотреть на Элли и высвечивал свои цветочные речи. Пара октопауков неторопливо поползла к Тамми и Тимми. «Нет, — проговорила Элли, — вы не смеее...»

Но было слишком поздно. Октопауки охватили птенцов многими конечностями и, не обращая внимания на их бормотания и крики, отправились в коридор. Галилей Ватанабэ бросился к двери, собираясь напасть на октопаука, который обхватил Тимми тремя щупальцами. Четвертым щупальцем тот легко оторвал мальчишку от пола и передал его одному из своих спутников. Октопауки передавали Галилея друг другу, наконец он невредимым приземлился в дальнем углу комнаты. Незваные гости не помешали Наи броситься к сыну и утешить его.

К тому времени трое или четверо октопауков, птицы, дыни и образец ватного материала уже переместились в коридор, но в комнате еще оставалось шестеро инопланетян. Примерно десять минут они переговаривались между собой. Все это время, по словам Роберта, Элли следила за цветочными посланиями, которыми обменивались октопауки. («Я не смотрела на них, — объяснила Наи, — потому что была ужасно напугана и в первую очередь беспокоилась о детях»). Наконец, Элли подошла к Роберту и отдала ему Никки.

«Кажется, я понимаю, о чем они говорят, — сказала Элли (так утверждал белый, как мел, Роберт). — Они намереваются взять меня с собой».

Тут главный октопаук снова повернулся к ним и завел цветовую речь, явно обращаясь к Элли. Дальнейшее — все, что произошло в последующие десять минут, — Наи и Роберт восприняли совершенно по-разному. Бенджи в основном держал сторону Наи. По ее версии Элли попыталась защитить всех, кто находился в комнате, и якобы заключила некую сделку с октопауками. Какими-то жестами и словами Элли сумела объяснить инопланетянам, что пойдет с ними, если они гарантируют безопасность всем остальным людям.

— Элли была великолепна, — настаивала Наи. — Она объяснила им, что мы попали в ловушку и у нас нет еды. Увы, ее увели прежде, чем она успела удостовериться, что условия приняты.

— Ты наивна, Наи, — говорил Роберт, оглядываясь дикими от горя и смятения глазами. — Ты не поняла, насколько зловещими на самом деле являются эти создания. Они загипнотизировали Элли... да-да, именно так... Все произошло, как только они вошли. Она так внимательно разглядывала эти полосы. Говорю тебе — она была сама не своя. И все разговоры, что нам предоставят свободу, просто предлог: она *захотела* уйти с ними. Они воздействовали на ее личность прямо у нас на глазах — этими проклятыми цветовыми узорами. Но никто, кроме меня, этого не заметил.

Патрик не доверял версии Роберта в основном потому, что муж Элли был ужасно расстроен. Наи же соглашалась с Робертом по двум основным

пунктам: Элли не сопротивлялась и не протестовала, когда первый октопаук схватил ее, а оставляя комнату, она подробно перечислила все, что следует сделать для Никки.

— Скажи мне, кто, пребывая в здравом уме, — говорил Роберт, — и угодив в щупальца инопланетных созданий, будет тарабанить о том, каким одеялом укрыть ее дочь, когда она в последний раз ходила на горшок, и прочих подобных мелочах... Говорю тебе — ее загипнотизировали, одурманили или сделали что-нибудь в этом роде.

Все дальнейшие действия, которые привели их под заложенный выход, были относительно несложными. Когда октопауки увели с собой Элли, Бенджи с воплем выскочил в коридор и набросился на их арьергард. Роберт присоединился к нему, и они вдвоем последовали за Элли и отрядом инопланетян до зала. Ворота в четвертый тоннель оказались открытыми. Там один из октопауков остановил Роберта и Бенджи четырьмя длинными щупальцами, тем временем остальные отправились восвояси. Последний октопаук закрыл за собой ворота.

Подземная езда восхитила Макса. Она напомнила ему поездку в большой парк с аттракционами возле Литл-Рока, когда ему было около десяти. Поезд висел над металлической полосой и мчался по тоннелю, не прикасаясь к полу. Ричард предположил, что для этого используется разновидность магнитной подвески.

Вагончик остановился через две минуты, дверь

быстро открылась. Четверо исследователей поглядели на пустую молочно-белую платформу, за которой возвышалась арка около трех метров высотой.

— Итак, в соответствии с планом А, — объявил Макс, — нам с Эпониной предстоит отправиться туда.

— Да, — проговорил Ричард. — Но, если вагончик не двинется с места, мы с Николь немедленно присоединимся к вам.

Макс взял Эпонину за руку и осторожно ступил на платформу. Едва они вышли из вагончика, дверь за ними закрылась. И через несколько секунд вагон направился дальше.

— Разве не романтично? — проговорил Макс, после того как они с Эпониной помахали на прощание Ричарду и Николь. — Ну наконец мы остались вдвоем. — Он обнял Эпонину и поцеловал ее. — Вот что, мамзелька, я тебе скажу, я люблю тебя. Не знаю, в какой чертовой дыре мы находимся, но, как бы то ни было, я рад, что ты со мной.

Эпониная рассмеялась.

— В детском доме у меня была подружка, которая мечтала попасть на необитаемый остров с одним известным французским актером (помнишь Марселя Дюбуа?). Грудь как у мамонта, а вместо рук бревна. Интересно, понравилось бы ей в этом месте? — Эпониная огляделась. — Итак, пора под арку.

Макс пожал плечами.

— А вдруг сейчас выбежит белый кролик,

увязавшись за которым, можно угодить в какую-нибудь дырку...*

За аркой оказалась большая прямоугольная комната с голубыми стенками — абсолютно пустая; через открытую дверь из нее можно было попасть в узкий освещенный коридор, идущий параллельно тоннелю подземки. Стены коридора по обе стороны от Макса и Эпонины отливали той же голубизной, что и в комнате за аркой.

— И куда же мы отправимся? — спросил Макс.

— С этой стороны — видишь? — вроде бы две двери, что напротив подземки, — сказала Эпонина, указывая направо.

— И здесь их тоже две, — Макс поглядел налево. — Почему бы нам не дойти до первой двери, заглянуть в нее, а потом решить, что делать?

Рука об руку они прошли пятьдесят метров по голубому коридору. Но вид, открывшийся за следующей дверью, разочаровал их. Перед ними протянулся еще один коридор — кое-где в стенах виднелись двери; он уходил вперед на многие метры.

— Дерьмо, — объявил Макс. — Мы попали в какой-то лабиринт... Как бы не заблудиться.

— Что ты предлагаешь? — спросила Эпонина.

— По-моему... — сказал Макс, помедлив, — стоит выкурить сигаретку и как следует все обговорить.

Эпонина расхохоталась.

— Более чем согласна с тобой.

---

* См. начало сказки Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес».

Шли они очень осторожно, и каждый раз, сворачивая в очередной голубой коридор, Макс оставлял на стене метку губной помадой Эпонины, набрасывая полную схему обратного пути в комнату за аркой. Он настоял, чтобы Эпонина, свободно владевшая компьютером, заносила соответствующие пометки в свой аппарат.

— На случай, ежели кто-то сотрет мои рисунки, — пояснил Макс.

Поначалу такое приключение казалось забавным, и они два раза вернулись к арке, чтобы доказать себе, что способны сделать это в любой момент. После этого Макс и Эпонина ощутили определенную уверенность, но примерно через час пути по сменявшим друг друга голубым коридорам возбуждение начало стихать. Наконец Макс и Эпонина остановились, сели на пол и закурили еще одну сигарету.

— Итак, зачем разумному существу, — проговорил Макс, выдувая дымные кольца в воздух, — может понадобиться подобное сооружение? Или же мы, не зная того, подвергаемся непонятному испытанию...

— Или они стремятся что-то спрятать от нас, — докончила Эпонина и, взяв сигарету из руки Макса, глубоко затянулась. — И если так, — продолжила она, — должен существовать простой код, который определяет конфигурацию лабиринта, нечто вроде древних комбинационных замков: второй поворот направо, четвертый налево и...

— Так до утра, — перебил ее Макс с ухмылкой. — Коротко чмокнув Эпонину, он поднялся на ноги. — Поэтому придется *предположить*, что

мы ищем нечто особенное, и логическим образом организовать наш поиск.

Поднявшись на ноги, Эпониная хмуро поглядела на Макса.

— А что ты, собственно, хотел этим сказать?

— Не знаю, — хохотнул Макс, — но, во всяком случае, прозвучало чертовски умно.

Побродив по голубым коридорам почти четыре часа, Макс и Эпониная наконец решили, что настало время поесть. Они как раз приступили к раманской пище, когда слева, на пересечении коридоров, что-то промелькнуло. Макс вскочил на ноги и бросился к перекрестку. Там он оказался через несколько секунд, заметив, как крохотный аппарат не более десяти сантиметров высотой повернул направо в ближайший коридор. Макс устремился вперед и увидел, как аппарат исчезает под маленькой аркой, вырезанной в стене голубого коридора метрах в двадцати от него.

— Иди сюда, — крикнул он Эпонине. — Я кое-что нашел.

Эпониная быстро оказалась возле него. Небольшая арка возвышалась над полом лишь на двадцать пять сантиметров, поэтому им пришлось встать на колени и пригнуться, чтобы посмотреть, куда отправился аппарат. Они увидели, как пять или шесть десятков крохотных созданий ростом с муравья вылезают из устройства, похожего на автобус, и разбегаются во все стороны.

— Что это еще за чертовщина? — спросил Макс.

— Смотри-ка, Макс, — взволнованно прогово-

рила Эпонины. — Смотри внимательно... это крохотные октопауки... Ты видишь... они похожи на того, которого ты описывал мне...

— Черт побери, ты права... наверное, это октопауки-младенцы.

— Едва ли, — возразила Эпонины. — Смотри-ка, они попрятались в своих домиках, так что ли... Вот канал, а в нем лодка...

— Камера! — закричал Макс. — Беги назад за камерой... Тут же целый миниатюрный город.

Усаживаясь за еду, Макс и Эпонины сняли свои рюкзаки и прочее снаряжение, оставив там и камеру. Эпонины вскочила и бросилась назад. Макс продолжал разглядывать миниатюрный мирок, видневшийся за стеной прохода. Через какую-то минуту он услышал слабый крик, и страх холодком пробежал по спине. *Дурак, идиот*, ругал себя Макс, возвращаясь к месту привала. *Никогда, никогда не оставляй винтовку.*

Сделав последний поворот, он замер на месте. Перед Максом находились пять октопауков. Один из них держал Эпонины тремя щупальцами, другой завладел винтовкой. Третий октопаук подхватил рюкзак Эпонины, в который были аккуратно уложены все ее вещи.

На лице женщины был написан самый откровенный ужас.

— Помоги мне, Макс... прошу тебя, — молила Эпонины.

Макс шагнул вперед, но дорогу ему преградили два октопаука. По голове одного из них побежала волна цветowych полос.

— Не понимаю, какого хрена ты болтаешь, — гневно завопил Макс. — Отпусти ее.

И подобно полузащитнику в футболе, Макс рванулся мимо первых двух октопауков и почти достиг Эпонины, когда чьи-то щупальца охватили его, притиснув руки к груди. Сопротивляться было бессмысленно: создание оказалось невероятно сильным.

Трое октопауков, в том числе и тот, который держал Эпонину, начали удаляться от него по коридору.

— Макс... Макс! — в ужасе кричала Эпонина. Но тот не мог вырваться из хватки удерживавшего его октопаука. Через минуту крики прекратились.

Октопаук не выпускал Макса еще десять минут, потом он ощутил, как могучие мышцы расслабились.

— Что здесь происходит? — рявкнул Макс, высвободившись из объятий инопланетянина. — Что вы, сукины дети, здесь делаете?

Один из октопауков указал на его рюкзак, оставшийся у стены. Фермер, осев рядом с поклажей, потянулся за едой и питьем. Октопауки переговорили друг с другом цветочными словами. Понимая, что его стерегут, Макс сделал несколько глотков.

Эти коридоры настолько узки, думал он, помышляя о побеге, а эти проклятые твари такие здоровые, да еще с огромными щупальцами. Увы, придется подождать, поглядеть, что будет.

Два октопаука не покидали своего места не-

сколько часов. Наконец Макс уснул на полу между ними.

Проснувшись, Макс обнаружил, что остался один. Он осторожно обошел угол, поглядел в обе стороны голубого коридора... в нем ничего не было. Минуту Макс разыскивал пятна помады на стене и добавил к ним несколько новых, отметив расположение города крошечных октопауков, а потом вернулся к платформе.

Он не представлял, что делать дальше. Несколько минут он тщетно блуждал по голубым коридорам, выкрикивая имя Эпонины. Наконец Макс решил сесть на платформе и дожждаться вагона. Продав более часа, Макс был уже готов возвратиться к миниатюрному городу октопауков, когда до него донесся шум. Вагон приближался со стороны, противоположной вертикальной шахте с шипами. Вагончик приблизился, в окнах виднелись лица Ричарда и Николь.

— Макс! — завопили они одновременно, прежде чем дверь открылась.

И Ричард, и Николь были крайне взволнованы.

— Мы нашли место для нас, — воскликнул Ричард, спрыгивая на платформу. — Там есть огромный зал с куполом высотой метров в сорок... не купол, а радуга красок... Это уже по ту сторону Цилиндрического моря, здесь вагончик проходит под водой в прозрачном тоннеле... — Он умолк, когда вагончик со свистом тронулся с места.

— Там есть ванны, постели и непрерывно течет вода, — торопливо добавила Николь.

— И свежая пицца... какие-то странные фрукты и овощи, такие вкусные...

— А где Эпониная? — вдруг спросила Николь, перебив Ричарда на полуслове.

— Ее нет, — отрывисто проговорил Макс.

— Как нет? — сказал Ричард. — Как и куда она подевалась?

— Ее похитили ваши невраждебные к нам друзья, — сухо ответил Макс.

— Чтооо? — протянул Ричард.

Макс поведал свою историю — медленно и точно, не опустив ничего важного. Ричард и Николь внимательно выслушали его.

— Они перехитрили нас, — наконец прокомментировал Ричард, покачивая головой.

— Не нас, — недовольным тоном буркнул Макс, — а меня. Они убаюкали нас, мы с Эп поверили, что лабиринт голубых коридоров... нечто вроде головоломки в этом... Дерьмо, просто дерьмо.

— Не кори себя понапрасну, — спокойно произнесла Николь, прикасаясь к плечу Макса. — Откуда тебе было знать...

— Какая глупость с моей стороны, — Макс возвысил голос. — Беру с собой винтовку — для безопасности, и где же эта самая винтовка, когда являются наши восьминогие дружочки? Стоит возле какой-то клепаной стенки...

— Мы первоначально попали в подобное же место, — проговорил Ричард, — только наши коридоры были красными, а не голубыми. Мы с Николь обследовали их около часа, потом вернулись к платформе. Вагончик вновь подобрал нас

в течение десяти минут и переправил через тоннель под Цилиндрическим морем.

— А ты искал Эпонину? — спросила Николь. Макс кивнул.

— Нечто вроде того. Кричал, звал ее.

— Быть может, надо продолжить поиски еще, — предложила Николь.

Трое друзей вернулись в мир голубых коридоров. Когда они подошли к первому пересечению, Макс объяснил Ричарду и Николь, какие метки оставлял на стене.

— Наверное, нам следует разделиться. Так поиски ее будут более действенными... Давайте встретимся за аркой, скажем через полчаса.

Но уже за следующим поворотом оставшийся в одиночестве Макс не обнаружил своих пометок. Озадаченный, он попытался припомнить: быть может, пропустил этот поворот или же ни разу не был здесь... Глубоко задумавшись, он ощутил на своем плече ладонь и едва ли не выскочил из кожи.

— Чего ты, — Ричард заметил выражение на лице друга. — Это всего лишь я... Разве ты не слышал, как я окликнул тебя?

— Нет, — Макс покачал головой.

— Я же был только за углом... должно быть, в этом месте жуткое ослабление звука... Во всяком случае, мы с Николь за поворотом не нашли ни одной из твоих меток. Странно...

— *Вот дерьмо!* — с пылом произнес Макс. — Эти сукины дети успели очистить все стены... разве не понятно? У них все было продумано, а мы сделали именно то, чего они от нас ожидали.

— Но Макс, — проговорил Ричард, — как они могли предвидеть *все*, что мы сделаем. Мы ведь *сами* не знали заранее, какой стратегии будем придерживаться. Как же они могли...

— Объяснить не могу, но чувствую нутром. Они просто дождались, чтобы мы с Эпониной сели есть, и тут подсунули нам этот вагончик. *Знали*, что я побегу искать его, и тогда у них будет шанс сцапать Эпонику... Выходит, они следили за нами все время...

Даже Макс согласился, что искать Эпонику в лабиринте голубых коридоров — безнадежное дело.

— Безусловно, поблизости ее нет, — удрученно произнес он.

Ожидая на платформе прибытия вагончика, Ричард и Николь подробнее рассказали Максиму о большой комнате с радужным куполом в южной стороне Цилиндрического моря.

— О'кей, — проговорил Макс, когда они закончили. — Понятно даже арканзасской деревенщине. Радуга в куполе определенно связана с той радугой на небе, которая отвлекла отряд Накамуры. Словом, радужный народ не хочет, чтобы мы попали в плен. Еще они не хотят, чтобы мы умерли с голоду... Возможно, подземку построили именно они, во всяком случае, мне так кажется. Но что же объединяет радужный народ и пауков?

— Пока ты не рассказал мне о похищении Эпонины, — ответил Ричард, — я было решил, что это один и тот же народ. А теперь не знаю. Все, что случилось с вами, можно принять лишь за проявление враждебности.

Макс расхохотался.

— Ричард, ты великолепно умеешь жонглировать словами. Разве ты еще сомневаешься в отношении этих проклятых уродов? Подобной реакции можно было ожидать от Николь, но ведь эти самые октопауки несколько месяцев продержали тебя в плену и при этом еще запикивали тебе в нос каких-то крошечных тварей... на психику воздействовали.

— Ну уж этого нельзя сказать наверняка, — негромко проговорил Ричард.

— Ну ладно, пусть... Однако я полагаю, что ты отбрасываешь многочисленные доказательства...

Макс умолк, услышав знакомый звук. Вагончик направлялся к логову пауков.

— И еще, — кисло буркнул Макс, прежде чем шагнуть в вагон, — почему он всегда едет в нужную сторону?

Патрику наконец удалось уговорить Роберта и Наи вернуться в музей. Это далось нелегко; нападение октопауков нанесло взрослым и детям серьезную травму. Роберт совсем не мог спать, а близнецов преследовали кошмары; они то и дело просыпались в слезах. Словом, когда Ричард, Николь и Макс поднялись к ним, пищи уже почти не осталось, и Патрик начинал обдумывать, что делать.

Встреча была безрадостной, говорили о похищениях, и все взрослые, в том числе Николь, глубоко приуныли. Радужный купол на юге ни в ком не вызвал восторга. Впрочем, в отношении того, что теперь делать, сомнений не оставалось.

Ричард исчерпывающим образом обобщил ситуацию:

— Во всяком случае, под куполом есть еда.

Они молча упаковывали свои пожитки. Патрик и Макс спустили детей вниз по вертикальному шипастому коридору. Как только они собрались на платформе, появился вагончик. На этот раз в соответствии с едкими предсказаниями Макса он не стал делать остановок на промежуточных станциях, а прямо отправился в прозрачный тоннель под Цилиндрическим морем. За стенкой тоннеля плавали странные и удивительные морские создания — без сомнения, биоты. Вид их заворожил детей, а Ричарду напомнил о давнишнем плавании в Нью-Йорк, когда он искал Николь.

Просторная палата под куполом, в которой окончилась линия подземки, действительно ошеломляла. Бенджи и дети немедленно заинтересовались разнообразной едой, разложенной на длинном столе по одну сторону комнаты. Взрослые же удивленно бродили вокруг, не только разглядывая яркие радужные разводы над головой, но и обследуя альковы за платформой; там располагались ваннные комнаты и спальные помещения.

Макс шагами вымерил размер комнаты: шириной она была в пятьдесят метров, от платформы до белых стен со входами в альковы было метров сорок. Патрик подошел, чтобы переговорить с Максом, стоявшим возле щели, отделявшей платформу от вагона; тем временем все остальные обсуждали, кто и где расположится.

— Жаль Эпонину, — сказал Патрик, опуская ладонь на плечо друга.

Макс передернул плечами.

— Хуже, что исчезла Элли: едва ли Роберт и Никки сумеют оправиться от удара.

Стоя бок о бок, мужчины глядели в длинный, пустой и темный тоннель.

— Знаешь, Патрик, — мрачно заметил Макс. — Хотелось бы чтобы простак-фермер поверил в то, что наши беды закончились и радужный народ теперь позаботится о нас.

Прибежал Кеплер с длинным плодом, на вид напоминавшим зеленую морковку.

— Мистер Паккетт, — попробуйте самое вкусное.

Макс принял дар маленького мальчика и, засунув плод в рот, откусил.

— Вкусно, Кеплер, — сказал он, погладив мальчика по голове. — Большое спасибо тебе. — Кеплер бросился к остальным. Макс медленно жевал плод. — Я всегда заботился о моих свиньях и цыплятах. — Он правой рукой махнул на купол и стол, заваленный пищей. — Но тем не менее я по одному изымал животных, когда пора было убивать их или везти продавать на рынок.

Радужная родня

1

Николь лежала на спине... она вновь проснулась посреди ночи. В сумеречном свете она видела Ричарда, бесшумно спавшего рядом. Она тихо поднялась, пересекла комнату и вышла в главный зал их временного прибежища.

Люди легко приспособились к местному освещению, свет под радужным куполом затенялся примерно на восемь часов каждые 24-часовые сутки. В эти «ночные» интервалы он почти исчезал, и в углубленных в стены спальнях, не имевших собственного освещения, становилось достаточно темно для покойного сна.

Несколько ночей подряд Николь спала тревожно, ее часто пробуждали беспокойные сны, которых она не могла запомнить. Безуспешно стараясь припомнить образы, смутившие ее покой этой ночью, Николь неспешно обошла по периметру большой круглый зал, в котором вместе с друзьями проводила большую часть своего досуга. Оказавшись на противоположной стороне палаты, она остановилась возле пустой платформы подземки и заглянула в темный тоннель, уходивший под Цилиндрическое море.

Что там происходит сейчас? — думала Николь. Какая сила, какой разум ныне взяли нас под опеку?

Прошло четыре недели с того дня, когда небольшой отряд перебрался в это великолепное сооружение, расположенное в Южном полуцилиндре Рамы. Новое жилище, очевидно, было расчи-

тано на людей, невзирая на все труды. Спальни и ваннные комнаты в альковах не отличались от оставшихся в Новом Эдеме. С первым же вагоном, явившимся под купол после их прибытия, хозяева прислали людям пищу и воду, кушетки, кресла и столы. Людям даже предоставили тарелки, стаканы и столовые приборы. Итак, здесь достаточно хорошо представляли повседневные потребности людей и умели их обеспечить.

Кто-то за нами весьма пристально наблюдает, думала Николь. Ей представился Орел, и она поняла, что занята беспочвенными фантазиями. Кто же еще? Лишь рамане и интеллект Узла обладают достаточной информацией...

Размышления ее нарушил звук, раздавшийся за спиной. Николь повернулась и увидела Макса Паккетта, приближающегося с другой стороны палаты.

— И тебе тоже сегодня не спится? — сказал он, подходя ближе.

Николь покачала головой.

— Последние несколько ночей мне все время снятся скверные сны.

— А я все волнуюсь... — проговорил Макс. — До сих пор вижу ужас в глазах Эпонины, когда ее тащили по коридору. — Он молча отвернулся и принялся разглядывать тоннель.

А как-то там Элли? — подумала Николь, ощутив сильную тревогу. Хорошо ли ей с октопауками? Или же догадка Макса верна? Неужели мы с Ричардом лишь обманываем себя, предполагая, что эти инопланетные создания не намереваются причинить нам зло?

— Не могу я сидеть здесь и дожидаться. Я должен что-то сделать, чтобы помочь Эпонине... Хотя бы для очистки совести.

— Но что ты можешь сделать, Макс? — спросила Николь, чуть помедлив.

— С внешним миром нас теперь связывает только этот поганный вагон, — ответил Макс. — В следующий раз, когда он доставит нам пищу и воду — сегодня или завтра, — я собираюсь забраться внутрь и остаться там. И когда вагончик отправится отсюда, я поеду — куда бы он меня ни завез. А там попытаюсь найти первого октопаука и дам ему поймать себя.

Николь увидела отчаяние на лице своего друга.

— Макс, ты цепляешься за соломинку, — проговорила она негромко. — Ты не встретишь октопауков, если только они этого не захотят... Кроме того, ты нам нужен...

— Ни хрена, Николь, зачем я тут? — Макс возвысил голос. — Здесь абсолютно нечего *делать*, — только разговаривать друг с другом и играть с детьми. В вашем подземелье можно было хотя бы выйти и погулять по темному Нью-Йорку... Возможно, Эпонины и Элли больше нет... или же они мечтают о смерти... пора нам кое-что *предпринять*...

Вдалеке в тоннеле замигали огни.

— Ну вот и они, — сказал Макс. — Сейчас соберусь и помогу тебе с разгрузкой. — Он побежал к своей спальне.

Николь осталась, чтобы поглядеть на приближающийся вагон. Как всегда, перед ним в тоннеле зажигались огни. Через несколько минут вагончик

неторопливо вполз в прорезь в кольцевом полу комнаты и остановился. Когда его двери открылись, Николь вошла внутрь, чтобы обследовать привезенное.

Помимо четырех больших кувшинов с водой, в вагончике оказался обычный набор свежих продуктов, которые люди уже научились ценить; кроме них, прислали большой тюбик с вязкой субстанцией, напоминавшей смесь меда и апельсинового сока. *Но где же они выращивают все это?* — спрашивала себя Николь, наверное, в сотый раз, после того как приступила к разгрузке. Она вспомнила многочисленные семейные споры. В конце концов все пришли к заключению, что в Южном полуцилиндре наверняка устроены сельскохозяйственные угодья. Куда большие разногласия вызвал вопрос о том, кто кормит их. Ричард не сомневался, что заботятся о людях сами октопауки, поскольку любые припасы должны были идти транзитом через территорию, которую он считал доменом октопауков. Логике его возразить было сложно, Макс также полагал, что продукты людям поставляют октопауки, но тем не менее всем их действиям он приписывал злоешие мотивы. И если нас кормят октопауки, заверял фермер, то скорее всего не из милосердия.

Зачем же октопаукам становиться нашими благодетелями? — гадала Николь. *Я согласна с Максом: похищение Эпонины и Элли никак не совместимо с такой заботой... Или мы все-таки имеем дело с кем-то другим, решившим защитить нас?* Невзирая на смешки Ричарда, Николь отчасти надеялась, что здесь действительно обитает какой-

то радужный народ, по уровню развития превосходящий октопауков и почему-то заинтересованный в сохранении жизни уязвимых людей, а посему приказавший этим инопланетным созданиям кормить своих пленников.

В грузе, доставленном в вагоне подземки, всегда находился какой-нибудь сюрприз. На этот раз в его задней части обнаружилось шесть шаров разной величины, окрашенных в яркие цвета.

— Смотри-ка, Макс, — сказала Николь. Фермер уже вернулся со своим рюкзаком и принялся помогать ей с разгрузкой. — Они даже прислали мячи детям.

— Чудесно, — ехидно проговорил Макс. — Теперь начнутся детские ссоры из-за каждого мячика.

Когда они разгрузили вагон, Макс забрался внутрь и уселся на полу.

— Сколько же ты будешь ждать? — спросила Николь.

— Сколько потребуется, — мрачно ответил Макс.

— А ты не обсуждал эту идею с кем-нибудь из наших? — поинтересовалась Николь.

— Какого черта, конечно нет. С какой стати?.. У нас здесь не демократия. — Макс наклонился вперед. — Извини, Николь, но я сыт всем по горло: Эпонины нет уже месяц, сигареты кончились, я вот-вот взорвусь. — Он выдавил улыбку. — Когда доходило до такого, Клайд с Виноной всегда говаривали мне, что я, мол, на ежа уселся.

— Ну, ладно, Макс, — проговорила Николь чуть погодя. Она коротко обняла его на проща-

ние. — Надеюсь, с тобой все будет в порядке, куда бы тебя не занесло.

Однако вагон оставался на месте, и Макс упрямо отказывался покинуть его, даже в уборную не ходил.

Друзья приносили Максу еду, воду и все прочее, чтобы не пачкать вагончик. Между тем к исходу третьего дня сидения пища начала заканчиваться.

— Придется переговорить с Максом, — обратился Роберт к взрослым, после того как дети уснули. — Понятно, вагон не стронется с места, пока он будет торчать внутри.

— Я хочу переговорить с ним завтра утром, — отозвалась Николь.

— Но еда кончается *сейчас*, — сказал Роберт. — И мы не знаем, сколько еще потребуется...

— Можно разделить остаток на рационы, — перебил его Ричард, — и продержаться еще хотя бы два дня... Видишь ли, Роберт, все мы устали и нервничаем... словом, лучше переговорить с Максом хорошо выспавшись.

— Что будем делать, если Макс не захочет оставлять вагон? — спросил Ричард у Николь, когда они остались одни.

— Не знаю, — ответила Николь. — Патрик уже задавал мне это вопрос утром.... Он опасается, что нам придется прибегнуть к силе, чтобы извлечь Макса из вагона... По его мнению, Макс очень устал и раздражен.

Ричард уже глубоко заснул, однако Николь все еще обдумывала, в каком тоне лучше говорить с Максом. *Конфронтации следует избегать любой*

*ценой, подумала она. Итак, мне придется перегово-
ривать с ним с глазу на глаз, так чтобы никто
не слышал... Но что же сказать ему? И как
реагировать на отказ?*

Истомившись от дум, Николь наконец уснула. И снова ее сны были тревожными. Сперва горела их вилла в Бовуа, а она не могла отыскать Женевьеву. Потом сон перенес Николь в Республику Берег Слоновой Кости, и ей снова было семь лет, шел обряд поро. Полуголая Николь плыла в небольшом пруду посреди оазиса. По берегу пруда разгуливала львица, выискивая человеческого детеныша, потревожившего ее львят. Николь нырнула, чтобы избежать пронзительного взгляда зверя, а когда выскочила на поверхность, чтобы вздохнуть, львица исчезла, и вместо нее вокруг пруда разгуливали три октопаука.

— Мама, мама, — услышала Николь далекий голос Элли. Встав в воде, Николь обвела глазами окружность пруда. — С нами все в порядке, мама, — отчетливо произнес голос Элли. — Не беспокойся о нас.

Но где же Элли? Во сне Николь как будто бы заметила человеческий силуэт в лесу позади трех октопауков и позвала:

— Элли, это ты... Элли?

Темная фигура ответила «да» голосом Элли, а затем подошла поближе. В лунном свете блеснули ярко-белые зубы. Николь сразу же узнала подошедшего.

— Омэ! — вскрикнула она, и волна ужаса пробежала по спине, — Омэ...

Николь проснулась от толчка. Ричард сидел возле нее в постели.

— Что с тобой, дорогая? Ты кричала, звала Элли... потом Омэ.

— Только что я видела очередной яркий сон, — проговорила Николь, подымаясь, чтобы одеться. — Мне дали понять, что Эпонины и Элли живы, но где они сейчас, не намекнули.

Николь оделась.

— И куда же ты в столь поздний час? — спросил Ричард.

— Я хочу переговорить с Максом, — ответила Николь.

Она торопливо оставила спальню и вышла в большой зал под куполом. Непроизвольно Николь поглядела на потолок и заметила то, чего не видела прежде. В нескольких метрах под куполом оказалась площадка или платформа. *Почему я не замечала ее раньше?* — подумала Николь, рысцой подбегая к вагону. *Потому что днем тени лежат по-другому? Или потому, что эту площадку сделали совсем недавно?*

Свернувшийся в клубок Макс спал в уголке вагона. Николь вошла внутрь очень тихо. За те несколько секунд, когда она собиралась прикоснуться к нему, Макс дважды пробормотал имя Эпонины. Потом голова его дернулась.

— Да, дорогая, — произнес он вполне отчетливо.

— Макс, — шепнула ему на ухо Николь. — Просыпайся, Макс. — Когда Макс проснулся, выражение на его лице было такое, словно бы он увидел призрак. — Макс, мне только что приснил-

ся удивительный сон, — объявила Николь. — Теперь я уверена, что с Элли и Эпониной все в порядке... Я пришла попросить тебя уйти из вагона, чтобы он мог привезти еду. Конечно, я понимаю, как тебе хочется что-либо сделать...

Николь смолкла. Макс поднялся на ноги и подошел к двери вагона. Выражение недоумения на его лице все еще сохранялось.

— Пошли, — сказал он.

— И всего-то? — Николь удивилась столь слабому сопротивлению.

— Да, — проговорил Макс, спускаясь из вагона. Как только Николь оставила вагон, его двери закрылись, и аппарат быстро покати́л в сторону.

— Когда ты меня разбудила, — продолжал Макс, вместе с Николь провожая взглядом вагончик, — мне снился сон: я разговаривал с Эпониной. И как раз в тот самый момент, когда я услышал твой голос, она говорила, что ты несешь мне важное известие.

Макс поежился, потом расхохотался и направился назад к альковам.

— Конечно, я не верю во все эти дерьмовые разговоры о телепатии, но совпадение, безусловно, заслуживает внимания.

Поезд, на этот раз с двумя вагонами, вернулся еще дотемна. Первый вагон, как и прежде, был освещен, открыт и нагружен водой и пищей. Второй же оставался совершенно темным; двери его не открывались, а окна были занавешены.

— Ну-ну, — проговорил Макс, подходя к краю платформы. Он попытался — впрочем, без успе-

ха — проникнуть внутрь второго вагона. — И что же у нас тут?

Когда из первого вагона выгрузили еду и питье, поезд не тронулся с места. Люди выжидали, но таинственный второй вагон отказывался выдавать свои секреты. Наконец Николь с друзьями решила приступить к обеду. Разговор за едой был негромок: все не без опаски рассуждали о возможном назначении второго вагона.

Когда маленький Кеплер невинным голоском предположил, что, быть может, внутри темного вагона находятся Эпонина и Элли, Николь поведала историю о том, как после долгого пребывания у октопауков обнаружила Ричарда в коме. Предчувствие несчастья охватило людей.

— Следует обязательно выставить стражу сегодня ночью, — предложил Макс после обеда, — чтобы они не выкинули какой-нибудь штуки, пока мы спим. Берусь отстоять первые четыре часа.

Патрик и Ричард также вызвались в часовые. И, прежде чем улечься спать, все семейство, включая Бенджи и детей, отправилось к краю платформы поглядеть на вагоны.

— А что же там внутри, ма-ма? — поинтересовался Бенджи.

— Не знаю, дорогой, — ответила Николь, обнимая сына. — В самом деле не знаю.

Примерно за час до того, как под куполом снова вспыхнули огни, возвещая наступление утра, Патрик и Макс разбудили Ричарда и Николь.

— Пошли, — проговорил Макс взволнованно, — вам нужно поглядеть на это...

В центре главной палаты оказалось четверо

больших черных сегментированных созданий: наделенные зеркальной симметрией, формой тела они напоминали муравьев. К каждому из трех сегментов членистого тела была прикреплена пара ног и пара гибких сменных конечностей, которыми эти существа на глазах людей деловито возводили какое-то сооружение.

Картина была удивительная: каждая из змееподобных «рук» обладала гибкостью слоновьего хобота. Дополнительным и весьма полезным достоинством этих конечностей было то, что, когда рукой не пользовались, то есть не нужно было что-то поднимать или уравнивать груз, переносимый с противоположной стороны, она втягивалась в корпус, устроенный на боку существа, и оставалась туго скрученной, пока не потребуется вновь. Другими словами, если эти инопланетяне не выполняли никаких дел, рук не было видно, и они не мешали движениям.

Ошеломленные люди продолжали внимательно разглядывать странные и довольно крупные — два метра в длину и почти метр в высоту — создания. Они быстро разгрузили темный вагон, потом оглядели сложенные штабеля и наконец исчезли в тоннеле вместе с поездом. Когда инопланетяне отъехали, Макс, Патрик, Ричард и Николь направились к штабелям. В них оказались предметы разнообразных форм и размеров; преобладали длинные плоские блоки, напоминавшие обычную лестничную ступеньку.

— Если я имею право на догадку, — проговорил Ричард, подбирая палочку, похожую на авто-ручку, — то скажу, что по прочности этот материал

представляет нечто среднее между цементом и сталью.

— А зачем все это им, дядя Ричард? — поинтересовался Патрик.

— Должно быть, они собираются что-то построить.

— А *кто* же это — *они*? — спросил Макс.

Ричард пожал плечами и покачал головой.

— Существа, которые только что отправились отсюда, показались мне просто умными домашними животными, способными на сложные последовательные действия, но не на истинное мышление.

— Стало быть, это не мамин радужный народ, — проговорил Патрик.

— Безусловно, — ответила Николь, улыбаясь с отсутствующим видом.

Всем прочим, в том числе детям, о новых гостях рассказали за завтраком. Взрослые сошлись на том, что, если инопланетяне вернутся, как этого следовало ожидать, не стоит мешать им, пока в их деятельности не обнаружится серьезной угрозы.

Когда через три часа вагоны вновь втянулись в прорезь в полу, из переднего вагона появились двое тех же созданий и поспешили к центру главной палаты. У каждого в руках был небольшой горшочек; опуская в него руки, они затем оставляли яркие отметины на полу — красные метки охватили платформу подземки, штабеля с материалами, словом, около половины всего помещения.

Буквально мгновение спустя, наверное, еще целая дюжина животных с хоботообразными ко-

нечностями вывалилась из вагонов; некоторые из них несли на спинах большие и тяжелые изогнутые детали. За ними следовали два октопаука, по круглым головам которых бежали необычайно яркие полосы. Пауки остановились в центре палаты, осмотрели штабеля с материалами, а потом приказали муравьеподобным созданиям приступить к работе.

— Итак, дело проясняется, — проговорил Макс, обращаясь к Патрику. Оба они издали следили за всей бурной деятельностью. — Итак, командуют здесь наши друзья-октопауки, но какого черта они сооружают?

— Кто знает? — ответил Патрик, не в силах оторвать взор от зрелища.

— Погляди, Николь, на большой штабель, — сказал Ричард несколько минут спустя. — Муравей, что орудует возле него, безусловно понимает смысл полос на голове октопаука.

— А что же нам делать? — негромко спросила Николь.

— По-моему, нам остается просто смотреть и ждать, — отвечал Ричард.

За красными пунктирами на полу кипела работа. Через несколько часов на поезде привезли еще одну партию изогнутых деталей, и после их разгрузки выяснилась форма будущего сооружения. Посреди зала возводили вертикальный цилиндр примерно четырех метров в диаметре, оканчивался он под самым куполом. Внутри цилиндра были размещены лестничные ступеньки, огибавшие центральную часть сооружения. Работа

продолжалась без перерыва в течение тридцати шести часов.

Октопауки-архитекторы приглядывали за гигантскими муравьями с гибкими конечностями. Единственный долгий перерыв в работе наступил, когда, устав следить за инопланетянами, Кеплер и Галилей, закатили мяч через красную линию прямо к одному из муравьеподобных созданий. Вся работа немедленно остановилась, а октопаук заторопился к работнику, чтобы отобрать у него мяч. Коротким движением двух щупалец октопаук отшвырнул мяч детям, и работа возобновилась.

Все, кроме Макса и Николь, уже спали, когда инопланетяне закончили сооружать свою лестницу, собрали оставшиеся материалы и уехали в вагоне. Макс подошел к цилиндру и просунул в него голову.

— Впечатляет, — проговорил он смущенно, — но зачем они выстроили его?

— Ну же, Макс, — ответила Николь, будь серьезным. Вполне очевидно, что нас приглашают подняться по этой лестнице.

— Чтоб они сдохли, Николь. Это я понимаю. Но зачем? Зачем этим октопаукам потребовалось, чтобы мы поднялись туда?.. Ты же знаешь, что они просто загоняли нас сюда... стоило только спуститься в их логово. Похитили Эпониноу и Элли, перевезли нас в Южный полуцилиндр и не отпустили меня назад в Нью-Йорк... Что же произойдет, если мы прекратим поддакивать им?

Николь поглядела на своего друга.

— Макс, как ты думаешь, с тобой ничего не

случится, если мы отложим этот разговор до утра? Я очень устала.

— Безусловно. Но только сперва скажи своему мужу, что, по-моему, нам пора предпринять нечто непредсказуемое, например, отправиться пешком по тоннелю назад в логово октопауков. Я сомневаюсь — нужно ли нам идти в то место, куда нас приглашают.

— Макс, мы не знаем, что нас ждет там, — устало проговорила Николь, — но я не вижу иного выхода, поскольку октопауки контролируют запас еды и питья... В подобной ситуации мы можем только довериться им.

— Довериться? Вот еще одно слово, которым пользуются, когда не желают подумать. — Макс подошел к цилиндру. — Эта загадочная лестница вполне может опустить нас в ад или же вознести на небеса.

2

Утром поезд вернулся, доставив еду и питье. После его прибытия все вышли осмотреть цилиндрическое сооружение, и Макс объявил, что людям пора доказать, как они устали от опеки октопауков. Макс, взяв одну из оставшихся винтовок, предложил всем желающим вернуться с ним назад по тоннелю, проходящему под Цилиндрическим морем.

— И чего ты хочешь добиться таким способом? — спросил Ричард.

— Я хочу, чтобы октопауки захватили меня и отвели в то место, где прячут Эпонину и Элли.

Там я удостоверюсь, что с ними все в порядке. Мне мало одних слов, Николь...

— Но, Макс, — возразил Ричард, — твой план нелогичен. Подумай об этом. Пусть ты даже не попадешь под вагон, пока будешь брести по тоннелю... как ты собираешься объясняться с октопауками?

— Я надеюсь на твою помощь, Ричард. Помню, ты рассказывал, как вы с Николь общались с птицами. Быть может, на своем компьютере ты соорудишь мне изображение Эпонины. Я покажу экран октопаукам...

Николь ощущала, насколько напряжен голос Макса. Она прикоснулась к ладони Ричарда.

— Почему бы и нет? — проговорила она. — А пока можно посмотреть, куда ведет лестница; тем временем ты сделаешь для Макса компьютерные портреты Эпонины и Элли.

— А я бы сходил с Максом, — неожиданно вступил в разговор Роберт Тернер. — Если есть возможность отыскать Элли, я готов рискнуть... Никки будет здесь хорошо с бабушкой и дедушкой.

Эти слова обеспокоили Ричарда и Николь, однако они предпочли не выказывать свою озабоченность публично. Патрика попросили подняться по лестнице и бегло осмотреть окрестности. Тем временем Ричард принялся колдовать над компьютером, а Макс и Роберт отправились в свои спальни, чтобы подготовиться к дороге. Николь и Наи оставались вместе с Бенджи и детьми в главной палате.

— Ты считаешь, что Макс и Роберту незачем

ходить туда, не так ли, Николь? — как всегда, мягким и ровным голосом спросила Наи.

— Да, — ответила Николь. — Однако я не совсем уверена в своей правоте... Оба так тревожатся за своих женщин. Понятно, что им необходимо что-нибудь предпринять, хочется отыскать их... вопреки логике.

— Что, по-твоему, их ожидает? — спросила Наи.

— Не знаю. Впрочем, сомневаюсь в том, что Макс и Роберт найдут Эпониноу и Элли. На мой взгляд, их похитили по разным причинам... хотя я не представляю, *по каким именно*. Словом, я считаю, что октопауки впоследствии вернут нам обоих, не причинив им вреда.

— Ты очень доверчива, Николь — проговорила Наи.

— Нисколько. Весь опыт моего знакомства с октопауками заставляет меня полагать, что мы имеем дело с существами, обладающими весьма развитым нравственным чувством... Я согласна: факт похищения *как будто* не согласуется с таким представлением, и Макс или Роберт вправе иметь собственное мнение об октопауках, противоположное моему... Однако могу держать пари — в конце концов мы узнаем причины похищения.

— Но теперь мы очутились в трудном положении. Что, если Макс и Роберт уйдут и не вернутся?..

— Понимаю. Но мы ничего не можем с ними поделать. Мужчины решились, в особенности Макс, и должны совершить этот поступок... несколько старомодный, опрометчивый, но вполне понят-

ный. И нам, остающимся, следует считаться с их побуждениями, даже если, на наш взгляд, это сущий каприз.

Патрик вернулся менее чем через час и сообщил, что лестница заканчивается площадкой; от нее за купол уводил коридор, и по новой лестнице можно было подняться метров на десять — в похожую на эскимосское *йглу* хижину, расположенную в пятидесяти метрах к югу от края обрыва, выходящего на Цилиндрическое море.

— Ну и как там наверху? — спросил Ричард.

— Все, как у нас на севере, — ответил Патрик. — Холодно — градусов пять по цельсию — и чуть брезжит свет... Правда, в *йглу* тепло и светло. Там есть постели и одна ванная комната, безусловно, предназначенная для людей, но для всех места не хватит.

— А других коридоров ты не видел? — спросил Макс.

— Нет, — Патрик покачал головой.

— Дядя Рич-ард сделал пре-крас-ные пор-тре-ти-ки Эл-ли и Эпо-нины, — проговорил Бенджи, обращаясь к брату. — Тебе надо по-смот-реть.

Макс нажал на две кнопки на своем переносном компьютере, и на экране появилась превосходная копия лица Эпонины.

— Сперва Ричарду не удались ее глаза, — заметил Макс, — но я поправил лицо... С Элли у него проблем не было.

— Итак, вы собрались в путь? — спросил Патрик у Макса.

— Мы готовы, но хотим дождаться утра: тогда в тоннеле будет светлее.

— Как по-твоему, сколько вам придется идти до другого берега?

— Примерно час быстрым шагом. Надеюсь, Роберт сумеет поторопиться.

— А что вы будете делать, если увидите вагон? — спросил Патрик.

— Тут ничего не сделаешь, — Макс пожал плечами. — Мы уже проверили: зазор между вагоном и стенкой невелик. Твой дядя Ричард утверждает, что нам остается надеяться лишь на тех, кто управляет вагоном.

За обедом принялись спорить насчет ружья. Ричард и Николь весьма возражали против того, чтобы Макс брал винтовку.... но не потому, что хотели оставить оружие в семье, — напротив, они опасались «несчастной случайности», способной сказаться на общей судьбе. Ричард не сумел выдержать подобающий такт, чем и прогневал Макса.

— Вот что, мистер эксперт, — ответил Макс раздраженно. — Не затруднит ли вас объяснить, с чего это вы взяли, что винтовка помешает мне искать Эпониину?

— Макс, — резким тоном проговорил Ричард, — октопауки должны...

— Дорогой, позволь, пожалуйста, мне, — вмешалась Николь. — Макс, — она старалась успокоить фермера, — я просто не могу представить себе такой ход событий, при котором тебе может понадобиться винтовка. Ведь если дойдет до оружия, значит, октопауки нам враждебны, и

судьбы Эпонины и Элли решились давным-давно... И мы не хотим...

— Ну а если мы встретимся не с ними, а с какими-то другими, тоже враждебными к людям созданиями, — упорствовал Макс, — и нам придется защищать себя?.. Кстати, винтовка может потребоваться, чтобы подать Роберту сигнал выстрелом... Я могу представить себе много ситуаций, в которых она мне понадобится.

Группа так и не пришла к определенному выводу. Ричард все еще негодовал, когда они с Николь ложились в постель.

— Неужели Макс не может понять, что хочет тащить с собой ружье лишь ради ощущения собственной безопасности? Ложного притом. Что, если он натворит глупостей, и октопауки лишат нас воды и пищи.

— Зачем беспокоиться об этом заранее, Ричард. Пока непохоже, чтобы мы могли что-нибудь сделать. Придется попросить Макса соблюдать осторожность, напомнить ему о том, что он представляет все человечество. Но совсем отговорить его не удастся.

— Быть может, нам следовало объявить голосование и большинством решить, брать ему эту винтовку или нет, — проговорил Ричард. — Вот увидел бы, что все против его прихоти.

— Мой инстинкт подсказывает мне, — торопливо ответила Николь, — что никакое голосование не позволило бы нам управиться с Максом. Ему и так известно общее мнение. Но всеобщее неодобрение только озлобит его, и, вероятнее всего, вызовет какую-нибудь выход-

ку... Нет, дорогой. Увы, мы можем только надеяться на то, что никаких неприятностей не произойдет.

Ричард молчал почти минуту.

— Надюсь, что ты права, как всегда, — сказал он наконец. — Спокойной ночи, Николь.

— Спокойной ночи, Ричард.

— Мы будем ждать вас здесь сорок восемь часов, — говорил Ричард, обращаясь к Макс и Роберту, — а потом начнем перебираться в йглу.

— Хорошо, — ответил Макс, берясь за ремни рюкзака. Он ухмыльнулся. — Нечего беспокоиться. Все ваши разлюбезные дружки-октопауки останутся живы, если сами не нападут. — Он обернулся к Роберту. — Ну, *mi amigo**, готовы ли вы к приключению?

Лицо Роберта, стоявшего с рюкзаком за плечами, не выражало никакой радости. Он неуклюже нагнулся вниз и поднял дочку.

— Папочка сходит ненадолго, Никки, — сказал он. — А баба и деда побудут с тобой.

Но, прежде чем мужчины отправились, из комнаты выскочил Галилей с небольшим рюкзачком.

— Я тоже иду с вами! — закричал он. — Я хочу повстречаться с октопауками.

Все расхохотались. Наи объяснила Галилею, почему ему нельзя идти с Максом и Робертом. Патрик смягчил разочарование мальчишки, обе-

---

* Мой друг (исп.).

щав разрешить ему первым подняться на лестницу, когда семейство будет перебираться в йглу.

Мужчины быстро направились в тоннель. Первые несколько сотен метров они прошли молча, заинтригованные удивительными морскими созданиями, плававшими по другую сторону прозрачного пластика или стекла. Дважды Максу приходилось замедлять шаг, чтобы дожидаться Роберта, находившегося в не очень хорошей физической форме. Вагоны им не попадались. Чуть более чем через час их фонари осветили первую платформу на противоположной стороне Цилиндрического моря. Когда Макс и Роберт оказались в пятидесяти метрах от нее, свет включился, осветив дорогу перед людьми.

— Ричард и Николь побывали здесь, — проговорил Макс. — За аркой дворик, потом лабиринт красных коридоров.

— И что же мы предпримем сейчас? — спросил Роберт. Он не знал этого и предоставил права лидера Максу.

— Я еще не решил. Сперва следует оглядеться, быть может, мы все-таки отыщем октопауков.

К немалому удивлению Макса позади платформы на полу обнаружился намалеванный голубой краской большой круг, из которого выбегала широкая голубая линия, поворачивавшая направо в начале лабиринта красных коридоров.

— Ричард и Николь не упоминали о голубой линии, — сказал Макс Роберту.

— Пометки для идиота, — Роберт нервно расхохотался. — Идти по такой линии не труднее,

чем по широкой дороге, вымощенной желтым кирпичом*.

Они вступили в первый коридор. Голубая линия посреди пола провела их на несколько сотен метров и повернула налево — к далекому перекрестку.

— Ну и как, идем вдоль нее? — спросил Макс у Роберта.

— А почему бы и нет? — ответил Роберт, делая несколько шагов.

— Это *слишком* очевидно, — проговорил Макс, обращаясь не столько к своему спутнику, сколько к себе самому. Стиснув винтовку, он последовал за Робертом. — Скажи-ка, — начал он снова, после того как мужчины повернули налево, — а ты не думаешь, что эту линию нарисовали здесь специально для нас?

— Нет, — Роберт остановился на мгновение. — Откуда и кто может узнать, что нам надо именно сюда?

— Это вот меня и озадачило, — пробормотал Макс.

Следуя голубой линии, Макс и Роберт повернули еще три раза и оказались перед аркой, на полтора метра поднимавшейся над полом. Они пригнулись и вступили в большую комнату с темно-красными стенами и потолком. Широкая голубая линия заканчивалась большим голубым кругом, расположенным посредине комнаты.

Менее чем через секунду после того, как мужчины остановились на голубом круге, огни в

---

* Имеются в виду приключения Дороти, героини книги американского сказочника Л. Фрэнка Баума «Страна Оз».

комнате погасли. На стене перед Максом и Робертом появилась неуклюжая немая картинка размером примерно один квадратный метр. В центре изображения находились Эпонина и Элли; обе были одеты в странные желтые платья, похожие на толстовку. Они переговаривались друг с другом и еще с кем-то, но, конечно же, Макс и Роберт не слышали ни единого слова. Потом обе женщины, сделав несколько шагов направо, миновали октопаука и оказались возле необычного жирного животного, отдаленно напоминавшего корову с плоскими белыми боками. Приложив волнистую ручку к белой поверхности, Элли написала следующие слова: «Не беспокойтесь, нам хорошо». Женщины улыбнулись, и через секунду изображение исчезло.

Макс и Роберт застыли, словно пораженные громом, и полутораминутная сценка успела повториться дважды. Увидев ее второй раз, мужчины взяли себя в руки и сумели повнимательней рассмотреть детали. Когда с кино было покончено, в красной комнате вновь вспыхнул свет.

— О Боже! — произнес Макс, покачивая головой.

Роберт был обрадован.

— Она жива! — воскликнул он. Элли еще жива.

— Если можно верить тому, что мы видели.

— Да ну же, Макс, — ответил Роберт, промедлив несколько секунд. — Зачем октопаукам делать столько усилий, чтобы обмануть нас? Такие хлопоты им ни к чему.

— Не знаю. Но ты не ответил на мой вопрос: как им стало известно, что мы с тобой отправились искать Эпонину и Элли? Есть два возможных

объяснения: либо они следят за всем, что происходит среди нас, — подслушивают все наши разговоры, *либо* кто-то...

— ... из нас поставляет информацию октопаукам. Макс, ты, конечно, не думаешь, что Ричард или Николь способны...

— Нет, разумеется нет. Только я просто понять не могу, откуда такое всезнайство: мы же не видели никаких подслушивающих и подглядывающих устройств... разве что они незаметно разместили в нас сложные передатчики... Но поди пойми, как они сумели сделать это так, что мы ничего не заметили.

Макс пригнулся, чтобы пройти через арку. Он остановился в красном коридоре.

— Ну, если я правильно понимаю, поганый вагон будет ожидать нас на станции: они рассчитывают, что теперь мы с миром вернемся к остальным. И все будет мило и хорошо.

Макс был прав: вагон с открытой дверью уже стоял у платформы, когда они с Робертом вынырнули из лабиринта красных коридоров. Макс остановился... Глаза его дико блеснули.

— Я не собираюсь подниматься на этот чертов поезд, — сказал он негромким голосом.

— И что же ты собираешься делать? — спросил Роберт чуть испуганным тоном.

— Пойду назад в лабиринт, — проговорил Макс. Стиснув винтовку, он обернулся и бросился в коридор. Сойдя с голубой линии, Макс успел пробежать около пятидесяти метров, прежде чем перед ним возник первый октопаук. К нему немедленно присоединились еще несколько, пере-

городивших коридор сплошной стеной. Они начали подступать к Максусу.

Тот остановился, поглядел на приближающихся октопауков, затем обернулся. За спиной Макса возникла другая группа октопауков, направлявшихся в его сторону.

— Ну, подождите хотя бы минуту, — завопил Макс. — Я хочу вам кое-что сказать. Вы, ребята, похоже, понимаете наш язык, иначе не смогли бы сообразить, что нам надо сюда... мне мало вашей киношки, я хочу реальных *доказательств* того, что Эпониная жива.

Октопауки подступали к нему, на их головах бушевали краски. Волна страха охватила Макса, он вышалил из винтовки в воздух в качестве предупреждения. И буквально через какую-то пару секунд, ощутив острый укол в затылок, Макс рухнул на пол.

Услышав выстрел, Роберт в нерешительности задержавшийся на станции, бросился за ним. Оказавшись в красном коридоре, он увидел, как два октопаука поднимают Макса с пола. Отступив в сторону, Роберт позволил внеземлянам внести Макса в вагон и осторожно уложить его в уголке. Потом октопауки вышли в открытую дверь, а Роберт забрался внутрь и стал возле приятеля. Словом, через десять минут они оказались в зале под радужным куполом.

3

Макс проспал десять часов. Роберт и Николь внимательно обследовали его и не обнаружили никаких ран или повреждений. Тем временем

Роберт несколько раз рассказал об их приключении, умолчав о том, что задержался в критическую минуту, когда Макс остался один в красном коридоре.

Большая часть заданных ему родственниками вопросов относилась к тому, что именно видели они с Максом на движущейся картинке. Не было ли напряженности в позах Эпонины и Элли? Можно ли предполагать, что их снимали насильно? Какие они были — похудевшие или отдохнувшие?

— Думаю, что теперь мы знаем много больше о наших хозяевах, — проговорил Ричард, завершая второе, более длительное обсуждение повествования Роберта. — Во-первых, ясно самое главное: распоряжаются здесь именно октопауки, они следят за нами и способны понимать наши разговоры. Как иначе могли они сообразить, что Макса и Роберта интересуют Элли и Эпонины... Во-вторых, уровень их видеотехники либо на несколько сотен лет отстал от нашей, либо — если Роберт прав, и в комнате или за стеной не было проектирующего устройства — октопауки настолько опередили нас, что кино кажется нам магией. В-третьих...

— Но, дядя Ричард, — перебил его Патрик, — почему картина была немой? Эпонине и Элли проще было *сказать*, что все в порядке? Быть может, это свидетельствует о том, что октопауки глухи и остановились на немых фильмах?

— Интересная мысль, Патрик, — ответил Ричард. — Я не думал об этом. Конечно, им незачем слышать, чтобы общаться...

— Создания, чья эволюция протекала в основном в глубинах морей, часто глухи, — заметила

Николь. — Условия жизни заставляют их обращаться к другим длинам волн, посему, учитывая ограниченные возможности сенсоров и мозга, слух отсутствует.

— В Таиланде мне приходилось работать с глухими детьми, — добавила Нан. — Меня просто потрясло, насколько культурными могут быть люди, неспособные слышать. Знаковый язык (или азбука) глухих необычайно широк и сложен... Людям Земли не приходится теперь охотиться или самим спастись от хищников... А для общения цветовой язык октопауков пригоден больше любого другого.

— Подожди-ка минутку, — проговорил Роберт. — Почему мы исключаем возможность того, что октопауки *могут* слышать? Как могли они узнать о том, что Макс и я отправляемся на поиски Эпонины и Элли, если не подслушивали наш разговор?

На несколько секунд наступило молчание.

— Быть может, рассказали женщины, — предположил Ричард.

— Для этого необходимо совпадение двух весьма маловероятных обстоятельств, — заметил Патрик. — Во-первых, если октопауки глухи, зачем им создавать сложное и миниатюрное оборудование для записи звуков? Во-вторых, если Эпонины и Элли смогли перевести наши слова, значит, они понимают их речь. Едва ли этого можно добиться за месяц... Нет, по-моему, октопауки определили цель путешествия Макса и Роберта на основе визуальных свидетельств — по портретам обеих женщин, заложенным в компьютер.

— Bravo! — воскликнул Ричард. — Великолепная мысль...

— Вы что, ребята, решили болтать обо всем этом дерьме целую ночь, — проговорил Макс, вступая в середину группы.

Все повскакали.

— С тобой все в порядке? — спросила Николь.

— А что мне сделается! — ответил Макс. — Я даже отдохнул...

— Скажи нам, как все случилось, — перебил его Роберт. — Я услышал твой выстрел, но, когда выскочил в коридор, парочка октопауков уже волокла мне навстречу твое тело.

— Сам не знаю, — проговорил Макс. — Прежде чем вырубиться, я ощутил огненный укол в затылок... Ну, словно оса... Похоже, один из тех, что были позади меня, выстрелил иголкой с усыпляющим средством.

Макс потер затылок. Николь приблизилась, чтобы осмотреть шею.

— Не вижу даже маленькой ранки. Наверное, у них очень тонкие иглы.

Макс мельком взглянул на Роберта.

— А винтовку забыл?

— Извини, Макс. Я вспомнил о ней только в вагоне.

Макс поглядел на друзей.

— Итак, ребята, всем объявляю: с моим бунтом покончено. С этими типами драться бесполезно, остается покориться их воле.

Николь положила ладонь на плечо друга.

— Вот это новый Макс Паккетт, — сказала она улыбаясь.

— Быть может, я и упрямец, — ответил Макс с довольным видом, — но уж поверьте мне — не глупец.

— Не думаю, что всем нам следует перебраться в йглу, обнаруженное Патриком, — объявил Макс на следующее утро, встречая очередной вагончик со свежим запасом еды и питья.

— Почему ты так считаешь? — спросил Ричард. — Подумай. Все свидетельствует о том, что построена эта хижина для людей. Иначе зачем было октопаукам строить эту лестницу?

— Наверху нам нечего делать, — проговорил Макс. — Особенно детям. Места мало, как будем там жить?.. По-моему, йглу это нечто вроде бивака, ну, хижины в лесу, если хотите.

Николь попыталась представить себе, как все десятером уместятся в тесном, по словам Патрика, помещении.

— Понимаю, Макс, — сказала она, — но что ты предлагаешь?

— Почему бы кое-кому из нас не подняться туда и не оглядеться повнимательней? Быть может, во время своей короткой вылазки Патрик что-либо упустил из виду... В любом случае мы должны вести себя так, чтобы наши поступки были очевидными. Не похоже это на октопауков — ставить нас в неопределенное положение.

На разведку направили Ричарда, Макса и Патрика. Они чуть задержались, чтобы Патрик смог выполнить обещание, данное Галилею. Следом за пятилеткой Патрик поднялся по длинной

винтовой лестнице и проводил его до основания второй. Тут мальчишка совершенно выдохся и уже не в состоянии был подниматься дальше. На обратном пути Галилей сдался, и Патрику пришлось нести его на руках последние двенадцать метров.

— Ну, сумеешь подняться туда во второй раз? — спросил Ричард молодого человека.

— Думаю, да, — ответил Патрик, поправляя рюкзак.

— Ну, теперь по крайней мере не придется все время поджидать нас, старых хрычей, — подмигнул ему Макс.

Трое мужчин остановились, чтобы полюбоваться видом, открывающимся с площадки наверху лестницы.

— Иногда, — проговорил Макс, разглядывая великолепную радугу, закрывающую купол лишь в нескольких метрах над его головой, — иногда мне кажется: все, что произошло со мной после высадки с «Пинты», лишь снится мне... Как можно вместить в эту картину свиней, цыплят и даже весь Арканзас?.. Масштабы не те.

— Конечно трудно, — произнес Патрик, пока они шли по коридору, — согласовать все это с нормами земной жизни. Но для меня все обстоит иначе. Я родился на инопланетном космическом корабле, направлявшемся к искусственному миру, расположенному возле Сириуса, и более половины своей жизни провел во сне. Так что я не имею ни малейшего представления о нормальной...

— Не позавидуешь, Патрик, — Макс обнял за плечи молодого человека, — на твоем месте я бы свихнулся.

Поднимаясь по второй лестнице, Макс остановился и подошел к Ричарду, шедшему позади него.

— Надеюсь, вы понимаете, Уэйкфилд, — проговорил он мирным тоном, — что я простой деревенский мужик и в наших недавних спорах совершенно ничего не имел против вас лично.

Ричард улыбнулся.

— Понимаю, Макс, и, кроме того, знаю, что бываю высокомерен, поэтому твои грубости... Словом, я принимаю твое извинение, а ты прими мое.

Макс изобразил негодование.

— Какие там к черту извинения, — сказал он, поднимаясь на следующую ступеньку.

Їглу оказалось в точности таким, каким описывал его Патрик. Мужчины надели куртки, чтобы выйти наружу. Ричард, шедший первым, прямо от двери заметил другое чглу, прежде чем Макс и Патрик успели вдохнуть холодок раманского воздуха.

— Тогда этого чглу здесь не было, дядя Ричард, — заверил его Патрик. — Я обошел все вокруг.

Второе чглу, оказавшееся примерно раз в десять меньше, располагалось в тридцати метрах от края утеса, выступающего в Цилиндрическое море. Его купол блестел в раманской тьме. Когда люди приблизились, дверь маленького чглу отворилась, и из нее вышли две крохотные человеческие фигурки ростом около двадцати сантиметров. Они светились изнутри.

— Какого беса..? — воскликнул Макс.

— Погляди-ка, — взволнованно проговорил Патрик, — это мама и дядя Ричард!

Обе фигурки повернули на юг от утеса и моря. Ричард, Макс и Патрик приблизились к ним, чтобы разглядеть получше. На фигурках были те же костюмы, что вчера на Ричарде и Николь. Точность деталей поражала. Цвет кожи и волос, черты лиц, даже форма бороды Ричарда точно соответствовали чете Уэйкфилдов, на спинах фигурок были рюкзаки.

Макс протянул руку к фигурке Николь, но, едва прикоснувшись, получил сильный электрический удар. Крохотная фигурка повернулась лицом к Максу и укоризненно покачала головой. Мужчины проследовали за парой еще несколько сотен метров, а потом остановились.

— Сомнений не остается, теперь понятно, что мы должны сделать, — сказал Ричард.

— Безусловно, — согласился Макс. — Похоже, хозяева вызывают вас с Николь.

На следующее утро Ричард и Николь собрали припасы в свои рюкзаки — в расчете на несколько дней — и распрощались со всеми членами семейства... Никки так и проспала между ними всю прошедшую ночь; когда дед с бабушкой ушли, девочка разревелась.

На лестнице им пришлось потрудиться.

— Надо было идти помедленней, — проговорила Николь, тяжело дыша, когда они в последний раз помахали рукой оставшимся с площадки под куполом. Николь ощущала, как, сбиваясь, колотится сердце у нее в груди, и терпеливо подождала, пока оно успокоится.

Ричард тоже задыхался.

— Теперь мы с тобой не так молоды, как многие годы назад в Нью-Йорке, — произнес он после недолгого молчания и, улыбнувшись, обнял Николь. — Ну, бабушка, готова ты к новому приключению?

Николь кивнула. Рука об руку они медленно шли по длинному коридору. У подножия второй лестницы Николь повернулась к Ричарду.

— Дорогой, — сказала она с внезапным пылом. — Как здорово вновь оказаться вдвоем, пусть всего на несколько часов!.. Я люблю всех наших, но, Боже мой, как мне надоели эти проклятые заботы...

Ричард непринужденно расхохотался.

— Ты сама хотела этого, Николь, никто тебя не заставлял.

Наклонившись, он поцеловал ее в щеку. Николь повернулась к нему и припала к губам.

— Не хочешь ли намекнуть своим поцелуем, — Ричард ухмыльнулся, — что нам лучше заночевать в йглу и лишь завтра отправиться в путь?

— По-моему, вы читаете мои мысли, мистер Уэйкфилд, — проговорила Николь, кокетливо улыбаясь. — Действительно, я подумала, что будет забавно представить себя сегодня ночью молодой любовницей молодого инженера... — она расхохоталась. — Хорошо хоть воображение наше еще способно разыграть.

Отойдя на три сотни метров к югу от обоих йглу, Ричард и Николь не видели перед собой ничего, кроме пятен света от фонарей. Под ногами была глина, иногда попадались мелкие камни; путь

был ровен, лишь время от времени кто-нибудь из них спотыкался, если забывал смотреть под ноги.

— Наша дорога во тьме может оказаться весьма долгой и утомительной, — проговорила Николь, когда они остановились, чтобы попить.

— И холодной, — добавил Ричард, прикладываясь к фляжке. — Ты еще не замерзла?

— Пока мы идем, не холодно, — ответила Николь, поправляя рюкзак.

Почти через час они увидели в небе огонек, приближавшийся с юга и становившийся все больше и больше.

— Как ты думаешь, что это такое? — спросила Николь.

— Наверное, Голубая Фея,* — ответил Ричард. — Выбери звезду и загадай желание. Какая нам разница, кто прилетит...

Николь рассмеялась.

— Ты невозможен.

— После вчерашней ночи, — сказал Ричард, пока огонек приближался к ним, — я вновь ощущаю себя мальчишкой.

Николь усмехнулась и качнула головой. Они молча взяли за руки, тем временем светящийся шар продолжал увеличиваться в размерах. Минуту спустя он остановился — в двадцати-тридцати метрах от них, высоко над головой. Ричард и Николь выключили фонарики, поскольку теперь могли видеть местность вокруг себя более чем на сотню метров.

Затенив глаза, Ричард попытался определить

---

* Персонаж сказки Л. Фрэнка Баума.

природу источника света, однако тот оказался чересчур ярк. Трудно было глядеть прямо на него.

— Не знаю, кто к нам прилетел, — проговорила Николь, когда они тронулись дальше, — но существо это, похоже, знает куда нам надо.

Часа через два Ричард и Николь вышли на дорогу, уводившую на юго-запад, по обе стороны тропы тянулись поля. Они остановились, чтобы перекусить, зашли в поле и обнаружили один из плодов, которым их так часто кормили под куполом: на вкус вроде зеленой фасоли, но по виду желтая тыква. Других овощей здесь не выращивали. Между грядками были высажены невысокие ярко-красные растения, которые люди никогда не видели.

Вывав одно из красных растений, Ричард немедленно бросил его, когда оказавшаяся на поверхности зеленая кожистая сфера шевельнулась на красном стебле. Упав, растение змеей проползло несколько сантиметров к своей ямке и укрыло собой зеленую сферу.

Ричард расхохотался.

— Теперь я дважды подумаю, прежде чем рискнуть на что-нибудь подобное.

— Погляди-ка, — проговорила Николь мгновение спустя. — Видишь, кажется там одно из существ, которые построили нашу лестницу?

Они зашли по тропе в поле, чтобы лучше видеть. Действительно, к ним приближался один из тех больших псевдомуравьев с шестью длинными конечностями. Существо убирало овощи с поразительной эффективностью, обрабатывая по

три грядки с каждой стороны. Каждая похожая на слоновый хобот конечность обрывала плоды с одной грядки и складывала их между рядами, в кучи, разделенные примерно двумя метрами. Это было удивительное зрелище: шесть рук одновременно выполняли различные действия на разном удалении от тела.

Создание достигло тропы и быстро втянуло руки. Потом оно сместилось на шесть гряд и вновь направилось по полю, но уже в противоположную сторону. Урожай собирали с юга к северу, и поэтому, когда Ричард и Николь отправились дальше, они увидели часть поля, которую гигантские муравьи уже обработали. Здесь повсюду сновали быстрые маленькие существа, похожие на грызунов; они убрали разбросанные груды овощей и уносили их на запад.

Ричард и Николь пересекли несколько троп, и каждый раз светящийся шар над ними поворачивал в нужную сторону. Поля протянулись на много километров, и растительность в них несколько раз менялась. Уставшие и проголодавшиеся люди не стали останавливаться, чтобы разглядеть каждый новый вид овощей. Наконец они добрались до плоской открытой равнины. Шар сделал три круга над мягкой почвой, потом повис.

— Полагаю, что здесь мы должны провести ночь, — решил Ричард.

— Согласна, — проговорила Николь, с помощью Ричарда снимая рюкзак. — Едва ли мне придется долго засыпать даже на этой твердой земле.

Они пообедали и обнаружили удобное место,

где можно было лечь рядом. Когда Ричард и Николь уже находились в области, пограничной между сном и бодрствованием, огонек над ними начал тускнеть, а потом пошел вниз.

— Погляди-ка, — прошептал Ричард, — он собирается приземлиться.

Николь открыла глаза и увидела, как все еще угасавший огонек описал над ними изящную дугу и приземлился на противоположной стороне прогалины. Он тускло светился и на земле. И хотя Ричарду и Николь не все было видно, они заметили широкие крылья по бокам длинного и тонкого тела.

— Гигантский светлячок! — воскликнул Ричард, когда свет погас окончательно.

4

— Биология светит, кормит и строит... А тебе не кажется, что наши дружки-октопауки — или те создания, что, быть может, управляют ими в какой-нибудь удивительной симбиотической иерархии — являются величайшими биологами Галактики?

— Не знаю, Ричард, — Николь заканчивала завтрак. — Видимо, техника у них эволюционировала совершенно иным путем, чем наша.

Оба они с удивлением поглядели на гигантского светляка, который, услышав их первые движения, засветился и занял привычную позицию наверху. Через несколько минут с юга к ним приблизилось второе подобное ему существо. Оба они создавали вокруг освещение, эквивалентное дневному свету в Новом Эдеме.

Ричард и Николь выпалились и теперь чувствовали себя хорошо. Два проводника еще несколько километров вели их по тропам через поля; одно из них покрывала густая трава, поднимавшаяся выше трех метров. Через сотню метров, круто повернув налево в высокой траве, Ричард и Николь оказались возле мелководных бассейнов, протянувшихся далеко вперед.

Несколько минут они шли до северо-восточной оконечности этого комплекса. Он состоял из ряда длинных и узких прямоугольных баков из серого блестящего сплава: каждый из них был шириной метров двадцать в направлении с востока на запад и тянулся в длину на несколько сотен метров; борта поднимались над грунтом примерно на метр. На три четверти баки заполняла жидкость, похожая на воду. По четырем углам каждого прямоугольника возвышались ярко-красные толстые цилиндры высотой метра в два, увенчанные белыми сферами.

Ричард с Николь прошли целых сто шестьдесят метров с востока на запад, оглядывая каждый бак и толстые шесты, соединявшие соседние баки. В них не было ничего, кроме воды.

— Неужели это какое-то предприятие для очистки воды? — спросила Николь.

— Едва ли, — ответил Ричард. Они остановились. — Погляди на кучу мелких деталей внутри этого бака, как раз возле цилиндра... По-моему, это сложное электронное устройство. Зачем оно в простой системе очистки воды?

Николь искоса поглядела на мужа.

— Ну, Ричард, это вопрос веры. Откуда ты

знаешь, зачем нужны такие завитушки внутри бака с водой?

— Я же говорил, что кроме загадок не могу ничего предложить, — Ричард усмехнулся. — Могу сказать только одно: вся эта установка много сложнее, чем требуется для очистки воды.

Светящиеся проводники повернули на юг. В следующем ряду баков также не оказалось ничего, кроме воды. Однако, добравшись до третьего ряда баков и шестов, Ричард и Николь обнаружили, что вода кишит мелкими многоцветными шариками. Ричард закатал рукав и, опустив руку в воду, зачерпнул пригоршню этих предметов.

— Икра, — твердо заявила Николь. — И не спорь, я в этом уверена, как и ты в отношении тех маленьких устройств внутри баков, которые назвал электронными блоками.

Ричард вновь расхохотался.

— Погляди-ка, — он поднес ладонь с трофеем к глазам Николь. — Они же разные, их целых пять типов, если приглядеться.

— Пять типов чего? — спросила Николь.

Подобие икры наполняло баки третьего ряда во всю длину. Пройдя еще несколько сотен метров, возле четвертого ряда цилиндров и очередного ряда баков Ричард с Николь почувствовали усталость.

— Если мы сейчас ничего нового не увидим, — проговорила она, — не перекусить ли нам?

— Давай.

Но, оказавшись уже метрах в пятидесяти от четвертого ряда баков, они сумели заметить кое-что новенькое. Робот в виде куба со стороны

сантиметров в тридцать быстро перемещался между шестами.

— Так я и думала, что это рельсы для какого-то аппарата, — поддела Николь Ричарда.

Ричард был слишком зачарован увиденным, чтобы реагировать на подначку. Помимо светящегося робота, полностью обегавшего все устройство за три минуты, здесь обнаружилось еще несколько чудес. Каждый из баков был разделен (параллельно стенкам) мелкой сеткой на две длинные секции; перегородка слегка поднималась над уровнем воды. По одну сторону сетки кишели крошечные плавающие создания пяти различных цветов. По другую сторону по всей длине бака поблескивающие кружки, похожие на круглых и плоских морских ежей, — «песчаные доллары», как сказали бы на Земле. Перегородка была установлена так, чтобы три четверти объема бака отводилось поблескивающим кружкам, имевшим больше места для маневра, чем притиснутые друг к другу плавающие создания.

Ричард и Николь нагнулись, чтобы разглядеть все повнимательнее. Морские ежи ползали, вода кишела ими... существ было так много, что Ричард и Николь лишь через несколько минут сумели подметить закономерность. Время от времени каждый из морских ежей припадал к сетке, прижимаясь к ней с помощью ножек под плоским тельцем. Оставаясь на ней, он с помощью еще одной пары щупалец ловил какого-нибудь крошечного пловца и протаскивал его сквозь одну из дырок в сетке. Когда «песчаный доллар» прилипал к перегородке, цвет его тускнел; там он оставался

достаточно долго, а словив несколько плавающих существ, погасал совсем.

— А погляди, что происходит, когда они оставляют перегородку, — сказал Ричард, обращаясь к Николь. — На дне свечение их потихоньку возобновляется. — Ричард направился назад, к ближайшему шесту, и опустился на колени, воткнув в землю щуп, извлеченный из рюкзака.

— Грунт скрывает здесь больше, чем мы видим, — взволнованно проговорил он. — Все, что расположено наверху, только часть огромного генератора электроэнергии.

Отмерив три больших шага на юг, Ричард тщательно отметил свое место и наклонился над баком, чтобы сосчитать все «песчаные доллары», что находились между ним и торцом бака. Считать было трудно, поскольку поблескивающие кружки все время двигались.

— Их здесь примерно три сотни на три метра длины. А это означает, что во всем баке их двадцать пять тысяч, или двести тысяч по всему ряду.

— Ты хочешь сказать, — поинтересовалась Николь, — эти цилиндрические сооружения представляют собой что-то вроде системы хранения энергии? Словно батареи?

— Скорее всего. Что за сказочная изобретательность! Подумай, как здорово — отыскать живое создание, генерирующее электроэнергию, а потом заставить его за еду отдавать накопленное электричество. Что может быть изящнее?

— А зачем этот робот, снующий между шестами?

— По-моему, он что-то тут контролирует. — ответил Ричард.

Поев, Ричард и Николь продолжили инспекцию предполагаемой энергоустановки. Баки в ней располагались в восемь столбцов и восемь рядов, всего их было шестьдесят четыре, но использовались только двадцать.

— Подумай — какова избыточная мощность, — восторгался Ричард. — Здешние инженеры вполне отчетливо представляют себе перспективы роста.

Гигантские светляки повернули прямо к востоку. Время от времени навстречу людям попадались небольшие группы крупных муравьеподобных созданий. Однако никакой реакции на незнакомцев они не проявили.

— Быть может, этим созданиям хватает ума лишь для самостоятельного выполнения простейших заданий? — спросила Николь. — Или же, возможно, от нас прячут того, кто управляет ими?

— Интересный вопрос, — заметил Ричард. — Помнишь, как заспешил октопаук к муравью, когда в того попал мяч. Наверное, они в какой-то мере разумны, но в новых или неизвестных для себя условиях не могут самостоятельно справиться с ситуацией.

— Подобно кое-кому из наших знакомых, — смеясь сказала Николь.

Их долгий поход на восток закончился, когда оба светляка повисли возле дороги над большим полем. На нем в пять рядов по восемь в каждом

выстроились сорок словно бы поросших плющом футбольных ворот.

— Загляни-ка в путеводитель, — проговорил Ричард. — Все-таки, когда прочитаешь, понятнее...

Николь улыбнулась.

— Так, по-твоему, нам с тобой устроили экскурсию? Зачем еще нашим хозяевам показывать все это?

Ричард недолго помолчал и наконец произнес:

— Я абсолютно уверен, что именно октопауки распоряжаются здесь. Во всяком случае они стоят во главе сложной иерархии... И существо, наметившее для нас с тобой этот маршрут, бесспорно, полагало, что новые познания облегчат нам дальнейшие контакты.

— Но если это действительно октопауки, что помешало им похитить нас, как Эпонину и Элли?

— Не знаю, — ответил Ричард. — Возможно, их представления о морали куда сложнее, чем нам кажется.

Огромные светляки теперь плясали в воздухе над заросшими плющом футбольными воротами.

— По-моему, нашим проводникам подобная медлительность начинает надоедать, — проговорила Николь.

Если бы Ричард и Николь не были так утомлены двумя днями усердной ходьбы... если бы они уже не видели столько удивительных чудес этого инопланетного мира, уместившегося в Южном полуцилиндре Рамы, они, безусловно, пришли бы в восторг, узрев этот симбиотический комплекс, которому тем не менее пришлось посвятить несколько часов.

Оказалось, что ворота поросли вовсе не плющом. Предметы, издали напоминавшие листья, на деле оказались небольшими шишками-гнездами, созданными тысячами крошечных существ, похожих на тлей. Они были склеены вместе той мягкой, сладкой и липкой, во всем подобной меду субстанцией, которая так нравилась людям, когда вагончики привозили ее под купол. Инопланетные тли выделяли это вещество в больших количествах — в ходе нормального жизненного процесса.

Каждые сорок минут прямо на глазах Ричарда и Николь отряды длиннорылых жучков, обитавших в холмиках высотой несколько метров, которые окружали все сооружение, выползали из своих домиков и поднимались вверх по шестам на сбор урожая. При этом, собрав мед, жучки, без ноши не превышавшие десяти сантиметров, раздувались в три или четыре раза. Содержимое тел они извергали в емкости у подножия шестов.

Ричард и Николь наблюдали за их деятельностью молча: настолько сложной и изумительной была представшая перед ними биологическая система — новый пример достижений здешних хозяев в технике симбиоза.

— Клянусь, — объявил усталый Ричард, когда они с Николь расположились на ночлег невдалеке от одного из жучиных холмов, — если мы подождем достаточно долго, явится местный возчик и заберет эти горшки с медом — не знаю, как они здесь называются, — чтобы доставить их куда следует.

Лежа рядом на земле, они следили за двумя

светляками, опускавшимися в отдалении. Вдруг стало темно.

— Я ничуть не верю в то, что все эти взаимоотношения могли сложиться естественным образом, — проговорила Николь. — Не могу представить себе такую планету. Эволюция не может создать подобной гармонии в отношении между видами.

— Ты хочешь сказать, дорогая, что все эти существа, подобно машинам, созданы, чтобы выполнять определенные функции?

— Просто не могу предложить другого объяснения. Октопауки или кто-то еще, должно быть, достигли уровня познаний, позволяющего манипулировать с генами и создавать растения и животных для выполнения поставленных целей. Зачем этим жучкам извергать весь мед в горшки? Какую биологическую награду получают они за этот поступок?

— Наверное, они получают компенсацию другим способом, но мы еще не видели этого, — ответил Ричард.

— Конечно же, — согласилась Николь. — А за всей этой взаимной компенсацией угадывается рука невероятно мудрого биолога-архитектора или биолога-инженера, который подгоняет все взаимодействия друг к другу, так, чтобы не только каждый вид был доволен — хочешь, воспользуйся иным словом, — но и чтобы сами архитекторы получили выгоду, а именно пищу в виде избыточного меда... Как ты считаешь, могла ли подобная оптимизация произойти сама собой — без весьма сложной генной инженерии?

Ричард молчал почти минуту.

— Мне представляется, — задумчиво произнес он, — этаким мастер, биолог-инженер, сидящий за клавиатурой и проектирующий живой организм в соответствии с техническим заданием... Голова кругом идет.

Жуки снова выбрались из своих холмиков и, минуя лежащих людей, направились к воротам на сбор урожая. Николь проследила за ними, пока они не исчезли во тьме. А потом зевнула и свернулась колачиком. *Мы, люди, вступили в новую эру, подумала она, прежде чем уснуть. Все минувшее теперь будет называться «до контакта», а все грядущее — «после контакта», поскольку с момента получения недвусмысленного подтверждения того, что простейшие химические соединения обрели сознание и разум не только на Земле, но и еще где-то на просторах Вселенной, прошлая история нашего вида сделалась изолированной парадигмой, незначительным фрагментом бесконечной вышивки, отражающей удивительное разнообразие разумной жизни.*

На следующее утро, позавтракав, Ричард и Николь решили, что еды у них осталось маловато, а потому взяли немного меда из одного горшка.

— По-моему, если мы поступаем неправильно, — проговорила Николь, наполняя небольшую емкость, — инопланетный полицейский немедленно остановит нас.

Поначалу проводники направились прямо на юг. Ричард и Николь следовали за ними к невысокому лесу. Заросли тянулись на запад и

восток насколько было видно. Потом светляки повернули направо и двинулись вдоль опушки леса, казавшегося мрачным и непривлекательным. Время от времени Ричард и Николь слышали странные громкие звуки, доносившиеся из чащи. Раз Ричард остановился и направился к месту, где начиналась густая поросль. Деревья переплетались множеством растений поменьше — с крупными листьями, зелеными, красными и коричневатыми, — похожих на земные лианы. Услыхав резкий вой едва ли не из-под ног, Ричард отскочил назад и принялся разглядывать лес, однако здешнего крикуна так и не увидел.

— В этом лесу есть что-то странное, — сказал он, обращаясь к Николь, — не место ему здесь... откуда вообще могла взяться такая чаща?

Более часа светляки двигались на запад. Пока Ричард и Николь молчаливо брели вперед, из леса все чаще доносились необычные звуки. *Ричард прав*, устало подумала Николь. Посмотрев на аккуратные клетки полей по правую руку, она сравнила их с «недисциплинированной» порослью слева. *В этих дебрях ощущается нечто странное и тревожное.*

Ближе к полудню они немного поговорили. Ричард рассчитал, что с утра они прошли уже более пяти километров. Николь попросила свежего меда, который Ричард нес с своим рюкзаке.

— У меня ноги болят, — пожаловалась она, запивая сладость водой. — И всю ночь ныли... Надеюсь, что теперь до места назначения уже недолго.

— Я тоже устал. Но, по-моему, мы с тобой еще ничего, если учесть, что нам уже за шестьдесят.

— Теперь мне кажется, что я старше. — Николь встала, потянулась. — Нашим сердцам биологически около девяноста лет. Быть может, им пришлось меньше работать в те годы, которые мы провели во сне, но тем не менее они не переставали качать кровь.

Пока они разговаривали, из ближайшего леса на дюжине тонких ног выскочило какое-то небольшое сферическое животное с одним-единственным глазом: белый лохматый комок схватил банку меда и исчез вместе с ней буквально в миг.

— Вот сюрприз! — возмутилась Николь.

— Сладкоежка, — прокомментировал Ричард, глядя в сторону леса, где исчезло животное. — Конечно же, там совершенно другой мир.

Через полчаса пара светляков повернула налево и повисла над тропой, уходящей в лес. Дорога была пять метров шириной, по обеим сторонам ее окаймляла густая растительность. Интуиция предостерегала Николь, твердила, что следовать за светляками опасно; однако она смолчала. Нелегкое предчувствие только окрепло, когда на деревьях вокруг них заголосили, едва они с Ричардом сделали пару шагов по лесу. Люди остановились, взяли за руки и прислушались.

— Что-то вроде наших птиц, обезьян и лягушек, — проговорил Ричард.

— Значит, они оповещают лес о нашем появлении, — Николь обернулась и посмотрела назад. — А ты уверен, что мы поступаем правильно?

Ричард указал вперед на огни.

— Два с половиной дня мы следуем за этими

жуками. И с какой стати мы должны отказать им в доверии именно сейчас.

Они вновь пошли по тропе. Крики, стоны и треск сопровождали людей. Форма листвы рядом с тропой временами изменялась, но листья по-прежнему оставались темными и плоскими.

— Смотри, здесь, должно быть, есть и садовники, — сказал Ричард, — которые подстригают растительность вокруг тропы несколько раз в неделю. Видишь, как ровно обрезаны эти кусты и деревья... они ни на йоту не заходят в пространство над нашей головой.

— Ричард, — спросила Николь немного погодя, — если звуки, которые мы слышим, действительно издают инопланетные животные, почему же мы никого из них не увидели? Почему никто не выскочил на тропу? — Она наклонилась к земле. — Смотри-ка — не видно никаких свидетельств того, что здесь кто-то ходил... нет даже муравьиного следа...

— Выходит, мы идем по волшебной дорожке, — ухмыльнулся Ричард. — Возможно, она приведет нас к пряничному домику и старой злой ведьме... Что же, споем, Гретель*, быть может, отваги прибавится.

Тропа, от опушки тянувшаяся совершенно прямо, после первого километра начала петлять. Голоса лесных тварей со всех сторон окружили людей. Ричард пел популярные песни, памятные ему по юношеским годам, проведенным в Англии. Иногда Николь подпевала, если знала слова,

---

* Персонаж сказки братьев Гримм.

но в основном ее силы уходили на то, чтобы сдерживать растущую тревогу. Она велела себе забыть о том, какой легкой добычей окажутся они для крупного инопланетного зверя, если таковые водятся в этом лесу.

Ричард вдруг остановился и два раза глубоко вдохнул.

— Ты чувствуешь запах? — спросил он Николь. Она принялась.

— Да, чувствую... похоже на гардении.

— Только куда приятнее, — проговорил Ричард. — Божественный аромат.

Впереди тропа резко повернула направо, прямо у тропы рос большой куст, покрытый огромными желтыми цветами — они еще не видели цветов в этом лесу. Каждый бутон был размером с баскетбольный мяч. Ричард и Николь приближались к кусту, и привлекательный запах усиливался. Ричард не смог устоять. И не успела Николь даже рта открыть, как он сошел на несколько метров с тропы и, припав лицом к одному из огромных цветков, глубоко вдохнул. Аромат был восхитителен. Тем временем один из двух светляков вернулся к ним и отчаянно заметался над их головами.

— По-моему, наши проводники не одобряют твоей выходки, — сказала Николь.

— Наверное, — согласился Ричард. — Но удовольствие стоило беспокойства.

По обеим сторонам тропы стали появляться цветы самых разных размеров, расцветки и формы. Никому из людей никогда не приводилось видеть подобное буйство красок. Вместе с тем звуки вокруг

попритихли. Чуть погодя, когда Ричард и Николь оказались посреди цветущего поля, лесные шумы исчезли совсем.

Тропа сузилась до пары метров, люди едва могли идти рядом, не задевая цветущих растений. Ричард несколько раз сходил с тропы, чтобы осмотреть или понюхать какой-нибудь удивительный цветок. Каждая его экскурсия заставляла светляков возвращаться назад. Невзирая на восторги, которые вызывала у Ричарда очередная вылазка, Николь, следуя за проводниками, оставалась на тропе. Наконец, Ричард зашел метров на восемь, пытаясь как следует разглядеть гигантский куст, пестревший восточным ковром, и внезапно исчез из виду.

— Ах ты! — возмутился он, падая.

— С тобой все в порядке? — поинтересовалась Николь.

— Да, — ответил Ричард. — Я просто споткнулся о лиану и упал в какие-то колючки... У этого куста красные листья и крошечные странные цветки, похожие на пули... они пахнут корицей.

— Тебе нужна помощь? — спросила Николь.

— Нет... Сию минуту выберусь отсюда.

Николь глядела вверх и заметила, что один из двух светляков мечется над их головами. *С чего это он?* — подумала она, вновь услышав голос Ричарда:

— А знаешь что, помоги. Я как будто бы прилип.

Николь осторожно сошла с тропы. Оставшийся светляк словно обезумел и метнулся к ее лицу. Николь на время ослепла.

— Нет, стой там, — вдруг проговорил Ричард несколько секунд спустя. — Если я не свихнулся, это растение, кажется, собирается съесть меня.

— *Что?* — спросила Николь уже с испугом. — Ты серьезно? — Она нетерпеливо ждала, чтобы глаза вновь привыкли к темноте.

— Да, — ответил Ричард. — Вернись на тропу... этот странный куст охватил меня желтыми щупальцами, какие-то ползучие жучки уже слизывают кровь, вытекающую из ранок от шипов, а в кусте открылась дыра, к которой меня медленно подтягивают... она ничуть не хуже самых жутких челюстей, которые найдутся в зоопарке... У нее даже зубы есть.

Николь слышала панику в голосе Ричарда. Она шагнула в его сторону, но светляк снова ослепил ее.

— Я ничего не вижу, — закричала Николь. — Ричард, ты еще здесь?

— Да, — только не знаю, сколько протяну.

В лесу слышались торопливая поступь, тонкий свист, и три темных силуэта со странными ружьями окружили Ричарда. Октопауки опрыскали плотоядный куст какой-то жидкостью. И буквально через секунды он выпустил Ричарда и упрятал пасть за множеством ветвей.

Спотыкаясь, Ричард выбрался на тропу и обнял Николь. Оба прокричали «спасибо», и трое октопауков исчезли в лесу так же быстро, как и появились. Ни Ричард, ни Николь не заметили, что оба светляка вновь повисли над их головами.

Николь внимательно осмотрела Ричарда, но не обнаружила ничего опасного — только порезы и царапины.

— Ну, теперь я больше ни шагу с тропы, — сказал он со слабой улыбкой.

— Наконец-то тебя осенила неплохая идея, — проговорила Николь.

Продолжая углубляться в лес, они обсудили происшедшее. Ричард был естественно потрясен случившимся.

— Ветви возле моего левого плеча раздвинулись, открыв эту дыру... поначалу она была с бейсбольный мяч. Меня повлекло к ней и отверстие раздвинулось. — Он поежился. — Я заметил эти мелкие зубки по всей окружности. И решил уже, что на собственном опыте узнаю, как себя чувствует котлета... но тут появились наши друзья-октопауки.

— Но зачем мы идем сюда? — спросила Николь немного погодя. Они покинули заросшую цветами область, вновь вокруг были джунгли и непрекращающийся гомон животных.

— Черт побери, не знаю, — ответил Ричард.

Лес закончился сразу, как только Ричард и Николь ощутили отчаянный голод. Они вышли на просторную равнину. Перед ними — километрах в двух — располагался огромный зеленый купол.

— Что это...

— Изумрудный город, моя дорогая, — перебил ее Ричард. — Помнишь старинный фильм... А там нас ждет Волшебник Оз, который выполнит любое наше желание.

Улыбнувшись, Николь поцеловала мужа.

— Разве ты забыл, что волшебник-то был поддельный и по-настоящему ничего не умел?

— Ну, это еще вопрос, — ухмыльнулся Ричард.

Пока люди переговаривались, оба светляка направились к зеленому куполу, оставив Ричарда и Николь почти во тьме. Они извлекли фонари из рюкзаков.

— Что-то мне подсказывает — близится конец нашего путешествия, — промолвил Ричард и двинулся в сторону Изумрудного города.

Ворота они увидели через бинокль с расстояния около километра. Ричард и Николь весьма взволновались.

— Неужели это город октопауков? — спросила Николь.

— Безусловно, — ответил Ричард. — Ничего себе: верхушка зеленого купола подымается не меньше, чем на три сотни метров. Естественно, он покрывает более десяти квадратных километров...

— Ричард, — поинтересовалась Николь, когда до купола оставалось лишь с полкилометра, — что будем делать? Неужели просто подойдем и постучим в ворота?

— А почему бы и нет? — Ричард убыстрил шаг.

Идти им оставалось около двух сотен метров, когда в стене города открылась калитка и из нее появились три фигуры. Ричард и Николь услышали женский голос, и одна из фигурок заторопилась навстречу. Ричард остановился.

— Это Элли! — вскрикнул он. — А позади — Эпонина. Она с октопауком.

Бросив рюкзак, Николь уже бежала по равнине. Она обхватила свою дочь руками и оторвала от земли.

— Ах, Элли, Элли! — воскликнула Николь, и слезы потекли по ее щекам.

5

— А это наш приятель Арчи... он очень много помогал нам здесь... Арчи, вот мои мать и отец.

Октопаук ответил ярко-алой вспышкой, за ней последовала бледно-зеленая полоса, затем лавандовая, две желтые разного оттенка (одна шафранная, другая лимонная с переходом в зеленый), и наконец все завершилось пурпурной полосой. Цвета полностью obeжали сферическую голову октопаука, а потом исчезли в левой стороне щели, образованной двумя длинными параллельными вмятинами, протянувшимися сверху вниз.

— Арчи утверждает, что ему очень приятно познакомиться с вами, в особенности после всего, что слышал о вас, — проговорила Элли.

— Так ты можешь читать их цветовую речь? — спросила потрясенная Николь.

— Элли у нас гениальная, — объявила Эпони-на. — Она почти сразу сумела понять их язык.

— Но как ты разговариваешь с ними?

— У них невероятно тонкое зрение, — заметила Элли. — Октопауки весьма умны... В свой черед Арчи и еще дюжина других уже научились читать по нашим губам... Но обо всем этом мы можем поговорить попозже, мама. Лучше расскажи мне о Никки и Роберте... с ними все в порядке?

— Твоя дочь день ото дня становится все очаровательнее, она очень скучает по тебе... Но Роберт так полностью и не оправился. Он все винит себя в том, что не сумел защитить тебя...

Октопаук Арчи несколько минут вежливо следил за беседой родственников, а потом прикоснулся к плечу Элли и напомнил ей, что ее родители, наверное, устали и замерзли.

— Спасибо, Арчи, — ответила Элли. — Хорошо, сделаем так. Вы сейчас войдете в город и останетесь по крайней мере до завтра — октопауки устроили нечто вроде квартиры для всех нас. А послезавтра или попозже, когда вы отдохнете, мы все вернемся к остальным. Арчи отправится с нами.

— Почему вы трое не могли явиться прямо к нам? — поинтересовался Ричард после недолгого молчания.

— Папа, я сама спрашивала у них об этом... и ни разу не получила сколько-нибудь удовлетворительного ответа....

Цветовые полосы, побежавшие по голове Арчи, отвлекли внимание Элли.

— Ну, хорошо, — ответила она октопауку, а потом обернулась к своим родителям. — Арчи утверждает, что его собратья хотели повстречаться именно с вами, чтобы выяснить у вас... В любом случае все подробности мы можем обсудить потом, когда вы отдохнете.

Огромные ворота Изумрудного города распахнулись настежь, когда четверо людей и их спутник октопаук оказались в десяти метрах от них. Ричард

и Николь не были готовы к ошеломляющему разнообразию странных существ, собравшихся за воротами. Прямо перед ними оказалась широкая улица с невысокими сооружениями по обе стороны; она уводила к розово-голубой пирамиде, поднимавшейся в нескольких сотнях метров от ворот.

В город октопауков Ричард и Николь вступали буквально в транс. Картину эту невозможно забыть. Людей закружил калейдоскоп красок. Все кругом до любых мелочей — дома, непонятные украшения, выставленные вдоль улицы, растения в садах, если это действительно были растения, вся многочисленная живность — цвело невероятно яркими красками. Четверо крупных червяков, или же мелких змей, похожих на изогнутые сахарные тросточки, только весьма изящно окрашенные, свернулись у ворот на земле слева от Ричарда и Николь. Они приподнимали головы, чтобы разглядеть инопланетных гостей. Ярко-красные и желтые животные с восемью ногами и рачьими клешнями несли толстые зеленые стрежни через перекресток в пятидесяти метрах от Ричарда и Николь. Конечно, повсюду дюжинами... сотнями находились октопауки. Все они явились к высоким воротам, чтобы встретить обоих гостей. Октопауки сидели группами перед домами, стояли на улице, даже заполняли крыши. И все одновременно говорили яркими цветовыми полосами, украшая замерзшую улицу динамичным потоком разнообразных оттенков.

Николь огляделась, не в силах уделить более крохи внимания каждому из странных существ,

установившихся на нее. Потом она откинула голову назад и посмотрела на зеленый купол высоко над головой. Кое-где сквозь зелень проступали тонкие гнутые ребра, но в основном он был укрыт толстым растительным покровом.

— На потолке растут лианы и разные растения, еще там обитают подобные насекомым животные, которые собирают плоды и цветы, — услышала она возле себя голос Элли. — Он образует замкнутую экосистему, а заодно и великолепную крышу для города, защищая его от холода Рамы. Когда закроют ворота, здесь станет значительно теплее.

Под куполом располагалось более двадцати очень ярких источников света; они казались значительно ярче, чем те светляки, которые сопровождали Ричарда и Николь по области обитания октопауков. Николь попыталась разглядеть один из огней, но быстро сдалась, потому что свет был чересчур ярок для ее глаз. *Если я не ошибаюсь, подумала она, этот свет испускают скопления насекомых, подобных тем светлякам, что привели нас сюда.*

От усталости или волнения — либо по обоим причинам — вокруг все словно закружилось. Николь отшатнулась и протянула руки Ричарду. Выброс адреналина, сопровождавший головокружение, и внезапный испуг заставили ее сердце заколотиться.

— Что с тобой, мама? — встревожилась Элли, глядя на побледневшее лицо матери.

— Ничего, — ответила Николь, стараясь дышать размеренно. — Ничего страшного... просто голова закружилась.

Николь поглядела на землю, чтобы прийти в себя. Улица была вымощена яркими квадратными плитками, похожими на керамические. На мостовой — не более чем в полуметре от нее — застыли три существа... более странных созданий Николь еще не видела. Они были размером с баскетбольный мяч. Верхние полусферы тел были окрашены в густой синий цвет, волны на их поверхности отдаленно напоминали человеческий мозг или же часть купола медузы, выступающую над водой. В центре этой постоянно переливающейся массы находилась темная округлая дыра, из которой торчали две тонкие антенны, быть может, сантиметров в двадцать длиной, с ганглиями или узлами, разделенными двумя-тремя сантиметрами. Николь невольно отшатнулась назад, она заподозрила, что эти странные животные угрожают ей... Поведя антеннами, вся тройка быстро отодвинулась к краю улицы.

Николь быстро огляделась. По головам всех окружавших ее октопауков струились цветные полосы. Николь *понимала*, что хозяева обсуждают ее реакцию. Она вдруг ощутила себя нагой... словно бы потерялась, ничего не понимая в незнакомом мире.

Откуда-то из глубины ее существа донесся древний и могучий сигнал тревоги. Николь опасалась, что вот-вот взвизгнет или закричит.

— Элли, — произнесла она негромко. — Помоему, на сегодня с меня довольно... нельзя ли уйти отсюда?

Элли взяла мать за руку и повела к двери второго сооружения с правой стороны улицы.

— Октопауки работали день и ночь, чтобы перестроить это помещение... надеюсь, оно вам понравится.

Николь продолжала разглядывать улицу и октопауков, но все, что она видела теперь, больше не проникало в ее сознание. *Это же сон*, подумала она, заметив проходившую группу тощих зеленых созданий, похожих на шарики на ходулях. *Подобное просто не может существовать.*

— И с меня тоже хватит, — проговорил Ричард. — Особенно после той жути в лесу. Кроме того, мы устали за эти три дня — для стариков дорога неблизкая... Неудивительно, что у твоей матери закружилась голова, сценка-то еще та.

— Прежде чем уйти, — сказала Элли, — Арчи извинился тремя различными способами. Он попытался объяснить, почему октопауки разрешили всем собраться возле ворот... они считали, что вам с матерью будет интересно, но не подумали, что впечатлений может оказаться слишком много...

Николь медленно поднялась с постели.

— Не беспокойся, Элли. Я еще не стала настолько хрупкой... Просто не ожидала ничего подобного, в особенности после таких трудов и волнений.

— Может быть, мама, ты хочешь еще передохнуть или лучше тебя покормить?

— Я действительно прекрасно себя чувствую. Дальше действуем в соответствии с планом... Кстати, Эпониная, — проговорила она, обращаясь к француженке, после встречи почти все время молчавшей. — Прошу прощения за бестактность.

Мы с Ричардом излишне увлеклись разговором с Элли и видом города... Словом, я забыла сказать: Макс велел передать, что любит тебя и что ему без тебя плохо.

— Спасибо, Николь. Я тоже скучала — и по Максу, и по всем вам.

— Значит, ты изучаешь язык октопауков вместе с Элли? — спросила Николь.

— Нет, — неторопливо ответила Эпониная. — У меня здесь были другие дела... — она обернулась, отыскивая взглядом Элли, вышедшую на мгновение, наверное, чтобы приготовить обед. — Случилось так, — продолжила Эпониная, — что мы с Элли не виделись почти две недели и только потом начали планировать ваш приход.

В комнате воцарилась тишина.

— Итак, вы с Элли не были здесь пленницами? — негромким голосом спросил Ричард. — А вы поняли, зачем они похитили вас?

— В известной мере, — Эпониная встала. — Элли, где ты? Твой отец уже задает вопросы...

— Минуточку, — они услышали голос Элли. Через несколько минут она вернулась в комнату с октопауком Арчи. Элли прочла выражение на лице отца. — Его присутствие нам не мешает. Мы договорились с Арчи о том, что, когда будем рассказывать вам о нашем пребывании здесь, он сможет присутствовать при разговоре... чтобы пояснить и дополнить, а может быть, и ответить на те вопросы, с которыми не сумеем справиться.

Октопаук опустился на пол среди людей. Наступило недолгое молчание.

— Почему-то так и кажется, что вся эта сценка отрепетирована, — проговорил, наконец, Ричард.

Озабоченная Николь нагнулась вперед и взяла дочь за руку.

— Элли, плохих вестей нет, так ведь? Ты же сказала, что можешь отправиться с нами назад...

— Нет, дело не в этом, мама, — отвечала Элли. — Просто мы с Эпониной должны рассказать вам кое о чем... Эп, пожалуйста, начни первой.

Цветовые полосы побежали по голове Арчи, когда октопаук, явно следивший за разговором, изменил место, приблизившись к Эпонине. Элли внимательно поглядела на полосы.

— Что он... или *оно* говорит? — спросила Николь. Умение дочери понимать столь чуждый язык все еще ошеломяло ее.

— Точнее будет использовать слово «оно», — усмехнулась Элли. — По крайней мере так сказал мне сам Арчи, когда я объясняла ему местоимения.... Но мы с Эп, разговаривая об Арчи и Синем Докторе, называем их в мужском роде... В любом случае Арчи хотел, чтобы вы знали: со мной и Эпониной здесь обращались очень хорошо, нам не причинили никаких неприятностей, а похищены мы были лишь потому, что тогда октопауки не могли придумать другого способа установить с нами контакт... вступить в дружеские взаимоотношения....

— Похищение — необычайно уместный способ завязывания дружеских отношений, — перебил ее Ричард.

— Папочка, я уже объясняла все это Арчи и остальным, — продолжила Элли. — Вот поэтому

он хочет, чтобы я внесла ясность прямо сейчас... Они действительно обращались с нами великолепно; я не видела здесь никаких свидетельств того, что октопауки вообще способны на насилие...

— Ну хорошо, — проговорил Ричард, — мы с твоей матерью понимаем назначение преамбулы.

По голове Арчи побежали полосы. Объяснив октопауку, что такое назначение и преамбула, Элли поглядела на родителей.

— Их интеллект просто ошеломляет. Арчи никогда не просил меня дважды объяснять ему смысл нового слова.

— Когда я оказалась здесь, — вступила в разговор Эпониная, — Элли едва начинала понимать язык октопауков... Сперва нам все казалось так плохо, но через несколько дней мы с Элли поняли, почему октопауки похитили нас.

— Мы проговорили об этом целый вечер, — продолжила Элли. — Мы обе были ошеломлены, потому что понять не могли, как сумели они узнать...

— Что узнать? — спросил Ричард. — Простите, дамы, но я с трудом понимаю вас...

— Они знали, что я больна RV-41, — сказала Эпониная. — И Арчи, и Синий Доктор — это другой октопauк, он — врач; мы называем его Синим Доктором потому, что, когда он говорит, ярко-синие полосы у него затмевают все остальные.

— Минуточку, — Николь энергично качала головой. — Позвольте. По твоим словам, октопауки знали, что ты больна RV-41. Как это могло случиться?

Арчи разразился длинным цветовым предложением, которое Элли попросила повторить.

— Он утверждает, что они следили за всей нашей деятельностью, после того как мы оставили Новый Эдем, и по нашему поведению поняли, что Эпониная больна какой-то неизлечимой болезнью.

Ричард принялся рассказывать по комнате.

— Одно из самых удивительных утверждений, с которыми мне приходилось сталкиваться, — произнес он с чувством и, на мгновение задумавшись, повернулся к стене. Арчи напомнил Элли, что ничего не поймет, если Ричард отвернется от него. Наконец, Ричард обернулся.

— Как могли они... кстати, Элли, октопауки глухи?

Когда Элли утвердительно кивнула, Ричард и Николь получили первый урок языка октопауков. Арчи испустил широкую алую полосу (это означало, что последующее предложение будет повествовательным — широкая пурпурная полоса всегда предшествовала вопросительным предложениям), за ней последовала на редкость чистая аквамариновая.

— Ну, если они глухи, — воскликнул Ричард, — каким образом могли вычислить, что у тебя RV-41? Разве что они умеют читать в уме или записывать буквально все... Нет, едва ли это возможно вообще.

Он сел. Наступила очередная пауза.

— Можно продолжать? — наконец спросила Эпониная. Ричард кивнул. — Как я уже говорила, Синий Доктор и Арчи объяснили нам с Элли, что октопауки обладают весьма глубокими познания-

ми в биологии и медицине... и, если мы не будем мешать, они попытаются найти способ, которым меня можно излечить. Конечно, если я соглашусь на любые процедуры...

— Мы поинтересовались, *почему* они хотят исцелить Эпониу, — проговорила Элли. — Синий Доктор пояснил, что октопауки намереваются сделать широкий жест, чтобы проложить путь к дружеским отношениям между двумя видами.

Ричард и Николь были совершенно опарашены. Они в неверии переглянулись.

— Тогда еще я была новичком в языке, — продолжила Элли, — и поэтому едва ли могла сообщить им то, что нам известно об RV-41. Только после долгих интенсивных занятий мы сумели информировать октопауков обо всем, что знаем.

— Мы с Элли старались вспомнить все, что Роберт рассказывал о заболевании. Синий Доктор, Арчи и еще пара октопауков все время были с нами. И никто из них не записывал. Но нам ничего не приходилось повторять дважды.

— Напротив, — добавила Элли, — если мы невольно повторялись, они напоминали нам, что *все это* мы уже им говорили.

— Около трех недель назад, — продолжила Эпониу, — октопауки известили нас о том, что процесс сбора информации завершен, и они готовы подвергнуть меня некоторым исследованиям. Они пояснили, что кое-какие из них могут оказаться болезненными и уж наверняка совершенно непривычными по человеческим стандартам.

— В основном в ходе экспериментов, — про-

говорила Элли, — в тело Эпонины вводили живые существа, иногда они были микроскопическими, иногда их можно было видеть. Это производилось впрыскиванием...

— Либо же их вводили в мое тело... ну, скажем так — через отверстия в нем.

Арчи вмешался и поинтересовался смыслом слова «отверстия». Пока Элли объясняла, Николь склонилась к Ричарду.

— Знакомая картина, не правда ли? — спросила она.

Ричард кивнул.

— Но я с ними совсем не общался, во всяком случае, не помню об этом...

— Тут у меня возникли некие ощущения, которые я назвала бы самыми странными в моей жизни, — продолжила Эпониная. — Но верхом всему был день, когда пять или шесть крошечных червячков, не толще булавки, вползли в нижнюю часть моего тела. — Она поежилась. — И тогда я сказала себе, что если переживу эти исследования, то никогда не буду жаловаться на какие-либо неудобства.

— А ты верила, что октопауки в самом деле собираются вылечить тебя? — спросила Николь.

— Сперва не очень, — ответила Эпониная. — Но дни шли, и я начала понимать, что это возможно. Я смогла убедиться в том, что их медицинские способности намного превосходят наши. К тому же, я видела, что исследования идут успешно...

— А вот однажды, когда эксперименты были закончены, Элли явилась в мою комнату — в тот

день я была где-то в городе, наверное, в том здании, которое у них служит больницей, — и сказала мне, что октопауки выделили вирус RV-41 и поняли, какое воздействие он оказывает на хозяина, а именно на меня. Они попросили Элли сообщить мне, что намереваются ввести в мой организм «биологический агент», который разыщет вирусы и всех уничтожит. Этот агент не сможет исправить ущерб, уже причиненный вирусом, однако они заверили меня, что поражение еще невелико и мой организм освободится от RV-41.

— Меня попросили объяснить Эпонине, — проговорила Элли, — что агент может вызвать некоторые побочные явления. Они не знали, какие именно, поскольку ни разу не воздействовали на человеческий организм; впрочем, в соответствии с их «моделями», следовало ожидать тошноту и головные боли.

— Насчет тошноты они не ошиблись, — промолвила Эпонина. — Дня два все съеденное вылетало из моего организма через каждые три-четыре часа. А потом Синий Доктор, Арчи и остальные пауки собрались возле моей постели и сказали мне, что я здорова.

— Чтооо? — протянул Ричард, снова вскакивая на ноги.

— О Эпонина! — воскликнула Николь. — Я так рада! — Она встала и обняла подругу.

— И ты *веришь* в это? — спросил Ричард. — Веришь в то, что октопаукам-врачам, быть может, даже не понимающим, как работает человеческий организм, за несколько дней удалось добиться успеха, которого блестящий врач, твой собствен-

ный зять, вместе со своими сотрудниками не мог достичь за четыре года?

— А почему бы и нет, Ричард? Если бы это сделал Орел в Узле, ты не стал бы протестовать. Разве октопауки не могут знать биологию лучше нас? Ты ведь уже видел здесь столько всего...

— Ну хорошо, — проговорил Ричард. Несколько раз качнув головой, он обернулся к Эпонине. — Прости, только не мог я... Что ж, поздравляю. Я тоже рад. — И неловко обнял Эпонию.

Пока они разговаривали, кто-то бесшумно оставил свежие овощи и воду возле их двери. Николь увидела продукты, предназначенные для пира, когда направилась к ванной.

— Ты пережила удивительные события, — сказала она Эпонине, возвратившись в общую комнату.

— Не то слово, — Эпонины улыбнулась. — Хотя я не сомневаюсь в том, что здорова, просто жду не дождусь, пока вы с доктором Тернером не подтвердите это.

После долгого обеда Ричард и Николь ощутили изрядную усталость. Элли рассказала родителям, что хотела бы переговорить с ними и о прочих вещах, но эти дела могут подождать, пока Ричард и Николь не выспятся.

— Теперь мне хотелось бы вспомнить подробнее о пребывании среди октопауков, пока мы летели к Узлу, — проговорил Ричард, когда они с Николь улеглись в большую постель, устроенную для них хозяевами. — Быть может, тогда я смогу

лучше понять собственное отношение к истории Эпонины и Элли.

— Ты сомневаешься в том, что она выздоровела? — спросила Николь.

— Не знаю, — ответил Ричард. — Признаюсь честно — я озадачен разницей в поведении этих октопауков и тех, кто исследовал меня тогда... Не могу поверить, что октопауки, обитавшие на Раме II, стали бы спасать меня от прожорливого растения.

— Возможно, октопауки на все реагируют по-разному. Ведь то же самое можно сказать и о нас, людях. По сути дела, это верно в отношении всех развитых млекопитающих Земли. Должно быть, октопауки не слишком отличаются от нас.

— Понимаю... ты хочешь намекнуть, что я становлюсь ксенофобом. Но мне трудно принять октопауков такими. Чересчур уж они хорошие, чтобы в это можно было поверить. Скажи как биолог, что им нужно от нас за хорошее отношение?

6

— Папа, язык их настолько интересен, — говорила Элли, когда Николь наконец стряхнула с себя сон, проспав одиннадцать часов. Ричард и Элли уже завтракали. — Он в высшей степени математический. Вообще они используют шестьдесят четыре цвета, но лишь пятьдесят один выполняет алфавитные функции. Остальные тринадцать являются определителями, показывают времена, даже сравнительные и превосходные степени. Весьма элегантный язык.

— Не могу представить себе *элегантный* язык... Впрочем, у нас в семье лингвист не я, а твоя мама, — ответил Ричард. — Я лично выучился читать по-немецки, однако разговаривал с большим трудом.

— Всем доброе утро, — сказала Николь, потягиваясь в постели. — Что у нас на завтрак?

— Какие-то совершенно новые овощи... может быть, и фрукты поскольку в нашем мире им эквивалента нет. Почти все, что едят октопауки, нам, вероятно, следует называть растениями, так как они получают свою энергию из света. Из тех продуктов, которые употребляют октопауки, лишь черви черпают энергию не из фотонов.

— Словом, все растения в полях, по которым мы проходили, используют какую-то разновидность фотосинтеза?

— Нечто в этом роде, мама. И если я правильно поняла объяснения Арчи... в обществе октопауков очень мало отбросов... Создания, которых вы с папой называете «гигантскими светляками», проводят над каждым полем точно рассчитанное время — каждую неделю или месяц. И с водой у них обходятся так же бережливо, как и с фотонами.

— А где Эпониная? — поинтересовалась Николь, глядя на уставленный едой стол посреди комнаты.

— Пакует вещи, — проговорила Элли. — К тому же, она решила, что ей не стоит присутствовать при нашей беседе.

— Итак, нас ждет еще одно потрясение? — непринужденно спросила Николь.

— Возможно, — медленно ответила Элли. — Я и сама не знаю, как вы будете реагировать... быть

может, лучше сперва позавтракать... или я могу сказать Арчи, что мы готовы?

— Итак, октопаук будет принимать участие в разговоре, а Эпонины нет? — спросил Ричард.

— Она так решила, — промолвила Элли. — К тому же, Арчи как октопаук куда более знаком с обсуждаемой темой, чем Эпонины.

Ричард с Николь переглянулись.

— Дорогая, ты догадываешься, о чем может идти речь?

Николь покачала головой.

— Наверное, можно начинать, — проговорила она.

Когда Арчи уселся, Элли сообщила родителям — Уэйкфилды расхохотались, — что на этот раз с «преамбулой» выступит Арчи. Элли переводила, иногда не без колебаний, поскольку Арчи начал с извинений за прошлое обращение с Ричардом на борту Рамы II. Он пояснил, что на том космическом аппарате находились, так сказать, «кузены», жители удаленной колонии, состоящие в дальнем родстве с теми октопауками, что ныне обитали на Раме. Арчи подчеркнул, что истинное значение этого огромного цилиндрического космического корабля октопауки осознали лишь после того, как в сферу их влияния вошел Рама III.

Кое-кто из жителей *той* колонии октопауков — весьма малочисленной в соответствии с утверждением Арчи (Элли попросила его повторить свое предложение) — все еще обитали на Раме III, когда на ранней стадии полета космический корабль был перехвачен октопауками, приславши-

ми сюда группу, полнее представлявшую весь вид и ныне населявшую корабль. Эту дочернюю группу высадили из космического корабля, сохранив все ее записи. Арчи и прочие колонисты уточнили, что именно произошло с Ричардом, и теперь хотели извиниться за случившееся.

— Словом, эта безусловно захватывающая преамбула, — проговорил Ричард, — является искусно принесенным извинением, не так ли?

Элли кивнула, а по голове Арчи за широкой алой лентой побежала ослепительная аквамариновая полоса.

— Могу ли я задать один вопрос, прежде чем мы продолжим? — спросила Николь, оборачиваясь к октопауку. — Из ваших слов следует, что вы и ваша колония попали на борт Рамы III, когда мы все спали. Известно ли было вам, что мы находимся здесь?

Арчи ответил: октопауки предполагали, что внутри самого северного поселения обитают люди, однако не были в этом уверены до того момента, пока колонисты не вскрыли внешнюю стену своего поселения. К этому времени октопауки уже проживали на своем месте двенадцать человеческих лет.

— Арчи настоял на том, что должен лично принести извинения, — Элли взглянула на отца, ожидая его реакции.

— Конечно же, я принимаю их, хотя не представляю, что требуется от меня в соответствии с протоколом...

Арчи немедленно спросил у Элли, что значит слово «протокол». Николь расхохоталась.

— Ричард, иногда ты бываешь настолько не-
ловок...

— Все прочее, — проговорила Элли, — крат-
кости ради я могу рассказать сама. В соответствии
с утверждением Арчи отчеты дочерней колонии
свидетельствуют о том, что они произвели на тебе
ряд экспериментов из числа запрещенных в тех
колониях октопауков, которые Арчи считает «вы-
сокоразвитыми». Один из них — ты, папочка, сам
часто это предполагал, — состоял в том, что в
твой мозг вводили специальных микробов, кото-
рые должны были стереть все воспоминания о
времени, проведенном тобой с октопауками. Я
сообщила Арчи и всем остальным, что экспери-
мент по стиранию воспоминаний в основном
удался, хотя и не совсем... Но самым сложным
экспериментом была попытка повлиять на твою
семенную жидкость. Дочерняя колония октопауков
не имела представления о том, куда направляется
Рама II, и, полагая, что, быть может, людям и
октопаукам придется сосуществовать не один век,
сочли весьма важным, чтобы оба вида могли
общаться. И они попробовали оказать воздействие
на одну из хромосом в твоей сперме, так, чтобы
твои отпрыски обладали повышенными языковы-
ми способностями, то есть были наделены более
острым цветовым зрением. Вкратце, они попыта-
лись генетически воздействовать на будущую
меня... поскольку лишь я одна родилась у вас с
мамой после твоей долгой одиссеи — так что я
смогла общаться с ними без излишних сложно-
стей. А для этого они ввели в твое тело некий
вид специальных созданий...

Элли умолкла. Ричард и Николь глядели на нее с удивлением.

— Итак, ты у нас некий мутант? — спросил Ричард.

— Отчасти, — проговорила Элли, чтобы снять напряжение. — Если я правильно понимаю, они изменили лишь несколько тысяч из трех миллиардов килобаз, составляющих мой геном... Кстати, Арчи и октопауки хотели бы получить доказательства того, что я действительно являюсь результатом этого эксперимента. Им это необходимо для исследований. Они хотели бы взять у вас образцы крови и прочих клеток, чтобы можно было недвусмысленно заключить, что я не явилась результатом «нормального» сочетания своих родителей. Тогда они будут уверены в том, что мои способности к их языку — не случайный подарок природы, а дело техники.

— Разве теперь им не все равно? — поинтересовался Ричард. — Ведь главное в том, что мы можем общаться...

— Ты удивляешь меня, папа. Это говоришь ты, всегда стремившийся к познаниям... Общество октопауков ценит информацию превыше всего. Они ни в чем не сомневаются после тех исследований, которые провели на мне, тем более, что октопауки располагают записями, оставленными дочерней группой; по их мнению, я действительно родилась с измененной наследственностью, но, исследовав ваши геномы подробно, они сумеют подтвердить это.

— Ну хорошо, — сказала Николь после недолгого молчания. — Я согласна. — Она подошла к

Элли и обняла ее. — Какая бы ты ни была, все равно ты моя дочь, и я люблю тебя всем сердцем. — Николь поглядела на Ричарда. — Не сомневаюсь, что согласится и твой отец, когда все обдумает.

Николь улыбнулась Арчи. Октопаук ответил широкой алой лентой, за которой последовала узенькая ярко-синяя полоса, потом ярко-желтая. Предложение это на языке октопауков обозначало «спасибо».

На следующее утро Николь пожалела, что не стала задавать вопросы октопаукам прежде, чем согласилась помочь в их научных исследованиях. Уже после завтрака их неприменный инопланетный компаньон Арчи и еще двое октопауков прибыли в небольшую квартирку. Одного из пришельцев Элли представила как Синего Доктора, известного медика; он и объяснил людям все, что им предстояло сделать.

С Ричардом все было просто. Октопауки намеревались только получить от Ричарда информацию, подтверждающую сохранившийся отчет о прежних исследованиях, проведенных в дочерней колонии много лет назад. Но о Николь октопауки не имели никаких физиологических сведений; при том они уже успели узнать, подробно обследовав Элли, в какой степени генетические характеристики человека определяются наследственностью матери, и ей предстояла нелегкая процедура. Синий Доктор предполагал провести сложную серию исследований организма Николь: самая важная стадия включала сбор данных внутри ее тела с

помощью дюжины крошечных витых созданий около двух сантиметров длиной и толщиной в булавку.

Когда октопаук-врач приподнял здешний эквивалент пластикового пакета, Николь, впервые увидев кишасщие слизистые создания, что будут помещены в ее организм, невольно отшатнулась.

— Но я полагала, что вам нужно узнать лишь мой генетический код, а он содержится в каждой клетке моего тела, зачем же...

Яркие цветовые пятна обежали голову Синего Доктора, октопаук остановил Николь прежде, чем она смогла договорить.

— Методы получения информации о геноме людей, — Элли переводила слова Синего Доктора, — еще не слишком хорошо разработаны. Но результаты всегда точнее, если мы берем пробы клеток в различных органах и биологических подсистемах.

Потом доктор вежливо поблагодарил Николь за содействие, закончив последовательностью ярко-синей и ярко-желтой полос, которую она уже заучила. Синяя часть слова «спасибо» на мгновение привлекла к себе внимание полиглота Николь. *Итак, подумала она, выдержать ширину полос не просто, они учатся этому; значит, у нашего доктора какие-то дефекты речи.* Чуть позже внимание Николь обратилось к предстоящей процедуре. Синий Доктор объяснил ей, что маленькие пружинки сами через кожу проникнут в ее тело и пробудут в нем примерно полчаса. *Тьфу, прямо как пиявки.*

Одну из них поместили на ее предплечье.

Николь поднесла руку к лицу и проследила, как крошечное животное ввинчивалось сквозь ее кожу. Пока создание погружалось в организм, Николь не ощущала ничего, но, когда оно исчезло в ее теле, женщина невольно поежилась.

Николь попросили лечь на спину. Синий Доктор показал ей два небольших восьминогих создания, красное и голубое, размером с плодовую мушку, и с помощью Элли пояснил:

— Вы можете ощутить известное неудобство, когда пружинки проникнут к вашим внутренним органам. Эти два создания могут быть использованы для анестезии, если потребуется снять боль.

И через минуту Николь почувствовала острый укол в грудь. Она даже решила, что пружинка прогрызается в одну из камер ее сердца. Увидев, что лицо Николь исказилось от боли, Синий Доктор поместил обоих жуков-анестетиков на шею Николь. И буквально через секунду она погрузилась в странное состояние, среднее между сном и бодрствованием. Николь слышала голос Элли, продолжавший комментировать происходящее, но не ощущала ничего, что творилось в теле.

Николь обнаружила, что смотрит на голову Синего Доктора, следившего за всей процедурой. К собственному удивлению Николь подумала, что начинает угадывать эмоции по тонким морщинкам на лице октопаука. Она сразу же вспомнила: когда-то ребенком не сомневалась в том, что ее любимая собака может улыбаться. *Зрение говорит нам так много, пришло ей в голову, куда больше, чем мы предполагаем.*

Она ощущала удивительный покой. Николь закрыла глаза, а открыв их, увидела себя десятилетней девочкой, в слезах застывшей возле отца, когда пламя погребального костра поглощало тело ее матери, королевы сенуфо. Старик Омэ, ее прапрапрадед, в жуткой маске, предназначенной, чтобы отпугивать демонов, способных помешать матери попасть в потусторонний мир, подошел и взял Николь за руку.

— Все случилось, как предсказывали хроники сенуфо, Роната, — проговорил он, называя Николь, африканским именем, — кровь нашего племени достигла звезд.

Прихотливая маска колдуна растворилась в цветowych полосах, скользящих вокруг головы Синего Доктора. Николь снова услышала голос Элли. *Итак, моя дочь — мутант*, подумала она без всяких эмоций. *Я родила не просто человека. Началась новая ветвь эволюции.*

Мысли Николь вновь отправились в плавание, и она превратилась в большую птицу, в самолет, летящий высоко во тьме над африканской саванной. Николь оставила Землю, повернулась спиной к Солнцу и ракетой помчалась к звездам, пронзая черную пустоту за пределами Солнечной системы. Умственным взором она все еще видела лицо Омэ.

— Роната, — говорил он, обращаясь к полному небу, — не забудь. Ты — избранная.

Что же он знал обо всем этом на самом деле? — Николь все еще пребывала в той сумрачной зоне между сном и пробуждением. *Что знал этот старик-негр так давно... на Земле? Но если он знал, то откуда? Неужели действительно*

существует другое измерение, позволяющее видеть заранее то, что мы только теперь начинаем понимать?

Ричард и Николь сидели вместе в полутьме. Их ненадолго оставили вдвоем. Элли и Эпониная вместе с Арчи завершали все приготовления к отбытию на следующее утро.

— Ты сегодня тихая, — сказал Ричард.

— Да, это так, — согласилась Николь. — Я чувствую себя какой-то странной, словно бы одурманенной после утренних исследований... Моя память вдруг оживилась. Я вспоминаю своих родителей, Омэ... и видения, которые были у меня многие годы назад.

— Тебя удивили результаты исследования? — спросил Ричард после непродолжительного молчания.

— Не слишком. Теперь, пожалуй, понятно, что с нами случилось... Кстати, Ричард, я прекрасно помню, когда понесла Элли... Тогда ты по-настоящему еще не стал собой.

— Я переговорил с Элли и Арчи сегодня днем, пока ты дремала. Перемены, вызванные октопауками в организме Элли, закрепились подобно мутациям. Не исключено, что Никки будет обладать некоторыми ее способностями... все зависит от точной генетической схемы. Конечно, влияние на нее будет слабее — в следующем-то поколении...

Ричард не договорил. Зевнув, он потянулся к ладони Николь. Они вместе спокойно посидели несколько минут, прежде чем Николь нарушила молчание.

— Ричард, а ты помнишь, как я рассказывала тебе о хрониках сенуфо? О женщине из племени, о дочери королевы, которая, как предсказано, донесет кровь сенуфо «даже до звезд»?

— Смутно помню. Мы давно разговаривали об этом.

— Омэ не сомневался, что я и есть та женщина, которая упомянута в хрониках... «женщина без спутника» — так он называл ее... Как ты думаешь, есть ли какой-нибудь способ узнать будущее?

Ричард расхохотался.

— Все в природе следует определенным законам. Эти законы могут быть выражены дифференциальными уравнениями, зависящими от времени. Если точно знать начальное состояние всей системы в заданный момент и точные уравнения, описывающие законы природы, теоретически мы можем предсказать все последствия. Конечно, люди не способны на это, ведь наши познания всегда ограничены, а статистика всегда сводит к минимуму применимость наших критериев.

— Можно предположить, — проговорила Николь, опираясь на локоть, — что существуют люди или даже целые группы людей, не знающие математики, но неким образом способные *видеть* или *ощущать* те законы и начальные условия, которые ты упомянул. Что, если они способны интуитивно, хотя бы отчасти, решать эти уравнения... предсказывать будущее с помощью прозрений, которые мы не можем описать количественно?

— Такое возможно, — ответил Ричард. — Только помни — необычайные притязания требуют...

— ... необычайных свидетельств. Я знаю это, —

Николь умолкла на мгновение. — Интересно, что такое судьба? Неужели мы, люди, сами создаем ее? Или же сила ее реальна? Но если судьба действительно существует, как тогда описать ее законами физики?

— Я что-то не понимаю тебя, дорогая.

— Я сама не понимаю себя. Как по-твоему, я стала такой, потому что Омэ в детстве сказал, что мне суждено отправиться в космос? Или причина этого в том, что я прошла все представившиеся мне альтернативы, сознательно делая выбор и овладев всеми познаниями...

Ричард вновь усмехнулся.

— Ты добралась до одного из фундаментальнейших философских парадоксов — вопроса о взаимосвязи между всеведением Бога и свободой человеческой воли.

— Я не собиралась быть столь глубокомысленной, — проговорила Николь задумчиво. — Просто никак не могу избавиться от ощущения, что ни одно событие в моей совершенно невероятной жизни не было сюрпризом для Омэ.

7

По случаю их отбытия устроили пир. Октопауки подали более дюжины различных плодов и овощей, а также горячую густую кашу, сваренную, по словам Арчи и Элли, из зерен тех высоких трав, что росли к северу от энергетической установки. За едой Ричард расспрашивал октопаука о судьбе птенцов Тамми и Тимми, манно-дынь и ватной

сети. Обтекаемый ответ, гласивший, что все пребывают в добром здравии, его не удовлетворил.

— Видишь ли, Арчи, — проговорил Ричард в присущей ему манере. Он уже достаточно привык к своему инопланетному хозяину и более не ощущал необходимости в излишней вежливости. — Я интересуюсь участью этих существ не из праздного любопытства. Я спас их и воспитал. И мне хотелось бы повидаться с ними — пусть даже на короткое время... В любом случае я полагаю, что заслуживаю более подробного ответа на мой вопрос.

Арчи встал и направился к выходу. Октопаук вернулся через несколько минут.

— Мы договорились: ты сумеешь повидаться со своими приятелями-птицами сегодня же, на обратном пути, — сказал он. — Что же касается остальных, то два яйца завершили свое развитие и появившиеся на свет еще не вышли из младенческого возраста. За ними заботливо ухаживают на противоположном краю нашего обиталища, и ты не сумеешь посетить их.

Лицо Ричарда просветлело.

— Двое мирмикотов появилось на свет! Как вам это удалось?

— Чтобы начался процесс развития эмбриона, яйца следует поместить в подогреваемую жидкость на месяц в вашем временном исчислении. — Элли переводила цветовую речь Арчи очень медленно. — Температуру следует поддерживать постоянной, не допуская почти никаких отклонений: не более чем на градус по вашим меркам. Только так можно вырастить мирмикота. Иначе развитие не начнется.

Ричард вскочил на ноги.

— Так вот каков секрет! — почти выкрикнул он. — Черт побери, я должен был сообразить это. У меня было достаточно ключей к разгадке... я видел их поселение и те фрески, которые мне показали... — он заходил по комнате. — Но как об этом узнали октопауки? — спросил он, стоя спиной к Арчи.

Тот ответил немедленно, как только Элли повторила вопрос.

— Мы получили эту информацию от другой колонии октопауков. Они предоставили нам исчерпывающие сведения.

Ричарду подобный ответ показался чересчур простым. Он впервые заподозрил, что, их инопланетный коллега возможно, умалчивает кое о чем. Ричард уже намеревался задать новый вопрос, когда в квартире появился Синий Доктор. За ним следовали еще три октопаука, двое из них несли большой шестиугольный объект, обернутый в нечто напоминающее бумагу.

— Что это такое? — поинтересовался Ричард.

— Сегодня прощальный пир, — ответила Элли. — А это подарок от жителей города.

Один из новоприбывших спросил у Элли, не могли бы люди выйти на улицу для церемонии в честь отбытия. Забрав свои пожитки, все вышли под яркий свет. Николь удивилась: за исключением октопауков, выстроившихся перед их квартирой, на улице больше никого не было. Даже сад как будто потускнел, словно вся бурная деятельность позавчера лишь на миг осветила его, ослепив Николь.

— А где все? — спросила Николь у Элли.

— Подобную тишину устроили ради тебя, — ответила ее дочь. — Октопауки не хотели, чтобы ты вновь переволновалась.

Пять октопауков выстроились в линейку посреди улицы. Прямо позади них виднелась пирамида. Двое октопауков, находившихся справа, держали шестиугольную упаковку, которая была выше их роста. Четверо людей стояли напротив октопауков перед воротами города. Октопаук, находившийся в центре, — Элли назвала его «Верховным Оптимизатором» (после нескольких неудачных попыток обнаружить точное соответствие обязанностям главы октопауков на человеческом языке), — шагнул вперед и начал речь.

Верховный Оптимизатор выразил свою благодарность Ричарду, Николь, Элли и Эпонине, заключил каждое личное обращение цветовым «спасибо» и выразил надежду на то, что краткая встреча окажется «первой среди многих» и обеспечит более глубокое понимание между обоими видами разумных существ. Потом главный октопаук сообщил людям, что Арчи отправится вместе с ними, не только для того, чтобы продолжить и углубить взаимодействие обоих видов, но также чтобы продемонстрировать всем оставшимся людям, что теперь между двумя народами достигнуто полное взаимопонимание.

Во время короткой паузы Арчи вышел из рядов октопауков, и Элли символически пригласила его в шеренгу отбывающих. Тут двое октопауков, остававшихся справа, развернули свой подарок — великолепное изображение зрелища, представшего перед Ричардом и Николь у входа в Изумрудный

город. Картина была настолько полна реальности, что Николь на мгновение остолебенела. Чуть помедлив, люди пододвинулись ближе к картине, чтобы поподробнее разглядеть ее. На ней были изображены все странные существа, в том числе и три ярко-синих полушария, из которых торчали вверх три пары длинных узловатых антенн, напомним Николь о перенесенном смятении. Внимательно разглядев картину и поразмыслив о том, как ее можно было создать за столь короткий срок, Николь подумала, что тогда все закончилось обмороком. *Неужели, я ощутила опасность?* — гадала она. *Или причиной было нечто другое?* Николь отвела глаза от картины и поглядела на переговаривающихся октопауков. *Или это было откровение,* подумала она, *мгновенное узнавание чего-то выходящего за пределы моего восприятия... силы и власти, еще не знакомых людям.* Когда ворота Изумрудного города начали открываться, по спине ее пробежал холодок.

Ричард всегда любил давать вещам имена и поэтому, приглядевшись к существам, на которых они должны были ехать, назвал их «страусозаврами».

— Не слишком оригинально, мой дорогой, — поддела его Николь.

— Возможно, — проговорил он, — но точно. Погляди — просто гигантский страус, только с физиономией и шеей травоядного динозавра.

У этих созданий было четыре птичьих лапы, мягкое опушенное перьями тело с вмятиной посередине, где было удобно сидеть; их длинная шея могла легко отклоняться метра на три в

любом направлении, а поскольку высота лап не превышала двух метров, они без труда доставали до земли головой.

Страусозавры передвигались на удивление быстро. Арчи, Элли и Эпонины уместились втроем на одном из них и еще какой-то веревкой привязали к его боку шестиугольную картину. Ричард и Николь вдвоем ехали на другом страусозавре. Поводьев не было... звери выбирали дорогу сами: прежде чем люди оставили Изумрудный город, Арчи почти десять минут «разговаривал» со страусозаврами.

— Он рассказал им про весь маршрут, — пояснила Элли. — а также, как поступать в экстренной ситуации.

— Что еще за экстренная ситуация? — проговорил Ричард, но Элли в ответ только пожалала плечами.

Сперва Ричард и Николь держались за «перья», окружавшие углубление, в котором сидели, но уже через несколько минут они расслабились. Аллюр был очень быстр, людей почти не трясло и не качало.

— Ну как по-твоему, — поинтересовался Ричард, когда Изумрудный город остался позади, — эти животные естественным образом обрели такой вид — почти идеальную чашу посреди спины, — или же это инженеры-генетики октопауков переделали живые создания для транспортных целей?

— У меня лично сомнений нет, — ответила Николь. — Наверное, все существа, которых мы здесь видели, в особенности витые спиральки,

проникшие через мою кожу, созданы октопауками в определенных целях. Иначе и быть не может.

— Но все-таки трудно поверить, что таких зверей можно создать на пустом месте. Это предполагает невероятно высокий уровень науки и технологии, далеко опережающий все, что мы можем себе представить.

— Не знаю, дорогой. Скорее всего октопауки посетили не одну планетную систему и позаимствовали с разных планет существ, простейшим образом переделывающихся в соответствии с необходимостью... Но я даже на минуту не могу согласиться с тем, что вся эта гармония порождена естественной эволюцией.

Путь двум страусозаврам и их пятерым наездникам освещали три гигантские светляка. Через пару часов группа приблизилась к большому озеру, уходящему к югу и западу. Страусозавры припали к земле, чтобы Арчи и четверо людей могли сойти.

— Перекусим и попьем, — обратился к остальным Арчи. Он передал Элли емкость, наполненную пищей, и повел страусозавров к озеру. Николь и Эпониная направились к краю воды поглядеть на какие-то голубые растения, представив Ричарда и Элли самим себе.

— Ты уже достигла весьма впечатляющих познаний в языке октопауков, если не сказать большего, — проговорил Ричард.

Элли расхохоталась.

— Увы, я не настолько хорошо разбираюсь в нем. Октопауки преднамеренно выражаются достаточно просто, чтобы я могла понять их. Со мной они разговаривают медленно — широкими

полосами... но я учусь... Понимаешь, дело в том, что они не пользуются своим *истинным* языком, когда общаются с нами... это производная форма.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Ричард.

— Я объяснила все это маме в Изумрудном городе. Наверное, она еще не успела тебе передать... — проглотив пищу, Элли продолжила. — *Истинный* язык октопауков содержит 64 цветовых символа, но одиннадцать из них не доступны нам: восемь лежат в инфракрасной области спектра, а три — в ультрафиолетовой. Так что мы можем различать лишь 53 символа. Поначалу это представляло настоящую проблему... К счастью, пять из этих одиннадцати символов относятся к числу детерминативов. Словом, для нашего удобства они разработали новый диалект собственного языка, использующий лишь те цвета, которые мы можем различать... Арчи говорит, что этому диалекту уже учат в некоторых школах...

— Удивительно. Ты хочешь сказать, что они *подправили* свой язык, чтобы он соответствовал нашим физическим возможностям?

— Не совсем, папа. Между собой они по-прежнему переговариваются на своем истинном языке. Вот почему я не всегда понимаю их... Однако, когда они придумали этот диалект и усовершенствовали его, общаться с ними стало куда проще.

Ричард покончил с едой и уже собирался задать Элли новый вопрос относительно языка октопауков, когда услышал зов Николь.

— Ричард, — окликнула она его, стоя метрах в пятидесяти. — Погляди туда — в воздух над лесом.

Ричард повернул голову, затенив ладонью глаза. Вдали он заметил двух птиц, приближающихся к нему, и почему-то узнал их, только услышав знакомый крик. Подпрыгнув на месте, он бросился в сторону птиц. Тамми и Тимми, теперь уже взрослые, опустились с неба и приземлились возле него. Ричард блаженствовал, его бывшие подопечные трещали без умолку и все подставляли ему под руку бархатистые животики.

Птицы великолепно себя чувствовали. В их огромных выразительных глазах не было даже тени печали. Когда Ричард и птицы нарадовались встрече, Тимми шагнул в сторону, очень громко вскрикнул и поднялся в воздух, а через несколько минут вернулся со спутницей, самкой с оранжевым бархатистым телом. Ричард еще не видал таких. Пусть и не сразу, но все-таки он догадался, что Тимми представляет его супруге.

Встреча с птицами продлилась минут десять или пятнадцать. Объяснив, что здешняя система озер поставляет октопаукам почти половину всего запаса пресной воды, Арчи настоял на том, чтобы путешественники продолжили дорогу. Все три птицы улетели только тогда, когда Ричард и Николь уселись в чашу на спине своего страусозавра. Тамми опустилась к ним, разразившись прощальным бормотанием, явно смутившим создание, на котором ехали люди. Наконец, она последовала за братом и его подругой в направлении леса.

Когда ездовые животные повернули на север в сторону леса, Ричард странно притих.

— Неужели они и в самом деле так много значат для тебя? — спросила Николь.

— А как ты думаешь, — ответил ее муж. — Мы столько побыли вместе. Тимми и Тамми во всем зависели от меня... Я спас их, совершив, должно быть, единственный неэгоистичный поступок во всей своей жизни. Он открыл мне еще неизведанные пределы счастья и тревоги.

Николь взяла Ричарда за руку.

— Свою эмоциональную одиссею ты всегда совершал внутри себя самого, — негромко проговорила она. — И все ее отрезки столь же удалены друг от друга, как и твои физические странствия.

Ричард поцеловал ее.

— Во мне еще осталось несколько демонов, которых ты не успела изгнать. Вот проживем этак лет десять, и с твоей помощью из меня еще получится приличный человек.

— Не скромничай, дорогой.

— Конечно, если речь идет о *мозгах*, то мне их не занимать, — ухмыльнулся Ричард, изменяя тон разговора. — Знаешь, о чем я сейчас думаю? Меня волнует, откуда явилась эта птица с оранжевым брюшком.

Николь казалась озадаченной.

— Из второго поселения, — ответила она. — Ты же сам говорил, что до вторжения войск Накамуры там обитало почти с тысячу птиц... Должно быть, октопауки спасли кое-кого из них.

— Но я прожил там не один месяц, — возразил Ричард. — И никогда не видел птиц с оранжевым брюшком. Там таких не было. Я бы запомнил.

— Что ты хочешь сказать?

— Ничего. Возможно, твое объяснение полностью соответствует истине. Но я начинаю подозревать, что наши приятели октопауки кое-что скрывают от нас.

К большому йглу возле края обрыва, выходящего на Цилиндрическое море, они добрались через несколько часов. Крошечная светящаяся хижина вблизи него бесследно исчезла. Арчи и четверо людей спустились на землю. Отвязав шестиугольную картину, октопаук и Ричард прислонили ее к стене йглу. Потом Арчи отвел страусозавров в сторону и дал им наставления относительно обратного пути.

— А не могли бы они чуть задержаться? — спросила Николь. — Дети были бы в восторге.

— Увы, нет, — решил Арчи. — Их у нас немного и все в ходу.

Эпониная, Элли, Ричард и Николь устали после долгой дороги, но перспектива предстоящей встречи всех взволновала. Прежде чем спуститься вниз, Эпониная и Элли успели повертеться перед зеркалом и прихорошиться.

— Только прошу всех вас, — промолвила Эпониная, — не рассказывать никому о том, что я выздоровела, пока мы с Максом не переговорим. Я хочу сделать ему сюрприз.

— Надеюсь, Никки не забыла меня, — тревожилась Элли, пока они спускались по первой лестнице к коридору перед площадкой. Они вдруг обеспокоились, опасаясь разбудить спящих, однако Ричард прикинул на компьютере, что в радужном доме сейчас около полудня.

Они вышли на площадку и поглядели на кольцевой пол внизу. Близнецы Кеплер и Галилей играли в салки, маленькая Никки наблюдала за ними и хохотала. Наи и Макс разгружали вагончик, явно только что прибывший на станцию. Эпониная не смогла сдержаться.

— Макс! — крикнула она, — Макс!

Тот, будто сраженный пулей, выронил свою ношу и повернул голову вверх. Заметив махавшую ему Эпониному, Макс, словно чистокровный жеребец, рванулся к цилиндрической лестнице. И уже через две минуты, выскочив на площадку, пылко обнял Эпониному.

— Ах, мамзелька моя, — проговорил он, отрывая ее от земли на полметра, — как мне тебя не хватало!

8

Арчи умел проделывать с цветными мячами все, что угодно. Октопаук мог поймать сразу два мяча и отбросить их в разные стороны. Арчи даже умел жонглировать шестью разноцветными мячами одновременно. Он использовал для этого четыре щупальца, поскольку, чтобы поддержать равновесие, ему было достаточно остальных четырех. Детям нравилось, когда он качал их всех вместе. Арчи как будто никогда не наскучивало возиться с детьми. Поначалу они, конечно, опасались инопланетного гостя. Крохотная Никки, невзирая на постоянные заверения Элли, держалась особенно осторожно: девочка не забыла еще весь ужас, пережитый при похищении матери. Бенджи пер-

вым принял Арчи в товарищи по играм. У близнецов Ватанабэ еще не хватало координации для сложных игр, поэтому Бенджи с восторгом обнаружил, что Арчи охотно присоединяется к нему в активных играх в догонялки или перекидывается мячом.

Макса и Роберта присутствие Арчи смущало. Через час после возвращения путешественников вместе с октопауком Макс пришел в спальню к Ричарду и Николь.

— Эпониная сказала мне, — проговорил Макс сердитым тоном, — что проклятый октопаук намеревается *жить* с нами. Неужели у тебя вовсе не осталось ума?

— Макс, дело в том, что Арчи — посол, — промолвила Николь. — Октопауки желают установить с нами нормальные взаимоотношения.

— Но ведь эти самые октопауки похитили твою дочь и мою подружку и насильно продержали их у себя больше месяца... И теперь ты говоришь, что мы должны *забыть* об этом?

— У них были веские причины для похищений, — ответила Николь, коротко переглянувшись с Ричардом. — С обеими женщинами обращались очень хорошо... А ты еще не говорил с Эпониной?

— Эпониная только хвалит пауков. Словно бы ей там мозги промыли... Я-то думал, что у вас двоих больше здравого смысла.

Но и после того, как Эпониная проинформировала Макса о том, что октопауки излечили ее от RV-41, он оставался настроен скептически.

— Если это верно, — заявил он, — то более прекрасной новости я не узнавал с того самого

дня, когда роботы вернулись на ферму и сообщили, что Николь благополучно достигла Нью-Йорка. Но чтобы эти восьминогие чудища решили за так облагодетельствовать нас... Я хочу, чтобы доктор Тернер обследовал тебя повнимательнее. Вот если он скажет, что ты здорова, тогда я во все поверю.

Роберт Тернер с самого начала держался с октопауком неприязненно. Никакие уговоры Николь или даже Элли не могли нейтрализовать и смягчить его раздражение из-за похищения жены. Тяжелый удар получила и его профессиональная гордость, поскольку октопауки вылечили Эпонию, можно сказать, без труда.

— Элли, ты вечно хочешь всего сразу, — проговорил Роберт, когда они остались вдвоем. — Теперь, ты решила хвалить этих инопланетян, которые украли тебя у нас с Никки, и еще ожидаешь, что мы кинемся обнимать их. Это нечестно. Сперва я должен все понять... разобраться в том, что узнал от тебя... Неужели не ясно, что это дурацкое похищение нанесло мне и Никки тяжелый удар? Те самые существа, которых ты считаешь друзьями, оставили на нашей психике глубокие эмоциональные шрамы... Я не могу переменить свое мнение о них за пару дней.

Взволновало Роберта и сообщение Элли о генетических изменениях, произведенных октопауками в сперме Ричарда, хотя теперь становилось понятно, почему геном его жены не попал в рамки классификации, предложенной Эдом Стаффордом, коллегой доктора по Новому Эдему.

— И как ты можешь оставаться такой спокойной, узнав, что являешься мутантом? — корил он

Элли. — Разве ты не понимаешь, что это означает? Когда октопауки изменили строение ДНК, чтобы сделать более острым твоё зрение и наделить способностями к их языку, они воздействовали на генетический код, миллионы лет эволюционировавший в естественных условиях. Кто знает, какие хвори, даже дефекты наследственности могут проявиться в тебе самой или в твоих потомках? Что, если октопауки, помимо своей воли, обрекли на страдания всех наших внуков?

Элли не могла умиротворить мужа. Когда Николь с Робертом приступили к исследованиям, чтобы проверить, действительно ли выздоровела Эпонины, оказалось, что Роберт начинает щетиниться, услышав любое благоприятное мнение об Арчи или об октопауках вообще.

— Не торопи его, — через неделю после возвращения посоветовала Николь дочери. — Он все еще полагает, что октопауки дважды покусились на его права: похитив тебя и повлияв на наследственность дочери.

— Мама, здесь все не так просто... Мне кажется, что Роберт ощущает какую-то странную *ревность*. Он считает, что я провожу слишком много времени с Арчи... Как будто бы не понимает, что Арчи здесь не с кем общаться, кроме меня.

— Как я сказала, будь терпеливой. Когда-нибудь Роберт смирится.

Но наедине с собой Николь сомневалась в этом. Роберт решил отыскать RV-41 в организме Эпонины, и когда все исследования на относительно примитивном переносном оборудовании не позволили обнаружить патогенную микрофлору в ее организме,

он продолжал требовать все новых и новых анализов. Николь как профессионал не видела в них необходимости. Впрочем, нельзя было исключить, что вирус обманывал врачей и все-таки находился где-нибудь в дальнем уголке тела Эпонины. Но сама Николь считала, что Эпонина безусловно исцелилась.

Оба доктора поссорились на следующий день после того, как Элли призналась матери, что Роберт ревнует ее к Арчи. Николь предположила, что следует закончить исследования и объявить Эпонину здоровой. Она была потрясена, услышав от зятя, что тот намеревается вскрыть грудную клетку Эпонины и взять образец ткани сердечной мышцы.

— Но, Роберт, — возразила Николь, — приходилось ли тебе наблюдать случаи, когда все анализы давали отрицательный результат, а патогенный вирус все еще пребывал в области сердца?

— Только когда приближалась смерть и сердце гнило. Но это не значит, что аналогичная ситуация не может существовать на ранней стадии развития заболевания.

Николь была ошеломлена. Она не стала спорить с Робертом, поскольку видела, что он уже решил и составляет план действий. *Но вскрывать грудную клетку — дело рискованное, даже если подобную операцию делают столь искусные руки*, подумала она. *В наших условиях любая случайность может привести к смерти. Пожалуйста, Роберт, опомнись. Иначе я буду защищать от тебя Эпонину.*

Макс пришел переговорить с Николь с глазу на глаз, как только узнал, что Роберт рекомендует провести операцию.

— Эпониная боится, — признался Макс, — и я тоже... Она вернулась из Изумрудного города такой радостной... я никогда не видел на ее лице подобного счастья. Роберт сперва обещал мне, что на исследования уйдет пара дней... но анализы заняли почти две недели, а теперь он утверждает, что хочет взять пробу ткани сердечной мышцы.

— Знаю, — мрачно ответила Николь. — Он вчера сказал мне, что намеревается провести вскрытие.

— Попрошу тебя, помоги. Я уже ничего не понимаю. Вы с Робертом несколько раз исследовали ее кровь, брали образцы тех тканей тела, в которых иногда обнаруживается небольшое количество вируса, и все анализы дали полностью отрицательный результат?

— Совершенно верно, — подтвердила Николь.

— Теперь скажи мне: прежде, когда Эпониная уже заболела, в крови ее всегда наблюдался этот вирус?

— Всегда.

— Тогда зачем нужна Роберту операция? Просто потому, что он не желает поверить в ее выздоровление? Или проявляет чрезмерную осторожность?

— Я не могу отвечать за него, — проговорила Николь.

Она пытливо поглядела на своего друга, зная, каким будет его следующий вопрос и как она ответит на него. *В жизни любого человека существуют трудные решения, и всем в свой черед приходится принимать их*, подумала она. *В молодости я всегда сознательно пыталась избежать*

таких ситуаций... Однако теперь я понимаю, что, уклоняясь от них, заставляю других решать за меня. А они всегда могут ошибиться.

— А если бы командовала ты сама, Николь, — спросил Макс, — ты бы предложила Эпонине операцию?

— Нет, я бы не стала этого делать, — осторожно ответила Николь. — По-моему, можно не сомневаться в том, что октопауки действительно вывели Эпонину, а операция слишком рискована.

Улыбнувшись, Макс поцеловал свою приятельницу в лоб и поблагодарил.

Роберт был разъярен. Он напомнил всем, что потратил более четырех лет своей жизни на изучение этой болезни, на поиск лекарств от нее и, безусловно, знает о RV-41 больше, чем все они вместе взятые. Как тогда можно доверять инопланетным врачам, а не его хирургическому таланту? И как может иметь собственное мнение его теща, которая знает о RV-41 лишь то, чему он сам обучил ее? Его не сумела утихомирить даже Элли, которой он теперь избегал, закатив ей до этого несколько неприятных скандалов.

Роберт на два дня засел в своей комнате, он даже не отвечал Никки, желавшей ему спокойной ночи, прежде чем отправиться спать — днем или ночью. Семья и друзья были глубоко озабочены состоянием Роберта, но не могли придумать, чем облегчить его муки. Возникли даже сомнения в психической устойчивости Роберта. Все согласились, что после бегства из Нового Эдема он чувствовал себя «не на месте», а после похищения

Элли его поведение и вовсе стало хаотичным и непредсказуемым.

Элли призналась матери, что после ее возвращения Роберт вел себя весьма странно.

— Он даже ни разу не заинтересовался мной как женщиной, — с горечью в голосе сказала она. — Словно пережитое запятнало меня... Он все время говорит странные вещи; утверждает, что я *хотела*, чтобы меня похитили!

— Мне жаль его, — ответила Николь. — Та техасская история тяжелым грузом висит на его психике, и эта ноша оказалась для него непосильной...

— Но что мы можем сделать для него теперь? — перебила ее Элли.

— Не знаю, дорогая. Просто не знаю.

Элли попыталась скрасить трудное время, помогая Бенджи изучать язык октопауков. Ее единокровный брат был абсолютно заморожен всем, что касалось инопланетян, и в том числе шестиугольной картиной, которую доставили из Изумрудного города. Бенджи по несколько раз в день принимался разглядывать картину и никогда не упускал возможности спросить что-нибудь об удивительных существах, изображенных на картине. И Арчи с помощью Элли всегда терпеливо отвечал на любые вопросы Бенджи.

Когда Бенджи начал регулярно играть с Арчи, у него появилось желание распознавать какие-нибудь фразы из словаря октопауков. Бенджи знал, что Арчи умеет читать по губам, и хотел доказать октопауку, что даже он, человек медлительный, — обладая должной мотивацией, способен уразуметь

язык октопауков хотя бы в той мере, которая необходима для простейшего разговора.

Элли и Арчи начали учить Бенджи основам. Он без особого труда заучил цвета, означающие «да», «нет», «пожалуйста» и «спасибо». Числа тоже дались ему легко, поскольку октопауки пользовались двоичной системой и обходились комбинацией двух основных цветов: кроваво-красного и малахитово-зеленого; числа помечались детерминативом оттенка сомон*. Труднее всего Бенджи далось понимание того, что отдельные цвета сами по себе не обладали каким-либо смыслом, например полоса цвета жженой сиены обозначала глагол «понимать», если за ней следовала розовато-лиловая, а затем поясняющий знак; но если за той же комбинацией следовала алая полоса, речь шла о «цветущем растении».

Отдельные цвета не представляли собой знаков алфавита в строгом смысле этого слова. Иногда слово определялось шириной полос. Сочетание жженой сиены и розовато-лилового цвета означало «понимать», только если обе полосы были примерно равной ширины. Если за узкой полоской жженой сиены следовала в два раза более широкая розовато-лиловая, это означало «емкость».

Бенджи пытался одолеть язык, усваивая его с необыкновенным рвением. Его желание учиться так согревало сердце Элли во время всех тревог. Она еще не знала, чем закончится кризис у Роберта.

---

* Оранжево-розовый цвет (от франц. saumon — лосось).

Когда начинался третий день уединения Роберта в своей комнате, как и следовало ожидать, в приемную щель медленно вполз вагончик с полу-недельным запасом еды и питья. На сей раз с грузом прибыли два октопаука. Они оставили вагончик и долго разговаривали с Арчи. Семья собралась вместе, ожидая новостей.

— Войска людей вновь высадились в Нью-Йорке, — сообщил Арчи. — Они разрушают самодельный люк, которым мы перекрыли ход в наше подземелье, и наверняка скоро обнаружат тоннели.

— Итак, что же нам теперь делать? — спросила Николь.

— Мы бы хотели, чтобы вы перебрались к нам, в Изумрудный город, — ответил Арчи. — Мои коллеги предвидели подобную ситуацию и уже закончили проект отдельной секции в городе, предназначенной специально для вас. Она будет готова через несколько дней.

— А если мы не захотим отправляться туда? — поинтересовался Макс.

Арчи посоветовался с другими октопауками.

— Можете оставаться здесь и ожидать прихода людей. Мы обеспечим вас пищей, но начнем разбирать подземку, как только эвакуируем всех наших работников из северной части Цилиндрического моря.

Арчи продолжал говорить, но Элли перестала переводить. Она попросила октопаука повторить несколько следующих предложений и только потом повернулась, слегка побледнев, к своим друзьям и семье.

— К несчастью, — переводила она, — мы,

октопауки, вынуждены заботиться о себе. И поэтому тот из вас, кто откажется отправиться с нами, подвергнется блокаде кратковременной памяти и забудет все события последних недель.

Макс присвистнул.

— Вот вам и дружба с общением. Когда нужно, всякий готов применить силу.

Он подошел к Эпонине и взял ее за руку. Та вопросительно глянула на него, когда Макс повел ее за собой к Николь.

— Я хочу, чтобы ты немедленно зарегистрировала наш брак.

Николь была польщена.

— Прямо сейчас? — спросила она.

— Прямо на этой проклятой минуте, — ответил Макс. — Я люблю женщину, что стоит возле меня, и прежде чем весь ад вырвется на свободу, хочу закатить в этом и́глу истинную оргию, а не какой-то ваш хилый медовый месяц.

— Но я не имею права... — возразила Николь.

— Никого лучше тебя мы все равно не найдем, — перебил ее Макс. — Ну, действуй, хотя бы в первом приближении. — Онемевшая невеста сияла от счастья.

— Согласен ли ты, Макс Паккетт, взять сегодня в жены эту женщину, Эпони́ну? — неуверенно проговорила Николь.

— *Согласен* — только не сегодня, а давным-давно.

— А ты, Эпонина, согласна ли взять этого мужчину, Макса Паккетта, себе в мужа?

— Да, Николь, с удовольствием.

Макс привлек к себе Эпони́ну и поцеловал ее.

— Что касается вас, *Ар-чи-бальд*, — произнес он, когда они с Эпониной направились к лестнице, — говорю честно: мы с мамзелькой собираемся к вам, в этот Изумрудный город, о котором она столько наговорила. Но сперва задержимся здесь на двадцать четыре часа, а может и больше, если у Эпонины хватит сил, и мы не хотим, чтобы нас тревожили.

Макс и Эпониная торопливо направились к цилиндрической лестнице и исчезли. Элли почти закончила пояснять Арчи, как обстоят дела у Макса и Эпонины, когда повобрачные появились на площадке и помахали оставшимся внизу. Все расхохотались, когда, прервав прощание, Макс повлек Эпонику за собой в коридор.

Элли сидела у стены, в комнате было темно. *Итак, сейчас или никогда. Попробую еще раз.*

Она припомнила ссору, закончившуюся несколько часов назад.

— Конечно, ты хочешь туда — к своему дружку-пауку, — горевал Роберт. — И рассчитываешь взять с собой Никки.

— Все намереваются принять предложение, — отвечала Элли, даже не пытаясь сдержать слезы. — Прошу тебя, Роберт, пойдем. Они очень добрые и нравственные существа.

— Октопауки промыли мозги всем вам. Каким-то образом эти уроды заставили тебя поверить тому, что они даже лучше твоей собственной родни. — Роберт посмотрел на Элли с пренебрежением. — Твоей же собственной родни, — по-

вторил он. — Какова шутка! По-моему, ты уже настолько же октопаук, насколько и человек.

— Это не так, дорогой, — возразила Элли. — Я же говорила тебе несколько раз: они внесли минимальные изменения... Я человек, как и ты...

— Почему, почему, *почему?* — вдруг завопил Роберт. — Почему я позволил тебе уговорить меня покинуть Новый Эдем? Мне надо было оставаться там, где вокруг меня были люди... и вещи, которые я понимал...

Роберт был непреклонен, невзирая на все ее мольбы. Он не собирался идти в Изумрудный город. И даже странным образом радовался тому, что его кратковременная память будет стерта октопауками.

— Быть может, — хохотнув, проговорил он, — я забуду все, что узнал после твоего возвращения. Я не буду помнить, что моя жена и дочь — мутанты, а мои ближайшие друзья не считаются со мной, как с профессионалом... Да, — продолжил он, — тогда я сумею наконец забыть кошмар этих последних нескольких дней и буду помнить только то, что тебя отняли у меня — как и мою первую жену, — хотя я все еще отчаянно люблю тебя.

Роберт в гневе метался по комнате. Элли попыталась утихомирить и утешить его.

— Нет, нет и *нет!* — закричал он, отталкивая ее руки. — Поздно. Мне слишком больно. Я не могу больше терпеть эту муку.

Вечер только начинался, и Элли обратилась за советом к матери. Николь не смогла успокоить Элли. Она только посоветовала не сдаваться, но и

предостерегла дочь: ничто в поведении Ричарда не говорило, что он может изменить свое решение.

По предложению Николь Элли сходила к Арчи и спросила его мнение. Ее заинтересовало, сумеет ли Арчи или кто-то из октопауков доставить Роберта назад в подземелье, где его обнаружат другие люди, если он не захочет идти с ними. Арчи без особой охоты согласился.

Я люблю тебя, Роберт, сказала Элли самой себе, вставая. *И Никки тоже. И мы хотим, чтобы ты — муж и отец — был с нами.* Глубоко вздохнув, Элли вошла в спальню.

Даже у Ричарда на глазах выступили слезы, когда что-то бормочущий Роберт, в последний раз обняв жену и дочь, нерешительно направился следом за Арчи к вагону, находившемуся в тридцати метрах от него. Никки тихо плакала — девочка не могла понять полностью, что происходит. Она была слишком мала для этого.

Роберт повернулся и, помахав рукой, вошел в вагон. Через несколько секунд тот исчез в тоннеле. Менее чем через минуту общую печаль нарушили радостные вопли, доносившиеся с площадки.

— Эй, там внизу, — прокричал Макс. — Приглашаю на вечеринку.

Николь поглядела под купол. На этом расстоянии в тусклом свете она могла увидеть радостные улыбки новобрачных. *Ну что же,* подумала она, все еще переживая потерю, выпавшую на долю дочери. *Радость и печаль, печаль и радость. Они неразлучны — и на Земле, и на звездных мирах... во все времена.*

Изумрудный город

1

Небольшая повозка без водителя остановилась на округлой площади, от которой в пяти направлениях разбегались улицы. Из нее вышли темнокожая женщина с седыми волосами и октопаук. Когда они направились в одну из улиц, повозка тронулась с места — и огни в ней погасли.

Путь Николь и Синему Доктору освещал одинокий гигантский светляк. Свой разговор они вели в темноте. Николь старалась четко выговаривать каждое слово, чтобы инопланетный друг мог без труда понять смысл сказанного по ее губам. Синий Доктор отвечал широкими цветовыми полосами, ограничиваясь простыми доступными предложениями.

Когда они добрались до первого из четырех молочно-белых одноэтажных сооружений в конце тупика, октопаук приподнял одно из щупалец с мостовой и пожал руку Николь.

— Спокойной ночи, — ответила она. На ее бледном лице появилась улыбка. — Ну, и денек выдался... спасибо за все.

После того как Синий Доктор вошел в дом, Николь направилась к декоративному фонтану посреди улицы. Она припала к одной из четырех струй, разделявшихся на уровне ее груди. С лица Николь капли упали в чашу фонтана, и даже в сумраке Николь заметила, как закишела, заметалась там какая-то живность. *Чистильщики здесь повсюду*, подумала она, *в особенности когда мы*

рядом. Вода, омывшая мое лицо, очистится за доли секунды.

Она повернулась и направилась к одному из самых больших сооружений в тупике. Когда Николь переступила порог своего дома, оставшийся снаружи светляк, быстро опустившись к земле, полетел вдоль улицы к площади. Николь чуть прикоснулась к стене, и через несколько секунд светляк поменьше, едва мерцавший, появился перед ней в холле. Забежав в одну из двух туалетных комнат, она затем остановилась в дверях комнаты Бенджи. Тот громко храпел. Николь почти минуту глядела на спящего сына, а потом отправилась дальше по коридору к большой спальне, которую разделяла с мужем.

Ричард тоже спал и не отреагировал на тихое приветствие Николь. Сняв туфли, она вышла из спальни. Оказавшись в кабинете, она дважды прикоснулась к стене, и свет стал ярче. Кабинет был завален электронным оборудованием: октопауки уже несколько месяцев активно помогали Ричарду. Усмехнувшись, Николь пробралась через всю эту мешанину к своему столу. *Вечно у него какие-то идеи*, подумала она. *Но автоматический переводчик будет нам весьма полезен.*

Опустившись в кресло, Николь открыла средний ящик и извлекла переносный компьютер. Октопауки, наконец, сумели подобрать для него подходящий блок питания. Вызвав из памяти свой дневник, Николь начала набирать слова на клавиатуре, время от времени поглядывая на небольшой монитор, чтобы прочитать текст.

День 221-й

Я вернулась домой очень поздно. Как и следовало ожидать, все уже спали. Мне хотелось раздеться, юркнуть в постель под бок к Ричарду, но этот день оказался настолько необычайным, что я не могу не записать своих чувств и ощущений, пока они не поблекли в моей памяти.

Мы — весь наш человеческий клан — позавтракали, как всегда, через час после рассвета. Наи рассказала о том, чем будут заниматься дети в школе с утра до дневного сна; Эпониная известила всех, что изжога и утренняя тошнота как будто бы ослабели; Ричард пожаловался на «биологических магов» — наших хозяев-октопауков. По его мнению, электронику они знали более чем посредственно. Я старалась участвовать в разговоре, но волнение по поводу ждущей меня встречи с врачами октопауков все еще не покидало меня.

Словом, сердце мое ушло в пятки, когда после завтрака я очутилась в конференц-зале, устроенном в пирамиде. Синий Доктор и его коллеги-медики не теряли времени даром, и октопауки немедленно приступили к обсуждению результатов обследования Бенджи. Медицинский жаргон сложно понять даже в своем родном языке... временами я едва разбирала их цветовые фразы. Мне частенько приходилось просить повторения.

Впрочем, ответ стал ясен довольно скоро. Да, сравнения вполне определенно показали октопаукам, где именно геном Бенджи отличается от нормального. Да, соглашались они, именно эта

конкретная цепочка генов в четырнадцатой хромосоме, бесспорно, является источником синдрома Уиттингэма, но, увы... они приносили извинения, поскольку не видели способа его вылечить — даже с помощью чего-то вроде генной трансплантации. Октопауки утверждали, что дело чересчур сложное, задействовано слишком много аминокислотных цепочек; они полагали, что недостаточно хорошо знают человеческий организм, а в случае неудачи вполне вероятен трагический исход.

Когда я поняла все, то разрыдалась. Неужели я ожидала другого? Неужели я думала, что чудесные медики, сумевшие вылечить Эпонику от проклятого вируса RV-41, смогут исцелить дефективного от рождения Бенджи? Отчаявшись, я действительно надеялась на чудо, хотя и знала разницу между инфекционным заболеванием и наследственным дефектом.

Синий Доктор изо всех сил пытался утешить меня. Я выплакалась среди октопауков, понимая, что дома мне потребуются все силы.

Наи и Эпонике сразу все стало ясно, едва они взглянули на меня. Наи обожает Бенджи и всегда хвалит его за стремление к знаниям, невзирая на все трудности. Бенджи *удивительный*, многие часы он проводит в своей комнате, усердно делая уроки... по целым дням заучивает дроби, которые одаренный девятилетний мальчишка запомнит за полчаса. Как раз на прошлой неделе, сияя от гордости, Бенджи сообщил мне, что может найти наименьший общий знаменатель и сложить дроби $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$ и $\frac{1}{6}$.

Учит его в основном Наи. Эпоника у Бенджи

в подружках. В общем ей этим утром было, наверное, хуже всех. Она-то не сомневалась, что раз уж октопауки легко исцелили ее, проблему Бенджи они решат столь же непринужденно. Увы, в его случае маги-врачи оказались бессильны. Эпониная так долго и горько плакала, что я даже забеспокоилась за ее ребенка. Погладив себя по животу, она велела мне не волноваться, обвинив во всем собственное состояние.

Мужчины заметно расстроились, но внешне не выразили никаких эмоций. Патрик, не промолвив ни слова, оставил комнату, Макс скрыл разочарование за привычной цветистой тирадой из коротких, в несколько букв, словечек. Ричард просто скривился и покачал головой.

Начиная анализы, мы решили ничего не говорить Бенджи о намерениях октопауков. Зачем его волновать? Быть может, он сам сообразил, что происходит? Не исключено. Но этим утром, сказав Бенджи, что октопауки считают его здоровым, я не заметила в глазах Бенджи истинного понимания. Я обняла его покрепче, уняла слезы, грозившие вновь испортить «фасад», и отправилась в свою комнату, где позволила себе всласть оплакать несчастье сына.

Не сомневаюсь, что Ричард и Синий Доктор устроили это совместно: остаток дня я была занята делами. Не успела я провести в комнате и двадцати минут, как в дверь негромко постучали. Ричард объявил, что в гостиной находится Синий Доктор с коллегами-медиками... еще двое ученых ожидают меня в конференц-зале. Неужели я забыла, что на

сегодняшний день мне была назначена подробная лекция о пищеварительной системе октопауков?

Встреча с октопауками оказалась настолько занимательной, что я действительно даже забыла о том, что моего сына не вылечит никакая медицинская магия. Коллеги Синего Доктора принесли сложные анатомические рисунки внутренностей октопауков, объяснили назначение основных органов пищеварительной системы. Рисунки были нанесены на какой-то пергамент или тонкий лист. Разложив их на большом столе, октопауки с помощью цветowych полос принялись показывать мне, что происходит с пищей внутри их тел.

Самой необычайной особенностью пищеварительного процесса октопауков является наличие двух больших накопителей, или буферов, в обоих концах системы. Все съеденное поступает в приемный буфер, где пища может пробыть около тридцати дней. В зависимости от активности организм паука сам определяет скорость, с которой пища забирается из буфера, подвергается химическому разложению и отдает энергию клеткам.

На другом конце расположен буфер для испражнений, куда поступают остатки, которые не могут быть преобразованы в полезную энергию. Как я узнала, каждый здоровый октопаук в этой части своего тела содержит животное, называемое «мусорщиком» (я не смогла дать лучший эквивалент цветам, обозначающим эти крошечные, похожие на многоножку создания). Описывая жизненный цикл этих существ, врачи показали мне парочку. Обитая в буфере для испражнений, это животное вырастает из ма-

леньких яиц, отложенных его родителями в теле октопаука. Мусорщик практически всеяден. За месяц в человеческих временных единицах он потребляет 99% испражнений, попадающих в буфер. Достигая зрелости, мусорщик откладывает пару новых яиц — проклонется лишь одно из них — и оставляет тело своего хозяина-октопаука.

Приемный буфер размещен прямо за ртом. Октопауки едят очень редко и всегда полностью набивают емкость, когда дело доходит до еды. Мы долго разговаривали об их пищевых привычках. Синий Доктор сообщил мне два весьма неожиданных факта: во-первых, если приемный буфер оказывается совершенно пустым, менее чем через минуту наступает *немедленная* смерть; во-вторых, октопауков-младенцев *учат* следить за запасом еды. Представьте себе! Они не ощущают голода! Заметив удивление на моем лице, Синий Доктор расхохотался (смех у них выражается последовательностью смешанных цветовых импульсов) и поспешно заверил меня, что внезапная гибель от голода не является основной причиной смертности среди октопауков.

После трехчасового сна (я до сих пор не могу осилить весь долгий день октопауков, не вздремнув; из всей нашей группы лишь один Ричард способен спать, как они) Синий Доктор информировал меня о том, что, раз уж я проявила интерес к пищеварительному процессу, октопауки решили познакомить меня еще с парой примечательных особенностей своей биологии.

Вместе с тремя октопауками я уселась в повозку и меня повезли из нашей зоны через двое ворот,

а потом через весь Изумрудный город. Наверное, эта поездка за город также предназначалась, чтобы смягчить мое разочарование участием Бенджи. В пути Синий Доктор напомнил мне (следить за его словами было трудно, поскольку, едва мы выехали, на улице появились самые разные существа... представители тех видов, с которыми я так неудачно познакомилась во время первого посещения Изумрудного города), что октопауки неодинаковы и их вид, заселивший наш космический корабль, имеет шесть различных взрослых форм с варьируемыми размерами.

Но заранее подготовиться к тому, что предстало передо мной через двадцать минут, я никак не могла. Мы вышли из машины возле большого склада. У каждого конца лишённого окон здания восседали по два гигантских октопаука с туловищами не менее семи метров в диаметре, тела их высились целыми горками, длинные щупальца оказались синевато-серыми вместо обычных черно-золотых. Синий Доктор сообщил мне, что данная форма выполняет одну и только одну функцию: эти создания служат хранилищем пищи для всей колонии.

— Каждый из «наполненных» (если я правильно истолковала это слово Синего Доктора) может хранить пищу для нескольких сотен взрослых октопауков, — сказал доктор. — Приемные буферы наших тел вмещают запас пищи на тридцать дней, максимум на сорок пять при пониженных затратах энергии. Ты можешь представить, сколько пищи уместится в дюжине этих существ.

На моих глазах пятеро октопауков приблизи-

лись к одному из своих чудовищных братьев и что-то проговорили цветовыми полосами. Через мгновение создание наклонилось вперед, пригнуло голову к земле и извергло какую-то кашу из огромного рта под молочной линзой. Пять обычных октопауков обступили горку каши и принялись подносить ее ко рту щупальцами.

— Так мы поступаем каждый день с каждым наполненным, — проговорил Синий Доктор. — Их нужно постоянно тренировать, они не очень умны. Ты заметила, что ни один из них не изъясняется цветовыми символами. Они не понимают чужих языков, а способность их к передвижению весьма ограничена. Их геном был спроектирован, чтобы они эффективно хранили еду долгое время и извергали ее по требованию члена колонии.

Я все еще думала об этих чудовищных существах, когда наш транспорт прибыл, как мне объяснили, к школе октопауков. Сперва мне показалось, что огромное помещение пусто. Один из врачей сказал, что в колонии давно не было возобновления — быть может, я не точно поняла цвета, но так и не уразумела, что он имел в виду.

Мы вошли в ничем не украшенное сооружение. Внутри двое взрослых октопауков и около двадцати молодых, примерно в половину меньших, судя по всему, что-то заучивали. Я не могла, конечно, проследить за разговором между молодыми и их учителями. Октопауки пользовались своим полным алфавитом, включающим и ультрафиолетовые, и инфракрасные символы; к тому же речь

молодых не текла ровными аккуратными полосами, которые я привыкла читать.

Синий Доктор объяснил, что мы видим «класс измерений». Здесь молодежь учат следить за собственным здоровьем, в том числе определять величину запаса пищи, содержащегося в приемном буфере. Когда Синий Доктор пояснил мне, что измерения входят в программу начального обучения молодежи, я спросила о причинах неправильности цветовой речи детей. Синий Доктор ответил, что эти октопауки очень малы и не миновали «первого цвета», а потому едва способны четко выражать мысли.

Когда мы возвратились в конференц-зал, меня принялись расспрашивать о пищеварительной системе человека. Вопросы были крайне сложными... шаг за шагом мы прошли весь цикл лимонной кислоты Кребса, обсудили основы биохимии человека, которую я едва помню (меня вновь поразило, насколько октопауки больше знают о людях, чем мы о них). Как всегда, мне ни разу не пришлось повторять ответ.

Какой день! Он начался со страдания, с печали о Бенджи. Но потом мне напомнили, сколь гибка человеческая психика: меня вывели из уныния неожиданные познания об октопауках. Я по-прежнему удивляюсь человеческому разуму — как умеем мы изменяться и приспосабливаться.

Вчера мы с Эпониной обсуждали нашу жизнь здесь, в Изумрудном городе, говорили, что необычные условия жизни вполне могут повлиять на ребенка, которого она вынашивает. Эпонина улыбнулась, качнув головой.

— А знаешь, что меня удивляет? — сказала она. — Вот мы, изолированная группа людей, живем среди инопланетян, внутри колоссального космического аппарата, летящего в неизвестном направлении... и все же наши дни полны смеха, радости, печали, разочарований — как было бы на Земле.

— С виду это похоже на вафлю, — проговорил Макс, — и при первом прикосновении язык принимает это за вафлю, но клянусь, что *вкус* вафли здесь нет ни на грош.

— Полей сиропом, — со смехом ответила Эпониная. — Ну-ка, дай мне тарелку.

Макс передал вафли через стол жене.

— Черт возьми, мамзелька, в последние дни ты съедаешь буквально все, что только попадется на глаза... если бы я не знал тебя лучше, то подумал бы, что вы с нашим малышом обзавелись теми самыми «приемными буферами», о которых нам рассказала Николь.

— Было бы удобно, — смущенно произнес Ричард. — Загрузишь пищу, и работай, пока желудок не скамандует заполнить его.

— А вкусней этой каши еще не было, — промолвил маленький Кеплер с другого конца стола. — По-моему, даже Геркулесу понравится...

— Кстати, о нем, — тихим голосом проговорил Макс, обведя взглядом весь стол. — Что делает здесь этот проклятый октопаук? Он является сюда каждое утро через два часа после рассвета и болтается повсюду. Если дети учатся у Наи, он сидит позади...

— Он играет с нами, дядя Макс, — закричал Галилей. — Геркулес такой забавный. Он делает все, что мы попросим... А вчера он позволил мне использовать его затылок как боксерскую грушу.

— Арчи сказал, — вставила Николь между двумя глотками, — что Геркулес — официальный наблюдатель. Октопауки очень любопытны и хотят знать о нас все подробности.

— Все это весьма интересно, — ответил Макс, — но у нас есть проблемы. Когда ни тебя, ни Элли, ни Ричарда нет рядом, никто из нас не понимает, что говорит Геркулес. — Ну, Наи знает несколько простейших фраз, только и всего. Вчера, например, когда все спали, этот поганый тип потащился за мной в нужник, не знаю как вам, а мне сложно заниматься этим делом, даже если Эпонины может услышать. Словом, когда инопланетянин уставился на меня, мой сфинктер абсолютно парализовало.

— А почему ты не попросил Геркулеса уйти? — расхохотался Ричард.

— Я говорил, но он только пялился на меня, и жидкость перетекала в его линзах... Он несколько раз повторил одну и ту же цветовую картинку, но я ничего не понял.

— А ты не запомнил ее? — спросила Элли. — Быть может, я сумею объяснить, что говорил Геркулес.

— Черт, конечно, я не помню. К тому же сейчас речь не о том... я же не собираюсь здесь гадить.

Близнецы Ватанабэ разразились хохотом. Эпонины хмуро поглядела на мужа. Бенджи, который за завтраком не произнес и двух слов, попросил разрешения выйти из-за стола.

— С тобой все в порядке, дорогой? — поинтересовалась Николь.

Юноша кивнул и оставил столовую, отправившись к себе в спальню.

— Он что-нибудь знает? — тихо спросила Наи.

Николь быстро качнула головой и повернулась к внучке.

— Ты уже поела, Никки?

— Да, Нонни, — девочка встала из-за стола, и буквально через мгновение к ней присоединились Кеплер и Галилей.

— По-моему, Бенджи понимает куда больше, чем мы с вами предполагаем, — проговорил Макс, как только дети вышли.

— Возможно, ты прав, — негромко ответила Николь. — Но вчера, поговорив с ним, я не обнаружила никаких свидетельств того, что... — недоговорив, Николь повернулась к Эпонине. — Кстати, как ты чувствуешь себя сегодня?

— Великолепно. Перед рассветом младенец был очень активным: брыкался почти целый час. Я чувствую, как его ножки стучат в мой живот. Я хотела, чтобы Макс пощупал, но он боялся нажать.

— А почему ты говоришь, что это он, мамзелька; ты ведь прекрасно знаешь, что я хочу девчонку и чтоб на тебя...

— Я не верю тебе ни на йоту, Макс Паккетт, — перебила его Эпонина. — Ты только *говоришь*, что хочешь девочку, чтобы не разочароваться, но радоваться будешь мальчишке, воспитаешь себе приятеля... Кстати, как ты знаешь, в английском

языке местоимением «он» пользуются и когда пол неизвестен.

— Еще один вопрос о наших октопауках-экспертах, — проговорил Макс, отпивая квазикофе. Он поглядел на Элли, а потом на Николь. — Знаете ли вы, какого пола наши друзья-октопауки, если среди них существует подобное деление? — усмехнулся он. — Сам-то я не видел на их телах ничего, что могло бы намекнуть...

Элли покачала головой.

— Не знаю, Макс. Арчи говорил мне, что Джеми — не его ребенок, во всяком случае, не в смысле родства. Синий Доктор тоже.

— Выходит, Джеми у них приемный... но что, если Арчи — мужчина, а Синий Доктор — женщина? Или наоборот? Или наши соседи — парегеев, воспитывающих приемного сына?

— А может быть, октопауки лишены того, что мы называем сексом, — промолвил Патрик.

— Тогда откуда берутся *новые* октопауки? — спросил Макс. — Уж не из воздуха ли?

— У октопауков настолько развита биология, — объявил Ричард, — что их процесс размножения может показаться нам чудом.

— Я несколько раз спрашивала Синего Доктора об их размножении, — сказала Николь. — Он говорил, что вопрос сложный — ведь октопауки полиморфны — и обещал объяснить мне потом, когда я пойму прочие аспекты их биологии.

— Ну, будь я октопауком, — ухмыльнулся Макс, — то предпочел бы роль одного из этих жирных жлобов, которых Николь видела вчера. Только подумать, какая жизнь: работать не нужно,

ешь себе и ешь... да хранишь пищу для всей своей братии... Вот это жизни! Я знал в Арканзасе сына одного свинаря — прямо ихний *наполненный*. Только пищей он ни с кем не делился... Даже со свиньями... К тридцати он тянул на три сотни кило, правда, умер почти сразу после того...

Эпониная догрызла вафлю.

— Насмехаться над излишней полнотой в присутствии беременной женщины не тактично, — с поддельным негодованием проговорила она.

— Нишкни, Эп. Ты же знаешь, к тебе это не относится. Мы здесь в зоопарке, а потому друг без друга никуда. Какая разница, на кого мы похожи, раз сравнивать не с кем.

Наи встала из-за стола.

— Мне надо еще подготовиться к сегодняшним урокам. Никки начинает гласные, она уже прошла весь алфавит.

— Какова мать, такова дочь, — проговорил Макс. Когда и Патрик покинул их и за столом остались лишь обе пары и Элли, Макс наклонился вперед с игривой улыбкой на лице. — Если мои глаза не обманывают меня, теперь молодой Патрик проводит вместе с Наи времени куда больше, чем было, когда мы появились здесь.

— По-моему, ты не ошибаешься, Макс, — ответила Элли. — Я заметила то же самое. Он говорит мне, что ему приятно помогать Наи воспитывать Бенджи и детей. В конце концов, вы с Эпониной заняты друг другом и будущим ребенком, я все свое время отдаю Никки и октопаукам, а мать и отец постоянно заняты...

— Ты не поняла меня, юная леди, — возразил

Макс, — я о том, что среди нас образуется новая парочка.

— Патрик и Наи? — спросил Ричард, словно эта идея впервые посетила его.

— Да, дорогой, — согласилась Николь. Она усмехнулась. — Ричард принадлежит к категории гениев, наделенных весьма избирательными способностями к наблюдению. Все тонкости в своих проектах он видит, даже самые крохотные. И тем не менее не замечает ничего вокруг себя. Помню, как в Новом Эдеме, когда Кэти начала носить эту короткую юбку...

Николь умолкла. Она не могла говорить о Кэти без волнения.

— Кеплер и Галилей уже заметили, что Патрик каждый день рядом с ними, — проговорила Эпониная. — Наи утверждает, что Галилей начинает ревновать.

— А как она сама относится к вниманию Патрика? — спросила Николь. — Ей приятно?

— Ты знаешь Наи, — ответила Эпониная. — Она деликатна, задумчива и всегда заботится о других. По-моему, Наи озабочена тем, как ее отношения с Патриком могут повлиять на близнецов. Все глаза обратились к гостю, появившемуся в дверях.

— Доброе утро, Геркулес, — произнес Макс, вставая с кресла. — Какой приятный сюрприз!.. Что можем мы сделать для тебя сегодня?

Октопаук вошел в столовую, и цветочные полосы побежали вокруг его головы.

— Он говорит, что пришел помочь Ричарду с его автоматическим переводчиком, — сказала Эл-

ли. — Особенно с блоками, реагирующими на сигналы за пределами видимой области спектра.

2

Николь спала... и снова плясала в африканских ритмах вокруг костра в Республике Берег Слоновой Кости. Вел танец Омэ, в том самом зеленом одеянии, что было на нем в Риме, когда он явился к ней в гостиницу за несколько дней до запуска «Ньютона». Все ее друзья из Изумрудного города и четверо ближайших знакомых среди октопауков также плясали. Кеплер и Галилей дрались, Элли и Никки держались за руки. Октопauк Геркулес был облачен в ярко-пурпурный африканский костюм. Беременная Эпонина тяжело переступала. Николь услышала свое имя, донесшееся откуда-то извне. Неужели это Кэти? Сердце ее заторопилось, Николь попыталась прислушаться.

— Николь, — проговорила Эпонина, опускаясь возле ее постели, — у меня схватки.

Николь села и постаралась выбросить сон из головы.

— Частые? — спросила она автоматически.

— Нерегулярные, — ответила Эпонина. — То два раза за пять минут, а потом полчаса ничего.

Наверное, баркстон-хиксовы, подумала Николь. Ей еще пять недель до срока.

— Ложись на кушетку, — сказала Николь, одеваясь. — Так, когда начались схватки?

Макс ожидал в гостиной, пока Николь заканчивала умываться.

— У нее роды? — спросил он.

— Скорее всего нет. — Она принялась ощупывать живот Эпонины, пытаясь определить положение ребенка. Тем временем Макс озабоченно расхаживал по комнате.

— Убить готов за сигарету, — проговорил он.

Когда у Эпонины началась очередная схватка, Николь заметила легкое давление на еще нерастянутую шейку матки. Она обеспокоилась, поскольку не понимала, где находится ребенок.

— Извини, Эп, — произнесла Николь после следующего пароксизма. — *Полагаю*, что это ложные схватки... нечто вроде тренировки, которую устраивает себе твое тело. Впрочем, я могу и ошибаться... Мне никогда не приходилось иметь дело с беременностью на этой стадии, а приборов, которые могли бы помочь...

— Но ведь женщины *иногда* рожают и до своего срока? — перебила ее Эпониная.

— Да. Но это случается нечасто. Лишь один процент первородящих матерей разрешается от бремени ранее чем за четыре недели до срока, и почти всегда вследствие каких-нибудь осложнений или из-за наследственности... Кстати, у вас в семье никто не рождался недоношенным... может быть, ты сама или кто-либо из братьев и сестер?

Эпониная покачала головой.

— Я ничего не знаю о своей семье.

Черт побери, подумала Николь. *Можно почти не сомневаться, что это схватки Бракстона-Хикса... но следовало бы убедиться наверняка...*

Николь велела Эпонине одеться и идти к себе.

— Продолжай следить за своими схватками, отмечай их. Особенно важно знать интервал между

схватками. Когда они начнут происходить регулярно — через каждые четыре минуты или меньше, без длительных промежутков, — сразу ко мне.

— У нее что-то не так? — шепнул Макс Николь, пока Эпониная одевалась.

— Сомневаюсь, но подобную возможность никогда нельзя исключать.

— А что, если попросить помощи у наших приятелей, биологических чародеев? — спросил Макс. — Пожалуйста, прости, если этим я обижаю тебя, но я просто...

— Я и сама уже подумала об этом, Макс. Утром я переговорю с Синим Доктором.

Макс занервничал задолго до того, как Синий Доктор открывал то, что Макс обозвал коробком с жуками.

— Э, нет, док, — проговорил Макс, мягко останавливая щупальца, держащие коробочку. — Сперва объясните-ка мне, что будет, а потом выпускайте своих букашек!

Эпониная лежала на софе в гостиной Паккеттов. Она была раздета, но тело ее укрывала простыня. Пока три октопаука разворачивали переносную лабораторию, Николь держала Эпониину за руку. Потом Николь подошла к Макс, чтобы перевести слова Синего Доктора.

— Он утверждает, что не знаток в этой области, но один из этих двоих октопауков объяснит подробности.

После короткого разговора между тремя октопауками Синий Доктор отошел в сторону, и перед Николь и Максом появился другой инопланетя-

нин. Синий Доктор сказал Николь, что этот октопаук, которого он называл «видеоинженером», лишь недавно начал изучать упрощенную версию языка октопауков, используемую для общения с людьми.

— Быть может, ты не все поймешь, — заметил Синий Доктор.

— Крошечные создания в коробочке, — проговорила Николь, вглядываясь в разноцветные полосы, побежавшие вокруг головы инженера, — называются... «видеоквадроидами»... надеюсь, что это приемлемый перевод... Эти живые миниатюрные камеры заползут в тело Эпонины и сделают снимки ребенка. Каждый квадроид способен зафиксировать... несколько миллионов элементов, из которых можно составить примерно 512 изображений на ниллет — единицу времени октопауков. Если необходимо, они могут получить даже движущуюся картинку.

Она помедлила и обернулась к Макс.

— Я упрощаю, но тем не менее это так. Сделать это очень сложно, но математики октопауков способны и не на такое. Под конец инженер объяснил мне, каким образом запросить разные виды картинок. Наверное, Ричарду очень понравилось бы.

— Напомни мне, сколько у них составляет ниллет, — попросил Макс.

— Около двадцати восьми секунд, — ответила Николь. — Восемь ниллетов составляет фенг, восемь фенгов равны вудену, восемь вуденов — терту, а в их сутки укладывается восемь тертов.

Ричард говорит, что они равны 32 часам, 14 минутам и 6 с небольшим секундам.

— Приятно слышать, что хоть кто-то разбирается во всей этой чуши, — негромко проговорил Макс.

Николь обратилась лицом к видеоинженеру и продолжила разговор.

— Каждый видеоквадроид, — медленно переводила она, — направляется к участку съемки, фиксирует изображение, а потом возвращается в видеопроцессор — тот серый ящик на стене, — где сбрасывает изображения, получает вознаграждение и возвращается в очередь.

— Что? Какое еще вознаграждение?

— Минутку, Макс. — Она никак не могла понять предложение, которое ей уже повторили два раза. Помолчав несколько минут, Николь покачала головой и повернулась к Синему Доктору. — Прошу прощения, но я опять не поняла последнюю фразу.

Оба октопаука торопливо обменялись репликами на своем природном диалекте, потом видеоинженер вновь обратился к Николь.

— Так, — сказала она, — кажется, наконец, поняла... Макс, серый ящик — это нечто вроде программируемого устройства для обработки данных. Он хранит в живых клетках полученную от квадроидов информацию и подготавливает ее к демонстрации, чтобы мы могли увидеть изображение, каким его заказывали...

— Хватит, — остановил ее Макс. — Всего этого я все равно не пойму... но, если эта машинка

работает и не повредит Эп, давайте приступим к делу.

Синий Доктор понял сказанное Максом. Заметив сигнал Николь, все октопауки вышли из дома Паккеттов и сразу вернулись, прихватив прикрытый сверху ящик из стоящей возле двери повозки.

— В этом контейнере, — произнес Синий Доктор, — находится двадцать или тридцать самых мелких форм нашего вида. Их основной функцией является непосредственное взаимодействие с квадроидами и другими крошечными созданиями, помогающими системе работать... Словом, ход процедуры контролируют морфы.

— Черт побери! — проговорил Макс, когда из открытого ящика на середину комнаты волной хлынули крошечные октопауки лишь нескольких сантиметров роста. — Это... — Макс от волнения осекся, — это же те самые, которых мы с Эпониной видели в голубом лабиринте по ту сторону Цилиндрического моря.

— Москитоморфы, — пояснил Синий Доктор, — получают от нас инструкции и сами организуют весь процесс. Они и запрограммируют серый ящик... Ну а вы для начала должны определить, что хотите видеть и где.

На стене гостиной Паккеттов появилось превосходное цветное изображение симпатичного мальчишки, заполнявшего все чрево матери. Макс и Эпониная радовались почти целый час, когда выяснилось, что у них будет мальчик. Время шло, и Николь удалось определить то, что она хотела, а качество картинок быстро улучшалось. Теперь уве-

личенное в два раза изображение ошеломляло своей четкостью.

— А можно я еще раз посмотрю, как он брыкается? — спросила Эпониная.

Видеоинженер сказал что-то главному москитоморфу, и менее чем через ниллет на стене появилась картинка молодого мистера Паккетта, брыкавшегося в животе матери.

— Погляди, какие сильные ножки! — воскликнул Макс. Он успокоился. Оправившись от первого потрясения, Макс встревожился за все это «убранство» природой дарованного его сыну убежища. Николь успокоила будущего папашу, показав ему пуповину, и уверила Макса, что все совершенно нормально.

— Значит, все будет в норме, не раньше срока? — спросила Эпониная, когда повтор завершился.

— Да, — ответила Николь. — По-моему, тебе осталось пять-шесть недель... первые роды часто запаздывают... Возможно, подобные прерывистые схватки будут повторяться, но не стоит волноваться из-за них.

Николь искренне поблагодарила Синего Доктора, Макс и Эпониная последовали ее примеру. Потом октопауки собрали все свои принадлежности, биологические и неживые, и отбыли со своей лабораторией. Тогда Николь перешла через комнату и взяла Эпониину за руку.

— Es-tu heureuse?* — спросила она подруту.

---

* Ты счастлива? (франц.).

— Absolument*, — ответила та. — Я чувствую облегчение, а то уже боялась, что дело плохо.

— Какое там! Просто была первая из ложных тревог.

Макс подошел к Эпонине и обнял ее. Он сиял. Николь, чуть отодвинувшись в сторону, смотрела на сцену нежности. *Нет лучшего времени для любви друг к другу, мои друзья*, подумала она, *чем ожидание первого ребенка*.

Николь направилась к двери.

— Минутку, — остановил ее Макс. — А тебе не интересно узнать, как мы намереваемся назвать его?

— Конечно же.

— Мариус Клайд Паккетт, — гордо произнес Макс.

— Мариус, — проговорила Эпонина, — потому что так звали ребенка Эпонины из «Отверженных»**... Я мечтала о Мариусе всю мою долгую жизнь, все одинокие ночи, проведенные в детском приюте. А Клайд — в честь брата Макса, оставшегося в Арканзасе.

— Великолепное имя, — сказала Николь и, улыбаясь собственным мыслям, вновь повернула к выходу. — Действительно великолепное.

Ричард заявился домой к концу дня и не мог сдержать волнения.

— Я провел два совершенно потрясающих часа в конференц-зале с Арчи и октопауками! —

---

* Безусловно (франц.).

** Роман В. Гюго.

воскликнул он, обращаясь к Николь. — Они показали мне свое оборудование, которое использовали сегодня для обследования Эпонины. Удивительно. Какой невероятный врачебный гений! Нет, чародейство подходит куда лучше. Я же говорил это с самого начала: проклятые октопауки — просто биологические чародеи. Только подумай... Они создали живых существ, выполняющих роль камеры; другой набор микроскопических жучков считывает изображение и тщательно хранит его до мельчайших подробностей. Контролируют процесс особые генетические версии их самих. Электропикой они пользуются для выполнения более простых задач и лишь там, где без этого нельзя обойтись... — Сколько тысячелетий потребовалось, чтобы все это появилось на свет? Кто был первым? Абсолютно потрясающая система!

Николь улыбнулась мужу.

— А ты видел Мариуса? Что ты думаешь о нем?

— Я проглядел все снимки, — не унимался Ричард, продолжая кричать. — А ты знаешь, как москитоморфы общаются с видеоквадроидами? Они пользуются дальней ультрафиолетовой областью спектра. Так вот! Арчи сказал мне, что крохотные жучки и москитоморфы, по сути дела, разговаривают друг с другом на общем языке. И это не все. Некоторые из морфов владеют *восемью* языками различных микросуществ. Сам Арчи способен общаться с сорока другими видами: пятнадцать из них используют основные цвета речи октопауков, остальные — знаковые и хими-

ческие языки, а также другие области электромагнитного спектра.

Сновавший взад-вперед Ричард на миг замер посреди комнаты.

— Невероятно, Николь, просто невероятно!

Он уже собирался приступить к продолжению монолога, когда Николь спросила его о том, как общаются обычные октопауки и их москитоморфы.

— Я что-то сегодня ни разу не заметила цветных картинок на головах октопауков.

— Весь разговор происходил в ультрафиолетовой области, — проговорил Ричард, вновь начиная расхаживать. Он обернулся и указал в центр своего лба. — Николь, линза, располагающаяся на их лицах, представляет собой настоящий телескоп, способный принимать информацию практически на любой длине волны... но действительно ошеломляет то, каким образом они сумели образовать эту грандиозную симбиотическую систему, сложностью своей намного превосходящую все, что мы можем представить...

Ричард уселся на кушетку возле Николь.

— Вот погляди, — он показал ей свои руки. — *До сих пор* мурашки на коже... Я потрясен этими существами... Боже, как здорово, что они не проявляют враждебности к нам.

Николь, нахмурившись, поглядела на мужа.

— Почему ты говоришь это?

— Им подвластны целые армии в *миллиарды*, быть может, даже в *триллионы* созданий. Не сомневаюсь — они умеют разговаривать со своими *растениями*! Помнишь, как они быстро управились с той штукой в лесу... представь себе, как

можно воевать, если твоему врагу покорны бактерии и вирусы, послушно выполняющие его приказы... Какая жуткая перспектива!

Николь расхохоталась.

— По-моему, ты увлекаешься. Только из того, что они сумели создать генетическим путем живые съемочные камеры, вовсе не следует...

— Я знаю, — проговорил Ричард, вскакивая с кушетки. — Но не могу не додумывать то, что мы видели сегодня... москитоморфы предназначены исключительно для того, чтобы общаться с миром мелких созданий. Москитоморфы способны *видеть* объекты размером до микрона, *одной тысячной доли* миллиметра... экстраполируй эту идею на несколько порядков величины. Представь себе вид октопауков, во столько же меньший их морфов, во сколько они сами меньше нормальных октопауков. Тогда делается возможным общение с бактериями...

— Ричард, — остановила его Николь, — а что ты думаешь о будущем сыне Макса и Эпонины? И о том, что мальчишка выглядит идеально здоровым?

Ричард умолк на несколько секунд.

— Это чудесно и удивительно, — произнес он кротко. — Полагаю, что нам следует сходить к соседям и поздравить их.

— По-моему, ты можешь подождать до конца обеда, — Николь поглядела на одни из специальных часов, изготовленных для всех землян Ричардом. Они показывали время сразу и в человеческом исчислении, и в принятом у октопауков. — Патрик, Элли, Никки и Бенджи проторчали у Эпонины весь последний час, — продолжила она, — как только

Синий Доктор отправился восвояси, оставив некоторые снимки маленького Мариуса. — Николь улыбнулась. — Как ты говоришь, они вернутся домой через фенг...

3

Николь почистила зубы и поглядела на свое отражение в зеркале. *Галилей прав*, подумала она. *Я уже старуха.*

Она потеряла лицо пальцем, методически разглаживая повсюду видневшиеся морщинки. Снаружи перекрикивались игравшие Бенджи и близнецы, потом Наи и Патрик позвали их в школу. *Но так было не всегда*, сказала она себе. *Некогда я тоже ходила в школу.*

Николь закрыла глаза, пытаясь припомнить свое детство. Она не могла представить себя ребенком. Слишком много снимков, памятных по более поздним годам, искажали образ прежней школьницы.

Наконец, она открыла глаза и вновь поглядела на свое изображение в зеркале. В уме убрала мешки под глазами и все морщинки, изменила цвет волос и бровей с серого на черный, даже умудрилась представить себя юной, прекрасной и несовершеннолетней. Коротко вспыхнула тоска по тем дням. *Как молоды мы были, как искренне любили*, вспомнила она.

Ричард выглянул из-за угла.

— Мы с Элли и Геркулесом уже работаем в кабинете, — проговорил он. — Почему ты опаздываешь?

— Я буду через несколько минут, — ответила Николь.

Поправляя волосы, она отдалась размышлениям о ежедневном укладе человеческой жизни в Изумрудном городе. Обычно все собирались завтракать в столовой Уэйкфилдов. После школьных занятий полагался ленч. Потом все, кроме Ричарда, дремали, чтобы скомпенсировать долгий день — на восемь часов превосходящий земной. Большую часть дня Элли, Николь и Ричард проводили с октопауками, либо стараясь узнать что-нибудь о хозяевах, либо рассказывая им о Земле. Остальные четверо взрослых почти все свое время проводили с Бенджи и детьми в отведенном людям уголке тупика.

И чем все это закончится? — вдруг удивилась Николь. *Сколько же еще лет придется нам оставаться гостями октопауков? И что случится, когда Рама достигнет своей цели... если это событие состоится?* На все эти вопросы у Николь не было ответа. Даже Ричард перестал интересоваться тем, что творилось вне Изумрудного города. Он был полностью поглощен общением с октопауками и проектом автопереводчика. Ныне он запрашивал у Арчи навигационные данные лишь каждую пару месяцев. И всякий раз без особых комментариев сообщал остальным, что Рама все еще движется в направлении звезды Тау Кита.

Подобно маленькому Мариусу, думала Николь, мы удовлетворены пребыванием в неизвестности. Внешний мир ничего не требует от нас, и мы не задаем себе неотложных вопросов.

Николь вышла из ванной комнаты и направи-

лась в кабинет. Ричард сидел на полу между Геркулесом и Элли.

— Самое легкое — это зафиксировать цветовую информацию и запомнить, — говорил он. — Но гораздо труднее автоматически преобразовать зарегистрированную информацию в понятное английское предложение.

Повернувшись к Геркулесу, Ричард произнес очень медленно:

— Ваш язык настолько математичен (каждый цвет априори определен до ангстрема), что сенсор должен лишь идентифицировать цвета и ширину полос. Вот и вся информация. При таких точных правилах несложно создать простейший алгоритм, устраняющий ошибки, — чтобы прибором могли пользоваться молодежь или невнимательные люди, — на случай единичных цветовых ошибок в левой и правой частях спектра. Преобразовывать речь октопауков на наш язык много сложнее. Словарь достаточно прямолинеен, каждое слово и соответствующие идентификаторы можно легко определить. Но чертовски трудно без вмешательства человека сделать следующий шаг — перейти к предложению.

— Это происходит потому, что язык октопауков фундаментально отличается от нашего, — прокомментировала Элли. — Все определения в нем даются количественно, чтобы свести к минимуму возможность непонимания. Здесь нет места тонкостям и нюансам. Поглядите, как мы используем местоимения «мы», «вы» и «они». У них же понятия всегда обозначены численными идентификаторами, включая и диапазоны, в которых они теряют

смысл. Октопаук никогда не скажет «несколько вуденов», «немного ниллетов», он всегда назовет число или диапазон, чтобы точнее определить время.

— Для нас же, — проговорил цветовыми полосами Геркулес, — крайне сложны два аспекта человеческого языка. Первый — это отсутствие четких определений, что невероятно увеличивает объем словаря. Второй — ваша привычка... ко всяким двусмысленностям. Я до сих пор с трудом понимаю Макса: он зачастую говорит не то, что имеет в виду.

— Я не знаю, как вложить это в твой компьютер, — Николь обратилась к Ричарду. — Но вся количественная информация, заключающаяся в любом предложении октопауков, каким-то образом должна быть обязательно зафиксирована в переводе. Почти каждый их глагол или прилагательное имеет соответствующий численный идентификатор. Вот, например, Элли переводит выражения «крайне сложно» или «невероятно увеличивает». А что сказал Геркулес: слово «сложно» у него сопровождается цифрой пять, «увеличивает» — цифрой шесть. Цифры указывают на интенсивность проявления объекта, а поскольку система счисления октопауков восьмерична, диапазон сравнительных степеней укладывается между 1 и 7. Если бы Геркулес использовал «семерку», то слово «сложно» надо было бы переводить «предельно сложно»; ну а если бы он ограничился «двойкой» в той же фразе, переводить следовало бы «не слишком сложно».

— Ошибки в понимании степеней прилагатель-

ных, хотя они безусловно важны, — сказал Ричард, рассеянно поигрывая небольшим процессором, — почти никогда не приводят к непониманию. Другое дело, если ошибки возникают в глаголах... как я узнал из моих предварительных опытов. Возьмем простой глагол «идти»... у октопауков он означает «передвигаться без помощи посторонних и транспорта». Две полосы одинаковой ширины — бордово-пурпурная и лимонно-желтая — соответствуют нескольким дюжинам слов на английском: ходить, гулять, расхаживать, бежать и так далее.

— Как раз это я имела в виду, — вставила Элли. — Перевод невозможен без точной интерпретации идентификаторов... при этом глаголе октопауки обычно используют двойной идентификатор, определяющий, насколько быстро совершается движение; иначе говоря, существуют 63 различные скорости, с которыми они «идут». Чтобы усложнить задачу, октопауки могут воспользоваться и идентификатором расстояния, поэтому простое заявление «давай пойдем» можно перевести многими способами.

Скривившись, Ричард покачал головой.

— В чем дело, папа? — спросила Элли.

— Признаюсь, я разочарован, — ответил он. — Я-то надеялся уже сейчас закончить упрощенную версию автоматического переводчика. Однако я предположил, что смысл сказанного можно определить без *всех* идентификаторов. Учет всех цветовых полос увеличит необходимую память и заметно замедлит перевод. Сложно будет добиться, чтобы мое устройство работало в реальном времени.

— Так? — спросил Геркулес. — Ну и что.

Зачем вам нужен этот автопереводчик? Элли и Николь понимают наш язык достаточно хорошо.

— Не очень-то, — ответила Николь. — На деле, лишь Элли *свободно* владеет вашей речью. А я все еще учусь — день ото дня.

— Я начинал эту работу, желая одолеть ту трудность, которую она предоставляет, а заодно заставить себя выучить ваш язык, — Ричард адресовал свои слова Геркулесу. — На прошлой неделе мы с Николь как раз говорили о том, насколько нам нужно переводящее устройство. Она утверждает — и я с ней согласен, — что наш человеческий клан в Изумрудном городе разделен на две группы. Элли, Николь и я живем более интересной жизнью, поскольку мы имеем возможность постоянно общаться с вами. Остальные, в том числе дети, живут практически в изоляции. И если они не получают средства общения с вами, то могут потерять интерес к жизни здесь. Хороший автоматический переводчик поможет им вести более открытую жизнь.

Карта была помятой и порванной — кое-где. Патрик помог Наи развернуть ее и прикрепить к стене столовой, служившей классной комнатой для детей.

— Никки, ты помнишь, что это такое? — спросила Наи.

— Конечно, миссис Ватанабэ, — ответила маленькая девочка. — Это карта нашей Земли.

— Бенджи, ты можешь нам показать, где родились твой отец и мать, дедушка и бабушка?

— Опять началось, — громко пробормотал Кеп-

леру Галилей. — Он никогда не сможет запомнить этого, он невероятно туп.

— *Галилей Ватанабэ*, — послышался резкий ответ. — Отправляйся в свою комнату и сиди на постели пятнадцать минут.

— Ничего, Наи, — проговорил Бенджи, подходя к карте. — Я уже привык.

Галилей, которому в человеческом исчислении было около семи лет, остановился у дверей, чтобы проверить, будет ли приговор приведен в исполнение.

— Чего ты там дожидаясь? — возмутилась мать. — Я же сказала тебе — отправляйся в свою комнату.

Бенджи простоял перед картой около двадцати секунд.

— Моя мама, — сказал он наконец, — родилась здесь, во Фран-ции. — Он отступил на шаг от карты и отыскал Соединенные Штаты на противоположной стороне Атлантического океана. — Мой отец родился здесь, в Бос-тоне, в Аме-ри-ке.

Бенджи начал садиться.

— А как насчет твоих бабушки и дедушки? — проговорила Наи. — Где родились они?

— Мать моей ма-тери, моя ба-буш-ка, — медленно произнес Бенджи, — родилась в Аф-ри-ке. — Он несколько секунд глядел на карту. — Но я не помню, где она нахо-дится.

— А я знаю, миссис Ватанабэ, — немедленно выскочила маленькая Никки. — Можно, я покажу Бенджи?

Бенджи повернулся и посмотрел на хорошенькую черноволосую девочку.

— По-кажи мне, Ник-ки.

Девочка встала со стула и пересекла комнату. Она показала пальцем на западную часть Африки.

— Мама Нонни родилась здесь, — с гордостью сказала она, — в этой зеленой стране... она зовется Республикой Берег Слоновой Кости.

— Очень хорошо, Никки, — похвалила малышку Наи.

— Изви-ни, Наи, — проговорил Бенджи. — Я так усер-дно тру-жусь над дро-бями, что не оста-вил себе вре-мени на геогра-фию. — Он проводил глазами трехлетнюю племянницу на место. Но, когда повернулся к Наи, оказалось, что по щекам Бенджи текут слезы.

— Наи, я не хочу сего-дня зани-маться... Можно, я пойду в свой собст-венный дом?

— Хорошо, Бенджи, — тихо сказала Наи. Бенджи отправился к двери. Патрик хотел было подойти к брату, но Наи удержала его.

В классе почти на минуту воцарилось тревожное молчание.

— Теперь моя очередь? — наконец спросил Кеплер.

Наи кивнула, мальчик подошел к карте.

— Моя мама родилась здесь, в Таиланде, в городе Лампанг. Тут родился и ее отец. Моя бабушка со стороны матери тоже родилась в Таиланде, но в другом городе, называющемся Чиангсэн. Вот здесь, рядом с Китайской границей. — Потом Кеплер шагнул к востоку и указал на Японию. — Мой отец, Кэндзи Ватанабэ, и его родители родились в японском городе Киото.

Мальчик отступил от карты. Он, казалось, хотел что-то сказать.

— Что ты, Кеплер? — спросила Наи.

— Мама, — проговорил маленький мальчик после мучительной паузы, — а папа был плохой?

— Чтоооо? — протянула полностью ошарашенная Наи. Она наклонилась к сыну и заглянула прямо в глаза. — Твой отец был чудесным человеком... интеллигентным, чувствительным, любящим, остроумным, просто принц и...

Наи пришлось умолкнуть. Она ощущала, что может сорваться. Встав, она поглядела на потолок, чтобы обрести спокойствие.

— Кеплер, почему ты спрашиваешь об этом? Ты ведь обожал своего отца... как мог ты сказать такое...

— Дядя Макс сказал нам, что мистер Накамура тоже родом из Японии. Мы знаем, что он плохой. А Галилей говорит, что, раз папа родом из того же места...

— *Галилей!* — прогремела Наи, перепугав своих детей. — Ну-ка сюда. — Мальчишка вбежал в комнату и озадаченно посмотрел на мать.

— Что ты там наговорил своему брату об отце?

— А что конкретно ты имеешь в виду? — Галилей пытался изобразить на лице невинность.

— Ты же говорил мне, что папа плохой, потому что родился в Японии, как и мистер Накамура...

— Ну, я не очень хорошо помню папочку. Но я же говорил — может быть...

Наи едва сдержалась, чтобы не шлепнуть Галилея. Она взяла мальчишку за плечи.

— Вот что, молодой человек, — объявила она, —

если я услышу от тебя еще хотя бы одно плохое слово о твоём отце...

Наи не сумела закончить фразу. Она не знала, чем ему пригрозить... не знала даже, что сказать дальше. Наи вдруг почувствовала, что ужасно расстроена.

— Садитесь, пожалуйста, — наконец сказала она своим близнецам. — И слушайте очень внимательно. — Наи глубоко вздохнула. — На этой карте изображены все страны, которые есть на планете Земля. Каждая нация состоит из разных людей — плохих и хороших, но в основном это сложная смесь добра и зла. Ни в одной стране нет только хороших людей или плохих. Твой отец вырос в Японии. Мистер Накамура тоже. Я согласна с дядей Максом... мистер Накамура очень злой человек. Но этот факт не имеет ничего общего с тем, что он японец. Ваш отец, мистер Кэндзи Ватанабэ, тоже был японцем, но другого столь хорошего человека трудно отыскать. Жаль, что вы не помните его и никогда не знали, каким он был на самом деле...

Наи на мгновение умолкла.

— Я никогда не забуду вашего отца, — проговорила она негромким голосом, обращаясь едва ли не к самой себе. — До сих пор вижу, как он вечерами возвращался в наш дом в Новом Эдеме. Вы вдвоем обычно кричали ему: «Привет, папуля, привет, папуля», когда он входил в дом. Он целовал меня и брал вас обоих на руки... вел на качели на заднем дворе. Всегда был таким терпеливым и заботливым, каким бы тяжелым ни выдался день...

Голос Наи осекся. Слезы наполняли ее глаза, она ощутила, что начинает дрожать. Наи повернулась лицом к карте.

— На сегодня занятия окончены, — объявила она.

Через полчаса Патрик стоял возле Наи в тупике и смотрел вместе с ней, как близнецы и Никки играют большим мячом.

— Извини, Патрик, — промолвила Наи. — Я не хотела...

— За что тебе извиняться... — ответил молодой человек.

— Тем не менее. Уже не один год назад я обещала себе, что никогда не обнаружу своих чувств перед Кеплером и Галилеем. Они просто не могут понять.

— Они уже все забыли, — проговорил Патрик после недолгого молчания. — Посмотри на них. Игра полностью поглотила их.

В этот момент близнецы затеяли очередной спор. Как всегда, Галилей пытался добиться преимущества в игре, вопреки правилам. Никки стояла возле мальчишек, внимательно прислушиваясь к спору.

— Мальчики, мальчики, — окликнула детей Наи. — Прекратите... если вы не можете обойтись без ссор, ступайте в дом.

Через несколько секунд голубой мяч опять заскакал по улице, и все трое детей радостно бросились за ним.

— А ты не хочешь пить? — спросила Наи Патрика.

— Не откажусь... у тебя не осталось того светло-зеленого дынного сока, который Геркулес принес на прошлой неделе? Он действительно вкусный.

— Да, — ответила Наи, наклоняясь к небольшому шкафчику, в котором держала прохладительные напитки. — Кстати, куда пропал Геркулес? Я не видела его несколько дней.

Патрик расхохотался.

— Дядя Ричард не отпускает его, они целыми днями сидят над автоматическим переводчиком. Элли и Арчи тоже каждый день бывают у них. — Он поблагодарил Наи за бокал сока.

Наи отпила из своего бокала и направилась в гостиную.

— Я понимаю, что сегодня утром ты хотел утешить Бенджи. Но я остановила тебя потому, что очень хорошо знаю твоего брата... он горд и не нуждается ни в чьей жалости. Сегодня утром Бенджи на каком-то уровне осознал, что даже крохотная Никки, младенец рядом с ним, скоро обгонит его в занятиях. Это открытие потрясло его и вновь напомнило о собственном дефекте.

Наи стояла перед забытой на стене картой Земли.

— А что говорит тебе эта карта?

— Пожалуй, немного, — ответил Патрик. — Конечно, я видел много снимков и фильмов, а когда мне было примерно столько же, сколько сейчас близнецам, отец рассказывал мне о Бостоне, о том, каковы осенью листья в Новой Англии, и как они с отцом путешествовали по Ирландии. Но помню я и другие места... В моей памяти

подземелье в здешнем Нью-Йорке и тот удивительный год, который мы провели в Узле, — он умолк на мгновение. — И еще Орел! Что за поразительное создание! Я помню его, пожалуй, более четко, чем моего отца.

— И ты считаешь себя землянином? — проговорила Наи.

— Интересный вопрос, — Патрик допил сок. — Видишь ли, я никогда не думал об этом по-настоящему... Безусловно, я считаю себя человеком. Но землянин ли я?.. Наверное, нет.

Наи потянулась рукой к карте.

— Вот здесь к югу от Чиангмая мой родной город Лампанг. Будь он побольше, тоже был бы отмечен. Иногда мне кажется невероятным, что я действительно жила там ребенком.

Пальцы Наи быстро очертили контуры Таиланда. Она стояла возле Патрика.

— Вчера вечером, когда я купала мальчишек, Галилей вылил черпак воды мне на голову. И вдруг я невероятно отчетливо вспомнила те три дня, которые провела в Чиангмае с моими двоюродными братьями — тогда мне было четырнадцать... Это было в апреле во время праздника Сонгкран, когда все в городе празднуют тайландский Новый год: шествия, речи, посвященные королям Чакри, правившим после первого Рамы и готовившим тайский народ к его важной роли в мире... но более всего запомнилась поездка вокруг города в кузове электропикапа вместе с моей двоюродной сестрой Они и ее подругами. Всех встречных мы обливали водой, а те нас. Все смеялись... смеялись...

— А почему же все обливались? — спросил Патрик.

— Я уже забыла, — Наи пожала плечами. — Этого каким-то образом требовала церемония... но само переживание, общий смех, даже ощущение того, что ты целиком промокла и тебя вновь окатывают водой... все это я помню в подробностях. — Они вновь умолкли, когда Наи потянулась, чтобы снять карту со стены. — Поэтому я полагаю, что Кеплер и Галилей не будут считать себя землянами, — вслух подумала Наи, тщательно сворачивая карту. — Быть может, даже учить их географии и истории Земли всего лишь пустая трата времени.

— Едва ли. Что же еще преподавать нашим детям? К тому же они должны знать, откуда мы родом.

Из прихожей в гостиную заглянули три юные мордашки.

— А есть не пора? — спросил Галилей.

— Подождите немножко, — проговорила Наи. — Ступайте, умойтесь сперва... *Только по очереди!* — крикнула она им вдогонку, услышав общий топот по коридору.

Наи резко повернулась и поймала на себе взгляд Патрика. Она улыбнулась.

— Сегодня мне было очень приятно твое общество. Ты помог мне. — Наи протянула обе руки и взяла ладони Патрика. — Последние два месяца ты всегда помогаешь мне с Бенджи и детьми, — сказала она, глядя прямо в его глаза. — Глупо молчать: я забыла прежнее одиночество, после того как ты стал проводить время с нами.

Патрик неловко шагнул к Наи, но она твердо остановила его рукой.

— Не сейчас, — мягко проговорила она. — Еще рано.

4

Менее чем через минуту после того, как огромное скопление светляков под куполом Изумрудного города ярким светом оповестило всех о наступлении нового дня, маленькая Никки оказалась в комнате бабушки и дедушки.

— Уже светло, Нонни. Они скоро придут за нами.

Николь повернулась и обняла внучку.

— У нас еще осталась пара часов, Никки, — сказала она взволнованной девочке. — Буба еще спит... можешь вернуться к себе в комнату и поиграть, пока мы примем душ.

Когда разочарованная девочка наконец оставила комнату, Ричард уже сидел, протирая глаза.

— Никки целую неделю говорила только о сегодняшнем дне, — произнесла Николь. — Она вечно торчит в комнате Бенджи, разглядывая картину. Никки и близнецы даже придумали имена всем этим странным животным.

Николь неосознанно потянулась к щетке для волос, лежавшей возле постели.

— Почему это детям так трудно дается понятие времени? Хотя Элли сделала для нее календарь и отсчитывала дни один за одним, Никки каждое утро спрашивает меня: «не сегодня ли».

— Она просто взволнована, как и все, —

проговорил Ричард, вставая с постели. — Надеюсь, что мы не будем разочарованы.

— Как такое может случиться? — ответила Николь. — Синий Доктор утверждает, что нас ждет зрелище, куда более удивительное, чем то, которое мы с тобой видели, когда впервые вступили в город.

— Итак, увидим наших хозяев во всей красе, — сказал Ричард. — Кстати, ты хоть догадываешься, что празднуют октопауки?

— По-моему, самый близкий эквивалент тому, что состоится сегодня, — американский День Благодарения*. — Октопауки называют его Днем Изобилия... В этот день они празднуют качество своей жизни — так мне объяснял Синий Доктор.

Ричард вошел было в душ, но высунул оттуда голову обратно в комнату.

— Как ты полагаешь, не связано ли сегодняшнее приглашение с тем разговором за завтраком... недели две назад?

— Это когда Патрик и Макс заявили, что хотели бы вернуться в Новый Эдем?

Ричард кивнул.

— Наверняка, — ответила Николь. — Мне кажется, октопауки постарались убедить себя в том, что мы полностью довольны пребыванием здесь. И приглашение на праздник является попыткой еще плотнее вплести нас в свое общество.

— Хотелось бы мне поскорей закончить с этим чертовым автопереводчиком. Пока я изготовил

---

* Официальный праздник в память первых колонистов Массачусетса.

только две штуки... но они не доведены до конца. Второй мы могли бы дать Максу.

— По-моему, неплохая идея, — бросила Николь, проходя мимо мужа в ванную.

— Что ты? — спросил Ричард.

— Решила принять душ вместе с тобой, — усмехнулась Николь, — если только ты еще не состарился настолько, что уже чуждаешься женской компании.

Джеми вышел из двери ближайшего дома, чтобы сообщить людям о времени прибытия транспорта. Это был самый молодой из трех октопауков, обитавших по соседству (Геркулес жил на другой стороне площади), и люди поддерживали с ним контакт. «Наставники» Джеми — Арчи и Синий Доктор — утверждали, что молодой октопаук очень много занимается, и скоро наступит одно из главных событий в его жизни. На первый взгляд Джеми вроде бы ничем не отличался от троих взрослых октопауков, с которыми люди регулярно встречались, но был все-таки чуть поменьше, чем старшие пауки, и полосы на его щупальцах золотились заметно ярче.

Люди затеяли короткий спор о том, как одеться на празднество октопауков, но скоро поняли, что разногласия не имеют никакого значения: никто из инопланетян, обитавших в Изумрудном городе, не носил одежды. Октопауки часто интересовались причинами подобного обычая. Раз Ричард даже предположил — отчасти в шутку, — что, быть может, людям тоже следует забыть про одежду, пока они обитают в Изумрудном городе.

— С волками жить... — сказал он, но все собеседники немедленно осознали, сколь важна одежда для психологического комфорта.

— Я не могу остаться нагой даже среди вас, моих ближайших друзей... я просто не способна на это, — ответила Эпониная, вкратце изложив общие ощущения.

Пестрая группа из одиннадцати человек и четверых октопауков направилась по улице к площади. Возглавляла группу весьма округлившаяся Эпониная; она шла медленно, держа руку на животе. Все женщины решили чуть приодеться — Наи была в тайском шелковом платье, расшитом голубыми и зелеными цветами, — но мужчины, кроме Макса, натянувшего яркую гавайскую рубашку (он надевал ее в особых случаях), были в теннисках и джинсах, к которым привыкли в Изумрудном городе. Словом, все были в чистом. Поначалу устроить себе прачечную для людей было очень сложно. Однако после того как люди объяснили Арчи, в чем именно нуждаются, через несколько дней он доставил им дромосов — нечто вроде насекомых, чистивших одежду.

Как раз возле ворот, расположенных в конце отведенной людям зоны, транспорт остановился, и в повозку поднялись двое еще не знакомых октопауков. Ричард активно использовал свой переводчик — вел непрекращающуюся беседу с Синим Доктором и новоявленными пришельцами. Стоя за плечом отца, Элли читала перевод на экране и комментировала. В общем перевод получался достаточно верным, однако весьма запаздывал по сравнению с обычной речью окто-

пауков. Пока машина переводила одно предложение, те успевали наговорить три новых, и Ричарду приходилось заново регулировать систему. И, конечно, он едва понимал, о чем речь, поскольку пропускал два предложения из трех.

Оказавшись за воротами, люди увидели совершенно необыкновенное зрелище. Никки как открыла пошире глаза, так и не закрывала; перебивая Бенджи, она и близнецы с криками показывали друг другу тех, кого помнили по картине. На широких улицах полно было народу. В обе стороны по рельсам ездили вагончики наподобие городского трамвая, повсюду сновали пешеходы всякого облика и размера, кое-кто разъезжал на устройствах, напоминавших велосипеды с одним или парой колес, иногда попадалась группа созданий на страусозавре.

Макс, никогда еще не выходивший из зоны обитания людей, обильно усеивал свою речь чертями, дерьмом и другими излюбленными словечками... Эпониная требовала, чтобы он изгнал их из своего лексикона еще до рождения ребенка. Макс встревожился за Эпонину, когда на первой же остановке после ворот в их повозку забрались разнообразные существа, а четверо новоприбывших сразу обступили Эпонину, чтобы изучить специальное «сиденье», которое октопауки устроили для нее в тележке. Макс стоял на страже возле жены, держась за один из вертикальных поручней, разбросанных по десятиметровой повозке.

Пару этих новых пассажиров можно было назвать «полосатыми крабами»; восьминогие красно-желтые создания были ростом с Никки, их

округлые тела покрывал твердый панцирь, вперед выдавались жуткого вида клешни. Они немедленно начали тереть усиками-антеннами одну из ног Эпонины, выступавшую из-под платья. Простое любопытство... но странное ощущение и необычный облик инопланетян заставили Эпоинну отдернуться. Арчи, стоявший возле Эпонины с другой стороны, быстро опустил вниз щупальце и мягко оттолкнул обоих инопланетян. Тогда один из полосатых крабов поднялся на четыре задние ноги и, щелкнув клешнями перед носом Эпонины, заговорил, в явном раздражении шевеля вибрирующими антеннами. И буквально через миг октопаук парой щупалец извлек негодующего краба из повозки и оставил снаружи.

Эта сцена резко изменила настроение всех людей. Арчи давал объяснения Макс и Эподине, Элли переводила (Макс слишком волновался, чтобы обратиться к услугам автоматического транслятора). Близнецы жались к Наи, а Никки тянулась к деду, просясь на руки.

— Эти существа не слишком умны, — проговорил Арчи, обращаясь к своим друзьям-людям, — но мы в значительной мере сумели смягчить их агрессивные наклонности. Создание, которое мне пришлось выдворить из повозки, неоднократно причиняло нам хлопоты. Оптимизатор, отвечающий за этот вид, уже пометил его — может быть, вы заметили — двумя небольшими зелеными пятнами на задней части панциря... и очередная выходка, безусловно, окончится терминацией.

Когда Элли закончила переводить, люди принялись методически разглядывать остальных ино-

планетян, соседствующих с ними, — не найдется ли еще кто с зелеными пятнышками. Удостоверившись, что всех остальных инопланетян можно считать безопасными, взрослые несколько расслабились.

— А что говорил этот краб? — спросил Ричард у Арчи, когда транспорт остановился в очередной раз.

— Поза угрозы, — ответил Арчи, — обычная у животных с ограниченным интеллектом... а его усики-антенны издали грубое ругательство, практически лишенное информации.

Повозка ехала по улице еще восемь-десять ниллетов, за это время она дважды остановилась, чтобы принять новых пассажиров: полдюжины октопауков и около двадцати созданий, представлявших пять различных видов. Четверо небесно-голубых созданий с полусферическими макушками, покрытыми дрожащей мозгоподобной субстанцией, сидели на корточках напротив Ричарда, все еще не выпускавшего Никки. Все восемь узловатых антенн, переплетаясь, тянулись к Никки, словно бы они хотели что-то сообщить. Когда девочка чуть шевельнула ножками, усики быстро втянулись назад в странную массу, из которой состояли тела инопланетных созданий.

К этому времени повозка наполнилась. Создание, которого людям еще не приходилось видеть (Макс метко окрестил его польской сосиской), с длинным носом и шестью короткими ножками, полезло по вертикальному стержню и двумя передними ногами потянулось к маленькому рюк-

зачку Наи. Джеми вмешался прежде, чем Наи или рюкзачку могли быть причинены какие-нибудь повреждения, тем не менее Галилей сильно ударил сосиску, сбив ее с поручня. Он утверждал — ему показалось, что пухлое создание готовится вновь ухватить рюкзачок. Существо забилося в угол подальше от Галилея, опасливо поглядывая на него одним глазом.

— Эй, парень, води себя поосторожней, — ухмыльнулся Макс, взлохматив волосы мальчишки, — а то октопауки и тебе поставят на попу зеленые пятнышки.

Вдоль улицы выстроились одно- и двухэтажные здания, как правило, разрисованные ослепительными геометрическими узорами. Гирлянды и венки из ярких цветов и листьев обрамляли дверные проемы и украшали крыши. На стене, принадлежавшей, по словам Геркулеса, главному госпиталю, располагалась огромная прямоугольная фреска четырех метров в высоту и двадцати в длину; на ней октопауки-врачи лечили больных — не только своего собственного вида, но и других многочисленных обитателей Изумрудного города.

Повозка слегка замедлила ход и начала подъем. Она пересекла мост в несколько сотен метров длиной, протянувшийся над широкой рекой или каналом: водную гладь бороздили лодки, внизу, под водой, резвились октопауки и еще какие-то неизвестные создания. Арчи объяснил, что они въезжают в сердце Изумрудного города, где происходят все главные церемонии и где живут и работают «наиболее значительные» оптимизаторы.

— Вон там, — проговорил он, указывая на восьмиугольное сооружение около тридцати метров высотой, — располагаются наша библиотека и информационный центр.

На вопрос Ричарда Арчи ответил, что канал или ров полностью окружает «административный центр».

— За исключением оказий, подобных сегодняшней, и без одобрения оптимизатора вход всем, кроме октопауков, сюда запрещен.

Повозка остановилась на большой плоской равнине возле овального сооружения, похожего на стадион или зеленый театр. Когда люди вышли из нее, Наи шепнула Патрику, что столь сильного приступа клаустрофобии, как во время этой поездки, она не испытывала уже давно — с тех пор, как попала в подземку Киото в часы пик, когда ехала знакомиться с семьей Кэндзи.

— Но в Японии-то, — пожившись, заметил Патрик, — вокруг были люди... а здесь так странно. Как будто все разглядывают тебя. Мне пришлось закрыть глаза, чтобы не потерять рассудок.

По пути к стадиону люди обнаружили, что их группу окружают четверо знакомых октопауков и еще двое, подсевшие в повозку на выезде из зоны обитания людей. Эти шестеро пауков защищали Николь и всех остальных людей от кишящих повсюду орд неизвестных существ. Эпонине стало нехорошо: от странных запахов, обличий и долгой ходьбы. Ей казалось, что она вот-вот упадет в обморок, поэтому Арчи останавливался через каждые пятьдесят метров. Наконец, они вошли в одни из ворот, и октопауки отвели людей к назначенному месту.

В секции, отведенной людям, оказалось всего одно сидячее место. Впрочем, на всем стадионе сидела только одна Эпониная. Оглядев арену с помощью бинокля Ричарда, Макс заметил, что многие гости прислоняются, держатся или висят на крепких вертикальных шестах, расставленных на ярусах, но сидений нигде не было видно.

Бенджи заинтересовали мешочки, которые оказались на Арчи и нескольких других октопауках. Все они были одинакового размера, с женскую сумочку, и ярко-белого цвета. Они висели, так сказать, на бедрах октопауков, поддерживаемые простыми перевязками. Люди еще никогда не видели подобных аксессуаров на своих хозяевах. Бенджи принялся расспрашивать о них Арчи, еще на площади, но, не добившись ответа, решил, что, должно быть, Арчи не понял вопроса... словом, молодой человек успел уже позабыть о мешочках, пока на стадионе не увидел их снова.

В отношении мешочков Арчи проявил непривычную уклончивость. Николь пришлось дважды просить повторить ответ, прежде чем она смогла перевести Бенджи смысл сказанного.

— Арчи утверждает, что там находится снаряжение, которое может защитить нас в случае необходимости.

— А какое сна-ряже-ние? — спросил Бенджи, но Арчи уже отошел на несколько метров и принялся разговаривать с октопауком из примыкающей секции.

От прочих существ людей отделяли два натянутых на шестах металлических троса, ограждав-

ших поверху и понизу отделенный для них сектор. Кроме того, октопауки (охранники, как окрестил их Макс) располагались в промежутках между территориями, выделенными для различных видов. Справа от людей находилось, наверное, несколько сотен шестируких инопланетян — тех самых, что строили лестницу под радужным куполом. Слева пониже, за широким пустым промежутком, уместилось с тысячу бурых приземистых, похожих на игуану существ с длинными заостренными хвостами и выступающими зубами. Величиной они были с домашнюю кошку.

Сразу стало ясно, что на стадионе царит жесткая сегрегация. Всякие твари размещены были с подобными себе. Более того, в верхних ярусах — если не считать «охраны», — октопауков не было. Пятнадцать тысяч октопауков-зрителей, по оценке Ричарда, располагались внизу.

— Сегрегация обусловлена рядом причин, — объяснял Арчи, а Элли переводила. — Во-первых, все, что скажет Верховный Оптимизатор, будет передано одновременно на тридцати или сорока языках. Если вы посмотрите внимательно, то увидите, что каждая секция снабжена специальным аппаратом — ваш Ричард называет его громкоговорителем, — который передает все сказанное на языке этого вида. Все октопауки, в том числе и различные морфы, понимают наш стандартный цветовой язык. Потому все мы располагаемся внизу, где специального оборудования для перевода не требуется... Разрешите мне проиллюстрировать... Поглядите туда (Арчи протянул щупальце), на ту группу полосатых крабов... видите две большие

вертикальные проволоки на столике перед их секцией? Когда Верховный Оптимизатор начнет говорить, проволоки оживут и будут передавать его речь движением усиков-антенн.

Поле внизу, если прибегать к земным аналогиям, было покрыто огромным полотнищем с цветовыми полосами, спускавшимся с шестов в нижней части яруса.

— Может ли твой аппарат прочесть написанное на нем? — спросила Элли отца.

— Ну, что там? — проговорил Ричард, все еще ошеломленный великолепием зрелища.

— Там на полотнище лозунг, — сказала Элли, указывая вниз. — Прочти-ка.

— Так значит, — начал медленно Ричард. — Изобилие — это еда, вода, энергия, информация, равновесие и... а что означает последнее сочетание?

— Я бы перевела его как разнообразие, — ответила Элли.

— Но что же обозначает этот лозунг? — спросила Эпониная.

— Думаю, мы скоро узнаем это.

Несколько минут спустя, как раз когда Арчи поведал людям, что другой причиной для сегрегации видов является проведение своеобразной переписи населения, две пары огромных черных животных начали наматывать покрывало на два длинных толстых шеста. Они двигались от середины арены к ее краям, открывая поле позади себя.

Немедленно новое скопление светляков опустилось на стадион, так чтобы все наблюдатели смогли

отчетливо видеть не только изобилие фруктов, овощей, злаков, сложенных горами на обеих оконечностях поля, но и две группы живых существ, располагавшихся на противоположных краях арены симметрично ее середине. Первая группа расхаживала, совершая большой круг. Все в цепочке были связаны друг с другом чем-то вроде веревок. Напротив них находился большой бассейн с водой, в котором по кругу плавали еще тридцать или сорок существ, также связанных друг с другом.

Точно в середине поля располагалась приподнятая платформа, на которой не было ничего, кроме нескольких черных ящиков... с помоста спускались пандусы, направленные в противоположные стороны. Наконец, четверо октопауков оставили круг, вращавшийся в бассейне, и по пандусу направились на платформу. Еще четверо присоединились к ним. Потом один из восьми октопауков поднялся на ящик в середине платформы и заговорил цветовыми полосами:

— Мы с вами собрались сегодня... — голос, слышавшийся из громкоговорителя, удивил людей. Маленькая Николь заплакала. Поначалу им было невероятно сложно что-либо различить: все слова выговаривались с абсолютно одинаковой интонацией. Несмотря на старания, произношение не было достаточно четким, словно бы звуки издавал рот, не знакомый с человеческой речью.

Ричард был ошарашен. Он немедленно оставил все попытки воспользоваться своим транслятором и наклонился вперед, разглядывая устройство, из которого исходили звуки.

Элли взяла у Ричарда бинокль, чтобы лучше различать цвета. Конечно, ей приходилось догадываться о смысле некоторых слов — фразы иногда выходили за пределы возможностей ее зрения, — но ведь проще было следить глазами, чем стараться сконцентрировать свой слух на звуках, исходивших из аудиосистемы октопауков.

Через какое-то время люди привыкли к инопланетному произношению и начали понимать большую часть слов. Верховный Оптимизатор октопауков отметил, что в их благодатном краю все в порядке, а свидетельством бесспорных успехов сложного общества октопауков, состоящего из самых разных видов, являются изобилие и разнообразие пищи, представленной на поле.

— Но подобного изобилия, — говорил оратор, — нельзя было достичь без надежного взаимодействия видов.

Далее в своей краткой речи Верховный Оптимизатор назвал передовиков. Он выделил несколько видов, в частности производителей подобной меду субстанции; в честь их выдающихся трудовых побед целая дюжина светляков освещала секцию долгоносых жуков в течение нескольких секунд. Через три фенга после начала речи люди устали вслушиваться в странный голос и вовсе перестали следить за смыслом речи. Тем большим оказалось их удивление, когда над их головами повисла группа светляков, представляя людей инопланетному сообществу... тысячи странных глаз не менее половины ниллета были обращены к людям.

— А что он сказал о нас? — спросил Макс у Элли, продолжавшей разглядывать цвета. Сам он

большую часть речи Верховного Оптимизатора проговорил с Эпониной.

— Что мы новички в их краю и что они изучают наши способности... Потом последовал ряд чисел, которые каким-то образом описывают нас, тут я не поняла ничего.

Коротко представив еще два вида, Верховный Оптимизатор начал подводить основные итоги. «*Мамочка, мамочка*», — взвизгнула Никки, наконец испугавшаяся инопланетного голоса. Пока взрослые были заняты речью и окружавшим их зрелищем, она сумела перелезть через нижний барьер, ограждавший их секцию, и зашла в свободное пространство, отделявшее людей от игуаноподобных существ. Октопаук Геркулес, патрулировавший в этом пространстве, очевидно, тоже упустил кроху из виду и не заметил, как одна из игуан просунула голову между двумя металлическими тросами и ухватила Никки за платице острыми зубами.

Ужас в голосе ребенка на миг парализовал всех, кроме Бенджи. Он отреагировал мгновенно: перепрыгнул через барьер и, бросившись на помощь Никки, изо всех своих сил ударил игуану в лоб. Перепуганный инопланетянин выпустил платице. Тут началось настоящее столпотворение. Никки бросилась к матери, но, прежде чем Геркулес и Арчи успели добраться до Бенджи, разъяренный инопланетянин выскочил в промежуток между рядами и прыгнул на спину Бенджи. Ощувив боль в плече, он закричал — игуана запустила туда свои зубы — и стал размахивать руками, пытаясь стряхнуть с себя создание. И через несколько

секунд игуаноподобное существо уже валялось на земле без сознания. Там, где начинался хвост и кончалось тело, оказались два зеленых пятна.

Инцидент занял не более минуты. Речь оптимизатора не прерывалась. Кроме обитателей непосредственно прилегающих секций, никто не заметил события. Однако Никки была ужасно перепугана, Бенджи получил опасную рану, в довершение всего у Эпонины начались схватки. Внизу разъяренные игуаны налегали на металлические тросы, едва замечая угрозы десяти октопауков, разделявших теперь оба вида.

Арчи сказал людям, что пора уходить. Никто не протестовал. Арчи поспешно вывел их со стадиона: Элли несла свою рыдающую дочь, а Николь на ходу торопливо втирала антисептик из своей аптечки в рану Бенджи.

Когда Николь вошла в спальню, Ричард приподнялся на локте.

— Ну, как у него дела? — спросил он.

— По-моему, все в порядке, — ответила Николь, тяжело вздохнув. — Я все еще опасаюсь, что в слюне этого создания могут быть ядовитые вещества... Синий Доктор оказал огромную помощь. Он объяснил мне, что укус игуан не ядовит, но согласен с тем, что за Бенджи следует понаблюдать... чтобы не пропустить какую-нибудь аллергическую реакцию... Через день — другой все выяснится.

— А как боль? Утихла?

— Бенджи не жалуется... Мне кажется, он горд собой, и у него для этого есть причина. Словом,

не хочет говорить ничего такого, что могло бы развенчать ореол героя.

— А Эпони́на? — проговорил Ричард после недолгого молчания. — Схватки продолжаются?

— Нет, пока прекратились, но я не удивлюсь, если она родит завтра. Выброс адреналина в кровь может ускорить роды.

Николь начала раздеваться.

— Хуже всего восприняла случившееся Элли... Все твердит: она, дескать, просто ужасная мать и никогда не простит себе того, что упустила Никки из виду... а несколько минут назад принялась рассуждать наподобие Макса и Патрика. Словом, предлагает нам вернуться в Новый Эдем и попробовать наладить отношения с Накамурой. Мол, ради детей она согласна.

Николь разделась и забралась в постель. Поцеловала мужа и легла, заложив руки за голову.

— Ричард, дело действительно очень серьезное... Как ты думаешь, *позволят* ли нам октопауки вернуться в Новый Эдем?

— Нет, — сказал он, помедлив. — Во всяком случае, не всем.

— Боюсь, что я согласна я тобой, — ответила Николь. — Но не хочу говорить этого остальным... быть может, следует еще раз спросить у Арчи?

— Он попытается уклониться от ответа, как было поначалу.

Взявшись за руки, они несколько минут пролежали рядом.

— О чем ты думаешь, дорогой? — спросила Николь, заметив, что глаза Ричарда все еще открыты.

— О сегодняшнем дне. Обо всем, что случилось сегодня. Я вспоминаю все заново: сцену за сценой. Я старею и чувствую, как сдает моя память... мне приходится использовать методики для усиления...

Николь расхохоталась.

— Ты невозможен. И тем не менее я люблю тебя.

5

Макс был возбужден.

— Я не собираюсь оставаться здесь даже на минуту дольше, чем необходимо. Я не могу доверять им... Ричард, ты же прекрасно понимаешь, что я прав. Разве ты не видел, как Арчи извлек эту трубку из своей сумки... когда инопланетная игуана вскочила Бенджи на спину? И воспользовался ею без малейших колебаний. Пиф-паф, и пожалуйста: ящерица либо мертва, либо парализована. Он бы сделал то же самое и с нами, если бы мы вели себя плохо.

— Макс, я полагаю, что ты перебарщиваешь, — проговорил Ричард.

— Где же это я хватил через край? Вчерашняя сцена еще раз доказала мне, насколько бессильны мы...

— Макс, — вмешалась Николь, — тебе не кажется, что этот вопрос лучше обсудить в другое время, когда мы не будем столь эмоционально настроены?

— Нет! — подчеркнуто ответил Макс. — Ни в коем случае... я хочу обговорить все немедленно,

сегодня же утром. Вот почему я попросил Наи покормить детей завтраком в ее доме.

— Но ты же не собираешься предложить нам отправиться отсюда прямо сейчас, когда Эпонина может родить в любую минуту? — сказала Николь.

— Конечно нет. Но, по-моему, нам следует уносить отсюда ноги, как только она сможет ходить... Господи Иисусе, Николь, какая здесь жизнь?.. Никки и близнецы чуть не свихнулись от страха. Клянусь, дети не захотят оставлять нашу зону ни на неделю, ни вообще... Тут возникает большой вопрос: зачем это мы понадобились октопаукам? Разве ты не видела всех этих созданий на стадионе? Или ты не поняла, что *все* они так или иначе работают на октопауков? И не исключено, что скоро и мы займем какую-нибудь нишу в их системе.

В разговор впервые вступила Элли:

— А я всегда доверяла октопаукам. И по-прежнему доверяю. Я не могу представить, что они затеяли какой-то дьявольский заговор, чтобы включить нас в своей жизненный круговорот неприемлемым для нас способом... Но вчера я узнала кое-что, а точнее, *вспомнила*. И как мать обязана создать своей дочери условия для счастья... Я больше не думаю, чтобы такое было возможно здесь в Изумрудном городе.

Николь взглянула на Элли с удивлением.

— Итак, ты тоже хочешь оставить это место? — спросила она.

— Да, мама.

Николь оглядела стол. По выражениям на лицах

Эпонины и Патрика было понятно, что они согласны с Максом и Элли.

— А кто-нибудь спрашивал мнение Наи? — поинтересовалась она.

Патрик чуть покраснел, когда Макс и Эпонины посмотрели в его сторону, словно бы ответ ожидался именно от него.

— Мы говорили об этом вчера вечером, — сказал он наконец. — Наи и без того полагает, что дети ведут здесь слишком замкнутую жизнь. А после вчерашних событий она считает, что общество октопауков, если попытаться в нем жить, представит для нас значительную опасность, особенно для детей.

— Похоже, что вопрос решен, — пожала плечами Николь. — Я переговорю с Арчи при первой же встрече.

Наи была хорошей рассказчицей. Дети любили дни, когда, оставив запланированные занятия, она просто рассказывала им разные истории. Она знакомила детей с китайскими и греческими мифами, начиная с первого дня, когда Геркулес явился, чтобы наблюдать за ними. Имя октопауку дали дети, поглядев, как он помогал Наи двигать мебель.

В большинстве историй Наи обязательно имелся герой. Даже Никки еще не забыла человекоподобных биотов, оставшихся в Новом Эдеме, поэтому в первую очередь детей интересовали Альберт Эйнштейн, Авраам Линкольн и Бенита Гарсиа, а не исторические и мифические персонажи, с которыми дети только знакомились.

На следующее утро после Дня Изобилия Наи принялась объяснять, как перед концом Великого хаоса Бенита Гарсиа воспользовалась своей славой, чтобы помочь миллионам бедняков Мексики. Никки, унаследовавшая от матери и бабушки чувство сострадания, тоже была тронута историей отважной мексиканки, выступившей против олигархии и многонациональных американских корпораций. Маленькая девочка объявила, что Бенита Гарсиа ее герой.

— Героиня, — поправил всегда точный Кеплер. — А у тебя, мама? — спросил мальчик немного погодя. — У тебя был герой или героиня, когда ты была маленькой девочкой?

И хотя тайландка находилась в инопланетном городе во чреве внеземного космического корабля на невероятном расстоянии от родного города Лампанга, за какие-то двадцать или пятнадцать секунд память Наи перенесла ее обратно в детство. Она увидела себя в простом хлопковом платье, босиком подходящей к буддийскому храму, чтобы поклониться королеве Чаматеви. Наи вспомнила и монахов в их шафранных одеяниях и на миг даже ощутила запах благовоний в вихарне перед главным храмом Будды.

— Да, — проговорила она, растроганная силой своих воспоминаний. — У меня была героиня... королева Чаматеви, правившая в Харипунджайе.

— А кто это, миссис Ватанабэ? — спросила Никки. — Она была, как Бенита Гарсиа?

— Не совсем. Красавица Чаматеви жила в царстве монов на юге Индокитая более тысячи лет назад. Ее богатое семейство находилось в

родстве с королем монов. Но Чаматеви — исключительно образованная женщина для своего времени — стремилась сделать что-нибудь необычное. И однажды, когда девушке было девятнадцать или двадцать лет, в гостях у короля она встретила прорицателя.

— А что такое прорицатель, мама? — спросил Кеплер.

Наи улыбнулась.

— Человек, который предсказывает будущее или, во всяком случае, пытается сделать это, — ответила она. — Итак, этот прорицатель рассказал королю о древней легенде, гласящей, что однажды прекрасная молодая женщина, рожденная в благородной монской семье, отправится на север через все джунгли в долину Харипунджайя и объединит враждующие племена этого края. Она создаст королевство, которое своим величием не уступит государству монов, ее имя и талант будут помнить во многих землях. Прорицатель рассказал эту историю на пиру, Чаматеви слушала его. Когда повесть была закончена, молодая женщина подошла к королю монов и сказала ему, что *она-то* и есть эта героиня легенды.

— Невзирая на сопротивление отца, Чаматеви приняла предложенные королем деньги, припасы и слонов, хотя пищи хватало только на пятимесячное путешествие через джунгли до Харипунджайя. Если бы легенда не была истиной и многочисленные племена долины не признали бы Чаматеви своей королевой, она бы не сумела вернуться к монам и ей пришлось бы продать

себя в рабство. Но Чаматеви не испугалась ни на мгновение.

— Конечно, предсказание исполнилось, племена долины приветствовали свою королеву, и она правила много лет. Годы ее правления в тайской истории называются «золотым веком» Харипунджайя... Когда Чаматеви состарилась, она аккуратно разделила свое царство на две части и отдала их своим сыновьям-близнецам. А сама отправилась в буддийский монастырь, чтобы поблагодарить Бога за Его любовь и защиту. Чаматеви оставалась бодрой и здоровой до самой смерти. Умерла она в 99 лет.

По совершенно непонятным для себя причинам Наи вдруг взволновалась, рассказывая эту историю. Закончив повествование, она все еще видела своим умственным взором настенные панно в храме Лампанга, на которых была изображена история Чаматеви. Наи так была поглощена рассказом, что даже не заметила, как Патрик, Николь и Арчи вошли в класс и уселись позади детей.

— У нас много подобных историй, — проговорил Арчи несколько минут спустя в переводе Николь, — мы тоже их рассказываем своей молодежи... иные повести очень стары. Есть ли в них правда? Нам, октопаукам, все равно. Истории эти развлекают, наставляют и вдохновляют.

— Я уверена, что нашим детям будет интересно послушать одну из ваших историй, — сказала Николь Арчи. — И не только детям.

Арчи молчал почти ниллет. В его линзе текла

жидкость, перемещаясь из стороны в сторону. Паук внимательно разглядывал людей. Наконец, побежали цветочные полосы от щели вокруг серой головы.

— Давным-давно, — начал он, — в далеком мире, благословенном изобилием и красотой, не поддающемся никакому описанию, все октопауки жили в огромном океане. На суше было много созданий, одно из которых...

— Прошу прощения, — Николь прервала Арчи и обратилась ко всем: — Я не знаю, как перевести следующий цветочный рисунок.

С помощью нескольких предложений Арчи попытался определить слово другими терминами. «Те, которые исчезли до нас... — проговорила Николь про себя. — Ну хорошо, едва ли возможна абсолютная точность... будем звать их Предтечами».

— На сухопутной части этой прекрасной планеты, — продолжала Николь, — обитало множество существ, среди которых самыми разумными были Предтечи. Они построили аппараты, которые могли летать в воздухе, исследовали окружающие планеты и звезды, они даже научились создавать из простых веществ жизнь, там, где прежде ее не было вообще. Обладая невероятными познаниями, они преобразовали сушу и море.

— Наконец, Предтечи определили, что октопауки обладают огромным потенциалом, так и не проявившимся за долгие тысячелетия существования вида, и начали учить октопауков реализовывать и использовать свои скрытые способности. Шли годы, и октопауки благодаря помощи Предтеч сделались вторыми по разуму на планете,

вступая в весьма сложные взаимоотношения со своими наставниками.

— Тогда Предтечи помогли октопаукам научиться жить вне воды, впитывая кислород непосредственно из воздуха прекрасной планеты. Целые колонии октопауков начали проводить свою жизнь на суше. И однажды, после долгой встречи Верховных Оптимизаторов Предтеч и октопауков, было объявлено, что *все* октопауки станут наземными существами и откажутся от жизни в океанах.

— Внизу, в великих морских глубинах, обитала одна маленькая колония октопауков, их было не более тысячи; ими правил местный оптимизатор, который усомнился в том, что Верховные Оптимизаторы обоих видов приняли правильное решение. Этот местный оптимизатор не подчинился общему мнению и, оставшись в полном забвении, не зная изобилия, предложенного Предтечами, он и многие поколения его потомков продолжали вести простую уединенную жизнь на дне океана.

— Случилось так, что великое несчастье поразило планету, и жить на суше стало невозможно. Погибли миллионы существ, и лишь октопауки, обитавшие в воде, сумели пережить тысячелетия, когда планета пребывала в запустении.

— Наконец, планета оправилась, и горстка оставшихся в океане октопауков выбралась на сушу, но они не нашли там ни своей родни, ни Предтеч. Местный оптимизатор — тот, что жил тысячу лет назад, — был визионером, мистиком-провидцем. Если бы не он, погибли бы все... и вот почему даже сегодня поумневшие октопауки сохраняют способность жить на суше и на море.

По ходу повествования Николь поняла: Арчи рассказывает им нечто совершенно не похожее на все, что люди прежде слышали от октопауков. Неужели это вызвано утренним разговором, когда она сказала Арчи, что люди решили возвратиться в Новый Эдем, как только у Паккеттов родится ребенок? Она не знала. Но можно было не сомневаться: легенда повествовала о давних событиях в истории октопауков.

— Очень интересно, — Николь слегка прикоснулась к Арчи. — Не знаю, понравилась ли она детям...

— По-моему, ничего, — объявил Кеплер. — Я и не знал, что вы можете дышать в воде.

— Как нерожденный ребенок, — проговорила Наи. В этот момент в дверь ворвался взволнованный Макс Паккетт.

— Быстрее, Николь! — крикнул он. — Перерыв между схватками уже только четыре минуты.

Николь поднялась и повернулась к Арчи.

— Пожалуйста, попроси Синего Доктора привести видеоинженера и взять систему квадроидов. Скорее!

Удивительно было наблюдать роды одновременно снаружи и изнутри. Николь давала наставления сразу Эпонине и октопауку-видеоинженеру через Синего Доктора.

— Дыши глубже во время схваток, — кричала она Эпонине. — Передвинь их в глубь родового канала, чтобы света было побольше, — говорила она Синему Доктору.

Ричард не мог отвести глаз. Стоя в сторонке,

он глядел то на изображение на стенке спальни, то на двух октопауков, корпевших над оборудованием. Изображение на стене на одну схватку запаздывало по сравнению с тем, что творилось на постели. Едва заканчивалась очередная схватка, Синий Доктор передавал Николь круглый пяточок, который та наклеивала на бедро Эпонины. Через секунду крошечные квадроиды, только что находившиеся внутри тела Эпонины, бросались к наклейке, а в родовой канал отправлялись новые. Через двадцать — тридцать секунд, требовавшихся на обработку данных, на стене появлялась новая картинка.

Макс доводил всех до безумия. Если Эпонина кричала или стонала, он бросался к ней, хватал жену за руку и принимался корить Николь:

— Ей же больно, почему ты не можешь помочь?

В промежутке между схватками, когда по предложению Николь Эпонина вставала возле постели, чтобы тяготение помогло ходу родов, Макс вел себя еще хуже. Изображение нерожденного сына, застрявшего в родовом канале и с трудом проталкивавшегося наружу, заставляло его раздражаться очередной тирадой.

— О Боже, Боже, поглядите только, — проговорил Макс после особенно сильной схватки. — У него же головка *расплющится*. Ах ты мать-перемать... дырка узкая, не пролезет ведь.

За несколько минут до того, как Мариус Клайд Паккетт появился на свет Божий, Николь успела принять пару решений. В первую очередь она заключила, что ребенок не сможет родиться без дополнительной помощи. Необходимо было про-

известии эпизиотомии, чтобы уменьшить боли и разрывы родового канала. Кроме того, Макса следовало выставить вон, пока он не учинил истерику и не помешал родам.

Элли стерилизовала скальпель по просьбе Николь. Макс бросил на инструмент одичалый взгляд.

— Чего это ты решила делать *этой штуковинной*? — спросил он Николь.

— Макс, — спокойно ответила Николь, поскольку Эпониная еще только ощущала приближение очередной схватки. — Я тебя очень люблю, но сейчас тебе лучше выйти отсюда. Прошу. Я хочу помочь Мариусу родиться, но зрелище будет не из приятных...

Макс не шевельнулся. Когда Эпониная застонала, стоявший в дверях Патрик положил руку на плечо друга. Уже показалась головка ребенка. И Николь начала резать. Эпониная вскрикнула от боли.

— Нет! — в отчаянии завопил Макс при первом виде крови. — *Нет!*.. Вот дерьмо... вот дерьмо!

— А ну, живо выметайся! — закричала Николь, завершая эпизиотомию. Элли торопливо утирала кровь. Патрик развернул Макса кругом, обнял его за плечи и увел в гостиную.

Николь поглядела на картинку, едва только она появилась на стене. Маленький Мариус находился в идеальном положении. *Какая фантастическая техника*, промелькнула мысль. *Она полностью преобразует процесс родов.*

Но времени на размышления не оставалось. Начиналась очередная схватка. Николь взяла Эпонику за руку.

— По-моему, все вот-вот закончится. А теперь тужься как можно сильнее... в течение всей схватки. — Синему Доктору Николь сказала, что больше картинок не потребуется.

— Тужься! — завопили вместе Николь и Элли. Ребенок появился на свет. Показались прядки бурых волосиков.

— Давай, — проговорила Николь, — тужься опять.

— Но я не могу, — простонала Эпониная.

— Можешь!.. Тужься!

Эпониная прогнула спину, глубоко вздохнула, и мгновение спустя маленький Мариус очутился на руках Николь. Элли держала наготове ножницы, чтобы перерезать пуповину. Мальчишка закричал сам, без посторонней помощи.

Макс ворвался в комнату.

— Ну вот, твой сын родился, — Николь обтерла его, перевязала пуповину и вручила младенца гордому отцу.

— О Боже... о Боже... а что же теперь делать? — спросил озадаченный, но сияющий Макс, державший ребенка так, словно бы Мариус был даже не из стекла, а из хрупких алмазов.

— Можешь поцеловать его, — Николь улыбнулась. — Неплохое будет начало.

Опустив голову, Макс нежно поцеловал Мариуса.

— А теперь можешь передать его матери, — сказала Эпониная.

Слезы радости текли по щекам роженицы, когда она поглядела на своего первенца. Николь помогла Максу поднести ребенка к груди Эпонины.

— Ох, мамзелька, — Макс стиснул руку Эпо-

нины, — как я тебя люблю... как сильно я тебя люблю.

Мариус, непрерывно вопивший после рождения, притих, оказавшись на груди матери. Эпониная протянула вторую руку (Макс так и не выпускал другую) и нежно погладила своего ребенка. Глаза Макса вдруг наполнились слезами.

— Спасибо тебе, дорогая, — сказал он Эпони-не. — Спасибо тебе, Николь. Спасибо, Элли.

Макс поблагодарил всех присутствующих в комнате, в том числе и двоих октопауков... потом поблагодарил еще раз и еще. Казалось, он сделался «обнимательной машиной»: даже октопауки не сумели избежать его благодарных объятий.

6

Николь тихонько постучала в дверь и просунула голову в комнату.

— Простите. Кто-нибудь бодрствует?

Эпониная и Макс зашевелились, но никто не открыл глаз, чтобы поприветствовать Николь. Спящий Мариус лежал между родителями. Наконец Макс пробормотал.

— Сколько времени?

— *Прошло* уже пятнадцать минут со времени, назначенного для исследования Мариуса, — проговорила Николь. — Синий Доктор вот-вот вернется.

Макс застонал и обнял Эпони-ну.

— Ну, давай, — сказал он Николь. Макс выглядел ужасно, глаза его покраснели и распухли, под ними появились двойные мешки. — И почему

эти младенцы спят не более двух часов кряду? — спросил он, зевнув.

Николь остановилась в дверях.

— Некоторые спят, Макс... все дети разные. После рождения они обычно следуют тому режиму, к которому привыкли в чреве.

— И почему на это жалуешься ты? — спросила Эпониная, с трудом поднимаясь. — Ты только послушаешь, как он пищит, иногда сменишь пеленку и заваливаешься спать... А мне приходится бодрствовать, пока он ест... Ты хоть раз пытался уснуть, когда кто-то теребит тебя за сосок?

— Так вот оно что! — усмехнулась Николь. — Кажется, наши новые родители за четыре дня растеряли весь прежний пыл.

— Ну, не то чтобы совсем, — с вынужденной улыбкой проговорила Эпониная, одеваясь. — Но, Господи Иисусе, как же я устала!

— Это совершенно нормально, — сказала Николь. — Твоему телу нанесена травма. — Тебе необходим отдых... я же говорила об этом тебе и Максусу на следующий день после рождения Мариуса, когда вы намеревались устроить вечеринку. Первые две недели жизни младенца можно выспаться, лишь подстраиваясь под *его* собственный распорядок дня.

— Вполне верю тебе, — Макс вывалился из двери с одеждой в руках и направился в спальню.

Эпониная поглядела на светло-голубую прямоугольную подушку, которую Николь извлекла из мешка.

— Это одна из новых пеленок? — спросила она.

— Да, — ответила Николь. — Инженеры октопауков внесли некоторые усовершенствования... Кстати, они по-прежнему предлагают использовать мусорщика, но для мочи Мариуса еще ничего не придумали; при мусорщике ребенку останется только пукать...

— Макс абсолютно против всей этой идеи, — прервала ее Эпонина. — Он заявляет, что не разрешит октопаукам экспериментировать на его сынишке.

— Экспериментом я бы это не назвала. Специальный мусорщик, которого они разработали, лишь немногим отличается от тех, что чистят наши туалеты уже шесть месяцев. Подумай, от скольких хлопот ты избавишься...

— Нет, — твердо возразила Эпонина. — Но тем не менее поблагодари октопауков за заботу.

Возвратился Макс, уже переодетый в дневную одежду, хотя и небритый.

— Я хотела сказать тебе, Макс, прежде чем Синий Доктор вернется, — проговорила Николь, — что сумела наконец поговорить с Арчи о нашем возвращении в Новый Эдем... Я стала объяснять Арчи, что мы все хотим уйти, и попыталась обосновать причину... но он ответил, что не вправе разрешить нам оставить Изумрудный город.

— А что это значит? — спросил Макс.

— Арчи утверждает, что этот вопрос должен решить сам Верховный Оптимизатор.

— Ага! Итак, я все же был прав. Мы здесь узники, а не гости.

— Нет, если я правильно поняла слова Арчи. Он сказал мне, что «при необходимости исход

можно устроить», но лишь Верховный Оптимизатор понимает «все факторы» в достаточной степени, чтобы принять правильное решение.

— Еще один пример проклятых октопаучьих бредней, — буркнул Макс.

— Не думаю, — возразила Николь. — Я, пожалуй, обрадовалась... однако Арчи считает, что мы не сумеем встретиться с Верховным Оптимизатором до завершения матрикуляции... Это тот самый процесс, что занимает все время Джеми. Он происходит лишь раз в два года и затрагивает всю колонию.

— И сколько же эта самая матрикуляция продлится? — спросил Макс.

— Еще неделю. Ричард, Элли и я приглашены участвовать завтра «в каких-то сторонах» процесса... звучит интригующе.

— Мы с Мариусом несколько недель должны будем оставаться здесь, — проговорила Эпонина, обращаясь к Макс. — Поэтому неделю можно подождать без всяких проблем.

В этот момент в дверь постучался Синий Доктор. Октопаук вошел в спальню со специализированным оборудованием: с его помощью он собирался обследовать Мариуса. Макс поглядел на пластиковые мешки (в них копошились существа, все вместе напоминавшие черную пасту) и сердито спросил:

— Что это еще за мерзкая грязь?

Николь выложила свои собственные инструменты на стол возле постели.

— Макс, — произнесла она с улыбкой, — почему бы тебе не выйти минут на пятнадцать?

Чело Макса нахмурилось.

— Что вы собираетесь делать с моим мальчонкой? Поджарите на этом масле?

— Нет, — усмехнулась Николь. — Хотя по звукам тебе, быть может, и покажется это.

Элли взяла Никки на руки и обняла ее. Малышка моментально успокоилась.

— Мама уходит с Нонни, Бубой, Арчи и Синим Доктором, — сказала она. — Мы вернемся, когда ты ляжешь в постель...тебе здесь будет хорошо с миссис Наи, Кеплером, миссис Эп...

— А я не хочу оставаться здесь, — недовольным тоном проговорила Никки. — Я хочу с мамочкой, — она поцеловала Элли в щеку. На лице девчушки было написано ожидание.

Когда через несколько секунд Элли опустила ребенка на пол, чудесное личико Никки скривилось и она вновь заплакала.

— Я не хочу... — закричала она, как только мать вышла за дверь.

Элли покачала головой, когда все пятеро направились к площади.

— Хотелось бы знать, что с ней делать. После того инцидента на стадионе она все время липнет ко мне...

— Это вполне нормально, — сказала Николь. — Дети меняются очень быстро в ее возрасте... Тем более что Никки перестала быть центром всеобщего внимания после рождения Мариуса.

— А по-моему, проблема куда глубже, — произнесла Элли несколько секунд спустя. Она повернулась к Николь. — Извини, мама, но я думаю,

чувство незащищенности, которое испытывает Никки, больше связано с отсутствием Роберта, чем с появлением Мариуса.

— Но Роберта нет с нами уже более года, — вмешался в разговор Ричард.

— Едва ли это существенно, — ответила Элли. — На каком-то уровне Никки, безусловно, помнит, что должна иметь обоих родителей... Быть может, она даже полагает, что сперва я бросила ее... а затем Роберт. Неудивительно, что ей не спокойно.

Николь мягко прикоснулась к дочери.

— Но, Элли, если ты права, зачем ей так сильно реагировать именно *сейчас*?

— Не знаю. Быть может, эта история с игуаной напомнила Никки, какая она незащищенная и насколько ей не хватает отца...

За спиной раздавался громкий плач Никки.

— Что бы ее ни тревожило, — вздохнула Элли, — надеюсь, она перерастет это. Когда она плачет, у меня такое чувство, будто ножом по сердцу.

На площади транспорта не оказалось. Арчи и Синий Доктор направились пешком к пирамиде, где октопауки и люди обычно проводили свои совещания.

— Сегодня особенный вечер, — проговорил Синий Доктор, — мы должны сообщить вам о многом, прежде чем вы оставите вашу зону.

— А где Джеми? — спросила Николь, когда они вошли в здание. — Я-то думала, что он идет с нами... да, чуть не забыла: что случилось с

Геркулесом? Мы не видели его после Дня Изабилия.

Пока они поднимались по пандусу ко второму этажу пирамиды, Синий Доктор сообщил им, что Джеми находится со своими друзьями-выпускниками, а Геркулес получил другое назначение.

— Боже, — усмехнулся Ричард, — и даже не попрощался.

Октопауки, еще не научившиеся понимать шуток, извинилась за невежливое поведение Геркулеса, а потом упомянули, что к людям больше не будут приставлять ежедневного наблюдателя.

— Итак, Геркулеса выгнали за какую-то провинность? — спросил Ричард по-прежнему в ироническом тоне. Оба октопаука полностью игнорировали вопрос.

Они вошли в тот же конференц-зал, где Николь изучала пищеварительный процесс октопауков. Несколько больших листов пергамента или шкуры, на которые октопауки наносили свои рисунки и диаграммы, были развешены в уголке, лицом к стене. Синий Доктор попросил Ричарда, Николь и Элли сесть.

— Того, что вы увидите сегодня, — проговорил Арчи, — никогда не видел никто из неоктопауков после образования колонии на Раме. Мы берем вас с собой, чтобы повысить качество коммуникации между двумя видами. Очень важно, чтобы вы поняли, как следует реагировать, прежде чем мы оставим эту комнату и отправимся в Альтернативный Домен.

— Ни при каких обстоятельствах, — добавил Синий Доктор, — вы не должны нарушать ход

событий и пытаться вступать там в непредусмотренные контакты. Вы должны следовать нашим инструкциям беспрекословно. Если вы не согласны на эти условия, немедленно известите нас, и мы оставим вас здесь.

Трое людей встревоженно переглянулись.

— Ты хорошо знаешь нас, — наконец сказала Николь. — Надеюсь, нам не придется делать того, что не соответствует нашим принципам и ценностям. Мы не можем...

— Подобное нас не касается, — перебил ее Арчи. — Мы лишь просим вас оставаться пассивными наблюдателями, что бы вы там ни увидели и ни испытали. Если вы испугаетесь или смутитесь и по каким-то причинам не сможете найти кого-нибудь из нас, просто сядьте там, где находитесь, сложив руки, и подождите, пока мы придем.

Наступило недолгое молчание.

— Даже не могу вам сказать, — продолжил Арчи, — насколько важно сегодня вечером ваше правильное поведение. Почти все оптимизаторы возражали, когда я попросил, чтобы вас допустили. Мы с Синим Доктором лично обещали, что вы не сделаете ничего неподходящего.

— Наши *жизни* будут в опасности? — спросил Ричард.

— Вероятно, нет, — ответил Арчи. — Но *могут* оказаться в опасности. И если сегодняшний вечер закончится фиаско из-за того, что кто-то из вас ошибется, я не уверен... — Арчи не закончил предложение, что весьма необычно для октопауков.

— Итак, ты сообщаешь нам, — проговорила

Николь, — что наша просьба о возвращении в Новый Эдем каким-то образом связана со всей этой историей?

— Наши отношения, — заключил Арчи, — достигли определенного уровня. Допуская вас к процессу матрикуляции, мы пытаемся укрепить взаимопонимание с вами. В этом смысле я даю положительный ответ на ваш вопрос.

Они провели почти полтерта — два человеческих часа — в конференц-зале. Арчи начал с того, что объяснил, в чем собственно заключается матрикуляция. Джеми и его компаньоны, сообщили им октопаук, выросли и должны совершить переход во взрослое состояние. Жизнь молодежи контролируется, и им не разрешается принимать очень важных решений. В конце матрикуляции Джеми и другие молодые октопауки примут одно монументальное решение, которое в корне изменит сущность их жизни. И сама матрикуляция, и даже бо́льшая часть года, предшествующего ей, должны обеспечить взрослеющих октопауков информацией, которая поможет им принять столь важное решение.

— Сегодня, — проговорил Арчи, — всю молодежь отвезут в Альтернативный Домен, чтобы...

Ни Элли, ни Николь не смогли сразу перевести на английский слова, описывающие то, что увидят октопауки. После некоторого обсуждения, получив пояснения от Синего Доктора и Арчи, женщины решили, что лучше всего интерпретировать слова октопаука с помощью термина «представление на темы морали».

На несколько минут разговор отклонился от темы. Синий Доктор и Арчи пояснили людям, что Альтернативный Домен представляет в обиталище октопауков особую область, расположенную не под куполом.

— К югу от Изумрудного города, — говорил Арчи, — октопауки живут по другим законам. В Альтернативном Доме сейчас их обитает около двух тысяч; вместе с ними проживают еще три-четыре тысячи других существ, представляющих дюжину различных видов. Все они ведут беспокойную и беспорядочную жизнь. Там у октопауков нет над головой купола, готового укрыть их; нет запланированных обязанностей; они не имеют доступа к библиотеке; у них нет домов и дорог, за исключением тех, которые они сами соорудили для себя... продолжительность жизни составляет одну десятую от той, на которую может рассчитывать октопаук, обитающий в Изумрудном городе.

Элли вспомнила об Авалоне, учрежденном Накамурой, чтобы уладить вопрос, о котором колонисты Нового Эдема желали забыть. Она подумала, что Альтернативный Домен может представлять собой аналогичное поселение.

— Но почему, — спросила она, — столько ваших родичей (больше 10%, если я не ошибаюсь) вынуждены жить вне купола?

— Ни одного октопаука не заставляют жить в Альтернативном Доме, — ответил Синий Доктор. — Все они оказались там по собственному выбору.

Синий Доктор отправился в уголок и принес

оттуда несколько схем. Затем оба октопаука активно поясняли свои слова графическими материалами. Сперва они объяснили, что еще сотни поколений назад их биологи определили точную связь между сексуальностью и поведением существ их вида; она влияла на активность, агрессивность, территориальность, продолжительность жизни — если ограничиться самыми важными характеристиками. Это открытие было сделано на той стадии исторического развития октопауков, когда уже начинался переход к оптимизации. Но при всеобщем сочувствии к теоретически совершенной основе, способной облагодетельствовать общество, переходу серьезно мешали постоянные войны, племенные разногласия и прочие беспорядки. В те времена биологи октопауков определили, что только лишенное половых различий общество или же по крайней мере такое, в котором лишь немногие особи способны к сексуальной активности, может соблюдать принцип оптимизации, вынуждающий подчинять желания личности нуждам колонии.

Бесконечная последовательность конфликтов убедила всех прозорливых октопауков, что оптимизация останется только дурацкой фантазией, если не обнаружится какой-нибудь способ подавления индивидуализма, противостоящего наступлению нового порядка. Но что можно было сделать? И еще через несколько поколений, наконец, было сделано блестящее открытие: оказалось, что некое химическое соединение, выделенное из растения, похожего на сахарный тростник, — ему дали название «баррикан» — замедляет половое

созревание октопауков. В течение нескольких сотен лет инженеры-генетики проектировали и обрабатывали разные варианты баррикана и в конце концов сумели предотвратить наступление половой зрелости при регулярном применении этого средства.

Опыты на отдельных существах и целых колониях октопауков принесли успех, который даже не снился биологам и прогрессивным политикам из ученых. Сексуально незрелые октопауки оказались более чувствительными к групповым концепциям оптимизации. При регулярном потреблении баррикана задерживалось наступление не только половой зрелости, но и старости. Старение, как весьма быстро определили октопауки-ученые, связано с теми же внутренними часами, что и созревание. А ферменты, приводившие к дряхлению организма октопауков в старости, даже не активировались, если половая зрелость не наступала.

Как утверждали Арчи и Синий Доктор, после этих колоссальных открытий общество октопауков претерпело быстрые перемены. Оптимизация утвердилась повсюду. Социальная наука октопауков начала продумывать организацию такого общества, в котором октопауки будут почти бессмертны, а причинами окончания жизни останутся лишь несчастные случаи или внезапные отказы жизненно важных органов. Когда все колонии заселили бесполое октопауки, амбиции и агрессивность, как и предсказывали биологи, почти исчезли.

— Все это происходило много поколений назад, — проговорил Арчи, — и теперь сделалось лишь информацией, которая может помочь вам

представить сущность процесса матрикуляции. О состоянии дел в нашей колонии, не вдаваясь в подробности, расскажет Синий Доктор.

— Все октопауки, которых вам приходилось встречать до сих пор, — произнес Синий Доктор, — кроме москитоморфов и наполненных (и те и другие вообще бесполы), представляют собой существа, половая зрелость которых подавлена барриканом. Много лет назад, прежде чем авантюрист-биолог сумел обнаружить, каким образом можно изменить пол октопаука на противоположный, отпрысков могла производить только царица... Прежде нормальные взрослые октопауки разделялись на два пола. Существенное различие между ними заключалось в том, что один из полов способен по достижении зрелости оплодотворять царицу. Сексуально настроенные взрослые копулировали удовольствия ради, но, поскольку этот контакт не имел последствий, различия между полами стирались. Более того, долгосрочные связи в колониях чаще завязывались среди представителей одного пола, испытывавших сходные ощущения и разделявших общие точки зрения. Теперь ситуация усложнилась. Благодаря генетическому гению наших предшественников взрослая самка октопауков способна произвести в результате сексуального союза со взрослым самцом одного отпрыска, неспособного достичь зрелости и недолго живущего... в известном отношении умственно отсталого. Этих морфов вы не видели, потому что все они обитают в Альтернативном Домене.

Синий Доктор смолк. Продолжил Арчи.

— Каждый молодой гражданин нашей колонии во время матрикуляции решает, желает ли он достичь половой зрелости. Если ответ его будет отрицательным, октопаук отказывается от сексуальности перед оптимизаторами колонии. Так когда-то поступили и мы — я и Синий Доктор, который является самкой. По законам, действующим среди октопауков, лишь при матрикуляции личность может сделать подобный выбор без всяких последствий. Оптимизаторы не проявляют благосклонности к тем, кто без необходимости для колонии обнаруживает желание подвергнуться сексуальной метаморфозе после того, как их карьера уже тщательно спланирована и продумана.

И вновь заговорила Синий Доктор.

— После всего услышанного сегодня вы можете усомниться в том, что молодой октопаук способен выбрать половую зрелость. Но, откровенно говоря, и для этого есть причины, заставляющие по крайней мере *некоторых* молодых октопауков выбирать альтернативное состояние. Вот первая и главная: самка октопауков знает, что ее шансы породить отпрыска значительно уменьшаются, если она решает остаться бесполой после матрикуляции. Наша история свидетельствует о том, что этих самок лишь в случае крайней необходимости в значительном количестве привлекают к рождению молодых октопауков. Низкий уровень способностей и бесплодие делают их отпрысков менее желанными для колонии, кроме тех случаев, когда необходимо сразу влить в общество большее количество октопауков. Некоторым из молодых строгая регламентация и пред-

сказуемость нашей жизни в Изумрудном городе кажутся неприемлемыми, они стремятся самостоятельно принимать решения. Есть такие, что опасаются решения оптимизаторов: боятся оказаться не там, где хотят. Но тем, кто выбирает сексуальность, жизнь в Альтернативном Домене представляется свободной и волнующей, полной очарования и приключений. Они не понимают, от чего отказываются... и в этот миг качество их жизни кажется им важнее возможной ее продолжительности...

Во время долгого разговора Ричард, Николь и Элли время от времени перебивали октопауков, спрашивая пояснений по важным вопросам. В конце концов выяснилось, что они точно перевели все объяснения октопауков. Настал вечер, и люди устали: подобное изобилие информации трудно переварить сразу.

— Минуточку, — заторопился Ричард, когда Арчи показал ему, что пора идти. — Простите... но, кажется, я не могу понять один фундаментальный вопрос. Почему вообще допускается этот выбор? Почему оптимизаторы не могут предписать всем октопаукам принимать баррикан и оставаться бесполоыми, если колонии не требуется увеличить население?

— Очень хороший вопрос, — отозвался Арчи, — однако ответ будет сложным, а потому позвольте мне экономии ради ограничиться упрощенным объяснением: мы полагаем, что личность имеет право на свободный выбор в этом вопросе. И еще, как вы сегодня увидите, альтер-

наты также выполняют в нашей колонии определенные функции — при взаимной выгоде.

7

Выехав из отведенной людям зоны, повозка направилась не тем путем, которым они ехали на стадион в День Изобилия. На сей раз путь их лежал по тускло освещенным улицам на окраинах города. Люди не увидели ничего такого, что напоминало бы деловитые пестрые сцены, с которыми столкнулись во время предыдущей экскурсии. Спустя несколько фенгов транспорт доставил их к высоким закрытым воротам, очень похожим на те, через которые они впервые вступили в Изумрудный город.

Подошли два октопаука, заглянули в повозку. Арчи что-то проговорил им цветовыми полосами, и один из них вернулся в здешний аналог караульной будки. Ричард заметил яркие вспышки, запестревшие на темной стене.

— Связывается с властями, — сказала Синий Доктор людям. — Мы не уложились в отведенный для нашего прибытия интервал, и наш входной код более не действителен.

Подождав несколько ниллетов, второй октопаук поднялся в повозку и тщательно осмотрел ее. Никто из людей еще не видел столь строгих предосторожностей в Изумрудном городе, даже на стадионе. Опасения Элли только усилились, когда офицер службы безопасности октопауков без предупреждения открыл ее сумочку и проверил содержимое. Вернув сумочку Элли, октопаук спу-

стился на землю. Ворота отворились, и повозка выехала из зеленого купола, но уже менее чем через минуту остановилась в темноте.

Кроме них на стоянке находилось еще тридцать или сорок транспортных средств.

— Эта область, — пояснила Синий Доктор, пока они спускались из повозки в свете пары светляков, — называется Районом Искусств. Кроме него и зоопарка, расположенного неподалеку, других районов Альтернативного Домена октопауки, проживающие в Изумрудном городе, обычно не посещают. В особенности оптимизаторы не одобряют посещения жилых массивов, которые расположены южнее... В основном октопауки знакомятся с Альтернативным Доменом, совершая короткую поездку на последней неделе матрикуляции.

Здесь было куда прохладнее, чем в Изумрудном городе. Арчи и Синий Доктор устремились вперед. Люди еще не видели, чтобы октопауки передвигались с подобной скоростью.

— Поспешите, — проговорил Арчи, обернувшись, — или мы опоздаем. — Людям пришлось бежать, чтобы держаться с ними вровень.

Пройдя примерно три сотни метров, они приблизились к освещенному району. Тут Арчи и Синий Доктор заняли места по краям шедших рядом людей, так что все пятеро шли бок о бок.

— Мы входим на Площадь Художников, — сказала Синий Доктор, — здесь альтернаты предлагают для обмена свои художественные произведения.

— Как это для обмена? — спросила Николь.

— Артистам нужны кредиты на еду и прочие

необходимые вещи. Они предлагают свои произведения обитателям Изумрудного города, у которых есть лишние деньги, — ответила Синий Доктор.

И хотя Николь охотно бы продолжила разговор на эту тему, ее внезапно отвлекла ошеломляющая вереница предметов на самодельных лотках; на Площади Художников собралось изрядное количество октопауков и других существ. Квадратную площадь со стороны метров семьдесят или восемьдесят пересекала широкая улица, протянувшаяся от театра, к которому они направлялись. По обоим бокам шеренги Арчи и Синий Доктор протянули щупальца вдоль человеческих спин, и все пятеро единым строем ушли с кишачей разнообразными существами площади.

Тут их остановили несколько октопауков, державших предназначенные для обмена предметы. Ричард, Николь и Элли сразу заметили, что, как говорил им Арчи во время долгой беседы, альтернаты не следовали официальным речевым обычаям, принятым среди октопауков Изумрудного города. Вокруг голов не струились опрятные цветочные полосы; их заменяли неуклюжие, небрежные последовательности цветочных пятен различной ширины. Один из уличных торговцев, небольшой, очевидно, молодой октопаук, когда Арчи движением конечности велел ей или ему удалиться, перепугал Элли, на несколько долей секунды охватив щупальцем ее руку. Арчи тремя щупальцами грубо отбросил нападавшего с пути — в направлении одного из октопауков с тряпочным мешочком через плечо. Синий Доктор пояснила,

что наличие мешка указывает на то, что данный октопаук является полицейским.

Николь шла быстро, но вокруг было столько нового — и она вдруг ощутила, что задыхается. Даже не представляя назначение многих предметов, которые предлагались для обмена на площади, она сумела заметить и оценить попадавшиеся кое-где картины, скульптуры и крошечные статуэтки из дерева либо из какого-то аналогичного материала, изображавшие различных обитателей Изумрудного города. В одной секции квадрата были выставлены цветные узоры, нанесенные на нечто вроде пергамента. Потом уже, внутри театра, Синий Доктор пояснила, что форма искусства, воплощенная этими узорами, совмещает, по человеческим меркам, поэзию и каллиграфию.

Пересекая улицу, Николь заметила на стене, в двадцати метрах слева от нее, большую на редкость прекрасную фреску — смелые цвета радовали глаз, а композиция свидетельствовала о мастерстве художника, знавшего как материал, так и оптические закономерности. Впечатляла и техника, но заворожили Николь эмоции, запечатленные в телах и лицах октопауков и других созданий, изображенных на фреске.

— Триумф оптимизации, — бормотала Николь себе под нос, наклоняя голову, чтобы прочесть подпись, сделанную красками... В верхней части фрески был изображен космический корабль на фоне звезд, под ним океан кишел живыми существами, с противоположных сторон его охватывали джунгли и пустыня. В середине огромный октопаук с посохом стоял на гряде из тридцати-

сорока распростертых животных, шевелившихся в пыли под его щупальцами. Сердце Николь едва не выпрыгнуло из тела, когда она увидела, что одно из поверженных существ было молодой женщиной, бронзовотелой, с пронзительными голубыми глазами и короткими кудрявыми волосами.

— Поглядите-ка на эту фреску, — воскликнула она, обращаясь к остальным.

В этот миг какое-то небольшое животное пробежало у них под ногами и отвлекло всех. Двое октопауков прогнали нарушителя и вновь направились вместе со своими спутниками к театру. Шагая по улице, Николь обернулась назад, чтобы проверить действительно ли она увидела молодую женщину на картине или это ей только показалось. Издали она не могла различить черт лица, но Николь тем не менее не сомневалась, что видела ее. *Но как и когда?* — гадала Николь, входя в театр.

Занятая своим открытием, Николь лишь вполуха слушала разговор Ричарда с Арчи о том, как использовать транслятор во время представления. Когда люди заняли свои стоячие места в пятом ряду круга над ареной и Синий Доктор показала одним щупальцем на сектор слева от них, где находились Джеми и другие матрикулирующие октопауки, она даже не взглянула в ту сторону. *Должно быть, я ошиблась,* решила Николь. Ей хотелось, оставив все, бежать на площадь и проверить, так это или нет. Но потом она вспомнила, как Арчи настаивал на тщательном соблюдении всех инструкций именно сегодня. *Самнений нет, жен-*

щину с этой картины я видела, сказала себе Николь, когда три больших светляка слетели вниз и повисли над ареной в центре театра, но если все так, что означает это изображение?

В спектакле не было перерывов, и продолжался он чуть дольше двух вуденов. Действие происходило непрерывно, причем на сцене постоянно находилось несколько октопауков. Не было ни декораций, ни костюмов. В начале театрального зрелища семеро основных персонажей вышли вперед и кратко представились — двое матрикулирующих пауков каждого пола, по паре приемных родителей и один альтернативный самец... когда он говорил, яркие прекрасные цвета разбегались до самых концов щупалец.

За несколько первых минут спектакля выяснилось, что двое матрикулирующих молодых дружили многие годы и, невзирая на добрый и разумный совет приемных родителей, выбрали раннюю половую зрелость. «Я хочу, — говорила молодая октопаучиха в своем первом монологе, — породить дитя от союза с моим другом». Во всяком случае, так Ричард перевел ее слова. Он с радостью взирал на результаты своей работы с усовершенствованным транслятором и, забыв, что октопауки глухи, беспрестанно разговаривал во время всего представления.

Сойдясь в центре сцены, четверо октопауков-родителей, выразили беспокойство: «могучие незнакомые эмоции», сопровождающие сексуальную трансформацию, безусловно, изменят судьбу их приемных детей. Впрочем, стараясь быть объек-

тивными, все четверо взрослых признали, что, поскольку сами они решили отложить половую зрелость, то не могут дать совет, основанный на собственном опыте.

Где-то в середине представления оба молодых октопаука разошлись по противоположным углам сцены, и, судя по освещению и нескольким коротким репликам актеров, аудитория могла заключить, что каждый из них, перестав принимать баррикан, оказался в одиночестве — в некотором переходном домене.

Наконец, преобразившись, два октопаука пересекли сцену и встретились в центре ее; вид их цветовой речи полностью изменился. Эффект потрясал, актеры добились его, сделав ярче краски слов... четкие, почти идеальные полосы юношеских разговоров обрели индивидуальные особенности. На сцене их сразу окружили с полдюжины октопауков — все альтернаты, судя по разговору, — и пара животных, похожих на польские сосиски; эти гонялись за всем, что только могли заметить. Молодая пара явно оказалась в Альтернативном Домене.

Из темноты, окружавшей сцену, появился альтернативный самец, представленный в начале спектакля. Яркими речами, в которых октопаук-актер сперва заставлял слова обегать голову горизонтальными и вертикальными полосами, а затем сложил из них геометрические узоры, чередуя их с фейерверками, исходящими из разных мест головы, пришелец полностью зачаровал молодую самку и увел ее от друга детства. Немного ниллетов спустя старший альтернат, умевший говорить

удивительными цветовыми полосами, пристроив младенца в передний мешок молодой самки, оставил ее «в слезах» — так истолковал Ричард ее пребывание в уголке сцены... В одиночестве она посылая вокруг головы неровный импульс за импульсом.

Тут самец, матрикулировавший в ранних сценах, явился на свет, увидел свою истинную любовь в отчаянии и исчез в окружавшей сцену темноте. Через мгновение он вернулся с альтернатом, совратившим его подружку, и два самца сошлись в жуткой, но завораживающей схватке посреди сцены. На головах их бушевали цвета; целый фенг они ударяли, крушили, душили, сотрясали друг друга судя по всему, победил младший октопаук, поскольку, когда действие закончилось, альтернат остался без движения на сцене. Скорбные заключительные реплики героя и героини говорили о морали всего представления. Когда оно завершилось, Ричард, взглянув на Николь и Элли, с непочтительной улыбкой отметил:

— Прямо как у нас в «Отелло», где все в конце концов погибают.

Под надзором октопауков с мешочками матрикулирующая молодежь первой покинула театр, за ними последовали Арчи, Синий Доктор и их спутники-люди. Процессия остановилась на улице несколько минут спустя, тесным кольцом окружив троих октопауков, занявших середину улицы. Ричард, Николь и Элли, ощутив прикосновение могучих щупалец своих друзей к спинам, остановились, чтобы посмотреть на происходящее. Двое из октопауков, находившихся в центре толпы,

были с жезлами и сумками; третий, которого они держали, широкими и неровными цветовыми полосами твердил: «Пожалуйста, помогите мне».

— Эта октопаучиха, — проговорил один из полицейских, четко отмеривая слова, — уже четыре цикла назад попавшая в Альтернативный Домен, никак не научится добывать кредиты. В предыдущем цикле ее предупредили, что она сделалась растратчицей наших общих ресурсов; за два дня до праздника Изобилия ей было приказано готовиться к терминации. С тех пор она пряталась среди друзей в Альтернативном Домене...

Скрючившаяся октопаучиха вдруг метнулась в толпу — в ту сторону, где стояли люди. Толпа отступила назад, и Элли, оказавшаяся ближе всех к тому месту свалки, упала на землю. Менее чем за ниллет полиция с помощью Арчи и нескольких матрикулирующих молодых вновь схватила беглянку.

— Нежелание явиться на запланированную терминацию является одним из самых худших преступлений, которые может совершить октопак, — сказал полицейский. — Оно наказывается немедленной терминацией сразу после задержания.

Один из полицейских извлек из наплечной сумки несколько извивающихся червеподобных существ. Преступная октопаучиха отчаянно противилась, но двое полицейских затолкали червей ей в рот. Каждый из них дважды ударил осужденную жезлом, и она рухнула между своими палачами. Уже успевшая подняться на ноги Элли не смогла подавить крик ужаса, когда существа

исчезли во рту октопаучихи. Та ощутила дурноту, но смерть наступила быстро.

Возвращаясь рука об руку с Арчи и Синим Доктором по площади обратно к стоянке, где их ожидала повозка, никто из людей не проронил ни слова. Николь была настолько ошеломлена увиденным, что даже не вспомнила о картине, на которой, как ей показалось, было изображено человеческое лицо.

Николь так и не сумела заснуть и посреди ночи услышала шум в гостиной. Она торопливо поднялась с постели и накинула халат. Не включая света, Элли сидела на кушетке. Николь опустилась возле дочери и взяла ее за руки.

— Не смогла уснуть, мама. Я все передумала, но ничего не складывается... мне кажется, что меня предали.

— Понимаю, Элли. Я ощущаю то же самое.

— Я думала, что *понимаю* октопауков. Я доверяла им... я считала, что они во многом выше нас, но после увиденного сегодня...

— Убийство не радует никого. Даже Ричард сперва ужаснулся... Но, когда мы легли спать, шепнул мне: он не сомневается в том, что эпизод на улице инсценирован специально для матрикуляторов... Еще посоветовал не делать сразу далеко идущих выводов и не позволять себе излишней эмоциональной реакции на отдельный инцидент...

— Я еще никогда не видела, чтобы разумное существо убивали прямо на моих глазах... И за какое преступление? За нежелание явиться на терминацию?

— Мы не можем судить их теми же критериями, что и людей. Октопауки — вид совершенно другой, их социальная организация полностью отличается от нашей и наверняка даже сложнее. Мы только начинаем их понимать... Не забудь — они вылечили Эпониу от RV-41 и позволили нам воспользоваться их техникой, когда у нас возникли трудности при рождении Мариуса.

— Я не забыла, — ответила Элли. Она помолчала несколько секунд. — Знаешь, мама, я разочарована: как тогда в Новом Эдеме удивлялась, почему люди, способные делать добро, могут терпеть тирана, подобного Накамуре. А теперь оказалось, что и октопауки могут быть столь же скверными на свой лад... повсюду так много несправедливости...

Николь утешила дочь, обняв ее за плечи. *Нет легких ответов, моя дорогая Элли*, подумала она. Перед ее умственным взором торопливо пробежала цепь невероятных событий прошедшей ночи, в том числе и оставшаяся неизвестной женщина на фреске октопауков. *Зачем же все это, бабуся?* — спросила она себя. *Действительно ли там было это лицо или ты переутомилась и излишние фантазии начинают смущать тебя?*

8

Окончив бритье, Макс смыл с лица остаток желе, что служило здесь кремом для бритья. Помедлив, вытащил пробку, и вода исчезла из каменного умывальника. Тщательно вытершись небольшим

полотенцем, Макс вернулся к Эпонине, сидевшей на кровати с Мариусом на руках.

— Ну, мамзелька, — усмехнулся он, — скажу тебе честно — волнуюсь: с кем, с кем, а с Верховным Оптимизатором еще не встречался. — Он подошел к ней. — Помню, правда, был я раз в Литл-Роке на встрече фермеров, пришлось сидеть на банкете рядом с губернатором Арканзаса... Тогда я тоже нервничал, но чуть-чуть.

Эпонина улыбнулась.

— Вот волнующимся я представить тебя не могу.

Макс молча глядел на жену и сына. Младенец ворковал за едой.

— А тебе действительно приятно возиться с ним?

Эпонина кивнула.

— Такого удовольствия я еще не испытывала. Чувства — не знаю точного слова, — быть может, общности, близости... это неопишимо.

Макс покачал головой.

— Да, мы ведем удивительную жизнь! Прошлой ночью, меняя Мариусу пеленки, я подумал: вот мы, как миллионы людей, возимся со своим первенцем, а за дверями этого дома город инопланетян, в котором заправляют... — мысль свою он не закончил.

— С последней недели Элли переменялась, — произнесла Эпонина. — Она словно погасла и все разговаривает о Роберте...

— Казнь потрясла ее, — прокомментировал Макс. — Наверное, женщины от природы более чувствительны к насилию. Помню, как Клайд с

Виноной поженились. Он привез ее к себе на ферму, и когда нам пришлось зарезать парочку свиней, лицо у нее стало совсем белым... она ничего не сказала, но больше смотреть не стала.

— Элли молчит о событиях той ночи, — проговорила Эпониная, перекладывая Мариуса к другой груди. — Это вовсе на нее не похоже.

— Вчера вечером Ричард попросил у Арчи объяснений, когда они обсуждали список деталей, необходимых для изготовления транслятора для каждого из нас... Он утверждает, что поганый октопаук вилял, как лиса, и прямых ответов не давал. Арчи даже не стал подтверждать то, что Синий Доктор рассказывала Николь о принципах терминаторной политики.

— Жутковато, не правда ли? — Эпониная скривилась и продолжила:

— А Николь говорила, что Синий Доктор несколько раз ей все повторила, а потом она сама пересказала то же самое на английском в присутствии Синего Доктора, чтобы удостовериться в том, что правильно все поняла.

— Ничего сложного, — Макс выдавил улыбку, — даже для фермера. Любой взрослый октопаук, вклад которого в нужды колонии за определенный период времени не равен ресурсам, израсходованным на поддержание его жизни, зачисляется в терминаторный список. И если виновный не исправляется, после назначенного времени его терминируют.

— Синий Доктор говорила, — ответила Эпониная после короткой паузы, — что политику определяют оптимизаторы. Они решают, кто чего стоит...

— Я знаю, — сказал Макс, опуская руку, чтобы погладить младенца по спинке. — Наверное, поэтому Ричард и Николь так волнуются сегодня. Нас никто не упрекал, но мы пользуемся ресурсами колонии достаточно долго и едва ли способны как-то расплатиться с ними...

— Ты готов, Макс? — Николь просунула в дверь голову. — Все уже вышли и ждут у фонтана.

Макс наклонился и поцеловал Эпонину.

— А вы с Патриком сумеете справиться с Бенджи и детьми? — спросил он.

— Безусловно, — ответила Эпонина. — С Бенджи никаких сложностей не предвидится, а Патрик столько времени проводит с детьми, что стал специалистом по их воспитанию.

— Я люблю тебя, мамзелька, — произнес Макс, махнув на прощание.

Возле рабочего пространства Верховного Оптимизатора для них поставили пять кресел.

Даже когда Николь второй раз пояснила смысл слова «офис» Арчи и Синему Доктору, оба октопаука дружно заявили, что слова «рабочее пространство» значительно лучше описывают место, где работает Верховный Оптимизатор.

— Иногда Верховный Оптимизатор несколько запаздывает, — извиняясь, проговорил Арчи. — Неожиданные события в колонии могут заставить ее изменить запланированный распорядок дня.

— Значит, действительно происходит нечто весьма серьезное, — сказал Ричард Макс. — Пунктуальность является одной из отличительных черт октопауков как вида.

Пятеро людей в молчании ожидали встречи, погрузившись каждый в собственные раздумья. Сердце Наи отчаянно колотилось. Смущенная и взволнованная, она вспомнила, что испытывала аналогичное чувство школьницей, ожидая аудиенции у дочери короля Таиланда, принцессы Сури, после того как выиграла первый приз на общенациональном учебном конкурсе.

Через несколько минут октопаук пригласил людей в следующую комнату, где их известили о том, что Верховный Оптимизатор вместе с советниками вот-вот прибудет. Здесь через прозрачные окна они могли видеть суету вокруг себя. Небольшой зал напомнил Ричарду пульт управления ядерной энергоустановкой или рубку пилотируемого космического корабля: повсюду октопаучьи компьютеры и видеомониторы, возле них — техники. Ричард захотел узнать, чем заняты октопауки снаружи, но, прежде чем Арчи успел ответить, в комнату вошли три октопаука.

Все пятеро людей рефлексивно поднялись. Арчи представил людей Верховному Оптимизатору, ее заместителю по Изумрудному городу и главному оптимизатору службы безопасности. Трое октопауков протянули по одному щупальцу к людям, обменявшись с ними рукопожатием. Арчи пригласил людей садиться, и Верховный Оптимизатор немедленно приступила к разговору.

— Мы знаем, — сказала она, — что вы затребовали разрешения возвратиться в Новый Эдем, чтобы присоединиться к остальным представителям вашего вида, обитающим на Раме. Подобное требование нас не удивляет, поскольку историче-

ские данные свидетельствуют, что бо́льшая часть наделенных сильными эмоциями разумных существ, прожив известное время в окружении чуждых им инопланетян, начинает ощущать дискомфорт и стремится вернуться в более знакомый мир. И сегодня мы просто хотим предоставить вам дополнительную информацию, способную повлиять на ваше решение возвратиться в Новый Эдем.

Арчи пригласил всех людей последовать за Верховным Оптимизатором. Группа прошла через комнату, похожую на те две, которые они уже посетили, и вступила в прямоугольный зал с дюжиной настенных экранов, размещенных на уровне глаз октопауков.

— Еще до вашего бегства мы внимательно следили за развитием событий в вашем поселении, — проговорила Верховный Оптимизатор, когда все собрались. — Сегодня мы решили поделиться с вами некоторыми новостями.

Мгновение спустя включились экраны на стенах; на каждом двигались люди, занятые повседневными делами в Новом Эдеме. Качество изображения было отнюдь не идеальным, и каждый видеоотрывок длился не более нескольких ниллетов, но в смысле происходящего на экранах ошибиться было трудно.

На несколько секунд люди потеряли дар речи. Замерев, они разглядывали изображения на стенах. На одном из экранов Накамура, одетый как японский сёгун, держал речь перед толпой, собравшейся на площади Сентрал-Сити. В его руке был большой рисунок, изображающий октопаука, и хотя экраны безмолствовали, из его действий

и жестов толпы было ясно, что Накамура призывает всех выступить против октопауков.

— Ну, черт побери, — Макс переводил взгляд с одного экрана на другой.

— А посмотрите-ка туда, — произнесла Николь. — Это же Эль-Меркадо в Сан-Мигеле.

В беднейшем из четырех поселков Нового Эдема дюжина белых и желтокожих крепышей с лентами каратистов на головах избивала четырех черных и смуглых юношей прямо перед глазами пары новоэдемских полицейских и безрадостной толпы жителей деревни. После драки Тиассо и Линкольны подобрали избитых, а окровавленные тела погрузили в большую повозку с тремя колесами.

На другом экране хорошо одетые люди, в основном белые и азиаты, веселились в Вегасе Накамуры. Яркие огни манили в казино, на котором огромная реклама объявляла о «Дне Благодарности Гражданина» и сулила каждому участнику вечеринки бесплатно дюжину лотерейных билетов. Обрамляли рекламу два больших плаката с портретом Накамуры — улыбающегося, в белой рубашке и галстуке.

Монитор на стене за спиной Верховного Оптимизатора показал внутренности тюрьмы Централ-Сити. Арестованную женщину с живописной прической заталкивали в камеру, где уже находилось двое заключенных. Новая гостья исправительного заведения явно жаловалась на тесноту, но полицейский без колебаний втолкнул ее в камеру и расхохотался. Когда он вернулся к столу, видео показало две фотографии, приколотые к стене: под изображениями Ричарда и Николь

крупными черными буквами было выписано слово «НАГРАДА».

Октопауки терпеливо ожидали, пока люди разглядывали экран за экраном. «Как такое могло произойти?» — повторял Ричард, качая головой. Потом экраны вдруг погасли.

— Мы выбрали сорок восемь отрывков, — проговорила Верховный Оптимизатор, — чтобы показать вам, что все они сделаны в Новом Эдеме за последние восемь дней. Оптимизатор — вы зовете его Арчи — располагает каталогом отрывков, в котором приводится время, место и описание событий. Если хотите, вы можете провести здесь больше времени, проглядеть отрывки еще раз, обсудить их и задать вопросы двум октопаукам, которые привели вас сюда. У меня есть другие дела... но, если завершив просмотр, вы пожелаете вновь пообщаться со мной, я представлю вам эту возможность.

Верховный Оптимизатор оставила зал, за ней последовали обе помощницы. Николь опустилась в одно из кресел. Она побледнела и словно ослабла. Элли подошла к ней.

— Что с тобой, мама?

— Все в порядке, — ответила Николь. — Как только начали показывать эти отрывки, я ощутила острую боль в груди. Наверное, от удивления и волнения. Но сейчас все в норме.

— Быть может, ты хочешь вернуться домой отдохнуть? — спросил Ричард.

— Смеешься? — отозвалась Николь со своей характерной улыбкой. — Я не пропущу этих кадров, даже если бы мне грозила смерть.

Немые короткие фильмы они рассматривали почти три часа. Из видео было ясно, что о какой-либо свободе личности в Новом Эдеме не может быть и речи и что бо́льшая часть колонистов с трудом обеспечивает себе даже скромное существование. Накамура укрепил свою власть над колонией и раздавил всю оппозицию. Но правил он гражданами мрачными и несчастными.

Сперва все люди следили за каждым отрывком совместно, но через три или четыре просмотра Ричард решил, что подобная трата времени крайне неэффективна.

— Оптимизатор ты наш, — объявил Макс, не думая возражать.

В одном кадре промелькнула Кэти. В Вегасе выходила на работу ночная смена. Уличные проститутки искали клиентов у дверей одного из клубов. Кэти подошла к одной из женщин, о чем-то недолго поговорила с ней и исчезла из виду. Ричард и Николь отметили, как исхудала и устала их дочь. Они попросили Арчи несколько раз повторить отрывок.

Другой был целиком отведен госпиталю в Сентрал-Сити. Без всяких слов было ясно, что там не хватает лекарств, персонала... что оборудование приходит в негодность. В одной из наиболее отвратительных сцен молодая женщина средиземноморского происхождения — наверное, гречанка, — умирала после трудных родов. Палату освещали свечи, а контрольная аппаратура, способная помочь поставить диагноз и спасти ее жизнь, необъяснимым образом так и оставалась не включенной возле постели.

Во всех посвященных госпиталю сценах фигурировал Роберт Тернер. Как только Элли увидела фигуру мужа в знакомом коридоре, она разразилась слезами. И прорыдала весь отрывок, а потом сразу попросила повторить. Только поглядев на мужа третий раз, она сумела что-то выговорить:

— Такой замученный, такой утомленный. Роберт так и не научился заботиться о себе.

Когда все наконец выдохлись и более не хотели повторений, Арчи спросил у людей: не желают ли они переговорить с Верховным Оптимизатором?

— Не теперь, — ответила Николь, выражая всеобщее мнение. — Нам нужно время, чтобы переварить все, что мы видели.

Наи поинтересовалась, нельзя ли кое-какие отрывки прихватить с собой в Изумрудный город.

— Мне бы хотелось рассмотреть их повнимательнее в свободное время, а также показать все Патрику и Эпонине. — Арчи ответил, что, к сожалению, видеозаписи можно просматривать лишь в одном из коммуникационных центров.

Возвращаясь в свою зону, Ричард разговаривал с Арчи, демонстрируя, как хорошо работает теперь его транслятор в реальном времени. Ричард завершил последние испытания как раз за день до встречи с Верховным Оптимизатором. Транслятор мог переводить и естественную речь октопауков, и специально подогнанный под визуальные способности людей диалект. Арчи выразил восхищение.

— Кстати, — добавил Ричард погромче, чтобы все сородичи могли слышать его, — едва ли можно

надеяться, что вы расскажете, *каким способом* вам удалось получить видеоотрывки из Нового Эдема.

Арчи ответил не колеблясь:

— Их приносят летающие видоеквадриды. Это более совершенный вид, они еще меньше по размеру, чем обыкновенные.

Николь перевела Макс и Наи.

— Ё-моё, — бормотнул Макс, энергично потрянув головой. Он встал и перешел к противоположной стенке повозки.

— Я никогда не видел Макса таким печальным и напряженным, — проговорил Ричард, обращаясь к Николь.

— И я тоже, — ответила она. Пообедав вместе с семьей и друзьями, они совершали моцион по специально выделенной для этих целей тропе. Одинокий светляк следовал за Ричардом и Николь от конца их тупика до площади на другом конце улицы и обратно.

— Как по-твоему, Макс передумает возвращаться? — спросил Ричард, когда они вновь обогнули фонтан.

— Не знаю. Похоже, он потрясен... но еще больше ему не нравится, что октопауки способны видеть все, что мы делаем. Вот почему он хочет вместе с семьей вернуться в Новый Эдем, даже если все остальные останутся здесь.

— Ты не нашла возможности переговорить с Эпониной с глазу на глаз?

— Позавчера она принесла Мариуса, когда он проснулся днем. Пока я мазала ему сыпь, она

спросила меня, говорила ли я Арчи о том, что они собрались уходить... причем с испугом.

Они обходили площадь. На ходу Ричард вытаскивал небольшой платок и вытер пот со лба.

— Все так переменялось, — проговорил он, обращаясь столько же к себе, сколько и к Николь.

— Не сомневаюсь, что все это учтено в планах октопауков. Демонстрируя нам эти кадры, они не только хотели показать, что в Новом Эдеме не все благополучно. Они знали, как мыотреагируем, получив достаточно времени на обдумывание.

Пара в безмолвии направилась назад к своему временному пристанищу. Когда они в очередной раз огибали фонтан, Ричард произнес:

— Итак, они наблюдают за всем, что мы делаем, не исключая и этого разговора?

— Безусловно, — ответила Николь. — Именно это хотели сказать нам октопауки, показав кадры... Нам не позволено иметь секретов. О бегстве не может быть и речи. Мы полностью в их власти... Хотя я со своим мнением, наверное, останусь в одиночестве, но я все же не верю, что они намереваются причинить нам вред... Впоследствии они, возможно, даже позволят нам вернуться в Новый Эдем...

— Этого никогда не произойдет. Тогда они растратят бездну ресурсов без видимого эффекта. Ситуация, бесспорно, не оптимальная... нет, я полагаю, что октопауки все еще пытаются пристроить нас каким-то образом в свою замкнутую систему.

Ричард и Николь торопливо совершили послед-

ний обход, остановились возле фонтана, попили воды.

— А как ты себя чувствуешь? — спросил Ричард.

— Великолепно. Ни боли, ни одышки. Вчера меня обследовала Синий Доктор, она не обнаружила новой патологии. Мое сердце просто ослабело и состарилось... следует учитывать все связанные с этим проблемы.

— Интересно, какую нишу мы займем в мире октопауков, — проговорил Ричард несколько мгновений спустя, когда оба они умывались.

Николь поглядела на мужа.

— А кто, как не ты, несколько месяцев назад смеялся надо мной, когда я пыталась разобраться в их мотивах?.. Неужели ты можешь быть настолько уверен в том, что понимаешь цели октопауков?

— Вовсе нет, — ухмыльнулся Ричард. — Но естественно предположить, что высшие существа в любой ситуации будут руководствоваться логикой.

Ричард разбудил Николь посреди ночи.

— Прости, что беспокою тебя, дорогая, но у меня есть проблема.

— Что такое? — спросила Николь, садясь в постели.

— Дело неловкое, — ответил Ричард. — Вот почему я молчал об этом раньше... Все началось после Дня Изобилия... Я думал, что все пройдет, но на прошлой неделе боль стала нестерпимой...

— Продолжай, Ричард, — Николь ощущала

легкое раздражение от того, что муж нарушил ее сон. — Ну же... о какой боли ты говоришь?

— Каждый раз при мочеиспускании я ощущаю это жжение...

Задумавшись, Николь попыталась подавить зевок.

— Кроме того, ты стал мочиться чаще? — заключила она.

— Да... как ты узнала?

— Когда Ахиллеса купали в реке Стикс, его, должно быть, держали за простату, — проговорила она. — Безусловно, эта железа — самая слабая деталь в анатомии мужчины... Ляг на живот, я осмотрю тебя.

— *Прямо сейчас?*

— Если из-за боли ты способен разбудить меня посреди ночи, — усмехнулась Николь, — то по крайней мере можешь поскрежетать зубами, пока я буду пытаться проверить свой диагноз.

Синий Доктор и Николь сидели вместе в доме октопауков. На одной из стен застыли четыре кадра.

— Изображение на крайнем левом, — проговорила Синий Доктор, — показывает новообразование, каким оно было десять дней назад в то утро, когда ты попросила меня подтвердить диагноз. На втором кадре представлено увеличенное изображение опухолевых клеток. Клеточная аномалия, которую вы называете раком, помечена синим пятном.

Николь хмуро улыбнулась.

— Я с трудом пытаюсь переориентировать свое

мышление, — сказала она. — Разговаривая со мной о заболевании Ричарда, ты пользуешься не сочетанием цветов, означающим болезнь, а словом, которое на вашем языке означает аномалию.

— Для нас, — ответила Синий Доктор, — болезнь есть нарушение правильного функционирования организма, вызванное внешним агентом, таким, как бактерия или вирус. Другое дело — биохимическая аномалия, приводящая к разрастанию неправильных клеток. В нашей медицине в этих областях используются совершенно различные методики. Рак, поразивший организм твоего мужа, своим возникновением обязан старению, а не болезням, подобным вашим пневмонии и гастроэнтериту.

Синий Доктор протянула щупальце к третьей картинке.

— На этом изображении мы видим опухоль через три дня после того, как особые химикалии были тщательно рассеяны нашими микробиологическими агентами по месту аномалии. Новообразование начало сжиматься, ведь опухолевые клетки перестали образовываться. На последнем снимке, взятом сегодня утром, простата Ричарда вновь кажется нормальной. Все раковые клетки погибли, а новые не возникли.

— Так с ним теперь все будет в порядке? — спросила Николь.

— Наверное, — ответила Синий Доктор. — Абсолютной уверенности, конечно нет, поскольку мы не обладаем всеми необходимыми данными о жизненном цикле клеток ваших организмов. Они обладают некоторыми уникальными характе-

ристиками (так бывает всегда, когда мы сталкиваемся с видами, прошедшими эволюционный процесс, во многом отличающийся от уже известных нам существ), поэтому мы допускаем возможность восстановления аномалии. Однако, учитывая опыт, накопленный на многих видах живых существ, я бы сказала, что образование новой опухоли на простате маловероятно.

Николь поблагодарила октопаука-коллегу.

— Просто великолепно, — проговорила она. — Как было бы чудесно, если бы мы могли каким-то образом передать на Землю ваши медицинские познания.

Изображения исчезли со стены.

— О, тогда у вас возникнет множество социальных проблем, если я правильно понимаю обстановку на вашей планете, — ответила Синий Доктор. — Если представители вашего вида перестанут умирать от болезней или клеточных аномалий, ожидаемый срок жизни личности заметно повысится... Мы тоже миновали подобный этап, когда наступил золотой век биологии, и буквально за несколько поколений продолжительность жизни октопауков увеличилась вдвое... И мы не смогли достигнуть общественного равновесия, пока принцип оптимизации не был положен в основу нашего общества. Мы располагаем множеством свидетельств, что без разумных терминаторных мер и соответствующего планового возобновления населения колония почти бессмертных существ впадает в хаос за относительно короткий период времени.

Николь ощутила острый интерес.

— Смысл твоих слов я воспринимаю скорее умом. Если каждый будет жить очень долго, при ограниченных ресурсах численность населения скоро превысит уровень, задаваемый жизненным пространством, количеством продуктов питания. Но как человек немолодой я вынуждена признать, что уже сама идея терминационной политики пугает меня.

— В начале истории, — проговорила Синий Доктор, — наше общество было организовано подобно вашему, и почти все решения принимались старейшими представителями вида. А потому, когда продолжительность жизни резко возросла, проще было ограничить возобновление вида, чем установить планируемую терминацию. Но прошло немного времени, и стареющее общество начало гнить. Как может объяснить Арчи и любой хороший оптимизатор, коэффициент «окаменения» в наших колониях сделался настолько большим, что практически все новые идеи отвергались. Подобные гериатрические колонии гибли в основном потому, что не могли приспособиться к изменяющимся условиям жизни во Вселенной.

— Итак, значит с этого начинается оптимизация?

— Да. Если личность считает процветание всей колонии самой важной частью во всей управляющей функции, то сразу становится понятным, что планируемая терминация представляет собой критический элемент всей проблемы оптимизации. Арчи может показать вам, к сколь тяжелым последствиям для всей колонии в целом приводят огромные затраты на граждан, чей суммарный

вклад является относительно низким. Колония процветает за счет своих долголетних членов, способных возместить все расходы, сохраняя здоровье.

Николь переспросила Синего Доктора, чтобы проверить, правильно ли она поняла некоторые из ее слов. Потом помолчала два-три ниллета.

— Стало быть, — наконец проговорила она, — хотя старение у вас задерживается устранением половой зрелости и заботами вашей удивительной медицины, наступает время, когда сохранять жизнь старого октопаука становится невыгодным.

— Именно так, — ответила Синий Доктор. — Мы могли бы продолжить жизнь отдельного индивида почти до бесконечности. Однако существуют три основных фактора, делающие излишнее продолжение его жизни неоптимальным для колонии. Во-первых, нетрудно понять, что цена продолжения жизни резко возрастает, когда биологические подсистемы или органы начинают работать с пониженной эффективностью. Во-вторых, индивид начинает все больше и больше времени тратить на сам процесс поддержания жизни; на это уходит энергия, которую он мог бы отдать на процветание всей колонии. В-третьих, — оптимизаторы-социологи обосновали эту противоречивую идею много лет назад, хотя накопленная мудрость компенсирует снижение мыслительных способностей с точки зрения блага колонии, в жизни каждого октопаука неизбежно наступает момент, когда одно только бремя прошлого опыта делает обучение чрезвычайно трудным. Даже здоровый октопаук, мышление которого

в связи с возрастом потеряло прежнюю гибкость, уменьшает свой вклад в благо колонии.

— И оптимизаторы определяют, когда наступает время его терминции?

— Да. Но я не знаю, как в точности они это делают. Сперва наступает апробационный период, когда октопаука заносят в терминционный список. Потом индивиду предоставляется время, за которое можно улучшить баланс, а он, со слов Арчи, рассчитывается для каждого октопаука с учетом его вклада в общее процветание и ресурсов, расходуемых на поддержание конкретного индивида. Если баланс не улучшается, производится терминция.

— И как же реагируют те, кто назначен на терминцию? — Невольно поежившись, Николь вспомнила о днях ожидания собственной казни.

— По-разному. Некоторые, в особенности утратившие здоровье, смиряются и, осознав, что неудовлетворительный баланс нельзя изменить, организованно планируют свою смерть. Другие просят совета у оптимизатора, который может назначить им новые обязанности, позволяющие выполнить необходимую квоту... так поступил Геркулес перед вашим прибытием.

Николь на мгновение притихла. Холодок пробежал по ее спине.

— Ты, наконец, решила сказать мне, что случилось с Геркулесом? — спросила она, набравшись храбрости.

— Ему был объявлен строгий выговор за то, что он не сумел защитить Никки в День Изобилия, — ответила Синий Доктор. — Геркулес получил другое назначение, но оптимизатор,

ведавший терминацией, известил его, что из-за просчета в прежней работе отрицательный баланс практически исправить нельзя... поэтому Геркулес потребовал немедленной терминации.

Николь охнула. Умственным взором она увидела в их тупике дружелюбного октопаука, жонглирующего шарами к восторгу детей. *А теперь Геркулеса нет*, подумала она. *Он не справился с работой. Как жестоко и безжалостно.*

Николь встала и вновь поблагодарила Синего Доктора. Она попыталась напомнить себе о том, что ей нужно радоваться: Ричард избавился от рака простаты, а смерть безразличного ей октопаука не повод для расстройства. Но Геркулес все равно продолжал стоять перед ее глазами. *Это же совершенно другой вид*, сказала она себе. *Не надо судить их по человеческим стандартам.*

Собираясь оставить дом Синего Доктора, Николь вдруг ощутила всепоглощающее желание узнать о Кэти побольше. Николь вспомнила, что недавно, после особенно яркого сна, в котором ей приснилась дочь, она сразу после пробуждения подумала, что в записях октопауков могут найтись сведения о жизни Кэти в Новом Эдеме.

— Синий Доктор, — проговорила Николь, остановившись в дверях. — Я бы хотела попросить об одной любезности. Не знаю только, к кому обращаться — к тебе или к Арчи... я даже не знаю, возможно ли выполнить мою просьбу.

Октопаук поинтересовался в чем дело.

— Тебе, конечно, известно, — ответила Николь, — что у меня есть еще одна дочь, которая осталась в Новом Эдеме. Я увидела ее мельком в

одном из видеоотрывков, который Верховный Оптимизатор показала нам вчера... Мне бы очень хотелось знать, что с ней происходит.

9

На следующий день Арчи в разговоре сообщил Николь, что ее желание насчет Кэти выполнить невозможно. Тем не менее Николь продолжала настаивать и время от времени повторяла свою просьбу Арчи или Синиму Доктору. Октопауки не утверждали, что снимков Кэти не существует в природе, и Николь не сомневалась, что может получить доступ к видеокадрам о жизни своей дочери в Новом Эдеме. Желание посмотреть их стало для нее чуть ли не наваждением.

— Мы с Синим Доктором вчера говорили о Джеми, — сообщила Николь однажды вечером Ричарду, когда они улеглись в постель. — Он решил учиться на оптимизатора.

— Это хорошо, — сонно ответил Ричард.

— Я сказала Синему Доктору, что ей везет, и как наставница она сможет участвовать в жизни своего ребенка... А потом вновь обратилась к нашей тревоге, к тому, как мало мы знаем о Кэти... Ричард, — проговорила Николь чуть громче, — Синий Доктор на сей раз *не* ответила, что мне нельзя посмотреть видеозаписи о ней. Как ты думаешь, не следует ли это принимать за знак изменения их позиции? Может быть, я преодолела их сопротивление?

Ричард сперва не отреагировал. После дальнейших вопросов он сел в постели.

— Неужели нельзя хотя бы одну ночь обойтись без разговоров о Кэти и проклятых октопаучьих фильмах? Боже мой, Николь, ты уже две недели не говоришь ни о чем другом. Ты теряешь равновесие...

— *Вовсе не теряю*, — перебила его Николь. — Я просто обеспокоена тем, что происходит с нашей дочерью. Я уверена, что у пауков много видеозаписей, которые они могут показать нам. Разве *ты* не хотел бы узнать...

— Конечно, хотел бы, — тяжело вздохнул Ричард. — Но мы уже обсуждали этот вопрос несколько раз. Чего ты хочешь добиться от меня, вновь затеявая разговор?

— Я же *сказала* тебе: сегодня мне показалось, что их мнение чуть переменилось. Синий Доктор не стала...

— Слышал уже, — резко остановил ее Ричард, — и не думаю, что за этим следует искать какой-нибудь смысл. Быть может, и Синему Доктору ты надоела с этой темой не меньше, чем мне. — Ричард покачал головой. — Николь, наша маленькая группа трещит по всем швам... нам отчаянно нужны твои мудрость и здравый смысл. Макс каждый день выражает недовольство по поводу вторжения октопауков в его личную жизнь. Элли вообще чернее тучи, кроме тех редких моментов, когда Никки заставляет ее улыбаться... А теперь, ко всеми прочему, Патрик объявил, что они с Наи решили пожениться... Но Кэти у тебя вроде наваждения; ты так занята видеозаписями, что не способна даже дать добрый совет.

Николь ехидно посмотрела на Ричарда, отки-

нулась на спину и не стала отвечать на последний выпад.

— Пожалуйста, не унывай, Николь, — проговорил Ричард минуту спустя. — Я только прошу тебя быть столь же объективной в отношении собственного поведения, как ты обычно бываешь к чужим поступкам.

— Я не унываю и не забыла про вас. И потом, почему это я всегда должна отвечать за счастье нашей небольшой семьи? Неужели никто никогда не сможет заменить меня на посту общей матери?

— Потому что ты здесь одна такая. И всегда была каждому из нас лучшим другом.

— Ну а теперь я устала. У меня есть своя проблема... наваждение, если хочешь... Слушай, Ричард, я разочарована явным отсутствием интереса с твоей стороны: я-то всегда полагала, что Кэти у тебя любимица...

— Это нечестно, Николь, — торопливо ответил Ричард. — Едва ли меня можно было больше обрадовать, чем сказать, что с Кэти все в порядке... Но мне есть над чем подумать...

Минуту они молчали.

— Скажи мне, дорогая, — тон Ричарда смягчился. — Почему это Кэти вдруг так понадобилась тебе? Что же переменилось? Не помню, чтобы ты прежде настолько интересовалась ею.

— Я сама задавала себе тот же самый вопрос. И ответа не получила. Просто последнее время Кэти мне часто снилась — еще до того, как мы увидели ее на экране. И мне все время хочется поговорить с ней... Кроме того, когда Синий Доктор сообщила мне о смерти Геркулеса, я сразу

же подумала, что должна повидаться с Кэти до того, как умру... Не знаю, почему я этого захотела и о чем намеревалась с ней говорить, но в наших отношениях еще очень много неясного...

В комнате вновь наступило долгое молчание.

— Прости за проявленную бесчувственность, — сказал Ричард.

Все в порядке, Ричард, подумала Николь. Не в первый раз... И не в последний. Даже самые близкие пары не всегда понимают друг друга.

Николь потянулась и погладила мужа.

— Извинения принимаю, — проговорила она, целуя его в щеку.

Рано утром Николь с удивлением обнаружила в их доме Арчи. Патрик, Наи, Бенджи и дети только что отправились в классную комнату. Остальные взрослые еще не покончили с завтраком, когда паук появился в столовой Уэйкфилдов.

Макс проявил грубость.

— Прости, Арчи, но мы не принимаем гостей... по крайней мере тех, которые могут и подождать... пока мы не выпьем кофе, или как там у вас называется то дерьмо, которое нам каждый день дают на завтрак.

Когда октопаук повернулся, чтобы уйти, Николь поднялась из-за стола.

— Не обращай внимания на Макса, — сказала она. — Он теперь постоянно в скверном настроении.

Макс вскочил из кресла, держа в руке один из пустых пластиковых пакетов, в котором оставалось немного каши. Он быстро провел им по воздуху

из стороны в сторону и, закупорив его, передал Арчи.

— Ну как, *квадроидов* наловил? — громко проговорил Макс, — или они слишком быстро движутся для меня?

Арчи не ответил. Остальным людям было неловко. Макс вернулся на свое место за столом — к Эпонине и Мариусу.

— Черт побери, Арчи, — обратился он к октопауку. — Наверное, вы мне скоро поставите на задницу пару зеленых точек или же попросту терминируете?

— *Макс!* — воскликнул Ричард. — Что это такое... подумай о жене и сыне.

— Вот о них-то я и думаю почти целый месяц, друг мой. И знаешь что? Этот арканзасский мужичок так *ничего* и не придумал... — голос его стих. Макс вдруг ударил кулаком по креслу. — *Черт побери!* — завопил он. — Я чувствую себя таким бесполезным!

Мариус заплакал, Эпонина выскользнула из-за стола, унося ребенка, Элли отправилась помочь ей. Николь увела Арчи во дворик, оставив Ричарда и Макса вдвоем. Ричард перегнулся через стол.

— Мне кажется, я вполне понимаю твои чувства, Макс, — мягко проговорил он, — я сочувствую тебе... но, оскорбляя октопауков, мы не улучшим своего положения.

— А какая разница? — Макс обратил к Ричарду мрачный взгляд. — Мы здесь пленники, это очевидно. Я позволил своему сыну родиться в

мире, где он навсегда останется пленником. Какой же я после этого отец?

Пока Ричард пытался утешить Макса, Николь получила от Арчи известие, которого ожидала не одну неделю.

— Мы получили разрешение, — объявил октопаук. — Ты можешь сегодня воспользоваться библиотекой данных. Мы подобрали видеокadres из нашего архива, касающиеся твоей дочери Кэти.

Николь попросила Арчи повторить, чтобы убедиться в том, что не ошиблась.

Арчи и Николь не разговаривали, пока повозка уносила их без остановок из Изумрудного города к высокому зданию, в котором помещалась библиотека октопауков. Николь не обращала внимания на уличные сцены. Она была полностью погружена в собственные эмоции и мысли о Кэти. Умственным взором она припоминала один за другим ключевые моменты своей жизни, когда Кэти была еще ребенком. Дольше всего она заново вспоминала пережитый ужас и радость, когда она обнаружила свою пропавшую четырехлетнюю дочь в логове октопауков. *Ты всегда пропадала, Кэти, подумала Николь. Так или иначе я не сумела уберечь тебя.*

Николь ощутила, как отчаянно колотится сердце, когда Арчи наконец ввел ее в комнату, где не было ничего, кроме кресла, большого стола и экрана на стене. Арчи указал Николь на кресло.

— Прежде чем я научу тебя пользоваться оборудованием, — проговорил октопаук, — мне следует сказать две вещи. Во-первых, как ответственный за вашу группу оптимизатор, я должен

дать ответ на просьбу той части людей, которая хочет возвратиться к прочим представителям вашего вида в Новом Эдеме.

Арчи сделал паузу. Николь собралась. Ей было сложно даже на миг выбросить Кэти из своей памяти, но она понимала, что придется сконцентрироваться целиком на том, что Арчи намеревается ей сообщить. Члены ее группы будут рассчитывать на пространные объяснения по этому поводу.

— Боюсь, — продолжил Арчи несколько мгновений спустя, — что в ближайшем будущем никому из вас нельзя будет отправиться туда. Я не могу рассказать вам больше, чем разрешила Верховный Оптимизатор на собрании старшего персонала. Ваша просьба отклонена как представляющая угрозу для нашей безопасности.

Николь была ошеломлена, подобной новости она не ожидала, во всяком случае, теперь. А она-то говорила всем: не сомневайтесь — отпустят...

— Итак, Макс прав, — Николь пыталась сдерживать готовые пролиться слезы. — Мы — ваши пленники.

— Вы можете самостоятельно интерпретировать наше решение. Но должен отметить, что, насколько я понимаю ваш язык, термин «узник», которым часто пользуется Макс, в данном случае не применим.

— Тогда представь мне *более подходящее* слово и некоторые объяснения, — разгневанная Николь поднялась из кресла. — Ты же знаешь, что скажут другие...

— Не могу. Я уже передал все, что мне было поручено.

Николь зашагала вокруг комнаты, гнев сменялся унынием. Она знала, как поступит Макс. Все здорово рассердится. Даже Ричард и Патрик будут корить ее за ошибку. *Но почему октопауки не хотят мотивировать свое решение?* — подумала она. *Это не похоже на них.* Ощувив легкий укол в груди, Николь опустилась в кресло.

— И что же еще ты хочешь сказать мне? — наконец промолвила Николь.

— Я сам работал вместе с видеоинженерами, чтобы подготовить ленту, к которой тебе предоставили доступ... И судя по тому, что я знаю о человеческих существах вообще и о тебе лично, могу сказать: просмотр всего материала лишь крайне огорчит тебя... Лучше его не смотреть.

Арчи весьма тщательно подобрал слова; потому что хорошо понимал, как важны эти снимки для Николь. Смысл его слов был ясен. *То, что я увижу, заставит меня горевать*, подумала она. *Но какой выбор у меня остается? Не знать ничего или горевать. Выбираю горе.*

Николь поблагодарила Арчи за беспокойство и объяснила октопауку, что все равно хочет ознакомиться с лентами. Арчи подвинул кресло, в котором она сидела, поближе к столу. Потом показал Николь, как включать запись. Временной код был переведен октопауками в человеческие цифры — в число дней, предшествующих настоящему; просматривать изображение можно было на четырех скоростях, покрывающих четыре восьмеричных порядка величины: от одной восьмой истинного времени до скорости, в шестьдесят четыре раза превосходящей нормальную.

— Это почти полные данные о Кэти за последние шесть месяцев вашего времени, — проговорил Арчи. Мы обычно обрабатываем и фильтруем старые данные в зависимости от их значения. Подробный архив дополнит основные события последних двух лет, но там сведений достаточно мало.

Николь потянулась к пульту. Вызывая недавние, самые свежие данные, увидела на экране лицо Кэти и ощутила, как Арчи прикасается к плечу.

— Ты можешь провести за этой машиной весь остаток дня, — сказал октопаук, когда она обернулась. — Поскольку объем данных огромен, лучше начни с больших скоростей, чтобы обнаружить интересные события.

Николь глубоко вздохнула и вернулась назад к экрану.

Ей казалось, что она не может больше плакать. Глаза ее распухли и едва не закрывались от постоянного потока слез. Николь уже с полдюжины раз видела, как Кэти впрыскивает себе наркотик кокомо, но каждый раз, когда перед ней вновь появлялась дочь с резиновым жгутом на предплечье, втыкающая иглу в надувшуюся вену, горькие слезы катились из ее глаз.

То, что Николь увидела за последние десять часов, было настолько отвратительно... она не могла и представить ничего подобного. Николь почувствовала себя совершенно разбитой. Хотя звука не было, она без труда поняла, чем занималась Кэти. Ее дочь безнадежно пристрастилась к наркотикам. По крайней мере четыре раза в

день или даже чаще, если были какие-то неудачи, Кэти удалялась в свою модную комнатку — одна или с друзьями — и обращалась к услугам элегантного набора для впрыскивания, который держала в большой запертой шкатулке.

После укола Кэти становилась очаровательной... дружелюбной, веселой, полной энергии и уверенности в себе. Но если наркотик заканчивал свое действие еще во время вечеринки, Кэти быстро превращалась в визгливую злобную ведьму, заканчивающую вечер за вечером с глазу на глаз с иглой в своих апартаментах.

Официально Кэти управляла проститутками в Вегасе. По должности ей надлежало заниматься вербовкой новых дарований. Поначалу разбитое сердце Николь не хотело мириться с тем, что говорили ей глаза. Но после одной длинной и мерзкой ленты (она началась с наставлений, которые Кэти давала прелестной бедной юной испаночке в Сан-Мигеле, и окончилась тем, как несколько дней спустя девушка — разодетая и в драгоценных камнях — стала наложницей одного из руководителей дзайбацу* Накамуры) Николь пришлось признать, что ее дочь потеряла всякое представление о морали и нравственности.

Через несколько часов к ней зашел Арчи и предложил поесть. Николь отказалась, сомневаясь, что в подобном состоянии способна проглотить пищу.

Почему же она смотрела так долго? Разве нельзя

---

* Финансовая клика (яп.).

было просто выключить машину и оставить комнату? Николь сама задавала себе эти вопросы и заключила, что после первых нескольких часов она начала, по крайней мере подсознательно, искать какие-то признаки надежды в жизни Кэти. Не могла она сдаться, не попытавшись доказать, что ее дочь погибла не совсем. Николь отчаянно стремилась увидеть в этих кадрах хоть что-то, способное намекнуть — Кэти на самом деле другая.

Постепенно Николь обнаружила в несчастной жизни дочери две вещи, которые почему-то убедили ее в том, что Кэти все же способна вырваться из этой разрушительной жизни. В жутких припадках отчаяния, когда запасы наркотиков подходили к концу, она впадала в ярость и колотила у себя все, что подворачивалось по руку... за исключением фотографий Ричарда и Патрика. К концу припадка, израсходовав всю энергию, Кэти всегда брала эти снимки со столика и бережно клала их на постель, ложилась рядом с ними и рыдала... двадцать-тридцать минут. В глазах Николь подобное поведение явно свидетельствовало, что Кэти сохранила хотя бы любовь к некоторым членам своей семьи.

Другое основание для надежды Николь видела во Франце Бауэре, капитане полиции и штатном любовнике Кэти. Николь не претендовала на то, что разбирается в их необычных взаимоотношениях. Одну ночь они непристойно и жутко дрались, а на следующую Франц читал Кэти стихи Райнера Марии Рильке в качестве прелюдии к нескольким часам бесконечного пылкого секса... Ей казалось,

что Франц любит Кэти на какой-то странный манер и не одобряет ее привязанности к наркотикам. Во время одной из драк, схватив весь ее запас, Франц пригрозил спустить его в туалет. Кэти пришла в ярость и набросилась на Франца с расческой в руках.

Час за часом Николь продолжала пытаться осмыслить трагичную жизнь своей дочери. Долгий день заканчивался. Николь разглядывала ранние кадры, некоторые из них восходили к первым дням пристрастия Кэти к наркотикам. Николь обнаружила, что у Кэти была интимная связь с самим Накамурой и что тиран Нового Эдема регулярно обеспечивал Кэти наркотиками, пока они были сексуальными партнерами. К этому времени Николь потеряла дар речи. Она чувствовала себя настолько эмоционально опустошенной, что не могла даже шевельнуться. И наконец, выключив пульт, опустила голову на стол, проплакала несколько минут и уснула. Арчи разбудил ее через четыре часа и сказал, что пора возвращаться домой.

Было темно. Поездка остановилась на площади десять минут назад, но Николь не хотела выходить. Арчи стоял возле нее.

— Я совершенно не готова рассказать Ричарду о том, что сегодня видела, — произнесла она, глядя на октопаука. — Это убьет его.

— Понимаю, — с сочувствием проговорил Арчи. — Теперь ты понимаешь, почему я предлагал не делать этого.

— Ты прав, — ответила Николь, медленно

отпуская вертикальный стержень и в задумчивости выходя из повозки, — но уже слишком поздно, и я не могу стереть эти жуткие кадры из памяти.

— Ты говорила мне, что, судя по всему, Патрик что-то знал о жизни, которую вела Кэти до его бегства, но решил утаить от вас с Ричардом самые худшие подробности. Разве ты не можешь поступить аналогичным образом?

— Спасибо, Арчи, — Николь похлопала октопаука по плечу и едва не улыбнулась, — ты читаешь мои мысли... и, похоже, понимаешь людей слишком уж хорошо.

— Правда нелегко давалась и нашему обществу, — прокомментировал Арчи. — Один из его фундаментальных принципов гласит: новые оптимизаторы всегда должны говорить правду. Допускается утаивать информацию, если того требует политика, но лгать нельзя. Самые младшие оптимизаторы жаждут говорить правду, не учитывая последствий... иногда истина и сочувствие несовместимы.

— Я согласна с тобой, мой мудрый инопланетный друг, — тяжело вздохнув, ответила Николь. — И теперь, после сегодняшнего дня, определенно одного из худших в моей жизни, мне предстоит не одно, а два очень сложных дела. Я должна сказать Максусу, что ему не удастся покинуть Изумрудный город, а также сообщить мужу, что его любимая дочь колет себе наркотик и заправляет шлюхами. Остается только надеяться, что эта старая измученная женщина найдет в себе силы должным образом справиться с обеими проблемами.

Ричард спал, когда Николь вернулась домой. Она была рада, что ей не нужно ничего объяснять прямо сейчас. Николь скользнула в ночную рубашку и осторожно забралась в постель. Но уснуть не могла. Ум ее все возвращался назад; он метался между жуткими сценами, которые она видела целый день, и мыслями о том, как рассказать о них Ричарду и остальным.

В таком полусумрачном состоянии Николь вдруг увидела себя в Руане рядом с отцом на площади, где восемь столетий назад сожгли Жанну д'Арк. Николь вновь стала подростком, как это было, когда отец повез ее в Руан, чтобы вместе посмотреть окончание празднества в честь Жанны. Запряженная быками телега везла героиню на площадь, и люди кричали.

— Папочка, — проговорила подросток Николь голосом, едва слышным посреди всего шума, — что я могу сделать, чтобы помочь Кэти?

Отец ее вопроса не слышал. Внимание его было полностью поглощено Орлеанской девой, точнее, французской девушкой, игравшей роль Жанны. Николь видела, как девушку, обладавшую теми же чистыми и пронизательными глазами, какими, по преданию, наделена была Жанна, привязали к бревну. Один из епископов начал читать вынесенный ей приговор, и девушка принялась негромко молиться.

— Что будем делать с Кэти? — повторила Николь. Опять не было ответа. Собравшиеся вокруг

на террасах, открыв рты, смотрели на поленницы, окружавшие Жанну... к ним поднесли огонь. Когда языки пламени разом охватили основание огромного костра, Николь вскочила вместе с толпой. Она отчетливо слышала молитву святой Жанны, взывавшей к милости Иисуса.

Пламя приближалось, Николь посмотрела в лицо девушки, изменившей историю, и холодок пробежал по ее спине.

— *Кэти!* — вскричала она. — *Нет! Нет!* — Николь пыталась выскочить, но толпа сжимала ее со всех сторон. Она не могла спасти свою горящую дочь.— *Кэти! Кэти!* — закричала Николь, отчаянно толкая стиснувших ее людей.

Она ощутила руки, обхватившие ее за плечи. И только через несколько секунд Николь поняла, что спала. Ричард с тревогой глядел на нее. Прежде чем Николь смогла заговорить, в спальню вошла Элли в халате.

— Мама, с тобой все в порядке? — спросила она. — Я встала, чтобы проверить Никки, и услышала, как ты закричала...

Взглянув сперва на Ричарда, потом на Элли, Николь закрыла глаза. Она до сих пор видела искаженное болью горькое лицо Кэти среди языков пламени. Николь вновь открыла глаза и посмотрела на мужа и дочь.

— Кэти очень несчастна, — сказала она и разразилась слезами. Николь никак не могла успокоиться. Приступая к каждой новой подробности, она снова начинала плакать. — Я чувствую себя такой беспомощной, такой несчастной, — проговорила Николь, когда наконец справилась с

собой. — Кэти попала в очень трудное положение, и никто из нас абсолютно ничего не сможет сделать, чтобы помочь ей.

Подводя итог жизни Кэти, не опуская ничего, кроме наиболее откровенных сексуальных эскапад, Николь не стала смягчать удар. Ричард и Элли были ошеломлены и опечалены новостями.

— Не знаю, как ты могла сидеть и смотреть на нее столько часов, — произнес Ричард. — Я бы выскочил оттуда через несколько минут.

— Кэти так несчастна, так несчастна, — качая головой проговорила Элли. Несколько минут спустя в поисках матери в спальню вошла маленькая Никки. На прощание обняв Николь, Элли взяла Никки на руки и отправилась в свою комнату.

— Извини, что я так расстроилась, Ричард, — сказала Николь несколько минут спустя, когда они собрались уснуть.

— Понятное дело, — отозвался Ричард. — День у тебя был совершенно жутким.

В сотый раз Николь вытерла глаза.

— В своей жизни я могу вспомнить только один случай, когда ревела подобным образом, — она старалась хоть чуточку улыбнуться. — В Бовуа, когда мне было пятнадцать. Отец сказал мне, что намеревается сделать предложение той англичанке, за которой ухаживал. Мне она не нравилась — холодная, далекая женщина, — но я решила не отговаривать его... просто взяла своего домашнего селезня Дюнуа и побежала к нашему пруду, выгребла на середину озера, бросила весла и проплакала несколько часов.

На несколько минут наступило молчание. Потом Николь наклонилась, чтобы поцеловать Ричарда.

— Спасибо, что выслушал меня, я нуждаюсь в поддержке.

— Мне это было не так уж легко. Но я по крайней мере *не видел* Кэти, поэтому...

— О Боже, — перебила его Николь, — я чуть не забыла... ведь Арчи сказал мне, что никому из нас не разрешили возвратиться в Новый Эдем и что причина — в безопасности октопауков... Макс будет разъярен.

— Давай не будем волноваться заранее, — мягко проговорил Ричард. — Попытайся уснуть, обсудим все утром.

Николь забила в объятия Ричарда и уснула.

— *Бе-зо-па-сно-сти ра-ди*, — пропел Макс. — Какого... и что это вообще означает?

Патрик и Наи дружно встали из-за стола.

— Оставьте еду, — проговорила Наи, призывая следовать детей за ней. — Мы поедем в классе, у нас будет каша и фрукты.

Но Кеплер и Галилей идти не хотели, они чувствовали, что обсуждается очень важный вопрос. Только когда Патрик, обойдя стол, направился к ним, мальчишки отодвинули свои стулья и поднялись.

Бенджи позволили остаться, поскольку он обещал Николь, что ни о чем не расскажет детям. Эпониная вышла из-за стола, чтобы в углу покормить пробудившегося Мариуса.

— Я не знаю, что это означает, — ответила

Николь Макс, когда дети ушли. — Арчи не хотел слушать меня.

— Ну, это просто черт знает что, — объявил Макс. — Мы не можем уйти, и эти твои грязные дружки даже не хотят объяснить нам причины... Почему ты немедленно не потребовала приема у Верховного Оптимизатора? Тебе не кажется, что они *должны* предоставить нам какие-то объяснения?

— Кажется, — согласилась Николь. — Наверное, придется попросить новую аудиенцию у Верховного Оптимизатора... Извини, Макс, я не слишком удачно справилась с ситуацией... Я рассчитывала, что кроме Кэти ни о ком речи не будет, и, откровенно говоря, заявление Арчи застало меня врасплох.

— Дерьмовое дело, Николь, — объявил Макс. — Но ты здесь ни при чем... В любом случае, поскольку лишь мы — Эп, Мариус и я — намереваемся вернуться в Новый Эдем, *нам* и оспаривать решение октопауков... Едва ли Верховный Оптимизатор уже видела живого двухмесячного младенца.

Потом разговор в основном шел о Кэти, о кадрах, которые Николь видела вчера. Не вдаваясь в подробности, она объявила, что Кэти несчастна.

Вернувшийся Патрик сообщил, что дети уже сели за уроки.

— Мы с Наи успели переговорить, — произнес он, обращаясь ко всем собравшимся у стола. — Во-первых, Макс, мы просим тебя при детях обходиться без негативных замечаний относительно октопауков... Они и так уже боятся, когда Арчи или Синий Доктор появляются у нас. Возможно,

такая реакция вызвана тем, что́ они слышат в наших разговорах.

Макс ошестинился и начал было возражать, но Патрик быстро продолжил:

— Пожалуйста, Макс, ты знаешь, что я тебе друг. Не будем спорить... обдумай мои слова. Помни: нам, быть может, придется еще долго прожить у октопауков... Во-вторых, мы с Наи полагаем (особенно учитывая то, что выяснилось сегодня утром), что детям следует учить язык октопауков. Мы хотим, чтобы они как можно скорее приступили к занятиям... Для этого нам потребуются услуги Элли или мамы и одного-двух октопауков... не только для того, чтобы они преподавали им, но и для того, чтобы дети познакомились с нашими инопланетными хозяевами... Геркулес уже не приходит к нам пару месяцев... Мама, ты не переговоришь об этом с Арчи?

Николь кивнула, и Патрик, извинившись, ушел, сказав, что ему нужно вернуться в класс.

— Пат-рик, стал хоро-шим учи-те-лем, — произнес Бенджи. — Он очень тер-пе-лив со мной и деть-ми.

Николь улыбнулась, глядя через стол на дочь. *Невзирая на все трудности, подумала она, дети у нас хорошие. Следует благодарить Бога за Патрика, Элли и Бенджи. И не тревожиться до безумия за Кэти.*

Устроившись в уголке спальни, Наи Ватанабэ закончила свои медитации и произнесла утренние буддийские молитвы, ставшие неотъемлемой частью ее жизни еще с детства. Она вышла в

гостиную, намереваясь войти в спальню близнецов, чтобы разбудить их, и к собственному удивлению на кушетке обнаружила уснувшего Патрика. Он спал одетым, а на животе лежало электронное читающее устройство.

Она мягко прикоснулась к нему.

— Просыпайся, Патрик. Уже утро... Ты проспал здесь целую ночь...

Патрик быстро проснулся и извинился перед Наи. Уходя, он сказал, что должен кое о чем переговорить с ней, в том числе и о буддизме, но решил отложить этот разговор до более удобного времени. Наи улыбнулась, чмокнула его в щеку, а потом заявила, что она с мальчишками выйдет к завтраку через полчаса.

Он такой молодой и открытый, подумала Наи глядя ему в спину. *Мне нравится его общество... Но разве кто-нибудь сможет заменить мне моего убитого мужа?* Наи припомнила предыдущую ночь. Когда близнецы уснули, у них с Патриком состоялся долгий и серьезный разговор. Патрик торопил ее со свадьбой. Она настаивала, что хотела бы как следует свыкнуться с мыслью и только потом объявить дату. Тогда Патрик неловко попросил не откладывать, как он выразился, «сексуальные взаимоотношения» на столь долгое время. Наи напомнила Патрику, что с самого начала не обещала ему до свадьбы ничего, кроме поцелуев. Чтобы подбодрить Патрика, она заверила молодого человека в том, что находит его очень привлекательным и сама ждет, когда они после свадьбы займутся любовью. Однако по причинам, которые они уже обсуждали дюжину раз, Наи

по-прежнему просила его не торопиться с сексуальными взаимоотношениями.

Большую часть вечера они проговорили о близнецах и о буддизме. Наи беспокоилась, что их свадьба может плохо повлиять на Галилея, тем более что мальчик нередко принимал на себя роль защитника матери. Патрик был уверен, что его частые столкновения с Галилеем вызваны не ревностью.

— Просто мальчишка отвергает всякий авторитет, — сказал он, — и сопротивляется дисциплине... Вот Кеплер дело другое...

Как часто за последние шесть лет, подумала Наи, слыхала я эту фразу: «Вот Кеплер дело другое...». Она вспомнила, что, когда Кэндзи был еще жив и мальчики только начинали ходить, Галилей постоянно падал и натывался на предметы. Кеплер же был аккуратен, внимательно смотрел, куда ступает. Он почти никогда не падал.

Гигантские светляки еще не принесли рассвет в Изумрудный город. Отпустив на свободу свой ум, как в медитации, Наи отметила, что теперь все время сопоставляет Кэндзи и Патрика. Так будет нечестно с моей стороны. Я не должна выходить за Патрика, пока подобное не прекратится.

Она вновь вспомнила вчерашний пылкий спор о жизни Будды и улыбнулась. Патрик сохранил в себе детскую наивность... чистейший идеализм, сказала себе Наи. Это мне нравится в нем больше всего.

— В общем я согласен с философией Будды, — говорил Патрик. — Так... но я все-таки не понимаю... как может мужчина бросить жену и сына,

чтобы просто бродяжничать и попрошайничать... Как насчет ответственности за семью?

— Ты вырываешь поступки Будды из исторического контекста, — отвечала Наи. — Двадцать семь веков назад на севере Индии образ жизни странствующего монаха считался приемлемым. Их можно было встретить в каждой деревне, тем более в городах. Когда человек начинал искать истину, первым его шагом был отказ от всех материальных благ... К тому же, ты забываешь, что Будда родом из очень состоятельной семьи. И поэтому его жена или ребенок не могли остаться голодными, лишиться крова, одежды или чего-нибудь необходимого...

Они разговаривали примерно два часа, потом недолго целовались и Наи отправилась в спальню. Патрик уже взялся за толстую книгу по буддизму, когда Наи шепнула ему «Спокойной ночи» из двери.

Как же трудно, думала Наи, когда светляки принесли рассвет в город октопауков, объяснить основы буддизма тому, кто никогда не видел Земли... Но и здесь, в странном и чуждом мире, несущемся среди звезд, желания до сих пор порождают страдания, а люди стремятся к духовному миру. Вот почему, продолжила она свою мысль, дух буддизма, христианства и прочих великих религий Земли не исчезнет, пока жив сам человек.

11

Ричард выпрыгнул из постели — даже с энтузиазмом — и сразу начал свой монолог.

— Пожелай мне удачи, Николь, — проговорил

он, одеваясь. — Арчи сказал, что мы уезжаем на целый день.

Николь всегда пробуждалась очень медленно и ужасно не любила всякую бурную деятельность в утренние часы; перекатившись на бок, она попыталась насладиться последними мгновениями сна. Чуть приоткрыв глаз, она заметила, что еще темно, и вновь закрыла его.

— Я не волновался так с той поры, когда сделал свои последние изобретения, работая над транслятором, — произнес Ричард. — Я знаю, что октопауки вполне серьезно намереваются предоставить мне работу... только считают необходимым подыскать правильное занятие.

Ричард вышел из спальни на несколько минут. Судя по звукам, доносившимся из кухни, полусонная Николь поняла, что Ричард готовит себе завтрак. Он вернулся, на ходу откусывая от большого розового плода, который здесь предпочитал остальным. Встав возле постели, он шумно жевал.

Николь медленно открыла глаза, поглядела на мужа.

— Полагаю, — сказала она, вздохнув, — ты ждешь от меня каких-то слов?

— Да. Было бы неплохо услышать от тебя что-нибудь приятное на дорогу. В конце концов, этот день может оказаться самым важным из всех, проведенных мной в Изумрудном городе.

— А ты уверен, что Арчи и в самом деле собирается подыскать тебе работу?

— Безусловно, — ответил Ричард. — Для этого и намечается нынешняя встреча. Он намеревается показать мне какие-то сложные инженерные сис-

темы и определить, где октопауки могут наилучшим образом использовать мои способности... Во всяком случае, он говорил мне об этом вчера вечером.

— Но почему ты уходишь так рано? — спросила Николь.

— Потому что мне предстоит много увидеть... В любом случае поцелуй меня. Арчи придет через несколько минут.

Николь покорно поцеловала Ричарда и вновь закрыла глаза.

Эмбриобанк представлял собой большое прямоугольное сооружение, расположенное далеко на юге от Изумрудного города — очень близко к границе Центральной равнины. Менее чем в километре от банка начинались три лестницы в десятки тысяч ступенек, восходящие к южному полюсу. Над Эмбриобанком во мраке Рамы проступали впечатляющие очертания Большого рога, окруженного шестью заостренными собратями, каждый из которых превышал любое инженерное сооружение, созданное на планете Земля.

Ричард и Арчи верхом на страусозавре направились к окраинам Изумрудного города. В сопровождении трех светляков они миновали Альтернативный Домен в считанные минуты. В южных пределах обиталища октопауков обнаружилось очень мало строений. Изредка встречались зерновые поля, но большая часть территории, которую они пересекли по пути на юг, в сумраке напоминала Ричарду

Северный полуцилиндр Рамы II, каким он был до того, как в нем построили два поселения.

Ричард и его друг октопаук вошли в Эмбрио-банк через пару чрезвычайно толстых дверей, за которыми оказался большой конференц-зал. Там Ричарда представили другим октопаукам, явно ожидавшим его посещения. Ричард пользовался своим транслятором, октопауки читали его речь по губам, хотя ему приходилось говорить медленно и отчетливо, поскольку не все они обладали опытом Арчи в общении с людьми.

После коротких формальностей один из октопауков отвел прибывших к пультам, снабженным чем-то вроде клавиатуры, помеченной цветовыми символами.

— Мы храним здесь десять миллионов эмбрионов, — начала свою речь главная октопаучиха, — представляющих более сотни тысяч различных видов и в три раза большее количество гибридов. Их естественная продолжительность жизни составляет от половины терта до нескольких миллионов дней — примерно десять тысяч лет по вашему человеческому исчислению. Размеры во взрослом состоянии изменяются от долей нанометра до гигантов величиной чуть ли не с это сооружение. Каждый эмбрион хранится в почти оптимальных, с нашей точки зрения, условиях. На деле, чтобы обеспечить необходимый режим сохранности, нужно создать около тысячи различных комбинаций температуры, давления и химических условий.

— Еще это здание вмещает колоссальную систему обработки и преобразования данных. Она

автоматически поддерживает условия в каждой среде и контролирует развитие нескольких тысяч эмбрионов, переходящих в активное состояние. Система умеет автоматически обнаруживать неисправности и устранять их, она снабжена двухпараметрической подсистемой предупреждения, каталогизирует информацию, обеспечивает ею дисплеи... Запрос можно сделать прямо отсюда и из любой исследовательской лаборатории на верхних этажах.

Ум Ричарда зашкалил, когда до него по-настоящему дошло назначение Эмбриобанка. *Какая фантастическая идея*, подумал он. *Октопауки хранят здесь семя всяких животных и растений, которые могут потребоваться им для каких-нибудь целей.*

— ... Испытания проводятся непрерывно, чтобы удостовериться в целостности систем хранения и предоставить материал инженерам-генетикам. Примерно две сотни биологов постоянно заняты здесь генетическими экспериментами. Целью наших многочисленных работ является создание преобразенных жизненных форм, позволяющих увеличить эффективность нашего общества...

— А нельзя ли увидеть пример подобного генетического эксперимента? — перебил ее Ричард.

— Безусловно, — ответила октопаучиха. Направившись к пульту управления, она тремя щупальцами поочередно нажала несколько цветных кнопок. — Полагаю, что вы знакомы с одним из основных наших методов получения электроэнергии, — проговорила она, когда на стене появилось изображение. — Принцип, как вы знаете, весьма прост. Эти круглые

морские создания генерируют электричество и запасают его в своих телах. Мы снимаем с них заряд с помощью металлической сетки; животные должны к ней прижаться, чтобы получить пищу. Хотя система действует вполне удовлетворительно, наши инженеры решили, что ее можно значительно усовершенствовать, если изменить поведение животных.

— На этих ускоренных кадрах вы можете увидеть крупным планом поведение полдюжины морских созданий, генерирующих электроэнергию. Отметим, что за этот короткий период каждое из животных проходит три-четыре цикла заряда — разряда. Какая часть цикла наиболее интересна для инженера, проектирующего систему?

Ричард внимательно поглядел на видеофильм. *Избавившись от заряда, «песчаные доллары» тускнеют, подумал он, но относительно скоро вновь начинают светиться.*

— Если предположить, что сила свечения характеризует запасенный заряд, — проговорил Ричард, вдруг подумав, не проходит ли он какой-либо тест, — эффективность можно повысить, увеличивая частоту кормления.

— Именно так, — отозвалась главная октопаучиха. Арчи что-то коротко бросил здешней хозяйке, так что Ричард не успел нацелить на него телескоп транслятора. Тем временем на стене появилась другая картинка. — Вот три генетических варианта круглого морского создания, которые в настоящее время проходят исследования и испытания. Самый перспективный из кандидатов изображен слева. Этот прототип питается примерно

в два раза чаще, чем ныне используемый; однако нарушение равновесия обмена веществ увеличивает его чувствительность к заболеваниям. Все факты взвешиваются при текущем анализе.

Ричарда водили от одной демонстрации к другой. Арчи постоянно сопровождал его. Менялись только октопауки, выступавшие с очередной мини-лекцией; они же участвовали потом и в дискуссии. В частности, ему объяснили взаимоотношения между Эмбриобанком и большим зоопарком, занимавшим значительную часть территории Альтернативного Домена и Барьерного леса, кольцом окружавшего Раму чуть менее чем в километре к северу от Изумрудного города.

— В нашем обиталище все виды, — проговорил октопаук, — находятся либо в активном симбиозе, либо под временным наблюдением в изолированном домене: в лесу, в зоопарке или, как вы, в самом Изумрудном городе... либо проходят эксперименты здесь в Эмбриобанке.

Изрядно нагулявшись по коридорам, Ричард и Арчи попали на совещание, где с полдюжины осьминогов обсуждали перспективы замены целой симбиотической цепи из четырех различных видов. Эта цепь ведала производством желатинообразной субстанции, в значительной степени облегчавшей течение обычного среди октопауков заболевания линз. Ричард замороженно слушал, как экспериментальные параметры нового симбиоза — потребные ресурсы, скорость репродукции, необходимость контроля со стороны октопауков, поправочные коэффициенты и предсказуемость поведения — сравнивались с су-

иществующей системой. Собрание постановило разместить новую систему в одной из трех производственных «зон» на несколько сотен рабочих дней и лишь после этого вновь вернуться к решению.

Посреди рабочего дня Ричард и Арчи оставили на полтерта вдвоем. По просьбе Ричарда, прихватив завтрак и питье, они забрались на страусозавра и в сопровождении пары светляков отправились в тьму и холод Центральной равнины. Спешившись, Ричард прошел несколько шагов, протянув вперед руки, и поднял голову к просторам внутри Рамы.

— А кто среди вас, — спросил Ричард у Арчи, — интересуется всем этим или пытается выяснить значение того, что здесь происходит? — Он повел руками.

Октопаук ответил, что не понял вопроса.

— Да понял ты, лукавец, — Ричард улыбнулся. — Только ваши оптимизаторы отвели это время для беседы на другую тему... Арчи, мне хочется поговорить не о вашем Эмбриобанке и не о том, в каком именно инженерном отделении я хотел бы работать, чтобы своим трудом оправдать ресурсы, израсходованные вами для поддержания моей жизни. Я хочу поговорить о том, что *на самом деле* здесь происходит. Почему мы — люди, сети, птицы и вы со всем вашим зверинцем — находимся на этом огромном загадочном космическом корабле, летящем к звезде, которую мы, люди, именуем Тау Кита?

Арчи молчал, наверное, секунд тридцать.

— Членам нашего рода в Узле сообщили то же, что и вам: некий высший разум каталогизирует жизненные формы Галактики, особое внимание

уделяя космическим путешественникам. По его требованию мы укомплектовали типичную колонию и разместили ее внутри этого Рамы, чтобы они могли подробно проследить за нашим видом.

— Выходит, и вы, октопауки, знаете о происходящем и о том, *кто* или *что* кроется за всем этим, не больше нас людей?

— Да, — согласился Арчи. — Скорее всего даже меньше. Тех октопауков, что побывали в Узле, сейчас в колонии нет. Как я говорил, пауки, обитавшие на Раме II, относились к низшей разновидности. Единственной доступной нам информацией об Узле располагает ваша семья... быть может, в сжатом виде она сосредоточена в том небольшом объеме сетчатого материала, который мы сохраним в нашем зоопарке.

— Так, значит... — задумчиво произнес Ричард. — И вы не задаете вопросов?

— Еще в детстве, — сказал Арчи, — нас приучают не тратить время на вопросы, относительно которых мы не располагаем достаточной информацией.

Ричард на мгновение умолк.

— А как вышло, что вы знаете так много о птицах и сетях? — вдруг спросил он.

— Прости, Ричард, — промолвил Арчи после небольшой паузы, — но сейчас я больше не могу разговаривать с тобой на эту тему... Как ты правильно понял, мы должны обсудить, хочешь ли ты работать в инженерном отделении Эмбриобанка. А в случае утвердительного ответа — какая область из всех, что ты сегодня видел, представляет для тебя наибольший интерес?

— Но их чертова прорва, — ответил Ричард со смехом. — Да, Арчи, — добавил он, — все вокруг великолепно, в особенности ваш, так сказать, энциклопедический департамент. Я бы хотел поработать именно там, чтобы расширить свои скромные познания в биологии... Но почему ты спрашиваешь меня об этом уже теперь? Разве после ленча больше демонстраций не будет?

— Да, — продолжил Арчи. — Дальнейшая часть программы включена в основном лишь для полноты. Почти половина Эмбриобанка отведена под микробиологические объекты; работы в этой области сложнее и требуют общения с москитоморфами. Нам трудно представить, что ты сможешь работать в каком-нибудь из этих отделений.

Под главной микробиологической лабораторией находилось подвальное помещение; туда допускали лишь по специальным пропускам. Арчи упомянул, что в подвальных этажах Эмбриобанка в больших количествах производят летающих видоеквадроидов. Ричард попросил, чтобы ему показали, как это делается. Запланированную экскурсию прекратили, и Ричард простоял без дела почти несколько фенгов, пока Арчи получал разрешение на посещение «детских яслей» квадроидов.

Пара октопауков проводила их по длинным пандусам в подземелье.

— Детская специально устроена под землей, — сообщил Арчи Ричарду, — для надежности. В нашем домене мы располагаем тремя аналогичными предприятиями.

Черт побери, пробормотал Ричард про себя, пока он и три его спутника октопаука вышли на помост над большим прямоугольным залом. Он сразу узнал все: в нескольких метрах под ним по полу сновали примерно сотня москитоморфов, выполнявших неизвестные функции. С потолка спускались восемь прямоугольных решеток, каждая около пяти метров длиной и два шириной, симметрично размещенных по залу; непосредственно под каждой из них располагался большой овальный объект, похожий на огромный орех. Решетки были окружены густой выющейся порослью или паутиной.

— Я видел нечто подобное много лет назад, — проговорил Ричард. — Под Нью-Йорком. Это было как раз перед моей первой встречей с одним из ваших сородичей. Мы с Николь перепугались до потери сознания.

— Кажется, я что-то читал об этом случае, — ответил Арчи. — Прежде чем доставить Элли и Эпониноу в Изумрудный город, я изучил все старые материалы по вашему виду. Кое-что было уже упаковано, поэтому подробных сведений удалось обнаружить очень немного...

— Но я помню все — как будто это было вчера, — перебил его Ричард. — Я поместил пару миниатюрных роботов в небольшой вагончик подземки, и они исчезли в тоннеле. Потом они нашли место, похожее на этот зал, и полезли по паутине... наконец, за ними погнался один из ваших сородичей...

— Можно не сомневаться — ваши роботы забрели в детскую квадроидов. Октопауки стреми-

лись защитить их. Все очень просто... — Арчи знаком разрешил сопровождавшему их инженеру приступить к объяснениям.

— Царицы квадроидов проводят период беременности в специальных помещениях на первом этаже, — начал инженер. — Каждая откладывает тысячу яиц. Когда скапливается несколько миллионов яиц, их вместе помещают в один из овальных контейнеров. Внутри них поддерживается достаточно высокая температура; при этом время, необходимое для созревания квадроидов заметно уменьшается. Плотная завеса вокруг контейнеров поглощает излучаемое тепло, тем самым обеспечивая приемлемые условия для москитоморфов, приглядывающих за детской...

Ричард слушал вполуха, обратившись в этот момент к воспоминаниям. *Теперь все ясно: та крошечная подземка предназначалась для москитоморфов.*

— ... специальные датчики внутри контейнеров извещают о времени, когда квадроиды готовы появиться на свет. За несколько фенгов до автоматического раскрытия овальных контейнеров, сетки поливают нужными химическими веществами. Первыми вылетают на запах царицы. За ними следуют иступленные орды самцов — настоящее черное облачко. Потом квадроидов собирают и приступают к массовой дрессировке...

— Изящная идея, — проговорил Ричард. — Но у меня есть очень простой вопрос: *почему квадроиды делают для вас эти снимки?*

— Ответ короток, — отозвался Арчи. — В течение тысячелетий этот вид подвергался гене-

тической обработке, способной усилить стремление выполнить наши указания. Наши москитоморфные специалисты разговаривают с ними на химическом языке, который квадроиды используют для общения между собой. Если квадроиды выполняют приказ, им дают пищу. Тем, чья работа удовлетворяет нас долгое время, предоставляются радости секса.

— А какой процент квадроидов из данного помета или роя следует вашим указаниям?

— Первую съемку удастся провести девяноста процентам квадроидов, — ответил октопаук-инженер. — Но, когда режим налажен и подкреплен, число отказов резко падает.

— Впечатляет, — оценил Ричард. — Выходит, биология способна на многое; такого я и предположить не мог.

Возвращаясь в Изумрудный город, Ричард и Арчи обсуждали сравнительные достоинства и недостатки биологической и небиологической технологий. Разговор по большей части был эзотерический и философский, с немногими определенными выводами. Однако оба согласились, что энциклопедические функции — хранение, манипуляция и представление значительных объемов информации — оптимальным образом производятся небиологическими системами.

Когда они оказались возле купола, зеленое свечение внезапно погасло. Ночь вновь пришла в центр обиталища октопауков, и вскоре пара светляков появилась, чтобы осветить дорогу страусозавру.

День был долог, и Ричард очень устал. Когда они въехали на окраины Альтернативного Домена, Ричарду показалось, что в темноте над ним промелькнуло какое-то летающее существо.

— А что произошло с Тамми и Тимми? — спросил он.

— Они сочетались браком, — сказал Арчи, — и у них уже несколько отпрысков... За их птенцами заботятся в зоопарке.

— А могу ли я их повидать? Несколько месяцев назад ты мне говорил, что такая встреча возможна...

— Надеюсь, — ответил Арчи после недолгого молчания. — Хотя зоопарк является запретной зоной, помещение птиц располагается очень близко от входа.

Когда они достигли первого большого строения Альтернативного Домена, Арчи спешился и направился в здание. Возвратившись, паук проговорил что-то страусозавру.

— Нам разрешен лишь короткий визит, — сообщил Арчи, когда их скакун свернул с главной дороги на петлявшую дорожку.

Ричарда представили смотрителю зоопарка, который на тележке доставил их в помещение, располагавшееся лишь в сотне метров от входа. Там оказались Тимми и Тамми. Птицы сразу же узнали Ричарда; бормотаньем и криками они, кажется, огласили все потемневшие небеса. Ричарда познакомили с птенцами: молодые держались крайне застенчиво в присутствии первого встречного ими человека.

Ричард с огромной теплотой гладил бархатные

брюшки своих крылатых друзей и вспоминал те дни, когда был их единственным защитником в убежище под Нью-Йорком.

Распроставшись со своими бывшими подопечными, он поднялся в тележку к Арчи и хранителю зоопарка. Не доехав до входа в зоопарк, он услышал звук, который заставил его прислушаться... по коже побежали мурашки. Ричард замер. Звук донесся до его ушей еще раз, и тележка в полном молчании остановилась...

— Я не мог ошибиться, Николь, — настаивал Ричард. — Я же слышал этот голос дважды. Плакало человеческое дитя.

— Я верю тебе, Ричард. Просто пытаюсь логически исключить другие возможные источники этого звука. Крик юных птенцов чуточку похож на плач младенца... Кроме того, ты оказался в зоопарке; что, если это кричало какое-то неизвестное нам животное?

— Нет, — ответил Ричард. — Я не сомневаюсь: успел за свою жизнь наслушаться детского писка. Николь улыбнулась.

— Ну вот, теперь все наоборот, не так ли, мой дорогой? А ты не помнишь, как отреагировал, когда я сказала тебе, что заметила женское лицо на фреске... в ту ночь, когда мы ездили смотреть представление? Ты рассердился и сказал, что мне уже черт знает что мерещится. Я ничего не забыла?

— Но как все это понять? Неужели октопауки сумели похитить людей из Авалона, да, так, что об этом не стало известно? Но как они смогли...

— А ты ничего не сказал Арчи? — спросила Николь.

— Нет, я был ошеломлен. Сперва я удивился тому, что и он, и смотритель зоопарка смолчали, но потом вспомнил, что октопауки глухи.

Оба они помолчали несколько секунд.

— Ричард, ты не должен был слышать этот крик. Наши едва ли не идеальные хозяева оступились — самым неоптимальным образом.

Ричард расхохотался.

— Они записывают наш разговор и к завтрашнему дню будут знать об этом.

— Давай пока не будем ничего говорить нашим, — ответила Николь. — Быть может, октопауки решат поделиться с нами своим секретом... Кстати, когда ты собираешься взяться за работу?

— Когда решусь. Я сказал Арчи, что сперва должен закончить некоторые дела.

— Похоже, у тебя был восхитительный день. А здесь все было спокойно. За исключением одного: Патрик и Наи наконец назначили день своей свадьбы... она состоится через три недели.

— Что? — спросил Ричард. — Почему ты не сказала мне раньше?

Николь рассмеялась.

— Не сумела вставить даже словечко... Войдя сюда, ты не умолкал: крики в зоопарке, птицы, квадроиды... и Эмбриобанк. По собственному опыту я знаю, что тебе всегда лучше дать выговориться.

— Ну, хорошо, матушка жениха, — проговорил Ричард несколько секунд спустя. — И что ты думаешь?

— Учитывая все обстоятельства, я довольна... Ты знаешь, как я отношусь к Наи... Однако — довольно странное место и время для свадьбы.

12

Все собрались в гостиной Уэйкфилдов, ожидая выхода невесты. Патрик нервно тер руки.

— Потерпи, молодой человек, — сказал Макс, обнимая Патрика. — Она скоро придет... Женщина всегда хочет казаться прекрасной в день своей свадьбы.

— Только не я, — отозвалась Эпониная. — Я, кажется, даже не помню, в чем была на своей свадьбе.

— А я, мамзелька, все помню, — ухмыльнулся Макс, — в особенности то, что ты вытворяла в иглу. Кстати, на тебе по большей части был только костюм Евы. — Все расхохотались. В комнату вошла Николь.

— Подождите пару минут. Они с Элли еще не закончили приготовления. — Она огляделась. — А где Арчи и Синий Доктор?

— Они на минутку ушли к себе, — проговорила Эпониная, — за подарком для невесты.

— Не нравятся мне эти октопауки, — противным голосом произнес Галилей. — Вечно трутся вокруг, даже мурашки по коже.

— Со следующей недели, Галилей, — негромко сказала Элли, — октопаук будет постоянно присутствовать у вас в школе... чтобы помогать вам учить их язык...

— Не хочу я учить их язык, — упрямылся мальчишка.

Макс подошел к Ричарду.

— Ну как дела, амиго? Последние две недели мы почти не встречались.

— Все невероятно интересно, Макс, — с энтузиазмом проговорил Ричард. — Я работаю у них в энциклопедическом департаменте, помогаю создавать программы, визуально воспроизводящие основную информацию о сотнях тысяч видов существ, представленных в Эмбриобанке... Октопауки накопили огромный объем информации, однако на удивление слабо справляются с ней. Вот вчера я как раз начал работать с информацией о неких микросуществах, которых октопауки в своей таксономии относят к разряду смертельно опасных...

Ричард умолк. Вошли Арчи и Синий Доктор с каким-то высоким — в метр — предметом, обернутым в местный пергамент. Октопауки оставили свой дар в уголке и отправились к центру комнаты. Мгновение спустя появилась Элли, напевая свадебный марш Мендельсона. За ней следовала Наи.

Невеста Патрика была в тайском шелковом платье. Его украшали яркие черно-желтые цветы, которыми Элли обеспечили октопауки. Она приколола их в стратегически важных местах. Патрик стал возле Наи перед матерью. Будущие супруги взялись за руки.

Николь попросили совершить церемонию, ограничиваясь минимумом слов. Готовясь к краткой речи, она невольно вспомнила другие свадьбы в

своей жизни. Она увидела Макса и Эпонину, Майкла О'Тула и свою дочь Симону, Роберта и Элли. Николь невольно поежилась, вспомнив выстрелы. *Вновь, подумала Николь, усилием воли возвращаясь к настоящему, вновь мы собрались вместе.*

Она едва могла говорить, поддаваясь эмоциям. *Это последняя свадьба, на которой мне предстоит побывать. Другой уже не будет.*

Слезинка сбежала по ее левой щеке.

— С тобой все в порядке, Николь? — спросила ее как всегда внимательная невеста. Николь кивнула и улыбнулась.

— Друзья, — произнесла Николь, — мы собрались сегодня, чтобы быть свидетелями венчания Патрика Эрина О'Тула и Наи Буатонг-Ватанабэ и отпраздновать его. Давайте сойдемся вокруг них кружком, взявшись за руки, чтобы показать им свою любовь и одобрение.

Николь пригласила двух октопауков в образующийся кружок, и они тоже взялись щупальцами за руки людей.

— Берешь ли ты, Патрик, — проговорила Николь хриплым голосом, — эту женщину, Наи, чтобы любить ее как жену и спутницу жизни?

— Да, — ответил Патрик.

— А ты, Наи, — продолжала Николь, — берешь ли ты этого мужчину, Патрика, чтобы любить его как мужа и спутника жизни?

— Да, — ответила Наи.

— Тогда объявляю вас мужем и женой. — Патрик и Наи обнялись, и все одобрительно

закричали. Новобрачные разделили свои первые объятия с Николь.

— А ты когда-нибудь разговаривал с Патриком о сексе? — спросила Николь Ричарда, после того как вечеринка закончилась и все разошлись.

— Нет. Макс вызвался... но в конце концов это не нужно, ведь Наи была замужем... Боже, ты сегодня так волнуешься. С чего бы вдруг?

Николь улыбнулась.

— Ричард, я вспомнила о прочих свадьбах, случившихся на наших глазах: Симоны и Майкла, Элли и Роберта...

— Эту мне бы хотелось забыть... и по многим причинам, — проговорил Ричард.

— Во время церемонии мне казалось, что я плачу, так как это последняя свадьба в моей жизни. Но на вечеринке я подумала о другом. А тебя не смущает, Ричард, что мы с тобой так и не обвенчаны?

— Нет, — Ричард покачал головой. — Венчали меня с Сарой, с меня довольно и этого...

— Но у *тебя* была свадьба, Ричард. А у меня нет. Я родила детей от троих отцов и никогда не была невестой.

Ричард безмолвствовал несколько секунд.

— И ты полагаешь, что плакала именно поэтому?

— Может быть. Я не уверена.

Николь рассказывала по комнате, Ричард сидел глубоко задумавшись.

— А какую великолепную статую Будды октопауки подарили Наи! — сказала она. — Какая

работа... Мне показалось, что Арчи и Синему Доктору самим было приятно. Жаль, что Джеми пришел за ними так рано.

— Так ты хотела бы венчаться со мной? — спросил вдруг Ричард.

— В наши-то годы? — Николь расхохоталась. — Мы ведь уже дедушка с бабушкой.

— И все же, если хочешь...

— Ты делаешь мне предложение, Ричард Уэйкфилд?

— Наверное. Не хочу, чтобы ты грустила, потому что не побывала в невестах.

Николь пересекла комнату и поцеловала мужа.

— Пожалуй, было бы весело. Но не будем планировать, пусть сперва у Патрика и Наи все уляжется. Незачем красть у них радость.

Взявшись за руки, Николь и Ричард направились в спальню и с испугом обнаружили, что путь им загораживают Арчи и Синий Доктор.

— Вы должны сейчас пойти с нами, — проговорил Арчи. — Срочное дело.

— *Прямо сейчас?* — спросила Николь. — В такой поздний час?

— Да, — сказал Синий Доктор. — Только вы двое. Вас ждет Верховный Оптимизатор... Она все объяснит.

Николь ощутила, как заколотилось ее сердце, когда адреналин хлынул в кровь.

— А мне надеть пальто? — спросила она. — Мы выйдем из города?

По каким-то причинам Николь сперва решила, что этим вызовом она обязана детскому крику,

который Ричард услышал во время первого визита в Эмбриобанк. Быть может, ребенок болен? Или уже умирал? Тогда почему они направляются не в зоопарк, располагавшийся снаружи купола в Альтернативном Домене?

Верховный Оптимизатор и ее сотрудники действительно ожидали людей. В комнате было два кресла. Как только Ричард и Николь уселись, предводительница октопауков заговорила яркими полосами:

— Возникли крупные неприятности, которые, к несчастью, могут привести к войне между нашими двумя видами. — Она взмахнула щупальцем и на стене появились видеоизображения. — Сегодня ранним утром два вертолета высадили отряд людей с острова Нью-Йорк на самую северную оконечность нашего домена, на берег Цилиндрического моря. Данные, полученные квадридами, гласят, что ваш вид не только затевает нападение; ваш предводитель Накамура убедил людей считать октопауков своими врагами. Он заручился поддержкой сената и за относительно короткий срок сумел накопить арсенал, способный нанести серьезный ущерб нашей колонии.

Верховный Оптимизатор умолкла, тем временем Ричард и Николь разглядывали видеоснимки, на которых были изображены бомбы, базуки и пулеметы, изготавливаемые в Новом Эдеме.

— Все последние четыре дня небольшие группы людей проводили разведывательные вылазки, им помогала пара вертолетов. Разведывательные отряды уже достигли Барьерного леса по всему периметру нашей территории. Этот район постав-

ляет почти тридцать процентов продуктов питания, энергии и воды.

— Сражений не было; мы не стали оказывать сопротивление разведчикам. Однако в важных местах поместили знаки, способные на вашем языке рассказать людям, что весь Южный полуцилиндр занят развитым, но миролюбивым видом, и убедить их вернуться в свое обиталище. Но они словно бы ничего не заметили.

— Два дня назад произошел прискорбный инцидент. Шла уборка зерна, и над одним из наших полей пролетел вертолет. Потом он приземлился и высадил четверых солдат. Эти люди без всякого повода убили троих существ, трудившихся на поле, — тех шестируких, которых вы видели, когда впервые шли в наш домен. Потом они подожгли зерновое поле. После этого случая содержание наших объявлений переменилось: мы дали понять, что еще один такой поступок будет считаться объявлением войны.

— Тем не менее, судя по сегодняшним действиям людей, ясно, что наши предупреждения не были приняты во внимание и ваш вид намеревается начать конфликт, в котором надеется победить. Я уже обдумывала возможность объявления войны: подобное событие в колонии октопауков весьма серьезно отзывается на всех уровнях нашего общества. Но, прежде чем предпринимать действия, ведущие к необратимым последствиям, я проконсультировалась с теми оптимизаторами, чье мнение уважаю более всего.

— Большинство моего штаба приветствовало объявление войны, поскольку ваших собратьев нельзя убедить в том, что конфликт закончится для

них трагически. Октопаук, которого вы зовете Арчи, заключил, что на мир едва ли можно рассчитывать, и сделал одно предложение. Специалисты по статистическому анализу обещают войну, но в соответствии с нашими этическими нормами мы должны сделать все возможное, чтобы избежать ее... Предложение Арчи требует вашего участия и содействия, поэтому мы и призывали вас сюда.

Верховный Оптимизатор закончила свою цветовую речь и отодвинулась в сторону. Ричард и Николь переглянулись.

— Ваш транслятор все перевел? — поинтересовалась она.

— В основном, — ответил Ричард. — Я понял ситуацию... Есть ли у *вас* какие-нибудь вопросы? Или вы намереваетесь немедленно приступить к выполнению предложения Арчи?

Николь кивнула в сторону Арчи, и их друг выбрался на середину комнаты.

— Я вызвался, — объявил октопаук, — провести переговоры с людьми, чтобы попытаться остановить конфликт, прежде чем он перерастет в полномасштабную войну. Но для этого я нуждаюсь в помощи. Если я просто приду в лагерь людей, они убьют меня... Но даже если этого не случится, они не сумеют понять мою речь. Поэтому меня должен сопровождать кто-то из ваших собратьев, понимающий наш язык: только в таком случае может завязаться разумный диалог...

Сообщив Верховному Оптимизатору, что не имеют возражений против идеи Арчи, люди и октопаук остались втроем, чтобы обсудить детали.

Арчи предлагал, чтобы они с Николь отправились в лагерь на берегу Цилиндрического моря и потребовали встречи с Накамурой и другими руководителями. Далее Арчи и Николь должны были объяснить им, что октопауки — существа миролюбивые и не имеют никаких претензий на северную сторону Цилиндрического моря. Единственное их требование — эвакуация лагеря и прекращение полетов. Если это необходимо, октопауки готовы поставлять пищу и воду людям, чтобы помочь им в нынешней ситуации. Таким образом можно завязать контакты между двумя видами, а потом заключить договор, скрепляющий взаимное согласие.

— Иисусе! — воскликнул Ричард, выслушав в переводе речь Арчи. — А я-то считал идеалисткой Николь!

Арчи не понял восклицания Ричарда. Николь терпеливо объяснила октопауку, что едва ли следует рассчитывать на столь разумную реакцию от представителей Нового Эдема.

— Скорее всего, — проговорила Николь, чтобы подчеркнуть опасность предложенной Арчи меры, — нас убьют, не дав сказать ни слова.

Арчи настаивал на том, что его предложение лучше всего соответствует интересам людей, обитающих в Новом Эдеме.

— Увы, Арчи, — ответил Ричард с разочарованием. — Это не совсем верно. Люди очень разные, среди них есть и такие, как Накамура, которым наплевать на общее благо. Более того, благополучие всей колонии даже не входит в их подсознательную целевую функцию, — если ис-

пользовать ваш термин, — которая характеризует их поведение. Они думают только о себе, и принимаемые ими решения определяются другими факторами — личным влиянием и властью. Как свидетельствует наша история, вожди нередко губили свои собственные страны или колонии, чтобы удержаться у власти.

Октопаук упорствовал.

— Подобные поступки недопустимы для столь развитого вида. Основные законы эволюции со всей очевидностью доказывают, что виды, стремящиеся к общему процветанию, живут дольше тех, в которых доминирует эгоистический интерес отдельной личности... Или вы предполагаете, что человеческое общество представляет собой некую аберрацию... каприз природы, нарушающий ее фундаментальные...

Николь перебила его.

— Все это интересно, — сказала она. — Но у нас есть неотложное дело. Мы должны выработать безупречный план действий, который окажется... Ричард, что предлагаешь ты, если тебе не нравится план Арчи?

Ричард подумал несколько секунд, прежде чем заговорить.

— Я предполагаю, что Накамура поднял Новый Эдем против октопауков по многим причинам... в частности, чтобы предотвратить критику внутренних неудач его правительства. Едва ли он откажется от войны, даже если все граждане дружно выступят против нее. Да и этого не произойдет, пока колонисты не поймут, что война сулит им только несчастье.

— Ты считаешь, что им лучше пригрозить? — спросила Николь.

— Как минимум. Но лучше всего, если октопауки продемонстрируют свою боевую мощь.

— Боюсь, что это невозможно, — ответил Арчи, — по крайней мере в нынешней ситуации.

— Почему? — проговорил Ричард. — Верховный Оптимизатор не сомневалась в том, что октопауки выиграют войну. Что, если вам напасть на этот лагерь и полностью уничтожить его?..

— Нет, *вы* не поняли *нас*, — сказал Арчи. — Поскольку война или даже просто конфликт может привести к убийству разумных существ, такой способ устранения разногласий настолько не оптимален, что наше общество строго запрещает подобные действия. Предусмотренные нашими законами меры делают войну последним способом разрешения конфликтов... У нас нет ни армии, ни запаса оружия... кроме того, существуют другие ограничения. Дело в том, что все оптимизаторы, принимавшие решение объявить войну, и все октопауки, участвовавшие в вооруженном конфликте, терминируются после окончания войны.

— Чтоооо? — протянул Ричард, не веря своему транслятору. — Это же невозможно.

— Да, это так, — проговорил Арчи. — Теперь вы можете представить, насколько эти факторы удерживают нас от агрессивных действий. Верховный Оптимизатор уже подписала себе смертный приговор две недели назад, приказав начать приготовления к войне. Все восемьдесят октопауков, ныне живущих и работающих в Военном Домене, будут терминированы, как только война закончит-

ся или же угроза ее минует... И если будет объявлена война, я, как участник сегодняшней дискуссии, буду внесен в терминационные списки.

Ричард и Николь потеряли дар речи.

— Единственное оправдание войны с точки зрения октопаука, — продолжил Арчи, — это недвусмысленная угроза самому существованию колонии. И когда подобная угроза появляется, наш вид претерпевает метаморфозу и воюет не зная милосердия, пока опасность не минует или же не погибнет сама колония... Многие поколения назад мудрые оптимизаторы осознали, что октопаук, задумавший или совершивший убийство, необратимо изменяется психологически и препятствует мирному функционированию колонии. Поэтому приходится прибегать к терминации.

Арчи закончил свою речь, но Ричард и Николь безмолвствовали. Ричард уже было решил попросить Арчи покинуть комнату, чтобы переговорить с женой с глазу на глаз, как вдруг вспомнил о вездесущих квадроидах.

— Николь, дорогая, — сказал он наконец, — по-моему, Арчи не совсем прав. Начнем с того, что пойду к ним я, а не ты...

Николь хотела перебить его, но Ричард движением руки остановил ее.

— Нет, послушай-ка меня. Почти всю нашу совместную жизнь, в особенности после того как мы оставили Узел, это ты всегда была на фронте... отдавала свое время и энергию на благо семьи или колонии... Теперь моя очередь... к тому же, я больше подхожу для такого дела. Я смогу придумать более убедительное изображение Суд-

ного дня, который обрушат на людей октопауки, и запутать им наших собратьев-людей...

— Но ты же не умеешь хорошо говорить на их языке, — запротестовала Николь. — И без транслятора...

— Я думал об этом. Поэтому нам с Арчи придется взять с собой Элли и Никки. Во-первых, если среди нас окажется ребенок, авангард Накамуры едва ли убьет нас на месте. Во-вторых, Элли свободно владеет речью октопауков и сможет помочь мне, если вдруг откажет транслятор. В-третьих, и, быть может, это соображение окажется самым важным, Накамура и его приспешники могут обвинить октопауков лишь в похищении Элли. Если все увидят ее живой и здоровой, да еще восхваляющей врагов-инопланетян, причина для войны исчезнет сама собой.

Николь нахмурилась.

— Лучше обойтись без Никки... это слишком опасно. Никогда не прощу себе, если с моей внучкой что-нибудь случится...

— Я тоже, — проговорил Ричард. — Но, как мне кажется, Элли без нее не пойдет... Николь, конечно, мой план не так уж хорош... Однако из всех неудовлетворительных решений мы должны выбрать самое подходящее.

В разговоре наступила короткая пауза. Арчи, обращаясь к Николь, объявил:

— Идея Ричарда кажется мне великолепной. Кстати, есть еще одна причина, по которой тебе лучше не покидать Изумрудного города: в предстоящие трудные дни оставшимся людям потребуется твое руководство.

Мысли Николь разбежались. Она не ожидала, что Ричард вызовется идти.

— То есть ты, Арчи, — сказала она, — *одобряешь* предложение Ричарда в отношении Элли и Никки?

— Да, — ответил октопаук.

— Но, Ричард, — проговорила Николь, обращаясь к мужу, — ты же так ненавидишь все эти политические дразги. И ты уверен, что все продумал?

Ричард кивнул.

— Ну хорошо, — Николь поежилась. — Поговорим с Элли. Если она согласится, значит план действий готов.

Верховный Оптимизатор решила, что скорректированный план имеет шансы на успех, но все же напомнила, что, по мнению октопауков, Арчи и Ричард скорее всего будут убиты. Сердце Николь на миг замерло, когда она прочитала полосы, бежавшие вокруг головы Верховного Оптимизатора. Та не сказала ничего нового для Николь; однако женщина настолько увлеклась обсуждением плана, что не успела продумать все возможные варианты. А потому, когда стали обсуждать сроки, Николь в основном помалкивала. Но, услышав из уст Ричарда, что они с Арчи, взяв Элли и Никки или без них, оставят Изумрудный город через терт после рассвета следующего дня, Николь дрогнула. *Завтра*, полыхнуло в ее голове, *завтра наша жизнь вновь изменится*.

Она старалась держаться спокойно, пока транспорт вез их назад в выделенную людям зону.

Ричард и Арчи были заняты обсуждением самых разнообразных вопросов. Николь пыталась осилить страх, поглощавший ее душу. Внутренний голос, которого она не слыхала многие годы, ясно говорил ей: завтра она простится с Ричардом навсегда. *Или я просто эгоистична?* — критически оценивала она себя. *Неужели я не хочу, чтобы Ричард получил возможность проявить героизм?*

Но предчувствие крепло, невзирая на попытки Николь противостоять ему. Она вспомнила давнишнюю жуткую ночь. Много-много лет назад, на Земле, в их маленьком доме в Шилли-Мазарин Николь пробудилась от кошмарного сна. «Мамочка умерла!» — кричала десятилетняя девочка, горько плача.

Пришедший отец стал утешать ее, ведь мать просто уехала в Республику Берег Слоновой Кости погостить у родни. Семь часов спустя в дом принесли телеграмму, извещавшую о смерти матери...

— Но если у вас нет ни оружия, ни армии, — сомневался Ричард, — как же тогда вы сумеете защитить себя?

— Этого я не могу рассказать вам, — ответил Арчи, — но поверьте мне: я абсолютно уверен, что столкновение наших видов может закончиться только уничтожением человеческой колонии на Раме.

Николь никак не могла успокоить свою измученную душу. Она все время пыталась убедить себя в том, что излишне нервничает, но дурное предчувствие не оставляло ее. Она потянулась и

взяла Ричарда за руку. Соединив ее пальцы со своими, он продолжил разговор с Арчи.

Николь молча глядела на него. *Я горжусь тобой, Ричард, но мне так страшно.* Она чувствовала, как глаза наполняются слезами. *Я просто не могу... не готова прощаться с тобой.*

Было очень поздно, когда Николь отправилась в постель. Она тихо разбудила Элли, стараясь не потревожить Никки и близнецов Ватанабэ, ночевавших в доме Уэйкфилдов, чтобы у Патрика и Наи могла быть настоящая брачная ночь. Конечно, у Элли сразу возникли вопросы. Ричард и Николь дали подробные пояснения, не забыв ничего важного из того, что узнали от Арчи и Верховного Оптимизатора. Элли не скрывала страха, но в конце концов согласилась и решила, что они с Никки отправятся вместе с Ричардом и Арчи.

Николь долго не могла уснуть. Безуспешно повертевшись несколько часов с боку на бок, она наконец забылась в коротком и хаотическом сне. Николь увидела себя семилетней девчонкой — в Республике Берег Слоновой Кости во время церемонии поро. Кожа ее была влажной, она только что вышла из воды, а львица бродила около пруда. Глубоко вздохнув, кроха Николь нырнула под воду. Когда она вынырнула обратно, вместо львицы на берегу стоял Ричард... молодой Ричард. Его улыбающееся лицо старело прямо на глазах у Николь и наконец приняло очертания того самого Ричарда, который находился рядом с ней в постели. Она услышала голос Омэ, шептавший ей на ухо: «Смотри внимательней, Роната, запоминай...»

Николь пробудилась. Ричард мирно спал. Сев в постели, она разок стукнула по стене. В дверях появился одинокий светляк, чуть осветивший спальню. Николь глядела на мужа... на его седые волосы и бороду, вспоминала те времена, когда они были черными. Она воскресила в памяти его прежний пыл и улыбку, когда вдвоем остались в Нью-Йорке. Горестно морщась, Николь вздохнула и приложила к губам указательный палец, потом прикоснулась им ко рту Ричарда. Он и не пошевелился. Николь просидела так несколько минут, разглядывая дорогие черты... Тихие слезы текли по ее щекам и капали с подбородка на простыню. «Я люблю тебя, Ричард», — проговорила она.

Война на Раме

1

ОТЧЕТ № 319

Время передачи: 156 307 872 574, 2009

Время после начала первой стадии: 111, 9766

Ссылки: Узел 23-419

Космический корабль 947

Космопроходцы 47 249 (А и Б)

32 806

2666

В течение последнего отчетного интервала структура и порядок в обществах космопроходцев внутри корабля продолжали распадаться. Невзирая на предупреждения октопауков (космопроходцы № 2666) и их благородные попытки избежать широкого конфликта с людьми (№ 32 806), следует в самое ближайшее время ожидать разрушительной войны между двумя видами, после которой в живых может остаться лишь несколько особей. В целом ситуация соответствует условиям для перехода ко второй стадии. Умиротворяющая активность не принесла успеха: люди, как более агрессивный вид, по природе не поддаются действию тонких методик умиротворения во всем их диапазоне. Реакцию на попытки изменить их поведение продемонстрировали лишь немногие из людей. Однако они не были способны прекратить истребление

птиц и сетей (№ 47 249 — А и Б), развязанное правителями земной колонии.

Люди организованы в жесткую иерархическую структуру, которая часто наблюдается у видов, не достигнувших стадии космоплавания. Среди них по-прежнему доминирует лидер, стремящийся к личной власти. В целевой функции нынешних предводителей любого масштаба благосостояние человеческого сообщества, всего коллектива, даже просто выживание отступают перед продлением существования политической системы, дающей им абсолютную власть. Поэтому едва ли широкий конфликт между людьми и октопауками может быть предотвращен каким-либо логически обоснованным способом.

Небольшая группа людей — практически та семья, которая побывала в Узле, — уже более года проживает в главном городе октопауков. Их взаимодействие с хозяевами свидетельствует, что оба вида могут гармонически уживаться. Совместная делегация людей и октопауков предприняла попытку предотвращения широкомасштабной войны между видами путем непосредственных переговоров с лидерами человеческой колонии. Однако вероятность успеха пренебрежимо мала.

Пока октопауки не проявляли излишней агрессивности, но тем не менее приступили к подготовке войны с людьми. И хотя военные действия они начнут только в случае явной угрозы жизни их колонии, глубокие познания октопауков в биологии делают исход войны предрешенным. Правда, еще не ясно, как отреагируют люди на первые тяжелые потери. Вероятно, война быстро

окончится, и через некоторое время оба уцелевших сообщества смогут достичь равновесного состояния. Однако данные о людях заставляют не без оснований предполагать, что этот вид будет продолжать сопротивление, пока не погибнут все особи. Подобный исход погубит по крайней мере одно из двух сообществ космонавтов, оставшихся на корабле, и чтобы предотвратить его, рекомендуется перейти ко второй стадии умиротворения.

2

Николь пробудилась, услышав возню игравших в гостиной детей. Пока она надевала халат, Элли подошла к двери спальни и спросила мать, не видела ли та любимую куклу Никки.

— По-моему, она под ее кроватью, — ответила Николь.

Элли продолжала собираться. Николь слышала возню Ричарда в ванной. *Все, осталось недолго*, подумала она, и тут в дверях вдруг появилась их внучка.

— Мы с мамочкой уходим, Нонни, — проговорила девочка, улыбаясь. — К папочке.

Николь развела руки, и малышка побежала обниматься.

— Знаю, моя дорогая, — Николь крепко обхватила девочку и погладила по голове. — Мне будет так не хватать тебя, Никки.

Через несколько секунд в комнату прискакали оба близнеца Ватанабэ.

— Есть хочется, миссис Уэйкфилд, — объявил Галилей.

— И мне тоже, — добавил Кеплер.

Николь неохотно выпустила свою внучку и отправилась из спальни.

— Хорошо, мальчики. Я приготовлю вам завтрак через несколько минут.

Когда трое детей почти закончили еду, в дверях появились Макс, Эпониная и Мариус.

— А знаете, дядя Макс, — сказала Никки, прежде чем Николь успела поздороваться с Паккеттами, — я отправляюсь к папочке.

Четыре часа пролетели быстро. Ричард и Николь объяснили все дважды: сперва Макс и Эпонине, а потом новобрачным, еще лучившимся после удовольствий брачной ночи.

Когда приблизилось время расставания, всеобщее оживление улеглось. У Николь заныло под ложечкой. *Расслабься и улыбайся*, сказала она себе. *Грусти не грусти — легче не станет.*

Первым попрощался Макс.

— Подойди-ка сюда, принцесса, — обратился он к Никки, — поцелуй дядю Макса. — Девочка послушно последовала указаниям. Потом Макс подошел к Элли, разговаривавшей с матерью, и обнял ее. — Элли, внимательно следи за этой девицей. И смотри, чтобы вас там не облапошили. — Макс обменялся рукопожатием с Ричардом и позвал близнецов Ватанабэ наружу.

Настроение в комнате сразу переменилось. Осознав, что она располагает лишь несколькими минутами для прощания, Николь ощутила волну ужаса, невзирая на данное себе обещание оста-

ваться спокойной. Последовав примеру Макса, Патрик, Наи, Бенджи и Эпонины обнимались с уходящей троицей.

Николь хотела еще раз обнять Никки, но девочка увернулась, бросившись наружу поиграть с близнецами. Элли распрощалась с Эпониной и обернулась к Николь.

— Мне будет не хватать тебя, мама. Я очень тебя люблю.

Николь попыталась сохранить душевное равновесие.

— Я не могла бы даже мечтать о лучшей дочери, — сказала она. И обнимая Элли на прощание, Николь негромко шепнула ей на ухо: — Будь осторожна, дело очень серьезное...

Элли, чуть отстранившись, заглянула в глаза матери и глубоко вздохнула.

— Знаю, мама, — произнесла она с горечью, — это пугает меня. Надеюсь, я не разочарую...

— Не разочаруешь, — Николь погладила дочь по плечу. — Только помни, что там сверчок говорил Пиноккио. — Элли улыбнулась. — «И пусть совесть всегда ведет тебя».

— Арчи здесь! — услышав возглас Никки, Николь взглядом поискала мужа. *А где же Ричард?* — подумала она в испуге. *Я не попрощалась с ним...* Элли уже шла к двери с двумя рюкзаками.

Николь едва могла дышать. А потом она услышала Патрика:

— Где же дядя Ричард? — Ему ответил голос из кабинета: — Я здесь.

Николь побежала туда. Ричард сидел на полу, перед открытым рюкзаком посреди кучи электро-

ники. Она постояла секунду в дверях, пытаясь отдышаться.

Услышав ее шаги, Ричард обернулся.

— Привет, — сказал он невозмутимо. — А я все еще не могу сообразить, на сколько трансляторов брать деталей.

— Арчи уже здесь, — тихо проговорила Николь. Ричард поглядел на часы.

— Да, время идти, — произнес он и, собрав электронику, уложил ее в рюкзак. Поднявшись, он подошел к Николь.

— Дядя Ричард, — слышался голос Патрика.

— Иду, — ответил Ричард. — Сию минуту.

Когда Ричард обнял Николь, она задрожала.

— Ну-ну, успокойся... Нам не впервой расставаться.

Страх настолько овладел Николь, что она не могла говорить. Она изо всех сил стремилась быть отважной, но это ей не удавалось: Николь понимала, что в последний раз прикасается к своему мужу.

Протянув руку к затылку Ричарда, она чуть пригнула его голову, чтобы поцеловать. Слезы уже текли по щекам. Николь хотелось бы остановить время, затянуть этот момент на целую вечность. Как на фотографии запечатлев в памяти черты Ричарда, она нежно поцеловала его в губы.

— Я люблю тебя, Николь.

На миг ей показалось, что она не сумеет ответить.

— И я тебя тоже, — наконец выдавила она.

Он закинул рюкзак за плечи и помахал ей. Остановившись в дверях, Николь провожала его

взглядом. *Запоминай*, услышала она в душе голос Омэ.

Никки едва могла поверить своей удаче: прямо за воротами Изумрудного города их дожидался страусозавр, как и обещал Арчи. Она дергалась на месте, пока мать застегивала ее куртку.

— А можно мне покормить его, мама? — спросила Никки. — Можно? Можно?

Страусозавр опустился на землю, и Ричарду пришлось помочь Никки залезть на него.

— Спасибо, Буба, — проговорила маленькая девочка, уютно устроившись в чаше.

— Время выбрано специально, — объяснил Арчи Ричарду и Элли, когда они оказались в лесу. — Мы прибудем в лагерь людей, когда отряд будет завтракать. Тут они нас и увидят.

— А как мы узнаем, когда нам пора идти? — поинтересовался Ричард.

— С северной оконечности полей поступают квадроиды. Как только солдаты проснутся и начнут ходить около палаток, над их головой пролетит ваш приятель Тимми с письменным предупреждением о нашем прибытии. Там будет сказано, что сперва прилетят светляки, а мы будем идти с белым флагом, как вы предложили.

Никки заметила странные глаза, следившие за ними из лесной тьмы.

— Ой, как весело! — воскликнула она, но Элли не отреагировала.

Арчи остановил страусозавра в километре к югу от лагеря людей. Издали фонари около и

внутри палаток казались звездочками, мерцавшими в ночи.

— Наверное, Тимми сейчас сбрасывает наше послание, — проговорил Арчи.

Они осторожно шагали во тьме в течение почти целого терта, не желая пользоваться светляками, чтобы их не заметили в лагере чересчур рано. Никки мирно спала, положив голову на плечо матери.

Ричард и Элли чувствовали себя напряженно.

— А что будем делать, — осведомился на ходу Ричард, — если по нам откроют огонь, прежде чем мы успеем сказать им хоть слово?

— Повернем назад и побежим изо всех сил, — ответил Арчи.

— А если они погонятся за нами с геликоптерами и прожекторами? — спросила Элли у октопаука.

— На полном скаку страусозавр окажется в лесу через четыре вудена.

Подлетел Тимми — на короткое бормотанье отвечали цветные фразы Арчи, — заверил, что свою миссию выполнил, и попрощался с Ричардом. В огромных глазах птицы вспыхнуло незнакомое Ричарду чувство, когда он напоследок прикоснулся к мягкой грудке. Не мешкая более, Тимми улетел в направлении Изумрудного города, а возле тропы вспыхнула пара светляков, неторопливо направившаяся в сторону лагеря. Возглавлял процессию Ричард, державший в правой руке белый флаг. За ним, в пятидесяти метрах, следовал страусозавр, на нем ехали Арчи и Элли со спящей девочкой.

Когда они оказались примерно в четырехстах метрах от лагеря, Ричард смог разглядеть фигуры солдат в свой бинокль. Все стояли, обратившись в их сторону. Ричард насчитал двадцать шесть человек, у троих были винтовки, двое вглядывались во тьму с помощью биноклей.

Как и планировалось, Элли, Никки и Арчи спустились на землю, когда до лагеря оставалось около двухсот метров. Отослав страусозавра в Изумрудный город, все четверо направились к солдатам. Никки не хотела просыпаться; сперва она жаловалась, но потом утихла, ощутив, что мать очень серьезно просит ее умолкнуть.

Арчи шел между двумя людьми. Никки держалась за руку матери и старалась идти с ней в ногу.

— Эй, там! — закричал Ричард, когда, по его расчетам, в лагере уже могли слышать его. — Это Ричард Уэйкфилд. Мы идем с миром. — Он энергично замахал белым флагом. Я пришел с моей дочерью Элли, внучкой Никки и представителем октопауков.

Для солдат зрелище, безусловно, было удивительным: никто из них еще не видел октопаука. Светляки повисли над головами землян, и Ричард со своим отрядом выступил из раманской тьмы.

Один из вояк шагнул вперед.

— Я — капитан Энрико Пиоджи, — проговорил он, — комендант этого лагеря... Принимаю вашу капитуляцию перед вооруженными силами Нового Эдема.

Поскольку о парламентарях земляне узнали всего за полчаса до их появления, распоряжение

сверху об участии пленников еще не прошло всей цепи начальства, распорядившегося в Новом Эдеме. Подтвердив, что группа в составе мужчины, женщины с ребенком и октопаука действительно приближается к лагерю, капитан Пиоджи вновь радировал в штаб, оставшийся в Нью-Йорке, и затребовал инструкций относительно дальнейших действий. Командовавший кампанией полковник велел ему стеречь пленников и ждать новых распоряжений.

Ричард не рассчитывал, что кто-либо из офицеров рискнет предпринять самостоятельные действия, не выяснив мнения самого Накамуры. Во время долгой езды на страусозавре он порекомендовал Арчи воспользоваться предоставлявшейся возможностью для общения с солдатами, чтобы уже здесь попытаться разоблачить ложь об октопауках, которую распространяли в Новом Эдеме.

— Это существо, — громким голосом объявил Ричард, после того как пленников обыскали и любопытные окружили их, — и есть октопаук, как мы их называем. Они очень умны и во многом даже превосходят людей... Около пятнадцати тысяч этих созданий населяют Южный полуцилиндр — все пространство отсюда до окружности южной полярной чаши. По собственной воле вся моя семья провела в их обиталище около года. Мы обнаружили, что октопауки — мирные и высоко нравственные существа. Мы с дочерью сопровождаем представителя октопауков, которого между собой называем Арчи, чтобы найти способ предотвратить военное столкновение между двумя видами.

— А вы не жена доктора Роберта Тернера? — спросил один из солдат. — Того, кто бы похищен октопауками?

— Да, это я, — четким голосом ответила Элли. — Только я не была похищена в прямом смысле слова. Октопауки стремились установить со мной связь, вступить в общение с людьми и не могли сделать этого. Они похитили меня, чтобы научить своему языку.

— Неужели эта тварь *разговаривает*? — с недоверием проговорил другой солдат. До этого мгновения, как и было намечено, Арчи безмолвствовал. Солдаты замерли, когда вокруг его головы, начиная от правой щели, побежали цветные полосы.

— Арчи приветствует вас, — перевела Элли. — Он хочет, чтобы вы все поняли: как и он сам, весь его народ не желает вам зла. И еще — чтобы вы узнали о том, что он умеет читать человеческую речь по губам и будет рад ответить на любой ваш вопрос...

— Как это так? — удивился кое-кто из солдат.

Тем временем недовольный капитан Пиоджи стоял в сторонке, передавая по ходу развития событий отчет полковнику в Нью-Йорк.

— Да, сэр, — говорил он, — у него на голове полосы... разные, сэр, красные, синие, желтые... прямоугольники, движущиеся прямоугольники, они обходят вокруг его головы, затем появляются новые... Что, сэр?.. Женщина, жена доктора, сэр... она явно понимает смысл полос... Нет, сэр, это не раскрашенные буквы, а просто цветные полосы... Прямо сейчас, сэр, инопланетянин говорит с сол-

датами... Нет, сэр, они не понимают его... Как утверждает женщина, октопаук читает по губам... как глухой, сэр... Та же методика, я полагаю ... он отвечает своими полосами и жена доктора переводит... Никакого оружия, сэр... много игрушек, одежды, странные предметы, которые, по утверждению заключенного Уэйкфилда, являются электронными деталями... Игрушки, сэр, я сказал — игрушки... у маленькой девочки много игрушек в рюкзаке... нет, у нас нет сканера... Хорошо, сэр... сколько нам придется ждать, как вы полагаете?

К тому времени, когда капитан Пиоджи наконец получил приказ отправить пленников в Нью-Йорк в одном из вертолетов, Арчи успел глубоко потрясти всех солдат в лагере. Демонстрацию своих выдающихся умственных способностей октопаук начал с перемножения в уме пяти- и шестизначных чисел.

— А как узнать, что октопаук действительно дает правильный ответ? — поинтересовался один из солдат помоложе. — Перед нами только цветные полосы.

— Молодой человек, — усмехнулся Ричард, — разве вы не видите, что то же число получилось на калькуляторе лейтенанта и моя дочь назвала его правильно? Или вы полагаете, что это *она* так считает *в уме*?

— Ах да, — проговорил молодой человек, — я понимаю вас.

Но воистину потрясла солдат феноменальная память Арчи. По просьбе Ричарда один из землян

выписал подряд несколько сотен цифр на листе бумаги и затем, стоя перед Арчи, зачитал последовательность, называя цифры по одной. Октопаук повторил весь ряд — через Элли — без единой ошибки. Некоторые из солдат заподозрили розыгрыш и заявили, что это, должно быть, Ричард передает Арчи кодированные сигналы. Однако, когда Арчи повторил свой подвиг в тщательно контролируемых условиях, все сомнения отпали и скептики примолкли.

Когда пришел приказ доставить пленников в Нью-Йорк, в лагере царил непринужденная и дружелюбная атмосфера. Первая часть плана удалась — вопреки всем опасениям. Тем не менее, поднимаясь в вертолет, чтобы пересечь Цилиндрическое море, Ричард не испытывал особых надежд.

В Нью-Йорке они задержались примерно на час. Вооруженная охрана встретила пленников на посадочной площадке — на западной площади — и сразу же конфисковала их рюкзаки, невзирая на громкие протесты Ричарда и Никки. На пути к Порту Ричард нес Никки на руках и едва успел восхититься своими любимыми небоскребами, вздымающимися над головой во тьме.

Яхта, переправившая их через северную половину Цилиндрического моря, была копией тех увеселительных лодок, которые Накамура и его прихлебатели использовали на озере Шекспир. Во время всего пути охранники молчали.

— Буба, — прошептала Никки, обращаясь к Ричарду, когда несколько ее вопросов остались без

ответа, — разве эти дяди не умеют говорить? — Она захихикала.

Возле причала их ждал вездеход; пристань соорудили недавно, чтобы осуществлять связь с Нью-Йорком и Южным полуцилиндром. Не пожалев усилий и расходов, люди вырезали брешь в южной барьерной стене — в области, прилегающей к поселению, прежде занятому птицами и сетями, — и устроили там большой порт.

Ричард поначалу не мог понять, почему их не повезли в Новый Эдем прямо на геликоптере, но, быстро прикинув, сумел сделать правильный вывод: этому мешала колоссальная высота барьерной стены, заходившей в тот регион, где искусственная гравитация, создающаяся за счет вращения Рамы, начинала резко ослабевать; возможно, в этих условиях нельзя было положиться на мастерство пилотов. Наверняка существовал и верхний предел высоты, который могли одолеть наспех построенные геликоптеры. *А это значит, думал Ричард, садясь в вездеход, что людям приходится переправлять необходимое им либо через этот причал, либо пользуясь рвом и тоннелем под вторым поселением.*

Вездеход вела биот Гарсиа. Впереди и позади их сопровождали два других вездехода с вооруженными людьми. Они торопились во тьме по Центральной равнине. Ричард расположился на переднем сиденье, возле водителя, за ним — Арчи, Элли и Никки. Ричард обернулся назад и напомнил Арчи о пяти типах биотов в Новом Эдеме. Тут Гарсиа прервала его.

— Заключение Уэйкфилд обязан повернуться вперед и молчать.

— Что еще за шутки, — непринужденно ответил Ричард.

Оторвав правую руку от рулевого колеса, Гарсиа сильно ударила Ричарда по лицу тыльной стороной ладони.

— Смотреть вперед и молчать! — приказал биот, пока Ричард потирал щеку.

Никки заплакала после неожиданной грубости. Элли попыталась успокоить и утешить ее.

— Мне не нравится этот водитель, мамочка, — сказала маленькая девочка. — Совсем не нравится.

Когда их привезли к контрольно-пропускному пункту на границе поселения, внутри Нового Эдема была ночь. Арчи и троих людей поместили в открытую электрическую повозку, которой управляла другая Гарсиа. Ричард тут же отметил, что в Новом Эдеме стало столь же холодно, как на Раме. Машина загромыкала по дороге, находившейся в весьма скверном состоянии, повернув на север — к месту, где некогда в поселении Позитано была станция. Пятнадцать или двадцать людей теснились к кострам на бетонной платформе, оставшейся от вокзала. Еще трое или четверо лежали или спали, укрываясь картонками и тряпьем.

— Что делают эти люди, мамочка? — спросила Никки. Элли не отвечала. Гарсиа уже обернулась и свирепо глядела на нее.

Неоновые огни Вегаса замаячили впереди, когда электрокар резко свернул налево — вдоль застроенной аллеи, некогда являвшейся частью

Шервудского леса. Машина быстро остановилась перед большим ранчо. Двое мужчин восточного происхождения с пистолетами и кинжалами подошли к повозке. Жестом приказав пленникам вылезать, они отпустили биота.

— Идите с нами, — бросил один из мужчин.

Арчи и его спутники вошли в дом, спустились по длинной лестнице в подвальное помещение, лишенное окон.

— Вода и пища на столе, — сказав это, второй охранник отправился к лестнице.

— Минуточку, — проговорил Ричард. — Наши рюкзаки... они нам нужны.

— Их вернут, — нетерпеливо ответил мужчина, — как только проверят содержимое.

— А когда мы увидим Накамуру? — спросил Ричард.

Человек пожал плечами — лицо его ничего не выражало — и заторопился по лестнице вверх.

3

Дни тянулись неторопливо. Поначалу Ричард, Элли и Никки потеряли представление о времени, но скоро выяснилось, что октопауки обладают удивительно точными внутренними часами, калиброванными и усовершенствованными еще в детстве. Они уговорили Арчи перейти на человеческое измерение времени (Ричард воспользовался своим старым лозунгом: «С волками жить...»), и Арчи, по крайней мере временно, оставил свои терты, вудены, фенги и ниллеты. Поглядывая украдкой на часы охранника, который приносил им еду или

питье, они обнаружили, что внутренние часы Арчи за двадцать четыре часа ошибались не более чем на несколько секунд. Никки развлекалась, постоянно спрашивая у Арчи время. В итоге, приглядевшись, Ричард, а потом и Никки научились читать ответы Арчи, когда речь заходила о времени и небольших числах. Дни шли, и постоянное общение позволило Ричарду намного лучше понимать язык октопауков. Хотя в расшифровке цветowych полос Ричард и не достиг таких успехов, как Элли, тем не менее уже через неделю он мог самостоятельно общаться с Арчи, не прибегая к помощи дочери.

Люди спали на полу. Арчи тоже укладывался возле них клубочком на те несколько часов, которые проводил во сне. Оба азиата по очереди раз в день доставляли пленникам еду. Ричард постоянно напоминал им, что рассчитывает получить рюкзак и ждет встречи с Накамурой.

Прошло восемь дней, и ежедневное протирание с губкой в раковине, примыкавшей к туалету, уже никого в подвале не удовлетворяло. Ричард потребовал, чтобы им предоставили мыло и разрешили помыться. Через несколько часов в подвал по лестнице спустили большую ванну. Взрослые вымылись, а Никки сначала стеснялась: не хотела раздеваться перед октопауком. Освежившись, Ричард и Элли почувствовали себя получше, даже ощутили известный прилив оптимизма.

— Накамура не сумеет утаить наше возвращение, — проговорил Ричард. — Многие уже видели нас на берегу... вряд ли все они будут молчать, что бы там ни приказывал Накамура.

— Не сомневаюсь: за нами скоро придут, — высказала догадку Элли.

Но к концу второй недели заключения основания для оптимизма исчезли и Ричард с Элли приуныли. Кроме того, Никки сделалась совершенно несносной и все время твердила, что ей скучно и нечего делать. Тогда, чтобы развлечь ребенка, Арчи начал рассказывать Никки разные истории. Октопаучьи «легенды» (вместе с Элли он долго уточнял смысл слова, прежде чем согласился пользоваться им) восхищали маленькую девочку.

Помогало то, что перевод Элли был насыщен звучными фразами, которые девочка привыкла связывать со сказками.

— Жили да были во времена Предтеч... — начинал Арчи свою повесть, и Никки повизгивала, предвкушая интересное продолжение.

— А на кого были похожи Предтечи? — спросила однажды девочка октопаука.

— В легендах об этом не говорится, — ответил Арчи, — можешь представлять их, какими захочешь.

— Разве это правильно? — спросила Никки у Арчи по другому случаю. — Неужели октопауки и вправду не сумели бы оставить свою планету, если бы Предтечи не взяли их с собой в космос?

— Так говорят легенды. В них рассказывается, что почти все наши тогдашние знания были преподаны нам Предтечами.

Как-то ночью, когда Никки уснула, Ричард и Элли спросили у Арчи о происхождении легенд.

— Они существуют десятки тысячелетий, — ответил октопаук. — Самые ранние документиро-

ванные анналы нашего рода содержат многие из повествований, которыми я поделился с вами за эти последние дни... Существует несколько различных мнений относительно их соответствия истине... Синий Доктор полагает, что они в основном верны и, быть может, даже созданы неким рассказчиком из альтернативных, чей гений не был признан при жизни.

— Если можно верить легендам, — ответил Арчи на другой вопрос Ричарда, — много-много лет назад мы, октопауки, были простыми морскими созданиями, которых природа наделила минимальным разумом и сознанием. Обследуя нашу генетическую структуру, Предтечи обнаружили в ней потенциал; они и преобразили нас за ряд поколений, сделав такими, какие мы есть, еще до Великой Смуты.

— А что именно случилось с Предтечами? — спросила Элли.

— Существует множество противоречивых историй. Все или почти все Предтечи, обитавшие на первородной планете, которую мы с ними делили, наверняка погибли во время Великой Смуты. Некоторые из легенд утверждают, что их колонии в отдаленных звездных системах сумели протянуть еще несколько сотен лет, но в конце концов погибли и они. Одна легенда гласит, что Предтечи перебрались в иные, более благоприятные для них звездные системы и стали доминирующей формой разума в Галактике. Мы не знаем. Можно не сомневаться только в одном: суша нашей первородной планеты действительно оставалась необитаемой многие-многие годы, а когда цивили-

лизация октопауков вновь вышла из воды, никого из Предтеч наши предки не застали.

Когда дни заточения сменились неделями, четверо обитателей подвала выработали свой ежедневный распорядок. По утрам, пока Никки и Элли еще спали, Арчи с Ричардом обсуждали разные вопросы, представлявшие обоим интересными. К этому времени Арчи научился почти безупречно читать по губам, а Ричард настолько хорошо разбирался в цветовой речи октопаука, что тому лишь изредка приходилось переспрашивать.

Многие из их разговоров касались науки. В особенности Арчи привлекала история. Он интересовался датами различных открытий, причинами конкретных исследований и экспериментов и тем, какие ошибочные или конкурирующие модели явлений были отброшены в результате достижения нового, более глубокого понимания.

— Выходит, война как таковая действительно ускорила у вас развитие авиации и ядерной физики, — сказал однажды утром Арчи. — Как удивительно!.. Вы не можете себе представить, — добавил октопаук несколько секунд спустя, — как потрясает меня даже в пересказе идея постепенного процесса изучения природы... Наша история была совершенно иной. В начале мы были полностью невежественны. Но, когда был создан новый род октопаука, способный мыслить постигать основы мира, Предтечи, наши менторы и создатели, уже знали ответы на все вопросы. И наше дело, как вида, было достаточно простым: мы учились у них всему, чему только могли. Вполне естественно, мы уже не помнили о пробах и ошибках, с которыми

связана наука, и поэтому не имели представления о том, как возникают компоненты культуры. Блестящая техника Предтеч позволила нам пропустить сотни миллионов лет эволюции...

— Можно даже не говорить, насколько мы были не готовы к тому, что придется заботиться о себе, когда началась Великая Смута. Наиболее историчные из наших легенд утверждают, что вся наша интеллектуальная деятельность в течение нескольких столетий ограничивалась сбором и постижением накопленной Предтечами информации — всего, что мы могли найти или вспомнить. Но, увы, наши благодетели не могли больше следить за выполнением своих этических наставлений, и в социальном плане нас ждал продолжительный застой; тогда можно было даже усомниться в том, что созданная Предтечами разумная раса октопауков все-таки сумеет выжить...

Ричард был потрясен — он и не представлял прежде, что во Вселенной существует раса, которую он называл вторично-технологической.

— Вот никогда не думал, — говорил он Арчи однажды утром с обычным волнением, сопутствующим открытию, — что может существовать раса космоплателей, которой не пришлось изучать законы гравитации... проводить долгих исследований, изучать основные законы физики, скажем характеристики электромагнитного спектра. Потрясающая идея... Но теперь мне кажется вполне естественным, что, если вид космоплателей «А» встречает вид «Б», располагавшийся ниже первого на технологической лестнице, после контакта вид «Б» преодолевает разрыв...

— Но наш случай, — объяснял ему Арчи в то самое утро, — был еще более необычным. Парадигма, которую ты описываешь, действительно вполне обычна... Как свидетельствуют наша история и легенды, так случалось довольно часто. Многие космоплаватели овладели этой способностью именно вторичным образом, если воспользоваться твоим словом, а не самостоятельно научились летать в пространстве. Возьми хотя бы птиц и сетчатые существа... их симбиоз развился без всякого внешнего влияния в звездной системе, не столь далекой от нашей родной планеты, и существовал уже не одну тысячу лет, когда их впервые посетили исследовательские корабли Предтеч. Птицы и сети почти наверняка не сумели бы самостоятельно овладеть звездоплаванием. Однако после встречи с Предтечами, увидев их космические корабли, они попросили помощи и сумели освоить технику, необходимую для совершения космических полетов...

— Наша ситуация совершенно иная; мы были менее самостоятельны. Если нет ошибок в наших легендах, то Предтечи были космоплавателями еще в те времена, когда мы, октопауки, даже не обладали разумом. Мы не знали тогда, что такое планета, а тем более окружающий ее космос. Нашу судьбу определили высокоразвитые существа, с которыми мы делили наш мир. Обнаружив потенциал в нашей генетической структуре, Предтечи с помощью своего инженерного мастерства усовершенствовали нас, наделили разумом, а потом поделились с нами информацией и создали развитую культуру, которая иначе никогда бы не возникла...

Утренние беседы заронили глубокую приязнь в отношения между Ричардом и Арчи. Пока им никто не мешал, они могли разделять общую страсть — любовь к познанию. Расширяя знания друг друга, каждый углублял и свое понимание чудес Вселенной.

Никки почти всегда просыпалась раньше Элли. Когда девочка кончала завтрак, начинался второй этап ежедневного распорядка. Иногда Никки играла с Арчи, но большую часть утра проводила за занятиями. Учителей у нее было трое. Никки уже чуточку читала, складывала и вычитала, дед рассказывал ей о науке и природе, Арчи учил ее морали и этике. Она выучила алфавит октопауков и несколько простых фраз. Цветовой язык легко давался Никки; взрослые объясняли это и ее измененной наследственностью, и природным умом.

— Во время учебы наша молодежь тратит много времени на обсуждение и интерпретацию примеров, иллюстрирующих ключевые моральные проблемы, — заметил Арчи, когда однажды утром речь зашла об образовании и воспитании. — Выбираются совершенно реальные ситуации, хотя факты могут быть слегка изменены, чтобы подчеркнуть смысл... молодые октопауки должны определить приемлемость той или иной возможной реакции. Они делают это в открытой дискуссии.

— Так делается для того, чтобы как можно раньше ознакомить молодежь с концепцией оптимизации? — спросил Ричард.

— Не совсем, — ответил Арчи. — Мы пытаемся подготовить молодых к жизни, к взаимодействию с другими личностями, научить их самостоятель-

но выбирать поступки. Подрастающие октопауки должны выработать на этих занятиях собственную систему ценностей. Мы считаем, что знания не существуют в вакууме и, лишь сделавшись частью образа жизни, приобретают истинно глубокий смысл...

Арчи ставил перед Никки простые, но острые этические проблемы. Такие основные понятия, как ложь, честность, предубеждения и эгоизм, были изучены в течение первых восьми уроков. Разбираясь в ситуациях, девочка часто ссылалась на примеры из собственной жизни.

— Галилей всегда говорит и ведет себя так, чтобы показать, какой он самостоятельный, — однажды во время урока заметила Никки, обнаруживая понимание фундаментальной основы, о которой шла речь в тот день. — Его желания для него важнее всего остального. Кеплер другой, когда мы с ним, я никогда не плачу...

После обеда Никки спала. Тем временем Ричард, Элли и Арчи беседовали о сходствах и различиях в жизни обоих видов.

— Если я поняла правильно, — проговорила Элли однажды после оживленной беседы о том, как разумные и чувствительные создания должны реагировать на членов общества, позволяющих себе антисоциальное поведение, — обычаи октопауков куда менее терпимы, чем у нас... Безусловно, в вашем обществе существует предпочтительный образ жизни. И октопауки, которые не принимают его, делаются изгоями; им запрещается участвовать во многих сферах деятельности, их терминируют после более короткой жизни...

— В нашем обществе, — ответил Арчи, — нетрудно понять приемлемое: у нас нет той путаницы, что у вас. Любой октопаук делает выбор, полностью осознавая последствия... Но Альтернативный Домен *ничем* не напоминает ваши тюрьмы. Это просто область, где октопауки и другие существа могут жить, не зная регламентации и оптимизации, необходимых для развития и выживания колонии. Некоторые из альтернатив доживают до очень преклонного возраста и вполне счастливы... Но ваше общество — по крайней мере насколько я его знаю — как будто не понимает фундаментального противоречия между свободой личности и общественным благосостоянием. Эти факторы следует тщательно уравнивать. Любая предоставленная себе самой группа не способна выжить, если всеобщее благо не будет предпочтительней свободы личности. Возьмите, например, использование ресурсов. Разве может существо, обладающее хотя бы крупицей разума, оправдать накопление небольшим числом особ огромных материальных ценностей, когда у остальных нет еды, одежды и прочих самых необходимых вещей?

В подвале Арчи держался не столь уклончиво и ненавязчиво, как бывало иногда в Изумрудном городе. Он рассказывал людям обо всех аспектах цивилизации октопауков, словно бы общее дело, которое ему надлежало исполнить вместе с людьми, каким-то образом освободило его от прежних ограничений. Стремился ли Арчи откровенностью переубедить землян, которые, несомненно, следили за разговорами в подвале? Быть может. Однако

люди Накамуры могли понять лишь часть разговоров, поскольку не знали цветового языка октопауков. Нет, просто Арчи, наверное, лучше любого из людей понимал, что его ждет неизбежная смерть, и хотел провести свои последние дни со смыслом.

Как-то ночью, прежде чем Элли и Ричард легли, Арчи сказал им, что у него возник личный вопрос.

— Не хочу пугать вас, — проговорил октопаук, — но я израсходовал почти весь запас барриканы, который хранился в моем приемном буфере. Если мы задержимся здесь дольше и действие барриканы закончится, мой организм, как вы знаете, вступит в стадию полового созревания. В соответствии с нашими представлениями я стану агрессивным и жадным... остается только надеяться, что не слишком.

— Не будем беспокоиться заранее, — усмехнулся Ричард. — Мне не раз приводилось иметь дело с подростками, и я не сомневаюсь, что смогу справиться с октопауком, у которого испортился характер.

Однажды утром охранник, спустившийся вниз с питьем и едой, велел Элли собираться вместе с девочкой.

— Когда? — спросила Элли.

— Через десять минут.

— И куда мы направимся? — поинтересовалась Элли.

Ничего не ответив, охранник исчез наверху лестницы.

Стараясь по возможности привести себя вместе

с Никки в порядок (они прихватили с собой по три смены одежды, а здесь было трудно стирать), Элли посоветовалась с Ричардом и Арчи о том, что можно говорить Накамуре и прочим начальникам, если ее ждет встреча с ними.

— Элли, не забудь, — быстро шепнул ей отец в уголке комнаты, — пусть октопауки действительно миролюбивы, но мы не сумеем остановить войну, если не убедим Накамуру в том, что он не сумеет выиграть вооруженный конфликт с ними. Он должен понять, что техника октопауков далеко превосходит нашу.

— Но если они примутся выяснять подробности?

— Едва ли они станут рассчитывать на то, что ты много знаешь. Скажешь тогда, что я могу предоставить им любые подробности.

На электрокаре Элли и Никки привезли в главный госпиталь колонии в Централ-Сити. Там их ввели через запасный выход в небольшой стерильный кабинет с двумя креслами, кушеткой для обследования и сложным электронным оборудованием. Здесь Элли и Никки остались вдвоем, и через десять минут в комнату вошел доктор Роберт Тернер.

Он казался очень усталым и постаревшим.

— Привет, Никки, — проговорил Роберт с улыбкой и, опускаясь на корточки, протянул руки к ребенку. — Пойди, поцелуй папочку.

Помедлив минутку, девочка бросилась через комнату к отцу. Роберт поднял ее на руки и прижал к себе.

— Как здорово видеть тебя снова, Никки, — промолвил он.

Элли стояла и ожидала. Через несколько секунд Роберт поставил дочь на пол и поглядел на жену.

— Ну а ты как, Элли? — спросил он.

— Отлично, — ответила Элли с внезапной неловкостью. — А как *ты*, Роберт?

— Тоже.

Они встретились в середине комнаты и обнялись. Элли хотела нежно поцеловать мужа, но их губы лишь слегка соприкоснулись и Роберт немедленно отвернулся. Она успела только заметить, как напряжено его тело.

— В чем дело, Роберт? Что с тобой?

— Видишь ли, столько работы, впрочем, как и всегда, он направился к медицинской кушетке. — Элли, пожалуйста, разденься и ляг сюда, я хочу убедиться в том, что с тобой все в порядке.

— Прямо сейчас? — с недоверием спросила Элли. — Даже не переговорив о том, что случилось с нами за все месяцы разлуки?

— Извини, Элли, — ответил Роберт с почти неприметной улыбкой. — Я сегодня очень занят. В госпитале некому работать. Я уговорил, чтобы они отпустили тебя...

Элли обошла кушетку и, став рядом с мужем, потянулась к его руке.

— Роберт, — проговорила она мягко, — я твоя жена, я люблю тебя. Мы не видели друг друга около года. И ты мог бы уделить мне минутку...

Глаза Роберта наполнились слезами.

— Что с тобой, Роберт? Скажи мне. — Элли

вдруг испугалась. *Наверное, женился на ком-то еще, в панике подумала она.*

— А что случилось с *тобой*, Элли? — вдруг он ответил громким голосом. — Как ты могла сказать этим солдатам, что октопауки не похищали тебя?.. Ты сделала меня посмешищем, все в Новом Эдеме слышали, как по телевидению я описывал тот ужасный момент, когда тебя похитили... До сих пор помню тот ужас...

Когда Роберт взорвался, Элли сперва отодвинулась, и пока она слушала мужа, держа его за руку, беспокойство ее сделалось очевидным.

— Я сказала это, Роберт, так как уверена в том, что конфликт между октопауками и людьми следует остановить любой ценой... Прости, если мое мнение причинило тебе боль.

— Октопауки промыли тебе мозги, Элли, — с горечью проговорил Роберт. — Я все понял, когда люди Накамуры показали мне отчеты. Эти создания каким-то образом сумели воздействовать на твой разум, и ты более не осознаешь реальности.

Никки заскулила, когда Роберт возвысил голос. Причин ссоры она не понимала, однако чувствовала, что дело неладно. Заплакав, девочка прижалась к ноге матери.

— Все хорошо, Никки, — умиротворяющим тоном ответила та. — Просто мы с твоим отцом разговариваем.

Когда Элли подняла взгляд от пола, Роберт уже достал из ящика прозрачную, облегающую голову шапочку.

— Значит, ты намереваешься снять электроэн-

цефалограмму, — нервно проговорила она, — чтобы проверить, не стала ли я одной из них?

— Вопрос вовсе не шуточный, Элли. После того как я вернулся в Новый Эдем, моя энцефалограмма сделалась странной. Причины тому ни я, ни наш невролог не обнаружили. Мой коллега утверждает, что не видел столь радикальных перемен в деятельности мозга без серьезных травм.

— Роберт, — Элли вновь взяла его за руку, — когда ты покинул нас, октопауки, чтобы защитить себя, ввели в твою память микробиологический блок... Вот тебе и причина странного вида мозговых волн.

Роберт молча долго разглядывал Элли.

— Тебя они похитили, — проговорил он. — На мой мозг воздействовали... Кто знает, что еще они сделали с нашей дочерью... Как ты смеешь защищать их?

Элли прошла электроэнцефалографию, но результаты не выявили никаких отклонений; все было как и прежде, когда ее обследовали в первые дни существования колонии. Роберт почувствовал неподдельное облегчение, а потом сказал Элли, что Накамура и правительство готовы снять все обвинения, выдвинутые против нее, и позволить им с Никки вернуться домой — конечно, на какое-то время под домашний арест, — если она предоставит им информацию об октопауках. Элли подумала несколько минут и согласилась. Роберт улыбнулся и крепко обнял ее.

— Хорошо, — проговорил он. — Ты начнешь завтра... Я скажу им прямо сейчас.

Еще во время поездки на страусозавре Ричард предупредил Элли, что Накамура попытается воспользоваться ею, чтобы каким-нибудь образом найти оправдание своей новой войне. Элли понимала, что, соглашаясь помочь правительству Нового Эдема, вступает на очень опасную тропу. *Следует быть предельно внимательной и осторожной*, говорила она себе, парясь в горячей ванне. *Нельзя говорить ничего такого, что могло бы повредить Ричарду или Арчи или дать войскам Накамуры преимущество в войне.*

Никки успела забыть собственную спальню, но, поиграв с прежними игрушками час или около того, пришла в восторг. Потом отправилась на поиски матери и остановилась у ванны.

— А когда папочка придет домой? — спросила она у Элли.

— Он сегодня задержится, дорогая. Придет после того, как ты ляжешь спать.

— Мне нравится моя комната, мамочка. Тут куда лучше, чем было в подвале.

— Я рада, — ответила Элли. Девочка улыбнулась и вышла из ванной комнаты. Элли глубоко вздохнула. *Бесцельно отказываться*, решила она, *незачем возвращаться назад в подвал.*

4

Кэти еще не покончила с косметикой, когда услышала звонок. Она затанулась сигаретой, дымившейся в пепельнице, и нажала на кнопку.

— Кто это? — спросила она.

— Это я, — последовал ответ.

— А что ты здесь делаешь посреди дня?

— У меня есть важные новости, — сказал капитан Франц Бауэр. — Впусти меня.

Кэти глубоко вдохнула дым и загасила сигарету. Она поднялась и оглядела себя в высоком, в полный рост, зеркале... поправила волосы. Наконец послышался стук в дверь.

— Если новость пустяковая, Франц, — проговорила Кэти, впуская его в комнату, — я тебя в порошок сотру. Ты же знаешь, что у меня дела, я должна как следует отчитать двоих девиц и не хочу опаздывать.

Франц ухмыльнулся.

— Значит, опять надули босса? Не обижайся, Кэти, но не хотел бы я служить у тебя под началом.

Кэти нетерпеливо глянула на Франца.

— Что там у тебя? — спросила она. — Какие это новости нельзя доверить телефону?

Франц начал расхаживать по гостиной. Комната была со вкусом обставлена: черно-белая софа на двоих, под стать ей два кресла и несколько произведений искусства на стенах и кофейном столике.

— Твоя квартира не прослушивается?

— Ну, это ты должен сказать *мне*, мистер капитан полиции, — ответила Кэти. — Едва ли, Франц, — добавила она, поглядев на часы. — А теперь к делу. У меня нет...

— Я имею вполне надежные основания полагать, что твой отец в настоящее время пребывает в Новом Эдеме.

— Чтооо? — выпалила ошеломленная Кэти. — Как это может быть? — Она опустилась на кушетку

и потянулась за другой сигаретой к кофейному столику.

— Мой лейтенант дружит с одним из охранников. Он рассказал мне, что Ричард вместе с октопауком находятся в подвале особняка не столь уж далеко отсюда.

Кэти пересекла комнату и подняла телефонную трубку.

— Дарла, передай Лорен и Адуко, что сегодняшняя встреча отменяется... кое-что случилось... Перенеси на завтра — на два часа дня... Ах, да, я забыла... черт... пусть будет одиннадцать утра... нет, одиннадцать *тридцать*, я не хочу вставать раньше, чем необходимо.

Кэти вернулась к кушетке и взяла сигарету... глубоко затянулась и пустила дымовые колечки в воздух над головой.

— А теперь я хочу знать все, что ты слышал о моем отце.

Франц рассказал Кэти, что, по утверждению его информатора, ее отец, сестра и племянница, сопровождаемые октопауком, вдруг явились с белым флагом в лагерь на южном берегу Цилиндрического моря около двух месяцев назад. Франц утверждал, что они вели себя непринужденно, даже шутили с солдатами. Ее отец и сестра объявили солдатам, что привели с собой представителя октопауков, желая предотвратить вооруженный конфликт между двумя видами путем переговоров. Накамура приказал, чтобы все держали в секрете, и поместил их под стражу.

Кэти расхаживала по комнате.

— Выходит, мой отец жив, — взволнованно

произнесла она. — Более того, он *здесь*, в Новом Эдеме... Я когда-нибудь говорила тебе, Франц, что мой отец безусловно самый умный человек из всех, кто жил на свете?

— Около дюжины раз, — хохотнув, ответил Франц. — Только я не могу представить себе ни кого умнее тебя.

Кэти взмахнула рукой.

— Рядом с ним я абсолютная дура... Папа был таким милым, я всегда могла уговорить его. — Кэти остановилась, выпустила дым, и глаза ее заискрились. — Франц, я *должна* повидать его... должна и все тут.

— Это невозможно, Кэти. Дело в том, что о нем никто не должен знать. Меня могут уволить или даже хуже, если узнают, что я тебе рассказал...

— Я прошу тебя, Франц, — Кэти подошла к нему и схватила за плечи. — Ты ведь знаешь, что я никогда ничего не прошу, но все это очень важно для меня.

Франца радовало, что хотя бы один раз Кэти обратилась к *нему* с просьбой. Тем не менее дело было действительно серьезным.

— Кэти, — сказал он, — ты в самом деле не понимаешь? В доме постоянно находится вооруженная охрана. Подвал оборудован подслушивающими и подглядывающими устройствами. Свидание никак нельзя устроить.

— Кто хочет сделать, — подчеркнула Кэти, — *всегда* найдет способ — было бы желание. — Она запустила руку ему под рубашку и прикоснулась к правому соску. — Франц, ты ведь любишь меня? — Кэти припала полуоткрытыми губами к

его рту, соблазнительно орудуя языком... потом отодвинулась, продолжая играть с соском.

— Конечно я люблю тебя, Кэти, — ответил Франц, уже возбужденный. — Но я не безумен.

Кэти отправилась в спальню и вернулась менее чем через минуту с двумя пачками кредиток.

— Франц, я решила повидаться с отцом, — она бросила деньги на кофейный столик. — И ты поможешь мне... таких денег хватит, чтобы подкупить кого угодно.

Франц был потрясен: денег было более чем достаточно.

— А что будет за это мне? — спросил он с легкой игривостью.

— Что будет за это тебе? — сказала Кэти. — Какой платы ты ждешь за свои услуги? — Взяв Франца за руку, она повела его к спальне. — А теперь, капитан Бауэр, — проговорила она с внезапным акцентом, — снимайте одежду и ложитесь на спину. Посмотрим, что я могу сделать для вас.

Возле спальни Кэти располагалась небольшая комнатка. Войдя в нее, она закрыла за собой дверь и ключом отперла большую резную шкатулку, из которой извлекла наполненный шприц, подготовленный еще с утра. Задрав платье, Кэти туго перетянула бедро узким черным жгутом и, как только между синяками, покрывавшими бедро, проступил кровеносный сосуд, опытной рукой сделала укол. Введя жидкость, Кэти подождала несколько секунд и, ощутив прилив бодрости, сняла жгут.

— А что я должен делать, пока ты копаешься?

— Почитай Рильке, он в моем электронном чтеце. Там на немецком и на английском, а мне надо еще несколько минут.

Кэти уже летала. Убирая шприц и укладывая все принадлежности в шкатулку, она насвистывала танцевальную мелодию; сбросив одежду и оставив ее кучкой на стуле, она остановилась, чтобы полюбоваться своим телом в зеркале, потом открыла небольшой ящик и извлекла повязку.

Кэти вступила в спальню. В глазах Франца заискрилось восхищение перед этим гибким телом.

— Смотри внимательно, — проговорила Кэти, — кроме этого я сегодня больше ничего не покажу.

Припав к нему сверху нагим телом, Кэти поцеловала его, заодно завязав глаза. Проверила, хорошо ли прилегает повязка, и соскочила с постели.

— А что будет теперь? — спросил Франц.

— Подожди, увидишь, — поддразнила его Кэти, копаясь в нижнем вместительном ящике шкафа. Там она держала всякие секс-принадлежности: электронные средства, лосьоны, веревки, повязки, маски и различные муляжи гениталий. Обнаружив небольшую бутылочку с белым порошком и бусины, нанизанные на тонкую нитку, все еще напевая и смеясь, Кэти прилегла возле Франца и принялась ласкать, начиная с груди. Тесно прижалась к нему и поцеловала. Потом, намазав руки лосьоном, Кэти раздвинула ноги Франца, уселась на его живот спиной к лицу и начала умащать соответствующие детали.

— О, — мурлыкал Франц, — когда теплый лосьон начал производить эффект. — Чудесно.

Посыпав его гениталии белым порошком, Кэти очень медленно опустилась на него... Франц был в экстазе. Покачавшись несколько минут, она заметила, что Франц уже готов, и, сделав перерыв, пристроила под собой бусины. Качнулась еще несколько раз, а потом остановилась.

— Продолжай! — крикнул Франц.

— Повторяй за мной, — усмехнулась Кэти, медленно двигаясь вперед и назад. — Обещаю тебе...

— Все что угодно, — завопил Франц, — только не останавливайся.

— Я обещаю, — продолжила она, — устроить Кэти Уэйкфилд свидание с отцом в ближайшие несколько дней.

Франц послушно повторил обещание, и Кэти вознаградила его. Когда она потянула шнурок с бусинками, Франц завопил во все горло, — словно олень в лесу.

Элли оба следователя не понравились. Они держались с ней сухо: без капельки юмора и с полным недоверием.

— Так у нас ничего не получится, джентльмены, — сказала она взволнованным тоном уже на первом допросе. — Или вы намереваетесь задавать мне одни и те же вопросы? Насколько я поняла, меня просили предоставить вам информацию об октопауках... но пока все вопросы относятся к моему отцу и матери.

— Миссис Тернер, — проговорил первый из

них. — Правительство пытается собрать всю доступную информацию. Ваши отец и мать скрывались много...

— Видите ли, — перебила его Элли, — я уже сказала вам, что ничего не знаю о том, как, когда и почему мои родители оставили Новый Эдем. Не знаю я и о том, помогли им бежать октопауки или нет... Но если вы не собираетесь изменить тему расспросов...

— Не вам решать, молодая леди, — блеснув глазами, ответил второй, — какие вопросы нам следует задавать. Кажется, вы просто не понимаете всей серьезности вашего положения. Вам предъявлено тяжкое обвинение, и свободу вам гарантирует лишь добросовестное сотрудничество с нами.

— Так в чем же меня обвиняют? — спросила Элли. — Хотелось бы узнать... Мне еще не приводилось быть преступницей.

— В прямой государственной измене, — ответил первый. — А также в оказании преднамеренной помощи врагу после объявления войны.

— Какой-то абсурд! — возмутилась Элли, тем не менее она испугалась. — Я даже не представляю, о чем вы говорите.

— Или вы станете отрицать, что, пребывая у инопланетян, без всяких стеснений сообщали им сведения о Новом Эдеме, которые могли быть использованы в военных целях?

— Конечно, я делала это, — Элли нервно усмехнулась. — Я рассказала им о нашей колонии все, что могла. И они отвечали взаимностью. Октопауки предоставили всю интересовавшую меня информацию.

Следователи старательно писали. *Как же они такими выросли?* — вдруг подумала Элли. *Как можно из улыбающегося и любопытного ребенка сделать враждебного ко всему и злобного взрослого? Виновата в этом наследственность или среда?*

— Видите ли, джентльмены, — проговорила Элли, выслушав следующий вопрос, — дело явно складывается не в мою пользу. Мне бы хотелось взять перерыв и все продумать. Быть может, даже сделать кое-какие заметки, прежде чем мы встретимся вновь... Я готовилась к совершенно другому разговору... не столь напряженному.

Следователи согласились предоставить перерыв. Элли по коридору вернулась в комнату, где с Никки оставалась правительственная сиделка.

— Вы можете уйти, миссис Адамс, у нас перерыв на обед.

Никки заметила озабоченное выражение на лице Элли.

— Мамочка, там тебя не обидели? — спросила она.

Элли улыбнулась.

— Обидели, Никки, — согласилась она, — действительно обидели.

Завершив последний круг ежедневного обхода по подвалу, Ричард направился к умывальнику в уголке комнаты. Он остановился у стола, чтобы выпить воды. Арчи замер без движения на полу позади матраса Ричарда.

— Доброе утро, — сказал Ричард, вытирая пот кусочком ткани. — Ты готов к завтраку?

— Я не голоден, — ответил цветовыми полосами октопаук.

— Но тебе же надо *что-то* съесть, — приветливо проговорил Ричард. — Не спорю — пища ужасная, но на одной воде не проживешь.

Арчи молчал, не шевелясь. Уже несколько дней, израсходовав запас баррикана, октопаук основательно приуныл. Ричард не мог отвлечь Арчи привычными темами и уже начал тревожиться за здоровье октопаука. Насыпав в чашку зерно, Ричард полил его водой и поднес своему другу.

— Вот, может быть съешь немного?

Арчи приподнял пару щупалец и взял чашку. Как только он приступил к еде, из щели вырвалась ярко-оранжевая полоса, пробежавшая до половины щупалец, прежде чем угаснуть.

— Не понял, — отозвался Ричард.

— Эмоциональное выражение, — ответ Арчи сопровождался беспорядочными цветовыми пятнами.

Ричард улыбнулся.

— О'кей. Какого же рода эмоции ты выражаешь?

После долгой паузы Арчи сумел сделать полосы более ровными.

— По-моему, вы называете это депрессией, — сказал октопаук.

— Так вот что бывает, когда заканчивается баррикан? — спросил Ричард.

Арчи не отвечал. Вернувшись к столу, Ричард положил себе каши, а потом опустился возле Арчи на пол.

— Расскажи мне о том, как ты себя чувству-

ешь, — негромко произнес он. — Ведь больше нам все равно делать нечего.

Судя по течению вещества в линзе Арчи, Ричард понял, что октопаук внимательно изучает его. Он успел проглотить несколько ложек своего завтрака, когда Арчи заговорил...

— В нашем обществе сексуально созревающие молодые самцы и самки отделяются от всех остальных и помещаются в чрезвычайно благоприятную обстановку, где за ними приглядывают личности, уже прошедшие этот процесс. Их переживания есть кому выслушивать. Им говорят, что все новые и сложные эмоции, которые они испытывают, являются совершенно нормальными при таком переходе. Теперь я понял, зачем необходимо столь пристальное внимание.

Арчи умолк на миг, и Ричард улыбнулся, выражая симпатию.

— За последние несколько дней, — продолжал октопаук, — впервые с той поры, когда я был совсем еще юнцом, мои эмоции не покорились власти моего мозга. Во время подготовки будущие оптимизаторы узнают, как важно принимать решение, тщательно просеяв все имеющиеся факты и отбросив любые предрассудки, которые могут оказаться следствием личной эмоциональной реакции. Но столь интенсивным чувствам, бушевавшим меня в настоящий момент, пренебречь просто невозможно.

Ричард расхохотался.

— Только не пойми меня неправильно, Арчи. Я вовсе не думаю осмеивать тебя, но все то, что непривычно для октопаука, люди ощущают по-

стоянно. Очень немногие из нас умеют владеть своими эмоциями в той мере, в какой хотелось бы... Быть может, только теперь ты впервые имеешь возможность по-настоящему понять нас...

— Просто ужасно, — пожаловался Арчи. — Меня преследует острое чувство потери... мне не хватает Синего Доктора, Джеми. Я испытываю сильный гнев на вашего Накамуру, который держит нас в заточении... Боюсь, что раздражение может вылиться в какое-то действие, не являющееся оптимальным.

— Но эти эмоции не всегда, во всяком случае, у людей, связаны с сексуальностью, — проговорил Ричард. — Неужели баррикан действует как успокаивающее средство, которое подавляет все чувства?

Арчи ответил, только покончив с завтраком.

— Мы с тобой очень разные существа. А как я уже говорил, опасно переносить с одного вида на другой... Помню, на первом обсуждении взаимоотношений с людьми — после того как вы проделали ход в стене вашего поселения — Верховный Оптимизатор настаивала на том, что мы не можем понимать действия людей с наших позиций. Следует внимательно наблюдать, сказала она, собирать данные и постоянно исправлять их, учитывая накопленный опыт...

— Полагаю, все это в известной мере намекает на то, что я собираюсь сказать тебе. По моему мнению, основанному на наблюдениях за людьми, сексуальные устремления остаются силой, определяющей *все* эмоции вашего вида... У нас, октопауков, половое созревание происходит скачком. Мы переходим из полностью бесполого

состояния к зрелости за очень короткий период времени. У людей этот процесс совершается куда тоньше и медленней. Половые гормоны всегда присутствуют в ваших организмах — начиная от ранних стадий внутриутробного развития. Я не сомневаюсь — и даже говорил об этом Верховному Оптимизатору, — что скорее всего *все* ваши неконтролируемые эмоции определяются этими гормонами. Лишенный пола человек должен мыслить столь же оптимизированно, как и октопаук.

— Какая интересная мысль! — взволнованно проговорил Ричард, вставая и начиная расхаживать взад и вперед. — Итак, ты утверждаешь, что даже нежелание ребенка делиться игрушкой каким-то образом связано с нашей сексуальностью?

— Не исключено, — ответил Арчи. — Возможно, Галилей испытывает чувство, сродни сексуальному обладанию, когда отказывается делиться игрушкой с Кеплером... Бесспорно, привязанность человеческого ребенка к родителю противоположного пола определяет его поведение во взрослом состоянии...

Арчи смолк, потому что Ричард обернулся к нему спиной.

— Извини, — сказал он, вновь опускаясь на пол возле октопаука. — Мне только что подумалось, хотя я уже размышлял об этом сегодня утром, когда мы разговаривали о контроле за эмоциями... Помнишь тот наш разговор, в котором ты отверг персонифицированного Бога, как «эволюционную аберрацию», необходимую всем развивающимся видам в процессе перехода от первого этапа развития сознания к Эре Инфор-

мации? Быть может, недавние перемены изменили твоё отношение к Богу?

Широкая многоцветная полоса, которая, как понял Ричард, выражала смех, заняла почти все тело октопаука.

— Вы, люди, поглощены идеей Бога. Даже те, кто, подобно тебе, Ричард, считает себя неверующим, тратят чрезмерно большое количество времени на размышления над этой темой... Но мы, октопауки, в первую очередь ценим информацию, этому нас научили Предтечи... Мы не располагаем достоверной информацией, подтверждающей существование Бога вообще... а тем более занятого повседневными делами Вселенной...

— Ты не совсем понял мой вопрос, — перебил его Ричард, — или же я, быть может, неправильно сформулировал его... Я хочу выяснить: теперь, в новом, более эмоциональном состоянии, можешь ли ты понять, почему другие разумные существа создают Бога в виде личности, дающей им утешение, объясняющей все вещи, смысл которых они иначе не могут постичь?

Арчи вновь разразился вспышками смеха.

— Ричард, ты очень умен. Ты хочешь, чтобы я подтвердил твою идею о том, что Бог представляет собой эмоциональную концепцию, родившуюся из тоски, присущей сексуальному влечению. Дескать, и сам Бог всего лишь производная от половых гормонов... Я не могу заходить настолько далеко, поскольку не располагаю соответствующей информацией. Но после пережитого за последние дни могу сказать, что теперь понимаю

ваше слово «тоска», прежде казавшееся мне бессмысленным...

Ричард улыбнулся. Он был доволен. Этот разговор напоминал прежние, которые они вели до того, как баррикан у октопаука закончился.

— А хорошо бы, Арчи, переговорить с нашими друзьями, оставшимися в Изумрудном городе.

Арчи понял, что предлагает Ричард. Оба они старались не упоминать о существовании квадроидов; незачем было намекать на то, что октопауки располагают системой сбора информации о Новом Эдеме, и тем самым возбуждать подозрения в Накамуре и его охранниках. Поэтому Ричард лишь безмолвно смотрел на цветочные полосы, огибавшие голову Арчи. Октопаук не стал употреблять производный язык, разработанный для общения с людьми, но Ричард понимал смысл его слов.

Вежливо поприветствовав Верховного Оптимизатора и извинившись за провал своей миссии, Арчи передал два персональных послания: коротенькое для Джем и подлиннее для Синего Доктора. Разговаривая со спутницей всей своей жизни — Синим Доктором, Арчи усложнял привычные полосы яркими цветовыми вспышками. За два проведенных в заключении месяца Ричард научился понимать своего компаньона; он был тронут столь прекрасным выражением чувств.

Когда октопаук договорил, Ричард подошел к нему и прикоснулся к спине.

— Ну как, тебе лучше? — спросил он.

— В известном смысле, — ответил Арчи. — Но и хуже одновременно. Теперь я еще больше,

чем прежде, уверен, что не увижу ни Синего Доктора, ни Джеми...

— А я иногда представляю, что бы сказал Николь, — перебил его Ричард, — если бы можно было отсюда переговорить с ней по телефону. — Он произнес слова отчетливо, излишне подчеркивая артикуляцию. — Мне тебя очень не хватает, Николь. Я люблю тебя всем сердцем.

Ричард не видел чересчур правдоподобных снов, а посему звуки не вмещались в привычную канву сновидений. Услышав среди ночи шаги, он быстро проснулся. Арчи спал. Ричард огляделся, заметил, что свет ночника в туалете погас, и, встревоженный, разбудил своего спутника.

— Что это? — спросил Арчи.

— Я услышал необычные звуки наверху, — проговорил Ричард.

Дверь в подвал медленно открывалась. Ричард услышал тихий шажок, затем другой. Он напрягал глаза, но не мог ничего увидеть в почти полной тьме.

— Пришла женщина и с ней полицейский, — сказал Арчи, которому линзы поставили информацию о гостях в инфракрасном диапазоне. — Они остановились на третьей ступени.

Нас убьют, подумал Ричард. Могучий страх охватил его, и он прижался к Арчи. Наверху закрылась дверь, и вновь по лестнице зазвучали шаги?

— Где они теперь? — спросил он.

— Внизу, — ответил Арчи. — Они идут... По моему, женщина это...

— Папа, — Ричард услышал голос из далекого прошлого. — Где ты, папа?

Что за черт, это Кэти! — Кэти сюда! — отозвался Ричард слишком громко. — Сюда же! — вскричал он, пытаясь сдержать возбуждение.

Узенький луч фонарика коснулся узников, опустился на его бородатое лицо. И, споткнувшись об Арчи, Кэти в буквальном смысле слова упала в объятия отца... обняла и поцеловала его, слезы бежали по ее щекам. Ричард так был потрясен, что поначалу не мог ответить ни на один вопрос дочери.

— Да... да, со мной все в порядке, — проговорил он наконец. — Никак не могу поверить, что это ты... Кэти, ах, Кэти... Ах да, та серая масса, о которую ты только что споткнулась, — мой друг и собрат по заключению, октопаук Арчи...

Несколько секунд спустя Ричард обменялся в темноте твердым рукопожатием с человеком, которого Кэти представила как своего друга.

— У нас мало времени, — произнесла Кэти торопливо, переговорив немного о семье. — Мы закоротили систему энергопитания в поселке, и ее скоро починят.

— Значит, мы бежим? — спросил Ричард.

— Нет, — ответила Кэти. — Они, без сомнения, поймают и убьют вас... Я просто пришла повидаться с тобой, как только узнала, что тебя содержат в Новом Эдеме... О папочка, как мне тебя не хватало! Я так люблю тебя...

Ричард обнял дочь и прижал к себе. *Какая худая*, подумал он, *призрак и только*.

— Я тоже люблю тебя, Кэти... Вот что, —

проговорил он, чуть отодвигаясь, — посвети-ка себе на лицо, я хочу еще раз увидеть твои чудесные глаза.

— Не надо, папа, — ответила Кэти, вновь прячась в его объятия. — Теперь я старая и потрепанная... Лучше помни меня, какой я была. Я прожила трудную...

— Едва ли мы можем еще задержаться здесь, мистер Уэйкфилд, — перебил их из темноты мужской голос. — В колонии уже почти все слыхали о вашем появлении в лагере солдат.

— С тобой все в порядке, папа? — спросила Кэти после недолгого молчания. — Тебя хорошо кормят?

— Со мной все в порядке, Кэти... но ты ничего не сказала о себе. Что ты делаешь? Счастлива ли ты?

— Недавно получила очередное повышение. И прекрасную новую квартиру. Вот бы тебе показать... У меня есть друг, который заботится обо мне...

— Я так рад. Ты всегда была самой смышленной среди детей... Ты заслуживаешь счастья. — Франц напомнил Кэти, что пора идти.

Кэти вдруг разразилась рыданиями, припала головой к груди отца.

— Папочка, ах, папочка, — проговорила она в слезах. — Прости меня. Пожалуйста, обними меня.

Ричард обнял дочь.

— Что случилось, Кэти?

— Не хочу больше врать тебе. Я работаю на Накамуру, распоряжаюсь проститутками. Еще я — наркоманка... полная и законченная.

Кэти проплакала долго. Все это время Ричард сидел, крепко обняв ее, и гладил по спине.

— Но я *люблю тебя*, папочка, — Кэти наконец подняла голову... — всегда любила и буду любить... Мне так жаль, что я разочаровала тебя.

— Кэти, нам пора идти, — твердо сказал Франц. — Если энергию подадут, пока мы будем в доме, мы увязнем по уши в дерьме.

Кэти поспешно поцеловала отца в губы, пальцем на прощание погладила бороду.

— Береги себя, папочка, и не переставай надеяться.

Фонарик тонким лучем света коснулся стены, и пара направилась к лестнице.

— До свидания, папочка.

— И я тоже люблю тебя, Кэти, — проговорил Ричард, услышав шаги дочери уже на лестнице.

5

Октопаук на столе был без сознания. По просьбе инопланетянки Николь передала Синему Доктору небольшой пластиковый контейнер и проследила, как крошечные создания вывалились на зелено-вато-черную жидкость, покрывавшую открытую рану. Менее чем через минуту жидкость исчезла, и ее коллега ловко зашила разрез, орудуя кончиками трех своих щупалец.

— На сегодня последний, — проговорила Синий Доктор. — Как всегда, Николь, мы благодарны тебе за помощь.

Они вдвоем направились из операционной в соседнюю комнату. Николь так и не привыкла к

процессу чистки. Набрав воздуха в грудь, она сняла защитный халат и опустила руки в большую чашу, где кишели дюжины похожих на серебристых рыбок животных. Она едва сумела подавить отвращение, когда слизистые создания покрыли ладони и руки.

— Я знаю, что это неприятно тебе, — заметила Синий Доктор, — но у нас нет иного выхода, тем более что бомбардировки заразили воду... Кто знает, какие токсины могут оказаться в воде.

— Значит, они разрушили все, что было к северу от леса? — спросила Николь, пока Синий Доктор приводила себя в порядок.

— Почти все. К тому же, новодемские инженеры закончили переделывать вертолеты. Верховный Оптимизатор полагает, что они начнут полеты над лесом через неделю-другую.

— И никакого ответа на ваши послания?

— Никакого... Мы знаем, что Накамура читал их... Но они захватили и убили последнего парламентария возле энергоустановки... невзирая на то, что октопаук шел с белым флагом.

Николь вздохнула... вспомнила слова Макса, которые он сказал ей позавчера, когда они возмущались тем, что Накамура игнорирует все послания.

— А чего ты хочешь? — сердито крикнул Макс. — Этот тип понимает лишь силу... А во всех ваших дурацких посланиях говорится одно и то же — дескать, октопауки стремятся к миру и станут себя защищать, если люди не прекратят войну... но пустые угрозы бессмысленны. Что, по-твоему, думает Накамура, когда его войска и

геликоптеры беспрепятственно продвигаются вперед, круша буквально все? Неужели Верховный Оптимизатор ничего не знает о людях?.. Октопауки должны дать армии Накамуры сражение...

— Это не в их обычаях, — ответила Николь. — Октопауки не ввязываются ни в стычки, ни в ограниченные войны. Они воюют лишь тогда, когда опасности подвергается само существование колонии... В посланиях все это повторялось не раз... Накамура знает, что должен обратиться к Ричарду и Арчи...

Но сейчас Николь была в госпитале, к ней цветовыми полосами обращалась Синий Доктор. Тряхнув головой, Николь постаралась вернуться к настоящему.

— Ты будешь дожидаться здесь Бенджи? — спросила октопаучиха. — Или прямо направишься в административный центр?

Николь поглядела на часы.

— Наверное, пойду прямо туда. Обычно мне хватает пары часов, чтобы переварить, полученную за предыдущий день квадроидами... информацию. Пожалуйста, скажи Бенджи: пусть он передаст остальным, что я буду к обеду.

Через несколько минут она вышла из госпиталя и отправилась к административному центру. Хотя был день, улицы Изумрудного города оставались пустыми. Николь обогнала троих октопауков, двигавшихся по другой стороне дороги, и пару крабовидных биотов, сразу показавшихся здесь не на месте. Синий Доктор пояснила Николь, что теперь крабовидные биоты исполняют в Изумрудном городе обязанности мусорщиков.

Как переменился город, подумала Николь. Бóльшая часть взрослых науков перешла теперь в Военный Домен. Но биоты появились совсем недавно, буквально в последний месяц, когда существ, выполнявших вспомогательные функции, перевели, должно быть, в другое место. Макс все гадает, сколько из них терминировали в связи с нехваткой продовольствия, но он всегда думает об октопауках самое худшее.

Часто после работы Николь провожала Бенджи на остановку. Ее сын тоже помогал немногочисленному персоналу госпиталя. Бенджи все глубже осознавал ситуацию, сложившуюся в Изумрудном городе, и Николь становилось все труднее скрывать от него серьезность их положения.

— Почему лю-ди вою-ют с ок-то-пау-ками? — спросил Бенджи на прошлой неделе. — Ок-то-пау-ки не хотят нам вре-да...

— Колонисты в Новом Эдеме не понимают октопауков, — отвечала Николь. — И они не позволяют Арчи и дяде Ричарду объяснить им хоть что-нибудь.

— Тог-да они еще глу-пее, чем я, — мрачно проговорил Бенджи.

Синий Доктор и другие сотрудники госпиталя, оставленные в нем, невзирая на войну, были весьма довольны Бенджи. Поначалу, когда он только вызвался помогать, октопауки выражали сомнения в том, что он может быть полезен при своих ограниченных способностях. Но, после того как Николь объясняла ему какое-нибудь простое дело, Бенджи, затвердив свои обязанности, никогда не ошибался. Крепкое молодое тело делало его

полезным для исполнения тяжелых работ, что было весьма кстати, поскольку большинства крупных созданий уже не было поблизости.

По дороге к административному центру, посреди приятных дум о Бенджи, она вдруг умственным взором увидела Кэти, лицо которой расположилось рядом с улыбающейся физиономией умственно отсталого сына. Николь сравнила в памяти оба лица. *Как родители*, вздохнула она, *мы тратим слишком много времени на развитие умственного потенциала, а не на другие, более важные качества. Существенно не духовное развитие ребенка, но то, каким образом он использует интеллект... Характер дал Бенджи больше, чем мы могли даже надеяться... Ну а Кэти... никогда, даже в худших кошмарах...*

Входя в здание, Николь рассталась с мыслью о детях. Октопаук у входа помахал ей, она улыбнулась. А когда Николь достигла уже привычного смотрового зала, то с удивлением обнаружила в нем Верховного Оптимизатора.

— Я решила воспользоваться предоставленной мне возможностью, — сказала руководительница октопауков, — чтобы поблагодарить тебя за помощь в этот трудный для нас период, а также заверить: все люди, находящиеся в Изумрудном городе, будут рассматриваться наравне с представителями нашего собственного вида, независимо от всего, что произойдет в следующие несколько недель.

Верховный Оптимизатор направилась к выходу из зала.

— Значит, ситуация ухудшается? — спросила Николь.

— Да, — ответила октопаучиха. — Когда люди перелетят через лес, мы будем вынуждены отреагировать.

Когда Верховный Оптимизатор ушла, Николь села за пульт, чтобы посмотреть кадры, доставленные квадроидами вчера. Ей не позволяли проглядывать всю информацию, поступающую из Нового Эдема, однако она имела возможность понаблюдать, чем были заняты члены ее семьи. Николь могла каждый день видеть, что происходило в подвале у Ричарда и Арчи, как Элли и Никки приспосабливались к возвращению в Новый Эдем и что творилось в мире Кэти.

По ходу дела Николь все меньше и меньше следила за Кэти... все это было слишком болезненно для нее. Напротив, наблюдать за внучкой было истинным наслаждением. Николь особенно радовалась, наблюдая за Никки по вечерам, когда маленькая девочка отправлялась на детскую площадку Бовуа поиграть с детьми. Хотя изображения не сопровождались звуком, Николь почти могла слышать блаженное повизгивание Никки, гонявшей ускользавший футбольный мяч.

Николь очень тревожилась за Элли. Невзирая на все героические усилия, Элли не сумела пока восстановить свою семью. Роберт углубился в работу — на свой алкоголический манер, — и нужды госпиталя позволяли ему скрыть собственные эмоции. С Никки он был заботлив, но сдержан, и лишь изредка обнаруживал неподдельную радость. На Элли же не обращал внимания, и только

отговаривался тем, что еще не созрел, когда через три недели после возвращения она в слезах завела речь о ласках.

Во время своих долгих одиноких сидений перед экраном Николь часто гадала, сколько же может родитель выносить трудности своих детей, когда нельзя помочь им, даже спросить, чем можно облегчить их жизнь. *Родительское дело — приключение, не имеющее гарантированного исхода*, думала Николь, скорбно глядя на тихо рыдающую по ночам Элли. *Единственное, в чем можно не сомневаться, — всего, что было нужно, ты никогда не сделаешь.*

Николь всегда оставляла Ричарда напоследок... Не надеясь более прикоснуться к своему возлюбленному мужу, она не позволяла этому чувству отвлечь ее от ежедневной радости, которую ощущала, переживая его жизнь в Новом Эдеме. Особое удовольствие ей доставляли их разговоры с Арчи, хотя зачастую ей было трудно читать по губам мужа. Их беседы напомнили Николь о днях после ее бегства из тюрьмы Нового Эдема... Тогда они с Ричардом разговаривали обо всем и не могли наговориться. Поглядев на Ричарда, Николь всегда ощущала прилив сил и легче справлялась со своим одиночеством.

Встреча Ричарда с Кэти оказалась для нее неожиданной. Николь не настолько внимательно следила за жизнью дочери, чтобы заметить, что они с Францем сумели придумать разумный план и устроить короткое свидание с Ричардом. Но квадроидные изображения покрывали инфракрасную часть спектра, как и видимую, и Николь сумела

лучше разглядеть всю встречу, чем ее непосредственные участники. Она была глубоко тронута поступком Кэти и еще больше — внезапным ее признанием, которое Николь все повторяла и повторяла в замедленном режиме, чтобы убедиться в том, что не ошибалась, читая слова Кэти по губам. *Да, она привыкла к наркотикам... но, для того чтобы одолеть беду, вспомнила Николь чьи-то слова, следует сделать первый шаг: признаться в ней любимому человеку.*

Со слезами на глазах Николь в почти пустой повозке ехала домой, в отведенную людям область Изумрудного города. Но это были счастливые слезы. И хотя пестрый мир вокруг нее распадался, превращаясь в хаос, Николь вдруг почувствовала известный оптимизм в отношении Кэти.

Патрик и близнецы находились снаружи, когда Николь сошла с повозки в конце улицы. Подойдя ближе, она поняла, что Патрик пытается рассудить один из бесчисленных споров.

— Он *всегда* мошенничает, — говорил Кеплер. — Я сказал ему, что не собираюсь больше играть с ним, но он ударил меня.

— Врет он, — отвечал Галилей. — Я ударил его потому, что он скорчил мне рожу... Кеплер не любит проигрывать. Если он не может выиграть, значит, можно и окончить игру.

Патрик развел мальчишек и послал их в качестве наказания домой — сидеть по разным комнатам, а потом приветствовал свою мать поцелуем и обнял ее.

— У меня великолепные новости, — Николь

улыбнулась сыну. — Сегодня у Ричарда был удивительный гость — Кэти!

Конечно, Патрик захотел узнать все подробности. Николь быстро и точно обобщила все, что видела; сказала, что ее приободрило признание Кэти в наркомании.

— Не надейся напрасно, — предостерег ее Патрик. — Насколько я знаю, она скорее умрет, чем откажется от своего драгоценного кокомо.

Патрик обернулся, и уже собирался сказать близнецам, что они могут вновь приступить к игре, когда к небу взвилась пара ракет, вспыхнувших красными огнями как раз под куполом. Мгновение спустя город погрузился во тьму.

— Пошли, мальчики, — проговорил Патрик. — Пора домой.

— Сегодня уже третий раз, — сообщил Патрик Николь, когда они следом за Кеплером и Галилеем вошли в дом.

— Синий Доктор утверждает, что в городе гасят огни, когда какой-нибудь из вертолетов поднимается метров на двадцать над вершинами деревьев. Октопауки не хотят рисковать и бояться выдать людям место положения Изумрудного города.

— Как по-твоему, Арчи и дядя Ричард все-таки сумеют встретиться с Накамурой? — спросил Патрик.

— Я сомневаюсь в этом, — ответила Николь. — Если бы он хотел встретиться с ними, то давно бы уже сделал это.

Эпониная и Наи приветствовали Николь и обняли ее. Три женщины недолго поговорили о затемнении. Эпониная держала маленького Мари-

уса, круглого и счастливого младенца, обитавшего в основном у нее на руках. Она вытерла его лицо платочком, чтобы Николь могла поцеловать.

— Ага, — услышала она за собой голос Макса. — Наша хмурая королева целует слюнявого принца.

Николь повернулась и обняла Макса.

— Что еще остается хмурой королеве, — непринужденно ответила она.

Макс вручил ей стакан с какой-то прозрачной жидкостью.

— Вот, Николь, попробуй: не текила, но ничего лучшего октопауки по моим описаниям сотворить не сумели... Выпей, быть может, чувство юмора вновь вернется к тебе.

— Ну довольно, Макс, — проговорила Эпони-на. — Ты хочешь, чтобы Николь решила, что и мы тоже замешаны в этом... Идея в конце концов *твоя*. Мы с Патриком и Наи согласились с тобой лишь в том, что Николь у нас последнее время приуныла.

— А теперь, миледи, — Макс обратился к Николь, — я хочу предложить тост... за всех нас, абсолютно не властных над собственным будущим. Чтобы мы любили друг друга и были веселы — до конца... каким бы он ни был и когда бы он ни пришел к нам.

Николь не видела Макса пьяным после того, как оставила тюрьму. По его настоянию она пригубила. Горло и пищевод ее обожгло, и глаза ее заслезились: зелье вышло крепкое.

— Ну а перед обедом, — Макс жестом драматического актера развел руками, — у нас будут

сельские анекдоты. Они позволят нам наконец расслабиться. Вам, Николь де Жарден-Уэйкфилд, как нашему предводителю по праву предоставляется первое слово.

Николь ухитрилась улыбнуться.

— Я не знаю сельских анекдотов, — запротестовала она.

Эпониная с облегчением увидела, что поведение Макса не задело Николь.

— Это так, Николь, — проговорила Эпониная, — никто из нас не знает... Но познаний Макса хватит на всех.

— Жил да был, — начал Макс несколько мгновений спустя, — фермер в Оклахоме, у которого была толстая жена по имени Свистушка. Звали ее так потому, что, занимаясь любовью, в последний миг она закрывала глаза, складывала губы бантиком и свистела.

Макс рыгнул. Близнецы захихикали. Николь обеспокоилась: наверное, детям не следует выслушивать откровения Макса. Впрочем, Наи следила за своими мальчиками и хохотала вместе с ними. *Расслабься, велела себе Николь. Ты действительно стала хмурой королевой.*

— Словом однажды ночью, — продолжал Макс, — у этого фермера со Свистушкой вышел крупный междусобойчик — то есть драчка, если по-вашему, ребята, — и она отправилась в кровать рано и в ярости. Фермер остался за столом, попивая подлинную текилу. Вечер шел, и он раскаялся в том, что вел себя как распоследний сукин сын, и начал извиняться громким голосом.

— Тем временем Свистушка, теперь уже рас-

сердившаяся снова, так как фермер разбудил ее, поняла, что, когда муж закончит пить, он отправится в спальню и попытается принести извинения в постели. Когда фермер опустошил бутылку текилы, Свистушка выскользнула из дома, направилась в свинарник и притащила с собой в спальню молодую и маленькую свинку.

— Ближе к полуночи пьяный фермер ввалился в темную спальню, распевая свои любимые песни. Свистушка следила за ним из уголка, а в постели была свинья. Фермер снял одежду и заполз под одеяло. Схватил свиною за уши, поцеловал в пяточок. Свинья взвизгнула, и фермер испуганно отодвинулся. «Свистушка, любовь моя, — проговорил он, — неужели ты сегодня забыла почистить на ночь зубы?» Тут его жена выскочила из угла и принялась обрабатывать фермера щеткой...

Все хохотали. Собственная шутка так развеселила Макса, что он не смог усидеть. Николь огляделась. *Макс прав*, подумала она. *Нам это нужно. Мы все так встревожены.*

— ...Мой братец Клайд, знал больше деревенских шуток, чем кто-либо другой. С их помощью он ухаживал за Виноной; во всяком случае утверждал это. Клайд все говаривал: дескать, смеющаяся женщина придерживает трусы только одной рукой... Словом, когда мы ходили с ребятами стрелять уток, мы никогда не приносили ни одной поганой крякуши. Клайд заводил истории, а мы смеялись и пили... и скоро забывали о том, что нужно подниматься в пять, а потом сидеть на холоде.

Макс умолк, и в комнате на миг наступила тишина.

— Черт, — продолжил он после недолгого молчания. — Мне вдруг померещилось, что я опять в Арканзасе. — Он встал. — А я даже не знаю, в какую сторону смотреть на этот Арканзас, не говоря уже о том, сколько до него миллиардов километров... — Макс покачал головой. — Иногда, когда мне снится сон — что-нибудь земное, — я думаю: вот она истина, и я опять в Арканзасе. А потом просыпаюсь и все... несколько секунд мне кажется, что сон — это жизнь, которую мы ведем в Изумрудном городе.

— То же самое случается и со мной, — вступила в разговор Наи. — Две ночи назад мне приснилась, что я совершаю свою утреннюю медитацию в хонгпра в доме моей семьи в Лампанге. И когда я произносила мантры*, Патрик разбудил меня. Он сказал, что я заговорила во сне. Несколько секунд я не могла узнать его... это было ужасно.

— Ну, хорошо, — произнес Макс после затянувшегося молчания. Он повернулся к Николь. — Итак, мы готовы выслушать сегодняшние новости. Что ты сообщишь нам?

— Сегодня квадроиды показывали странные вещи, — ответила улыбающаяся Николь. — Первые несколько минут я даже решила, что попала не в ту базу данных... кадр за кадром — то свинья, то цыпленок, то пьяный оклахомский фермер, пытающийся ухаживать за красоткой... на послед-

---

* Заклинания, молитвы (инд.).

ней картинке этот фермер пил текилу, ел жареного цыпленка и занимался любовью со своей милой в одно и то же время... Кстати, цыпленок — вещь неплохая. Быть может, кроме меня здесь найдется еще один голодный?

6

— Думаю, что слова Верховного Оптимизатора их несколько ободрили, — сказала Николь Синему Доктору. — Макс, конечно, сомневается... Он не верит, что забота о нас будет иметь для вас важное значение, даже если ситуация действительно делается безнадежной.

— Подобный вариант едва ли возможен, — ответила октопаучиха. — Всякое новое проявление враждебных действий со стороны людей будет встречено мощным противодействием... Большая группа оптимизаторов уже почти два месяца работает над планами.

— Но если я правильно поняла, — спросила Николь, — любой представитель вашего вида, принявший участие в составлении плана военных действий и их исполнении, будет терминирован, когда война завершится?

— Да, — проговорил Синий Доктор. — Однако они умрут не сразу... сперва их известят о занесении в терминационный список... тем временем новый Верховный Оптимизатор наметит точную схему терминации в зависимости от потребностей колонии в возобновлении ее членов.

Николь и ее подруга октопаучиха завтракали в госпитале. Утром они безуспешно пытались

спасти жизнь двоим шестируким работникам, раненым во время работы на каком-то из немногих зерновых полей, еще уцелевших к северу от леса.

Пока они завтракали, в зал вползла биот-многоножка. Синий Доктор заметила вопросительное выражение на лице Николь.

— Когда мы только высадились на Раме и еще не успели создать весь комплекс обслуживающих животных, нам приходилось пользоваться биотами для рутинных заданий... Теперь нам снова понадобилась их помощь.

— Но как вы даете им распоряжения? — поинтересовалась Николь. — Мы так и не сумели вступить с ними в контакт.

— Они жестко программируются во время изготовления... Прибегая к услугам клавиатуры, наподобие той, которой располагали вы в своем подземелье, мы просили раман вносить изменения в программы с учетом наших конкретных нужд... Вот каково здесь предназначение всех биотов: они обслуживают пассажиров, пребывающих на борту.

Ну Ричард, подумала Николь, этого мы с тобой не сумели понять. Кажется, нам и в голову не приходила такая идея...

— ... Мы хотели, чтобы наше поселение на Раме не отличалось от типичной колонии, — говорила Синий Доктор, — а потому, как только перестали нуждаться в биотах, попросили, чтобы их удалили из нашего домена.

— И с тех пор вы не выходите на прямую связь с раманами?

— Нечасто, — ответила октопаучиха. — В ос-

новном мы обращаемся к услугам универсальных фабрик под поверхностью... запрашиваем кое-какое сырье, которого нет на наших складах...

Открылась дверь, из коридора вошел октопаук, торопливо заговоривший с Синим Доктором с помощью весьма узких цветowych полос. Николь разобрала только слова «разрешение» и «сегодня днем»... Когда гость удалился, Синий Доктор сказала Николь, что ее ждет сюрприз.

— Сегодня одна из наших цариц будет класть яйца. Ее прислуга считает, что событие произойдет менее чем через терт. Верховный Оптимизатор одобрила мою просьбу и разрешила тебе присутствовать... Насколько я знаю, никто из инопланетян, за исключением, возможно, Предтеч, никогда не был удостоен части присутствовать при этом событии... Не сомневаюсь, что ты найдешь его весьма интересным.

По пути в домен цариц, составлявший часть Изумрудного города, которую Николь никогда не посещала, Синий Доктор напомнила Николь о некоторых непривычных для человека аспектах размножения октопауков.

— В нормальные времена оплодотворение каждой из трех цариц нашей колонии происходит один раз каждые три-пять лет, но зрелости достигает лишь небольшая доля оплодотворенных яиц. Однако в связи с подготовкой к войне Верховный Оптимизатор недавно объявила о возобновлении населения. И потому все три царицы откладывают полное количество яиц. Их оплодотворили самцы, отобранные для войны и только что совершившие сексуальный переход. Этот факт

имеет огромное значение: он, по крайней мере символически, гарантирует, что каждый из этих октопауков генетически продолжит колонию. Ведь все они знают — война будет недолгой и до терминатии недалеко.

Как только я решу, что у нас много общего с октопауками, думала Николь, как только я увлекусь, мне тут же подсовывают нечто столь неожиданное, что я немедленно вспоминаю, насколько мы различны... Но, как сказал бы Ричард, разве могло быть иначе? Они порождены совершенно чуждым нам эволюционным процессом.

— ... Не обнаруживай страха перед огромной царицей... при всех обстоятельствах ты должна восхищаться всем, что увидишь. Когда я предложила, чтобы тебе разрешили посетить это собрание, один из членов штаба Верховного Оптимизатора принялся возражать: он считал, что ты не сумеешь во всей полноте осознать увиденное. Других беспокоило, что ты можешь смутиться, даже выразить неудовольствие, тем самым отвлекая присутствующих октопауков...

Николь заверила Синего Доктора в том, что сумеет сдержать себя во время церемонии. Она была польщена, узнав, что ее включили в число избранных, и очень волновалась, когда транспорт остановился возле прочной стены домена цариц.

Здание, в которое вошли они с Синим Доктором, имело форму купола и было выложено из белого камня. Прихожая оказалась высотой около десяти метров, она занимала площадь примерно в тридцать пять сотен квадратных метров. Возле двери располагалась схема, на ней цветовыми

полосами было написано, где именно состоится кладка. Следом за Синим Доктором и несколькими другими октопауками Николь спустилась по паре наклонных пандусов и попала в длинный коридор. В конце его они повернули направо и вышли на балкон, возвышавшийся над прямоугольным помещением в пятнадцать метров длиной и пять-шесть метров высотой.

Синий Доктор провела Николь в передний ряд; его ограждали высокие поручни. Оставшиеся позади пять рядов быстро заполнялись. Напротив располагался другой балкон, вмещавший около шестидесяти октопауков.

Поглядев вниз, Николь заметила наполненный водой канал, тянувшийся вдоль пола и исчезающий под аркой в правой стене. Там над ним был переброшен узкий мостик. На противоположной стороне примыкала к каменной стене, образовавшей всю левую часть зала, платформа шириной примерно в три метра. Из пестрой стены, разрисованной яркими узорами, на метр выступало не меньше сотни серебристых стержней. Николь сразу же отметила сходство между стеной и вертикальным коридором, по которому она и ее друзья спускались в логово октопауков под Нью-Йорком.

Примерно через десять минут после того, как оба балкона заполнились, на нижнем уровне появилась Верховный Оптимизатор. Поднявшись на мостик, она выступила с короткой речью. Синий Доктор поясняла Николь все, что та не могла понять. Верховный Оптимизатор напомнила присутствующим, что точное время кладки заранее никогда неизвестно; скорее всего царица будет

готова вступить в комнату через несколько фенгов. Отметив, что процесс воспроизводства населения колонии обеспечивает непрерывность ее существования, Верховный Оптимизатор вышла. Началось ожидание. Все это время Николь разглядывала октопауков на балконе напротив нее и пыталась понять их разговоры. Кое-что она, конечно, улавливала, но отнюдь не все. Николь уяснила себе, что ей, безусловно, еще придется потрудиться, чтобы овладеть природным языком октопауков.

Наконец громадные двери в левом конце зала у дальнего перехода отворились и внутрь вступила массивная царица. Она была исполинского роста — не ниже шести метров; огромное раздутое туловище подпирали восемь длинных щупалец. Царица остановилась на платформе, обращаясь к собравшимся. Цветовые полосы пробежали по ее телу, создавая яркий спектакль. Николь не поняла смысла сказанного, запутавшись в последовательности полос.

Царица медленно повернулась к стене, протянула щупальца и начала взбираться по шипам. Во время подъема на ее теле вспыхивали красочные пятна. Николь решила, что это эмоциональные выражения, характеризующие боль и усталость. Поглядев на другой балкон, она отметила, что аудитория примолкла.

Царица разместилась на середине стены, ухватившись всеми восемью щупальцами за шипы, и выставила кремового цвета брюшко. Работая в госпитале, Николь сумела хорошо разобраться в анатомии октопауков, однако ей даже не представлялось, что мягкие ткани живота можно растянуть

до такой степени. На глазах Николь царица начала медленно раскачиваться вперед и назад, чуть прижимаясь к стене при каждом движении. Пятнами на теле играли эмоции; когда они достигли максимальной яркости, гейзер густой и вязкой зеленовато-черной жидкости вырвался из-под тела царицы, в нем можно было заметить белые предметы различного размера. Николь была ошеломлена. Внизу с дюжину октопауков на каждой стороне бассейна поспешно отправляли яйца и жидкость с пола в канал. Еще восемь октопауков выливали в него содержимое огромных контейнеров. Жижка отливала кровью октопауков, в ней виднелись яйца. Менее чем через минуту вся жидкость исчезла в отверстии под мостиком справа.

Царица еще не успела переменить позу, но пруд внизу уже наполнился чистой водой, и все линзы вновь обратились к царице. Николь с удивлением увидела, насколько уменьшилась октопаучиха. Судя по ее виду, царица потеряла половину веса тела в долю секунды, когда яйца и жидкость изливались из ее тела. Кровотечение еще не прекратилось; два октопаука уже карабкались вверх по стене, чтобы помочь ей. Синий Доктор постучала Николь по плечу, намекая, что пора уходить.

Оставшись одна в небольшой палате госпиталя октопауков, Николь заново вспоминала сцену кладки. Она не ожидала, что событие настолько потрясет ее эмоционально. Николь едва слушала пояснения Синего Доктора; в контейнерах находились крошечные животные, предназначенные

для уничтожения заранее намеченных типов эмбрионов. Таким образом, говорила она, октопауки контролировали точный состав следующего поколения, а именно: число цариц, наполненных, москитоморфов и всех прочих вариаций.

Как мать Николь с трудом, но могла понять, каково было октопаучихе. Каким-то непонятным образом она ощущала глубокое родство с этим гигантским созданием, забравшимся по шипам на стенку. Во время кладки челюсти Николь стиснулись, она вспомнила боль и муки ее собственных шести родов. *Неужели сам процесс родов, подумала Николь, чем-то объединяет существ, испытавших их?*

Она вспомнила давно забытый разговор на Раме II. После рождения Кэти и Симоны она попыталась объяснить Майклу О'Тулу, каково женщине рожать ребенка. После многочасовой беседы Николь заключила, что о подобном испытании невозможно адекватно рассказать другому человеку. *Мир разделен на две группы, говорила она О'Тулу. Те, кто знает по себе, что такое роды, и те, кто не знает этого.* Теперь, спустя десятилетия, оказавшись в миллиардах километрах от того места, она решила внести поправку в свое собственное наблюдение. *Женщина-мать скорее поймет рождающую инопланетянку, чем их мужья договорятся друг с другом.*

Обдумывая сценку, свидетельницей которой она явилась, Николь с удивлением обнаружила, насколько ей хочется пообщаться с царицей, узнать, о чем думают октопаучихи до и во время кладки. Неужели и царица среди боли и изумления

ощущала эпифаническую* ясность, видела собственных отпрысков, бесконечной цепью в будущем продолжающих чудесный цикл жизни? Неужели, завершив кладку, и она обрела глубокий покой, душевный мир, понятный всеми живому?

Николь понимала, что такая беседа с царицей никогда не произойдет. Она вновь закрыла глаза, пытаясь в точности вспомнить цветочные вспышки, которые видела на теле царицы до и после события. *Что говорили октопаукам эти яркие пятна, о чувствах царицы? Или они каким-то образом умеют, гадала Николь, богатыми красками поведать сложные чувства, даже экстаз, — лучше, чем это делают люди своим ограниченным звуковым языком?*

Ответов не было. Николь знала, что у нее есть дела за пределами этой палаты, но не хотела расставаться с уединением. Ей было жаль, оторвавшись от возвышенных чувств, обращаться к повседневной рутине.

И все же восторг уступал место глубокому одиночеству. На первых порах Николь не сумела связать это чувство непосредственно с внушительным зрелищем. Впрочем, она вполне понимала, что хочет поговорить с другом, лучше всего с Ричардом, — разделить с кем-то свои переживания. И вдруг вспомнила несколько строчек из поэмы Бениты Гарсиа. Открыв свой портативный компьютер, она быстро отыскала все стихотворение.

---

* Просветление, близкое к видению Бога (греч.).

Во времена раздумий или боли,
Когда меня гнетет груз прошлых лет,
Я вокруг себя гляжу, разыскивая взглядом
Те души близкие, что знают неведомое мне,
Те души, что имеют силу перенести несчастья,
От которых я плачу, содрогаюсь и тоскую...
Они мне говорят: так жить нельзя.
Уму не подобает власть эмоций.
Рассудок должен направлять поступки и слова...
А тот, кто справиться с собой не может —
В бессилии смирись со слепотой.

Но были — я их помню — времена,
Когда без утешенья не было терзанья,
И некто проливал бальзам на рану.
Но возраст учит — делай все одна.
В себе самой ищу я покаянья,
В душе своей кричу... в себе ищу ответ:
Какие б демоны в тебе ни бушевали,
Урок заученный ты не забудешь, нет.
В последний путь уходит каждый одиноко.
Нет помощи тебе в твой смертный день.
Готовься же к нему в час жизни быстротечной,
Пой, веселись и плачь — пока душа твоя
Еще не отлетела... и память про Тень.

Николь несколько раз перечитала стихотворение. И тут же поняла, насколько устала. Опустив голову на единственный стол в комнате, она уснула.

Синий Доктор легонько постучала по плечу Николь шупальцем. Та шевельнулась и открыла глаза.

— Ты проспала почти два часа. Тебя ждут в административном центре.

— Что случилось? — спросила Николь, протирая глаза. — Почему все ждут меня?

— Накамура выступил с большой речью в Новом Эдеме. Верховный Оптимизатор хочет обсудить эту новость с тобой.

Николь вздрогнула и схватилась за стол. Через несколько секунд головокружение прекратилось.

— Благодарю тебя за все, — проговорила она. — Иду немедленно.

7

— По-моему, Никки не следует разрешать слушать речь, — сказал Роберт. — Она лишь перепутается и ничего больше.

— Речь Накамуры повлияет и на ее жизнь, — проговорила Элли. — Если захочет, пусть смотрит... В конце концов, Роберт, она жила с октопауками...

— Но она не сможет понять, что все это значит, — возразил Роберт. — ей же еще нет даже четырех лет.

Словом, вопрос остался нерешенным, и когда несколько минут спустя диктатор Нового Эдема, наконец, должен был вот-вот появиться на телеэкране, Никки вошла к матери в гостиную.

— Я не буду слушать его, — малышка проявила удивительный такт, — не хочу, чтобы вы с папочкой ссорились.

В одной из комнат дворца Накамуры устроили телестудию. Именно из нее тиран обычно обращался к гражданам Нового Эдема. Последняя речь была произнесена три месяца назад, когда он

объявил о вводе войск в Южный полуцилиндр — чтобы «отразить инопланетную угрозу». Контролируемые правительством газеты и телевидение регулярно сообщали новости с фронта, фабрикуя свидетельства «жесточкого сопротивления» октопауков, и ожидаемая речь о ходе и целях войны на юге должна была стать первым публичным выступлением Накамуры.

Для выступления Накамура приказал своим портным сшить ему новый костюм сёгуна, дополнив его парадным мечом и кинжалом. Старинные японские доспехи, говорил он, должны были подчеркнуть его роль военного предводителя, защитника колонии. В день передачи помощники Накамуры помогли ему затянуться потуже, чтобы произвести грозное впечатление.

Мистер Накамура говорил стоя, глядя прямо в камеру. Хмурое выражение так и не оставило его лица во время всей речи.

— Всем нам в последние месяцы пришлось пожертвовать многим, — начал он, — чтобы поддержать наших мужественных солдат, воюющих за Цилиндрическим морем со злобным и коварным врагом. Наша разведка донесла, что безжалостные октопауки, которых так подробно описал доктор Тернер после своего отважного бегства, намереваются в самом ближайшем будущем совершить нападение на Новый Эдем. В этот критический час люди должны удвоить свою решимость и сплотиться против инопланетного агрессора.

— Наши полководцы стремятся преодолеть Барьерный лес, преграждающий путь в заселенную

октопауками область, отрезать их от продовольствия и сырья и тем самым предотвратить дальнейшее наступление. Работая дни и ночи ради существования колонии, наши инженеры сумели усовершенствовать геликоптерный флот, способный теперь осуществить подобную операцию. Мы нанесем свой удар без промедления, люди должны доказать инопланетянам, что не являются беззащитными.

— К этому времени наши воины уже очистили от инопланетян всю область между Цилиндрическим морем и Барьерным лесом. В жестоких схватках мы уничтожили сотни вражеских солдат, разрушили источники энергопитания и водоснабжения. Продуманные планы обеспечивают минимальные потери. Но мы не должны проявлять самоуверенность, поскольку имеем все основания полагать, что еще не встретились с элитным корпусом смертников, о котором доктор Тернер слышал в плену. Именно этот корпус — в этом нельзя сомневаться — возглавит авангард чужаков, если мы немедленно не предотвратим нападение на Новый Эдем. Помните, время — тоже наш враг. Наш удар должен полностью лишить октопауков боеспособности.

— Хочется вкратце упомянуть еще об одном. Недавно нашим войскам на юге сдался предатель Ричард Уэйкфилд со своим спутником октопауком. Они утверждают, что посланы военным командованием инопланетян, чтобы начать мирные переговоры. В этом шаге можно усмотреть лишь ловушку, нового троянского коня... Как ваш вождь считаю необходимым заслушать их дело в ближайшие

несколько дней. Не сомневайтесь: я не допущу переговоров, ставящих под угрозу безопасность колонии. Исход слушания будет объявлен немедленно после вынесения приговора.

— Роберт, — возразила Элли, — но ты же знаешь: почти все, что он говорит, — *чистая ложь*... У октопауков не существует корпуса смертников, они не оказывали никакого сопротивления. Как ты можешь молчать? Почему ты позволяешь ему делать от твоего лица ложные утверждения?

— Политика — это политика, Элли, — ответил Роберт. — Все прекрасно это знают, и никто не верит ему...

— Но это еще хуже. Неужели ты не понимаешь, что происходит?

Роберт направился к двери.

— Куда ты? — спросила Элли.

— В госпиталь. У меня обход.

Не веря своим глазам, Элли простояла несколько секунд, глядя на него. А потом взорвалась.

— *Вот ты каков!* — закричала она. — У тебя только одно на уме — твоя работа! Безумец затевает авантюру, которая скорее всего закончится всеобщей гибелью, а для тебя, как всегда, главное — дело... Роберт, одумайся! Почему тебя никогда ничто не волнует?

Роберт в раздражении шагнул к ней.

— Опять ты со своей вечной святостью. Почему ты считаешь, что права, Элли? Откуда тебе знать, что все мы погибнем? Быть может, план Накамуры удастся...

— Ты обманываешь себя, Роберт. Хочешь

повернуться спиной и надеешься, что, если твой маленький мирок останется цел, все остальное тоже будет в порядке... Роберт, ты не прав. Ты страшно заблуждаешься. Но если ты будешь молчать, говорить придется мне.

— Так что же ты скажешь? — Роберт возвысил голос. — Поведаяшь всему миру, что муж твой — *лжец*? Попытаешься убедить людей в том, что твои мерзкие октопауки миролюбивы? Элли, никто тебе не поверит... И скажу тебе еще: в ту самую минуту, когда ты откроешь рот, тебя арестуют и отдадут под суд за предательство. Они убьют тебя, Элли, как и твоего отца... ты этого добиваешься? Тебе надоела твоя дочь?

Элли заметила знакомое выражение боли и гнева в глазах Роберта. *Оказывается, я совсем не знаю его, промелькнуло в ее голове. Неужели передо мной тот самый человек, который не одну тысячу часов провел, спасая смертельно больных пациентов? Невозможно поверить.*

Элли решила смолчать.

— Итак, я ухожу, — наконец бросил Роберт. — И вернусь домой к полуночи.

Элли вошла в дом и отворила дверь комнаты Никки. Девочка, к счастью, спала. В глубоком унынии она вернулась в гостиную, как никогда жалея, что не осталась в Изумрудном городе. *Но что же делать дальше? Все было бы просто, если бы не Никки,* сказала себе Элли. Покачав головой, она, наконец, дала волю слезам, которые так долго сдерживала.

— Ну, как я выгляжу? — сказала Кэти, поворачиваясь перед Францем.

— Восхитительно и соблазнительно, — ответил он. — Такой я тебя еще не видел.

Стройную фигуру Кэти облегалo простое черное платье, его изящество подчеркивали тонкие белые кантики. Глубокий вырез позволял блеснуть золотым колье с бриллиантами, не опускаясь настолько низко, чтобы стать неприличным.

Кэти поглядела на часы и проговорила:

— Хорошо, хоть раз собралась раньше времени. — Она подошла к столику и закурила сигарету.

Франц был в свежевыглаженном мундире и начищенных штиблетах.

— Значит, у нас есть еще время, — он проводил Кэти к кушетке и передал ей маленькую бархатную коробочку. — Я приготовил тебе сюрприз.

— Что там? — поинтересовалась Кэти.

— Открой, — ответил Франц.

Внутри оказалось кольцо с бриллиантом.

— Кэти, — неловко спросил Франц, — ты выйдешь за меня замуж?

Кэти мельком взглянула на Франца и отвернулась. Медленно вдохнула сигаретный дымок и пустила его в воздух над головой.

— Я польщена, Франц, — она поднялась на носки и поцеловала его в щеку. — Искренне польщена... но у нас ничего не получится... — Закрыв коробочку, она вернула ее вместе с кольцом.

— Почему же? Разве ты не любишь меня?

— Да... люблю, наверное... если я вообще

способна на подобные чувства... Но, Франц, опять ты за свое. Я для тебя неподходящая пара.

— Ну, это решать *мне*, Кэти! — отрезал Франц. — Откуда тебе знать, какая мне нужна женщина?

— Давай, Франц, не будем говорить об этом сейчас... Я же сказала, что весьма польщена... но нервничаю перед судом. Пойми, я просто не переварю сразу столько дерьма...

— У тебя всегда находится причина, чтобы не разговаривать об этом. Но если ты любишь меня, я хотя бы заслуживаю откровенности. И именно сейчас...

Глаза Кэти блеснули.

— Если вы хотите объяснений, притом именно *сейчас*, я их вам предоставлю, капитан Бауэр... Прошу вас следовать за мной... — Кэти провела его в свою гардеробную. — Встань здесь и смотри!

Кэти полезла в столик, извлекла оттуда шприц и кусок черного жгута. Поставила ногу на табурет и задрала платье, открыв синяки на бедре. Франц невольно отвернулся.

— Нет, — она рукой повернула к себе его голову. — Нечего отворачиваться, Франц... Ты должен видеть, какова я на самом деле.

Спустив колготки, Кэти обхватила ногу жгутом. Проверила, глядит ли на нее Франц. В ее глазах была боль.

— Теперь ты понял? — спросила она. — Я не могу стать твоей женой, потому что давно сожительствую с этим магическим средством, которое никогда не подводит меня... Разве ты не понимаешь? Тебе далеко до моего кокомо.

Кэти воткнула иголку в вену, подождала несколько секунд.

— У нас все будет хорошо несколько недель, может быть, месяцев, — проговорила Кэти торопливо. — Но рано или поздно ты мне надоешь... и придется обратиться к услугам старого верного друга.

Она стерла ваткой пару капель крови и уложила шприц в коробочку. Франц не скрывал расстройства.

— Не унывай, — Кэти легонько похлопала его по щеке. — От своей постели я тебе не отказываю... всегда к твоим услугам, быть может, выдумаем не одну хитрую штуковину.

Отвернувшись, Франц опустил бархатную коробочку в один из карманов своего мундира. Кэти подошла к столу, чтобы загасить сигарету.

— А теперь, капитан Бауэр, пора в суд.

Слушание по делу Уэйкфилда проводилось в бальном зале на первом этаже дворца Накамуры. Для важных гостей в нем вдоль стен поставили шестьдесят кресел. Сам Накамура сидел в большом кресле на высоком помосте в конце комнаты, на нем было то же японское облачение, в котором он выступал на телеэкране два дня назад. По бокам его стояли двое телохранителей в самурайских нарядах. Бальный зал был оформлен в японском стиле XVI века: Накамура старательно изображал могущественного сёгуна Нового Эдема.

Ричарду и Арчи сообщили о суде за четыре часа, перед тем как они оставили подвал, чтобы предстать перед Накамурой. Сопровождавшие пленников трое полицейских велели им сесть на

небольшие подушки, расставленные на полу в двадцати метрах перед Накамурой. Кэти заметила, каким усталым и постаревшим казался отец. Она изо всех сил удерживала себя — так хотелось ей рвануться к нему и заговорить.

Прислужник объявил, что слушание началось, и напомнил всем присутствующим, что они не имеют права говорить и вмешиваться в ход дела. Сразу после этого объявления Накамура встал и спустился по двум ступеням.

— Расследовав это дело, правительство Нового Эдема надеется, — ворчливо начал он, расхаживая взад и вперед, — установить, готов ли представитель врага к полной и безоговорочной капитуляции, которой мы требуем в качестве предварительного условия для начала переговоров. Если бывший гражданин нового Эдема Уэйкфилд действительно способен общаться с инопланетянином и сумеет убедить его в мудрости наших требований — а именно: мы рассчитываем на уничтожение всего оружия, прекращение сопротивления нашим войскам, покорность нашей администрации на всей территории врага, — я готов проявить милосердие. И чтобы отметить помощь Уэйкфилда в окончании ненужного противоборства, можно будет заменить ему смертный приговор пожизненным заключением.

— Однако, — Накамура возвысил голос, — если этот уже осужденный предатель вместе со своим инопланетным сообщником сдался нашим победоносным войскам лишь ради нового предательства, стремясь подорвать всеобщее желание и готовность покарать врага, не прекращавшего

агрессивных нападков, тогда мы для примера покараем обоих и тем самым дадим нашему врагу недвусмысленный знак. Мы хотим, чтобы предводители чужаков знали: граждане Нового Эдема не позволят им осуществить свои захватнические планы.

До этого момента Накамура обращался ко всей аудитории. Теперь он повернулся к пленникам, сидевшим посреди зала.

— Мистер Уэйкфилд, — проговорил он, — обладает ли инопланетянин, находящийся возле вас, правом представлять все существа своего вида?

Ричард встал.

— Насколько я знаю — да, — ответил он.

— Готов ли инопланетянин подписать документ о безоговорочной капитуляции, с которым вас ознакомили?

— Мы получили документ всего несколько часов назад и не имели возможности обсудить его как подобает... Я уже объяснил Арчи самые важные пункты, но еще не знаю...

— Видите — тянут время, — прогромыхал Накамура, обращаясь к аудитории и размахивая листом белой бумаги. — Все условия капитуляции перечислены на одном этом листе. — Он обернулся вновь к Ричарду и Арчи. — Ответ на вопрос очень прост, — сказал Накамура. — Короче, да или нет?

Цветовые полосы обегали голову Арчи, и собравшиеся не могли сдержать удивленных возгласов. Ричард негромко задал вопрос октопауку и перевел его ответ. Он поглядел на Накамуру.

— Октопаук спрашивает, что произойдет, если

документ будет подписан? Каких событий следует ожидать и в каком порядке? Последовательность действий в соглашении не определена.

Накамура коротко бросил.

— Во-первых, противник должен с оружием сдаться нашим войскам, находящимся на юге. Во-вторых, правительство инопланетян, или эквивалент его, обязано передать нам полный перечень всех ценностей, которыми располагает их домен. В-третьих, они должны объявить своим подданным, что мы намереваемся оккупировать их колонию и требуем, чтобы инопланетяне во всем содействовали нашим солдатам и гражданам Нового Эдема.

Ричард и Арчи вновь посоветовались.

— Что произойдет с октопауками и существами, которые обслуживают их общество? — спросил Ричард.

— Им разрешат продолжить обычные занятия, естественно, с некоторыми ограничениями. В оккупированных зонах мы установили законы нашего общества и всем будут распоряжаться наши сограждане.

— Тогда, быть может, вы, в качестве дополнения или приложения к документу о капитуляции, обещаете сохранить жизнь и безопасность октопауков и всех остальных существ, если они не будут нарушать законы, установленные на оккупированной вами территории?

Глаза Накамуры сузились.

— За исключением личностей, ответственных за агрессивную войну, развязанную против нас, я готов гарантировать безопасность всем октопау-

кам, которые будут выполнять правила оккупации... Но это детали. Их не обязательно записывать в акт о капитуляции.

На этот раз Ричард и Арчи затеяли долгий разговор. Сбоку Кэти могла довольно близко видеть лицо отца. Она с самого начала поняла, что он не согласен с октопауком, но, переговорив, Ричард явно успокоился. Ей казалось, что отец о чем-то вспоминает...

Затянувшаяся пауза явно раздражала диктатора. Избранные гости начали перешептываться. Наконец Накамура произнес:

— Хорошо. Довольно. Каков будет ответ?

Цветовые полосы вновь замелькали вокруг головы Арчи. Когда они исчезли, Ричард шагнул к Накамуре. Он помедлил, прежде чем заговорить.

— Октопауки желают мира. И мне хотелось бы найти способ закончить конфликт миром. Октопауки могли бы подписать этот документ — не будь они столь нравственными существами, — чтобы выиграть время. Однако мой инопланетный друг, которого мы зовем Арчи, не может заключить соглашение от имени всей колонии, пока не убедится в том, что договор будет отвечать ее интересам и не вызовет возражений среди его сородичей. — Ричард умолк.

— Нам нужны не ваши речи, — нетерпеливо бросил Накамура, — а ответ на вопрос.

— Октопауки, — проговорил Ричард уже погромче, — послали нас с Арчи, чтобы заключить почетный мир, а не ради безоговорочной капитуляции. Если Новый Эдем не стремится к переговорам и не хочет уважать интересы октопауков, у

них не останется выбора... *Слушайте, люди!* — вскричал Ричард, оглядывая гостей, расположившихся вдоль стен комнаты. — Поймите — вы не сможете победить, когда октопауки начнут войну. Пока они не сопротивлялись вам. Вы должны убедить своих предводителей начать *разумные* переговоры...

— *Взять заключенных!* — приказал Накамура.

— ... Иначе все вы погибнете. Октопауки — намного более развитые существа, чем мы, люди. Верьте мне, я знаю... я прожил с ними более...

Один из полицейских ударил Ричарда в затылок, и он упал на пол, обливаясь кровью. Кэти вскочила, но Франц осадил ее. Ричард держался за голову, когда его вместе с Арчи выталкивали из комнаты.

Ричарда с Арчи поместили в тюремную камеру полицейского участка в Хаконе, неподалеку от дворца Накамуры.

— С твоей головой все в порядке? — по макушке Арчи побежали полосы.

— Кажется, да, — ответил Ричард, — только шишка выросла.

— Значит, теперь нас убьют, так? — спросил Арчи.

— Наверное, — мрачно отозвался Ричард.

— Спасибо за попытку помочь нам, — проговорил Арчи, недолго помолчав.

Ричард пожал плечами.

— Она оказалась бесполезной... благодарить скорее следует тебя; если бы ты не вызвался, то

мог бы до сих пор благополучно пребывать в Изумрудном городе.

Ричард подошел к расположенному в углу умывальнику, чтобы обмыть тряпку, которую прижимал к раненой голове.

— Ты мне, кажется, говорил, что большая часть людей верит в жизнь после смерти? — спросил Арчи, когда Ричард вновь возвратился к нему.

— Да, некоторые люди верят в перевоплощение, считают, что им предстоит новая жизнь, не обязательно в качестве человека. Другие верят, что, если ты прожил хорошо, получишь награду — вечное блаженство в прекрасных тихих краях, называемых раем...

— А ты, Ричард, — по голове Арчи побежали полосы, — во что веришь ты сам?

Ричард улыбнулся, но ответил не сразу.

— Увы, я всегда считал, что все, из чего складывается уникальная личность, исчезает в момент смерти. И что вещество нашего тела может войти в плоть другого живого существа. Боюсь, что на непрерывную последовательность существований можно не рассчитывать. Я не верю и в то, что люди зовут душой...

Он усмехнулся и продолжил:

— Но сейчас, когда логическая сторона моего ума заверяет, что жить мне осталось недолго, так хотелось бы поверить в существование загробного мира... Легче было бы умирать. Но подобное обращение перед смертью никак не согласуется со всем образом моей жизни...

Ричард медленно подошел к решетке, взялся

за нее руками и несколько секунд молча глядел в коридор.

— А какой видят смерть октопауки? — негромко спросил он, обращаясь к своему сокамернику.

— Предтечи учили нас видеть в жизни интервал, имеющий начало и конец. Сколь чудесной ни казалась бы отдельная личность, существование ее не столь уж меняет общую схему вещей. Предтечи видели главное в неразрывности и обновлении. С их точки зрения, каждый из нас бессмертен, но не потому, что жизнь личности может длиться вечно: просто каждая жизнь представляет собой критическое звено (в культурном или генетическом смысле) никогда не разрывающейся жизненной цепи. Избавив нас от невежества, Предтечи научили нас не страшиться смерти, но с готовностью идти на нее ради обновления.

— Словом, встречая смерть, вы не испытываете ни скорби, ни страха?

— Это идеальный взгляд на смерть в нашем обществе, — ответил Арчи. — Впрочем, легче встречать терминацию среди друзей, знакомых и тех, кто воплощает обновление, которое сделается возможным благодаря твоей смерти.

Ричард подошел и обнял Арчи.

— Что ж, будем подбадривать друг друга, — проговорил он. — Пусть нам поможет память о том, что мы пытались остановить войну, которая, вероятно, закончится гибелью тысяч разумных существ. Найдется немного более важных причин...

Услышав шум у двери, он смолк. Капитан местной полиции и его помощник отступили в сторонку, пропуская четверых безмолвных био-

тов — двух Гарсиа и двух Линкольнов — по коридору к их камере. Одна из Гарсиа открыла дверь, и все четыре биота вступили в камеру, где находились Ричард и Арчи. Свет сразу же погас, и несколько секунд были слышны возня и шарканье ног. Ричард закричал, тело его ударилось о прутья решетки... и наступила тишина.

— А теперь, Франц, — Кэти открыла дверь в полицейский участок, — не забудь, что ты старший по званию. Этот местный капитан не может запретить тебе повидаться с арестованным.

Они вошли в участок буквально через несколько секунд после того, как местные офицеры закрыли дверь коридора за биотами.

— Капитан Маядзава, — проговорил Франц официальным тоном, — Я — капитан Франц Бауэр из Главного управления... и хочу навестить пленников...

— Сверху получен строжайший приказ, капитан Бауэр, — ответил полицейский, — *никого* не допускать к ним.

Свет в комнате внезапно погас.

— Что происходит? — проговорил Франц.

— Должно быть, пробка перегорела, — ответил капитан Маядзава, — Уэстермарк, сходите наружу, проверьте переключатели.

Франц и Кэти слышали крик. Прошла, казалось, вечность, когда вдруг лязгнула дверь в коридоре и послышались шаги. Как только огни вспыхнули, появились три биота.

Кэти побежала к двери.

— Смотри, Франц! — выкрикнула она. — Кровь!

У них же кровь на одежде! — Она в отчаянии огляделась. — Я должна видеть отца!

Обогнав троих полицейских, Кэти бросилась по коридору.

— Боже! — закричала она, увидев лежащего отца. Все вокруг было залито кровью. — Он убит, Франц, — простионала Кэти. — Папочка мой убит!

8

Николь посмотрела этот отрывок уже дважды. Забывая про распухшие глаза и предельное эмоциональное истощение, она гадала, сумеет ли проглядеть его еще раз. Синий Доктор подала ей чашу воды.

— Ты уверена в себе? — спросила октопаучиха.

Николь кивнула. *Я посмотрю еще.* Подумала она. *Я хочу видеть все, хочу, чтобы любая подробность навеки впечаталась в мою память.*

— Пожалуйста, начни с суда, — попросила Николь. — С нормальной скоростью, пока биоты не войдут в тюремный корпус. А потом замедлил ее до одной восьмой.

Ричард никогда не хотел быть героем, размышляла Николь, наблюдая за сценой суда. Это не его стиль. Он отправился с Арчи, только чтобы избавить от этого меня. Когда охранник ударил Ричарда и тот упал на пол, она снова дернулась. План был безнадежен с самого начала, сказала она себе, когда полицейские Нового Эдема вывели Ричарда и Арчи из дворца Накамуры. Это знали и октопауки, и я сама. Почему я умолчала о своих предчувствиях?

К концу просмотра Николь попросила Синего Доктора убыстрить кадры. *Итак, оба они подружались перед смертью*, думала она, прислушиваясь к последнему разговору Ричарда и Арчи. *Октопаук пытался защитить его...* Четверо биотов вновь появились на экране. Николь заметила, как удивление в глазах Ричарда сменилось страхом, когда биоты вошли в камеру. Свет погас и качество изображения изменилось. Инфракрасные снимки, поставленные квадроидами, скорее напоминали фотонегативы, отражающие уровень тепловыделения в каждом кадре. И биоты выглядели здесь совершенно жутко: на месте голов остались только выпученные глаза.

Когда свет в камере погас, одна из Гарсиа схватила Ричарда за горло. Остальные трое биотов сняли перчатки, обнажив пальцы, заканчивающиеся острыми ножами. Четыре могучих щупальца Арчи стиснули Гарсиа, попытавшуюся задушить Ричарда. Корпус Гарсиа осел, и она рухнула на дно камеры, но другие биоты с яростью набросились на Арчи. Ричард пытался помочь октопауку, но Линкольн, ударив всей ладонью, снес голову Арчи. Ричард закричал, когда его забрызгала жидкость, наполнявшая тело октопаука. После того как Арчи вышел из боя, уцелевшие биоты казнили Ричарда, раз за разом пронзая его тело острыми пальцами. Припав к решетке, он соскользнул по ней на пол. Кровь человека и октопаука, различавшаяся по цвету в инфракрасном изображении, слилась в одну лужу на полу камеры.

Фильм продолжался, но Николь уже не видела ничего. Только теперь она поняла, что ее мужа

Ричарда, единственного, по-настоящему близкого друга всей ее взрослой жизни, более нет в живых. На экране Франц вел по коридору рыдающую Кэти, потом экран погас. Николь не шевелилась. Она застыла, глядя перед собой — туда, где только что были изображения. В глазах Николь не было слез, тело ее не дрожало, она полностью владела собой и все же не могла пошевелиться.

Комната, в которой она оставалась, чуть осветилась, и Синий Доктор все еще сидела возле нее.

— Похоже, — медленно проговорила Николь, удивляясь, каким далеким кажется ей собственный голос, — что с первых двух раз смысл до меня не дошел... Кажется, я испытала шок... наверное, я до сих пор потрясена... — Николь умолкла, ей трудно было дышать.

— Тебе нужно выпить воды и передохнуть, — сказала Синий Доктор.

Ричард убит, Ричард мертв. — Да, пожалуй, — слабым голосом произнесла Николь. *Я никогда больше не увижу и не услышу его.* — Холодной воды, пожалуйста, если есть. — *Я своими глазами видела, как он умер: раз... два... три. Ричард мертв.*

В комнате появился другой октопаук. Они заговорили, но Николь не следила за их цветовыми полосами. *Ричард ушел навсегда. Я одна.* Синий Доктор поднесла воду к губам Николь, но та не сумела выпить. *Ричарда убили.* А потом она погрузилась во мрак.

Кто-то держал ее за руку. Теплая приятная ладонь прикасалась к ее коже. Она открыла глаза.

— Мама, — негромко проговорил Патрик. — Тебе лучше?

Николь снова закрыла глаза.

Где я? — подумала она. А потом вспомнила. Ричард умер. Наверное, я упала в обморок.

— Ага, — ответила она.

— Попить не хочешь? — спросил Патрик.

— Да, пожалуйста, — прошептала Николь. Собственный голос казался ей странным.

Она попыталась сесть и попить, но не смогла.

— Не торопись, — сказал Патрик. — Спешить некуда.

Ум ее начал работать. *Мне нужно все рассказать им. Ричард и Арчи мертвы. К нам летят вертолеты. Мы все должны быть очень осторожными, защитить детей.* — Ричард... — выдавила она.

— Мы знаем, мама, — ответил Патрик.

Как могут они знать? — подумала Николь. Ведь только я одна могу читать цветочную речь...

— Октопауки потрудились и все написали. Конечно, не на идеальном английском, но мы поняли, о чем они хотели нам сообщить... Они сказали нам и о войне...

Хорошо. Они знают. Я могу уснуть. Но где-то в голове ее все еще звучало эхо. *Ричард умер.*

— Хотя разрывы слышны время от времени, ни одна бомба, насколько я понимаю, в купол еще не попала. — Голос принадлежал Максусу. — Быть может, они не определили, где располагается город?

— Снаружи купол кажется совершенно тем-

ным, — отозвался Патрик. — Октопауки увеличили толщину полога и на улицах нет огней.

— Значит, бомбы поражают Альтернативный Домен. Октопауки не смогли спрятать его, — проговорил Макс.

— И что они делают? — спросил Патрик. — Когда мы узнаем о контратаках?

— Не знаю, чем они заняты, — ответил Макс, — но едва ли сидят сложа руки.

Николь услышала негромкие шаги в коридоре.

— У мальчишек начинается острый приступ клаустрофобии, — сказала Наи. — Как ты думаешь, Патрик, можно их выпустить на улицу? Предупредительный сигнал был полчаса назад.

— Наверное, можно. Только пусть вернутся, если увидят новую ракету или услышат разрывы.

— Я выйду вместе с ними, — проговорила Наи.

— А что делает моя жена? — спросил Макс.

— Они с Бенджи читают, — ответила Наи. — А Мариус спит.

— Почему же ты не попросила ее прийти сюда на несколько минут?

Николь повернулась на другой бок. *Не сестли?* — подумала она, но ощущала себя смертельно усталой. Она вспомнила свое детство. «А как можно стать принцессой?» — спросила кроха Николь у своего отца. — «Надо либо родиться в семье короля, либо выйти замуж за принца», — отвечал тот. А потом улыбнулся и поцеловал ее. — «Тогда я уже принцесса, ведь ты у меня король...»

— А как Николь? — поинтересовалась Эпонина.

— Она опять шевелилась сегодня утром, — ответил Патрик. — В записке Синего Доктора сказано, что ей можно будет сесть или сегодня вечером, или завтра. Октопауки считают этот приступ не очень тяжелым... хорошо, что сердце осталось целым.

— А можно мне повидать ее? — спросил Бенджи.

— Нет, Бенджи, нет еще, — отозвалась Эпони-на, — она пока отдыхает.

— Октопауки проявили истинное великодушие, не так ли? — спросил Патрик. — Нашли время в самый разгар военных действий написать нам столь подробные инструкции...

— Они заставили даже меня поверить в это, — ответил Макс. — Вот уж никогда не думал, что такое возможно.

Итак, у меня был сердечный приступ. Это не обморок, потому что Ричард... она не смогла сразу закончить предложение... потому что Ричард убит.

Она дрейфовала в сумеречной зоне между сном и пробуждением и наконец услышала знакомый голос, зовущий ее по имени. — «Это ты, Ричард?» — спросила она взволнованно. — «Да, Николь», — отвечал он. — «Где ты? Я хочу видеть тебя», — проговорила она, и лицо его проявилось на спустившемся посреди сна облаке. — «Ты выглядишь превосходно, — сказала она, — с тобой все в порядке?» — «Да, — отвечал Ричард, — но я хочу тебе кое-что сказать». — «В чем дело, мой дорогой?» — спросила Николь. — «Теперь тебе придется жить без меня, — продолжил он, —

являя собой пример для других». — Очертания облаков переменились и лицо его исказилось. — «Конечно, — отвечала Николь, — но куда ты уходишь?» — Лицо исчезло. — «Прощай», — отозвался его голос. — «Прощай, Ричард».

Когда она снова проснулась, ум ее просветлел. Николь села на постели и огляделась. Было темно, но она понимала, что находится в своей комнате в Изумрудном городе.

Николь не слышала звуков. Решив, что вокруг ночь, она откинула одеяло и спустила ноги с постели. Пока хорошо, подумала она и медленно встала с постели. Ноги ее дрожали.

На столе возле кровати стоял бокал сока. Сделав два осторожных шага, держась за спинку кровати, Николь взяла стакан. Сок оказался великолепным. Обрадованная таким достижением, Николь двинулась в сторону шкафа, чтобы отыскать одежду, но уже через несколько шагов голова ее закружилась, и она направилась обратно к постели.

— Мама! — услышала она голос Патрика. — Это ты? — В дверном проеме возник его силуэт.

— Да, Патрик.

— Хорошо, — проговорил он. — Можно включить свет? — он стукнул по стене, и на середину комнаты вылетел светляк. — Боже, что ты делаешь? — спросил он.

— Я не могу вечно валяться в постели.

— Но нельзя же так напрягаться, — Патрик подошел к ней и помог добраться до постели.

Она взяла его за руку.

— Слушай меня, сын, — сказала Николь, — Я

не собираюсь быть инвалидом. И не хочу, чтобы со мной обращались, как с калекой. Я не сомневаюсь, что приду в себя через несколько дней, самое большее через неделю.

— Да, мама, — ответил Патрик, озабоченно улыбаясь.

Синий Доктор была восхищена ходом ее выздоровления. Через четыре дня Николь, пусть и медленно, но уже ходила, а пользуясь услугами Бенджи, могла добраться до остановки транспорта и вернуться назад домой.

— Не напрягайся, — наставляла ее Синий Доктор во время вечерних упражнений. — Твое состояние быстро улучшится, но я все же беспокоюсь...

Закончив осмотр, врач намеревалась оставить комнату, тут вошел Макс и объявил, что у входной двери ожидают два октопаука. Синий Доктор поспешила наружу и через несколько минут вернулась с Верховным Оптимизатором и с одним из членов ее штаба. Верховный Оптимизатор извинилась за неожиданный визит, а также за то, что не дождалась, пока Николь полностью поправится.

— Однако, — продолжила предводительница октопауков, — мы попали в затруднительное положение и нуждается в твоём совете.

Николь ощутила, что пульс ее заторопился, и попыталась успокоиться.

— Что случилось? — спросила она.

— Вероятно, вы заметили, что последние несколько дней прошли без бомбардировок, — ответила Верховный Оптимизатор. — Люди вре-

менно остановили налеты вертолетов, их главарь обдумывают наш ультиматум... Пять дней назад мы сбросили в каждый из трех лагерей одинаковые послания; в них мы заявили, что наше терпение кончилось и в случае продолжения бомбардировок мы, наконец, обрушим на людей свою мощь... И в качестве примера наших технологических возможностей мы ниллет по ниллету расписали все, что делали Накамура и Макмиллан за два дня последней недели.

— Предводители людей впали в панику. Они считают, что мы каким-то образом сумели подкупить кого-то из высших чинов в их правительстве и уже выяснили все военные планы. Макмиллан решил согласиться на прекращение огня и отступить с нашей территории. Накамура был в ярости. Он прогнал Макмиллана. А оставшись с глазу на глаз с главой службы безопасности, признался, что отступление подорвет его позиции в колонии.

— Позавчера кто-то в присутствии Накамуры, предположил, что ваша дочь Элли может знать о том, как мы получили подобную информацию. Ее привели во дворец к самому Накамуре. Поначалу не особо стремившаяся помогать ему, Элли рассказала, что в некоторых областях знания октопауки далеко опередили людей. И отметила: не сомневается в том, что мы способны получать информацию о событиях в Новом Эдеме, не прибегая к услугам разведчиков или к другим столь же традиционным способам добывания информации.

— Узнав об этом, Накамура решил, что Элли

известно больше, чем она говорит. И несколько часов он задавал ей вопросы на разные темы, в том числе о наших военных возможностях и географии нашего домена. Элли старательно избегала любых важных сведений — кстати, она ни разу не упомянула Изумрудный город — и неоднократно утверждала, что никогда не видела здесь ни оружия, ни солдат. Накамура ей не поверил. В конце концов он приказал бросить ее в тюрьму. Там ее для начала избили. С тех пор Элли молчит, невзирая на грубое обращение.

Верховный Оптимизатор умолкла. Заметив, как побледнела Николь, узнав, что с ее дочерью скверно обращаются, предводительница октопауков обратилась к Синему Доктору:

— Можно ли продолжать?

Макс и Патрик стояли в дверях. Конечно, они не могли понять, что говорила Верховный Оптимизатор, но бледность на лице Николь видели хорошо. Патрик вступил в комнату.

— Мать моя больна... — начал он.

— Все в порядке, — Николь взмахом руки отослала его. Она глубоко вздохнула. — Пожалуйста, продолжай, — обратилась она к Верховному Оптимизатору.

— Накамура, — продолжила Верховный Оптимизатор, — наконец убедил и себя, и своих помощников в том, что наши угрозы — всего лишь блеф. Он уверен, что, хотя наша технология в некоторых областях опережает человеческую, мы не способны к войне... И на последнем заседании штаба, окончившемся лишь несколькими тергов назад, он принял решение бомбежкой добиться от

нас повиновения. Первый из массированных налетов состоится утром. Мы, конечно, предпримем ответные меры. Иначе существование нашей колонии окажется под угрозой. Прежде чем прийти сюда, я распорядилась, чтобы привели в исполнение план военных действий номер 41, предусматривающий реакцию умеренной силы: частичное уничтожение колонистов Нового Эдема. Однако будет нанесен достаточно сокрушительный удар, способный быстро закончить войну. По нашим оценкам, гибель ожидает двадцать-тридцать процентов людей...

Заметив боль на лице Николь, Верховный Оптимизатор умолкла. Николь попросила пить.

— Можно ли узнать какие-нибудь подробности о ваших действиях? — проговорила Николь, отпив воды.

— Мы выбрали микробиологический агент, химически подобный ферменту, участвующему в воспроизведении клеток ваших организмов. Здоровый человек, не достигший сорокалетнего возраста, обладает достаточно прочной защитной системой, чтобы естественным образом выдержать действие агента. Люди старые и нездоровые отреагируют незамедлительно. Клетки их тел не смогут более возобновляться, а потому организмы просто прекратят существование... Чтобы подтвердить свои теоретические предположения, мы использовали кровь, кожу и другие ткани и клетки, взятые из ваших тел. И не сомневайтесь: молодежь останется целой.

— Наш вид считает биологическую войну

аморальной, — после короткой паузы сказала Николь.

— Мы знаем об этом, — ответила Верховный Оптимизатор. — Действительно, в вашей системе ценностей некоторые виды военной деятельности более приемлемы, чем другие. Мы не признаем военных действий как таковых. Мы обороняемся, только если у нас не остается иного выхода. Едва ли мертвецу важно, что принесло ему смерть — винтовка, бомба, ядерное оружие или биологический агент... Увы, нам приходится обороняться тем оружием, которым мы располагаем.

Наступило долгое молчание. Наконец, Николь вздохнула и качнула головой.

— Полагаю, что мне следует благодарить вас и за подобный исход этой дурацкой войны, хотя перспектива многих смертей, безусловно, страшит меня. Я бы предпочла найти другой путь...

Три октопаука направились к выходу. Макс и Патрик приступили к Николь с вопросами еще до того, как гости оставили дом.

— Подождите, — проговорила Николь усталым голосом. — Соберите всех. Я не хочу рассказывать о планах октопауков более одного раза.

Николь не могла уснуть. Невзирая на все старания, она постоянно думала о людях, которые вот-вот умрут в Новом Эдеме. Перед ее умственным взором проплывали лица людей старшего поколения, которых она знала и с кем работала во время пребывания в колонии.

А что будет с Кэти и Элли? Что, если октопауки ошиблись? Она представила Элли, какой

последний раз видела ее с мужем и дочерью. Николь вспомнила ссоры между Элли и Робертом, свидетельницей которых бывала. Усталое лицо дочери стояло перед ней. *И теперь еще Роберт. О Боже, он ведь старше сорока и совсем не заботится о себе.*

Николь ворочалась с боку на бок, понимая, что ничего сделать не может. Наконец, она решила сесть. *Неужели я опоздала?* — спросила себя Николь, снова подумав о Роберте. *Он мне не нравится. Элли могла бы найти лучшего мужа. Но все-таки он — отец Никки.*

В голове ее начал созревать план. Николь осторожно выскользнула из постели и отправилась к шкафу, чтобы одеться. *Быть может, я не сумею помочь, но по крайней мере буду знать, что хотя бы пыталась это сделать.* Особенно тихо Николь шла по коридору: она не хотела будить Патрика и Наи, ночевавших в комнате Элли после того, как с ней приключился приступ. *Они сразу же уложат меня в постель.*

Снаружи, под куполом Изумрудного города, было темно, почти как и в доме. Николь постояла в дверях, чтобы глаза ее привыкли к темноте и можно было добраться до следующего дома. В конце концов она поняла, что может ориентироваться в тенях, и спустилась с крыльца направо.

Шла она неторопливо. Сделав полдюжины шагов, останавливалась, отдыхая. Поэтому, чтобы добраться до прихожей дома Синего Доктора, ей потребовалось несколько минут.

Ну а теперь, если мне повезло, подумала Николь, *она должна спать во второй комнате*

слева. Вступив в спальню октопауков, Николь легонько прикоснулась к стене. Светляк неярким светом осветил пару лежащих рядом друг с другом октопауков. Синий Доктор и Джеми спали, сплетя щупальца. Николь подошла к ним, дотронулась до головы Синего Доктора. Реакции не было. Она тронула ее еще раз, и жидкое вещество в линзе Синего Доктора потекло.

— Что ты здесь делаешь, Николь? — осведомилась Синий Доктор несколько секунд спустя.

— Мне необходима твоя помощь. Это важно.

Октопаучиха двигалась очень медленно, стараясь высвободить свои щупальца, не потревожив Джеми. Ей не повезло: молодой октопаук проснулся. Велев ему спать, она отправилась в прихожую вместе с Николь.

— Тебе не следовало вставать, — сказала Синий Доктор.

— Я знаю, — ответила Николь. — Но ситуация чрезвычайная. Я хочу переговорить с Верховным Оптимизатором, и мне бы хотелось, чтобы ты проводила меня.

— Глубокой ночью?

— Я не знаю, сколько времени у нас осталось. Я должна повидать Верховного Оптимизатора, прежде чем ваши биологические агенты начнут убивать людей в Новом Эдеме... Меня тревожит Кэти и вся семья Элли...

— Никки и Элли ничто не грозит. Кэти, если я правильно понимаю, тоже достаточно молода, и с ней ничего не случится...

— Но организм Кэти ослаблен приемом наркотиков, — перебила Николь поток цветowych

слов. — Ее тело, возможно, будет сопротивляться, как тело старухи... А Роберт измотан, он все время работает...

— Я не совсем понимаю, что ты хочешь сказать мне, — проговорила Синий Доктор. — И зачем тебе нужен Верховный Оптимизатор?

— Я обращусь к ней с просьбой поберечь Кэти и Роберта, если, конечно, с Элли и Никки все будет в порядке... Должен же найтись во всей биологической магии какой-нибудь способ пощадить их... Вот поэтому я хочу, чтобы ты пошла со мной... и помогла мне.

Октопаучиха помолчала несколько секунд.

— Хорошо, Николь, — наконец согласилась она, — я пойду с тобой. Хотя как врач рекомендую оставаться в постели... Едва ли мы сумеем что-либо сделать.

— Спасибо, большое спасибо, — Николь, забывшись, обняла Синего Доктора за шею.

— Но обещай мне одно, — проговорила Синий Доктор, направляясь к двери. — Сегодня ты не должна перенапрягаться... Скажи, если почувствуешь слабость.

— Я буду опираться на тебя при ходьбе, — с улыбкой ответила Николь.

Нескладная пара медленно вышла на улицу. Синий Доктор двумя щупальцами постоянно поддерживала Николь. Однако дневная активность и переживания успели истощить скромный запас ее сил. Словом, Николь ощутила усталость, прежде чем они добрались до остановки.

Николь решила передохнуть. Далекие звуки, на

которые она не обращала особого внимания, сделались более различимыми.

— Бомбы, — заметила Николь, обращаясь к Синему Доктору. — Как много.

— Нас предупредили о налете вертолетов, — сказала октопаучиха. — Но меня удивляет отсутствие вспышек...

И вдруг часть полога над головой исчезла в огне. Мгновение спустя Николь услышала оглушительный взрыв. Тесно прижавшись к Синему Доктору, она вглядывалась в ад, разверзшийся над головой. В пламени как будто промелькнули обломки вертолета. Не более чем в километре от нее с неба падали рваные клочья купола.

Николь еще не могла отдышаться. Синий Доктор видела напряжение на лице женщины.

— Нет, я не справляюсь с дорогой, — проговорила Николь, стиснув щупальца октопаучихи изо всех сил. — Иди к Верховному Оптимизатору без меня, в качестве моей подруги. Попроси ее... нет, умоляй сделать что-нибудь для Кэти и Роберта... Скажи, что я прошу об этом...

— Я сделаю все, что смогу, — ответила Синий Доктор, — но сперва мы должны отвести тебя домой...

— *Мама!* — Николь услышала голос Патрика за спиной. Он бежал к ней по улице. Когда он оказался рядом, Синий Доктор поднялась на повозку. Николь поглядела вверх на купол... от него оторвалась лопасть винта вертолета, окутанная горячей листвой, и, вращаясь, полетела к земле.

Кэти бросила шприц в раковину, оглядела себя в зеркале.

— Вот и все! — проговорила она громко. — Так-то лучше...Я более не дрожу. — На ней было то же платье, что и на слушании по делу отца. Кэти приняла свое решение неделю назад и сказала об этом Францу. Она обернулась, еще раз критически глянула на себя. *Что это такое раздулось на моем предплечье?* — подумала она. Прежде Кэти этого не замечала: на ее правой руке, между локтем и запястьем, выросла шишка размером с мячик для гольфа. Она потеряла ее. Опухоль была мягкой, не болела и не чесалась, если не прикасаться к ней. Кэти пожала плечами и направилась в гостиную. Подготовленные бумаги лежали на кофейном столике. Она выкурила сигарету, проглядывая их, потом поместила бумаги в большой конверт.

Утром ей звонили из офиса Накамуры. Милый женский голос известил Кэти, что ей назначен прием в пять часов вечера. Опуская трубку, она едва сдерживала себя. Кэти уже почти оставила надежду на встречу с ним. Три дня назад она обратилась к секретарю Накамуры, попросив принять ее по делу. В приемной ей ответили, что тайкун занят военными действиями и не планирует никаких встреч.

Кэти вновь проверила часы. До пяти оставалось еще пятнадцать минут, а от ее квартиры до дворца

было десять минут ходьбы. Взяв конверт, она открыла дверь своей квартиры.

Ожидание разрушало ее уверенность в себе. Было уже почти шесть часов, а Кэти так еще и не попала в сердцевину японского дворца, где жил и работал Накамура. Дважды она выходила в туалет и, возвращаясь на место, каждый раз гадала, что будет делать, если ожидание слишком затянется. Девушка за столом возле двери отвечала ей неуверенным жестом.

Кэти боролась с собой. Действие кокомо оканчивалось, и она начинала сомневаться в себе. Выкурив сигарету в туалете, она попыталась отвлечься от беспокойства, подумала о Франце, вспомнила их последнюю близость. *Он уходил с такими грустными глазами. Франц любит меня,* подумала Кэти, *по-своему...*

В дверях появилась девушка-японка.

— Вы можете войти, — проговорила она.

Кэти пересекла приемную и вошла в центральную часть дворца. Сняла туфли, поставила их на полку и пошла, ступая ногами в чулках по татами. Женщина-полицейский по имени Мардж приветствовала ее и велела следовать за ней. Держа в руке конверт с бумагами, Кэти прошла за женщиной десять или пятнадцать метров. В этот момент справа отодвинулась ширма.

— Пожалуйста, войдите, — повторила Мардж.

За ней оказалась еще одна женщина-полицейский восточного происхождения, но не японка, — на ее бедре висела кобура с пистолетом.

— Необходимость потребовала усилить охрану

Накамуры-сан, — пояснила Мардж. — Пожалуй-ста, снимите всю одежду и драгоценности.

— Что? — спросила Кэти. — И трусы тоже?

— Все, — ответила другая женщина.

Ее одежда была аккуратно сложена в корзинку, помечена ее именем. Драгоценности поместили в особую шкатулку. Когда Кэти осталась обнаженной, Мардж осмотрела даже интимные части ее тела... заглянула в рот Кэти, заставив ее втянуть язык. Наконец, Кэти выдали бело-голубую юкату* и пару японских шлепанцев.

— Теперь вы можете идти с Бангорн в последнюю приемную, — проговорила Мардж.

Кэти взяла свой конверт и отправилась к выходу. Женщина по имени Бангорн остановилась.

— Все должно оставаться здесь, — сказала она.

— Но это деловая встреча, — возразила Кэти. — Я хочу обсудить с мистером Накамурой бумаги, которые взяла с собой.

Женщины открыли конверт и вынули из него бумаги. Поднесли каждую из них к свету и пропустили через какую-то машину. Наконец, они вложили бумаги в конверт, и Бангорн приказала Кэти следовать за ней.

Последняя приемная находилась в пятнадцати метрах дальше по коридору. И вновь Кэти пришлось сесть и ждать. Она ощущала, что начинает трястись. *Как же могла я надеяться на удачу, корила она себя. Какая же я дура!*

Сев, Кэти начала отчаянно страдать по кокомо. Она уже не помнила, когда ей было так плохо.

---

* Легкое кимоно.

Боясь расплакаться, она спросила Бангорн, нельзя ли выйти в туалет. Там она сумела умыть лицо.

Когда обе они вернулись, Накамура уже вышел в приемную. Кэти казалось, что сердце того и гляди выскочит из груди. Вот оно, проговорил внутренний голос. Накамура был облачен в желто-черное кимано, расшитое яркими цветами.

— Привет, Кэти, — произнес он с двусмысленной улыбкой. — Мы так давно не встречались.

— Привет, Тосио-сан, — ответила она дрогнувшим голосом.

Кэти последовала за ним в кабинет и села, скрестив ноги, у низкого стола. Накамура опустился напротив нее. Бангорн оставалась в комнате, ненавязчиво держась в уголке. *Досадно*, сказала себе Кэти, заметив, что женщина-полицейский осталась. *Что мне делать теперь?*

— Я решила, — обратилась Кэти к Накамуре, пытаясь говорить нормальным голосом, — что у меня залежался отчет о нашем бизнесе. — Она извлекла документ из конверта. — Невзирая на все расходы, мы сумели увеличить доход на десять процентов. На итоговой странице, — она передала листок Накамуре, — вы можете видеть, что, хотя общий доход от Вегаса снизился, поступления от местных заведений, где цены ниже, значительно возросли. Даже в Сан-Мигеле...

Он быстро проглядел бумагу и положил ее на стол.

— Незачем показывать мне эти цифры. Все знают, какая ты деловая женщина. — Он потянулся налево и извлек большую чернолаковую шкатулку. — Ты проявила себя самым выдаю-

щимся образом. Не будь времена столь тяжелыми, ты бы заслужила крупного повышения... Но пока в знак моего благоволения я могу предложить тебе лишь это.

Накамура подвинул шкатулку через стол Кэти.

— Спасибо, — она с восхищением разглядывала увенчанные снегом горы, украшавшие крышку. Работа была воистину великолепной.

— Открой, — проговорил он, потянувшись к столу за конфетами, находящимися в чаше.

Кэти открыла шкатулку. Она была полна кокомо. Неподдельный восторг выступил на ее лице.

— Спасибо, Тосио-сан, вы весьма благородны.

— Попробуй, — он ухмыльнулся. — Меня этим не смутить.

Кэти лизнула порошок кончиком языка. Зелье было высшего сорта. Без малейшего колебания она взяла щепотку порошка из шкатулки и мизинцем затолкала в левую ноздрю. Закрыв правую, Кэти глубоко вдохнула. Действие порошка проявилось довольно скоро. Кэти расхохоталась.

— Фью! — раскованно выпалила она. — Вот это штукавина!

— Я и не сомневался, что тебе понравится, — ответил Накамура. Он небрежно бросил обертку из-под конфеты в небольшую корзинку возле стола.

Ищи где-нибудь неподалеку, услышала Кэти в своей памяти голос Франца, в каком-нибудь неожиданном месте. Например, в мусорной корзинке или за занавесками.

— Ну, что у тебя еще? — спросил он.

Кэти глубоко вздохнула и улыбнулась.

— Только это, — проговорила она. Нагнувшись вперед, она уперлась руками в стол и поцеловала его в губы. И почти немедленно ощутила на своих плечах грубые руки женщины-полицейского.

— Хочу поблагодарить за кокомо.

Она не ошиблась. Огонек похоти, вспыхнувший в его глазах, не заметить было нельзя. Жестом Накамура отослал Бангорн.

— Оставь нас, — сказал он приподнявшись, — Идем, Кэти, поцелуешь меня по-настоящему.

Пляшущей походкой обогнув стол, Кэти заглянула в небольшую мусорную корзинку. В ней оказались одни конфетные обертки. *Да, решила она, здесь было бы чересчур очевидно... Ну а теперь я должна сделать все без ошибок.* Она раздражила Накамуру поцелуем... потом вторым, проводя языком по его языку. И, хохоча, отскочила. Накамура двинулся к ней.

— Нет, — она отступила к двери. — Не торопись... мы только начали.

Накамура замер и усмехнулся.

— Я и забыл, какая ты талантливая. Твоим девицам повезло с наставницей.

— Редкий мужчина возбуждает меня подобным образом, — объявила Кэти, запирая дверь. Глаза ее быстро обежали кабинет и остановились на другой небольшой мусорной корзинке, стоявшей в дальнем углу. *Вот это и есть идеальное место,* взволнованно сказала она себе.

— Ты не заснул, Тосио? Быть может, предложишь девушке выпить.

— Конечно, — Накамура направился к бару

ручной работы, стоявшему под единственным окном. — Виски без содовой, как обычно?

— Твоя память феноменальна, — ответила Кэти.

— Ну, что ты, я помню тебя очень хорошо, — проговорил Накамура, наливая два бокала. — Разве можно забыть все наши игры, особенно в принцессу и раба, мою любимую... Мы с тобой так хорошо развлекались.

Пока ты не решил, что тебе мало одной меня. Тебе понадобился и золотой душ, и еще более отвратительные вещи, подумала Кэти. *Ты доказал мне, что я тебе не нужна.*

— А ну-ка, парень, — вдруг рявкнула она повелительным тоном. — Пить хочется... Наливай!

По лицу Накамуры пробежала быстрая тень, потом он расплылся в широкой ухмылке.

— Да, ваше высочество, — склонив голову и кланяясь, он поднес ей напиток. — Что еще угодно вашему высочеству? — проговорил он игриво.

— Вот это, — ответила Кэти. Левой рукой принимая бокал, правую она агрессивно запустила под кимоно Накамуры. Он закрыл глаза. Кэти еще раз поцеловала его, продолжая возбуждать.

В нужный момент она резко отодвинулась и под взглядом Накамуры медленно избавилась от юкаты. Накамура шагнул к ней. Кэти выставила вперед руки.

— Э, нет, парень, — приказала она, — гаси свет и ложись на спину возле стола.

Накамура покорно повиновался. Кэти подошла к нему.

— А теперь, — сказала она уже мягче. — Ты

ведь помнишь, чего именно хочет твоя принцесса?.. Медленно, очень медленно... не торопись. — Она потянулась рукой к низу его живота. — По-моему, мусаси почти готов...

Кэти поцеловала Накамуру, погладила его лицо и шею.

— А теперь закрой глаза, — шепнула она на ухо, — и сосчитай до десяти, очень медленно.

— Ити, ни, сан... — едва выдохнул он.

С удивительной быстротой Кэти метнулась через комнату к другой мусорной корзинке. Отодвинув бумаги, извлекла пистолет.

— ... си, го, рёку...

Сердце ее отчаянно колотилось. Кэти схватила пистолет, обернулась и направилась к Накамуре.

— ... сити, хати, кю...

— Вот тебе за то, что ты сделал с моим отцом, — Кэти приставила дуло к его лбу. Она нажала на курок, как только изумленный Накамура открыл глаза. — Вот тебе за то, что ты сделал со мной, — она всадила три пули в его гениталии.

Стражи вломились буквально через секунду. Но она оказалась проворнее.

— А это — тебе, Кэти Уэйкфилд, — громким голосом объявила она, взяв дуло в рот, — за то, что ты сделала с собой.

Элли проснулась, услышав звук ключей в замке своей камеры. Она потеряла глаза.

— Это ты, Роберт? — спросила она.

— Да, Элли, — ответил он. Когда Роберт вошел в камеру, она встала. Роберт обнял Элли.

— Я так рад видеть тебя. Я пришел, как только узнал от Ганса, что полиция оставила участок.

Он поцеловал изумленную жену.

— Я ужасно виноват перед тобой, Элли. Я был очень, очень неправ.

Свои пожитки Элли собрала за несколько секунд.

— Как это полиция *оставила* участок? — спросила она. — Почему, Роберт? Что происходит?

— Полный и всеобщий хаос, — проговорил он с крайне расстроенным видом.

— Что ты имеешь в виду, Роберт? — Элли внезапно испугалась. — С Никки все в порядке?

— С ней все хорошо, Элли, но... повсюду люди мрут пачками... Мы не знаем почему... Час назад Эд Стаффорд упал и умер, прежде чем я успел осмотреть его... Какая-то чудовищная эпидемия.

Октопауки, поняла Элли, *наконец нанесли контрудар*. Она обняла безутешного мужа. Через несколько секунд тот отодвинулся.

— Прости меня, Элли... повсюду такое смятение... С тобой все в порядке?

— Все хорошо, Роберт... Меня уже несколько дней никто не допрашивал и не мучил. Но где Никки?

— Она с Брайаном Уолшем в нашем доме. Ты помнишь Брайана, Патрик учился с ним на компьютере? Он помогал мне заботиться о Никки, после того как тебя забрали... Бедный парень, позавчера он проснулся и нашел своих родителей мертвыми...

Элли вышла из полицейского участка вместе

с Робертом. Он непрерывно разговаривал, переходил с темы на тему, но из его почти неразборчивых речей Элли смогла понять лишь немного. Слов Роберта, за последние два дня в Новом Эдеме приключилось три сотни совершенно неожиданных смертей, и конца этому не видно.

— Странно, — бормотал он, — умер только один ребенок... почти все жертвы пожилого возраста.

Перед полицейским участком Бовуа женщина, явно не достигшая сорока лет, узнала Роберта и ухватила его за руку.

— Пойдемте со мной, доктор, немедленно! — закричала она пронзительным голосом. — Мой муж потерял сознание... сидел со мной, ужинал и вдруг начал жаловаться на головную боль. А когда я вернулась из кухни, уже лежал на полу... Боюсь, что он умер.

— Вот видишь... — сказал Роберт, обращаясь к Элли.

— Сходи к ней, — проговорила Элли, — а потом, если надо, можешь идти в госпиталь. Я пойду домой к Никки. Мы будем ждать тебя. — Она поцеловала его. Элли хотела сказать Роберту, что всему виной октопауки, но решила, что этого делать не следует.

— Мамочка, мамочка! — кричала Никки. Она пробежала весь коридор и вскочила на руки Элли. — Мне так не хватало тебя, мамочка.

— И мне тебя, мой ангел. Что ты делала?

— Играла с Брайаном. Он очень хороший, читает мне и учит считать.

Брайан Уолш, которому едва перевалило за двадцать, вышел из-за угла с детской книгой в руках.

— Здравствуйте, миссис Тернер, — проговорил он. — Не знаю, помните ли вы меня...

— Конечно же, помню, Брайан. Я для тебя просто Элли... Я хочу поблагодарить за помощь.

— Я был рад помочь вам, Элли. Такой способный ребенок... Она отвлекла меня от столь болезненных мыслей...

— Роберт рассказал мне о твоих родителях, — перебила его Элли. — Мне очень жаль.

Брайан покачал головой.

— Все было так странно. Вечером, готовясь ко сну, они чувствовали себя просто отлично, — глаза его наполнились слезами. — А утром лежали так мирно...

Он отвернулся и вытер глаза платком.

— Некоторые мои друзья говорят, что эпидемия вызвана октопауками. Как вы думаете, Элли, возможно ли это..?

— Должно быть. Мы вынудили их поступить подобным образом.

— И теперь мы все умрем? — спросил Брайан.

— Не знаю, — ответила Элли. — В самом деле не знаю.

Они простояли несколько секунд в неловком молчании.

— Ну что ж, по крайней мере ваша сестра разделалась с Накамурой, — неожиданно произнес он.

Элли решила, что неправильно поняла его.

— О чем ты говоришь, Брайан? — переспросила она.

— Разве вы не слышали?.. Четыре дня назад Кэти убила Накамуру, а потом себя.

Элли была ошеломлена. Она глядела на Брайана с полным неверием.

— Папочка говорил мне вчера про тетю Кэти, — промолвила Никки, обращаясь к матери. — Он сам тебе все расскажет.

Элли не могла ничего сказать. Голова ее кружилась. Она умудрилась распрощаться с Брайаном, вновь поблагодарив его. Потом опустилась на кушетку. Никки подползла Элли под бок и положила голову на колени. Так они просидели довольно долго.

— А как себя чувствовал папа, пока меня не было? — наконец спросила Элли.

— Отлично, — ответила маленькая девочка. — Только шишка выскочила.

— Какая шишка?

— На плече. С мой кулак. Я увидела ее три дня назад, когда он брился. Он сказал, что, должно быть, комар укусил.

10

— Мы с Бенджи уходим в госпиталь, — объявила Николь.

Остальные еще только заканчивали завтрак.

— Садитесь, Николь, прошу вас, — сказала Эпониная. — По крайней мере допейте кофе.

— Спасибо, — ответила та. — Но я обещала

Синему Доктору прийти сегодня пораньше. Во время вчерашнего налета было много раненых.

— Но ты очень много работаешь, мама, — вмешался в разговор Патрик. — И почти не спишь.

— Дела помогают. Тогда у меня нет времени на размышления...

— Пойдем, ма-ма, — проговорил Бенджи, появляясь в комнате и подавая Николь пальто. Стоя возле матери, он с улыбкой помахал необычайно притихшим близнецам. Галилей скорчил рожу, а Бенджи с Кеплером расхохотались.

— Она не позволила себе оплакать смерть Кэти, — негромко произнесла Наи через минуту после того, как Николь вышла. — Это тревожит меня. Рано или поздно...

— Она боится, Наи, нового сердечного приступа, — ответила Эпониная. Быть может, даже за свой рассудок... Николь как бы не верит случившемуся.

— Ну вот, мамзелька, опять развела свою поганую психологию, — проговорил Макс. — Нечего тревожиться за Николь... Она сильнее любого из нас. Она оплатит Кэти, когда будет готова к этому.

— Мама ни разу не ходила в видеозал после сердечного приступа. Когда Синий Доктор сказала ей о гибели Накамуры и самоубийстве Кэти, я был уверен, что мама захочет посмотреть как это было... чтобы увидеть Кэти в последний раз... или хотя бы поинтересоваться делами Элли...

— Убив этого мерзавца, твоя сестра, Патрик, совершила самый выдающийся поступок в своей жизни, — прокомментировал Макс. — Можно го-

ворить о ней что угодно, но уж отваги у ней хватило.

— Кэти была богато одарена, — грустно промолвил Патрик. — Блестящая, очаровательная... но не лишенная и отрицательных сторон.

За столом воцарилось недолгое молчание. Эпонина намеревалась что-то сказать, когда за передней дверью мелькнула короткая вспышка.

— Ого! — она поднялась. — Мы с Мариусом уходим. Опять налет.

Наи повернулась к Кеплеру и Галилею.

— Скорей доедайте, мальчики, идем в тот дом, который дядя Макс построил для нас.

Галилей опять скорчил рожу.

— Вот еще, — пожаловался он.

Николь и Бенджи едва успели достичь госпиталя, когда первые бомбы начали падать через разбитый купол. Теперь налеты происходили ежедневно. Более чем половина потолка Изумрудного города была уничтожена. Бомбы падали почти на каждый район города.

Синий Доктор приветствовала их и немедленно отослала Бенджи вниз в приемную.

— Ужасно! — с досадой произнесла она, обращаясь к Николь. — Больше двух сотен мертвых только после вчерашнего дня.

— Что происходит в Новом Эдеме? — спросила Николь. — Я полагала, что теперь...

— Наши микроагенты действуют несколько медленнее, чем мы рассчитывали, — ответила Синий Доктор. — Но они произвели эффект. Верховный Оптимизатор утверждает, что налеты

прекратятся через день-два, в самом худшем случае. Она вместе со штабом обдумывает планы следующего этапа...

— Конечно, колонисты не будут теперь продолжать войну, — проговорила Николь, заставляя себя не думать о том, что происходит в Новом Эдеме после смерти Накамуры.

— Мы должны быть готовы к любому варианту развития событий, — сказала октопаучиха. — Но я надеюсь на то, что ты права.

Они шли по коридору, и к ним подошла одна из коллег Синего Доктора. Бенджи именовал ее Пенни — из-за круглой отметины возле щели, похожей на новоэдемскую монетку. Пенни описала Синему Доктору ужасные сцены, свидетелями которых ей пришлось быть утром в Альтернативном Домене. Николь могла понять большую часть того, что говорила Пенни, по двум причинам: та повторяла все по нескольку раз и пользовалась простейшими цветовыми предложениями.

Пенни поведала Синему Доктору о том, что раненые в Альтернативном Домене отчаянно нуждаются в медиках и лекарствах. Синий Доктор попыталась объяснить Пенни, что у нее не хватает врачей, чтобы даже обслужить всех пациентов в одном только госпитале.

— Пойду схожу с Пенни, — предложила Николь, — быть может, смогу чем-то помочь.

Синий Доктор посмотрела на нее.

— Ты уверена, что справишься, Николь? — спросила октопаучиха. — Тебе там будет очень тяжело.

— С каждым днем силы вновь возвращаются

ко мне, — ответила Николь. — Я хочу быть там, где во мне нуждаются больше всего.

Синий Доктор сказала Пенни, что Николь проведет в Альтернативном Домене почти терт, однако ей придется взять на себя ответственность за возвращение Николь в госпиталь. Пенни согласилась и поблагодарила Николь за предложение.

Когда они поднялись в повозку, Пенни рассказала Николь о состоянии дел в Альтернативном Домене.

— Раненых собирают в уцелевшее здание, там их обследуют, обрабатывают раны и переправляют в госпиталь... С каждым днем ситуация становится все хуже и хуже. Многие из альтернатив уже оставили все надежды.

К концу поездки настроение не улучшилось. В свете немногих светляков повсюду перед Николь представляли картины разрушения. Чтобы открыть южные ворота, стражам пришлось растолкать две дюжины альтернатив, среди которых было несколько раненых... они умоляли о разрешении войти в город. После того как транспорт миновал ворота, разрушений вокруг стало больше. Театр, где Николь и ее друзья смотрели спектакль на темы морали, лежал в руинах. Более половины сооружений возле Района Искусств было сравнено с землей. Николь почувствовала себя плохо. *Я и не полагала, что дела складываются так скверно*, подумала она. И вдруг прогремел взрыв, буквально возле них. Николь швырнуло на землю. Ошеломленная, она медленно поднялась на ноги. Повозка была разломана на две части. Пенни вместе с другим врачом оказалась похороненной под ее

обломками. Николь несколько минут пыталась извлечь хотя бы Пенни, но наконец поняла, что старается зря. Рядом взорвалась новая бомба. Подобрав с земли свою маленькую медицинскую сумочку, Николь побрела в сторону в поисках укрытия.

Одинокий октопаук лежал без движения посреди боковой улочки. Николь пригнулась и извлекла фонарик из сумки. В линзе октопаука не было видно никакого движения. Она перевернула его на бок и сразу заметила рану на тыльной стороне головы. Белая вязкая субстанция сочилась из раны. Николь поежилась, и ее едва не стошнило. Она торопливо огляделась, желая прикрыть чем-нибудь мертвого октопаука. Бомба поразила строение, расположенное не более чем в двух сотнях метров от нее. Николь встала и пошла дальше.

На правой стороне улицы она заметила маленькое укрытие, но его уже занимали пять или шесть небольших животных, напоминавших польские сосиски. Они отогнали Николь, а одно из них даже преследовало ее двадцать-двадцать пять метров, пытаясь цапнуть за ногу. Наконец животное вернулось обратно, и Николь смогла перевести дыхание. Она обследовала себя и к собственному удивлению обнаружила, что значительных повреждений нет — лишь несколько синяков.

Бомбардировка затихла. В Альтернативном Доме наступила жуткая тишина. Перед Николь в сотне метров над казавшимся неповрежденным домом висел светляк. Николь увидела входивших в здание октопауков, один из них был явно ранен.

Наверное, это один из временных госпиталей, решила она, поворачивая.

Но через какое-то мгновение Николь услышала странный, совсем негромкий звук. Сперва она не обратила на него внимания, но на второй раз уже расслышала отчетливо. Николь застыла. Холодок пробежал по ее спине. *Это же младенческий крик,* подумала она, останавливаясь. Несколько секунд она ничего не слышала. *Быть может, мне показалось?* — спросила себя Николь.

Напрягая глаза, она вглядывалась в полумрак справа от себя, пытаясь выявить источник звука. Поваленная набок проволоочная изгородь тянулась метров на сорок вдоль поперечного переулка. Она поглядела на недалекое сооружение. *Безусловно, я нужна октопаукам,* думала Николь. *Но разве можно...* Крик повторился в ночи, на этот раз отчетливей — отчаянный писк беспомощного человеческого младенца.

Она торопливо перебралась через поваленный забор. На земле перед ней оказался поломанный цветной знак. Николь пригнулась и подобрала кусок его. Узнала цвета, которыми октопауки изображали понятие «зоопарк», и сердце ее застучало. *Ричард слышал такой крик именно в зоопарке,* вспомнила она.

Слева в километре от нее прогремел взрыв... потом другой, уже много ближе. Геликоптеры производили очередную вылазку. Ребенок кричал теперь непрерывно. Николь старалась идти на крик, но быстро двигаться ей не удавалось: трудно было различить голос ребенка в грохоте взрывов.

Бомба взорвалась перед ней — не менее чем

в сотне метров. В последовавшей тишине Николь не услышала ничего. *О нет, вскричала ее сердце, нет, не теперь. Не теперь, когда я так близко.* Вдали прогремел еще один взрыв — и снова тишина. *Наверное, какое-то животное, вспомнились слова Ричарда. Быть может, во Вселенной и существует зверь, голос которого напоминает крик человеческого ребенка.*

Николь слышала лишь шум собственного дыхания. *Что делать? — спрашивала она себя. Продолжать поиски, не оставляя надежды, или же вернуться к госпиталю...* Раздумья ее прервал новый пронзительный вопль. Николь торопилась изо всех сил, ее материнское сердце просто надрывалось от этого отчаянного крика. *Теперь сомнений не оставалось: другого источника подобного звука просто не могло существовать.* Поваленный забор лежал по правую сторону узкой улочки. Она перебралась через него и в тених перед собой заметила какое-то движение.

На земле, возле недвижимого взрослого, сидел кричавший ребенок. Мать лежала, уткнувшись лицом в грязь. Кровь покрывала всю нижнюю часть ее тела. Мгновенно определив, что женщина мертва, Николь осторожно взяла на руки темноволосого ребенка. Удивленный подобным поступком, младенец принялся сопротивляться и разразился недоуменным криком. Николь прижала ребенка к плечу и легонько погладила по спине.

— Ну-ну, — проговорила она, поскольку дитя продолжало кричать. — Все будет хорошо.

В тусклом свете Николь увидела, что странная одежда ребенка — два слоя мешковины с дырами,

прорезанными в нужных местах, — запачкана кровью. Невзирая на возражения брыкавшегося младенца, Николь быстро осмотрела его. Если не считать незначительной ранки на ноге и грязи, покрывавшей все тело, крошечная девочка была в полном порядке. Николь решила, что ей около года. Стараясь действовать нежнее, Николь положила ее на небольшую свежую тряпочку, вынутую из медицинской сумки. Пока она обтирала девочку, та вздрогнула. При каждом взрыве Николь ощущала, как вздрагивает малышка. Николь попыталась утешить ее, напевая колыбельную Брамса. Когда Николь взялась за ранку на ноге, девочка перестала плакать и поглядела на Николь огромными удивительно синими глазами. Она не протестовала, когда, достав влажный тампон, Николь начала стирать грязь с ее лица. Чуть позже, когда Николь забралась под складки мешковины и обнаружила к собственному удивлению небольшое веревочное ожерелье на крошечной грудке малышки, та вновь заплакала.

Николь взяла плачущего младенца на руки и встала. *Без сомнения, она голодна*, решила Николь, поискав взглядом какое-нибудь укрытие. *Где-нибудь здесь должна быть пища*. Под глубоким каменным навесом метрах в пятнадцати от нее Николь нашла большую миску с водой, несколько предметов неизвестного назначения, матрас и несколько мешков, из которых была сделана одежда для женщины и ребенка. Но еды не было. Николь безуспешно попыталась напоить девочку из миски. Потом ее осенило. Вернувшись к телу мертвой матери, Николь заметила, что ее груди

полны молока. Смерть явно наступила недавно. Николь приподняла тело, посадив убитую на землю. Поддерживая ее, Николь приложила девочку к материнской груди и убедилась, что ребенок сосет.

Малышка была голодна. Посреди кормления бомба осветила черты убитой — то самое лицо, которое Николь видела на картине октопауков на Площади Художников. *Вот уж не думала*, удивилась Николь.

Поев, малышка уснула. Завернув ее в один из мешков, Николь осторожно опустила ребенка на землю. Теперь Николь тщательно осмотрела убитую мать. Две раны в животе и правом бедре свидетельствовали, что два больших осколка заставили женщину насмерть истечь кровью. Осматривая рану на бедре, Николь ощутила странную опухоль на правой ягодице женщины. Полюбопытствовав, оторвала тело от земли и провела пальцами по опухоли; похоже было, что под кожей имплантирован какой-то твердый объект.

Николь извлекла свою медицинскую сумку и небольшими ножницами сделала надрез с одного края опухоли. В ней оказался предмет, засеребрившийся в тусклом свете. Размером и формой он напоминал небольшую сигару двенадцати-пятнадцати сантиметров длиной и около двух сантиметров в диаметре. Озадаченная Николь повертела предмет в правой руке, пытаясь представить, что это такое. На его поверхности не было никаких рельефов, он был необычайно гладок. *Вероятно, знак принадлежности к зоопарку*, решила она, когда поблизости взорвалась бомба, разбудившая спящую девочку.

В стороне Изумрудного города бомбы падали с нарастающей интенсивностью. Утешив ребенка, Николь подумала о том, что делать дальше. Одна из упавших бомб с невиданным грохотом разорвалась на земле и к небу поднялся большой огненный шар. Во вспышке его Николь заметила, что они с ребенком находится наверху небольшой горки вблизи культурной части Альтернативного Домена. Центральная равнина начиналась не более чем в сотне метров к западу от них.

Николь встала, положив девочку на плечо. Она уже теряла силы.

— Пойдем туда, подальше от бомб, — громко сказала она ребенку, показав в направлении Центральной равнины. Бросив цилиндрический предмет в медицинскую сумку, Николь взяла пару чистых мешков. *Помогут на холоде*, подумала Николь, перебрасывая тяжелую ткань через плечо.

Ей потребовался примерно час, чтобы с девочкой и мешками добраться до места на Центральной равнине, казавшегося в надежном удалении от бомб. Николь легла на спину и, положив ребенка на грудь, укрылась мешками. Заснула Николь буквально через секунду.

Пробудилась она оттого, что девочка зашевелилась. Николь во сне разговаривала с Кэти, но, проснувшись, не вспомнила о чем. Она села, и передела малышку, воспользовавшись чистой тряпочкой из медицинской сумки. Девочка поглядела на Николь любопытными синими глазами.

— Доброе утро, моя маленькая, прости, не

знаю, как тебя зовут, — бодро сказала Николь. Девочка улыбнулась в первый раз.

Теперь полной темноты вокруг не было. Вдали над Изумрудным городом висело скопление светляков, а зияющие дыры в куполе пропускали свет на равнину. *Наверное, закончилась война, подумала Николь, или, по крайней мере, налеты. Иначе в городе не было бы столько света.*

— Ну что ж, мой самый новый друг, — проговорила Николь, вставая и потягиваясь после того, как посадила ребенка на один из чистых мешков. — Посмотрим, какие приключения ожидают нас с тобой сегодня. — Девочка быстро слезла с мешка на почву Центральной равнины. Николь подняла ее и посадила на середину мешка. Девочка вновь сползла в пыль.

— Ну вот, ишь какая, — сказала Николь со смешком, поднимая девочку второй раз.

Держа ребенка на руках, Николь было трудно собрать пожитки. Наконец ей удалось это сделать, и она медленно направилась к цивилизации. Они находились примерно в трех сотнях метров от ближайшего к ним сооружения Альтернативного Домена. На ходу Николь решила, что сперва следует отправиться в госпиталь и разыскать Синего Доктора. Предполагая, что она не ошиблась, — война закончилась или хотя бы наступило перемирие, — Николь намеревалась провести утро за расспросами о ребенке. *Кто были ее родители? — торопливо выстраивала вопросы Николь. Как давно их похитили из Нового Эдема? Она была сердита на октопауков. Почему же мне не сказали, что в Изумрудном городе есть люди, кроме нас?*

Николь решила поговорить с Верховным Оптимизатором. *Посмотрим, как вы будете оправдываться... как можно было обращаться подобным образом с ребенком и матерью?*

Проснувшаяся девочка не желала сидеть смирно. Николь было неудобно. Она решила передохнуть. Пока ребенок копался в земле, Николь поглядела на разрушения — как в Альтернативном Домене, так и в той части Изумрудного города, что находилась перед ней. Николь вдруг почувствовала щемящую тоску. *Зачем все это?* — спросила она себя. Лицо Кэти проплыло в памяти, но Николь постаралась выбросить скорбные мысли из головы, опускаясь на землю с ребенком. Через пять минут они услышали свист. Звук исходил с неба Рамы. Николь вскочила на ноги, пульс ее немедленно убыстрился. Она ощутила легкую боль в груди, но ничто не могло ослабить ее волнения.

— Гляди, — закричала она девочке, — гляди туда, на юг!

В далекой Южной чаше ленты цветного огня играли вокруг острия Большого рога, — массивного шпиля, вздымавшегося вперед вдоль оси вращения цилиндрического космического корабля. Линии сливались, образуя красное кольцо возле острия. Через несколько мгновений огромное красное кольцо медленно поплыло на север. Вокруг Большого рога уже плясали новые краски, сливавшиеся во второе кольцо, оранжевое, следовавшее за красным в небе Рамы.

Свист продолжался. Звук не был пронзительным или хриплым. Николь он показался даже музыкальным.

— Что-то будет, — взволнованно проговорила Николь, обращаясь к девочке, — по-моему, нас ждет радость.

Малышка не имела представления о том, что происходит, но от всей души рассмеялась, когда женщина подняла ее и подбросила к небу. Безусловно, цветные кольца привлекали внимание ребенка. Теперь по черному небу Рамы ползли еще желтое и зеленое кольца, а красное уже добралось до Цилиндрического моря.

Николь вновь подбросила девочку на ярд-другой в воздух. На этот раз ожерелье девочки соскользнуло и почти слетело с ее головы. Николь подхватила ребенка и обняла ее.

— Я почти забыла о нем. Можно мне теперь, когда стало светло, посмотреть на него?

Девочка захихикала, пока Николь снимала ожерелье через ее голову. Снизу на округлом куске дерева примерно четырех сантиметров в диаметре был вырезан молодой человек с воздетыми к небу руками, со всех сторон окруженный огнем. Николь видела подобный деревянный рельеф много лет назад на столе в каюте Майкла О'Тула внутри «Ньютона». *Святой Микель Сиенский*, подумала Николь, переворачивая резное изображение.

На оборотной стороне медальона строчными буквами было отпечатано слово «Мария».

— Значит, так тебя зовут, — сказала Николь девочке. — Мария... Мария... — Никаких признаков узнавания не последовало. Девочка начала хмуриться, тогда Николь вновь рассмеялась и подбросила ее в воздух.

Через несколько минут Николь опустила на

землю брыкающегося ребенка. Мария немедленно залезла в самую грязь. Приглядывая за ней, Николь не отводила взгляда от цветных колец на раманском небе. По нему теперь плыло восемь колец: синее, коричневое, розовое и пурпурное над Южным полуцилиндром, первые четыре цепочкой уходили к северу. И когда красное кольцо поглотила Северная чаша, с конца Большого рога сорвалось новое кольцо того же цвета.

Совсем как много лет назад, подумала Николь. Но, забывая про великолепное зрелище, она пыталась припомнить все, что знала о случаях исчезновения людей в Новом Эдеме. Несколько трагических происшествий имело место на озере Шекспир, время от времени пропадал кто-нибудь из пациентов психиатрической больницы в Авалоне... *Но как же могла исчезнуть подобная пара? И где сейчас отец Марии?* Николь было о чем спросить октопауков.

Ослепительные кольца продолжали проплывать над ее головой. Николь вспомнила тот давнишний день, когда десяти- или одиннадцатилетняя Кэти, потрясенная огромными кольцами в небе, кричала от счастья. *Среди моих детей она всегда была самым раскованным ребенком.* Николь не могла остановить свои мысли. *Она так отдавалась смеху, так восторгалась...* у Кэти было столько возможностей.

Слезы прихлынули к глазам Николь. Утерев их, она с трудом заставила себя обратиться к Марии. Ребенок блаженно заправлял рот грязью.

— Нельзя, Мария, — Николь взяла девочку за руку, — это грязь.

Скривив милое личико, девочка зарыдала. *Как Кэти*, вдруг подумала Николь. *Она просто не могла слышать слово «нельзя»*. Вновь нахлынули воспоминания. Николь увидела свою дочь сперва малышкой, потом не по годам развитым подростком в Узле, юной женщиной в Новом Эдеме. Глубокая сердечная боль, сопровождавшая все воспоминания о погибшей дочери, полностью овладела Николь. Слезы текли по ее щекам, рыдания сотрясали тело.

— О Кэти! — стонала Николь, укрывая лицо руками. — *Почему? Почему? Почему?* — Мария перестала плакать и странным взглядом смотрела на Николь.

— Все хорошо, Николь, — проговорил голос из-за ее спины. — Скоро все закончится.

Николь решила, что разум начал выкидывать с ней фокусы. Она медленно повернулась: к ней с протянутыми руками медленно шел Орел.

Третье красное кольцо уже достигло Северной чаши, и новых цветных колец вокруг Большого рога больше не появлялось.

— Значит, свет на Раме включится, когда пройдут кольца? — спросила Николь у Орла.

— У тебя хорошая память, — одобрил он. — Ты права.

Николь, взяв Марию на руки, нежно поцеловала ребенка в щеку. Девочка улыбнулась.

— Спасибо вам за малышку, — сказала Николь. — Она чудесная... Я понимаю, какой это знак для меня.

Орел обратился к Николь.

— О чем ты говоришь? — спросил он. — Мы не имеем к этому ребенку никакого отношения.

Николь поглядела в загадочные синие глаза инопланетянина. Она никогда не видала более выразительных глаз. Однако Николь уже отвыкла читать в них, поскольку давно не общалась с Орлом. Поддразнивал ли он ее, говоря о Марии? Или же слова эти были серьезны? Нечего сомневаться: она не случайно обнаружила это дитя так скоро, после гибели Кэти...

Ход твоих размышлений всегда следует чересчур жестким схемам, вспомнила Николь слова Ричарда, сказанные ей в Узле. *То, что Орел не является биологическим существом подобно тебе и мне, не означает, что он не живой. Да, он — робот, но при этом куда смышленнее нас... и несравненно умнее...*

— Значит, все это время ты прятался на Раме? — спросила Николь через несколько секунд.

— Нет, — ответил Орел. Он не стал уточнять. Николь улыбнулась.

— Итак, мы еще не достигли Узла или эквивалентного ему места, но я не сомневаюсь, что ты явился сюда не из вежливости... Быть может, ты поведаешь мне о причинах визита?

— Наступает вторая стадия, — объявил Орел. — Мы решили прекратить процесс наблюдения.

— О'кей, — ответила Николь, опуская Марию на землю. — Понятно... но что же будет дальше?

— Теперь все уснут, — проговорил Орел.

— А потом все проснутся? — спросила Николь.

— Я могу сказать тебе только то, что уснут все.

Николь шагнула в сторону Изумрудного города и подняла руки к небу; на нем еще оставались только три цветных кольца — и то уже далеко, над Северным полуцилиндром.

— Просто из любопытства — я не жалею, чего там... — с легким сарказмом проговорила Николь и повернулась к Орлу. — Почему вы не вмешались раньше? *Предже чем* случилось все это... — она махнула рукой в сторону Изумрудного города, — *прежде чем* погибло так много разумных существ...

Орел не стал торопиться с ответом.

— Николь, сразу того и другого не бывает, — произнес он наконец. — Нельзя одновременно иметь свободу и пользоваться защитой благодетельной высшей силы от себя самого.

— Прости меня, — проговорила Николь с озадаченным выражением на лице. — Неужели я задала неуместный религиозный вопрос?

— Примерно, — ответил Орел. — Учти, мы должны составить полный каталог всех космоплавателей в этом районе Галактики. Но судить не нам, мы — только ученые. И нас не касается, если вы по естественным причинам должны уничтожить себя. Для нас важно, чтобы будущая отдача от *нашего* проекта оправдывала те значительные ресурсы, которые мы потратили.

— Вот как? Ты утверждаешь, что вмешались не затем, чтобы предотвратить кровопролитие, а по другой причине?

— Да. Однако я намереваюсь изменить тему разговора, поскольку время наше крайне ограничено. Свет включится через две минуты. Ты уснешь

спустя минуту после того... Если ты хочешь что-нибудь сказать этому ребенку...

— Все мы *умрем*? — спросила Николь с легким испугом.

— Не сразу, — ответил Орел. — Но я не могу гарантировать, что каждый человек переживет время сна.

Николь опустилась в грязь возле девочки. Мария затолкала в рот еще один комок, и ее губы окружила грязная полоска. Николь осторожно утерла лицо девочки и предложила ей чашку с водой. К удивлению Николь та принялась пить, проливая воду на подбородок. Николь улыбнулась, Мария хихикнула. Запустив палец под подбородок ребенка, Николь почесала ей шейку. Смех превратился в хохот — чистый, раскованный, магический смех маленького ребенка. Звук этот был настолько прекрасным, настолько глубоко растрогал Николь, что на ее глаза навернулись слезы. *Неужели это последний звук, который я слышу*, подумала она. *Тогда правильно...*

И вдруг весь Рама наполнился светом. Вид в небесах вселял трепет. Большой рог и шесть его спутников, соединенных массивными мостиками, занимали небо над ними.

— Осталось сорок пять секунд? — спросила Николь у Орла.

Инопланетный птичечеловек кивнул. Николь взяла девочку.

— Я знаю — все, что произошло с тобой в последние дни, Мария, бессмысленно и не нужно, — проговорила Николь, усадив девочку на

колени, — но я хочу, чтобы ты знала, что ужасно нужна мне и я очень тебя люблю.

В глазах крохи промелькнула удивительная мудрость. Она наклонилась вперед и положила головку на плечо Николь. Несколько секунд Николь не знала, что делать. А затем начала гладить Марию по спинке и мягко напевать:

— Спи, усни... отдохни... да будет сон твой благословен...

Возвращение в Узел

1

Сны пришли до рассвета. Разрозненные случайные изображения иногда укладывались в короткую последовательность без определенного смысла и цели. Сперва она увидела цвета и геометрические узоры. Николь не могла вспомнить, когда они начались. В какой-то миг она впервые подумала: *я — Николь, я, должно быть, жива*. Но это было давно. С тех пор перед ее умственным взором проšli целые сцены, в том числе лица людей. Некоторых она узнавала. *Это — Омэ*, сказала она себе. *Это — мой отец*. С каждым разом Николь ощущала все большую грусть. В последних ее снах гостили и Ричард, и Кэти. *Но они оба мертвы. Они погибли, прежде чем я уснула*.

Открыв глаза, она не увидела ничего. Тьма была полной. Николь медленно осознавала, где находится. Она опустила руки, ощутила под пальцами мягкую пену, повернулась на бок — почти без усилия. *Должно быть, я в невесомости*, поняла Николь. Ум ее начинал функционировать после многолетнего сна. *Где я?* — спросила она себя, прежде чем уснуть снова.

Проснувшись в следующий раз, Николь увидела одинокий источник света в другом конце замкнутого контейнера, в котором лежала. Она вынула ногу из белой пены и подняла ее к свету. На обеих ногах оказались чистые шлепанцы. Николь попробовала дотянуться до источника

света большими пальцами, но он располагался слишком высоко.

Николь поднесла ладони к лицу, но свет был настолько тускл, что она не видела ничего, кроме темного силуэта. Места в контейнере не хватало, чтобы сесть, но она ухитрилась дотянуться до крышки одной рукой, упираясь другой в дно. Николь тронула пальцами мягкую пену. Под ней ощущалась твердая поверхность; дерево или скорее всего металл.

Легкие усилия утомили ее. Она быстро дышала, сердце тоже торопилось. Ум пробуждался. Николь вспомнила последние мгновения, проведенные на Раме, прежде чем заснула. *Пришел Орел. А я как раз нашла ту девочку в Альтернативном Домене... Но где я теперь? И как долго проспала?*

Она услышала легкий стук по контейнеру и откинулась назад в пену. *Кто-то пришел. Мои вопросы скоро получают ответ.* Крышка над контейнером медленно поползла вверх. Николь рукой прикрыла глаза от света. Она увидела лицо Орла и услышала его голос.

Оба они сидели в большой комнате. Все вокруг было белым: стены, потолок, небольшой округлый стол перед ними, даже кресло, чашка, тарелки и ложка. Николь пригубила теплого бульона. Он пах цыпленком. Слева располагался белый контейнер, в котором она отдыхала возле стены. Других предметов в комнате не было.

— ... Всего шестнадцать лет, конечно, по собственному времени путешественника, — говорил Орел. *По времени путешественника, подумала*

Николь. *Так говорил и Ричард...* — Мы не сумели столь надежно замедлить ваше старение, как сделали это прежде. Увы, собираться пришлось поспешно.

Невзирая на невесомость, каждое движение давалось Николь с огромным трудом. Мышцы ее пробыли в бездействии слишком долго. Орел помог ей одолеть несколько шагов от контейнера до стола. Ее ладони чуть подрагивали, даже после того, как она попила воды и съела суп.

— Итак, мне теперь около восьмидесяти? — спросила она Орла неровным голосом, который едва сумела признать.

— Примерно так, — ответил инопланетянин. — Твой возраст невозможно точно определить.

Николь поглядела через стол на своего спутника. Орел был таким же, как и всегда. Синие глаза по обе стороны выступающего серого клюва не потеряли своего таинственного обаяния. Перья на голове оставались чисто-белыми, резко контрастируя с темно-серыми пятнами на лице, шее и затылке. Четыре молочно-белых пальца на каждой руке были мягки, словно детские.

Николь впервые посмотрела на свои собственные руки. Они стали морщинистыми и покрылись старческими пигментными пятнами. Она повернула их, и откуда-то из уголка ее памяти донесся смешок. *Фтизические*, говорил Ричард. *Вот это слово! Это уже не старческие, это совершенно дряхлые... Вот уж не думала, что придется прибегнуть к нему...* Воспоминание исчезло. *Мои руки так одряхлели.*

— А вы не стареете? — спросила она у Орла.

— Нет, — ответил он. — Во всяком случае, в том смысле, в котором вы понимаете время... Меня регулярно обслуживают и заменяют подсистемы, обнаруживающие ухудшение характеристик.

— Значит, вы и не умираете?

Он помедлил.

— Это не совсем так, — проговорил Орел. — Как и все члены моей группы, я создан для определенной цели. Когда необходимость в моем существовании исчезнет и меня нельзя будет перепрограммировать на новое дело, я буду лишен энергии.

Николь хотела рассмеяться, но сдержалась.

— Прошу прощения, понимаю, что это не забавно... но выбор этих слов показался мне странным... «лишен энергии»...

— Да, это так, — ответил Орел. — Внутри меня располагается несколько крошечных источников энергии вместе со сложной системой ее распределения. Энергетические элементы выполнены в виде блоков и их можно переместить от одного к другому. Когда перестанут во мне нуждаться, элементы просто извлекут и поместят в другое существо.

— Подобно пересадке органов, — сказала Николь, допивая воду.

— В известной степени, — согласился Орел. — Кстати, ты мне напомнила... Во время долгого сна твое сердце дважды останавливалось; второй раз уже после того, как мы прибыли сюда, в систему Тау Кита... Нам удалось поддерживать в тебе жизнь лекарствами и механическими стимуляторами, но твое сердце теперь существенно

ослабело... Если ты хочешь вести активную жизнь еще в течение продолжительного периода времени, сердце следует заменить.

— Вот почему меня оставили здесь надолго, — указав на контейнер, спросила Николь.

— Отчасти, — ответил Орел. Он уже поведал Николь, что большинство обитателей Рамы пробудилось значительно раньше нее, некоторые уже целый год назад, и что все живут тесно. — И нас беспокоит, насколько комфортабельно тебе покажется в перестроенном корабле-звезде... мы реконструировали этот космический аппарат поспешно, и поэтому многие удобства отсутствуют... Тревогу вызывает твой возраст, поскольку среди людей старше тебя нет никого...

Действительно, сказала себе Николь. Нападение октопауков уничтожило всех, кто был старше сорока... Я осталась единственной из стариков...

Орел умолк на мгновение. Когда Николь вновь поглядела на инопланетянина, в его завораживающих глазах поблескивал огонек симпатии.

— К тому же, ты дорога нам... учитывая, все что ты сделала для нас...

Неужели, подумала Николь, все еще глядя в завораживающие глаза Орла, это электронное создание действительно способно чувствовать? Неужели Ричард прав, и все человеческие качества можно продублировать?

— ... Мы выждали как можно дольше, — проговорил Орел, — чтобы свести к минимуму время, которое тебе придется провести в неидеальных условиях... Однако мы приступили к подготовке следующей фазы наших действий... Как ты ви-

дишь, все обитатели этой комнаты эвакуированы очень давно; дней через восемь-десять мы начнем разбирать стены. К этому времени тебе следует набраться сил...

Николь вновь перешла к расспросам о своей семье и друзьях.

— Как я уже говорил, — отвечал Орел, — все они перенесли долгий сон. Однако адаптация к жизни в Гранд-отеле, как зовет это место твой друг Макс, не всем далась легко. Все твои ближние по Изумрудному городу, включая девушку Марию и мужа Элли Роберта, были первоначально размещены в одном отсеке «морской звезды» в двух больших смежных комнатах. Всех предупредили о том, что подобные условия являются временными, и обещали впоследствии перевести в новые помещения с большими удобствами. Увы, Роберту и Галилею не удалось приспособиться к необычным условиям Гранд-отеля.

— И что же с ними случилось? — с тревогой спросила Николь.

— По социологическим причинам их обоих переместили в другое помещение космического корабля с более жестким режимом. Первым не выдержал Роберт. Вскоре после пробуждения он впал в жестокую депрессию и так и не смог преодолеть ее. К несчастью, он скончался около четырех месяцев назад... С Галилеем все в порядке — в физическом плане, однако антисоциальное поведение не прекращается...

Узнав о смерти Роберта, Николь ощутила глубокую скорбь. *Бедная Никки*, подумала Николь. *По-настоящему у нее так и не было отца... Элли,*

твоя свадьба принесла вовсе не то, на что я надеялась...

Она сидела, вспоминая о Роберте Тернере. Ты был таким сложным человеком, таким одаренным и посвятил всю свою жизнь работе. Но как личность ты оказался удивительным неудачником. Что, если основа твоей души умерла давным-давно... в том зале суда в далеком Техасе, на планете по имени Земля? Николь покачала головой.

— Увы, — сказала она Орлу, — вся энергия которую я потратила, чтобы спасти Кэти и Роберта от микрооружия октопауков, была израсходована впустую.

— Ну, не совсем, — возразил Орел, — ведь тогда это было нужно тебе.

Николь улыбнулась и поглядела на коллегу-инопланетянина. *Ну что ж, мой всеведущий друг,* подумала она, подавляя зевоту. *Должна признать, что рада вновь оказаться в твоём обществе... Быть может, сам ты и не живое существо, однако проявляешь изрядную мудрость по отношению к нам.*

— Позволь мне помочь тебе вернуться в постель, — проговорил Орел. — Для первого раза движений достаточно.

Николь была весьма довольна собой. Она наконец одолела всю комнату по периметру без остановки.

— Bravo, — похвалил ее Орел, подходя к ней. — Просто сказочный прогресс. Мы не надеялись, что ты сумеешь так быстро восстановить силы.

— Очень хочется пить, — сказала она, улыбаясь. — Это старое тело теряет столько воды.

Орел поднес ей стакан воды со стола. Допив, Николь повернулась к своему инопланетному другу.

— Ну как, ты готов выполнить свою часть сделки? — спросила она. — В том чемодане я найду зеркало и перемену одежды?

— Да, — ответил Орел. — Я даже принес косметику, которую ты просила... Но сперва я хочу обследовать тебя, необходимо удостовериться, что сердце в порядке. — Он поднес к ее телу небольшое черное устройство и некоторое время наблюдал за крохотным экраном. — Хорошо, — наконец проговорил он. — Скорее даже отлично... Никаких нарушений. Просто сердце работает с перебоями, чего и следует ожидать в таком возрасте.

— А мне можно поглядеть? — поинтересовалась Николь, увидев монитор. Орел вручил ей приборчик. — Итак, — сказала она, — эта штуковина получает сигналы из моего сердца... но что именно означают эти завитушки и странные символы на экране?

— В твоё тело введено около тысячи крохотных зондов, более чем половина из них располагается в области сердца. Они не только измеряют критические характеристики сердца и прочих органов, но и регулируют кровообращение и усвоение кислорода. Некоторые из зондов даже помогают органам нормально функционировать... На экране ты видишь суммарные данные за конкретный временной интервал. Их обрабатывает и передает процессор, расположенный внутри твоего тела.

Николь нахмурилась.

— Не надо было спрашивать. Нечему радоваться... Зачем вы натолкали в меня весь этот электронный мусор?

— Зонды, вообще-то говоря, не электронные, — возразил Орел, — во всяком случае, в том смысле, в каком вы, люди, понимаете это слово. И они абсолютно необходимы на этом этапе твоей жизни. Без них ты не прожила бы даже дня...

Николь поглядела на Орла.

— Почему же тогда нельзя было позволить мне умереть? — спросила она. — Или у вас есть какие-то цели, оправдывающие подобные усилия? Быть может, я что-то должна еще сделать для вас?

— Быть может, — ответил Орел. — Но что, если мы просто хотели предоставить тебе возможность еще раз увидеть свою семью и друзей?

— Трудно поверить, что мои желания могут что-либо значить в вашей иерархии ценностей.

Орел промолчал. Он подошел к чемодану, оставленному на полу возле стола, и возвратился с зеркалом, влажной тканью, простым синим платьем и сумочкой с косметикой. Николь сняла белый ночной халат, который был на ней, обтерлась полотенцем и одела платье. Она глубоко вздохнула, принимая от Орла зеркало.

— Вот уж это я совершенно не готова увидеть, — проговорила она с нервной улыбкой.

Николь не смогла бы узнать лицо, представшее перед ней в зеркале, не подготовься она к этому заранее. Вся кожа была покрыта сетью мешочков и морщин. Волосы, даже брови и ресницы, стали либо белыми, либо серыми. Николь захотелось

заплакать, и она с трудом сдержала слезы. *Боже, подумала она, какая старуха... неужели это действительно я?*

Она поглядела на свое лицо в зеркало, вспоминая черты той очаровательной женщины, которой была когда-то. Там и сям она еще могла видеть остатки прежней красоты, однако надо было знать, где искать.

Николь вдруг вспомнила некий давний случай, когда она подростком вместе с отцом гуляла по сельской дороге возле их дома в Бовуа. К ним приближалась старуха с палочкой, и Николь попросила отца перейти на другую сторону, чтобы обойти ее стороной.

— Почему? — удивился отец.

— Потому что я не хочу видеть ее, — проговорила Николь. — Она стара и уродлива... От нее у меня мурашки по коже.

— Когда-нибудь и ты станешь старухой, — ответил отец, отказавшись перейти дорогу.

А теперь я сама стара и уродлива, подумала Николь. *У меня от себя самой мурашки по коже.* Она вернула зеркало Орлу.

— Ты предупреждал меня, — сказала она скорбно. — Нужно было прислушаться.

— Конечно, ты потрясена. Ты не видела себя шестнадцать лет. Но люди с трудом примиряются со старостью, даже когда стареют день ото дня. — Он протянул ей сумочку с косметикой.

— Нет, спасибо, — Николь решительно отодвинула ее. — Ситуация безнадежна. С этим лицом ничего не сделал бы даже Микеланджело.

— Как хочешь. Но у тебя будет гость, и по-моему лучше подготовиться.

— Гость! — проговорила Николь с тревогой и возбуждением. — У меня будет гость... Кто же? — она потянулась к зеркалу и косметике.

— Это сюрприз, — ответил Орел. — Жди через несколько минут.

Николь посмотрела в зеркало, подкрасила губы, расчесала седые волосы и расправила ресницы. Закончив, бросила в зеркало неодобрительный взгляд.

— Ничего большего я не могу сделать, — сказала она столько же самой себе, сколько и Орлу.

Через несколько минут Орел направился к двери, и вернулся из коридора с октопауком. Николь еще издали заметила ярко-синие тона, нарушающие ровные рамки.

— Здравстуй, Николь, как ты себя чувствуешь? — спросила октопаучиха.

— *Синий Доктор!* — взволнованно вскрикнула Николь.

Синий Доктор, поднеся монитор к телу Николь, проговорила:

— Я буду с тобой, пока ты не окрепнешь. У Орла есть более важные дела.

На крошечном экране друг друга сменяли цветовые полосы.

— Не понимаю, — Николь глядела на устройство сверху вниз. — Когда этой вещицей пользовался Орел, на экране были завитушки и какие-то непонятные символы.

— О, это их специальный технический язык, —

отозвалась Синий Доктор. — Он невероятно точен, куда там нашему цветовому... Но я, естественно, не могу пользоваться им... Однако это устройство работает на многих языках. Можно переключить даже на английский.

— Ну а как же ты разговариваешь с Орлом, когда меня нет рядом? — спросила Николь.

— Мы оба пользуемся цветовой речью, — ответила Синий Доктор. — Полосы пробегают по его лбу слева направо.

— Ты шутишь? — поразилась Николь, пытаясь представить себе Орла с цветовыми полосами на лбу.

— Вовсе нет. Орел — существо удивительное. С птицами он бормочет и кричит, с мирмикотами визжит и посвистывает...

Николь никогда не видела слово «мирмикот» в цветовом языке. Когда она попросила пояснений, Синий Доктор сообщила, что шестеро этих странных созданий теперь обитают в Гранд-отеле, еще четверо вот-вот должны появиться из созревающих манно-дынь.

— Хотя октопауки и люди проспали весь долгий путь, — проговорила Синий Доктор, — манно-дыням позволили развиваться до мирмикотов и ватного материала. Теперь подрастает следующее поколение.

Синий Доктор опустила устройство на стол.

— Итак, что скажешь мне сегодня, доктор? — спросила Николь.

— К тебе возвращаются силы, — ответила октопаучиха. — Но ты жива лишь потому, что в

твоем организме находятся зонды. И скоро надо будет подумать...

— ...о замене сердца... знаю, — сказала Николь. — Может, это странно, но идея не кажется мне привлекательной... Не знаю почему, но я против нее: быть может, потому, что пока не вижу, зачем мне жить... Вот если бы Ричард был со мной...

На мгновение ей вновь представился видеозал, последние моменты жизни Ричарда в замедленной съемке. Она не вспомнила об этом моменте после пробуждения.

— А можно мне задать личный вопрос? — спросила Николь.

— Пожалуйста, — отозвалась октопаучиха.

— Мы вместе видели смерть Ричарда и Арчи, — проговорила Николь. — Я была потрясена и ни о чем более не могла думать. Вместе с Ричардом погиб Арчи, ты прожила с ним всю жизнь. И все же это ты сидела возле меня и утешала... Неужели ты не ощущала утраты и горя?

Синий Доктор ответила не сразу.

— Нас, октопауков, от рождения приучают скрывать эмоции, как вы их зовете. Альтернаты, наоборот, подвержены разным чувствам. Но те из нас...

— Прошу прощения, — мягко перебила ее Николь, прикасаясь к щупальцу коллеги. — Меня интересует не медицинская сторона, я спрашиваю как подругу.

Короткая пурпурная вспышка, затем синяя медленно бежали голову доктора.

— Да, я ощущаю потерю. Но я знала, что это должно случиться... Рано или поздно. Когда Арчи вступил в военный отряд, терминация сделалась

неизбежной... К тому же, в тот момент я была обязана помочь тебе.

Дверь в комнату открылась и внутрь вошел Орел с большой коробкой, заполненной едой, одеждой и различным оборудованием. Он сообщил Николь, что принес ей космический костюм и что она в ближайшем будущем выйдет из своего помещения.

— Синий Доктор утверждает, что ты умеешь говорить и на их языке, — игриво промолвила Николь. — Я бы хотела увидеть, как это делается.

— Что именно ты хочешь узнать от меня? — спросил Орел ровными узкими цветовыми полосами, возникавшими на левой стороне его лба и перебежавшими направо.

— Довольно, — усмехнулась Николь. — Ты и вправду удивителен.

Николь стояла на полу гигантской фабрики и смотрела на пирамиду перед собой. Справа от нее, менее чем в километре, группа биотов, в том числе пара огромных бульдозеров, возводила высокую гору.

— Зачем вы делаете все это? — проговорила Николь в крошечный микрофон внутри своего шлема.

— Это часть следующего цикла, — ответил Орел. — Мы решили, что подобная конструкция увеличит вероятность получения результата, на который мы рассчитываем.

— Итак, вы обнаружили новых космоплателей?

— На этот вопрос я не могу дать ответа. Моя работа не связана с очередным полетом Рамы.

— Но ты ведь говорил мне, что в конструкцию корабля вносятся лишь самые необходимые изменения.

— Ничем не могу помочь. Садись в вездеход, мы с Синим Доктором отвезем тебя поближе к горе.

Октопаучиха казалась странной в космическом костюме. Николь даже расхохоталась, впервые увидев Синего Доктора в облегаяющем, как перчатка, белом костюме, покрывающем полное тело и восемь щупалец. Ее голову прикрывал прозрачный шлем, не мешавший понимать цветовую речь.

— Когда мы впервые вышли наружу... я была удивлена, — сказала Николь Синему Доктору, когда открытый вездеход направился по равнине к горе. — Нет, это недостаточно сильное слово... И ты, и Орел говорили мне, что мы находились на заводе, что Раму готовят к новому путешествию, но подобного я не ожидала.

— Пирамида возводилась, — перебил ее Орел, сидевший на месте водителя, — пока ты спала — не нарушая всего, что окружало тебя. Если бы мы не сумели сделать этого, пришлось бы разбудить тебя куда раньше.

— Неужели тебя не удивляет все это? — Николь по-прежнему обращалась к Синему Доктору. — Неужели вы не задумывались над тем, кто затеял весь этот великий проект? Те, кто в силах создать искусственные существа, подобные Орлу? Я просто не могу представить...

— А нам это дается без всякого труда, — ответила октопаучиха. — Помни, мы знали о высших существах с самого начала своего существования, ведь разумом нас наделили Предтечи, изменившие наши гены. Поэтому в нашей истории просто не могло быть периода, когда мы посмели бы считать себя вершиной жизни... верхом совершенства.

— Теперь так не будет и у нас, — вслух подумала Николь. — История человечества, каким бы путем она ни пошла дальше, претерпела глубокие и необратимые изменения.

— Необязательно, — возразил с переднего сиденья Орел. — Собранные нами данные свидетельствуют о том, что контакт с нами не оказывает значительного воздействия на некоторые виды. Наши эксперименты учитывают такую возможность. Контакт совершается за конечный временной интервал с небольшим процентом всего населения. Непрерывного взаимодействия нет, если только изучаемый вид сам не предпринимает нужные для этого действия... Я, например, сомневаюсь в том, что жизнь на Земле в этот самый момент многим отличается от той, какой была бы, если бы Рама не посетил вашу Солнечную систему.

Николь наклонилась вперед.

— Вы уже знаете это? — спросила она. — Или просто догадываетесь?

Ответ Орла был уклончив.

— Безусловно, ваша история изменилась после прилета Рамы, — проговорил он. — И если б контакта не было, целого ряда важных событий не произошло бы. Но лет через сто или пятьсот...

насколько будет отличаться Земля от той, какой она могла быть?

— Но представление человечества о себе *должно* перемениться, — возразила Николь. — Ведь знание того, что во Вселенной существует или существовал в какую-то далекую эпоху разум, способный создать межпланетный автоматический корабль величиной с очень большой город, нельзя отбросить как незначительный факт... Понимание этого меняет опыт всего человечества, его религию, философию, даже основы биологии...

— Рад слышать, — перебил ее Орел, — что, по крайней мере отчасти, твой оптимизм и идеализм уцелели после всех лет... Вспомни, однако, как вели себя люди в Новом Эдеме, *зная*, что живут внутри поселения, созданного для них внеземлянами. Ведь им говорили — и не только вы, — что за ними ведется постоянное наблюдение. Но даже *зная*, что инопланетяне, какими бы они ни были, не намереваются вмешиваться в повседневную деятельность людей, ваши родичи не стерпели самого их присутствия.

Вездеход подъехал к основанию горы.

— Я хотела побывать здесь, — проговорила Синий Доктор, — из любопытства... У нас нет гор... в нашей области на Раме. А во времена моей молодости там, где я жила, их почти не было... Мне хотелось постоять на вершине...

— Я приказал одному из больших бульдозеров доставить нас на вершину, — ответил Орел. — Наше путешествие займет десять минут... Испугаться будет несложно — подъем крут, но абсо-

лютно безопасен, если вы не забудете пристегнуться.

Николь все-таки еще не чересчур одряхла, чтобы не насладиться зрелищем и подъемом. Бульдозер был с целый дом, однако удобных сидений для пассажиров в нем не предусмотрели, иногда он дергался, но открывавшийся сверху вид, безусловно, стоил хлопот.

Гора оказалась больше километра в высоту и почти десять километров по окружности. Пока бульдозер поднимался по склону горы, Николь разглядывала пирамиду, в которой еще недавно пребывала. Во всех направлениях до горизонта располагались сооружения неизвестного назначения.

Итак, все начинается сначала, подумала Николь. *Перестроенный Рама вновь отправится к другой звездной системе, и что же он обнаружит? Какие космоплаватели будут ходить здесь? Кто взойдет на эту гору?*

Бульдозер выехал на плоскую возвышенность, и трое пассажиров высадились. Зрелище захватывало. Обозревая сцену, Николь вспомнила о потрясении, испытанном во время первого путешествия внутрь Рамы; тогда она спускалась на кресельном лифте, и перед ней открывались просторы инопланетного мира. *Благодарю тебя,* подумала она, в уме обращаясь к Орлу, *за то, что ты сохранил мне жизнь. Ты был прав. Уже одно это переживание и все воспоминания, которые оно пробудило, стоят перенесенных неприятных мгновений.*

Поглядев вокруг, метрах в двадцати от себя Николь заметила небольшие существа, порхавшие

между красных веток каких-то странных кустов. Она подошла поближе и накрыла одно из летающих созданий рукой. С виду оно походило на мотылек. Крылья украшал пестрый узор, лишенный для глаз Николь симметрии и всякого порядка. Она выпустила его, поймала другое существо. Узор на крыльях раманской бабочки оказался совершенно иным, но тем не менее столь же пестрым и причудливым.

Орел и Синий Доктор шли возле нее. Николь показала им существо.

— Летучий биот, — ответил Орел без дополнительных комментариев.

Николь подивилась крошечному созданию. *Нечто удивительное случается каждый день*, вспомнила она слова Ричарда. *Каждый день напоминает человеку о том, какое это счастье — жить.*

2

Когда пара биотов вошла в ее комнату, Николь только что вышла из ванной. Первым шел краб, за ним — огромный игрушечный грузовик. Краб с помощью своих могучих клешней и разнообразного запаса всяческих вспомогательных устройств разрезал контейнер, в котором спала Николь, на удобные для перевозки куски и погрузил их в кузов автомобиля. Менее чем через минуту направившись к выходу, краб прихватил белую ванну и все оставшиеся стулья, бросив их поверх прочего груза в кузов. Напоследок он уложил себе на спину стол и покинул опустевшую комнату следом за биотом-грузовиком.

Николь расправила одежду.

— Никогда не забуду первого краба, которого увидела здесь, — сказала она своим двум спутникам. — Изображение возникло на огромном экране в рубке управления «Ньютона», это было столько лет назад. Мы все тогда перепутались.

— Итак, настал день, — проговорила Синий Доктор цветowymi полосами несколько секунд спустя. — Готова ли ты к переезду в Гранд-отель?

— Наверное, нет, — улыбнулась Николь. — Судя по тому, что говорили вы с Орлом, там у меня не будет уединения.

— Твоя семья и друзья с нетерпением ждут тебя, — отозвался Орел. — Я посетил их вчера и известил о твоём скором прибытии... Ты будешь жить в одной комнате с Максом, Эпониной, Элли, Мариусом и Никки. Патрик, Наи, Бенджи, Кеплер и Мария располагаются рядом ... Я уже объяснял тебе на прошлой неделе, что после всеобщего пробуждения Патрик и Наи относятся к Марии как к собственной дочери... Они знают, что ты спасла Марию во время бомбардировки....

— Едва ли слово «спасла» здесь уместно, — промолвила Николь, ясно вспоминая последние часы, проведенные ею на прежнем Раме. — Я просто подобрала ее, потому что некому было приглядеть за ней. Любой на моем месте поступил бы так же.

— Ты спасла ей жизнь, — произнес Орел. — Примерно через час после того, как вы с девочкой оставили зоопарк, три большие бомбы разрушили его помещение и две прилегающие к нему секции.

Мария, безусловно, погибла бы, если бы ты не услышала ее.

— Теперь она прекрасная и умная молодая женщина, — сказала Синий Доктор. — Я встречалась с ней несколько недель назад. Элли утверждает, что Мария невероятно энергична. Судя по ее словам, она первой поднимается утром и последней укладывается спать...

Подобно Кэти, не могла не подумать Николь. Кто ты, Мария? — удивилась она. Почему тебя послали в мою жизнь именно в этот момент?

— ... Элли также сказала мне, что Мария и Никки неразлучны, — продолжала Синий Доктор. — Они занимаются вместе, едят вместе и все время разговаривают... Никки рассказала Марии все, что знала о тебе.

— Вряд ли это возможно, — улыбнулась Николь. — Никки не было и четырех, когда я в последний раз видела ее. Дети людей обычно не сохраняют столь ранних воспоминаний...

— Если только они не проводят во сне последние пятнадцать лет, — ответил Орел. — Кеплер и Галилей также весьма отчетливо помнят свои прежние дни... но мы можем поговорить в пути. Пора уходить.

Орел помог Николь и Синему Доктору надеть скафандры, подхватил чемоданчик с пожитками Николь.

— Я уложил твою аптечку вместе с одеждой, как и косметику, которой ты пользовалась последние несколько дней, — проговорил он.

— Мою аптечку? — переспросила Николь и

расхохоталась. — Боже, я почти забыла... она же была со мной, когда я нашла Марию. Спасибо.

Трое вышли из комнаты, располагавшейся на нижнем этаже большой пирамиды. Несколько минут спустя они прошли под огромной аркой наружу. Тут в ярком свете, которым была залита фабрика, их ожидал вездеход.

— Нам потребуется около получаса, чтобы добраться до скоростных лифтов, — объявил Орел. — Наш челнок находится у причала на самом верхнем уровне.

Когда вездеход двинулся прочь, Николь огляделась и кинула прощальный взгляд назад. За пирамидой высилась высокая гора, на которую они поднимались три дня назад.

— Итак, ты действительно не представляешь, зачем потребовались здесь биоты-бабочки? — проговорила Николь в микрофон.

— Нет, — ответил Орел. — Мое предназначение — работать с людьми.

Николь продолжала глядеть назад. Вездеход миновал забор из десяти или двенадцати высоких жердей, связанных попереху, в середине и внизу проволокой. *И все это тоже часть нового Рамы*, подумала Николь. И вдруг она поняла, что теперь ей предстоит оставить мир Рамы в последний раз. Сильная печаль охватила ее. *Этот мир был моим домом*, сказала она себе. *И я оставляю его навсегда.*

— Возможно ли, — спросила Николь, не поворачивая головы, — повидать другие части Рамы, прежде чем мы оставим его навсегда?

— Зачем? — поинтересовался Орел.

— Я и сама не совсем понимаю... Быть может,

просто хочется лишний час предаться воспоминаниям.

— Обе чаши и Северный полуцилиндр полностью перестроены — ты не узнаешь их. Цилиндрическое море осушено и демонтировано. Даже Нью-Йорк уже разбирается...

— Но ведь он еще не полностью разобран, не так ли? — спросила Николь.

— Нет, пока нет, — ответил Орел.

— Что, если мы съездим туда ненадолго?

Пожалуйста, не откажи в любезности старой женщине, подумала Николь. *Даже если она сама не понимает себя.*

— Ну хорошо, — согласился Орел. — Но путь будет долгим. Нью-Йорк располагается в другой части завода.

Они стояли на парапете возле вершины одного из высоких небоскребов. Большая часть Нью-Йорка исчезла, строения рушились, превращаясь в груды развалин, под натиском жуткой мощи огромных биотов. Во все стороны от площади было видно лишь двадцать или тридцать зданий.

— Здесь располагались три подземелья под городом, — объясняла Николь Синему Доктору. — В одном жили мы, в другом — птицы, а в третьем обитали ваши сородичи... Я находилась внутри птичьего подземелья, когда Ричард явился, чтобы спасти меня... — Николь смолкла, припомнив, что уже рассказывала эту повесть Синему Доктору, а октопауки, как известно, ничего не забывают. — Тебе не скучно? — спросила она.

— Пожалуйста, продолжай, — ответила октопаучиха.

— Но за все время, проведенное нами на острове, никто так и не узнал, что в здания можно войти. Разве не удивительно? О как бы мне хотелось, чтобы Ричард был сейчас жив... вот бы увидеть его лицо, когда Орел открыл дверь в октаэдр. Ричард был бы потрясен...

— Как бы то ни было, — продолжила Николь, — Ричард вернулся внутрь Рамы, чтобы отыскать меня... а потом мы полюбили друг друга и придумали, как спастись с острова с помощью птиц... Такое славное было время и так давно...

Николь шагнула вперед, обеими руками взялась за поручень и огляделась. Умственным взором она видела Нью-Йорк, каким он был прежде. *Там были набережные, а за ними Цилиндрическое море... а где-то посреди этих уродливых груд металла находились тот самый амбар и та яма, в которой я едва не умерла.*

К ее собственному удивлению глаза вдруг наполнились слезами, выкатившимися на щеки. Она не оборачивалась. *Пятеро из шести моих детей родились здесь, думала Николь, под этой почвой. Здесь, возле нашего подземелья, мы нашли Ричарда после долгого отсутствия. Он был в забытии.*

Воспоминания одно из другим сами собой вторгались в реальность, каждое причиняло неуправляемую душевную боль и вызывало новый поток слез. Николь не могла успокоиться. Она то вновь спускалась в логово октопауков, чтобы спасти свою Кэти, то снова ощущала восторг и радость, пролетая над Цилиндрическим морем в упряжи,

которую держали три птицы. *Мы обязаны умирать*, решила Николь, вытирая глаза тыльной стороной ладони, *воспоминания не оставляют места в наших мозгах для чего-либо нового.*

Поглядев на разрушенный Нью-Йорк, Николь воскресила в своей памяти его давнишний облик, и ей вдруг вспомнилась еще более ранняя пора в ее жизни... холодный осенний вечер в Бовуа, один из последних дней, проведенных на Земле; они с Женевьевой уже собирались в Давос покататься на лыжах. Николь сидела с отцом и дочерью перед камином. В этот вечер Пьер был очень задумчив. Он рассказывал Николь и Женевьеве о том, как ухаживал за матерью Николь.

Позже, лежа в постели, Женевьева спросила мать:

— Почему дедушка так много говорит о том, что случилось давным-давно?

— Потому что это важно для него, — ответила Николь.

Простите меня, думала Николь, глядя на небоскребы. *Простите меня, все старики, чьи рассказы я пропускала мимо ушей. Я не хотела быть грубой и невнимательной. Я просто не понимала, что значит — быть старым.*

Николь вздохнула и обернулась.

— Все в порядке? — спросила Синий Доктор. Она кивнула.

— Благодарю тебя за это, — дрожащим голосом Николь обратилась к Орлу. — Ну, теперь я готова в путь.

Она увидела огни, едва их маленький челнок оставил ангар. Хотя они светились в сотне

километров от нее, вид их был великолепен — на фоне черноты и далеких звезд.

— У этого Узла есть дополнительный комплекс, — проговорил Орел, — он образует идеальный тетраэдр. Узел возле Сириуса, который вы посетили, не располагал модулем познания.

Николь, затаив дыхание, глядела из окна челнока. Освещенное сооружение, медленно поворачивавшееся вдаль, казалось нереальным, плодом ее воображения. В углах его располагались четыре сферы, соединенные друг с другом шестью линейными транспортными коридорами. Каждая из сфер имела совершенно одинаковый размер, как и все шесть длинных тонких линий, протянувшихся между ними. Издали свет делал Узел единым целым: он казался огромным тетраэдром, горящим в небесной тьме.

— Как прекрасно! — произнесла Николь, не в силах найти подходящие слова, чтобы выразить свой трепет.

— Ты увидишь его с обсервационной палубы, — проговорила Синий Доктор, сидевшая возле нее. — Зрелище ослепительное. Корабль расположен достаточно близко, и поэтому можно различить огни внутри сфер, даже провожать взглядом аппараты, мчащиеся по транспортным коридорам... Многие из обитателей Гранд-отеля часами стоят на палубе, развлекаясь догадками относительно смысла деятельности этих движущихся огней.

По рукам Николь пробежали мурашки, пока она молча разглядывала Узел. Она услышала далекий голос Франчески Сабатини, читавшей стихотворение, которое Николь заучила еще школьницей:

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи,
Кем задуман огневой,
Соразмерный образ твой?*

Тот ли сотворил тебя, кто сотворил агнца? — думала Николь, глядя на медленно поворачивающийся тетраэдр. Она вспомнила полночный разговор с Майклом О'Тулом, когда они находились в Узле возле Сириуса.

— Познав все это, мы должны воспринимать Бога иначе, — говорил он. — Мы должны избавить Его от наших гомоцентрических ограничений... Господа, создавшего архитекторов... авторов Узла, безусловно, развлекут наши жалкие потуги представить Его в образах, которые мы, люди, способны понять.

Николь была заморожена Узлом: он неторопливо поворачивался, являя различные виды в гипнотизирующей последовательности. Прямо на ее глазах Узел сместился в позицию, где один из четырех равносторонних треугольников, образующих поверхность тетраэдра, расположился перпендикулярно направлению полета челнока. Теперь Узел виделся совершенно иным, он словно утратил глубину. Четвертая вершина, фактически располагавшаяся в тридцати километрах за плоскостью, обращенной к Николь, казалась круглым пятном в центре треугольника.

Но челнок вдруг переменял направление, и Узел исчез... Николь заметила вдали одинокую светло-желтую звездочку.

---

* *Блейк У. Тигр. Пер. С. Маршака.*

— Это Тау Кита, — сказал ей Орел, — звезда, очень похожая на ваше Солнце.

— А почему, если не секрет, — спросила Николь, — этот Узел располагается именно здесь... в окрестностях Тау Кита?

— Это временное, но оптимальное положение, — ответил Орел, — позволяет нам наилучшим образом организовать деятельность по сбору данных в этой части Галактики.

Николь обняла Синего Доктора.

— А ваши инженеры тоже с серьезной миной отделываются от вас цветовыми бессмысленными фразами? — она улыбнулась. — Наш хозяин только что дал нам пример подобного псевдоответа.

— Мы как вид обнаруживаем больше смирения, — ответила октопаучиха. — Должно быть, потому, что помним о своем знакомстве с Предтечами. Мы не претендуем на полное понимание всего происходящего вокруг нас.

— Мы очень мало говорили о твоём виде, после того как я пробудилась, — извиняясь, сказала Николь Синему Доктору, вдруг ощутив собственный эгоизм. — Конечно, я помню, что ваш прежний Верховный Оптимизатор вместе с ближайшими сотрудниками и всеми, кто участвовал в войне, был терминирован как принято у вас. Справляется ли с делами новое руководство?

— Более или менее, учитывая трудности нашего быта. Джеми работает в нижнем эшелоне нового штаба и занят почти каждый час своего бодрствования. Мы еще не сумели достигнуть прежнего равновесия в нашей колонии, учитывая постоянные разногласия с внешним миром.

— Бóльшая часть которых вызвана людьми, — добавил Орел. — Мы еще продолжим, Николь, эту тему, но сейчас, наверное, самое время сказать: мы удивлены неспособностью ваших собратьев к межвидовому сосуществованию. Лишь немногие из людей способны смириться с тем, что другие виды разумных существ могут оказаться столь же важными и способными, как и они.

— Я говорила тебе это давным-давно. В связи с разнообразными историческими и социологическими причинами существует множество способов, которыми люди реагируют на новые идеи и концепции.

— Я знаю это, но наше общение с тобой, с твоей семьей ввело нас в заблуждение. До пробуждения всех выживших мы думали, что сумели понять причины событий в Новом Эдеме, где власть захватили агрессивные и жадные люди, а причины этой аномалии видели в конкретном составе членов колонии. Но после года взаимодействия с ними в Гранд-отеле мы решили, что внутри Рамы подобрался типичный контингент людей.

— Похоже, меня ждут новые неприятности. Что еще я должна узнать по пути?

— Не будем сгущать краски, — ответил Орел. — Мы теперь контролируем ситуацию. Я не сомневаюсь, что твои коллеги сами поделятся с тобой информацией... К тому же, нынешнее положение является временным, и выход из него вскоре будет найден.

— Сперва, — проговорила Синий Доктор, — всех выживших на Раме II разместили в «морской

звезде». В каждом луче располагались люди, октопауки и несколько наших вспомогательных животных, которым позволили существовать, учитывая их важное значение для нашей социальной системы. Но уже спустя несколько месяцев все переменялось, в первую очередь из-за постоянной враждебности и агрессивности людей... Теперь каждый вид сконцентрирован в одном районе...

— Опять сегрегация, — с прискорбием заявила Николь. — Это одна из определяющих характеристик моего вида.

— Межвидовые встречи происходят теперь лишь в кафетерии и в общих комнатах в центре «морской звезды», — отозвался Орел. — Более половины людей никогда не оставляют своего луча, кроме тех случаев, когда им необходимо есть, но они даже тогда изобретательно избегают любых взаимодействий... С нашей точки зрения, люди проявляют удивительную ксенофобию. И в нашем перечне космических путешественников найдется не так уж много рас, в той же мере социологически отсталых, как и ваша.

Челнок повернул в другом направлении, и вновь великолепный тетраэдр заполнил весь экран. Теперь они оказались много ближе к нему. Можно было видеть многочисленные источники света внутри сфер и в длинных тонких транспортных коридорах, что их соединяли. Николь полюбовалась на представшую перед ней красоту и тяжело вздохнула. Разговор с Синим Доктором и Орлом расстроил ее. *Наверно, Ричард был прав, подумала Николь, увы, человечество нельзя изменить, если*

не стереть всю его память и не начать все заново и по-другому.

Под ложечкой Николь ныло, когда челнок приближался к «морской звезде». Она велела себе не беспокоиться о разных пустяках, но тем не менее мысли про внешность все лезли в голову. Николь поглядела в зеркало, прикоснулась к лицу, не скрывая более своей тревоги. *Я стара, подумала она. Дети решат, что я уродлива.*

«Морская звезда» была отнюдь не столь велика, как Рама, оттого в ней и было так тесно. Орел объяснил ей, что подобное развитие событий было предусмотрено альтернативным планом, и Рама прибыл в Узел за несколько лет до первоначального срока. «Морская звезда», каким-то образом избежавшая перестройки, была отдана под временную гостиницу, приютившую обитателей Рамы, пока им не будет предоставлено другое место.

— Мы получили строгий приказ, — сказал Орел, — и твой приход должен пройти по возможности спокойно. Нельзя допустить, чтобы твой организм излишне перенапрягался. Большой Блок и его армия уже расчистили коридоры, ведущие от причала к твоей комнате.

— А ты не пойдешь со мной? — спросила Николь у Орла.

— Нет, — ответил он. — У меня есть работа в Узле.

— Я провожу тебя до обсервационной палубы, до входа в луч, отведенный людям, — проговорила Синий Доктор. — А там ты будешь предоставлена

самой себе. К счастью, твое помещение не слишком далеко от входа в луч.

Николь и Синий Доктор высадились. Орел остался в челноке. Как только Николь и Синий Доктор дошли до воздушного люка, инопланетный птичечеловек жестом распрощался с ними. Когда через несколько минут они оказались в большой комнате по другую сторону воздушного шлюза первым их приветствовал громадный робот, известный здесь под именем Большой Блок:

— Здравствуйте, Николь де Жарден-Уэйкфилд. Мы рады вашему прибытию... Пожалуйста, оставьте свой скафандр на скамье справа.

Большой Блок немного не дотягивал до трех метров и шириной был метра два. Он состоял из прямоугольных блоков, похожих на игрушечные кубики, в точности напоминая робота, проводившего испытания, которым Николь и ее семья подверглись в Узле возле Сириуса годы и годы назад, еще до возвращения в Солнечную систему. Робот возвышался над Николь и октопауком.

— Хотя я не сомневаюсь, — проговорил Большой Блок механическим голосом, — что с вами проблем не предвидется, хочу объяснить: все команды, которые даю я или один из небольших роботов, следует выполнять неукоснительно. Мы обязаны поддерживать порядок на этом корабле. Теперь следуйте за мной...

Качнувшись на шарнирах посреди тела, Большой Блок повернулся и покатил вперед на одной цилиндрической опоре.

— Эта большая комната называется обсервационной палубой, — продолжил робот. — Обычно

она посещается более всех остальных наших общих комнат. Мы на время освободили ее, чтобы облегчить вам путь до жилых помещений.

Синий Доктор и Николь на минутку остановились перед одним из огромных окон, обращенных к Узлу. Вид был действительно потрясающим, но Николь не могла сфокусировать свое внимание на красоте и величии неземной архитектуры. Ей так нетерпелось наконец увидеть свою семью и друзей.

Большой Блок остался на обсервационной палубе, а Николь и ее спутница вышли в большой коридор, окружавший космический аппарат. Синий Доктор объяснила Николь, как узнавать места, где останавливаются маленькие вагончики. Октопаучиха также проинформировала Николь, что люди располагаются в третьем луче, если считать оба направления от причала челнока. Октопауки занимают два луча, расположенные по часовой стрелке от причала.

— Четвертый и пятый лучи, — цветовыми полосами проговорила Синий Доктор, — сконструированы иначе. Там обитают другие расы, а также те октопауки и люди, которые помещены под стражу.

— Выходит, Галилея поместили во что-то вроде тюрьмы? — спросила Николь.

— Не совсем, — ответила Синий Доктор. — Просто в той части «морской звезды» постоянно находится куда больше маленьких кубико-роботов.

Наполовину объехав вокруг «морской звезды», они вместе вышли из вагончика. У входа в луч, отведенный людям, Синий Доктор провела дат-

чиком вдоль тела Николь и прочитала цветочные выходные данные на экране. Увидев первые же показания, врач запросила подробную информацию, касаясь кнопок одним из щупалец.

— Что-то не так? — спросила Николь.

— За последний час у тебя участилось сердцебиение, — объявила Синий Доктор. — Я хотела проверить наполнение и частоту пульса.

— Я очень взволнована, — сказала Николь. — Такая реакция обычна в подобных случаях...

— Я знаю, — ответила Синий Доктор, — но Орел настаивал, чтобы я была очень осторожна. — Несколько секунд на голове октопаука не появлялось цветочных полос. Синий Доктор внимательно изучала экран. — Похоже, все в порядке, — произнесла она наконец, — но, если ты почувствуешь легкую боль в груди или одышку, сразу нажимай на кнопку вызова.

Николь на прощание обняла Синего Доктора.

— Большое спасибо, я очень благодарна тебе.

— Мне было приятно помочь. Надеюсь, что все будет в порядке. Твоя комната помечена номером 41... двадцатая дверь слева. Вагончик останавливается через каждые пять комнат.

Глубоко вздохнув, Николь огляделась. Небольшой вагончик ожидал ее. Она побрела к нему, волоча ноги по полу, и махала Синему Доктору. Через минуту-другую Николь оказалась перед обычной дверью, на которой был проставлен № 41.

Она постучала. Дверь немедленно отворилась, ее приветствовали пять улыбающихся лиц.

— Добро пожаловать в Гранд-отель! — проговорил Макс, широко ухмыляясь и разведя рука-

ми. — Входи же, моя дорогая, обними арканзасского мужичка.

Вступив в комнату, Николь ощутила прикосновение к руке.

— Здравствуй, мама, — сказала Элли. — Николь повернулась и поглядела на свою младшую дочь. Виски ее уже поседели, но глаза оставались столь же чистыми и искрящимися, как и прежде.

— Здравствуй, Элли, — ответила Николь со слезами. Это были не последние слезы, которые она пролила за последующие несколько часов.

3

Комната оказалась квадратной, со стороной примерно в семь метров. Вдоль дальней стены располагались удобства: раковины, душ и туалет. Рядом с дверью устроили большой открытый гардероб, куда складывали всю их одежду и прочие пожитки. На ночь для сна на полу раскладывались матрасы, которые днем убирались на полки.

Первую ночь Николь спала между Элли и Никки; Макс, Эпони́на и Мариус улеглись на противоположной стороне комнаты возле стола и шести стульев, составлявших всю мебель в этом жилом помещении. Николь была настолько утомлена, что уснула немедленно — еще до того как выключили свет и все закончили приготовления ко сну. Проспав без сновидений часов пять, Николь вдруг проснулась, на миг позабыв, где находится. Лежа во тьме и в молчании, Николь припомнила события предыдущего вечера. Тогда ее переполняли эмоции, поэтому она даже не имела времени

разобраться в своей реакции на то, что видела и слышала. Вскоре после того как Николь вошла в комнату, Никки отправилась в соседнюю комнату. И все следующие два часа в комнате находилось одиннадцать человек, причем трое или четверо разговаривали одновременно. За эти два часа Николь успела поговорить с каждым, но было просто невозможно обсудить что-нибудь подробно.

Четверо молодых — Кеплер, Мариус, Никки и Мария — держались очень застенчиво. Мария, чьи обворожительные синие глаза так контрастировали с медной кожей и длинными черными волосами, вежливо поблагодарила Николь за спасение. Она также призналась, что не помнит ничего, что было с ней до того, как она проснулась. Во время короткой беседы с бабушкой Никки нервничала. Николь показалось, что в глазах внучки промелькнул даже страх; однако Элли позже заверила мать в том, что это скорее всего был трепет: о Николь ей успели порассказать столько, что Никки явно ждала встречи с ожившей легендой.

Оба молодых человека держались вежливо, но сдержанно. И только раз за весь вечер Николь заметила на себе пристальный взгляд Кеплера. Пришлось напомнить себе, что она была первой, действительно старой женщиной, которую видели юноши. *Молодым в особенности трудно*, подумала Николь, *иметь дело с одряхлевшей женщиной... подобный облик совершенно не отвечает их фантазиям о нежной половине рода человеческого.*

Бенджи приветствовал Николь широким объятием. Обхватив сильными руками, он приподнял ее и радостно завопил:

— Ма-ма, ма-ма! — Бенджи казался вполне благополучным. Николь с удивлением обнаружила, что волосы на лбу его поредели... на взгляд сын был явно не молод. Она сказала себе, что удивляться не следует: ведь ему теперь около сорока.

Патрик и Элли приветствовали мать очень тепло. Элли выглядела усталой, но, с ее слов, все это вызвано тем, что день выдался трудным. Дочь объяснила Николь, что в Гранд-отеле занимается стимуляцией межвидового общения.

— Я делаю все, что могу, — проговорила она, — поскольку я разговариваю на языке октопауков... Надеюсь, когда к тебе вернутся силы, ты поможешь мне.

Патрик негромко сообщил Николь, что тревожится за Наи.

— Все эти трудности с Галилеем разрывают ее сердце, мама. Она вне себя: эти кирпичеголовые, как мы их зовем, забрали от нас Галилея без особых объяснений и, как бы сказать... без церемоний. Она сердится, потому что ей не позволяют проводить с ним более двух часов в день... Не сомневаюсь, она хочет попросить у тебя помощи.

Наи переменилась. Искры и мягкость оставили ее глаза; начиная с первых слов, она держалась необычно жестко.

— Мы здесь обитаем в самом худшем полицейском государстве, Николь, — проговорила Наи. — Здесь куда хуже, чем под Накамурой. После того как вы устроитесь, я многое расскажу вам.

Макс Паккетт и его восхитительная француженка-жена Эпонины постарели, как и все вокруг, но было ясно, что они любят друг друга и своего

сына Мариуса и любовь придает им силы. Эпониная пожала плечами, когда Николь спросила, стесняют ли их подобные жилищные условия.

— Не очень, — ответила она. — Не забудь, девочкой я воспитывалась в детском приюте в Лиможе... К тому же, я так рада, что осталась жива и мы с Максом и Мариусом вместе. Мне уже столько лет, а ведь я даже не надеялась дожить до седых волос.

Макс остался прежним ругателем и весельчаком. Только волосы его теперь тоже поседели, и походка сделалась не столь упругой, но Николь видела по его глазам, что и он доволен жизнью.

— Тут в курительную ходит один парень, с которым у меня разговоры, — сказал Макс Николь, — между прочим, твой большой почитатель... Он каким-то образом избежал смерти, а вот жена его нет... Во всяком случае, — Макс снова ухмыльнулся, — рассчитываю вас познакомить при первой же возможности... он чуть помоложе тебя, но проблем, конечно, не будет...

Николь спросила Макса о причинах сложных взаимоотношений между людьми и октопауками.

— Дело в том, что, хотя война закончилась пятнадцать или шестнадцать лет назад, за прошедшие годы гнев людей не смягчился. Каждый человек кого-нибудь потерял: друга, родственника или соседа... Как они могут забыть, что мор этот вызвали октопауки?

— Защищаясь от людей, — заметила Николь.

— Но это мало кто понимает. Быть может, многие еще верят тому, что им вдалбливали при Накамуре, а не «официальной» истории войны,

которую поведал нам твой друг Орел вскоре после того, как мы перебрались сюда... Правда состоит в том, что бо́льшая часть людей ненавидит и боится октопауков. Лишь двадцать процентов выживших пытались хоть как-то общаться. Невзирая на отчаянные старания Элли, люди не хотят ничего знать об октопауках. Многие люди собраны в нашем луче... к несчастью, теснота еще больше усугубляет положение дел.

Николь повернулась на бок. Элли спала лицом к ней. Веки дочери подрагивали. *Ей снится сон, подумала Николь, надеюсь, не о Роберте...* Она вновь припомнила свою встречу с семьей и друзьями. *Полагаю, что Орел знает, зачем я еще нужна ему. Но даже если у него нет для меня конкретного поручения... я еще не стала беспомощным инвалидом и могу помочь.*

— Ну, начнем знакомиться с Гранд-отелем, — сказал Макс Николь. — Каждый раз, когда я направляюсь в кафетерий, я напоминаю себе День Изобилия в Изумрудном городе... Эти странные создания, которые приходят с октопауками, быть может, и восхищают ум, но мне чертовски спокойней, когда их нет рядом.

— А нельзя ли подождать нашего времени, папа? — спросил Мариус. — Никки боится игуан. Они пялят на нас свои желтые глаза и так мерзко чавкают за едой.

— Сын, — ответил Макс, — вы с Никки можете дождаться наступления отведенного людям времени. Но Николь хочет завтракать со всеми обитателями «звезды». Для нее это принципиально

важно... Мы с твоей матерью собираемся проводить ее, чтобы она не заблудилась на пути в кафетерий.

— Не надо заботиться обо мне, — проговорила Николь. — Я и Элли или Патрик...

— Ерунда, — перебил ее Макс. — Мы с Эпониной с удовольствием присоединимся к тебе... К тому же Патрик отправился вместе с Наи на свидание с Галилеем, Элли еще в комнате отдыха, а Бенджи читает с Кеплером и Марией.

— Макс, я благодарна тебе, — промолвила Николь. — Важно правильно поставить себя с самого начала... Орел и Синий Доктор не рассказывали мне о неприятностях...

— Ничего особенного объяснять не нужно, — ответил Макс. — А вчера вечером, когда ты уснула, я так и сказал мамзельке: дескать, не сомневаюсь в том, что ты будешь общаться со всеми. — И он расхохотался. — Не забудь, мы прекрасно знаем тебя.

К ним присоединилась Эпониная, и они вышли в коридор. Он был по большей части пуст. Слева к ним от середины «звезды» направлялась горстка людей, еще группа мужчин и женщин стояла у входа в луч.

Им пришлось подождать две-три минуты, прежде чем появился вагончик. Когда они подъехали к последней остановке, Макс нагнулся к Николь.

— Там, у входа в луч, стоят двое, — проговорил он, — не просто развлечения ради... Это активисты Совета... очень осведомленные и деловые.

Спускаясь из вагончика, Николь приняла предложенную Максом руку.

— Чего же они добиваются? — шепнула она, заметив, что пара направилась к ним.

— Пес их знает, — буркнул Макс. — Сами скажут.

— Добрый день, Макс... Привет, Эпониная, — проговорил тучный, едва переваливший за сорок мужчина. — Он поглядел на Николь и расплылся в широкой улыбке политика. — Должно быть, вы и есть Николь Уэйкфилд, — он протянул руку. — Мы так много слышали о вас... Здравствуйте... здравствуйте... я — Стивен Ковальский.

— А я — Рене Дюпон, — произнесла женщина, также протягивая руку Николь.

Обменявшись несколькими любезностями, мистер Ковальский спросил Макса, что они собираются делать.

— Мы с миссис Уэйкфилд едем перекусить, — непринужденно ответил Макс.

— Но ведь сейчас еще общее время, — человек, улыбнувшись, посмотрел на часы. — Почему бы вам не подождать еще сорок пять минут, тогда мы с Рене присоединимся к вам... Как членам Совета, нам бы очень хотелось переговорить с миссис Уэйкфилд о наших делах... Совет хотел бы заслушать ее в самое ближайшее время.

— Спасибо за предложение, Стивен, — сказал Макс. — Но мы голодны и хотим немедленно поесть.

Чело мистера Ковальского нахмурилось.

— На вашем месте, Макс, я бы этого не делал. После вчерашнего случая в плавательном бассейне

повсюду такая напряженность. Совет единогласно проголосовал за бойкот всех коллективных мероприятий в ближайшие два дня... Эмили особенно подчеркнула, что Большой Блок забрал Гарланда на проверку и не принял никаких дисциплинарных мер против агрессора-октопаука; словом, уже четыре раза подряд кирпичеголовые решили не в нашу пользу.

— Не надо, Стивен, — возразил Макс, — я слышал все подробности вчера за обедом... Гарланд задержался в бассейне на пятнадцать минут *после* окончания отведенного нам времени. И он первым вцепился в октопаука.

— Но тот преднамеренно, учинил провокацию, — вступила в разговор Рене Дюпон. — В бассейне было всего три октопаука... зачем одному из них понадобилось пересекать дорожку, по которой плыл Гарланд.

— К тому же, — отозвался Стивен, — как мы говорили вчера на заседании Совета, нас волнуют не оба участника этого конкретного инцидента. Мы намереваемся выступить с общим заявлением, чтобы кирпичеголовые и октопауки знали, что среди людей существует единое мнение. Совет проведет специальную сессию и уже сегодня вечером составит список наших претензий...

Макс начинал сердиться.

— Спасибо за информацию, Стивен, — сказал он отрывисто. — А теперь, если ты шагнешь в сторону, мы охотно отправимся есть.

— Вы делаете ошибку, — заявил мистер Ковальский. Кроме вас, в кафетерии людей не будет...

и, уж конечно, мы сообщим о вашем поступке всем членам Совета.

— Валяй! — ответил Макс.

Эпониная, Николь и Макс вышли в главный коридор, огибающий центральную часть «морской звезды».

— Что представляет собой Совет? — спросила Николь.

— Это группа, добровольно вызвавшаяся представлять интересы всех людей, — проговорил Макс. — Сперва от них были одни неприятности, но за последние несколько месяцев они сумели завоевать кое-какой авторитет... Они даже завлекли в свои ряды бедняжку Наи, посулив ей уладить вопрос с Галилеем.

В двадцати метрах справа от них остановился большой вагончик, из него вышла пара игуан. Два кубико-робота, державшиеся в сторонке, вышли в коридор, разделяя людей и странных животных со страшными зубами. Пока игуаны шествовали вдоль стены, Николь вспомнила нападение на Никки в День Изобилия.

— Почему они здесь, Макс? — поинтересовалась Николь. — Я полагала, что для этого они чересчур агрессивны...

— Большой Блок и Орел объясняли общему собранию людей целых два раза, что игуаны играют важную роль в производстве растения, поставляющего какой-то там баррикан, без которого общество октопауков рухнет... Мы не знаем, как там обстоит дело, но я помню, что для этого процесса огромное значение имеют свежие яйца

игуан... Орел всегда подчеркивал, что в Гранд-отеле находится минимальное количество игуан.

Они оказались перед входом в кафетерий.

— А не случилось ли уже неприятностей с игуанами? — спросила Николь.

— Случалось, — ответил Макс. — Они могут быть опасными, как ты помнишь, но, если разобраться во всей этой чепухе, которой спекулирует Совет, нетрудно понять, что неспровоцированных нападений со стороны игуан почти не было... В основном в них повинны люди... Кстати, наш милый Галилей однажды вечером в кафетерии убил двоих в очередном припадке ярости.

Макс заметил, как взволновалась Николь.

— Не хотелось бы выносить сор из избы, — проговорил он, покачивая головой, — но вопрос о Галилее расколол наше маленькое семейство... Я обещал Эпонине, что не буду говорить с тобой об этом прежде Наи.

Небольшие кубико-роботы внешне напоминали Большого Блока. Дюжина их выдавала пищу, шесть или восемь стояли, окружив зал. Когда Николь и ее друзья вошли, весь зал занимали четыреста или пятьсот октопауков, включая двух огромных наполненных и восемьдесят москитоморфов, кишевших в уголке. Многие из них повернулись, чтобы поглядеть на Макса, Эпонину и Николь. Игуаны, сидевшие не так далеко от раздачи, перестали есть и с опаской уставились на людей.

Николь была удивлена изобилием предлагаемой еды. Она выбрала рыбу с картошкой, какой-то

плод, к которому привыкла у октопауков, и мед с привкусом апельсина.

— Откуда же поступает вся эта свежая пища? — спросила она у Макса, когда они уселись за длинным пустым столом.

Макс указал вверх.

— На этом корабле есть второй уровень, там и выращивают пищу... Питание очень хорошее, хотя Совет жаловался на отсутствие мяса.

Николь дважды испробовала кушанье.

— Должен предупредить тебя, — тихо проговорил Макс, наклонившись к ней через стол, — к нам направляется пара октопауков.

Николь оглянулась. Пауки действительно приближались. Уголком глаза Николь также заметила Большого Блока, сделавшего шаг к их столу.

— Привет, Николь, — цветные полосы побежали вокруг головы первого октопаука. — Я помогал Синему Доктору в госпитале Изумрудного города. Хотелось бы еще раз поблагодарить за твою помощь...

Николь попыталась разглядеть какую-нибудь знакомую отметину.

— Прости, — сказала она дружелюбным тоном, — что-то не узнаю...

— Ты звала меня Молочным, поскольку в то время я выздоравливал после операции на линзе, и в ней было много белой жидкости...

— Ах да, — улыбнулась Николь. — Теперь я вспомнила, Молочный... Кажется, мы однажды беседовали о старости? Как я помню, ты не очень-то верил, что люди живут до старости

независимо от того, полезны они или нет, и умирают естественной смертью.

— Правильно, — ответил Молочный. — Я не хотел мешать вам обедать, но мой друг жаждал встречи с тобой.

— Чтобы поблагодарить, — проговорил его спутник, — за все хорошее... Синий Доктор утверждает, что ты была примером для всех нас...

С мест начали подниматься другие октопауки. За первыми двумя образовалась цепочка. На их головах прочитывались цветные слова благодарности. Николь была глубоко тронута. По предложению Макса она встала и заговорила, обращаясь ко всей цепочке:

— Спасибо всем вам за теплый прием. Мне он действительно нужен... Надеюсь, что сумею переговорить со всеми, пока мы живем здесь вместе.

Посмотрев направо вдоль линии октопауков, Николь заметила возле себя Элли и Никки.

— Я пришла, как только узнала, что ты здесь, — Элли подошла к матери и поцеловала ее в щеку. — Могла бы и догадаться заранее, — она улыбнулась, обнимая Николь. — Я люблю тебя, мама. Мне так не хватало тебя.

— Я объяснила Совету, — проговорила Наи, — что вы только что появились здесь и еще не понимаете причин бойкота. Думаю, они удовлетворены.

Наи открыла дверь, и Николь последовала за ней в прачечную. С помощью сушильных и стиральных машин, которые они видели в Новом

Эдеме, инопланетяне, спешно организовавшие Гранд-отель, устроили возле кафетерия прачечную самообслуживания. В большой комнате находилось еще две женщины. Наи преднамеренно отправилась в дальний угол комнаты, чтобы переговорить с Николь с глазу на глаз.

— Я попросила вас сходить со мной сюда сегодня, — промолвила Наи, приступая к сортировке белья, — потому что хочу переговорить о Галилее... — Она помедлила в нерешительности. — Простите меня, Николь, но я — заинтересованная сторона... и я не уверена...

— Что ж тут странного, Наи, — негромко ответила Николь. — Я понимаю... Не забудь, что я тоже мать.

— Николь, я в отчаянии, — продолжала Наи. — Я нуждаюсь в вашей помощи... Ни одно из прежних событий в моей жизни, даже убийство Кэндзи, не повлияло на меня подобным образом... Беспокойство за сына снедает меня, даже медитация не приносит мне мира.

Наи разделила одежду на три кучки. Она положила их в три различные стиральные машины и вернулась к Николь.

— Видите ли, я первой соглашусь, что поведение Галилея заслуживает осуждения... после долгого сна, когда нас перевели сюда, он очень медленно начинал сходить с остальными... Он не пожелал посещать занятия, которые Патрик, Элли, Эпонины и я устроили для детей, и ничего не делал по дому... Галилей стал мрачным и грубил всем, кроме Марии. Он никогда не разговаривал со мной о своих чувствах... Ему нравилось

только ходить в физкультурный зал и наращивать мускулы... в конце концов он очень возгордился своей физической силой.

Наи помедлила какое-то мгновение.

— Николь, Галилей у меня неплохой, — извиняясь, проговорила она. — Он просто ничего не понял... Он отправился спать в шестилетнем возрасте, а проснулся в двадцать один — с телом и желаниями молодого человека...

Она смолкла. Слезы наполнили ее глаза.

— Разве мог он *понять*, как следует поступать... — с трудом выговорила Наи. Николь протянула ей обе руки, но Наи отклонила объятия. — Я старалась как могла, но ничем не сумела помочь ему, — печальным тоном продолжала Наи. — Просто не знаю, *что* делать... я боюсь, что теперь уже слишком поздно.

Николь вспомнила собственные бессонные ночи в Новом Эдеме, бесконечные слезы о Кэти.

— Я все понимаю, Наи, — проговорила она негромко. — В самом деле понимаю.

— Один только раз, — произнесла Наи после паузы, — сумела я заглянуть под холодную маску, которую Галилей носит с такой гордостью... Это было посреди ночи, после случая с Марией, он как раз вернулся от Большого Блока. Мы были вдвоем в коридоре. Он плакал и колотил по стене... — Я же не хотел причинять ей боль, мама, поверь мне, — кричал он. — Я люблю Марию... Я просто не мог остановиться.

— А что случилось с Галилеем и Марией? — спросила Николь, когда Наи умолкла на несколько секунд. — Я ничего не слышала.

— О! — ответила Наи с удивлением. — А я не сомневалась, что вам уже рассказали обо всем. — Она помедлила. — Макс сказал мне, что Галилей пытался изнасиловать Марию и, должно быть, справился бы с ней, если бы в комнату не влетел Бенджи и не растащил их... Позже Макс признался мне, что, кажется, переусердствовал в словах, но Галилей, безусловно, переступил границы приличия... Сын мне сказал, что Мария поощряла его, по крайней мере вначале, и что они просто повалились на пол... Если верить Галилею, она охотно содействовала ему, пока он не начал стаскивать с нее трусы, тогда и началась борьба...

Наи попыталась успокоиться.

— Завершение истории, как ее ни излагать, не очень приятное... Галилей не отрицает, что ударил Марию несколько раз, она закричала, а потом он придавил ее к полу и занялся трусами... Дверь-то он запер. Бенджи выломал ее плечом, прежде чем наброситься на Галилея... Из-за шума и ущерба, нанесенного оборудованию, Большой Блок явился немедленно, а с ним и куча свидетелей...

В глазах Наи стояли слезы.

— Наверное, это было ужасно, — проговорила Николь.

— Эта ночь сломала всю мою жизнь, — ответила Наи. — Все винили Галилея. Большой Блок взял его на контроль, а потом вернул в семью. Тут и Макс, и Патрик, и даже Кеплер, его родной брат, решили, что наказание оказалось слишком легким. И с тех пор, когда я пытаюсь просто намекнуть, *просто намекнуть*, что очаровательная крошка Мария *могла быть* отчасти виновной в

случившемся, все заявляют мне, что я «необъективна» и «слепо верю сыну»...

— Мария превосходно сыграла свою роль, — продолжала Наи с нескрываемой горечью в голосе. — Потом уж только она призналась, что по собственной воле целовалась с Галилеем («Не впервые, уже случалось», — сказала она). Но настаивала, что начала сопротивляться, *прежде* чем он повалил ее на пол. После случившегося Мария проплакала целый час. Она едва могла говорить. Все пытались утешить ее, в том числе и Патрик. И, прежде чем она сумела сказать что-нибудь, все уже были убеждены, что Марию винить не в чем.

Тихо зазвенел колокольчик, отмечая окончание стирки. Наи неторопливо поднялась, подошла к машинам и переложила вещи в пару сушильных аппаратов.

— Все мы согласились, что Марии следует переехать в соседнюю комнату — к Максу, Эпонине и Элли, — начала Наи. — Я подумала, что время залечит раны. Я ошиблась: все, кроме меня, относились отрицательно к Галилею. Кеплер даже не разговаривал с братом. Патрик держался вежливо, но отстраненно. Галилей углубился в себя, перестал посещать занятия и большую часть времени проводил в атлетическом зале.

— Около пяти месяцев назад я отправилась к Марии и просто молила ее помочь Галилею... Я унижалась, Николь. Вот я, взрослая женщина, молила эту девицу... Сперва я по очереди просила Патрика, Эпонину и Элли походатайствовать за меня перед Марией. Наконец, она согласилась

переговорить с Галилеем, — с горечью произнесла Наи, — но только после того, как мне пришлось выслушать попреки: дескать, она чувствует себя опозоренной после нападения. Еще она потребовала, чтобы Галилей перед встречей принес извинения в письменном виде и чтобы я сама присутствовала во время их разговора, дабы исключить неприятный поворот событий.

Наи покачала головой.

— А теперь я спрашиваю тебя, Николь: откуда у шестнадцатилетней девчонки, проспавшей всю свою жизнь кроме двух лет, берутся подобные причуды? Наверное, это кто-то из взрослых, скорее всего Макс или Эпони́на, советует ей, как себя вести. Мария *хотела* унижить меня и заставить Галилея страдать. И в этом она преуспела.

— Я знаю, что подобное прозвучит неожиданно, — Николь впервые заговорила за долгие минуты, — но мне приводилось встречать людей, невероятно одаренных от природы, интуитивно знавших в весьма раннем возрасте, как поступать в любой ситуации. Быть может, и Мария из таких?

Наи игнорировала ее комментарий.

— Встреча прошла очень гладко. Галилей не ершился, Мария приняла извинения, которые он написал. И следующие несколько недель старалась привлекать Галилея ко всем занятиям молодежи... Но он все равно чужой среди них. Это могла ощутить даже я, возможно, и он тоже.

— А потом тот день в кафетерии, когда они сидели впятером; все остальные уже поели и отправились в комнату. Тут за их стол уселась пара игуан. Если верить Кеплеру, они вели себя

преднамеренно отвратительно... засовывали головы в миски и с шумом втягивали в себя извивающихся червей, которых так обожают, а затем своими желтыми бусинами пялились на девиц, в особенности на Марию. Никки сказала, что сыта, и Мария ее поддержала. Тут Галилей вскочил с места и, шагнув в сторону игуан, крикнул: «Эй, убирайтесь!», или что-то в этом роде. Когда они не пошевелились, он сделал еще один шаг. Тут одна из игуан бросилась на него. Галилей схватил ее за шею и яростно встряхнул, сломав при этом ей шею. Она умерла. Вторая игуана схватила Галилея за руку своими жуткими зубами. Прежде чем кирпичеголовые сумели навести порядок, Галилей до смерти забил игуану о крышку стола.

Закончила свое повествование Наи на удивление спокойно.

— Три часа спустя они увели Галилея. Большой Блок явился в нашу комнату и объявил, что Галилей будет переведен в другую часть космического корабля. Когда я спросила о причинах, глава кирпичеголовых сказал мне ту самую фразу, которой отвечает мне всякий раз, когда я повторяю вопрос: «Поведение вашего сына неприемлемо для жизни здесь».

Новая последовательность коротких звонков, засвидетельствовала что с сушкой закончено. Николь помогла Наи разложить одежду на длинном столе.

— Для посещений мне отведено два часа в день. Галилей слишком горд, чтобы жаловаться, но я вижу, как он страдает... Совет включил

Галилея в список пяти людей, задерживаемых без веских причин. Но я не знаю, насколько серьезно отнеслись кирпичеголовые к их жалобе.

Наи сложила одежду и положила ладонь на руку Николь.

— Вот почему я прошу вашей помощи, — проговорила она. — В иерархии чужаков Орел стоит даже выше Большого Блока. Но Орел — ваш близкий знакомый. Не походитайствуете ли вы перед ним за Галилея?.. Прошу вас.

— Так надо! — сказала Николь Элли, забирая свои пожитки из шкафа. — Я должна была с самого начала поселиться в той комнате.

— Мы переговорили обо всем, прежде чем ты пришла к нам, — промолвила Элли, — но Наи решила принять Марию, и та согласилась, чтобы ты могла побыть здесь со мной и Никки.

— Тем не менее... — опустив вещи на стол, Николь поглядела на дочь. — Знаешь, Элли, я провела здесь всего лишь несколько дней, но мне кажется невероятно странным, насколько все вы здесь поглощены повседневными заботами... Я имею в виду не только Наи и ее проблемы. Люди, с которыми мне довелось общаться, — и в кафетерии, и в общих комнатах, — на редкость мало думают и говорят о том, что здесь творится *на самом деле*. Лишь двое задавали мне вопросы об Орле. А вчера на обсервационной палубе целая дюжина людей смотрела на этот ошеломляющий тетраэдр, но никто не пожелал поинтересоваться, *кто* построил его и зачем.

Элли расхохоталась.

— Мы провели здесь уже целый год, мама. Эти вопросы занимали всех очень давно, они не сходили с языка не одну неделю, но никто так и не получил удовлетворительных ответов. Человеческая природа велит забыть о вопросе, если на него нет подходящего ответа.

Она собрала вещи матери.

— Мы попросили всех разойтись и дать тебе подремать. В течение ближайших двух часов в комнате не будет никого. *Пожалуйста*, мама, воспользуйся этой возможностью... Вчера вечером перед уходом Синий Доктор сказала мне, что твое сердце обнаруживает признаки усталости, несмотря на все вспомогательные зонды.

— Безусловно, мистер Ковальский без всякого удовольствия, — прокомментировала Николь, — выпустил октопаука к нам.

— Я объяснила ему причины. Большой Блок повторил. Не беспокойся об этом.

— Спасибо тебе, Элли, — проговорила Николь и поцеловала дочь в щеку.

4

— Мама, ты готова? — спросила Элли, появляясь в дверях.

— Кажется, да, — ответила Николь. — Но чувствую себя просто глупо. Если не считать вчерашней партии с тобой и Максом, я не играла в бридж уж и не знаю сколько лет.

Элли усмехнулась.

— Дело не в том, мама, как хорошо ты играешь. Мы же вчера все обсудили.

Макс и Эпониная ожидали в коридоре на трамвайной остановке.

— Сегодняшний день обещает быть интересным, — сказал Макс, приветствуя Николь. — Интересно, сколько еще явится человек.

Вчера Совет проголосовал за продление бойкота еще на три дня. Хотя Большой Блок учел перечень всех жалоб и даже уговорил октопауков, которых в восемь раз больше, чем людей, выделить землянам достаточно времени для исключительного пользования общественными помещениями, Совет все же решил, что не добился адекватной реакции.

На заседании Совета обсуждали меры по ужесточению бойкота. Некоторые из наиболее красноречивых ораторов потребовали установить наказание для игнорирующих резолюцию о бойкоте. В конце концов собрание постановило, что порученцам Совета следует активно заняться теми людьми, которые пренебрегают рекомендациями и продолжают встречаться с другими видами разумных существ.

Поезд в главном коридоре оказался почти пуст. Полдюжины октопауков занимали первый вагон, во втором располагались три или четыре октопаука и парочка игуан. Кроме Николь и ее друзей, других землян в трамвае не было.

— Три недели назад до последнего обострения напряженности, — проговорила Элли, — еженедельный турнир по бриджу мы проводили на двадцати трех столах. На мой взгляд, достаточно весомая цифра. В среднем со стороны людей

каждую неделю приходило пять-шесть новых спортсменов.

— Но Элли, — спросила Николь, когда трамвай остановился и еще пара октопауков поднялась в их вагон, — как вам пришла в голову идея проводить эти соревнования по бриджу? Когда ты сказала, что собираешься играть в карты с октопауками, я решила, что дочь моя лишилась рассудка.

Элли расхохоталась.

— Ну что ж, как только мы здесь поселились, я поняла, что следует придумать какое-нибудь совместное занятие. Люди просто не хотели подходить к октопаукам, чтобы начать с ними разговор, даже если рядом находились переводчики — я или кирпичеголовый... Игры создавали какой-то стимул для встреч... На время это удалось, но тут же стало ясно, что не существует такой игры, в которой самый способный человек может составить конкуренцию октопауку, даже с гандикапом...

— В конце первого месяца, — перебил ее Макс, — я играл в шахматы с твоей подружкой Синим Доктором... Она дала мне фору — ладью и две пешки, а потом ободрала как липку... Очень унылая перспектива...

— Последний удар нанес наш первый турнир по скраблу*, — продолжила Элли. — Октопауки взяли все призы, хотя мы пользовались только английскими словами! Вот тогда-то я и поняла,

---

* Игра в слова.

что надо придумать такую игру, в которой люди и октопауки не будут играть друг *против* друга...

Бридж предоставил идеальную возможность. Каждая пара состояла из одного человека и октопаука. У партнеров нет необходимости общаться. Я подготовила карты с символами, понятными на обоих языках; во всяком случае, даже самый тупой человек способен за один урок заучить цифры октопауков от одного до семи и их символы для четырех мастей... Все сработало просто великолепно.

Николь покачала головой.

— Я все-таки думаю, что ты свихнулась, — сказала она с улыбкой, — хотя признаю безусловный талант и артистизм.

В карточном зале рекреационного комплекса ко времени начала турнира по бриджу находилось всего лишь четырнадцать человек. Элли разделила их на две отдельные группы: в одной пары были смешанными, в другой составлены только из октопауков.

Синий Доктор играла вместе с Николь. Они согласились, что будут играть в пять карт — один из шести вариантов, предусмотренных Элли, — и уселись за стол возле двери. Сидения для октопауков были выше, чем для людей, и поэтому партнеры оказались лицом к лицу...

Николь никогда не была хорошим игроком в бридж. Она научилась играть еще в студенческие годы в Турском университете, когда отец, озабоченный отсутствием у нее друзей, посоветовал дочери активнее общаться с товарищами. Николь приводилось играть в бридж и в Новом Эдеме.

Тогда эта игра в первый год после высадки охватила поселение как эпидемия. Однако, невзирая на естественную склонность к игре и победе, Николь всегда полагала, что бридж занимает слишком много времени и существуют другие, более важные вещи.

С самого начала Николь было ясно, что Синий Доктор, как и другие пауки, оказавшиеся за столом партнерами людей в смешанных парах, были превосходными игроками. Во втором круге Синий Доктор получила три взятки без козырей, что вообще крайне трудно, обнаруживая выучку профессионального игрока в бридж.

— Сыграно великолепно, — заметила Николь, обращаясь к партнерше, после того как Синий Доктор оставила их соперников без взятки.

— Все просто, если угадаешь, как легли карты, — ответила Синий Доктор.

Ловкость, с которой октопауки оперировали колодой, потрясала. Они перебирали карты двумя последними сегментами конечностей, а перед собой держали карты тремя щупальцами — два по бокам, одно посередине; карты на стол октопаук выкладывал щупальцем, ближе всего расположенным к нужной карте. Между партиями Николь и Синий Доктор обычно оживленно беседовали. Синий Доктор как раз сообщила Николь, что последнее решение Совета озадачило нового Верховного Оптимизатора, когда дверь в карточный зал отворилась и внутрь вошли трое людей, за которыми следовали Большой Блок и один из кирпичеголовых поменьше.

Предводительствовала людьми женщина, в ко-

торой Николь узнала Эмили Бронсон, президента Совета. Она оглядела комнату и направилась к столу Николь. Карты были только что розданы — недавно все поменялись местами, и к Николь с Синим Доктором присоединился октопаук Молочный вместе с партнершей, приятного вида женщиной средних лет по имени Маргарет.

— Маргарет Янг, я удивлена вашим присутствием здесь, — проговорила Эмили Бронсон. — Разве вы не *слышали*, что Совет продлил бойкот на сегодняшний вечер?

Двое мужчин, вошедших в комнату вместе с миссис Бронсон, одним из которых был Гарланд, герой инцидента в бассейне, последовали за ней к столу Николь. Все трое стали возле Маргарет.

— Эмили... простите, — Маргарет потупила взгляд. — Но вы знаете, как я люблю бридж...

— Сейчас решается более серьезный вопрос, чем игра, — произнесла миссис Бронсон.

Встав из-за ближайшего столика, Элли попросила Большого Блока не допустить срыва игры. Но Эмили Бронсон поторопилась.

— Все находящиеся здесь люди, — проговорила она громко, — обнаруживают свою нелояльность. Если вы немедленно уйдете, Совет забудет про вашу выходку... но если и после предупреждения...

Большой Блок проинформировал миссис Бронсон, что она и ее приятели в самом деле мешают игре. Когда члены Совета направились к выходу, более чем половина людей поднялась из-за столов.

— Какая гадость! — раздался удивительно четкий и сильный голос. Опираясь о стол одной рукой, Николь встала. — Садитесь, — сказала она

тем же тоном. — И не позволяйте манипулировать собой людишкам, ничего не знающим, кроме ненависти.

Все игроки возвратились на свои места.

— Заткнись, старуха! — в гневе бросила Эмили Бронсон от выхода. — Не вмешивайся не в свое дело. — Большой Блок выставил ее и компаньонов за дверь.

— Миссис Уэйкфилд, а вы не знаете, что представляют собой эти предметы?

— Не лучше, чем ты, Мария, — ответила Николь. — Возможно, эти вещи имели особое значение для твоей матери. Тогда я решила, что серебряный цилиндр, вшитый ей под кожу, был чем-то вроде инвентарного номера. Но никто из хранителей зоопарка не пережил бомбардировку; о нем вообще сохранилось очень мало материала, и мы едва ли сумеем подтвердить мою гипотезу.

— А что такое гипотеза? — спросила девушка.

— Так называется произвольное предположение относительно сути случившегося, если у тебя нет оснований для точного ответа, — проговорила Николь. — Кстати, признаюсь, твой английский весьма впечатляет меня.

— Спасибо, миссис Уэйкфилд.

Николь и Мария сидели в нише возле обсервационной палубы и потягивали фруктовый сок. Хотя Николь провела в Гранд-отеле уже неделю, она впервые осталась с глазу на глаз с девушкой, которую обнаружила в руинах зоопарка октопауков шестнадцать лет назад.

— А моя мама действительно была красавицей? — спросила Мария.

— Видная женщина, это я помню, — ответила Николь, — хотя в такой-то темноте судить было трудновато. — Кожа у нее того же цвета, что и у тебя, быть может, чуть посветлее... стройная такая. По-моему, ей было лет тридцать пять или даже меньше.

— А как насчет отца?

— Никаких свидетельств его пребывания там я не заметила. Конечно, в подобных обстоятельствах было не до внимательности... Он мог отправиться в Альтернативный Домен в поисках помощи. Ограда вокруг вашего помещения была разрушена при бомбардировке. Когда мы проснулись следующим утром, я боялась, что твой отец ищет тебя. Но потом убедила себя в том, что, судя по вашему быту, вы с матерью жили вдвоем.

— Итак, вы предполагаете, что отец к тому времени уже умер? — застенчиво спросила Мария.

— Возможно, — ответила Николь. — Но не обязательно... Я имела в виду другое: просто мне показалось, что кроме вас двоих там никто не жил:

Мария отпила сока, и за столиком установилось недолгое молчание.

— Недавно, вы, когда мы стояли с Максом и Эпониной, сказали мне, миссис Уэйкфилд, — наконец проговорила девушка, — что, возможно, мои отец и мать были похищены октопауками из места, называемого Авалоном... Я не совсем поняла ваши слова...

Николь улыбнулась Марии.

— Мне нравится твоя вежливость, Мария, —

начала она. — Но ты уже стала членом нашего семейства, а поэтому ты можешь звать меня просто Николь. — Память ее вернулась в Новый Эдем, в далекие времена... и Николь не сразу вспомнила, что девушка ожидает ответа на свой вопрос.

— Авалоном называли поселок, расположенный снаружи Нового Эдема, на темной и холодной Центральной равнине. Правительство колонии построило его для карантина: туда поместили людей, зараженных смертоносным вирусом RV-41. После сооружения Авалона диктатор Нового Эдема Накамура убедил сенат разместить в Авалоне всех, кто мешал ему, в частности тех, кто протестовал против проводимых им реформ, а также психически больных или умственно отсталых людей...

— Не очень уютное место... — отозвалась Мария.

Бенджи провел там больше года, думала Николь. Он никогда не вспоминает о том времени. Она ощутила свою вину... жаль, что не удалось обстоятельно переговорить с Бенджи после пробуждения. Но он никогда не жаловался.

И Николь заставила себя вернуться к разговору. *У нас, стариков, мысли вечно улетают неизвестно куда, сказала она себе. Все, что мы видим и слышим, навеивает столько воспоминаний.*

— Я уже успела кое-что проверить, — проговорила Николь. — Увы, вся администрация Авалона умерла в войну... Я описала внешность твоей матери нескольким людям, хорошо знакомым с Авалоном, но никто из них не помнит ее.

— Вы считаете, что она была умственно отсталой? — спросила Мария.

— Этого нельзя исключить, — ответила Николь, — однако скорее всего мы этого никогда не узнаем... Твое ожерелье как ничто другое дает возможность установить личность твоей матери. Она явно входила в орден католической церкви, основанный Святым Микелем Сиенским... Элли утверждает, что на борту есть микаэлиты... Я намереваюсь переговорить с ними, как только представится случай...

Николь смолкла, обернувшись лицом к обсервационной палубе, где поднялась какая-то суматоха. Люди и октопауки показывали на окна, отчаянно жестикулировали. Пара людей бросилась в коридор — очевидно, чтобы пригласить остальных понаблюдать за происходящим.

Оставив столик, Николь и Мария направились по ступенькам на палубу и заглянули в большое окно. Там, за светящимся тетраэдром, к Узлу медленно приближался огромный космический корабль с плоской палубой, похожий на авианосец. Николь и Мария глядели несколько минут, космический аппарат делался все больше и больше.

— Что это? — спросила Мария.

— Не имею представления, — ответила Николь.

Обсервационная палуба быстро заполнялась. Двери постоянно открывались, в комнату входили все новые и новые люди, октопауки, игуаны, пришло даже двое птиц. Толпа начинала нажимать на Николь и Марию.

Плоский, как стол, аппарат был удивительно длинным — длиннее, чем транспортный коридор, соединяющий сферы Узла. По его поверхности

было разбросано несколько дюжин больших прозрачных «пузырей». Он остановился возле одной из сфер и выпустил длинную прозрачную трубку, точно вошедшую сбоку.

На палубе была сумятица. Все толкались, стараясь пробиться к окну. В невесомости пара игуан поползла по окну, к ним быстро присоединилось десять-двадцать человек. Теснота угнетала Николь, и она попыталась уйти подальше. Но сделать это было трудно: Николь толкали со всех сторон. Она упустила руку Марии. По толпе пробежала волна, и Николь боком ударилась о стену, ощутив острую боль. В суете она могла бы упасть и заработать новую травму, но Большой Блок и кирпичеголовые, вступив в толпу, навели в ней порядок.

Когда Большой Блок добрался до нее, Николь чувствовала себя весьма скверно. Боль в левом бедре сделалась непереносимой. Идти она не могла.

— Все это старость, — проговорил Орел. — Надо быть поосторожнее. — В комнате находились только они с Николь, остальные завтракали.

— Мне не нравится подобная хрупкость, — промолвила Николь. — И я не хочу осторожничать, боясь новой травмы.

— Бедро заживет, но не сразу. Тебе повезло — всего лишь сильный ушиб, а не перелом. В твоём возрасте сломанное бедро может сделать человека инвалидом до конца его дней.

— Благодарю, утешил, — Николь пила кофе, лежа на своём матрасе; под её голову было подложено несколько подушек. — Ну, хватит обо

мне, давай перейдем к более важным вещам... Для чего предназначен этот плоский космический аппарат?

— Люди уже начали его звать Носителем, — произнес Орел. — Вполне подходящее имя.

— Вот что, — сказала Николь с раздражением после непродолжительной паузы. — Не надо играть со мной в молчанку. Я лежу здесь, накачанная лекарствами, мне и без того больно... Зачем мне еще напрягаться, вытягивая из тебя информацию?

— Нынешняя фаза операции заканчивается, — проговорил инопланетянин. — Некоторые из вас будут перемещены на Носитель, остальных перевезут в Узел.

— А что будет потом? — спросила Николь. — Как будут решать — кому куда идти?

— Пока я еще не могу сказать об этом, — ответил Орел. — Но гарантирую — тебя ждет Узел... Однако, если ты расскажешь об этом кому-нибудь еще, учти — больше я не стану делиться подобными сведениями... Мы хотим, чтобы переход был осуществлен подобающим образом...

— Вы всегда хотите, чтобы все происходило подобающим образом... — Чуть переменив позу, Николь охнула. — Откровенно говоря, не вижу в этих словах особенной информации.

— Ты знаешь теперь больше, чем все остальные.

— Не многим больше, — буркнула Николь, отпивая кофе. — Кстати, а у вас там, в Узле, не найдется таких докторов, которым стоит лишь помахать волшебной палочкой над этим синяком, и он исчезнет?

— Нет, но если хочешь, мы можем подготовить тебе новое бедро. Конечно, ты назовешь его псевдобедром.

Николь покачала головой и дернулась, задев ногу чашкой.

— Скверная штука старость, — проговорила она.

— Мне очень жаль, — ответил Орел, поднимаясь. — Я навещу тебя при первой возможности...

— Постой, — перебила его Николь. — У меня есть к тебе одно дело... Наи просила меня походатайствовать перед вами за Галилея... Она хочет, чтобы его вернули в семью.

— Теперь это ни к чему. Вы все оставите этот корабль через четыре-пять дней. До свидания, Николь. Не пытайся ходить, пользуйся той каталкой, которую я привез. Травма не заживет, если не разгрузить ногу.

5

Было раннее утро, и многие люди еще не проснулись. Николь провела уже полчаса в длинном коридоре, экспериментируя с управлением на ручке своего кресла-каталки, и к немалому удивлению обнаружила, что оно способно перемещаться быстро и плавно. Проезжая мимо конференц-зала в середине километрового коридора, Николь принялась гадать, какого рода устройства спрятаны в металлической коробке под ее креслом. *Ричарду такая каталка понравилась бы*, подумала она. *Он наверняка захотел бы разобрать ее на части.*

Николь обогнала группу людей, разминавших-

ся по утра. Она усмехнулась, когда пара бегунов уступила ей путь. *Должно быть, весьма странный вид*, решила она, *седовласая старуха, несущаяся в кресле по коридору*.

Она развернулась, миновав небольшой трамвайчик, в котором несколько пассажиров ехали к раннему завтраку. Николь все продолжала давить на кнопку ускорения, пока наконец, до нее не дошло, что кресло движется быстрее, чем трамвайчик. Пассажиры с удивлением смотрели, как она обгоняла их. Николь помахала им и ухмыльнулась. Но мгновения спустя, когда в сотне метров перед ней внезапно отворилась дверь и в коридор вышли две женщины, Николь поняла, что подобные упражнения небезопасны. Она замедлила движение, все еще радуясь скорости.

Возвращаясь в собственные апартаменты, Николь увидела Орла, стоявшего там, где луч сливался с кольцевым коридором, окружавшим сердцевину «морской звезды». Она подъехала к инопланетянину.

— Развлекаешься, — заметил Орел.

— Возможно, — усмехнулась Николь. — Просто фантастическая игрушка. Едва не забыла о боли в бедре.

— А как ты спала? — осведомился Орел.

— Спасибо, намного лучше, — ответила Николь. — Сегодня по твоей рекомендации я спала на здоровом боку. Вчерашнее лекарство тоже в значительной мере уменьшило неудобства.

Орел махнул рукой в направлении ниши с другой стороны коридора.

— Не посидеть ли нам, — сказал инопланетянин. — Нужно переговорить с глазу на глаз.

Николь направила свое кресло поперек коридора к невысокому пандусу. Орел, шедший позади нее, указал ей, куда ехать. Поскольку около дюжины октопауков уже занимали комнату, Орел и Николь выбрали себе место справа, где можно было остаться вдвоем.

— Носитель завершает свои работы в Узле, — проговорил Орел. — Через двенадцать часов он сделает здесь короткую остановку и примет новых пассажиров... завтра я объявлю, кто будет переведен на Носитель.

Инопланетянин повернулся и поглядел на Николь своими внимательными синими глазами.

— Кое-кто из людей, вероятно, будет недоволен моим объявлением... Когда было принято решение разделить ваш вид на две отдельные группы, я сразу понял, что разделить вас так, чтобы все были довольны, никак не удастся... И я бы хотел, чтобы ты по возможности помогла нам сгладить процесс.

Николь разглядывала удивительное лицо и глаза своего инопланетного друга. Она подумала, что уже встречалась с подобным взглядом. *Это было в Узле, когда меня просили сделать видеопередачу.*

— И что же ты от меня хочешь? — спросила Николь.

— Мы решили допустить известную гибкость в этом процессе. Хотя каждый, кто будет переведен на Носитель, *обязан* принять свое назначение, кое-кому из приписанных к Узлу мы предоставим

возможность для повторного обсуждения данного вопроса или позволим действовать по своему усмотрению. Оба аппарата расстанутся навсегда, и в случае сильных эмоциональных привязанностей мы бы не хотели...

— Итак, — перебила его Николь, — вы намереваетесь разделить семьи?

— Да, такое возможно, — ответил Орел. — В ряде случаев один из супругов приписан к Носителю, а партнер остается в Узле. Есть и случаи, когда будут разделяться родители и дети...

— Иисусе! — воскликнула Николь. — С чего это вы вдруг решили, что имеете право разделить жену и мужа, привыкших друг к другу, и при этом рассчитываете на согласие с их стороны?.. Хорошо, если подобное объявление не приведет к открытому бунту.

Орел помедлил несколько секунд.

— В нашем решении нет ничего произвольного. Многие месяцы мы изучали всю информацию по каждому созданию, ныне проживающему в «морской звезде», в том числе и сведения, полученные с Рамы... К Узлу приписаны те, кто соответствует критериям, необходимым для пребывания в нем.

— И каковы же ваши критерии? — быстро спросила Николь.

— Я могу сказать тебе лишь то, что Узел представляет собой место обитания многих видов... Личности, обладающие ограниченной приспособляемостью к другим разумным существам, приписаны к Носителю.

— Выходит, — проговорила Николь немного погодя, — что некоторые из обитателей Нового

Эдема, по каким-то причинам отвергнуты вами как непригодные...

— Если я правильно понимаю тебя, — перебил ее Орел, — ты хочешь сказать, что мы разделяем группы на основании каких-то достоинств. Нет, это не совсем так; мы рассчитываем, что члены каждой группы в конечном счете окажутся счастливее именно в тех условиях, где им предстоит жить.

— Даже без супругов и детей? — спросила Николь. Она нахмурилась. — Иногда мне кажется, что вы так и не сумели по-настоящему понять, чем именно вызваны те или иные поступки людей... Эмоциональные привязанности, если использовать ваши слова, обычно являются самым важным компонентом счастья любого человека...

— Мы знаем это, — проговорил Орел, — и внимательно анализируем каждый конкретный случай нарушения семейных связей, а потому допускаем и некоторые поправки. С нашей точки зрения, все предлагаемые варианты разделения семей, которых не так уж много для подобного разговора, обосновываются результатами наблюдений.

Николь поглядела на Орла и затрясла головой.

— Почему же ты прежде молчал об этом? Упоминая о будущих перемещениях, ты ни разу даже не намекнул, что нас разделят на две группы...

— Мы решили пойти на эту меру недавно. Не забудь: наше вмешательство в развитие событий на Раме заставило обратиться к запасному варианту плана... И как только разделение стало неизбежным, мы не захотели менять статус-кво...

— Дерьмо! — вдруг не сдержалась Николь. —

Не верю даже на миг. Вы все *знали* давным-давно... просто не хотели выслушивать возражения... — С помощью пульта управления на ручке кресла Николь развернула свое транспортное средство. — Нет! — твердо произнесла она. — В этом вопросе я вам не помощница... Кроме того, вы скомпрометировали меня тем, что не сказали правду заранее...

Она нажала на кнопку и направилась к главному коридору.

— Могу ли я чем-нибудь изменить твоё мнение? — спросил Орел, последовав за ней.

Николь остановилась.

— Я могу представить только один сценарий, в котором помощь с моей стороны возможна... Почему бы вам не рассказать людям о разнице условий жизни в обеих группах? Пусть каждый человек решает сам за себя.

— Увы, мы не можем этого сделать, — проговорил Орел.

— Тогда не рассчитывай на меня, — ответила Николь, включая коляску.

До дверей своей комнаты Николь добралась в скверном настроении. Она потянулась к замку и набрала цифровую комбинацию.

— Патрик и мама ищут вас, — проговорил Кеплер, встречая ее. — Они встревожились, когда не нашли вас в коридоре.

Николь въехала в комнату, минуя молодого человека. Из ванной вышел Бенджи, завернутый в полотенце.

— Привет, ма-ма, — он широко улыбнулся и,

заметив недовольство на лице Николь, заторопился к ней. — Что случи-лось? Ты не упа-ла?

— Нет, Бенджи. Со мной все в порядке... Поговорила с Орлом и расстроилась.

— А о чем? — спросил Бенджи, беря ее за руку.

— Скажу тебе позже, — промолвила Николь, немного поколебавшись. — Когда ты вытрешься и оденешься.

Бенджи улыбнулся и, поцеловав мать, направился в ванную.

Гнетущее чувство, которое Николь испытала во время разговора с Орлом, вернулось. *О Боже, вдруг подумала она. Только не Бенджи. Конечно же, Орел не хотел намекнуть на предстоящую разлуку с Бенджи.* Она вспомнила слова Орла про судьбу тех, кто наделен плохой приспособляемостью, и запаниковала. *Не сейчас, пожалуйста, не сейчас, после всего пережитого.*

Николь вспомнила давний случай — это было годы назад, когда они впервые гостили в Узле. Она была в спальне, и Бенджи пришел, чтобы выяснить, будут ли ему рады в семье, если он решит вернуться вместе со всеми в Солнечную систему. С огромным облегчением он убедился в том, что его не ждет разлука с матерью. *Бенджи и так уже достаточно много перенес,* сказала себе Николь, вспомнив, что Бенджи жил в Авалоне все то время, пока она находилась в тюрьме. *Орел должен знать это, если он и в самом деле изучал данные.*

Невзирая на все старания держаться спокойно, Николь не могла подавить страх и разочарование.

Лучше бы мне умереть во сне, с горечью подумала она, опасаясь худшего. Я не могу сейчас распрощаться с Бенджи, это разорвет его сердце и мое тоже.

Единственная слезинка выкатилась из ее левого глаза и поползла по щеке.

— С вами все в порядке, миссис Уэйкфилд? — взволнованно спросил Кеплер.

— Да, спасибо тебе, Кеплер, — ответила Николь, вытирая лицо тыльной стороной ладони. Она улыбнулась. — Мы, старики, очень эмоциональны, — объяснила она. — Беспокоиться не о чем.

В дверь постучали. Когда Кеплер открыл ее, в комнату вошли Патрик и Наи, за ними следовал Орел.

— Мы обнаружили твоего приятеля в коридоре, мама, — проговорил Патрик, приветствуя ее поцелуем. — Он сказал нам, что вы с ним недавно беседовали... Мы с Наи встревожились...

Орел подошел к Николь.

— Есть еще один вопрос, который я хотел с тобой обсудить, — промолвил Орел. — Не могла бы ты выйти со мной наружу на пару минут?

— Полагаю, что у меня нет выбора. Но я не собираюсь изменять свое мнение...

Когда Орел и Николь оставили комнату, мимо них проехал полный вагончик.

— Итак, что же? — с нетерпением спросила Николь.

— Я хотел проинформировать тебя о том, что все различные формы сетчатых существ, а с ними и уцелевшие птицы определены в группу, которая будет переведена сегодня вечером на Носитель.

Если ты по-прежнему хочешь, как говорила после своего пробуждения, вступить в контакт с сетью, пережить то, что описывал Ричард...

— Скажи мне сперва вот что, — Николь с удивительной силой схватила Орла за предплечье. — Нас с Бенджи разделят? Мы с Бенджи не окажемся в разных группах того списка, который ты собираешься зачитать сегодня вечером?

Орел помедлил несколько секунд.

— Нет, этого не будет, — наконец проговорил он, — но я не могу раскрывать детали...

Николь облегченно вздохнула.

— Спасибо, — ответила она, выдавливая улыбку.

Наступило долгое молчание.

— Сети же, — вновь начал Орел, — станут для тебя недоступны, после того как...

— Да-да. Идея прекрасная. Я очень благодарна, и мне бы хотелось пообещаться с сетью... Конечно, после завтрака...

Небольшие кубико-роботы повсюду торчали в луче, отведенном птицам и сетям. Стены, тянувшиеся от пола до потолка, делили его на несколько отдельных зон. Кирпичеголовые караулили все входы и выходы, а также каждую остановку.

Птицы и сети жили возле оконечности луча, в последнем из выделенных помещений. Вход охраняли и кирпичеголовые, и птицы. Оказавшись вместе с Николь у двери, Орел защебетал попличьи, отвечая на вопросы крылатого существа. Когда они вошли в помещение, к ним приблизился мирмикот. Он заговорил с Орлом высокочастот-

ными импульсами, исходящими из небольшого круглого отверстия под овальными молочными глазами. Николь удивил уверенный посвист Орла. Она завороченно поглядывала на вторую пару глаз мирмикота, поднимавшуюся на стебельках в 10—12 сантиметрах над головой. Когда Орел закончил свой разговор с мирмикотом, застывшее на время песстиноего создание, напоминавшее гигантского муравья, отправилось прочь по коридору быстрой и гибкой походкой кошки.

— Они знают о тебе, — проговорил Орел, — и польщены тем, что ты пришла нанести им визит.

Николь поглядела на своего спутника.

— *Откуда* им знать меня? — спросила она. — Я лишь изредка встречала кое-кого из них в общественных местах и никогда не вступала в контакт...

— Твой муж гостил у них... и если бы не он, ни птиц, ни сетей здесь не было бы вообще. О тебе они знают по изображениям, запечатленным внутри его памяти...

— Но разве это возможно? Ричард умер шестнадцать лет назад...

— Но отчет о его пребывании с ними сохраняется в недрах их коллективной памяти, — ответил Орел. — Каждый мирмикот появляется из манно-дыни, обладая значительными познаниями в ключевых областях культуры и истории... Процесс роста эмбриона происходит не только с увеличением его физического размера, но и сопровождается передачей важной информации

непосредственно в мозг еще не рожденного мирмикота.

— Ты хочешь сказать мне, — проговорила Николь, — что эти создания начинают учиться еще до *рождения*? И что внутри манно-дынь, которые мне приводилось есть, хранится информация, каким-то образом передающаяся нерожденным мирмикотам?

— Именно так. И я не вижу причин для удивления. Физически эти существа не столь сложны, как люди. Эмбриональное развитие человека — процесс намного более тонкий. Ваш новорожденный является в мир, лишенный многих физических возможностей и атрибутов. Ваши младенцы нуждаются в старших как для выживания, так и для образования. Мирмикоты рождаются «более умными» и потому независимыми, но наделены куда меньшим потенциалом для интеллектуального развития.

Они услышали пронзительный звук, исходящий от мирмикота, находившегося уже примерно в пятидесяти метрах от них по коридору.

— Он зовет нас, — сказал Орел.

Николь медленно направила свое кресло вперед, так чтобы Орлу было удобно идти рядом.

— Ричард никогда не говорил мне, что эти создания передают информацию от поколения к поколению.

— Он не знал этого. Ричард *вычислил* их метаморфический цикл и понял, что мирмикоты передают информацию сети или паутине, зови их как хочешь... Но он не подозревал, что наиболее важные элементы их коллективной информации

хранятся в манно-дынях и передаются следующему поколению... Можно не говорить, как это сложно и насколько увеличивает жизнестойкость вида.

Николь была потрясена словами Орла. *Вот было бы здорово, подумала она, если бы человеческие дети рождались, уже зная основы нашей истории и культуры. Скажем, пусть какая-то часть плаценты содержит информацию в сжатой форме. Немыслимо? Отнюдь. Если один вид способен на это, значит и...*

— Какой же объем информации передается от манно-дыни к новорожденным? — поинтересовалась Николь, когда они приблизились к ожидавшему мирмикоту.

— Приблизительно одна тысячная процента всей информации, присутствующей в полностью зрелом образце, подобном тому, в котором находился Ричард. Основной функцией итоговой формы проявления этого вида являются обработка и такое сжатие информации, чтобы ее удобно было разместить в манно-дынях... Но как именно происходит процесс обработки данных, мы еще не вполне понимаем...

— Через несколько минут ты встретишься с сетью, — продолжил Орел. — Стучилось так, что некогда она представляла собой маленький кусок материала, в который с помощью блестящего алгоритма была вписана бездна мыслей... Мы прикинули, что в том небольшом цилиндре, который много лет назад Ричард принес в Нью-Йорк, содержалась информация, эквивалентная емкости памяти сотни взрослых людей.

— Удивительно, — Николь покачала головой.

— И это только начало. Каждая из четырех манно-дынь, которые вынес Ричард, также содержала свой набор сжатых данных — с известными различиями. Из них в зоопарке октопауков выросли мирмикоты. Теперь сеть содержит и их воспоминания... Полагаю, что тебя ждет настоящее приключение.

Николь остановила свою коляску.

— Почему ты не сказал об этом раньше? Я бы потратила больше времени на...

— Этого не следовало делать, — ответил Орел. — В первую очередь тебе нужно было обжиться среди своих... Прежде ты не была готова для этой встречи.

— Вы управляете мной, контролируете то, что я вижу и переживаю, — проговорила Николь без возмущения.

— Быть может, — согласился Орел.

Николь приближалась к сети — как это ни удивительно — со страхом. Вместе с Орлом они вступили в комнату, не столь уж отличающуюся от той, в которой обитала Николь со своей семьей. Возле стены сидела пара мирмикотов. Ватная сеть, или паутина, занимавшая процентов пятнадцать объема комнаты, размещалась в правом углу. Посреди плотного белого материала виднелся разрыв, как раз достаточный для Николь и ее коляски. Орел велел Николь закатать рукава и поднять платье до колен.

— Итак, — проговорила она с легким недовольством, — оно рассчитывает, что я въеду в это пространство и дам опутать себя волокнами.

— Да, — отозвался Орел. — Один из мирми-

котов сказал сети, чтобы она выпустила тебя по первому требованию... Я буду здесь все время, чтобы ты не тревожилась.

— Как рассказывал мне Ричард, — произнесла Николь, все еще не решаясь войти, — для того чтобы вступить с ней в контакт, ему потребовалось довольно много времени...

— Теперь это не проблема, — ответил Орел. — В образце сохранилась информация о методах общения с человеческим мозгом.

— Ну что ж, — Николь нервно провела рукой по волосам, — поехала. Пожелай мне удачи.

Николь въехала в разрыв посреди ватного переплетения и выключила двигатель коляски. Менее чем через минуту существо окружило ее, так что она не могла даже видеть Орла. Николь попыталась успокоить себя. *Больно не будет*, сказала она себе, ощутив, как первые сотни и тысячи тоненьких волокон погружаются в кожу рук, ног, шеи и головы. Как Николь и предполагала, больше всего нитей оказалось возле головы. Она вспомнила описание Ричарда. *Отдельные волокна чрезвычайно тонки и заострены. Я даже не ощутил, что они погрузились в мое тело, пока не попытался оторвать одно из них.*

Николь поглядела на характерный клубок нитей в метре от ее лица. Ганглий медленно полз к ней, остальные элементы в тонкой сети также меняли положение. По спине Николь пробежал холодок. Наконец умственным взором она увидела, что находится внутри живого существа. Тут-то и начались изображения.

Она сразу поняла, что существо-сеть читает ее

мысли. Картинки собственной жизни в ошеломляющем темпе возникали в уме Николь, не задерживаясь настолько, чтобы пробудить чувство. В чередке их не было порядка... детские блуждания по уютному лесу возле Шилли-Мазарин сменялись хохочущим лицом Марии, выслушивавшей очередное мудреное повествование Макса.

Идет стадия передачи информации, подумала Николь, вспомнив отчет Ричарда о времени, проведенном внутри сети. *Существо копирует в себе мою память. Причем с очень высокой скоростью.* Она удивилась тому, зачем сети могут понадобиться ее воспоминания, и неожиданно увидела... самого Ричарда в просторном зале с незавершенными фресками на стенах. Четкость изображения поражала. Николь словно бы оказалась перед цветным телеэкраном, размещенным в недрах ее мозга. В зале около дюжины мирмикотов делали наброски и раскрашивали незаконченные фрески.

И вся эта великолепная работа была затеяна лишь с одной целью: предоставить Ричарду информацию о том, чем он может помочь инопланетянам. Часть фресок занимало пособие по биологии, оно поясняло сущность трех форм этого вида (манно-дынь, мирмикотов и сетей) и взаимоотношений между ними. Картинки были настолько отчетливы, что Николь казалось, будто она стоит вместе с Ричардом. И потому даже испугалась, когда новая последовательность воспоминаний перенесла ее к сцене прощания между Ричардом и его проводником-мирмикотом.

Ричард и мирмикот находились в тоннеле у

дна бурого цилиндра. Кадры с любовью подчеркивали каждую деталь их прощания. Бородатому Ричарду явно было не слишком удобно нести оттягивавшие его рюкзак четыре тяжелые манно-дыни, два кожистых птичьих яйца и цилиндр, вырезанный из сети. Но, видя решимость в глазах Ричарда, оставившего обреченное поселение, Николь могла понять, почему этот вид считает его героем. *Рискуя своей жизнью*, напомнила она себе, *он спас их от истребления.*

Ум ее наполнили новые картинки. Дело происходило в зоопарке октопауков сразу же после появления на свет мирмикотов, вылупившихся из манно-дынь, которые Ричард доставил из Нью-Йорка. Невзирая на четкость, Николь не следила за ними пристально. Она по-прежнему думала о Ричарде. *После пробуждения я еще не позволяла себе скорбеть о твоём уходе, потому что не хотела обнаруживать слабость. А теперь, вновь так близко увидев твоё лицо, вспомнив, сколь многое перенесли мы вместе, я понимаю, как смешны мои попытки не думать о тебе. Когда мы переживаем любимых, в воспоминаниях о прежней любви черпаем мы радость и силу.*

Вдруг мимолетное изображение человеческих фигур — мужчины и женщины с крошечным ребенком на руках — привлекло внимание Николь. *Погоди*, едва ли не вскрикнула Николь. *Верни назад, я хочу их увидеть.* Сеть не воспринимала ее мысли и продолжала показывать картинки. Оставив свои воспоминания о Ричарде, Николь сфокусировала мысли на кадрах «внутреннего телевизора».

Менее чем через минуту она увидела всех троих снова: люди шли следом за зрителем зоопарка октопауков мимо пространства, отведенного мирмикотам. Мария сидела у матери на руках. Отец ее, темноволосый симпатичный мужчина, подволакивал ногу. *Я никогда не видела его, подумала Николь. Иначе бы запомнила.*

Изображений Марии и ее родителей больше не было. Далее видеоповествование рассказало о переселении мирмикотов после начала бомбардировок. Николь поняла, что последние кадры относились ко времени, когда октопауки и люди спали. *Ну а вскоре, если я правильно понимаю их жизненный цикл, четверо мирмикотов, порожденных принесенными Ричардом манно-дынями, превратились в сеть... сохранив всю свою память.*

Картинка в уме ее полностью изменилась. Теперь Николь видела, надо полагать, сцены жизни родной планеты птиц и сетей. Она вспомнила, что рассказывал ей о них Ричард после ее возвращения из Нового Эдема.

Въехав внутрь сети, Николь преднамеренно оставила руку на пульте. Нажав переключатель вперед-назад, она чуть дернулась на месте. Изображение немедленно прекратилось, и существо принялось втягивать свои нити.

6

На следующий день примерно за час до ленча часть стены во всех помещениях «морской звезды» превратилась в большой телеэкран. Всем обитате-

лям объявили, что через тридцать минут последует важное сообщение.

— Всего третий раз, — пояснил Макс Николь во время ожидания, — к нам обращаются с подобным сообщением. В первый раз это случилось сразу же после того, как мы появились здесь, во второй — когда было решено разделить области обитания видов.

— Что же ожидает нас сейчас? — поинтересовался Мариус.

— Наверное, расскажут о подробностях грядущего переезда, — ответил Макс. — Во всяком случае, так считает большинство.

В назначенное время на экране появилось лицо Орла.

— Когда в прошлом году после пробуждения всех вас вывели с Рамы, — начал Орел, сопровождая свою речь цветовыми полосами на лбу, — мы сказали вам, что этот корабль не станет вашим постоянным местом обитания. Теперь мы можем переселить вас в другие места, где более благоприятные условия жизни.

Помедлив немного, Орел продолжил:

— Однако вы будете разделены. Примерно одну треть нынешних обитателей «морской звезды» переведут на Носитель: огромный плоский корабль, который будет располагаться вблизи Узла еще чуть меньше недели. Через несколько часов он завершит все свои дела на прежней стоянке и переместится сюда. Те из вас, кто приписан к Носителю, перейдут на него сегодня после обеда.

— Остальные в ближайшие три-четыре дня переселятся в Узел. Здесь, на «морской звезде»,

не останется никого... Мне бы хотелось подчеркнуть, что в обоих местах вы будете отлично размещены — куда лучше, чем здесь.

Орел сделал паузу — секунд на пятнадцать, — чтобы аудитория осознала его слова.

— После моего выступления на телеэкранах будет показан перечень всех, кто присутствует на борту, с указанием номера каюты и места приписки. Понять будет просто. Если твое имя и идентификационный код пропечатываются на экране черными буквами на белом фоне, значит, ты назначен на Носитель. Если же имя и код написаны белыми буквами на черном фоне, ты, проведя здесь несколько дней, будешь переведен в Узел.

— К вашему сведению, на Носителе каждый вид будет содержаться раздельно. Никакого межвидового общения не предусмотрено, за исключением случаев естественного симбиоза. Напротив...

— Вот радость-то для вождей наших! — заметил Макс. — Совет уже не один месяц агитирует за раздельное проживание.

— ... ситуация в Узле будет требовать регулярного общения... Распределяя обитателей «морской звезды», мы старались направить каждого индивида в наиболее подходящие ему условия. Выбор был произведен на основании всех наблюдений за вами, проведенных здесь и на Раме... Однако важно, чтобы все осознали — после разделения на группы общения между ними *не* будет. Те, кто сегодня отправляется на Носитель, больше никогда не увидят будущих обитателей Узла

— Все, кто приписан к Носителю, — продол-

жил Орел, — должны немедленно приступить к сборам и завершить их еще до обеда. Но те, кто определен в Узел, в случае нежелания могут изменить место своего назначения. Сегодня, после того как все приписанные к Носителю перейдут на свой корабль, я жду в кафетерии тех, кто хочет вместо Узла отправиться на Носитель... Если у кого-нибудь из вас есть вопросы, весь следующий час я буду находиться за большим столом в нише главного коридора...

— И что сказал тебе Орел? — спросил Макс у Николь.

— То же, что и двадцати другим людям, пришедшим к нему с тем же вопросом. Для тех, кто назначен на Носитель, никакого пересмотра не будет. Могут решать лишь те, кто приписан к Узлу.

— Это было, когда Наи... э, сорвалась? — спросила Эпонина.

— Да, — ответила Николь. — Но до этого она держалась прекрасно. Когда Наи пришла к нам после того, как были объявлены списки, я нашла ее удивительно спокойной... Она явно успела убедить себя, что назначение Галилея — какая-то канцелярская ошибка.

— Я вполне могу понять, что она чувствовала, — проговорила Эпонина. — Признаюсь, сердце мое дрогнуло, пока я не убедилась, что все мы приписаны к Узлу.

— Держу пари, распределением расстроена не только Наи, — Макс встал и начал шагать по

комнате. — Только представь себе, что бы *мы* делали, если бы Мариус был приписан к Носителю.

— Ну, это понятно, — быстро ответила Эпонина. — Мы бы тогда перевелись к сыну.

— Ага, — произнес Макс, чуть-чуть помедлив. — Наверное, ты права.

— Этот вопрос Патрик и Наи сейчас обсуждают в соседней комнате, — сказала Николь. — Они попросили молодежь выйти, чтобы можно было переговорить с глазу на глаз.

— Ты считаешь, что Наи сумеет так скоро справиться с дополнительным стрессом после этого... инцидента? — спросила Эпонина.

— У нее нет никакого выбора, — ответил Макс. — Есть только пара часов на решение.

— Двадцать минут назад она показалась мне вполне спокойной, — промолвила Николь. — Легкого успокоительного хватило... Патрик и Кеплер были с ней очень ласковы... Я думаю, что этой выходкой Наи больше всего перепутала себя.

— Итак, она действительно набросилась на Орла? — поинтересовалась Эпонина у Николь.

— Нет... один из кирпичеголовых схватил ее, как только она закричала. Но она утратила контроль над собой и могла сделать все что угодно.

— Черт, — проговорил Макс, — если бы мне в Изумрудном городе сказали, что Наи способна кинуться на кого-нибудь, я бы ответил каждому...

— Да, — перебила его Николь, — только тот, у кого были дети, способен понять те могучие чувства, которые испытывает мать к своему чаду. Наи страдала не первый месяц... я не оправдываю ее реакцию, но, конечно же, понимаю...

Николь умолкла. В дверь вновь постучали, несколько мгновений спустя в комнату вошел Патрик, не скрывавший волнения.

— Мама, мне нужно с тобой поговорить.

— Мы с Эп можем выйти в коридор, — сказал Макс, — если хотите...

— Спасибо, Макс... Я действительно буду очень обязан тебе за это, — озабоченно проговорил Патрик. Николь еще не видела сына таким расстроенным.

— Не знаю, что делать, — промолвил Патрик, оставшись вдвоем с Николь. — Все произошло так внезапно... Мне кажется, что Наи ведет себя совершенно неразумно, но я не могу... — голос его утас. — Мама, она хочет, чтобы все мы переписались на Носитель. Все до единого. Ты, я, Кешлер, Мария, Макс... Все мы... Она утверждает, что в противном случае Галилею будет там одиноко.

Николь поглядела на сына, на глаза его наворачивались слезы. *У него не хватает жизненного опыта, чтобы справиться с подобным кризисом,* торопливо подумала она. *Он ведь бодрствует чуть более десяти лет всей своей жизни.*

— А что сейчас делает Наи? — негромко спросила Николь.

— Медитирует, — ответил Патрик. — Она говорит, что таким образом обретет душевный покой... и силы...

— И ты должен уговорить всех нас?

— Да, наверное... Но, мама, Наи даже в голову не пришло, что кто-то может отклонить ее

предложение. Она не сомневается в том, как все поступят.

Патрик явно мучился. Николь хотелось протянуть к нему руки, своим прикосновением изгнать душевную боль.

— И как, по-твоему, надлежит поступить? — спросила Николь после долгого молчания.

— Не знаю, — Патрик принялся расхаживать по комнате. — Как и все вокруг, я заметил, что на Носитель отправлены все активные члены Совета и большая часть людей, переведенных в другие условия. Люди, к которым мы относимся с симпатией и уважением, как и почти все октопауки, приписаны к Узлу... Но мне жаль Наи. Она не может представить себе, что Галилей окажется один, навсегда отрезанным от всякой привычной опоры...

А что бы ты делала, спросил Николь внутренний голос, на месте Наи? Разве ты утром не ударилась в панику, представив себе, что тебя могут отделить от Бенджи?

— ... Может быть, ты поговоришь с ней, мама, — предложил Патрик, — когда она закончит медитацию? Она выслушает: Наи всегда говорила, что уважает тебя за мудрость.

— Возможно, ты хочешь, чтобы я ей что-то передала от тебя? — спросила Николь

— Скажи ей... — Патрик принялся ломать руки, — скажи ей, что она не вправе навязывать свое мнение всем. Пусть решает только за себя.

— Хороший совет, — проговорила Николь, поглядев на сына. — А скажи мне, Патрик, — спросила она помедлив, — ты уже решил, что

будешь делать, если Наи отправится на Носитель, а мы нет?

— Да, мама, — негромко ответил Патрик. — Я буду с Наи и Галилеем.

Николь остановила свое кресло в уголке возле обсервационного окна. Она была одна, как и хотела. Утро выдалось настолько нервным, что она уже не ощущала в себе сил. Николь поначалу казалось, что разговор ее с Наи складывается удачно. Наи внимательно, без особых комментариев, выслушала ее советы. И поэтому через час Николь была крайне удивлена, обнаружив перед собой разгневанную Наи в компании Макса, Элли и Эпонины.

— Патрик сказал мне, что *никто* из вас не собирается последовать за нами, — выпалила Наи. — Так вот какой награды я удостоилась за многолетнюю преданность своим друзьям... Ради вас я увела своих детей из собственного дома. Я лишила Кеплера и Галилея нормального детства из уважения и восхищения перед вами, Николь, моим примером для подражания... И теперь в ответ на мою просьбу...

— Наи, это нечестно, — тихо проговорила Элли. — Все мы любим тебя и глубоко расстроены случившимся... Мы бы последовали за тобой и Галилеем на Носитель, если бы...

— Элли, Элли, — Наи опустилась на колени перед подругой и разразилась слезами. — Неужели ты забыла все часы, которые я провела с Бенджи в Авалоне?.. Да, конечно, я делала это по собственной воле, но не будь он твоим братом, братом моей лучшей подруги, разве я стала бы уделять

ему столько внимания?.. Элли, я люблю тебя... Мне нужна твоя помощь... Прошу вас, прошу, не оставляйте нас. Хотя бы ты и Никки...

Элли тоже ревела. Пока эта грустная сцена не завершилась, в комнате не осталось сухих глаз. В конце концов Наи принесла самые глубокие извинения каждому.

Глубоко вздохнув, Николь поглядела в окно. Она знала, что нуждается в отдыхе от переживаний. Уже дважды за этот день она ощущала резкую боль в груди. *Даже все эти магические зонды не могут помочь мне, если я сама не позабочусь о себе*, подумала она.

Огромная палуба Носителя распростерлась теперь буквально в нескольких сотнях метров от них. Громадное сооружение внушало даже еще больший трепет, чем когда оно располагалось возле Узла и «морская звезда» липла к нему сбоку, поэтому из окна видна была лишь часть корабля. Длинную плоскую металлическую «равнину» нарушали лишь комплексы какого-то оборудования и прозрачные купола — пузыри, как их стали звать, — беспорядочно разбросанные на ее просторах. Один из них, прямо перед окном, поднимался над поверхностью на две сотни метров. Другие были весьма невелики. Из окна Николь видела одиннадцать куполов. Пока Носитель подходил к «звезде», их насчитали семьдесят восемь.

Нижняя часть Носителя была крыта металлом. Прямые борта опускались вниз на километр, потом слегка скашивались и закруглялись. Издали толщина корабля казалась несопоставимой с его длиной и шириной — примерно сорок километров

на пятнадцать. Но отсюда вблизи было ясно, какой огромный объект обнимала утрюмая серая поверхность.

Прямо на глазах наконец отвлекшейся Николь из серого борта, неподалеку от палубы, вырос выступ, удлинился, привращаясь в тонкую трубку, направившуюся к «звезде». После незначительной коррекции она соприкоснулась с главным шлюзом.

Николь улыбнулась себе. *Вот и еще один невообразимый день в моей невероятной жизни.* Чуть изменив позу, она ощутила легкое неудобство в области бедра. *Жаль, что ничем нельзя помочь Наи.* Но *требовать, чтобы все принесли себя в жертву ради Галилея, тоже неправильно.*

Она ощутила прикосновение к руке и повернула голову. Рядом с ней стояла Синий Доктор.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила октопаучиха на своем языке.

— Теперь лучше, — ответила Николь, — но сегодня пришлось нелегко.

Синий Доктор обследовала Николь с помощью монитора.

— Сегодня было два довольно серьезных приступа, — сказала Николь своему лечащему врачу. — Они проявились весьма отчетливо.

Октопаучиха внимательно разглядывала цветные полосы на экране.

— Почему ты не вызвала меня? — осведомилась она.

— Я уже хотела, но было не до этого... Я полагала, что у тебя хватает своих дел...

Синий Доктор подала Николь флакончик со светло-голубой жидкостью.

— Выпей, это средство ослабит реакцию сердца на волнения в течение ближайших двенадцати часов.

— Но ведь мы не расстанемся с уходом Носителя? — спросила Николь. — Каюсь, я не слишком внимательно разглядывала вашу часть списка.

— Да, — ответила Синий Доктор, — восемьдесят пять процентов существ нашего вида будут переведены в Узел. Альтернаты составляют примерно половину октопауков, назначенных на Носитель.

— Итак, мой друг, — Николь выпила лекарство, — что все вы думаете о предстоящем расставании?

— Мы считаем, что весь эксперимент достиг важной узловой точки и теперь обе группы будут заняты совершенно разными делами.

— Не очень-то конкретная перспектива, — усмехнулась Николь.

— Действительно, — согласилась Синий Доктор.

После того как последний назначенный на Носитель проследовал через шлюз в недра будущего своего дома, восемьдесят два человека и девять октопауков собрались в кафетерии на назначенную Орлом встречу. Присутствовать разрешили лишь тем, кто официально запросил изменения статуса. Остальные обитатели «звезды» еще толклись на обсервационной палубе и в общественных помещениях, желая дожидаться исхода собрания.

Николь возвратилась на свое место и задума-

лась. Она сидела в кресле-каталке, разглядывала Носитель и размышляла обо всем увиденном за последние часы. По большей части отбывающие не скрывали праздничного настроения... удовольствия от того, что более не придется пребывать среди инопланетян.

Некоторые прощались с грустью, но таких было на удивление мало. Галилею предоставили десять минут на прощание с семьей и друзьями. Патрик и Наи заверили молодого человека, продемонстрировавшего почти полное отсутствие каких бы то ни было эмоций, что вместе с братом Кеплером присоединятся к нему еще до вечера.

Галилей оставил «морскую звезду» одним из последних людей. За ним проследовала небольшая стайка птиц и мирмикотов. Сетчатый материал и остающиеся манно-дыни были упакованы в ящики, которые несли кирпичеголовые. *Ну, этих-то я больше не увижу*, решила Николь, выслушав прощальный крик замыкающей шестивие птицы.

— Все вы, — обратился Орел к собравшимся в кафетерии, — потребовали пересмотра назначения, попросили разрешения считать будущим домом не Узел, а Носитель... Сейчас я хочу пояснить вам два различия в условиях жизни на Носителе и Узле. Тех, кто, взвесив новую информацию, не передумает, мы переместим на Носитель.

— Как я уже говорил сегодня утром, на Носителе не разрешается межвидовое общение. Каждый вид разумных существ будет обитать отдельно, причем исключается вмешательство в вашу жизнь *другого* разума, даже того интеллекта,

который я представляю. Ни теперь, ни *потом*. Каждый вид существ на Носителе будет предоставлен самому себе. Однако за межвидовым общением в Узле мы будем следить. Не так, как здесь, на «морской звезде», но тем не менее... Мы полагаем, что присмотр и контроль являются необходимым условием совместной жизни...

— Второй фактор, пожалуй, важнее. На Носителе размножения не будет. Все попавшие на Носитель, к какому бы виду они ни принадлежали, навсегда останутся стерильными. Им предоставят все необходимое для счастливой и долгой жизни, однако размножение исключается. Напротив, в Узле никаких ограничений на размножение не предусмотрено.

— Прошу позволить мне закончить сообщение, — проговорил Орел, заметив желающих задать вопросы. — У вас остается два часа на решение... Все, кто не передумал, могут прийти с вещами и попросить Большого Блока открыть шлюз...

Николь не удивило, что Кеплер более не испытывал желания отправиться на Носитель. Молодой человек без всякой радости подал на пересмотр — в основном из верности и любви к матери. И после этого не отходил от Марии, в которой явно не чаял души.

Кеплер на всякий случай заручился поддержкой всех остальных членов семьи, но пререканий не последовало: Наи признала за Кеплером право стать отцом. В порыве великодушия она даже предложила Патрику сделать то же самое. Однако

тот заявил, что ей уже нечего думать о детях, а сам он видит в Кеплере и Галилее собственных сыновей и отцовством сыт.

Николь, Патрик, Наи и Кеплер прощались в одной из комнат. День был полон слез и разлуки, все четверо уже не чувствовали никаких сил. Обе матери навеки распрощались со своими сыновьями. В заключительной сцене проступала трогательная симметрия. Наи просила Николь позаботиться о Кеплере; Николь просила Наи не обделять ее сына своей чистой бескорыстной любовью.

Приподняв тяжелые сумки, Патрик перебросил их через плечо. Пока они с Наи выходили, Кеплер стоял возле Николь, не выпуская ее старческой руки. И только когда дверь за ними закрылась, Николь дала волю слезам. *Прощай, Патрик*, подумала она с болью в сердце. *Прощайте, Женестьева, Симона и Кэти. Прощай, Ричард.*

7

Сны приходили один за другим, иногда без перерыва. Генри осмеивал ее темную кожу, а затем сверхнастырный коллега из Медицинского института остановил ее руку, не дав совершить скверную ошибку во время простейшей тонзиллэктомии*. Потом Николь гуляла по песчаному пляжу, а над головой грудились черные облака. Молчаливая фигура в капюшоне маячила вдали. *Это смерть*, сказала себе Николь во сне. Но это была всего

---

* Удаление миндалин.

лишь жестокая шутка. Когда она достигла роковой фигуры и прикоснулась к ее вытянутой руке, Макс Паккетт сбросил капюшон и расхохотался.

Она ползла на голых коленях по подземной темной цементной трубе. Колени уже начинали кровоточить. *Я впереди*, говорил голос Кэти. *Где ты?* — спросила Николь в тревоге. *Я по-за-ди тебя, ма-ма*, отвечал Бенджи. По трубе потекла вода. *Я не могу отыскать их. Я не могу помочь им.*

Николь едва выплыла. Течение сделалось сильным. Но оно вынесло ее наружу — в лесной ручей. Одежда Николь зацепилась за ветки куста, свисавшего над водой. Она встала, отряхнулась и направилась по тропе.

Стояла ночь. Николь слышала пересвист редких птиц и видела над головой свет Луны, пробивающийся между стволами. Тропа виляла в обе стороны. Она пришла к перекрестку. *Куда же идти теперь?* — спросила себя Николь во сне. *Пойдем со мной*, сказала Женевьева, выходя из леса и прикасаясь к ее руке.

Что ты делаешь здесь? — удивилась Николь. Женевьева рассмеялась. *Я могу спросить тебя то же самое.*

Юная Кэти шла к ним по тропе. *Здравствуй, мама*, сказала она, взяв Николь за другую руку. *Ничего, если я пройду с тобой?* — Конечно, отвечала Николь.

Лес вокруг них сгустился. Николь услышала за собой шаги и обернулась. Патрик и Симона ответили ей улыбками. *Мы уже почти пришли*, сказала Симона. *Но куда мы идем?* — спросила Николь. *Вы должны знать это, миссис Уэйкфилд,*

отозвалась Мария. *Вы ведь и собрали нас.* Девушка теперь шла возле Патрика и Симоны.

Николь вместе с пятью молодыми людьми вышла на небольшую поляну. Посреди нее горел костер. Обойдя огонь сбоку, к ним подошел Омэ и поздоровался. А когда они кружком сошлись возле костра, колдун запрокинул назад голову и начал распевать на сенуфо. На глазах Николь плоть начала стекать с лица Омэ, обнажая пугающий череп. Заклинание продолжалось. *Нет, нет!* — воскликнула Николь. *Нет, нет!*

— Ма-ма, — проговорил Бенджи. — Ма-ма, проснись... У те-бя кош-мар.

Николь открыла глаза. На другой стороне комнаты горел свет.

— Сколько времени, Бенджи? — спросила она.

— Уже поздно, ма-ма, — ответил он ей с улыбкой. — Кеплер отправился зав-тракать с остальными... Мы хо-тели, чтобы ты поспала.

— Спасибо, Бенджи, — Николь чуть пошевелилась на коврике. Ощувив боль в правом бедре, она оглядела комнату и вспомнила, что Патрика и Наи больше нет. *Я их никогда не увижу,* мгновенно подумала Николь, пытаясь противиться приливу скорби.

— Быть может, ты хо-чешь принять душ? — спросил Бенджи. — Я могу помочь тебе раз-деться и от-нести тебя в кабинку.

Николь поглядела на своего лысеющего сына. *Я напрасно тревожилась за тебя. Ты прекрасно обойдешься и без меня.*

— Ну что ж, спасибо, Бенджи, — сказала она. — Превосходная идея.

— Я буду осто-рожен, — произнес он, расстегивая халат матери. — Только скажи, если я сделаю тебе больно.

Когда Николь разделась, Бенджи взял ее на руки и направился к душе. Но, сделав пару шагов, остановился.

— Что случилось, Бенджи? — спросила Николь.

Бенджи застенчиво улыбнулся.

— Кажется, я не все про-думал, ма-ма. Надо было спер-ва от-регу-ли-ровать воду.

Он повернулся, опустил Николь на коврик и вошел в душевую. Николь услышала, как побежала вода.

— Тебе не очень горя-чую, а? — крикнул он.

— Да, — ответила Николь.

Бенджи вернулся и снова взял ее на руки.

— Я положил на пол два поло-тенца, чтобы тебе было помягче и не так холодно.

— Спасибо тебе, сын, — сказала Николь.

Пока Николь, сидя на полотенцах на полу душевой, ощущала, как вода освежает ее тело, Бенджи разговаривал с ней. Когда она попросила, он принес ей мыло и шампунь. Наконец, Николь закончила мыться, и Бенджи помог матери вы-тереться и одеться. А потом отнес ее в коляску.

— Пожалуйста, наклонись сюда, дорогой, — проговорила Николь, опускаясь в кресло. Она поцеловала его в щеку, пожала руку. — Спасибо тебе за все, Бенджи, — она не в силах была остановить слезы, наполнявшие ее глаза. — Ты просто чудесно помог мне.

Бенджи, сияя, стоял возле матери.

— Я люблю тебя, ма-ма. И рад по-мочь тебе.

— И я люблю тебя, сын, — Николь вновь пожала его руку. — А теперь, быть может, позавтракаем вместе?

— На это я и рас-считы-вал, — сказал Бенджи, все еще улыбаясь.

В кафетерии, еще до того как они покончили с едой, к Николь и Бенджи подошел Орел.

— Мы с Синим Доктором будем ожидать в твоей комнате, — проговорил Орел. — Следует тщательно обследовать твое состояние.

Когда Николь и Бенджи возвратились в комнату, в ней уже оказалось сложное медицинское оборудование. Синий Доктор ввела дополнительные микрозонды прямо в грудь Николь, а чуть позже — еще один набор датчиков в область печени. Во время всего обследования, продолжавшегося около получаса, Орел и Синий Доктор переговаривались на родном цветовом языке октопауков. Бенджи помогал матери, когда ее просили вставать и поворачиваться. Способности Орла к цветовой речи полностью заворожили его.

— И как же ты этому научился? — спросил Бенджи Орла по ходу дела.

— Технически говоря, я ничему не учился... Просто в мою конструкцию добавили два блока — один, чтобы интерпретировать цветовую речь октопауков, и другой, чтобы воспроизводить последовательность полос на моем лбу.

— Выхо-дит, ты не хо-дил в школу и ни-чего не учил? — настаивал Бенджи.

— Нет, — ответил Орел.

— А не могли бы ваши кон-струк-торы сде-лать такую штуку и для *меня*? — спросил Бенджи через несколько секунд, когда Орел и Синий Доктор вновь заговорили о состоянии здоровья Николь.

Орел оглянулся и поглядел на Бенджи.

— Я очень мед-ленно учу-сь, — проговорил Бенджи. — Как было бы здо-ро-во, если бы кто-нибудь вло-жил все в мою го-лову.

— Мы еще не достаточно хорошо знаем, как это делается, — сказал Орел.

Когда обследование было закончено, Орел попросил Бенджи собрать вещи Николь.

— Куда мы направляемся? — поинтересовалась Николь.

— Прокатимся в челноке, — ответил Орел. — Я хочу подробно переговорить о твоём физическом состоянии, а потом взять тебя в такое место, где тебе можно будет быстро помочь в случае необходимости.

— Я думала, что голубой жидкости и всех этих зондов будет достаточно...

— Мы поговорим обо всем позже, — перебил ее Орел. Взяв у Бенджи сумку Николь, инопланетянин поблагодарил его за помощь.

— Если я правильно поняла все, что мне было сказано за последние полчаса, — произнесла Николь в микрофон своего шлема, когда челнок одолел половину пути между «морской звездой» и Узлом, — мое сердце не выдержит более десяти дней, невзирая на всю вашу медицинскую магию; одна моя почка уже отказала, а печень обнаружи-

вает признаки серьезного ухудшения. Внутренний перечень?

— Действительно, — согласился Орел.

Николь выдавила улыбку.

— А хорошие новости есть?

— Твой ум до сих пор не отказывает тебе, а синяк на бедре пройдет, если прочие болезни не погубят тебя до этого.

— Итак, ты предлагаешь мне обратиться сегодня в ваше лечебное заведение, где мое сердце, печень и почки заменят машинами, которые справятся с их функциями.

— Возможно, в ходе операции потребуется заменить и другие органы. Не в порядке поджелудочная железа и вся мочеполовая система... Следует подумать о полной гистерэктомии*.

Николь качала головой.

— И в какой же момент все эти труды становятся бесполезными? Что бы вы сейчас ни сделали, отказ очередного органа — вопрос времени. Что же откажет первым — легкие или, быть может, глаза?.. А если я не смогу думать, вы замените и мозг?

— Мы способны на это.

Николь помолчала почти минуту.

— Возможно, тебе мой ответ покажется непонятным, — проговорила она, — я и сама не могу назвать его логичным... но мне не слишком хочется становиться гибридом.

— То есть? — спросил Орел.

— А когда я перестану быть Николь де Жар-

---

* Удаление матки.

ден-Уэйкфилд? Останусь ли я Николь, если мои сердце, мозг, глаза и уши будут заменены машинами? Или я стану кем-то или чем-то другим?

— Вопрос твой неуместен, — ответил Орел. — Николь, ты сама врач. Представь себе шизофреника, который должен принимать наркотики постоянно, чтобы изменить функции мозга. Скажи, сохраняет ли этот человек свою прежнюю личность? Тот же самый философский вопрос, просто немножко иначе поставленный.

— Понимаю, — проговорила Николь, недолго помолчав. — Но мнения своего не переменю... И если у меня есть выбор — а я полагаю, что есть, — тогда я отказываюсь... по крайней мере сегодня.

Орел несколько секунд глядел на Николь. Потом ввел другой набор параметров в контрольную систему на пульте управления челнока. Корабль изменил свое направление.

— Итак, мы возвращаемся к «морской звезде»? — спросила Николь.

— Не сразу. Я хочу сперва показать тебе кое-что. — Инопланетянин извлек из кيسета, висевшего на груди, небольшую трубочку с голубой жидкостью и неизвестное устройство. — Пожалуйста, подставь свою руку. Я не хочу, чтобы ты умерла еще до наступления вечера.

Когда они приблизились к жилому модулю Узла, Николь пожаловалась Орлу на отсутствие гласности при разделении обитателей «морской звезды» на две группы.

— Как всегда, вы не солгали — просто утаили важную информацию.

— Иногда, — проговорил Орел, — добром дело не уладить. В таких случаях мы выбираем наименее неудовлетворительный способ из всех возможных... Чего же ты ожидала от нас? Сразу сказать всем, что мы не станем заботиться обо всех них со всеми потомками? Тогда настал бы хаос... К тому же, вы едва ли поверили бы нам. Мы спасли с Рамы тысячи существ, бóльшая часть которых почти наверняка погибла бы в межвидовой войне, если бы мы не вмешались... Вспомни: все, в том числе и те, кто назначен на Носитель, проживут отпущенный им срок жизни.

Николь умолкла. Она пыталась представить себе, какой станет жизнь на Носителе, где не будут рождаться дети... И тот момент в не столь уж далеком будущем, когда на нем останется лишь несколько человек.

— Не хотела бы оказаться последним человеком, оставшимся живым на Носителе, — произнесла она.

— Около трех миллионов лет назад в вашей части Галактики процветал один вид, — проговорил Орел. — Он широко распространился меж звезд и сохранял способность к космоплаванию почти миллион лет. Эти блестящие инженеры воздвигли несколько самых удивительных сооружений из всех, которые мы видели. Их сфера влияния распространялась и в конце концов охватила больше двадцати звездных систем. Эти существа обладали глубокими познаниями, были мудры и умели сочувствовать друг другу. Но они допустили фатальную ошибку...

— Какую же? — спросила Николь.

— Их эквивалент вашего генома содержал на порядок больше информации. Он был предельно сложен уже в результате четырех миллиардов лет естественной эволюции. Начальный этап их занятий генетическим конструированием других видов и усовершенствованием собственного привел к несравненному успеху. Они думали, что представляют себе последствия. Однако их наследственность медленно и незаметно слабела от поколения к поколению... И когда они, наконец, поняли, что натворили, было уже чересчур поздно. Образцов прежней наследственности они не сохранили и потому не могли вернуться назад. Не было никакого выхода.

— Теперь подумай, — продолжил Орел, — не о том, каково будет последнему человеку на Носителе, а о том, каково было последним представителям вида, обладавшего глубочайшими познаниями почти во всех науках... В нашей энциклопедии можно найти много подобных повествований, каждое из них содержит по крайней мере один предметный урок.

Челнок вошел в отверстие сбоку сферического модуля и мягко остановился возле стены. Порталы с каждого борта удержали корабль. Из пассажирского люка пандус вел к переходу, он в свою очередь вводил к транспортному комплексу.

Николь расхохоталась.

— Я настолько была поглощена нашим разговором, что даже не поглядела на этот модуль снаружи.

— Ничего принципиально нового ты бы все равно не увидела, — отозвался Орел.

Инопланетянин повернулся к Николь и сделал совершенно неожиданный жест, взяв обе ее руки в свои.

— Менее чем через час, — произнес он, — тебе предстоит удивительная и волнующая встреча. Первоначально мы планировали эту поездку в качестве полного сюрприза. Но, учитывая, что твой организм ослаблен, мы не можем рисковать: не исключена возможность его перенапряжения в результате излишних волнений... и поэтому решили заранее предупредить тебя.

Николь ощутила, как пульс ее затормозился. *О чем он?* — подумала она. *Что еще здесь может быть столь удивительным..?*

— .... А потом небольшая повозка, проехав несколько километров, доставит нас к месту, где обитают твоя дочь Симона и Майкл О'Тул.

— *Что?* — Николь, вскричав, вырвала руки и приложила к шлему. — Я не ослышалась? Ты сказал, что я увижу Симону и Майкла?

— Да, — проговорил Орел. — Николь, пожалуйста, расслабься...

— Боже мой! — воскликнула Николь, игнорируя замечание. — Не могу поверить... Надеюсь, это не жестокая шутка...

— Заверяю тебя, что это не так...

— Но как может Майкл еще быть в живых? — спросила Николь. — Ему же сейчас по меньшей мере сто лет...

— Мы помогли ему — как ты говоришь, своей медицинской магией.

— Ах, Симона, *Си-мона!* — вскричала Николь. — Неужели? Неужели это правда? — Потря-

сение сперва помешало Николь разразиться слезами, но теперь они потекли из ее глаз. Невзирая на боль в бедре и неудобный космический шлем, Николь едва не вскочила, чтобы обнять Орла.

— Спасибо! О, спасибо! — вскрикнула она. — Не могу даже сказать, как много значит для меня эта встреча.

Орел поддерживал коляску Николь, пока они по эскалатору спускались к центру главного транспортного комплекса. Она быстро огляделась вокруг. Станция во всем была идентична той, которую Николь помнила по Узлу, оставшемуся возле Сириуса. Высота круглого зала достигала двадцати метров. С полдюжины движущихся тротуаров огибали центральный экран, они убегали в расходящиеся во все стороны сводчатые тоннели. Справа над тоннелями виднелась пара многоуровневых структур.

— А междумодульные поезда отправляются отсюда? — спросила Николь, вспоминая свою поездку с Кэти и Симоной, тогда еще девочками.

Орел кивнул. Он протолкнул ее кресло на один из движущихся тротуаров, и они оставили центр станции. Проехав в тоннеле несколько сотен метров, движущийся тротуар остановился.

— Машина ждет нас в первом коридоре справа, — проговорил Орел.

В небольшой открытой сверху машине было всего два сиденья. Орел помог Николь перебраться на место пассажира, а потом уложил коляску в небольшой чемоданчик, который убрал в багажник. Машина тронулась с места по лабиринту молоч-

но-белых, лишенных окон коридоров. Николь была необыкновенно спокойна. Она старалась убедить себя в том, что действительно увидит дочь, которую оставила возле другой звездной системы годы и годы назад.

Поездка сквозь жилой модуль казалась бесконечной. Когда они остановились, Орел велел Николь снять шлем.

— Мы уже приехали? — спросила она.

— Нет еще, — ответил он, — но мы уже в вашей атмосферной зоне.

Дважды в машинах, ехавших навстречу им, попадались невероятно занимательные инопланетяне, но Николь была слишком взволнована, чтобы отвлекаться от своих чувств. Она едва слушала Орла. *Успокойся*, твердил один из внутренних голосов Николь. *Не будь смешной*, заметил другой голос. *Но я встречу дочь, которую не видела сорок лет. Как я могу оставаться спокойной?*

— ... На свой собственный лад, — говорил Орел, — их жизнь была столь же удивительной, как и ваша, но, конечно же, совсем непохожей. Когда сегодня утром мы возили Патрика повидаться с ними...

— Что ты сказал? — перебила его Николь. — Ты сказал, что Патрик видел их сегодня утром? Вы возили Патрика повидаться с отцом.

— Да. Мы всегда планировали эту встречу, пока события развивались в соответствии с планом... В идеальном случае вы с Патриком не должны были встретиться с Симоной, Майклом и их детьми...

— *Детьми!* — воскликнула Николь. — Значит, у меня есть еще внуки?

— ... пока не обоснуетесь в Узле, но Патрик предпочел Носитель... Так что было бы бессердечно не позволить ему проститься с родным отцом...

Николь не могла более сдерживаться. Она перегнулась и поцеловала Орла в оперенную щеку.

— А Макс говорил, что ты всего лишь холодная машина. Как он ошибался! Спасибо... за Патрика, спасибо тебе...

Она дрожала от волнения. И мгновение спустя уже не смогла вздохнуть. Орел быстро остановил машину.

— Где я? — произнесла Николь, вынырнув из тумана.

— Мы стоим рядом с замкнутой областью, где обитают Майкл, Симона и их семья, — проговорил Орел. — Мы пробыли здесь четыре часа, ты спала.

— У меня был сердечный приступ? — спросила Николь.

— Не совсем... просто серьезное нарушение сердечной деятельности. Я уже собирался везти тебя в госпиталь, но решил дождаться твоего пробуждения, поскольку все необходимые средства у меня при себе...

Орел поглядел на нее. Внимательные синие глаза Орла обратились к Николь.

— Чего ты хочешь, Николь? — спросил он. — Едем к Симоне и Майклу или возвращаемся в госпиталь? Решать тебе, сама понимаешь...

— Знаю, — вздохнула Николь, — только нужно быть осторожной и не волноваться... — Она

взглянула на Орла. — Я хочу увидеть Симону, даже если это будет последний поступок в моей жизни... Можешь ли ты дать мне что-нибудь успокоительное, но не так, чтобы я была одурманена или заснула?

— Легкое успокоительное средство поможет лишь в том случае, если ты сама будешь сдерживать чувства.

— Ладно, — обещала Николь. — Постараюсь.

Орел направил машину на мощеную дорогу, обсаженную высокими деревьями. Николь вспомнилась осень в Новой Англии, где она с отцом побывала подростком. Листья на деревьях были золотыми, красными и коричневыми.

— Как прекрасно! — проговорила Николь.

Машина повернула к белому забору, окружающему травянистый лужок, на котором паслось четверо лошадей. Между ними расхаживали двое подростков.

— Дети реальны, — проговорил Орел. — Лошади — муляж.

На вершине невысокого холма располагался большой двухэтажный белый дом с покатой черной крышей. Орел повернул на круговую дорожку и остановил машину. Мгновение спустя открылась передняя дверь дома. В ней появилась высокая темнокожая красавица с седеющими волосами.

— *Мама!* — закричала Симона, бросившись к машине.

Николь едва успела открыть дверцу, Симона кинулась ей на грудь. Они обнимались, целовались и плакали... никто не мог говорить.

— О горечь и сладость встречи с Патриком! — произнесла Симона, ставя кофейную чашку. — Он пробыл здесь около двух часов, они показались мне несколькими минутами.

Они втроем сидели за столом и глядели на сельскохозяйственные уголья, окружавшие дом. Николь загляделась на буколическую сцену за окном.

— Конечно, в основном это иллюзия, — проговорил Майкл. — Но очень хорошая... Если не приглядываться, можно подумать, что ты находишься в Массачусетсе или в южной части Вермонта.

— Весь этот обед показался мне сном, — сказала Николь. — Я как-то еще не осознала, что наша встреча реальна.

— Вчера нам самим так казалось, — промолвила Симона, — когда оповестили, что сегодня утром мы увидим Патрика... Мы с Майклом не спали. — Она рассмеялась. — А ночью даже успели убедить себя, что нам предстоит встреча с поддельным Патриком, и постарались придумать вопросы, на которые, по нашему мнению, мог ответить только истинный Патрик.

— Их технологическое мастерство потрясает, — проговорил Майкл. — Если бы они хотели сотворить робота Патрика и выдать его за нашего сына, то выяснить истину было бы крайне сложно.

— Но они этого не сделали, — сказала Симо-

на. — Через несколько секунд я поняла, что передо мной истинный Патрик...

— Ну, и каким он тебе показался? — спросила Николь. — В смятении последнего дня мне не удалось по-настоящему поговорить с ним.

— Он казался каким-то отстраненным, — ответила Симона, — но не сомневался в том, что принял правильное решение. Патрик считает, что пройдут, вероятно, недели, прежде чем он сможет разобраться во всех чувствах, которые пережил за последние двадцать четыре часа.

— Это можно сказать о каждом из нас, — проговорила Николь.

За столом наступило недолгое молчание.

— Мама, ты устала? — спросила Симона. — Патрик сказал нам, что у тебя нелады со здоровьем, и когда мы сегодня узнали, что ты запаздываешь...

— Да, я немного устала, — ответила Николь. — И, наверное, не смогу уснуть... по крайней мере прямо сейчас... — Она отъехала в своем кресле от стола и опустила пониже сиденье. — Правда, неплохо бы посетить туалетную комнату.

— Конечно, — Симона вскочила. — Я провожу тебя.

Симона проводила мать по длинному коридору к дверце из имитированной древесины.

— Итак, с вами здесь живут шестеро детей, — проговорила Николь, — в том числе трое, которых ты выносила и родила?

— Да, это так. У нас с Майклом было двое мальчиков и двое девочек, рожденных «естественным методом», как ты говоришь... Старший, Даррен, умер, когда ему было семь... долгая

история, и, если у нас будет время, я расскажу тебе ее завтра... Все остальные дети выросли из эмбрионов в их лаборатории...

Они добрались до дверей в туалетную.

— А ты знаешь, сколько твоих детей вырастили Орел и его коллеги? — спросила Николь.

— Нет, — ответила Симона. — Но мне они сообщили, что извлекли из меня более тысячи здоровых яйцеклеток.

Возвращаясь в столовую, Симона пояснила, что все ее дети, рожденные естественным методом, провели всю свою жизнь вместе с ней и Майклом. Их супруги — конечно же, рожденные из ее яйцеклеток и от спермы Майкла, — были подобраны для них инопланетянами после тщательного генетического контроля.

— Итак, браки устраивали не вы? — спросила Николь.

— Именно, — Симона усмехнулась. — Каждому нашему ребенку предложили на выбор несколько пар, причем все они прошли генетический отбор.

— У тебя не было никаких проблем с внуками?

— Во всяком случае, статистически значимых, если пользоваться словарем Майкла.

Когда они вернулись в столовую, стол опустел. Майкл сказал им, что перенес кофейник и чашки в кабинет. Николь включила пульт кресла и последовала за ними в большой кабинет — мужской, с темными деревянными полками и огнем, пылающим в камине.

— Огонь настоящий? — спросила Николь.

— Да, — ответил Майкл. Он склонился вперед

в своем мягком кресле. — Ты интересовалась нашими детьми. Мы хотим, чтобы ты встретилась с ними, но, безусловно, не хотим перегружать тебя...

— Понимаю, — Николь отпила кофе из чашки, — и согласна с вами... Конечно, нам бы не удалось так спокойно и полезно поговорить, если бы за столом находилось еще шесть человек.

— Но ты забыла о четырнадцати внуках, — напомнила Симона.

Николь поглядела на Майкла и улыбнулась.

— Прости меня, Майкл, но *ты* сегодня представляешь самое нереальное видение из всего, что я здесь лицезрела. Я гляжу на тебя, и мой ум отказывается понимать. Ты ведь на двадцать лет старше меня, но сейчас тебе на взгляд всего лишь шестьдесят; ты явно стал моложе, чем был, когда мы оставили Узел. Как это могло случиться?

— О, их мастерство на грани волшебства. Они переделали меня практически целиком: заменили сердце, легкие, печень, пищеварительную и выделительную системы, большую часть моих эндокринных желез. Мои кости, нервы, мышцы, кровеносные сосуды укреплены миллионами микроскопических имплантатов, которые не только обеспечивают выполнение жизненно важных функций, но и во многих случаях биохимически омолаживают состарившиеся клетки. Моя кожа — особый материал, который они усовершенствовали лишь недавно; она обладает всеми качествами настоящей человеческой кожи, но не стареет, на ней нет родинок и бородавок... Раз в год они помещают меня в госпиталь, там я провожу два

дня без сознания и выхожу совершенно новым человеком.

— Подойди-ка сюда, чтобы я могла прикоснуться к тебе, — Николь усмехнулась. — Нет, я не буду вкладывать персты в раны от гвоздей на твоих руках*, ничего подобного. Но пойми, мне трудно поверить твоим словам.

Майкл О'Тул пересек комнату и опустился на колени перед ее креслом-коляской. Николь протянула руку, прикоснулась к коже на его лице... гладкая, как у молодого человека... Глаза чисты и ясны.

— А твой мозг, Майкл, — негромко спросила Николь, — что они сделали с твоим мозгом?

Он улыбнулся. Николь заметила, что на его лбу нет морщинок.

— Многое, — ответил он. — Когда память начала мне отказывать, они переделали мой гиппокамп. Они оснастили его собственной конструкцией, чтобы повысить мои способности... Около двадцати лет назад они также установили мне более совершенную операционную систему, чтобы усилить мыслительный процесс.

Майкл был совсем рядом, и свет очага отражался на его лице. Николь вдруг затопила волна воспоминаний. Она вспомнила, какими задушевыми друзьями они были на Раме, моменты

---

* Имеется в виду евангельская легенда об апостоле Фоме, усомнившемся в Воскресении Иисуса Христа: «Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» (Иоанн, 20, 24-29).

близости между ними, когда Ричард пропал. Николь вновь прикоснулась к его лицу.

— И ты остался Майклом О'Тулом? — спросила она. — Или же превратился в получеловека-полуинопланетянина?

Ничего не говоря, он направился к своему креслу — походкой атлета, а не человека, отметившего столетие.

— Не знаю, как ответить на твой вопрос. Я четко помню события моего детства в Бостоне и все важное в моей жизни. И, по-моему, я в сущности не изменился...

— Майкл до сих пор пылко верует и изучает творение Господа, — впервые после долгого перерыва в разговор вступила Симона. — Конечно, он чуть переменился; все мы меняемся, повинуюсь обстоятельствам нашей жизни...

— Я остался искренним католиком. Читаю утренние и вечерние молитвы, но здесь мои представления о Боге и о человечестве, вполне естественно, кардинально изменились — после всего, что мы с Симоной увидели... Но если на то пошло — моя вера только окрепла... в частности, в результате моих разговоров с...

Он остановился и поглядел на Симону.

— В первые годы, мама, — сказала она, — когда мы с Майклом еще были одни в Узле около Сириуса, нам жилось достаточно сложно... Мы могли говорить только друг с другом... я была практически еще девочкой, Майкл же взрослым мужчиной; я не умела разговаривать о физике, о религии или на другие его излюбленные темы...

— Никаких особых проблем, как ты понима-

ешь, — добавил Майкл. — И все же нам было в известной мере одиноко... Мы великолепно ладили друг с другом, общение обогащало нас... но нам было нужно что-то еще...

— Тогда интеллект Узла — если ты хочешь так звать ту силу, которая заботится о нас, — ощутил наши сложности. Он также понял, что Орел не удовлетворяет нашим личным потребностям. Поэтому для каждого из нас создали искусственного друга, подобного Орлу.

— Гениальная идея, — проговорила Симона, — сразу сняла все эмоциональное напряжение, которое угрожало нашему идеальному браку. Когда Святой Микель...

— Я все объясню сам, моя дорогая, — перебил ее Майкл. — Однажды вечером, примерно через два года после того, как все вы отправились к Земле, Симона в спальне возилась с Катей, и в нашу дверь постучали... Я решил, что пришел Орел... но, когда открыл дверь, передо мной оказался человек с темными вьющимися волосами и синими глазами, просто идеальная копия Святого Микеля Сиенского. Он сказал мне, что Орел более не будет общаться с нами и что именно он станет моим новым посредником в общении с интеллектом Узла...

— Святой Микель, — произнесла Симона, — обладал обширными познаниями в истории, богословии, физике и всех прочих земных науках, в которых я была полностью невежественна...

— *Кроме того*, — Майкл поднялся со своего кресла, — он с готовностью отвечал на вопросы о том, что творилось в Узле... Нельзя сказать,

чтобы Орел об этом умалчивал, но Святой Микель держался более участливо и дружелюбно, словно бы Господь послал его руководить мной, быть наставником моего ума.

Николь поглядела на Майкла, потом на Симону и снова на Майкла. Лицо того словно светилось. *Его вера не охладела*, подумала она. *Просто отлилась в новую форму.*

— И этот самый Святой Микель до сих пор посещает вас? — спросила Николь, допивая кофе.

— Именно так, — проговорил Майкл. — Мы не стали представлять ему Патрика (Симона сказала, что у нас для этого нет времени), но очень хотим познакомить тебя с ним. Помнишь все эти бесконечные вопросы, которые любил задавать Ричард... кто построил Узел и Раму и с какой целью? Святой Микель знает все ответы, причем объясняет все весьма красноречиво!

— Боже! — произнесла Николь с легким оттенком сарказма в голосе. — Звучит просто фантастично... слишком прекрасно, чтобы быть истиной... Ну и когда же я буду иметь честь встретиться со Святым Микелем?

— Прямо сейчас, если хочешь, — с надеждой в голосе проговорил Майкл О'Тул.

— Ну хорошо, — Николь подавила зевок. — Но помни, я — больная и взбалмошная старуха... и сегодня уже не смогу долго сидеть.

Майкл торопливо подошел к дальней двери кабинета.

— Святой Микель, — позвал он. — Вы не зайдете, чтобы поговорить с матерью Симоны?

Через несколько секунд в комнате появился

молодой — едва за двадцать — священник в темно-синем одеянии. Подойдя к креслу Николь, Святой Микель с благостной улыбкой проговорил:

— Весьма рад нашему знакомству. Я слышал о вас столько лет.

Николь протянула ему руку и внимательно поглядела на инопланетянина. Судя по внешности, перед ней стоял человек. *О Боже! Мало того, что техника их фантастична, потрясает и скорость, с которой они усваивают информацию.*

— Давайте с самого начала кое-что уточним, — Николь криво улыбнулась Святому Микелю. — Для меня здесь слишком много Майклов, я не собираюсь постоянно называть вас Святым Микелем. Это не в моем стиле. Могу ли я звать вас просто Святым или Майком, Микки... как вам угодно?

— Когда я имею дело с обоими, то зову своего мужа Большим Майклом, — сказала Симона. — Так мы привыкли.

— Ну хорошо, — отозвалась Николь. — Как говаривал Ричард, «с волками жить...». Садитесь, Микель, около моего кресла... Большой Майкл так перевозносил вас, что я не хочу, чтобы скверный слух помешал старухе усвоить перлы вашей премудрости.

— Спасибо за комплимент, Николь, — ответил Святой Микель с улыбкой. — Майкл и Симона перевозносили ваши многочисленные достоинства, но забыли упомянуть про бойкость ума.

Он тоже личность, подумала Николь. Неужели чудеса никогда не кончатся?

Через час Симона помогала ей устроиться на ночь в комнате для гостей в противоположном конце коридора. Николь легла на бок, глядя в окно. Она очень устала, но заснуть не могла. У нее был чересчур возбужден, она вновь перебирала события дня.

Быть может, позвонить, чтобы мне дали какое-нибудь снотворное, подумала Николь, автоматически нащупывая кнопку на столе возле постели. *Симона сказала, что Святой Микель войдет, если я позову. Он может сделать все, на что способен Орел.* Убедив себя в том, что в случае необходимости — если, конечно, не заснет, — она сумеет позвать на помощь, Николь приняла позу, в которой привыкла засыпать, и отпустила на волю свои думы, обратившись мыслью прежде всего к тому, что увидела или слышала здесь, в этом изолированном уголке, где обитали Майкл, Симона и их семья. Святой Микель объяснил ей, что этот небольшой кусочек Новой Англии внутри жилого модуля Узла окружен местами обитания нескольких сотен других видов разумных существ. *Почему же,* спросила Николь, *Большой Майкл и Симона решили жить отдельно от всех остальных?*

— Долгие годы, — ответил ей Майкл О'Тул, — мы жили совместно с многими видами разумных существ. Пока появлялись на свет наши четверо детей, нас перебрасывали с места на место, испытывая на приспособляемость и совместимость с большим числом растительных и животных видов... Святой Микель только подтвердил то, что мы подозревали уже давно, — наши хозяева

преднамеренно подвергали нас воздействию разнообразной среды, чтобы собрать как можно больше информации о нас... Каждое новое соседство создавало новые сложности...

Большой Майкл помедлил на миг, словно бы в эмоциональном напряжении.

— В те ранние дни психологические трудности были просто невероятны. Едва мы адаптировались к определенному набору условий жизни, их резко меняли... И я не сомневаюсь, что смерти Даррена можно было избежать, не будь все в том подземном мире настолько странным... В другой раз мы едва не потеряли Катю, когда ей было всего два года... какая-то морская каракатица приняла ее любопытство за акт агрессии...

— А когда нас второй раз отправили спать, — проговорила Симона, — и переместили в этот Узел, мы с Майклом были утомлены и обессилены после многих лет опытов. Дети выросли, завели собственные семьи, и мы потребовали уединения, которое нам и предоставили...

— Мы по-прежнему выходим во внешний мир, — добавил Майкл, — но общаемся с экзотическими существами из далеких звездных систем лишь тогда, когда хотим этого сами, а не потому что вынуждены это делать... Святой Микель регулярно сообщает нам о всех событиях, происходящих среди баскетбольщиков, прыгунов и крылатых черепах. Он связывает нас со всем Узлом.

Святой Микель — существо необычайное, думала Николь, и даже более совершенное, чем Орел. Он отвечает на все вопросы с такой уверенностью.

Но вот что смущает меня... Действительно ли верны его ответы на мои вопросы относительно Бога, а также происхождения и судьбы Вселенной? Или же Святого Микеля запрограммировали, учитывая любовь Майкла к катехизису, чтобы он мог стать для него идеальным партнером?

Николь повернулась в постели, вспомнила свои собственные взаимоотношения с Орлом. *Быть может, я ревную, потому что Майкл узнал столь многое... а Орел не хотел или не мог ответить на мои вопросы... Но какому ребенку лучше: тому, чей наставник все знает и умеет обо всем рассказать, или тому, который находит ответы самостоятельно, руководствуясь намеком учителя?.. Не знаю... не знаю... Но Святой Микель производит весьма благоприятное впечатление.*

— Разве ты не понимаешь, Николь, — Большой Майкл выскочил из своего кресла в очередной раз. — Все мы участвуем в великом эксперименте Господа. *Вся эта Вселенная — не просто наша Галактика, все звездные системы до конца небес — составляет для Бога одну экспериментальную базу... Он, Она, Оно — называй как хочешь — добивается совершенства, то есть такого набора начальных параметров, когда Вселенная, приведенная в движение преобразованием энергии в материю, пройдя путь в миллиарды лет, в своей эволюции достигнет идеальной гармонии, воплощающей непревзойденное мастерство Творца...*

Николь не без труда разобралась в нескольких математических уравнениях, но, несомненно, поняла смысл тех диаграмм, которые Святой Микель рисовал на доске в кабинете.

— Значит, — говорила Николь кудрявому инопланетянину с невероятно глубокими синими глазами, — существует бесчисленное множество вселенных, каждую из которых создал Бог при различных начальных условиях, а потом Он каким-то образом поместил вас и Орла в Узел и Раму, чтобы собирать информацию? И все для того, чтобы Господь мог написать некое математическое уравнение, дающее гармонический результат?

— Именно так, — отвечал Святой Микель, снова указывая на диаграмму. — Представим себе, что координатная система, которую я нарисовал, символически описывает гиперповерхность параметров, определяющих миг творения, когда энергия преобразуется в материю. Любой набор параметров Вселенной или вектор, представляющий конкретный набор начальных условий, может быть изображен на моей диаграмме одной точкой. Господь же разыскивает очень небольшую замкнутую плотную область, расположенную на этой математической гиперповерхности. Обнаружив эту область, он при любых начальных условиях сумеет создать Вселенную, которая в конце концов разовьется до полной гармонии.

— Невероятно сложная задача, — проговорил Большой Майкл, — ведь нужно создать такую Вселенную, в которой абсолютно все существа будут хвалить Господа. Если не хватает материи, взрыв и инфляционная стадия творения завершаются образованием вечно расширяющейся Вселенной. Отдельные ее компоненты не смогут прореагировать, дав

возможность эволюции породить и поддерживать жизнь. Если материи окажется слишком много, тогда Вселенная может погибнуть прежде, чем в ней успеет сформироваться разум.

— Богу приходится иметь дело с хаосом, — объяснял Святой Микель. — Хаос — это экстраполяция всех физических законов, управляющих эволюцией любой созданной Вселенной. Он не позволяет заранее определить исход крупномасштабных процессов. Поэтому Бог не может априори рассчитать, что случится в будущем, и аналитическим методом вычислить зону гармонии... лишь эксперимент позволяет Ему определить границы...

— Кроме того, Богу приходится иметь дело с колоссальным объектом, — добавил Большой Майкл. — Успеха он может добиться лишь в том случае, если элементарные частицы объединятся в атомы в звездных катастрофах и не только породят жизнь и разум — возникшая жизнь достигнет духовного и технологического развития, позволяющего заняться преобразованием всего вокруг себя...

Словом, Бог, вспоминала Николь разговор, является высшим проектировщиком и инженером. Он создает свое творение и позволяет воспринять это чудо появившимся живым существам через миллиарды лет...

— Есть одна вещь, которой я все-таки не понимаю, — сказала Николь двум Майклам и Симоне, когда вечер близился к концу. — Почему Бог создает столько вселенных ради одного эксперимента? Ведь когда существование гармоничного исхода подтвердится, все станет таким легким?

Разве нельзя просто дублировать начальные условия для этой Вселенной?

— Для Бога это недостаточно сложная проблема, — отвечал Святой Микель. — Господь желает знать размеры зоны гармонии на гиперповерхности параметров творения и все ее математические характеристики... К тому же, едва ли мы способны осознать масштабы проблем, стоящих перед Богом. Лишь для минимальной доли всех вселенных возможен гармоничный исход. Обычно преобразование энергии в материю завершается возникновением Вселенной, в которой нет жизни вообще, или в лучшем случае обитают агрессивные существа-недолгожителы, склонные разрушать, а не созидать. Даже небольшую область гармонии внутри эволюционирующей Вселенной следует рассматривать как чудо... Вот почему это трудное дело и представляет интерес для Бога.

Большой Майкл снова соскочил с кресла.

— Господь намеревается создать Вселенную, в которой установится *полная* гармония. Свою лепту в нее будут вносить не только все существа со всех ее миров... каждая элементарная частица будет активно участвовать в этой гармонии. Когда-то я сам не мог осознать всего величия этой концепции. А потом Святой Микель рассказал мне о разумных созданиях, которые, превращая элементы, способны породить живых существ из камня и глины, как сделал это наш библейский Бог. *Полная* гармония требует, чтобы развитые виды, подобные нам, использовали свои технологические возможности для преобразования неодушевленной мате-

рии в существа, которые внесут свой вклад в гармонию...

Николь вспомнила: именно в этот момент она заявила, что переутомилась и хочет лечь спать. Святой Микель попросил ее подождать еще несколько минут, чтобы он мог подвести итог несколько беспорядочной дискуссии. Николь согласилась.

— Возвращаясь к вашему первоначальному вопросу, — отвечал Святой Микель, — скажу: каждый из Узлов составляет часть иерархии разума, собирающего информацию о данной Галактике. Бóльшая часть галактик, включая и Млечный Путь, обладает единой сверхмощной станцией, которую мы зовем Перводвигателем, располагающейся возле центра звездной системы. Набор Перводвигателей был создан Богом в миг творения, а потом использовался для контроля за ходом эволюционного процесса. Узлы, Носители и все прочие инженерные сооружения были в свою очередь спроектированы Перводвигателями. Вся их деятельность, не исключая полетов первого Рамы в вашу Солнечную систему, в своей природе опирается на объективные критерии, которыми пользуется Господь, чтобы его последующие творения достигли славы и гармонии, невзирая на хаос естественных законов.

Николь присвистнула.

— Это совершенно потрясающая мысль, — сказала она, включая коляску. — Все, не могу больше.

Но я не настолько утомлена, чтобы заснуть, думала она. Как можно спать, узнав цель сущест-

вования Вселенной? Николь усмехнулась. Не могу даже представить себе, что ответил бы Ричард на все это... Сказал бы: остроумная теория, но как она объясняет победы африканских команд в Кубке мира по футболу с 2140 по 2160 год? ... И к тому же, из нее выходит, что смысл жизни более не равен сорока двум. Она усмехнулась снова. Ричард, конечно, выслушал бы все то, что говорил Святой Микель, но и задал бы ему сотни вопросов... Затем мы вернулись бы к себе в комнату и занялись любовью, а потом проговорили бы всю ночь...

Она зевнула и легла на бок. И засыпая, видела пляску несчетных вселенных.

9

Николь проснулась свежей и удивительно энергичной. Она подумала, не нажать ли кнопку возле постели, но решила не делать этого. Она перебралась в свое кресло и, подкатив его к окну, откинула занавеси.

Снаружи было прекрасное утро. Слева протекал небольшой ручей. Трое детей лет восьми-десяти бросали камешки в небольшую запруду за плотинной, перекрывшей ручей. Николь глядела из окна на идеально воспроизведенные поля, деревья и холмы и вдруг ощутила себя молодой, полной жизни.

А почему бы им не починить меня? Пусть заменят все изношенные и поврежденные детали... Я буду жить здесь, с Симоной и Майклом. Быть может, смогу кое-чему научить своих правнуков...

Дети, оставив ручей, побежали по зеленому

полю к загону с лошадьми. Мальчик бежал быстрее всех, но все же ненамного обогнал меньшую из двух девочек. Дети, смеясь, подзывали лошадей к забору.

— Мальчика зовут Захария, — проговорил Большой Майкл за ее спиной. — Две девочки — это Коллин и Симона... Захария и Коллин — дети Кати, Симона — старшая у Тимоти.

Николь не слышала, как он вошел в комнату. Она развернула свое кресло.

— Доброе утро, Майкл, — поздоровалась Николь, глядя в окно. — Просто великолепные ребята.

— Спасибо, — ответил Майкл, подходя к окну. — Я очень счастливый человек. Господь одарил меня удивительной жизнью и невероятными богатствами.

Молча они смотрели на играющих детей. Захария уселся на белую лошадь и начал демонстрировать свое мастерство.

— Я с грустью услышал о смерти Ричарда, — проговорил Майкл. — Патрик мне все рассказал вчера... Должно быть, ты ужасно переживала.

— Да, — согласилась Николь. — Мы с Ричардом были такими друзьями... — Она обратилась к нему лицом. — Ты был бы горд им, Майкл... В последние годы он совершенно переменился...

— Я так и думал. Тот Ричард, которого я знал, никогда бы не вызвался рискнуть своей жизнью ради кого бы то ни было...

— Видел бы ты его с внучкой: с Никки, дочкой Элли. Они были неразлучны. — Он был ее Бубой... Как поздно нежность пришла к нему...

Николь не смогла продолжить: внезапная боль

в сердце одолела ее. Она подъехала к столику и отпила из бутылочки с синей жидкостью.

А потом вернулась к окну. Двое старых друзей вновь смотрели на играющих детей. Теперь и девочки были верхом, затевалась какая-то новая игра.

— Патрик сказал нам, что из Бенджи получился превосходный человек, — проговорил Майкл. — Конечно, кое в чем ограниченный, но вполне достойный, учитывая его способности и долгий сон... Он сказал, что Бенджи самым наглядным образом свидетельствует о твоих стараниях: ты всегда над ним работала, никогда не позволяла ему воспользоваться обстоятельствами в качестве оправдания... — Теперь уже Майкл задохнулся. Он обернулся к Николь со слезами на глазах и взял ее за руку. — Чем я могу отблагодарить тебя за то, что ты воспитала мальчиков, особенно Бенджи, с такой заботой?

Николь поглядела вверх со своего кресла.

— Они наши сыновья, Майкл. Я очень люблю их.

Майкл вытер нос и глаза носовым платком.

— Мы с Симоной хотим, чтобы ты встретилась с нашими детьми и внуками, но решили, что сперва должны кое-что тебе рассказать... Мы не знали, как ты прореагируешь... Более того, было бы несправедливо не предупредить тебя: иначе ты бы не поняла реакцию детей...

— Что такое, Майкл? — осведомилась Николь. Она улыбалась. — Ты явно с трудом добиваешься до истины.

— Действительно, — он пересек комнату и

дважды торопливо нажал кнопку возле ее постели. — Николь, у меня к тебе весьма деликатное дело... Вспомни — вчера мы сказали тебе, что у нас с Симоной есть друзья, созданные инопланетянами...

— Да, Майкл, — ответила Николь.

Она еще глядела в окно. Майкл подошел к ней и взял за руку. Из дома вышла женщина лет пятидесяти, атлетического сложения с темно-бронзовой кожей, и быстро пошла к конюшне. И фигура женщины, и ее походка казались знакомыми Николь. Заметив женщину, дети замахали и направились к ней на конях.

Николь услышала имя, которое выкрикнул Захария, и вдруг все поняла. Ее словно громом ударило. Женщина быстро обернулась, и Николь увидела себя в точности такой, какой была, оставляя Узел сорок лет назад. Трудно было сдержать свои эмоции.

— Больше всего Симоне не хватало тебя, — проговорил Майкл, сочувствуя потрясению, выразившемуся на лице Николь. — И потому инопланетяне сотворили ей подругу по твоему образу... Просто удивительная копия. Не только внешности — ты можешь увидеть это сама, — но и личности. Мы с Симоной еще в самом начале были поражены идеальным сходством. Она ходила, как ты, говорила, как ты, даже думала, как ты... словом, через неделю Симона звала ее мамой, а я — Николь. С тех пор она нас не оставляла.

Николь глядела на свою копию, не говоря ни слова. *Выражение на лице, даже жесты — совсем как прежде*, подумала она. Николь не отводила

глаз от женщины, приближающейся к дому с тремя детьми.

— Симона решила вчера, что ты расстроишься или, быть может, почувствуешь себя не на месте, когда обнаружишь, что твоя копия провела с нами все эти годы. Но я заверил ее, что все будет хорошо, просто тебе потребуется какое-то время, чтобы привыкнуть к этой мысли... В конце концов, насколько мне известно, еще никому из людей не приходилось иметь дело со своей точной роботокопией.

Инопланетная Николь, подхватив одну из девочек, подбросила ее в воздух. А потом все четверо поднялись по ступенькам и вошли в дом.

Они зовут ее бабулей, подумала Николь. Она может бегать, ездить на лошади, подбрасывать их в воздух... Она не старуха, прикованная к креслу-каталке. Ненужная жалость к себе кольнула сердце Николь. Итак, Симона не нуждалась во мне. Ее мать была все эти годы при ней, готовая помочь и посоветовать, не старящаяся и ничего не просящая.

Николь почувствовала, что вот-вот заплачет. Она собралась с силами.

— Майкл, — проговорила она, заставляя себя улыбнуться. — Пожалуйста, дай мне минутку подготовиться к завтраку.

— А тебе не потребуется какая-либо помощь? — спросил он.

— Нет, нет... все будет хорошо... Я просто хочу умыться и чуть-чуть накраситься.

Слезы накатили через несколько секунд, как только дверь за ним закрылась. *В этом доме нет*

места для меня, решила Николь. Здесь уже есть бабуля, у меня нет ее достоинств, хотя она всего только машина.

На обратном пути в транспортный центр Николь не произнесла ни слова. Она все еще молчала, когда челнок, оставив жилой модуль, отправился в космос.

— Ты не хочешь говорить об этом, так? — поинтересовался Орел.

— Не совсем, — ответила Николь в микрофон на ее шлеме.

— Тебя расстроила эта встреча? — спросил Орел несколько секунд спустя.

— Ах, что ты... совершенно нет. Одно из самых великолепных переживаний в моей жизни... Большое спасибо тебе.

Орел развернул челнок так, что они теперь медленно двинулись назад. Огромный освещенный тетраэдр занимал все окно.

— К обновлению твоего организма можно приступить сегодня же, — промолвил Орел. — К началу следующей недели ты будешь моложе Большого Майкла.

— Нет, спасибо, — ответила Николь.

После долгого молчания Орел проговорил:

— Похоже, ты не рада?

Николь обернулась, чтобы поглядеть на своего спутника-инопланетянина.

— Рада, в особенности за Симону и Майкла. Удивительно лишь то, что их жизнь оказалась такой полной... — Николь глубоко вздохнула. —

Быть может, я просто устала: столько всего испытать за такой короткий отрезок времени.

— Не исключено, — согласился Орел.

Николь погрузилась в раздумья, методично припоминая все, что случилось с ней после пробуждения. Лица шести детей и четырнадцати внуков Симоны и Майкла проходили перед ее умственным взором. *Приятные ребята*, сказала она себе, *но особой разницы не заметно*.

Но чаще всего заставляло себя вспоминать другое лицо — то, которое некогда представало перед ней в зеркале. Она согласилась с Симоной и Майклом, что другая Николь невероятно похожа на нее и являет собой полный триумф техники инопланетян. Правда, Николь не стала говорить, им о том, как странно встречаться с собой — только с более молодой. И как странно осознавать, что машина заменила тебя в сердцах и мыслях твоих же собственных потомков. Николь безмолвно следила за тем, как та Николь и Симона хохотали над спором, который много лет назад в Узле Симона затеяла со своей младшей сестрицей Кэти. Инопланетянка вспомнила подробности, уже забытые самой Николь. *Даже ее память лучше моей... Какое великолепное решение всей проблемы рождения и смерти... зафиксировать личность в расцвете сил и сохранить ее навечно, как легенду, по крайней мере для тех, кто ее любит.*

— А как я могу убедиться в том, что Майкл и Симона, с которыми я говорила вчера и сегодня утром, действительно люди, а не имитация — столь же искусная, как и моя копия? — спросила Николь у Орла.

— Святой Микель сказал, что ты задала ему несколько тонких вопросов относительно прежней жизни Большого Майкла, — проговорил Орел. — Разве тебя не удовлетворили ответы?

— Но когда час назад мы погрузились в машину, я поняла, что часть информации могла оказаться в биографии Майкла, взятой с «Ньютона». А я знаю, что вы имеете доступ к этим данным...

— Зачем нам обманывать тебя? Разве мы когда-нибудь поступали подобным образом?

— А сколько еще детей Симоны и Майкла до сих пор живы? — меняя тему разговора, поинтересовалась Николь несколько минут спустя.

— Еще тридцать два живут здесь в Узле, — ответил Орел. — И более сотни в других местах.

Николь покачала головой. Она вспомнила хроники сенуфо: «И потомки ее распространятся среди звезд небесных»... *Омэ будет доволен*, подумала она.

— Итак, вы усовершенствовали процесс вне-маточного развития детей из оплодотворенной яйцеклетки? — спросила Николь.

— Более или менее, — ответил Орел.

И снова они летели молча долгое время.

— А почему ты никогда не рассказывал мне о Перводвигателях?

— Это было запрещено, по крайней мере до пробуждения... Ну а после того ты просто не спрашивала.

— А все ли верно в словах Святого Микеля? Про Бога, хаос и Вселенную?

— Насколько мы знаем, все устроено именно так. Во всяком случае, эти данные запрограмми-

рованы в наших системах... конечно, никто из нас никогда не видел Перводвигатель.

— А что, если вся эта история лишь миф, созданный более высоким интеллектом, чем ваш, в качестве официального объяснения, которое следует предоставить людям?

Орел помедлил.

— Такая возможность существует... Но сам я никак не могу этого установить.

— А можешь ли ты знать, не было ли раньше в твоих системах запрограммировано какое-то иное объяснение?

— Нет. Я не полностью контролирую содержимое моей памяти.

Николь пребывала в смятении. Периоды долгого молчания прерывались потоками явно нелогичных вопросов. Так, ей пришло в голову спросить, почему у одних Узлов четыре модуля, а у других — три. Орел объяснил ей, что добавляется Модуль Познания, примерно к каждому десятому или двенадцатому Узлу. Тогда Николь захотела узнать, чем именно характерен Модуль Познания. Орел ответил ей, что в нем скапливается вся информация об этой части Галактики.

— Это наполовину библиотека, наполовину музеев, и там содержится огромный объем информации в самых разнообразных формах.

— А сам ты бывал когда-нибудь внутри Модуля Познания? — спросила Николь.

— Нет, — ответил Орел. — Однако мои системы содержат его описание...

— А могу я попасть туда?

— Живое существо может войти в Модуль Познания, лишь имея специальное разрешение.

Когда Николь заговорила снова, она спросила о том, что случится с людьми, которые будут переведены в Узел через день-другой. Орел терпеливо отвечал на сменявшие друг друга короткие вопросы. Выяснилось, что люди будут жить в жилом модуле совместно с несколькими видами разумных существ и что за ними будут внимательно следить. Симона и Майкл вместе с семьей получают возможность объединиться с другими людьми, перебравшимися в Узел, но сделают они это или нет — неизвестно.

Николь приняла решение за несколько минут, прежде чем они добрались до «морской звезды».

— Я хочу провести здесь только сегодняшний вечер и попрощаться со всеми.

Орел поглядел на нее с любопытством.

— А завтра, — продолжила Николь, — если ты сможешь получить разрешение, я хочу побывать в Модуле Познания... И пусть перестанут мне давать лекарства, когда я оставлю «морскую звезду»... Не надо спасать меня, если в сердце начнутся какие-нибудь неполадки.

Николь глядела прямо вперед — сквозь лицевую пластину своего шлема за окно челнока. *Мое время пришло*, сказала она себе. *Хватило бы только отваги не дрогнуть.*

— Да, мама, — проговорила Элли. — Я понимаю, я действительно понимаю... Но я твоя дочь. Я люблю тебя. И независимо от того, что кажется

тебе логичным, меня не радует перспектива никогда больше не видеть тебя.

— Так что вы от меня хотите? — спросила Николь. — Чтобы они сделали из меня какую-то бионическую женщину, которая будет вечно толкаться среди вас, играть роль *гранд-дамы*, надуваться от важности и утомлять всех разговорами? Подобная перспектива меня не привлекает.

— Мы все восхищаемся тобой, мама, — сказала Элли. — Вся твоя семья любит тебя, и ты можешь потратить годы жизни на общение с Симоной, Майклом и их детьми... У тебя никогда не будет проблем с нами...

— Дело не в этом, — Николь развернула свое кресло и оказалась лицом к голой стене. — Вселенная — это постоянное обновление, — произнесла она, обращаясь столько же к себе, сколько и к Элли. — Все — личности, планеты, звезды, даже галактики — имеют свой жизненный цикл, и смерть должна последовать за рождением. Ничто не длится вечно. Даже сама Вселенная... Перемены и обновления являются важной частью всего процесса. Октопауки знали это очень хорошо. Вот поэтому-то они включили терминацию в качестве неотъемлемой части всей концепции возобновления общества.

— Но, мама, — отозвалась Элли из-за ее спины, — когда нет войны, октопауки заносят в терминационные списки лишь тех, кто не вносит достаточный вклад в свое общество, не оправдывает потраченных на него ресурсов... Нам же ничего не стоит сохранить тебе жизнь... а твои мудрость и опыт бесценны.

Николь улыбнулась.

— Элли, ты очень умная женщина, — проговорила она. — И я согласна с тем, что в твоих словах есть доля правды. Но ты полностью игнорируешь два главных элемента, определяющих мое решение... По причинам, которых ни ты и никто другой не может понять, мне важно самой выбрать время смерти. Я хочу принять это решение *прежде*, чем стану для вас обузой, выпадом из главного потока жизни, пока я еще пользуюсь уважением моей семьи и друзей. Кроме того, теперь я не вижу для себя места в мире, и поэтому не могу оправдать в своих глазах то мощное физиологическое воздействие, которое необходимо, чтобы я смогла функционировать не создавая всем сложностей... Словом, мне пора уходить, и это подтверждается многими факторами.

— Как я говорила тебе с самого начала, — ответила Элли, — этот холодный рационализм — не важно, верны его результаты или нет, — не может стать единственным аргументом. А ты не подумала, какая потеря ждет меня, Бенджи, Никки и всех остальных? И наша скорбь лишь усилится, поскольку смерти можно было избежать...

— Элли, я вернулась сюда, чтобы попрощаться с тобой и со всеми остальными и еще, чтобы уговорить вас не печалиться обо мне... Посмотри на октопауков: они не скорбят...

— Мама, — перебила ее Элли, борясь со слезами, — мы не октопауки, мы — люди... мы скорбим... горюем, когда умирает любимый. Да, мы знаем, что смерть неизбежна и что она

является частью универсальной схемы, но тем не менее мы плачем, ощущаем острую боль...

Элли помедлила на миг.

— Мама, или ты забыла, как чувствовала себя после гибели отца и Кэти? На тебя страшно было смотреть.

Николь медленно глотнула, поглядела на свою дочь. *Я знала, что это будет нелегко, подумала она. Быть может, мне не следовало возвращаться назад... Наверное, надо было просто попросить Орла сказать всем, что я умерла от сердечного приступа.*

— Я знаю, что ты расстроилась, — негромко проговорила Элли, — обнаружив инопланетного робота, который заменил тебя в семье Майкла и Симоны... но не стоит переигрывать. Рано или поздно их дети и внуки узнают, что реальную Николь де Жарден-Уэйкфилд заменить невозможно.

Николь вздохнула. Она чувствовала, что проигрывает сражение.

— Я сказала тебе, Элли, что для меня нет места в семье Майкла и Симоны. Но не нужно утверждать, что моя реакция на другую Николь является единственной и даже главной причиной такого решения.

Николь ощущала утомление. Прежде чем отправиться спать, она намеревалась сперва переговорить с Элли, затем с Бенджи, а потом с остальными. Но разговор с Элли оказался куда труднее, чем она ожидала. *Но хорошо ли ты подумала? — спросила Николь себя. Неужели ты реально рассчитывала на то, что Элли скажет: ага, мама, великолепно, ты очень умно поступаешь?*

Жаль, конечно, что тебя больше не будет, но я полностью тебя понимаю.

В дверь комнаты постучали. Когда она отворилась, за ней оказался Орел.

— Я не помешал? — осведомился инопланетянин.

Николь улыбнулась.

— Полагаю, мы созрели для небольшого перерыва, — проговорила она.

Извинившись, Элли отправилась мыться, а Орел подошел к Николь.

— Ну, как дела? — спросил он, нагибаясь к креслу.

— Не так уж здорово, — ответила Николь.

— Я решил зайти, чтобы сказать тебе — просьба о посещении Модуля Познания одобрена. Но при одном условии: все, о чем ты говорила мне в челноке, должно остаться неизменным...

Николь просветлела.

— Хорошо. Теперь мне остается только призвать отвагу и закончить все, что я затеяла.

Орел похлопал ее по спине.

— Ты сумеешь это сделать. Ты самый необычный человек из всех, с кем мы встречались.

Голова Бенджи покоилась на ее груди. Николь лежала на спине, одной рукой обхватив сына за плечи. *Вот какова последняя ночь моей жизни,* думала она, погружаясь в сон. Легкий страх прикоснулся к телу, она отогнала его. *Я не боюсь смерти,* сказала Николь себе, *что в ней может быть страшного после всего, что я уже пережила.*

Посещение Орла укрепило ее. Когда разговор

с Элли возобновился, Николь признала справедливость всех соображений дочери, сказала, что ни в коем случае не хочет расстраивать друзей и семью, но тем не менее не отказывается от своего решения. Обращаясь к Элли, она заметила, что, когда ее не станет, у них с Бенджи, а отчасти и у всех остальных появится возможность подрасти, избавившись от авторитета, с которым всегда приходилось считаться.

Элли назвала Николь упрямой старухой и заявила, что при всей своей любви и уважении все же попытается поддержать мать в немногие остающиеся часы. Элли также спросила, не собирается ли Николь каким-нибудь образом ускорить свою смерть. Николь рассмеялась и сказала дочери, что никаких дополнительных мер не потребуется, поскольку Орел заверил, что без медикаментов ее сердце откажет через несколько часов.

Разговор с Бенджи оказался не столь трудным. Элли вызвалась помочь с объяснениями, и Николь приняла ее предложение. Бенджи знал, что матери его плохо, однако ему не говорили о том, что медицина инопланетян может ее исцелить. Элли заверила Бенджи, что Макс, Эпониная, Никки, Кеплер, Мариус и Мария не оставят его. Из всех остальных лишь у Эпонины глаза наполнились слезами, когда Николь объявила семье о своем решении. Макс сказал, что его это в общем-то не удивляет. Мария чуточку опечалилась, узнав, что более не увидит женщину, которая спасла ей жизнь. Кеплер, Мариус и даже Никки просто не знали, что говорить, а потому молчали.

Готовясь ко сну, Николь обещала себе, что первым же делом с утра постарается встретиться с Синим Доктором и должным образом распрощается со своей подругой. Прежде чем выключить свет, Бенджи пришел к ней и сказал, что, поскольку это последняя их ночь, он хотел бы поспать возле нее — как прежде, когда он был маленьким мальчиком. Николь согласилась, и когда Бенджи прижался к ней, слезы потекли по ее лицу, затекая в уши и капая на подушку.

10

Николь рано проснулась. Бенджи уже встал и оделся, но Кеплер еще спал в дальнем конце комнаты. Бенджи снова помог Николь принять душ и собраться.

Через несколько минут в помещение вошел Макс. Разбудив Кеплера, он подошел к коляске Николь и взял ее за руку.

— Друг мой, я не сказал тебе многого вчера вечером, — проговорил Макс, — потому что не мог отыскать нужных слов... но и теперь я не могу найти их...

Макс отвернулся.

— Что за черт, Николь! — произнес он дрожащим голосом, глядя в сторону. — Ты знаешь, как я к тебе отношусь... ты такой человек... такой человек.

Он умолк. В комнату доносился лишь звук бегущей воды из душа, где мылся Кеплер. Николь пожала руку друга.

— Спасибо тебе, Макс, я так благодарна тебе.

— Когда мне было восемнадцать, — неуверенным тоном проговорил Макс, поворачиваясь, чтобы поглядеть на Николь, — отец мой умер от редкого вида рака... Клайд, мама и я знали, что смерть близка, словом, он сгорел у нас на глазах прямо за несколько недель... Но я все-таки не мог в это поверить, даже когда увидел его в гробу... Мы отслужили панихиду на кладбище, были только наши друзья из соседних ферм да автомеханик из Де-Куина; звали его Вилли Таунсенд, они с отцом набирались каждый субботний вечер...

Макс улыбнулся и расслабился.

— Обожаю рассказывать. Вилли — вот был тип... холостяк, снаружи что твой гвоздь, а под коркой мягкий, как глина... В молодости он влюбился в королеву красоты средней школы Де-Куина и больше не заводил подружки... ну, в общем, мама попросила меня сказать несколько слов об отце над его могилой, я согласился... написал их, выучил и даже проговорил перед Клайдом... Когда начались похороны, я все помнил... «Мой отец, Генри Аллан Паккетт, был прекрасным человеком», начал я, а потом сделал паузу, как и планировал, и огляделся. Вилли уже хлюпал носом и смотрел в землю... И вдруг я забыл все, что намеревался сказать. Мы стояли так под горячим арканзасским солнцем, наверное, секунд тридцать или более того... а я так и не вспомнил остаток речи. В конце концов от отчаяния и смущения я произнес: «Ах ты, ё-моё», и Вилли немедленно громко добавил: «Аминь».

Николь хохотала.

— Макс Паккетт, подобного тебе нет нигде во всей Вселенной.

Макс ухмыльнулся.

— Вечером мы с мамзелькой в постели говорили о той другой Николь, которую инопланетяне сделали для Симоны и Майкла. Эп заметила, что не худо было бы попросить для нее робота Макса; ей хочется иметь идеального мужа, во всем безотказного... даже ночами... Словом, мы с ней хохотали до тех пор, пока бока не заболели, пытаясь представить, как может проявить себя робот в постели...

— Стыдись, Макс, — отозвалась Николь.

— Ну, это не я — мамзелька проявила избыток воображения... Кстати, меня послали сюда с особой целью: информировать тебя, что за дверью мы приготовили завтрак, чтобы попрощаться с тобой и пожелать bon voyage* — называй как хочешь... короче, начало через восемь минут.

Николь с восхищением обнаружила, что у всех за завтраком было легкое и приятное настроение. Она несколько раз подчеркивала вчера вечером, что ее уход не должен вызывать скорбь, его подобает отметить, как день завершения удивительной жизни. По-видимому, семья и друзья ее в итоге согласились с ней, поскольку печаль на их лицах она замечала лишь изредка.

Элли и Бенджи сидели с Николь за длинным столом, устроенным кубико-роботами. Возле Элли была Никки, потом Мария и Синий Доктор. На противоположной стороне за Бенджи располага-

---

* Счастливого пути (франц.).

лись Макс и Эпони́на, затем Мариус, Кеплер и Орел. Во время еды Николь с удивлением заметила, что Мария разговаривает с Синим Доктором.

— Я не знала, что ты понимаешь цветовую речь, Мария, — сказала Николь с явным одобрением в голосе.

— Чуть-чуть, — ответила девушка, слегка смущенная вниманием. — Но Элли учит меня.

— Отлично, — отозвалась Николь.

— Но истинный полиглот среди нас, — произнес Макс, — твой друг-птичечеловек, сидящий в конце стола. Мы видели, как он вчера цокал и взвизгивал, разговаривая с игуанами.

— Ух! — выпалила Никки. — Даже не хочу разговаривать с этими противными тварями...

— Они видят мир не так, как вы — ответил Орел. — Много проще и примитивнее.

— Только вот хотелось бы выяснить, — Эпони́на обращалась прямо к Орлу. — Нельзя ли и мне попросить себе робота-компаньона? Мне нужен такой, чтобы был похож на Макса, правда, не такой вспыльчивый и ругатель, хорошо бы с некоторыми усовершенствованиями...

Все расхохотались. Николь и сама улыбнулась, оглядев собравшихся. *Великолепно*, отметила она. *Даже представить не могла лучших проводов.*

Пока Николь укладывала свою сумочку, Синий Доктор и Орел дали ей последнюю дозу синей жидкости. Она была рада возможности с глазу на глаз проститься с Синим Доктором.

— Спасибо тебе за все, — просто сказала Николь, обнимая свою подругу.

— Всем нам будет не хватать тебя, — ответила Синий Доктор цветowymi полосами. — Новый Верховный Оптимизатор планировала грандиозное прощание, но я сказала ей, что это неуместно... она попросила меня проститься с тобой от лица всего нашего народа.

Все проводили ее до воздушного шлюза. Там каждый, наклоняясь к коляске, еще раз с улыбкой обнял ее, а потом Орел и Николь вступили в воздушный шлюз.

Николь вздохнула, когда Орел устроил ее в челноке и занялся коляской.

— Они вели себя здорово, — заметила Николь.

— Все тебя очень любят и уважают, — отозвался Орел.

Оставив «морскую звезду», они увидели перед собой огромный светлый тетраэдр.

— И как ты себя чувствуешь? — спросил Орел. С облегчением Николь ответила:

— Боюсь чуточку.

— Этого следовало ожидать.

— А как ты думаешь, сколько мне осталось? — спросила Николь несколько секунд спустя. — Когда откажет мое сердце?

— Заранее точный момент назвать нельзя.

— Я это понимаю, но вы же ученые... и, конечно, прикидывали...

— Часов шесть или десять.

Словом, через шесть или десять часов меня не станет, подумала Николь. Теперь страх сделался осязаемым. Она не могла полностью избавиться от него.

— А что чувствует мертвый? — спросила Николь.

— Мы полагали, что ты задашь этот вопрос, — ответил Орел. — Нам говорят, что это как будто бы тебя выключили.

— Итак, вечное ничто?

— Примерно.

— А сам акт умирания? Есть ли в нем что-нибудь особенное?

— Мы не знаем. И надеемся, что ты поделишься с нами своими ощущениями.

Долгое время они летели молча. Узел быстро увеличивался в размерах. Наконец, корабль чуть изменил ориентацию, и Модуль Познания переместился в середину окна... остальные три блока Узла находились под ними.

— А можно ли и мне задать вопрос? — спросил Орел.

— Пожалуйста, — Николь обернулась и улыбнулась своему инопланетному компаньону из глубин шлема. — Мне кажется, ты обнаруживаешь непривычную робость.

— Я просто не хочу вторгаться в твои раздумья.

— Нет, сейчас я не думала ни о чем. Мой ум просто скитался.

— Почему ты решила провести последние мгновения своей жизни в Модуле Познания?

Николь расхохоталась.

— Ну, это самый запрограммированный вопрос из всех, которые я здесь слышала. Я даже могу представить себе свой ответ, заложенный в какой-

нибудь бесконечный файл под рубрикой «Смерть: люди» среди прочих каталожных категорий.

Орел молчал.

— Когда много лет назад мы с Ричардом остались одни в Нью-Йорке, — произнесла Николь — и уже не рассчитывали на спасение, то немало времени провели в разговорах о том, как проведем последние мгновения перед смертью. Прежде всего мы решили, что займемся любовью. А потом помечтали узнать что-нибудь новое, последний раз испытать радость открытия...

— Идея весьма прогрессивная, — ответил Орел.

— И практичная, — добавила Николь. — Если я все правильно понимаю, в этом модуле мне будет настолько интересно, что я даже не замечу, как пройдут последние секунды моей жизни... При всей своей решимости я допускаю, что могу поддаться страху, если не займу себя чем-нибудь в эти последние часы.

Теперь Модуль Познания уже полностью заполнил окно.

— Прежде чем мы войдем внутрь, — проговорил Орел, — я хочу поделиться с тобой некоторой информацией об этом месте... Сферический модуль разделен на три отдельные концентрические области, каждая из них имеет определенное назначение. Внешний, самый большой круг отведен знаниям, связанным с настоящим или недавним прошлым. В промежуточном слое накоплена вся информация об этой части Галактики, а центральная сфера содержит модели предсказанного будущего, все стохастические сценарии для грядущих эпох...

— А я думала, что ты никогда не бывал внутри, — сказала Николь.

— Верно. Но мои сведения о Модуле Познания сегодня были расширены...

Дверь во внешней поверхности сферы открылась, и челнок начал вползать внутрь.

— Минуточку! Значит, у меня почти нет шансов оставить этот модуль живой?

— Да, — ответил Орел.

— Тогда, пожалуйста, разверни этот корабль, чтобы я могла в последний раз глянуть на мир.

Челнок медленно повернулся, и Николь припала к окну. Она увидела другие сферические модули Узла, транспортные коридоры, за ними корабль-«звезду», в котором ее друзья и семья готовились к переезду на новое место. Неподалеку виднелась желтая звезда Тау Кита, очень похожая на Солнце. Однако ее лучи не мешали Николь различить звезды на черной ткани космоса.

Ничто здесь не переменится после моей смерти, подумала Николь. Просто на одну пару уменьшится число глаз, видящих это великолепие. Еще одна горстка химических веществ, избавившись от сознания, перестанет удивляться чудесам Вселенной.

— Спасибо, — проговорила Николь, завершив обзор. — Можем продолжать.

11

Корабли, входившие в Модуль Познания из пространства, а также трубы, соединявшие его с тремя другими модулями, сходились на длинном

вокзале, протянувшись вдоль кольца, полностью охватывающего огромную сферу.

— Войти в каждую из трех концентрических областей Модуля Познания можно лишь через два входа, разнесенные на сто восемьдесят градусов, — проговорил Орел на движущемся тротуаре, неторопливо уносившем их с Николь от входа. По правую руку располагалась прозрачная внешняя поверхность модуля, слева — молочно-белая, лишенная окон стена.

— Когда я смогу снять скафандр и шлем? — спросила Николь из кресла.

— После того как мы войдем в экспозицию, — ответил Орел. — Мне пришлось заказать нечто вроде тура — нельзя же за одну ночь переменить атмосферу во всем модуле, — и там тебе не потребуется космический костюм.

— Итак, ты уже определил, что мы увидим?

— Этого нельзя было избежать. Перед нами колоссальный объем — он много больше любого из полуцилиндров Рамы и просто забит информацией... Я наметил маршрут, основываясь на своих представлениях о твоих интересах и исходя из того времени, которым мы располагаем... но если ты захочешь что-то еще...

— Нет, нет, — возразила Николь. — Я не знаю, чего просить. Ты поступил правильно.

Движущийся тротуар остановился, налево от него уходил широкий коридор.

— Кстати, — проговорил Орел. — Наш маршрут ограничен двумя внешними кругами — область предсказания будущего для нас закрыта.

— Почему же? — спросила Николь, включая кресло и двигаясь по коридору возле Орла.

— Точного ответа дать не могу. Да это и не существенно, если учитывать обстоятельства твоего визита сюда. Любопытного хватит и в двух доступных тебе областях.

Перед ними оказалась высокая глухая стена. Когда Орел и Николь приблизились, в ней открылась широкая дверь, за которой они обнаружили высокое округлое помещение; внутри него находилась сфера десяти метров в диаметре. Стены и потолок комнаты были сплошь покрыты непонятным оборудованием и странными пометками. Орел сказал Николь, что не может дать пояснений.

— Мне сообщили, — проговорил инопланетянин, — что о ходе твоего визита нам расскажут внутри сферы, находящейся сейчас перед тобой.

Блестящая сфера разделилась пополам по диаметру. Верхняя часть полушария приподнялась, так чтобы Николь и Орел могли войти. И как только они оказались внутри, верхняя половина сферы опустилась на прежнее место, полностью закрывая их.

Темно было лишь секунду-другую. А потом небольшие рассеянные огоньки осветили ту часть сферы, к которой были обращены их лица.

— Здесь можно видеть целую бездну подробностей, — отметила Николь.

— Перед нами модель круга первого, — отозвался Орел. — Мы смотрим на него изнутри, как если бы располагались в самом центре Модуля Познания и если бы не было обоих внутренних кругов... Это можно видеть по тому, как разме-

щаются объекты относительно поверхности, не только впереди и позади нас, но и под ногами и над головой. Ничто не углубляется в пустое центральное пространство дальше фиксированного расстояния. В реальном модуле здесь расположена стенка, разделяющая оба домена... А теперь огни покажут тебе на модели, где мы проведем последующие несколько часов.

Обращенный к ним большой сектор сферы — примерно тридцать процентов поверхности — вдруг осветился.

— В освещенной области, — проговорил Орел, показывая рукой, — все связано с космоплаванием. Наш маршрут проляжет в этой части круга... Мерцающая красная точка перед тобой отмечает, где мы сейчас находимся...

На глазах Николь красный пунктир быстро пробежал по поверхности в точку над ее головой, возле которой была изображена галактика Млечный Путь.

— Сперва мы отправимся в Географический район, — произнес Орел, указывая на место, где остановились огоньки. — Потом в Инженерный, а затем в Биологический... После короткого перерыва мы продолжим наш путь во второй круг... Какие еще у тебя есть вопросы?

Они направились вверх по наклонному пандусу в небольшой машине, похожей на ту, которой пользовались в жилом модуле во время визита к Майклу и Симоне. Путь впереди и позади них был освещен, но прилегающие окрестности всегда оставались в тени.

— А что находится вокруг нас? — спросила Николь примерно через десять минут.

— Тут хранится информация, устроено несколько выставок, — ответил Орел. — А темно, чтобы ты не отвлекалась.

Наконец они остановились перед высокой дверью.

— Зал, в который ты сейчас войдешь, — Орел развернул кресло Николь, — здесь самый крупный: ширина его составляет примерно полкилометра. В нем располагается модель галактики Млечный Путь. Внутри перед нами окажется мобильная платформа, которая может переместить нас в любую точку зала... Будет темно, демонстрация будет производиться и сверху и снизу. Тебе покажется, что ты падаешь, но помни — ты не имеешь веса...

С платформы открывался весьма впечатляющий вид. И Николь ощутила восторг: когда она направились к центру просторного зала вокруг горели огоньки, во тьме окружавшие их повсюду... Звезды — одиночные, двойные, тройные... небольшие и стационарные желтые, красные гиганты, белые карлики. Они пролетели даже над взрывающейся сверхновой. Куда ни погляди, было видно что-то новое и интересное.

Через несколько минут Орел остановил платформу.

— Пожалуй, начнем отсюда, из знакомых тебе мест.

С помощью указки, из которой выбегал световой луч, он показал на ближайшую желтую звезду.

— Ты узнаешь это место?

Но Николь все еще глядела на бесконечные огоньки, окружавшие их.

— Неужели все сто миллиардов звезд нашей Галактики действительно смоделированы в этой комнате? — спросила она.

— Нет, — ответил Орел, — ты видишь лишь часть ее, пусть и большую... я объясню тебе через несколько минут, когда мы дойдем до того места в зале, откуда можно посмотреть на галактическую плоскость верху... Сюда я привел тебя по другой причине.

Николь узнала Солнце, тройную звезду Центавра, даже звезду Барнарда и Сириус. Она не могла вспомнить названия прочих звезд, расположенных в окрестностях Солнца, но все-таки заметила другую одиночную желтую звезду не столь далеко от него.

— А это Тау Кита? — спросила она.

— Да, — согласился Орел.

Как близко от Солнца Тау Кита, подумала Николь, а ведь для нас она так далека. Действительно, Галактика намного больше, чем люди могут представить.

— Расстояние от Солнца до Тау Кита, — проговорил Орел, словно читая ее мысли, — составляет одну десятитысячную поперечника всей Галактики.

Николь покачала головой, когда платформа начала уходить от Солнца и Тау Кита. *Сколько же здесь такого, чего я не могла даже представить себе. На каком крохотном пятачке космоса происходили все мои путешествия!*

Справа от движущейся платформы Орел спроектировал трехмерный объем. Манипулируя черным пультом в руке, он заставил этот объем уменьшаться и увеличиваться.

— У нас есть много способов управлять тем, что проецируется в эту комнату. С помощью вот такого устройства мы можем изменять масштаб и выбирать любую область Галактики... Позволь мне показать, как это делается. Скажем, я помещаю красный огонек в середине туманности Ориона. Эта метка определяет нужное нам положение. Теперь я увеличиваю геометрический объем, чтобы он включал примерно тысячу звезд... Смотри...

В комнате на секунду стало темно, как в угольной яме, а потом Николь вдруг ослепил на этот раз другой набор огней. И скопления, и отдельные звезды сейчас выглядели куда более четко. Орел пояснил, что в данный момент вся комната находится внутри туманности Ориона, а длина показываемого объема соответствует нескольким сотням световых лет, а не шестидесяти тысячам, как прежде.

— Перед тобой звездные ясли, — проговорил Орел, — где рождаются звезды и планеты. — Он передвинул платформу вправо. — Вот здесь зарождается новая Солнечная система. Сейчас она находится еще на ранней стадии формирования и похожа на вашу — какой она была четыре с половиной миллиарда лет назад.

Он очертил одну из звезд, через несколько секунд комната наполнилась светом юной звезды. Николь видела, как разбушевала кипящая поверхность. Высоко над ее головой вырос огромный

протуберанец, протянувшийся красно-оранжевым пальцем в темноту космоса.

Орел направил платформу к другому телу, одному из нескольких комков, окружавших молодую звезду. Поверхность планеты была слегка расплавлена. Громадный астероид ударил в горячую жидкость, выбросив огненный хвост и разогнав во все стороны огромные волны.

— В соответствии с нашими статистическими данными, — продолжил Орел, — после нескольких миллиардов лет эволюции, когда период бомбардировки и формирования поверхности завершится, на этой планете почти наверняка должна возникнуть жизнь. У этой планеты будет одиночная стационарная звезда, атмосфера с необходимой климатической изменчивостью, все химические ингредиенты, нужные для жизни... Хочешь, смотри сама: я включаю подпрограмму, которая пробегает периодическую систему и показывает информацию о количестве различных атомов в этой кипящей материи...

В черном небе юной планеты появился великолепный видеотерминал.

Каждый отдельный атом, содержащийся в массе планеты, был помечен отпределенным цветом, а также числом нейтронов и протонов. Размер атома свидетельствовал о его распространенности на планеты.

— ... Отметим значительное количество углерода, азота, галогенов и железа, — говорил Орел. — Это исключительно важные атомы. Все они были созданы взрывом сверхновой, не так уж давно вспыхнувшей неподалеку отсюда, обогатив состав

формирующегося тела... без сложной химии не может быть сложной жизни... Если железо не сделается центральным атомом гемоглобина, как это было, например, на вашей планете, система переноса кислорода в организмах будет менее эффективной...

Итак, процесс творения продолжается, думала Николь. Эон за эоном звезды и планеты образуются из космической пыли. И лишь немногие из планет содержат все нужные элементы, которые в конце концов позволяют возникнуть жизни и разуму. Но что организует этот процесс? Какая незримая рука заставляет химические молекулы становится все более и более сложными, организовывает их, пока они не достигнут стадии самосознания? Или же существует какой-то еще не сформулированный нами закон природы, устанавливающий правила самоорганизации материи?

Орел пояснял, насколько невероятно появление жизни в звездных системах, содержащих лишь легкие и простые атомы (например, водород и гелий), где нет более сложных атомов, порожденных умирающими звездами во взрывах сверхновых. Николь стало скучно, ей захотелось зрелищ, более соответствующих человеку.

— А до какой степени можно сжать эту комнату? — вдруг спросила Николь и улыбнулась собственной словесной неловкости. — Точнее говоря, — продолжила она, — каково максимальное разрешение этой системы?

— Самый высокий уровень разрешения отвечает масштабу 4096:1. С другой стороны, мы можем выйти за пределы Галактики, где наиболь-

шим расстоянием будет 50 000 000 световых лет... Учти, что наш интерес к действиям вне Галактики ограничен...

Николь прикинула в уме.

— Поскольку размер зала составляет полкилометра, вы можете показать здесь объект примерно в две тысячи километров длиной, не так ли?

— Правильно. Но почему ты спрашиваешь меня?

Николь взволновалась.

— Нельзя ли переключиться на Землю? — поинтересовалась она. — Можно ли пролететь над Францией?

— Да, наверное, — ответил Орел, немного помедлив. — Хотя планировал я не это...

— Но для меня это так важно.

— Ну хорошо, — согласился Орел. — Потребуется пара секунд, но это вполне возможно...

Полет начался над Ла-Маншем. Орел и Николь просидели на платформе наверху темной комнаты всего три секунды, и под ними вспыхнул свет. Когда глаза Николь приспособились к новым условиям, она узнала под собой голубые воды, омывающие берега Нормандии. Вдали Сена впадала в пролив.

Она попросила Орла остановить платформу над устьем Сены и потом медленно двинуться вверх, в сторону Парижа. Знакомые географические объекты возбуждали в Николь сильное волнение. Она вспомнила дни своей молодости, когда беззаботно блуждала по этим краям рядом со своим дорогим отцом.

Модель была великолепна. Она становилась трехмерной, когда размеры географических объектов и сооружений превышали пределы разрешения инопланетной системы. Знаменитый Руанский собор, в котором Жанну д'Арк принудили к временному отречению, был полсантиметра высотой и двух сантиметров длиной. Поглядев в сторону Парижа, Николь заметила знакомый контур Триумфальной арки, выступающей над поверхностью модели.

Когда они достигли Парижа, платформа несколько секунд помедлила над шестнадцатым *arrondissement**. Николь мельком взглянула на одно из зданий внизу. Вид этого сооружения заставил ее вспомнить особенно яркие моменты детства. *Моей драгоценной дочери Николь и всей молодежи мира я предлагаю одну простую истину, услышала она голос отца, заканчивавшего свою речь по случаю награждения его премией Мэри Рено**.* В моей жизни я нашел лишь две истинные ценности — знание и любовь. Ничто другое — ни слава, ни власть, даже успех — не обладает столь же вечным смыслом.

Облик отца целиком занял память Николь. *Спасибо тебе, папа, подумала она. Спасибо за то, что ты так заботился обо мне после смерти матери. Спасибо за все, чему научил меня...*

Болезненная могучая тоска наполнила слезами глаза Николь. На миг она вновь ощутила себя

---

* Округ, район (франц.).

** Современная английская романистка, пишущая на исторические темы.

ребенком, ей отчаянно захотелось поговорить с отцом, пожаловаться ему на то, что и ей предстоит умереть. Медленно и упорно Николь возвращала себе спокойствие. *Не так я хотела себя чувствовать сейчас. Все это должно было остаться позади...*

Она отвернула лицо от модели Франции.

— Что такое? — спросил Орел.

Николь вынужденно улыбнулась.

— Мне захотелось увидеть что-нибудь другое... яркое и новое. Как насчет города октопауков?

— Ты действительно хочешь этого?

Николь кивнула.

В зале немедленно стало темно. И когда через две секунды Николь повернулась к свету, платформа летела над темно-зеленым океанским простором.

— Где мы находимся? — спросила она. — И куда мы летим?

— Сейчас мы оказались примерно в тридцати световых годах от вашего Солнца, — ответил Орел, — на первой океанской планете, колонизированной октопауками после исчезновения Предтеч... Как ты видишь, мы летим над морем, примерно в двух сотнях километров от самого знаменитого из городов октопауков.

Николь ощутила восторг: платформа летела над морем, вдали смутно проступали очертания каких-то сооружений. И на миг ей представилось, что она, предприимчивая космическая путешественница, впервые прилетела на эту планету и с нетерпением ждет встречи с чудесами сказочных

городов, о которых рассказывают межзвездные странники.

Как здорово, подумала Николь, мельком взглянув на океан под собой.

— А почему вода здесь так зелена? — спросила она у Орла.

— Верхний слой океана представляет собой богатую экосистему, в которой преобладает особый вид фотосинтезирующих растений: разнообразные и всегда зеленые, они предоставляют кров и пищу не менее чем десяти миллионам различных созданий... отдельные экземпляры этих растений покрывают более квадратного километра территории... Их создали Предтечи... а октопауки обнаружили и усовершенствовали...

Поглядев вверх, Николь заметила, что торопливая платформа уже почти добралась до города. Внизу возникли сотни сооружений различных форм и очертаний. В основном здания октопауков были построены на суше, но некоторые как будто плавали на воде. Самая плотная группа сооружений протянулась вдоль узкого полуострова, выступавшего в море. В конце его высились три огромных зеленых купола, определявших очертания города. На периферии города кружком располагались еще восемь куполов поменьше: каждый был связан транспортной артерией с центральными куполами. Все внешние купола различались по цвету, и почти все сооружения вокруг них были покрашены в тот же цвет. Например, ярко-красный купол на поверхности океана был окружен восемью красными длинными и тонкими спицами, расположенными через равные промежутки.

Все строения города укладывались внутрь круга, очерченного восемью цветными куполами. Николь сразу понравилось странное бурое сооружение, плававшее на воде. Оно оказалось почти столь же огромным, как центральные купола. Сверху прямоугольник напоминал многослойный каркас из плотно утрамбованной ячеи, набитой птичьим пухом.

— Что это? — спросила Николь, указывая вниз.

— Здешние октопауки очень далеко продвинулись в микробиологии. В этом сооружении, которое уходит еще на десять метров под воду, размещены тысячи различных поселений, где живут крохотные существа размером в микрон. Перед тобой склад, где хранятся крошечные создания. Если октопаукам понадобится какое-нибудь из этих существ, они берут их отсюда.

Глаза Николь пожирали необычную архитектуру. Умственным взором она уже видела себя на улицах в окружении созданий, куда более удивительных, чем тот зверинец, который она лицезрела в Изумрудном городе. *Я хочу побывать там,* сказала она себе. *Я хочу видеть...*

Она попросила Орла остановить платформу непосредственно над одним из больших зеленых куполов.

— А внутренности этого купола похожи на то, что было в Изумрудном городе?

— Не совсем, — ответил Орел. — Масштаб совершенно иной... Область обитания октопауков на Раме представляла собой сжатый микрокосм. Функции, которые обычно разделены на этой

планете сотнями километров, в связи с пространственными ограничениями исполнялись в одном и том же районе... Например, в развитых колониях октопауков альтернаты не живут за городскими воротами — им отведена собственная планета...

Николь улыбнулась. *Планета, полная альтернатив, подумала она. Ничего себе видок.*

— ... Этот город вмещает более восемнадцати миллионов октопауков, если учесть все различные морфологические вариации, — говорил Орел. — Он является административным центром данной планеты. Кроме них в городе обитает до десяти миллиардов отдельных существ, представляющих пятьдесят тысяч различных видов... Размер этого города примерно эквивалентен Лос-Анджелесу или любому большому городу на вашей Земле...

Орел продолжал приводить факты и цифры о городе октопауков, но Николь думала о другом.

— А Арчи жил здесь? — спросила она, прерывая энциклопедический монолог своего спутника. — Или Синий Доктор, или кто-то из тех октопауков, с которыми я встречалась?

— Нет, — ответил Орел. — Дело в том, что они происходят с другой планеты, располагающейся даже не в этой звездной системе... Эти октопауки прибыли на Раму из приграничной колонии, генетически рассчитанной на взаимодействие с иными разумными формами жизни.

Николь покачала головой и улыбнулась. *Конечно же, сказала она себе. Могла бы и сама понять, что они особенные...*

Она начинала ощущать усталость и через несколько минут, поблагодарив Орла, призналась,

что вдоволь насмотрелась на город октопауков. Купола, бурое сооружение и темно-зеленое море разом исчезли. Орел поднял платформу к потолку огромного зала.

Внизу в небольшое пятно съезжился Млечный Путь.

— Вселенная — это вечно расширяющаяся последовательность пустот и обитателей жизни, — проговорил Орел. — Посмотри, как пусто вокруг Млечного Пути. Рядом нет ничего, кроме двух Магеллановых облаков, которые даже нельзя считать галактиками. Ближайшим нашим звездным соседом является туманность Андромеды, но она далеко. Длина нашей Галактики составляет всего двадцатую часть пути до Андромеды.

Но Николь не думала об Андромеде. Она была поглощена восхитительными философическими размышлениями о жизни на других мирах, о городах, стоящих на них, о существах, возникших из простейших атомов, эволюционировавших с помощью высших существ или обретавших самосознание без них. Она наслаждалась моментом, понимая, что полеты воображения, прежде так улаждавшие ее жизнь, скоро навсегда оставят ее.

12

— Мы провели здесь слишком много времени, — проговорил Орел, закончив сканирование. — Скорее всего придется пересмотреть маршрут.

Они сидели бок о бок в машине.

— Я слышу тактичный намек на то, что сердце

мое отказывает быстрее, чем ты рассчитывал? — Николь заставила себя улыбнуться.

— Нет, — ответил Орел. — Мы и в самом деле провели здесь почти в два раза больше предусмотренного мной времени. Например, я не планировал полет над Францией и городом октопауков...

— Это было восхитительно! — произнесла Николь. — Мне бы так хотелось снова побывать там, но уже вместе с Синим Доктором, и побольше узнать о жизни октопауков.

— Словом, город октопауков понравился тебе больше, чем прекрасные звездные панорамы?

— Я бы так не сказала. Все это было фантастично... но то, что я видела, лишь подтвердило мою уверенность: похоже я избрала правильное место, чтобы... — она не стала заканчивать фразу. — ... Там, на платформе, я поняла, что со смертью приходит конец не только сознанию и мыслям, но и всем ощущениям... Не знаю почему, но до меня это прежде не доходило.

Орел молчал.

— Итак, мой друг, — энергично проговорила Николь. — Куда же мы направляемся дальше?

— Я предполагал, что дальше мы поедем в Инженерный район, где ты могла бы ознакомиться с моделями Узлов, Носителей и прочих космических аппаратов, а после этого, если у нас еще хватит времени, посетим Биологический. Там в похожем на Землю поселении обитают твои плоть от плоти внуки. Возле него расположено обиталище тех морских угрей или змей, с которыми ты однажды столкнулась в Узле. Там есть таксоно-

мический дисплей, позволяющий сопоставить физически всех космоплавателей, изученных в этом районе...

— Все это прекрасно, — ответила Николь и вдруг расхохоталась. — Человеческий мозг удивителен. Мне только что пришла в голову первая строчка стихотворения Эндрю Марвелла «Моей застенчивой даме»... «несчетны будь миры и дни, застенчивость — повремени»... но, поскольку времени у нас в обрез, я бы предпочла начать с выставки Носителей. Мне бы хотелось увидеть космический аппарат, в котором живут Патрик, Наи, Галилей и все остальные... А потом посмотрим, сколько у нас останется времени.

Машина тронулась с места. Николь отметила, что Орел ничего не сказал ей о результатах сканирования. Страх вернулся с новой силой. *Могила — тихое и миленькое место...* вспомнила она. *Но там ты не жених и не невеста.*

Они находились на плоской палубе модели Носителя.

— Она уменьшена в шестьдесят четыре раза, — проговорил Орел, — но теперь ты можешь понять, насколько велики Носители.

Сидя в кресле, Николь посмотрела вдаль.

— Боже! Выходит, эта равнина около километра длиной.

— Совершенно верно, — ответил Орел. — Палуба Носителя имеет сорок километров в длину и пятнадцать в ширину.

— И под каждым из этих пузырей скрывается совершенно особое замкнутое поселение?

— Да. Атмосфера и все прочие условия контролируются оборудованием, размещенным на палубе. Дополнительные инженерные системы располагаются внизу в основном объеме космического корабля... Каждое из поселений раскручивается с собственной скоростью вращения, чтобы создать нужную гравитацию. Если необходимо, внутри него можно установить стенки, чтобы разделить виды. Всех прибывших на «морской звезде» поместили в одной области, потому что они привыкли к одним и тем же условиям. Но у них нет доступа друг к другу.

Николь с Орлом двигались между оборудованием и пузырями.

— Некоторые из этих поселений, — проговорила Николь, глядя на небольшой овальный выступ, возвышавшийся над палубой не более чем на пять метров, — кажутся чересчур малыми и неудобными и годятся разве что для нескольких личностей...

— Существуют и очень маленькие космоплатеры, — ответил Орел. — Один такой вид, порожденный звездной системой, не столь уж удаленной от вашей, имеет размер около миллиметра. Самый крупный их космический корабль не больше этой машины.

Николь попыталась мысленно представить разумных муравьев или термитов, сооружающих космический корабль. Она улыбнулась воображаемой картине.

— И все эти Носители просто путешествуют от Узла к Узлу? — спросила она, меняя тему.

— В основном. Когда пустеет какой-нибудь из пузырей, их перестраивают в одном из Узлов.

— Как Раму, — сказала Николь.

— В известном смысле, но есть существенные различия. Мы интенсивно изучаем создания, находящиеся на кораблях класса Рамы, и стараемся создать для них по возможности близкие к реальным условия, чтобы наблюдать за ними в «естественной среде». Напротив, мы уже *не нуждаемся* в информации о существах, приписанных к Носителям, и потому не вмешиваемся в их дела.

— Только предотвращаете размножение... Значит, по вашим этическим нормам эта мера более гуманна — не знаю, каким термином пользуетесь вы сами, — чем терминатия неудачников?

— Да, мы так считаем.

Они поднялись к месту, откуда дорожка возвращалась в коридоры Модуля Познания.

— Кажется, здесь все понятно, — проговорила Николь и, помедлив, добавила: — Но у меня есть еще пара вопросов.

— Слушаю.

— Если верить объяснению, данному Святым Микелем по поводу назначения Рамы и Узла, не вносите ли вы возмущения в тот процесс, за которым наблюдаете? Мне кажется, что уже сам факт вашего появления здесь влияет на...

— Ты права, — согласился Орел. — Наше присутствие действительно чуть *меняет* курс эволюции. Ситуация аналогична принципу неопределенности Гейзенберга в физике... Мы не можем наблюдать за процессом, не влияя на него... Тем

не менее Перводвигатель учитывает наше влияние, моделируя весь процесс. Кроме того, у нас есть правила, позволяющие минимизировать воздействие наших исследований на естественную эволюцию...

— Жаль, что Ричард не мог услышать объяснений Святого Микеля, — проговорила Николь. — Он бы весьма заинтересовался ими и, без сомнения, задал бы великолепные вопросы.

Орел не ответил. Николь вздохнула.

— Итак, что дальше, месье экскурсовод?

— Перекусим, — сказал Орел. — Я взял пару сэндвичей, воду и твои любимые фрукты, к которым ты привыкла у октопауков.

Николь рассмеялась и повернула свое кресло к машине.

— Ты всегда все предусматриваешь, — промолвила она.

— Ричард не верил в рай, — сказала Николь, когда Орел закончил очередное обследование. — Но, если у него было какое-то представление о том месте, куда он хотел бы попасть после смерти, то, конечно, ему виделось нечто подобное.

Орел вглядывался в странные загогулины на мониторе, который держал в руке.

— Я думаю, что нам придется, — он поглядел на Николь, — опустить некоторые отрезки нашего маршрута и немедленно отправиться к самым интересным участкам следующего домена.

— Значит, дела плохи, — прокомментировала Николь. Она не очень удивилась этому. Короткие уколы, которые Николь испытывала до посещения

Франции и города октопауков, превратились в непрерывную боль. Страх тоже не отпускал ее. За всеми мыслями она ощущала, что смерть уже неподалеку. *Так чего же ты боишься?* — спросила себя Николь. *Как может пугать ничто?* Но страх не исчезал.

Орел пояснил, что у них нет времени на ориентацию во втором домене. Миновав ворота, они направились прямо в глубь второго круга и ехали так минут десять.

— В этом домене, — говорил Орел, — упор сделаем на перемены во времени. Здесь выделены отдельные области для каждого элемента Галактики, который воздействует на эволюцию и в свой черед изменяется под ее влиянием... Не сомневаюсь, что тебя в особенности заинтересует первая экспозиция.

Зал был похож на тот, где Николь и Орел увидели Млечный Путь, разве что оказался значительно меньше. Они вновь поднялись на движущуюся платформу, позволявшую им передвигаться в темном помещении.

— То, что ты увидишь сейчас, — проговорил Орел, — требует некоторых пояснений. В сущности это можно назвать схемой эволюции космоплавающих цивилизаций в галактическом районе, содержащем ваше Солнце и примерно еще десять миллионов звездных систем. Приблизительно это соответствует одной десятитысячной части Галактики, но все, что ты увидишь, характерно и для всего звездного острова...

— Ты не увидишь звезд, планет или других физических объектов, хотя их расположение учтено

в этой модели. Каждый огонек соответствует звездной системе, породившей вид космоплавателей, способных вывести космический аппарат по крайней мере на орбиту вокруг своей планеты. Огонек светится, пока существует цивилизация космоплавателей...

— Я начну свой показ со времени, отстоящего от сегодняшнего дня примерно на десять миллиардов лет, когда только что сформировалась нынешняя галактика Млечный Путь. Вначале вся картина была нестабильной и переменчивой, долгое время космоплаватели вообще не появлялись. Поэтому первые пять миллиардов лет, прошедшие до образования вашей Солнечной системы, я пробегу быстро, со скоростью двадцать миллионов лет в секунду. Чтобы ты знала, Земля начнет формироваться приблизительно через четыре минуты, в это самое время я и остановлю демонстрацию.

Они находились на платформе в большом зале. Орел стоял, а Николь сидела возле него в своем кресле. Светился лишь небольшой огонек на платформе, дававший им возможность видеть друг друга. Проведя в полной тьме более тридцати секунд, Николь нарушила молчание.

— Ты уже начал? — спросила она. — Ведь вокруг ничего не происходит.

— Совершенно верно, — ответил Орел. — Насколько нам известно по другим галактикам, иные из которых значительно старше Млечного Пути, жизнь может возникать лишь тогда, когда Галактика успокаивается и в ней образуются стабильные зоны. Для возникновения жизни

необходимы спокойные звезды, благоприятные условия и образующиеся в результате звездной эволюции элементы периодической системы, столь важные для всех биохимических процессов. Если материю порождают элементарные частицы и простейшие атомы, весьма мала вероятность возникновения жизни вообще, не говоря уже о космоплавателях. Жизнь может возникнуть только в том случае, если массивные звезды завершат свой жизненный цикл и произведут сложные элементы, подобные азоту, углероду, железу и магнию.

Наконец огоньки начали вспыхивать, однако в первые минуты их появилось лишь несколько сотен и в разных местах: только один продержался дольше трех секунд.

— Теперь мы достигли времени образования Земли и Солнечной системы, — проговорил Орел, готовясь продолжить показ.

— Пожалуйста, подожди. Я хочу убедиться в том, что все поняла... Итак, получается, что в начале галактической истории — до возникновения Земли и Солнца — в окрестностях нашей Галактики все-таки появлялись космоплаватели, просуществовавшие, как правило, менее двадцати миллионов лет, и лишь один из этих видов ухитрился протянуть шестьдесят миллионов?

— Именно так. Теперь я добавлю еще один параметр... Если космоплаватели сумели оставить пределы собственной системы и основать постоянную колонию в другой — чего вы, люди, еще не сделали, — тогда их экспансию засвидетельст-

вует появление огоньков того же цвета в иных звездных системах. Так мы можем проследить распространение некоторых из космоплавающих видов... Теперь я намереваюсь уменьшить скорость показа в два раза — до десяти миллионов лет в секунду...

Уже через полминуты в уголке комнаты вспыхнул красный огонек, а спустя шесть-восемь секунд его окружило облачко таких же огней. Все вместе они сияли так ярко, что прочая часть зала, где лишь изредка возникали отдельные огоньки, казалась темной и неинтересной. Неожиданно поле красных огней исчезло — в течение доли секунды. Сперва угасла сердцевина красного созвездия, оставив небольшие группы на краях гигантской области. Миг — и исчезли все красные огоньки.

Ум Николь торопился, пока она следила за огнями, вспыхивавшими вокруг нее. *Какая интересная повесть*, решила она, размышляя о красных огоньках. *Эта цивилизация распространилась на сотни звезд. И вдруг — пуфф... вид исчез... Урок ясен... У всего есть начало и всему есть конец... Бессмертие — только идея, но не реальность.*

Она оглядела зал, в нем вспыхивало все больше и больше огней, но картина, отмечая появление нового вида космоплавателей, всякий раз повторялась. В основном цивилизация космоплавателей существовали недолго — менее секунды по мерке Николь, и даже те, кто заселял соседние звездные системы, лишь иногда близко соприкасались с

огоньками, отмечавшими другой космоплавающий вид.

Итак, разум в нашей Галактике странствовал по просторам космоса еще до того, как появилась Земля, думала Николь. Но очень немногим из этих мудрых созданий удавалось встретиться с равными себе... Значит, одиночество является одним из основных принципов во Вселенной... по крайней мере в нашей.

Восемь минут спустя Орел вновь остановил картину.

— Теперь мы достигли времени, отстоящего от нынешнего дня на десять миллионов лет. На Земле уже давно исчезли динозавры, погубленные климатическими переменами, вызванными падением огромного астероида... но их исчезновение позволило появиться млекопитающим, и одна из их эволюционных линий уже начинает обнаруживать зачатки разума...

Орел умолк. Николь глядела на него с глубокой, почти болезненной сосредоточенностью.

— В чем дело? — осведомился инопланетянин.

— Так придет ли *наша* Вселенная к гармонии? — спросила она. — Или же мы просто останемся одной из экспериментальных точек, что своим негативным примером помогут Господу определить район, который Он ищет?

— Что же заставило тебя задать этот вопрос именно сейчас?

— Вся эта картина, — Николь повела рукой, — представляет собой удивительный катализатор. Ум мой полон вопросов. — Она

улыбнулась. — Но раз времени на них у меня нет, я решила в первую очередь задать самый важный... Глядя на происходящее, нетрудно видеть, как широко разбросаны эти огоньки даже через десять миллионов лет эволюции. Ни один из них так и не стал постоянным даже в этой, относительно небольшой части Галактики. Безусловно, если бы нашу Вселенную ожидала гармония, рано или поздно огоньки — эти знаки разума — должны были вспыхнуть почти в каждой звездной системе. Иначе я не правильно поняла Святого Микеля.

— Я так не считаю, — ответил Орел.

— А где наша Солнечная система? — спросила Николь.

— Вот здесь, — указал Орел с помощью светового луча.

Николь поглядела на область вокруг Земли и торопливо окинула взглядом зал.

— Значит, десять миллионов лет назад среди десяти тысяч наших ближайших звездных соседей обитало шестьдесят космоплавающих видов... и один из них, возникший не так далеко от нас (я имею в виду те темно-зеленые огоньки), заселил двадцать или тридцать звездных систем...

— Правильно, — отозвался Орел. — Можно ли продолжать дальше, но уже с меньшей скоростью?

— Подожди минуточку. Я хочу сперва запомнить их конфигурацию... до сих пор картина менялась быстрее, чем я могла ее осознать...

Она глядела на группу зеленых огней. Ее край

располагался примерно в пятнадцати световых годах от Солнечной системы. Николь попросила Орла продолжать. Он сообщил ей, что теперь за секунду будет проходить всего две сотни тысяч лет.

Зеленые огни пододвигались все ближе и ближе к Земле и внезапно исчезли.

— Стой! — вскричала Николь.

Орел остановил показ и обернулся к Николь с вопросительным выражением на лице.

— А что случилось с этими? — спросила Николь.

— Я же тебе рассказывал пару дней назад. Они генетически перестроили свои организмы и тем уничтожили себя.

Но они почти достигли Земли, подумала Николь. Насколько бы переменялась вся наша история, если бы они добрались до нашей планеты... Они бы, без сомнения, обнаружили интеллектуальный потенциал ранних гоминидов в Африке и сделали бы с ними то, что Предтечи с октопауками. И тогда...

Умственным взором Николь вдруг увидела Святого Микеля, невозмутимо повествовавшего о смысле Вселенной перед камином в кабинете Майкла.

— А можно ли увидеть начало? — спросила Николь.

— Начало чего?

— Начало начал, — проговорила Николь. — Мгновение, когда началась эта Вселенная... когда начался сам процесс эволюции. — Она махнула рукой на модель вниз.

— Я могу это сделать, — ответил Орел после короткой паузы и чуть позже, когда они с Николь остались на платформе в полной тьме, добавил: — Мы не знаем ничего о том, что было *до* сотворения Вселенной. Лишь предполагаем, что некий вид энергии существовал и перед моментом творения, так как нам сказано, что материя данной Вселенной родилась из энергии.

Николь огляделась.

— «И тьма над бездной», — произнесла она, обращаясь скорее к себе самой. — И где-то в этой тьме, если слово «где-то» имеет здесь смысл, сконцентрирована энергия. И Творец... или же энергия является *частью* Творца?

— Мы не знаем этого. Мы знаем только, что участь каждого отдельного элемента Вселенной была решена в один короткий миг. Сам способ, которым энергия была превращена в материю, определил миллиарды лет истории...

Не успел Орел произнести последние слова, как зал наполнился ослепительным светом. Николь, прикрыв глаза, отвернулась от его источника.

— Вот, — потянувшись к кисету, Орел извлек оттуда пару специальных очков для Николь.

— А почему вы сделали вспышку такой яркой? — спросила его Николь, подрегулировав очки.

— Чтобы показать, по крайней мере отчасти, на что были похожи эти начальные мгновения... Смотри, — он указал под ноги. — Я остановил ход процесса через 10^{-40} секунды после мига творения. Вселенная успела просуществовать лишь бесконечно малый отрезок времени, но

тем не менее она уже богата физическими деталями. Весь этот свет исходит из крошечной точки. Вся материя, образующая раннюю Вселенную, не имеет ничего общего с тем, что мы знаем или понимаем. Здесь нет ни атомов, ни молекул. Плотность кварков, лептонов и им подобных частиц так велика, что кроха этой субстанции — не больше атома водорода — перевесит целое скопление галактик в нашу эпоху...

— Просто из любопытства. А где находимся мы с тобой в этот момент?

Орел помедлил.

— Лучше всего ответить — нигде. Или можно сказать, что мы находимся вне модели Вселенной, скажем в другом измерении. Математика ранней Вселенной не работает, пока не появляется более четырех измерений. Конечно, вся пространственно-временная система, которая потом станет нашей Вселенной, содержится в этом маленьком объеме, испускающем всеяющий трепет свет. Его температура, если точна наша модель, в десять триллионов триллионов раз превосходит температуру поверхности самой горячей звезды, которой впоследствии предстоит сформироваться.

— В нашей модели искажены масштабы и расстояние, — продолжил Орел после небольшой паузы. — Сейчас я покажу тебе, что было дальше, ты увидишь, как это маленькое пятнышко расширяется... Так было в Эру Инфляции; космологи утверждают, что в этом случае размеры Вселенной невероятно увеличиваются. Если бы мы не изменили масштаба, то не сумели бы сейчас увидеть

структуру Вселенной в момент 10^{-40} секунды без фантастического микроскопа.

Николь глядела на горящую точку.

— Итак, крохотный шарик огненной материи послужил семенем Вселенной. Из крошечного комка образовались огромные галактики, которые ты показывал мне. Невозможно...

— И не только галактики, — продолжил Орел. — В этот миг определялась возможность существования *всего* во Вселенной...

Маленькая капля вдруг начала расширяться с невероятной скоростью. Николь казалось, что огненная поверхность вдруг вот-вот опалит ее лицо. Миллионы странных структур появлялись и исчезали перед ее глазами. Николь заворужено следила за тем, как материя семь раз изменила свою структуру, переходные этапы были столь же ей не знакомы, как и прежняя раскаленная глобула.

— Я пустил время вперед, — сказал Орел несколько секунд спустя. — То, что ты видишь, существовало примерно через один миллион лет после начала творения, и картину эту знает любой, кто изучал физику. Уже возникли простейшие атомы: три изотопа водорода и два — гелия. Литий сделался самым тяжелым из распространенных атомов... Плотность Вселенной примерно соответствует нынешней плотности атмосферы Земли. Температура уменьшилась до относительно комфортабельной — до сотни миллионов градусов, что на целых двадцать порядков величины *меньше*, чем во времена раскаленной глобулы.

Сдвинув с места платформу, он отправил ее вдоль ступок и волокон.

— Будь мы действительно мудры, — проговорил Орел, — то, рассмотрев строение материи на данной стадии, могли бы предсказать, из каких именно ее частей возникнут галактические скопления... Примерно в это время появился первый из Перводвигателей, вторгшийся в этот во всем прочем натуральный эволюционный процесс. До того момента управлять им было нельзя в связи с невероятной чувствительностью... Любые наблюдения во время первой секунды творения безнадежно исказили бы всю последующую эволюцию.

Орел указал на крошечную металлическую сферу, окруженную огромными скоплениями материи.

— Вот и первый из Перводвигателей, — объявил он, — посланный Творцом из другого измерения ранней Вселенной в нашу эволюционирующую пространственно-временную систему. Его назначение — контролировать происходящее и создавать при необходимости другие системы наблюдений, которые должны были собирать всю дальнейшую информацию о процессе.

— Словом, Солнце, Земля и все человеческие создания, — медленно проговорила Николь, — возникли в результате непредсказуемой естественной эволюции космоса. А Узел, Рама и даже ты со Святым Микелем — продукт воздействия Перводвигателя...

Она помедлила, оглянулась и вновь повернулась к Орлу.

— *Твое* существование можно было предсказать уже после момента сотворения... *Мое* же, как и существование всего человечества, явилось результатом процесса, настолько запутанного математически, что появление человечества нельзя было предсказать еще сотню миллионов лет назад, а это составляет только *один* процент времени, протекшего с момента начала Вселенной...

Николь качнула головой и махнула рукой.

— Ну, довольно, — сказала она, — хватит с меня бесконечностей.

Огромная комната потемнела, лишь на полу платформы светились крохотные огоньки.

— Что с тобой? — спросил Орел, видя расстройство на лице Николь.

— Не знаю, — ответила она. — Мне грустно, словно бы я что-то потеряла... Насколько я поняла: мы, люди, совсем иные, чем ты и Рама. Трудно ожидать, чтобы в этой или другой Вселенной появились существа, хотя бы отдаленно напоминавшие нас... Мы всего лишь брак, побочные дети хаоса. А подобные тебе создания, вероятно, обитают во всех вселенных, за которыми следит Творец...

Наступило недолгое молчание.

— После разговора со Святым Микелем мне показалось, — продолжила Николь, — что Господь хочет, чтобы в этой гармонии звучали и человеческие голоса... Но теперь я убеждена, что наши песни будет слышать лишь планета Земля...

В сердце кольнуло... Боль не отступала. Николь попыталась вздохнуть и поняла, что конец близок.

Ничего не отвечая, Орел внимательно смотрел

на нее. Чуть отдышавшись, Николь выговорила отрывисто:

— Ты сказал мне... когда мы перекусывали... о месте... где я могу видеть семью и друзей...

Когда боль ненадолго ослабела, они немного поговорили в машине. И Орел, и Николь знали без всяких слов, что следующий приступ будет для нее последним.

Они вступили внутрь другого экспозиционного района Модуля Познания. Этот небольшой зал был идеально круглым; на полу было выделено место, чтобы Орел мог встать возле коляски Николь. Расположившись там, они стали смотреть, как человекоподобные фигуры начали воспроизводить события взрослой жизни Николь на шести отдельных сценах, что были перед ними. Сходство воспроизведения было удивительным. И друзья, и семья Николь выглядели такими, какими они были, когда все происходило... а сцены отлично воспроизводили место событий. Кэти лихо катилась на водных лыжах у берега озера Шекспир, она хохотала и махала им с привычным безрассудством. Николь вновь побывала на представлении, которое небольшая труппа на Раме II давала в честь тысячелетия со дня смерти Алиеноры Аквитанской. Увидев четырехлетку Симону, двухлетку Кэти, Ричарда и себя — молодых и энергичных, — Николь не могла сдержать слез.

Я прожила удивительную жизнь, подумала Николь. Она подкатила свое кресло к сцене на Раме II и действие остановилось. Николь нахло-

нилась и подобрала робота МБ, которого сконструировал Ричард, чтобы развлекать девочек. Он весил столько же, сколько и в прошлом.

— Как же вам удастся это делать? — спросила Николь.

— Передовая технология, — ответил Орел. — Не могу ничего объяснить.

— А если я войду в озеро, по которому Кэти катается на лыжах, вода под моими руками будет влажной?

— Конечно.

Держа в руках псевдоробота, Николь выехала со сцены. На ней материализовался новый МБ, и действие продолжилось.

А я уже забыла, Ричард, сказала себе Николь, *эти твои крохотные шедевры...*

Сердце даровало ей еще несколько минут, чтобы насладиться картинками собственной жизни. Николь увидела, как рожала Симону, вновь пережила первую ночь любви с Ричардом после того, как он обнаружил ее в Нью-Йорке, увидела фантастическую толпу существ, приветствовавших их с Ричардом за воротами Изумрудного города.

— А нельзя ли воспроизвести именно то событие моей жизни, которое я пожелаю? — спросила Николь, ощущая внезапную тесноту в груди.

— Если оно случилось после вашего появления на Раме и если я смогу найти его в архивах, — ответил Орел.

Николь охнула: начинался последний приступ.

— Пожалуйста, — сказала она с трудом —

покажи мне мой последний разговор с Ричардом перед последней разлукой...

Осталось недолго, твердил голос в душе Николь. Она стиснула зубы и попыталась сконцентрировать все свое внимание на сцене, разом появившейся перед ней. Псевдо-Ричард объяснял псевдо-Николь, почему именно ему, а не ей следует сопровождать Арчи в Новый Эдем.

— Понимаю, — отвечала псевдо-Николь на сцене.

Понимаю, повторила про себя настоящая Николь. *Это самое важное заявление, которое может сделать любое существо... весь ключ к жизни лежит в понимании... И теперь я понимаю, что я — смертное существо, и время моей смерти пришло.*

Другой приступ нестерпимой боли вынес из памяти старинную латинскую строчку: «*Timor mortis conturbat me...*»*. Но я не буду бояться, потому что я понимаю.

Орел внимательно глядел на нее.

— Я бы хотела увидеть Ричарда и Арчи, — проговорила она, тяжело дыша, — перед концом... В камере... прежде чем пришли биоты.

Я не буду бояться, потому что я понимаю.

— И моих детей, если они могут быть здесь... И Синего Доктора.

В комнате потемнело. Текли секунды. Боль была ужасной. *Я не буду бояться...*

Свет включился снова. Ричард и Арчи находились в своей камере — прямо перед креслом Николь. Она услышала, как биоты открыли дверь...

---

* Страх смерти смущает меня (лат.).

— Пожалуйста, останови, — пробормотала Николь. На сцене слева от Ричарда и Арчи стояли ее дети и Синий Доктор. Николь поднялась на ноги и прошла несколько метров, чтобы оказаться среди них. Слезы текли из ее глаз, когда она в последний раз прикасалась к лицам тех, кого так долго любила.

Стенки ее сердца начали рушиться. Споткнувшись на пороге камеры Ричарда, Николь обняла копию своего мужа.

— Я понимаю, Ричард, — произнесла она, медленно оседая на колени. И, повернув лицо к Орлу, сказала с улыбкой:

— Я понимаю.

Понимание — вот истинное счастье, подумала она.

Оглавление

Пролог	5
Побег	13
Радужная родня	174
Изумрудный город	280
Война на Раме	449
Возвращение в Узел	583

Литературно-художественное издание
Зарубежная фантастика

Артур Кларк, Джентри Ли
Рама явленный

Заведующий редакцией А. А. Кирюшкин
Ведущий редактор С. К. Оганесян
Художник К. А. Сошинская
Художественный редактор Ю. Л. Максимов
Технический редактор Е. В. Денюкова

Оригинал-макет подготовлен С. А. Янковой
в пакете Ventura Publisher в редакции АИП
издательства «Мир»

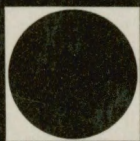
ИБ № 8533
Лицензия Л. Р. № 010174 от 22.01.92 г.

Подписано к печати 13.12.95. Формат 70 × 100¹/₃₂.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Объем бум. л. 12,00. Усл. печ. л. 31,20.
Усл. кр.-отт. 31,78. Уч. изд. л. 30,42. Изд. № 9/9399.
Тираж 15 000 экз. Зак. 2 .С103.

Издательство «Мир» Комитета Российской Федерации
по печати. 129820, ГСП, Москва, 1-й Рижский пер., 2.

Можайский полиграфкомбинат Комитета Российской
Федерации по печати. 143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Зарубежная

фантастика

Артур Кларк
Джентри Ли
РАМА ЯВЛЕННЫЙ

Издательство «Мир»

